

ГРАММАТИКА

РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

*Сборник статей к юбилею
профессора Виктора Юрьевича Копрова*

НАУКА-ЮНИПРЕСС
Воронеж • 2011

ББК 81.2-2.

Г 76

Редакционная коллегия:

Лебедева А.Л., Козюра Т.Н., Сушкова И.М.,
Колбешкина В.Б., Саввина С.Л.

Г76 Грамматика разноструктурных языков: сборник научных статей к юбилею профессора Виктора Юрьевича Копрова. – Воронеж: Изд-во «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2011. – 471 с.

ISBN 978-5-4292-0020-0

Сборник содержит статьи, посвященные юбилею профессора Воронежского государственного университета Виктора Юрьевича Копрова. Рассматриваются теоретические и практические вопросы грамматики разноструктурных языков. Грамматика понимается здесь как языковой уровень, объединяющий единицы всех других уровней языка. Во многих статьях используется развиваемый в работах юбиляра семантико-функциональный сопоставительный подход к изучению и преподаванию грамматики.

Предназначается для лингвистов, специалистов по межкультурной коммуникации, преподавателей языков как иностранных, переводчиков, аспирантов языковых факультетов вузов России и зарубежных стран.

ISBN 978-5-4292-0020-0

© Коллектив авторов, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

9 сентября 2011 года исполняется 60 лет доктору филологических наук, профессору, заведующему кафедрой русского языка для иностранных учащихся основных факультетов Воронежского государственного университета Виктору Юрьевичу Копрову.

К этой знаменательной дате ученики и коллеги Виктора Юрьевича подготовили сборник статей, в котором приняли участие многие ведущие отечественные и зарубежные специалисты, занимающиеся теорией грамматики (грамматика здесь понимается в широком смысле как языковой уровень, объединяющий единицы всех традиционно выделяемых уровней языка), сопоставительными исследованиями разноструктурных языков, преподаванием языков как иностранных, проблемами межкультурной коммуникации и перевода.

В сборник представили свои работы ученые из вузов 13 городов России (Архангельска, Белгорода, Борисоглебска, Воронежа, Ельца, Краснодара, Липецка, Москвы, Перми, Санкт-Петербурга, Самары, Твери, Уфы), а также из ряда зарубежных стран (Беларуси, Болгарии, Венгрии, Вьетнама, Китайской Народной Республики, Польши). Конечно, круг коллег, с которыми Виктор Юрьевич поддерживает тесные творческие, деловые и дружеские отношения, гораздо шире авторского коллектива сборника, но редколлегия и сам юбиляр хотели, по возможности, избежать свойственной многим юбилейным изданиям пестроты и разнородности публикуемого материала. В связи с этим сборник изначально был заявлен как тематический.

Из 67 статей, вошедших в настоящее издание, подавляющее большинство посвящено описанию грамматических систем и подсистем разноструктурных языков (русского, английского, немецкого, французского, испанского, итальянского, китайского, вьетнамского, болгарского, венгерского, польского, башкирского). Многие статьи представляют собой сопоставительные исследования, выполненные в русле развиваемого В.Ю. Копровым семантико-функционального подхода. В ряде публикаций в тесной связи с

грамматикой рассматриваются вопросы лексикологии, фразеологии, словообразования и фонологии.

В книгу включены и традиционные для такого рода изданий разделы: «Слово о юбиляре», «Автобиографические заметки», «Хронологический список публикаций Виктора Юрьевича Копрова» и обзорная статья А.Л. Лебедевой по основным понятиям и положениям концепции семантико-функциональной сопоставительной грамматики разноструктурных языков профессора В.Ю. Копрова.

Надеемся, что сборник сохранит свою актуальность и научно-методическую значимость и после празднования юбилея В.Ю. Копрова – как издание, содержащее в себе целый комплекс новейших идей и подходов к изучению и преподаванию грамматики языков, наиболее востребованных в современном мире.

Редакционная коллегия

СЛОВО О ЮБИЛЯРЕ

Виктор Юрьевич Копров – известный ученый-лингвист, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка для иностранных учащихся основных факультетов Воронежского государственного университета отмечает свое 60-летие.

В 1968 году Виктор Юрьевич с серебряной медалью окончил школу № 9 г. Воронежа и поступил в Воронежский государственный университет, с которым оказалась связанной практически вся его трудовая деятельность.

В 1973 году Виктор Юрьевич с отличием окончил английское отделение факультета романо-германской филологии ВГУ. После службы в армии и непродолжительной работы переводчиком в 1977 году он стал преподавателем кафедры русского языка для иностранных учащихся основных факультетов ВГУ. На этой кафедре Виктор Юрьевич последовательно прошел все ступени научно-педагогической лестницы.

В 1980 году досрочно окончил аспирантуру при кафедре общего языкознания и стилистики ВГУ и защитил кандидатскую диссертацию (научный руководитель – профессор З.Д. Попова). В том же году Виктор Юрьевич был переведен на должность старшего преподавателя кафедры и назначен заместителем декана по работе с иностранными учащимися ВГУ. В 1984 году Виктор Юрьевич первым из преподавателей кафедры получил научное звание доцента.

В 1984-1987 годах В.Ю. Копров работал методистом Филиала Института русского языка им. А.С. Пушкина при Доме советской науки и культуры в Будапеште.

После возвращения домой Виктор Юрьевич много лет руководил научно-методической работой кафедры. В 1999 году он защитил докторскую диссертацию (научный консультант – профессор З.Д. Попова). В 2002 году Виктору Юрьевичу было присвоено звание профессора, а в следующем году он был избран на должность заведующего нашей кафедрой. Под руководством Виктора Юрьевича кафедра регулярно занимает верхние строчки в рейтинге невыпускающих кафедр ВГУ.

Виктор Юрьевич удачно совмещает организационную и учебную работу с плодотворной научно-методической деятельностью. Работая в составе Воронежской теоретико-лингвистической школы, основанной профессором З.Д. Поповой, он сформировал свое научное направление: «Семантико-функциональная сопоставительная

грамматика разноструктурных языков», в рамках которого изданы уже 4 монографии и защищены 4 кандидатские диссертации.

Основные положения развиваемой В.Ю. Копровым концепции изложены в 178 статьях, опубликованных в сборниках вузов Белгорода, Воронежа, Ельца, Иваново, Казани, Калуги, Курска, Ленинграда / Санкт-Петербурга, Липецка, Москвы, Орла, Перми, Свердловска / Екатеринбурга, Тамбова, Твери, Томска, Тулы, Уфы, за рубежом (в Венгрии, Беларуси, Болгарии, КНР, на Украине), в журналах «Русский язык за рубежом», «Мир русского слова», «Вопросы когнитивной лингвистики», а также размещенных на сайтах в Интернете. Виктор Юрьевич прочитал около двухсот докладов на конференциях, симпозиумах и конгрессах, что сделало его научные и методические идеи хорошо известными специалистам.

Виктор Юрьевич активно разрабатывает лингвистические основы преподавания русского и английского языков как иностранных, вопросы теории и практики перевода. Много времени и сил отдает созданию и внедрению в учебный процесс новаторских курсов и спецкурсов, среди которых: «Системно-описательная практическая грамматика русского языка как иностранного», «Русский язык в зеркале родного языка иностранных учащихся», «Трудные вопросы русского синтаксиса в семантико-функциональном освещении», «Основы теории английского языка (в зеркале русского)», «Вариантные формы в русском языке: лексика, грамматика, стилистика», «Практический курс перевода (английский язык → русский язык)», «Русский язык для делового общения», «Методика преподавания русского языка как иностранного» и другие. По читаемым курсам Виктор Юрьевич создал 4 учебных пособия и более тридцати методических разработок и программ.

В.Ю. Копров входит в состав двух активно действующих докторских диссертационных советов: Д 212.038.07 (русский язык, теория языка) и Д 212.038.16 (романские языки, германские языки) при ВГУ. Он является членом Российской ассоциации преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ), входит в редколлегию ежегодного сборника статей по проблемам обучения иностранных учащихся «Поиск. Опыт. Мастерство» (ИМО ВГУ).

Информация о профессоре В.Ю. Копрове включена в следующие издания: Воронежская историко-культурная энциклопедия. Под общей редакцией О.Г. Ласунского. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края. 2006. – 520 с. – С. 201-202; Кто есть кто: профессора / доктора наук Воронежского государственного университета. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронеж. гос. ун-та, 2008. – 354 с. – С. 335; "Who is who": Professors /

Doctors of Science of Voronezh State University. – Voronezh: Voronezh State University, 2003. – 244 p. – P. 91.

Для нас Виктор Юрьевич – непререкаемый научный авторитет, уважаемый и любимый Учитель, образец принципиальности, твердой жизненной позиции, творческого отношения к профессии.

Виктор Юрьевич не только талантливый ученый, опытный педагог, требовательный к себе и другим руководитель, он – «мастер на все руки», грамотный пользователь компьютерной техники, тонкий знаток классической музыки, вдохновитель и неперенный участник всех кафедральных праздников.

В современной лингвистике и методике преподавания языков как иностранных есть еще много спорных и нерешенных вопросов, требующих продолжения напряженного научного поиска и творческого применения его результатов на практике.

Уважаемый Виктор Юрьевич!

В связи с юбилеем желаем Вам неиссякаемой энергии, крепкого здоровья, семейного благополучия, новых научных достижений, способных учеников, много света, добра и тепла!

Спасибо Вам, дорогой Учитель, за то, что Вы открыли нам, своим ученикам, дверь в захватывающий и безграничный мир НАУКИ, за Вашу надежную руку, которая помогает нам уверенно идти по дороге жизни!

Ваши ученики, коллеги, друзья

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

В юбилейных сборниках принято, чтобы юбиляр рассказывал о себе, о своем пути в профессию. Не будем отходить от этой хорошей традиции.

Я родился 9 сентября 1951 года в городе Полоцк Витебской области Белорусской ССР в семье военнослужащего.

Мой отец, Копров Юрий Дмитриевич (1923-1998), с детства мечтал об авиации. Окончив семилетнюю школу, он поступил в Липецкий аэроклуб, а после его окончания – в школу военных летчиков. Уже шла Великая Отечественная война, и сержант Копров был направлен защищать Заполярье в качестве летчика полка ночных бомбардировщиков. Много летал на бомбежку войск противника, на разведку, вывозил в тыл раненых. Награжден боевым орденом «Красной звезды», медалями «За боевые заслуги» и «За оборону Заполярья». За всю войну не был ни разу сбит или ранен. После освобождения Заполярья старший лейтенант Копров был направлен на переучивание на самолет-штурмовик, но, пока длилась учеба, наступил День Победы. В самом конце войны мой отец познакомился с мамой, Валентиной Никифоровной (1927-2007). В мае 1946 года у них родилась дочь Татьяна, а спустя пять лет появился я. Моим родителям удалось создать идеальную семью, и свою «золотую свадьбу» они отмечали в широком кругу детей, внуков и близких.

Поскольку после войны отец продолжал летать, семья путешествовала по всему Советскому Союзу, но я хорошо запомнил только нашу жизнь в военном городке под Оршей, где базировалась дивизия дальних бомбардировщиков. Можно сказать, что моя сознательная жизнь началась под мощный гул двигателей и турбин ракетноосцев, способных нанести ответный удар по территории любого агрессора. Я тоже мечтал стать летчиком, но, когда пошел в школу, оказалось, что мне необходимо постоянно носить очки, и с этой мечтой пришлось проститься. Однако уважение к армии, понимание ее роли в обеспечении независимой и мирной жизни страны осталось со мной на всю жизнь. Забегая вперед, скажу, что мне все-таки удалось поносить такую же, как у отца, форму, побывать на военных аэродромах, я даже неоднократно поднимался в воздух в качестве командира десантно-штурмовых групп.

Учиться я пошел в белорусскую школу, но с преподаванием предметов на русском языке, поэтому успел усвоить только немного белорусских слов. В 1960 году Н. Хрущев инициировал фактическое уничтожение стратегической авиации, и мой отец был вынужден уйти

в запас в звании майора. В качестве места жительства семьи был выбран Воронеж, и в третий класс я пошел в среднюю школу № 9. Учиться мне всегда нравилось, поэтому школьные годы я вспоминаю с удовольствием. Как правило, и в четверти, и в году у меня бывало не больше одной-двух четверок, и то потому, что я никогда не стремился быть «круглым отличником». Я любил все предметы, кроме, как ни странно, русского языка. Как потом понял, дело было в учительнице, которая преподавала крайне формально и сухо.

Интерес к изучению языков проявился у меня еще в младших классах. Как-то летом мне попал в руки школьный учебник немецкого языка, и мне очень захотелось научиться читать незнакомые слова. За время каникул я справился с этой задачей и решил продолжить изучение немецкого языка. Но проучился я в «немецком» классе всего полгода: его поделили на немецкую и английскую группы, и я попал в английскую. Этот язык мне тоже понравился, я стал заниматься самостоятельно, намного опережая программу. Уже в восьмом классе мог свободно читать неадаптированную литературу и английскую газету “The Morning Star”. В десятом классе я был вообще освобожден от посещения уроков по английскому языку и много времени отдавал углубленному изучению математики (наш класс тогда называли математическим). Я никак не мог выбрать профиль своей дальнейшей учебы – физико-математический или гуманитарный, поскольку еще с третьего класса меня очень увлекла радиоэлектроника (это увлечение сохранилось на всю жизнь).

Получив серебряную медаль и победив на городской олимпиаде по английскому языку, я поступил на английское отделение факультета романо-германской филологии. В одной группе со мной училась девушка Наташа, с которой мы после окончания университета поженились. Сразу скажу, что мы и сейчас вместе; у нас двое детей (Оля и Дима), есть уже две внучки (Саша и Алена).

Мои научные интересы определились еще на третьем курсе. В то время все специальные предметы у нас читались на английском языке, и больше всего мне нравилась теоретическая грамматика, которую вела доцент Юлия Вячеславовна Ушакова. У нее я и стал писать курсовую работу, которая потом переросла в дипломную: «Синонимия причинно-следственных конструкций в английском языке». Юлия Вячеславовна тогда общалась с заведующим кафедрой русского языка филологического факультета профессором Игорем Павловичем Распоповым, и через нее я получил возможность ознакомиться с новаторскими грамматическими идеями известного ученого. По материалам дипломной работы совместно с Ю.В. Ушаковой была написана статья – моя первая научная публикация (вышла в 1974

году). Учился я легко, с интересом, поэтому получил «красный диплом» и рекомендацию в аспирантуру.

Но в это время (1973 год) осложнилась международная обстановка на Дальнем Востоке страны, и меня, как многих выпускников университета, окончивших военную кафедру, призвали в армию. К службе в армии я был морально и физически готов, военную кафедру окончил с отличием. Вот так я на два года оказался командиром взвода десантно-штурмовой бригады, которая тогда дислоцировалась в Амурской области на железнодорожной станции Магдагачи. Служить мне нравилось, хотя и было тяжело: все время многодневные учения в тайге, где зимой до -45, а летом – до +35; регулярные дневные и ночные стрельбы (готовили нас хорошо, боеприпасов не жалели), пятидесятикилометровые марш-броски, десантирование с вертолетов и т.д. Я гордился тем, что, как и отец, носил офицерскую форму с голубыми просветами и петлицами, часто летал и, как в детстве, дышал воздухом с запахом авиационного керосина. В общем, прошел хорошую школу жизни, необходимую любому настоящему мужчине.

Своих планов – поступить после службы в аспирантуру – я не менял, поэтому и там продолжал читать литературу по лингвистике, книги на английском языке, собирал фактический материал для будущей диссертации. При любой возможности старался расширить знания по второму – французскому – языку (потом сдал по нему экзамен кандидатского минимума).

Из-за Берлинского кризиса 1975 года нашу демобилизацию задержали, и в Воронеж мы с женой вернулись, когда поступать в аспирантуру было уже поздно, поэтому я пошел работать переводчиком в Специальное конструкторское бюро прессов и прикрепился к кафедре английского языка в качестве соискателя. Наша совместная работа с доцентом Ю.В. Ушаковой продолжилась. После сдачи экзаменов по французскому языку и философии вновь встал вопрос о поступлении в аспирантуру. Предполагалось, что я продолжу исследовать английский синтаксис в русле идей И.П. Распопова, но он в тот момент оказался перегружен аспирантами и соискателями, и в отделе аспирантуры мне посоветовали обратиться к профессору З.Д. Поповой. Зинаида Даниловна, посмотрев мои диссертационные материалы, сказала, что согласна принять меня, но направление исследований придется сменить. Тогда только начал развиваться семантический синтаксис, и моя тема должна была быть связана с типологией предложения русского и английского языков. Так русский язык попал в сферу моих интересов, чтобы уже никогда не уходить из нее.

Я поступил в заочную аспирантуру по специальности «общее языкознание» при кафедре общего языкознания и стилистики филологического факультета ВГУ и с энтузиазмом начал работать над новой темой. В 1977 году я был избран по конкурсу на должность преподавателя кафедры русского языка для иностранных учащихся основных факультетов ВГУ, где и работаю по настоящее время, последовательно пройдя все ступени – преподавателя, старшего преподавателя, доцента, профессора, заведующего кафедрой. Когда работа над диссертацией была почти закончена, выяснилось, что в связи с реформированием диссертационного совета защищаться мне придется по специальности «русский язык». Так весь материал, собранный по английскому синтаксису, оказался не востребован, но, правда, не навсегда.

В июне 1980 года состоялась защита, а уже в августе я вышел на работу в должности старшего преподавателя кафедры и заместителя декана по учебной работе с иностранными учащимися ВГУ (на общественных началах). Работа в деканате занимала не только все оставшееся от занятий время, но и вечера, праздничные и выходные дни (кто знаком с этой деятельностью, тот поймет, о чем я говорю). К тому же, у нас на руках была годовалая дочь, а обе бабушки еще работали. Научные занятия по своей перспективной теме я все-таки старался продолжить, использовал полученные результаты в обучении английских стажеров, готовил учебно-методические разработки.

После присвоения мне звания доцента в 1984 году меня вместе с семьей командировали на три года в Будапешт, в Филиал Института русского языка имени А.С. Пушкина, где я заведовал сразу двумя секторами – кафедр русского языка венгерских университетов и заочного повышения квалификации преподавателей. Этот период был очень плодотворным во всех отношениях: я установил творческие контакты со всеми кафедрами, с их заведующими и ведущими преподавателями, много ездил по стране с лекциями, сопровождал приглашенных советских специалистов, организовывал конференции, публиковал свои статьи в венгерских сборниках. Одним из приглашенных специалистов был профессор Владимир Григорьевич Гак, которому я показал свои наработки по докторской диссертации. Владимир Григорьевич одобрил тему (семантико-функциональный синтаксис), дал несколько советов и высказал желание скорее увидеть работу в законченном виде. Однако в силу ряда обстоятельств, о некоторых из которых я скажу позже, диссертация была представлена для оппонирования В.Г. Гаку только спустя много лет.

Живя в Венгрии со всей семьей (там у нас дочь пошла в школу, родился сын) и много путешествуя по стране, я понял, что без знания

венгерского языка не обойтись. В процессе самостоятельно изучения языка я особенно заинтересовался его грамматикой и включил агглютинативный венгерский язык в круг сопоставляемых в диссертации языков.

Вернувшись осенью 1987 года домой, я с энтузиазмом приступил к работе над текстом диссертации, но в стране уже вовсю бушевала «перестройка», потом произошел распад Советского Союза, полетела в пропасть экономика, «бюджетникам» практически перестали платить зарплату, и главной задачей стало простое выживание нашей семьи. Работа «на износ» и поддержка со стороны моих родителей помогли нам пережить, как сейчас говорят, «лихие» 90-е годы. Однако было не до серьезных научных исследований, только в редкие моменты кое-что писалось «в стол», поэтому в хронологическом списке моих публикаций есть пробел.

Только в 1997 году я смог, наконец, возобновить работу над диссертацией. С большим трудом «выбил» из администрации деньги на издание монографии по диссертации, и в июне 1999 года состоялась ее защита. В качестве ведущей организации выступил отдел теории грамматики Института лингвистических исследований РАН (руководитель – член-корр. РАН Александр Владимирович Бондарко), а одним из оппонентов был утвержден профессор Владимир Григорьевич Гак. Успешная защита придала мне новые силы, я стал много публиковаться, участвовать в конференциях, разработал несколько учебных пособий и через три года стал профессором. Вскоре освободилась должность заведующего кафедрой, на которой я работал все это время, и меня избрали ее заведующим.

В последние годы к нам вновь стали приходить молодые люди, желающие преподавать и заниматься наукой. Сейчас на кафедре уже работают несколько моих учеников. Постоянно расширяются и укрепляются творческие связи кафедры с «родственными» кафедрами ведущих университетов страны и зарубежья, о чем свидетельствует и представительный состав авторов этого сборника.

Надеюсь на продолжение нашей совместной работы! Заходите на мой новый сайт (URL: <http://koprov.ru>), пишите мне (e-mail: koprov@mail.ru).

*Искренне ваши,
В.Ю. Копров*

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ВИКТОРА ЮРЬЕВИЧА КОПРОВА

1974

1. Синонимия синтаксических средств выражения причинно-следственных отношений в современном английском языке // Теория и практика обучения иностранным языкам в высшей школе (неязыковые факультеты). – Воронеж: ВГУ, 1974. – С. 55-64 (в соавторстве с Ю.В. Ушаковой).

1977

2. Синонимия синтаксических конструкций, выражающих причинно-следственные отношения в современном английском языке: Учебно-методическая разработка для студентов. – Воронеж: ВГУ, 1977. – 24 с. (в соавторстве с Ю.В. Ушаковой).

1978

3. Синонимия синтаксических конструкций, выражающих временные отношения в современном английском языке: Учебно-методическая разработка для студентов. – Воронеж: ВГУ, 1978. – 28 с. (в соавторстве с Ю.В. Ушаковой).

1979

4. К проблеме системного изучения семантики простого предложения. (На материале парадигмы предложения с глаголом физического действия) // Тез. докладов зонального координационного совещания преподавателей кафедр русского языка по проблеме «Системные отношения и сочетаемость единиц на разных уровнях языка». – Орел, 1979. – С. 72.

5. О динамическом моделировании простого повествовательного предложения с глагольным сказуемым // Русский синтаксис. Изв. ВГПИИ, Т. 203. – Воронеж, 1979. – С. 43-47.

6. Структура общей семантики предложений с глаголами физического действия. – Воронеж, 1979. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР, № 4788. – 9 с.

1980

7. К изучению безличного предложения с глаголом физического действия в англоязычной аудитории // Русский язык как иностранный. Отбор и организация учебного материала. – Воронеж, 1980. – С. 72-77.

8. Функционально-семантическое описание русских простых предложений с переходными глаголами физического действия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1980. – 23 с.

1981

9. К проблеме сопоставительного исследования некоторых типов простого предложения с глаголом физического действия в русском и английском языках // Семантические категории сопоставительного изучения русского языка. – Воронеж, 1981. – С. 171-175.

10. О компонентном анализе смысла простого повествовательного предложения с глагольным сказуемым // Исследования по семантике. Лексическая и синтаксическая семантика. – Уфа, 1981. – С. 115-120.

1982

11. Выражение субъектно-объектных отношений в современном русском языке: Методическая разработка для занятий по грамматике с иностранными учащимися. – Воронеж: ВГУ, 1982. – 32 с.

1983

12. Выражение отношений обладания и принадлежности в современном русском языке: Методическая разработка для занятий по грамматике с иностранными учащимися. – Воронеж: ВГУ, 1983. – 24 с.

13. О компонентном анализе семантики простого предложения // Лингвистические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. – Воронеж, 1983. – С. 121-126.

14. Опыт компонентного анализа семантико-синтаксической организации простого предложения // Лингвистический анализ в школе и вузе. – Воронеж, 1983. – С. 111-116.

1984

15. Взаимодействие лексических и синтаксических значений в семантической структуре предложения // Семантические процессы в системе языка. – Воронеж, 1984. – С. 104-111 (в соавторстве с Логвиновой В.В.).

1985

16. Заочные курсы повышения квалификации преподавателей русского языка в ИРЯ им. А.С. Пушкина // Idegen nyelvek tanítása, 1985, 4. – Old. 112-114 (в соавторстве с Берта Л.).

1986

17. О выделении синтаксически значимых разрядов слов // Studia Russica. X. – Budapest, 1986. – Old. 77-94.

18. Глава 5. Межязыковая общность в сфере синтаксической семантики // Семантическая общность национальных языковых систем. – Воронеж, 1986. – С. 143-147.

19. Грамматическая стилистика в обучении русскому языку студентов-филологов // Шестой конгресс международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ). Секция 3.

Функционирование современного русского языка и опыт преподавания. Сб. тез. – Будапешт, 1986. – С. 108 (в соавторстве с Силади Ш.).

20. «Дни русистики» и конференция «Славистика IV» // Русский язык за рубежом. 1986. 5. – С. 117-118 (в соавторстве с Леваи Б.).

21. О некоторых синтактико-стилистических особенностях научного текста // *Lingua*. 808. 2. Язык и текст. – Будапешт, 1986. – С. 15-22.

22. Функционально-семантический подход к языку в практике преподавания русского языка как иностранного // *Folia practico-linguistica*. XVI. 2. Az orosz nyelv a szakmai felsőoktatásban. – Budapest: Budapesti Műszaki Egyetem, 1986. – Old. 36-61.

23. Вопросы синтаксической синонимии в современной советской и венгерской русистике // Вопросы изучения и преподавания русского языка и литературы в ВНР. Часть 1. Русский язык и методика его преподавания. – Будапешт, 1986. – С. 107-120 (в соавторстве с Собослаи И.).

24. Теория и практика изучения категории залога в венгерской аудитории // Вопросы изучения и преподавания русского языка и литературы в ВНР. Часть 1. Русский язык и методика его преподавания. – Будапешт, 1986. – С. 145-156.

1987

25. О путях повышения эффективности занятий по грамматике в группах иностранных стажеров // Краткосрочное обучение русскому языку иностранцев. Аспекты работы. – Л., 1987. – С. 94-100.

1988

26. Всевенгерская конференция преподавателей вузов // Русский язык за рубежом. 1988. 3. – С. 121.

27. Ситуативный аспект семантико-синтаксической организации предложения как основа сопоставления языков // *Lingua*. 808. 2. Межкультурная коммуникация. – Будапешт, 1988. – С. 51-63.

28. Компонентный анализ семантико-синтаксической организации предложения в преподавании русского языка как иностранного // Семантика в преподавании русского языка как иностранного. Выпуск 2. – Харьков, 1988. – С. 187.

1989

29. О модели функционально-семантической грамматики русского языка // *Studia Russica*. XIII. – Budapest, 1989. – С. 19-32.

30. Аспекты семантико-синтаксической организации русского простого предложения // Функционирование современного русского языка и опыт его преподавания как иностранного. Сб. тез. докладов XIV межвузовской научно-методической конференции преподавателей русского языка как иностранного. – Воронеж, 1989. – С. 39.

1990

31. Части речи как основа семантико-синтаксической классификации простого предложения // Проблемы функционирования и преподавания русского языка как иностранного. Тез. докладов XV межвузовской научно-методической конференции преподавателей русского языка как иностранного. – Воронеж, 1990. – С. 40.

32. Опыт типологии простого предложения с точки зрения категории залога и залоговости // Простое предложение: научный анализ и преподавание в школе и вузе. – Воронеж, 1990. – С. 41-49.

33. Глагол в системе синтактико-семантических типов простого предложения // Глагол в системе языка и речевой деятельности. Тез. докладов науч.-метод. конф. памяти Э.В. Кузнецовой. – Свердловск, 1990.

1991

34. Вопросы грамматической стилистики современного русского языка: Методические указания для занятий со стажерами из США и Великобритании. Вып. 1. – Воронеж: ВГУ, 1991. – 32 с.

35. Синтактико-стилистический аспект простого предложения в научном тексте // Функционально-стилистический аспект различных типов текста: Межвузовский сборник научных трудов. – Пермь, 1991. – С. 113-118 (в соавторстве с Земсковой Л.П.).

37. О принципах анализа семантико-синтаксической организации простого предложения // Синтаксис в школьном и вузовском преподавании. – Иваново, 1991. – С. 80-86.

1992

38. О трех синтактико-семантических классах простого предложения // Лексико-грамматический аспект в обучении русскому языку студентов-иностранцев технических вузов: Тез. докл. межвузовской научно-методической конференции. – Воронеж: ВЛТИ, 1992. – С. 62-64.

39. Вопросы грамматической стилистики и перевода: Методические указания для занятий по русскому языку со стажерами из Великобритании и США. Вып. 2. – Воронеж: ВГУ, 1992. – 16 с.

40. К проблеме типологии русского простого предложения // Единицы разных уровней языка и закономерности их реализации. – Воронеж, 1992. Рукопись деп. в ИНИОН РАН 10.08.92, № 46906. – С. 20-33.

1993

41. Русский язык для делового общения: Пособие для иностранцев. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. – 120 с. (в соавторстве с Земсковой Л.П., Рыбачевой Л.В.).

1998

42. Многоаспектный анализ предложения в сопоставительной типологии // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе. Материалы XIII Тверской межвузовской конференции ученых-филологов и школьных учителей. Лингвистика. – Тверь, 1998. – С. 88-89.

43. Части речи и типы простого предложения // Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития. Часть. 1. Материалы Первой международной школы-семинара по когнитивной лингвистике. 26-30 мая 1998. – Тамбов: ТГУ, 1998. – С. 136-138.

44. Части речи в сопоставительной типологии простого предложения русского, английского и венгерского языков // Язык и национальное сознание. Материалы региональной научно-теоретической конференции, посвященной 25-летию кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского ун-та. 16-17 июня 1998. – Воронеж, 1998. – С. 124-133.

45. О лингвистических основах создания методической разработки по синтаксису простого предложения // Поиск. Опыт. Мастерство. Актуальные вопросы обучения иностранных студентов: Материалы научно-методической конф. «Предвузовская подготовка иностранных граждан и перспективы ее совершенствования в условиях реформы высшей школы». Часть 1. – Воронеж: ВГУ, 1998. – С. 92-97.

1999

46. Категория определенности / неопределенности объекта в сопоставительной типологии языков // Иностранные языки в современной социокультурной ситуации. (Описание. Преподавание). – Воронеж, 1999. – С. 64-71.

47. Понятийная категория бытийности в типологии простого предложения // Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки. – Воронеж, 1999. № 2. – С. 154-170.

48. Аспекты сопоставительной типологии простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков). – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1999. – 160 с.

49. Концепции предикативного и информативного минимума в синтаксисе простого предложения // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект. Выпуск II. – Тамбов, 1999. – С. 13-18 (в соавторстве с Земсковой Л.П.).

50. Номинативный аспект структурно-семантического устройства простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 1999. – 38 с.

51. Типология русского простого предложения в номинативном аспекте его устройства // Поиск. Опыт. Мастерство. Актуальные вопросы обучения иностранных студентов. Вып. 3. – Воронеж, 1999. – С. 108-116.

2000

52. Синонимия в номинативном аспекте устройства предложения // Актуальные проблемы подготовки национальных кадров для зарубежных стран. Материалы научно-практической конференции, посвященной 20-летию подготовительного ф-та. Белгород, 26-28 апреля 2000 г. – Белгород, 2000. – С. 66-67.

53. Синтаксическая синонимия в межъязыковой коммуникации // Роль языка и литературы в мировом сообществе. – Тула: ТГУ, 2000.

54. Сопоставительная типология предложения. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2000. – 192 с.

55. О концепте «существование» в типологии предложения // Материалы Второй международной школы-семинара по когнитивной лингвистике. Часть 2. – Тамбов, 2000. – С. 117-120 (в соавторстве с Земсковой Л.П.).

56. Русское простое предложение в сопоставлении с английским и венгерским: Методические указания к курсу лекций для иностранных студентов, стажеров и аспирантов. – Воронеж: ВГУ, 2000. – 48 с.

2001

57. Личность / безличность как идиоэтническая грамматическая категория русского языка // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка на рубеже XX-XXI в.в. – Воронеж, 2001. – С. 47-49.

58. Подлежащность / бесподлежащность и личность / безличность в русском, английском, французском и венгерском языках // Иностранные языки в объединяющемся мире: описание, преподавание, овладение. Тез. второй региональной конференции. Часть 1. – Курск, 2001. – С. 12-14.

59. Категория личности / безличности в типологии простого предложения // Поиск. Опыт. Мастерство. Актуальные вопросы обучения иностранных студентов. Вып. 4. – Воронеж, 2001. – С. 77-83.

60. Курс перевода в обучении русскому языку как иностранному // Русский язык в современной социокультурной ситуации: Тезисы докладов и сообщений III Всероссийской научно-практической конференции РОПРЯЛ. Часть 2. – Воронеж, 2001. – С. 32-35.

61. Программы учебных курсов для иностранных студентов, стажеров и аспирантов. – Воронеж: ВГУ, 2001. – 62 с. (в соавторстве с Рыбачевой Л.В., Соколовой Ж.Г., Ивановой Л.И. и др.).

62. Перевод в сфере профессиональной коммуникации // Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. Часть 1. – Тамбов, 2001. – С. 92-94.

63. Обучение иностранных учащихся неязыковых факультетов переводу в сфере профессиональной коммуникации // Методические и лингвистические проблемы в обучении иностранному языку.

Межвузовский сборник научно-методических трудов. Вып. 6. – Воронеж: ВВАИИ, 2001. – С. 29-34.

64. Методические указания по грамматике научного стиля для иностранных студентов экономического факультета. – Воронеж: ВГУ, 2001. – 48 с. (в соавторстве с Земсковой Л.П.).

65. Вариантные формы в русском языке: Учебное пособие для занятий с иностранными учащимися. – Воронеж: ВГУ, 2001. – 120 с.

66. Изучение русских посессивных конструкций в англоязычной аудитории // Мир русского слова. – № 4. – 2001. – С. 67-72.

67. Номинативный аспект функционально-семантического описания предложения // Русский язык как иностранный: специфика описания, теория и практика преподавания в России и за рубежом: Тезисы докл. международной конференции (Москва, филол. ф-т МГУ, 4-6 дек. 2001 г.). – М.: МГУ, 2001. – С. 154-156.

2002

68. «Составность» или «актантность»? (О критериях структурно-семантической типологии предложения) // Тезисы докладов международной научно-практической конференции «Новые тенденции в теории и практике преподавания русского языка как иностранного». (Санкт-Петербург, 30-31 мая, 1 июня 2001 г.). – СПб.: РГПУ им. Герцена, 2002. – С. 13-14.

69. Рабочая тетрадь по грамматике научного стиля на занятиях с китайскими студентами-экономистами // Актуальные проблемы подготовки китайских учащихся в вузах РФ: Материалы международной научно-практической конференции 14 марта 2002 г. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 2002. – С. 179-182. (в соавторстве с Земсковой Л.П.).

70. Об изучении вариантов порядка слов русского высказывания в группах китайских студентов // Актуальные проблемы подготовки китайских учащихся в вузах РФ: Материалы международной научно-практической конференции 14 марта 2002 г. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 2002. – С. 83-86.

71. Устройство простого предложения в свете когнитивной лингвистики // Предложение. Текст. Речевое функционирование языковых единиц. Межвузовский сборник научных трудов. – Елец: ЕГУ, 2002. – С. 3-15.

72. О современных концепциях структурно-семантического устройства русского простого предложения // Проблемы русского и общего языкознания. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 1. – Елец: ЕГУ, 2002. – С. 18-27.

73. Концепт «локализация предмета во времени и пространстве» в русском и английском языках // Композиционная семантика: Материалы

третьей Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике, 18-20 сентября 2002. Ч. 2. – Тамбов: ТГУ, 2002. – С. 131-133.

74. Программа курса по переводу для иностранных учащихся-нефилологов. – Воронеж: ИМО ВГУ, 2002. – 24 с. (в соавторстве с Земсковой Л.П., Шкунниковым В.А.).

75. Программа курса «Основы теории русского языка в зеркале изучаемого иностранного языка» для студентов факультетов иностранных языков. – Воронеж: ВГУ, 2002. – 24 с. (в соавторстве с Земсковой Л.П., Топоровой В.М., Корневой В.В.).

76. Грамматическая стилистика в обучении русскому языку как иностранному // Современный учебник русского языка для иностранцев: Теоретические проблемы и прикладные аспекты: Международная научно-практическая конференция: 20-22 ноября 2002 г., Москва, МГУ: Тезисы. – М., 2002. – С. 78-79.

77. Курс «Основы теории русского языка в зеркале иностранного языка» в обучении студентов иностранным языкам // Материалы российской конференции «Профессиональное образование в высшей школе». – Воронеж: ВГАУ, 2002. – С. 109-111.

78. Курс лекций «Основы теории русского языка в зеркале изучаемого иностранного языка» для студентов факультетов иностранных языков // Материалы межвузовской научно-практической конференции «Формирование профессиональной компетентности специалистов в системе непрерывного образования». – Воронеж: ВГПУ, 2002. – С. 112-113 (в соавторстве с Земсковой Л.П.).

79. Национально-культурная специфика языков в синтаксическом концепте «посессивность» // Реальность, язык и сознание. Междунар. межвузовский сб. науч. трудов. Вып. 2. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. – С. 145-152.

80. Подлежащность/ бесподлежащность и личность / безличность в сопоставительной типологии предложения // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж: ВГУ, 2002. – С. 141-151.

81. Учебное пособие «Вариантные формы в русском языке» в обучении русскому языку как иностранному // Поиск. Опыт. Мастерство. Актуальные проблемы обучения иностранных студентов. Сборник статей. Вып. 6. – Воронеж: Воронеж. гос. университет, 2002. – С. 25-32.

82. Лингвометодические основы курса лекций по теории русского языка в зеркале иностранного языка // Поиск. Опыт. Мастерство. Актуальные проблемы обучения иностранных студентов. Сборник статей. Вып. 6. – Воронеж: Воронеж. гос. университет, 2002. – С. 33-41.

83. О месте инфинитивных конструкций в структурно-семантической организации простого предложения // Филологические

записки: Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 18. – Воронеж: Воронежский ун-т, 2002. – С. 157-167.

2003

84. Аспекты семантико-функционального описания устройства предложения // Единицы и категории языка в антропоцентрическом и функционально-коммуникативном освещении: К 75-летию профессора В.В. Щеулина. – Липецк, 2003. – С. 51-63.

85. Обучение основам теории русского языка студентов факультетов иностранных языков // Современное русское языкознание и лингводидактика. Сборник материалов Международной юбилейной научно-практ. конф., посвященной 80-летию академика РАО Н.М. Шанского. – М.: Изд-во МГОУ, 2003. – С. 225-227.

86. Вариантные формы в обучении русскому языку как иностранному // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории: Материалы международной научно-практической конференции 25-27 апреля 2002 года. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – С. 243-246.

87. Категории релятивно-структурного подаспекта устройства предложения разноструктурных языков // Филология и культура: Материалы IV международной научной конференции 16-18 апреля 2003 года. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. – С. 21-22.

88. Русский язык в курсе подготовки специалистов по иностранным языкам // Актуальные проблемы профессионального образования: подходы и перспективы: Материалы всероссийской научно-метод. конф. – Воронеж: Воронеж. ин-т высоких технологий, 2003. – С. 8-9.

89. Семантика и прагматика вариантных форм современного русского языка // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Русский язык и русская речь сегодня: старое – новое – заимствованное. – СПб.: Политехника, 2003. – С. 275-280.

90. Программы учебных курсов для иностранных студентов, стажеров и аспирантов кафедры русского языка для иностранных учащихся основных факультетов ИМО ВГУ. – Воронеж: ИМО ВГУ, 2003. – 70 с. (в соавторстве с Земсковой Л.П., Шкунниковым В.А. и др.).

91. Категория личности / безличности как проявление специфики русской национально-языковой картины мира // Русский язык и его место в современной мировой культуре: Материалы международной научной конференции. – Воронеж: ВГУ, 2003. – С. 112-113.

92. Ситуативно-структурное устройство простого предложения // Предложение. Текст. Речевое функционирование языковых единиц. Межвузовский сб. научных трудов. Вып. 2. – Елец: ЕГУ, 2003. – С. 6-16.

93. Концепт «локализация предмета во времени и пространстве» в

русском и английском языках // II Международные Бодуэновские чтения. Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11-13 декабря 2003 года). Труды и материалы. Т. 2. – Казань: Казанский госуниверситет, 2003. – С. 33-35.

94. О лингвометодических основах преподавания грамматики иностранным учащимся среднего и продвинутого этапов обучения // Поиск. Опыт. Мастерство. Актуальные вопросы обучения иностранных студентов. Сб. статей. Вып. 7. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2003. – С. 22-34.

95. Русские предложения с возвратными глаголами и их соответствия в английском языке // Слово. Грамматика. Речь. Вып. 5: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 128-134.

2004

96. Английская видо-временная система в зеркале русской // Сопоставительные исследования 2004. – Воронеж: Истоки, 2004. – С. 119-124.

97. Предложения пространственной и временной локализации в русском, английском и венгерском языках // Языки и транснациональные проблемы: Материалы I междунар. науч. конференции 22-24 апреля 2004 года. Т. 1. М. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2004. – С. 162-168.

98. Релятивно-структурный аспект организации русского простого предложения // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка. Сб. материалов Международной конф., посвященной 105-летию со дня рождения проф. И.А. Фигуровского. – Елец: ЕГУ им. А.И. Бунина, 2004. – С. 21-31.

99. Особенности функционирования категории определенности / неопределенности субъекта в русских и английских текстах // Текст: проблемы и перспективы: Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного: Материалы III Международной научно-практической конференции. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 129-131.

100. Система лингвистических курсов в обучении русскому языку иностранных стажеров // Международное образование: итоги и перспективы. Материалы Международной научно-практической конф., посв. 50-летию юбилею ЦМО МГУ (22-24 ноября 2004 г.). В трех томах. Т. 1. – М.: Ред. изд. совет МОЦ МГ, 2004. – С. 30-34.

101. Синтаксическая концепция И.П. Распопова и создание семантико-функциональной грамматики русского языка для иностранных учащихся // Поиск. Опыт. Мастерство. Актуальные вопросы обучения иностранных студентов. Сб. статей. Вып. 8. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. – С. 128-139.

102. Семантико-функциональный подход к преподаванию русской грамматики иностранным учащимся // Русская словесность на рубеже веков: методология и методика преподавания русского языка. Материалы российской конф., посвященной 80-летию со дня рождения проф. И.П. Распопова (Воронеж, 26-27 января 2005 г.). – Воронеж: ВГУ, 2004. – С. 101-104.

2005

103. Рабочая тетрадь по научному стилю речи для иностранных студентов экономических специальностей // – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005. – 32 с. (в соавторстве с Земсковой Л.П.).

104. Программы учебных курсов для иностранных студентов, стажёров и аспирантов. Кафедра русского языка для иностранных учащихся основных факультетов ВГУ / Науч. ред. В.Ю. Копров. – Воронеж: ИМО ВГУ, 2005. – 62 с.

105. Русский язык как иностранный на нефилологических факультетах ВГУ // Поиск. Опыт. Мастерство: Актуальные вопросы обучения иностранных студентов: Сб. статей. Вып. 9. Материалы межвузовской научно-методической конференции «Международное образование в региональном вузе». Воронеж, 24-25 марта 2005 г. В 2-х частях. Часть 2. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005. – С. 61-67.

106. Грамматическая безличность в русской языковой картине мира // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории: Материалы III Международной научно-практической конференции. РГПУ, 22-24 апреля 2004 г. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. – С. 30-36.

107. Система лингвокультурологических спецкурсов в обучении русскому языку иностранных стажёров // Русистика и современность: Материалы VII Международной научно-практической конференции. РГПУ им. А.И. Герцена, 17-18 сентября 2004 г. Т. 2. Диалог культур в обучении русскому языку и русской словесности. – СПб.: «Сударыня», 2005. – С. 55-60.

108. Семантико-структурные типы русского простого предложения // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 1. – Воронеж: ВГПУ, 2005. – С. 68-74.

109. Личность и безличность в лингвокультурологии и в грамматике разноструктурных языков // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 1. – С. 79-85.

110. Проблемы семантико-функционального моделирования русского предложения // Проблемы русского и общего языкознания. Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 3. – Елец: ЕГУ, 2005. – С. 88-95.

111. Преподавание русского языка иностранным учащимся нефилологических факультетов: ретроспектива и современное состояние // Социокультурные аспекты профессионального обучения: Материалы международной науч. конф., посвящённой 75-летию ВГАСУ / Отв. ред. Л.В. Ковалёва. – Воронеж: ВГАСУ, 2005. – С. 15-17.

112. Содержание учебного процесса с иностранными студентами краткосрочных и включённых форм обучения // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории: Материалы IV международной научно-практической конференции 13-15 апреля 2005 г. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. – С. 105-108.

113. Грамматическая определённости / неопределённость как категория семантических актантов предложения // Слово. Грамматика. Речь. Вып. VII: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. – С. 50-54.

2006

114. Понятийный словарь-справочник А.М. Ломова и современная синтаксическая теория // Русский синтаксис в лингвистике третьего тысячелетия: Материалы международной конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения профессора А.М. Ломова. – Воронеж: ВГПУ, 2006. – С. 14-21.

115. Предложение как номинативная единица языка // Русский синтаксис в лингвистике третьего тысячелетия: Материалы международной конф., посвящённой 70-летию со дня рождения профессора А.М. Ломова. – Воронеж: ВГПУ, 2006. – С. 162-167.

116. К проблеме семантико-структурной типологии простого предложения // XXV Пушкинские чтения. А.С. Пушкин и Россия: язык – литература – культура – методика. Секция 1. Современная русистика: проблемы и перспективы. – М., 2006. – С. 61-65.

117. Одноактантные предложения в русском и английском языках // Сопоставительные исследования 2006. – Воронеж: Истоки, 2006. – С. 156-164.

118. Семантико-структурное устройство предложения как отражение структуры ситуации // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: материалы Международной науч. конференции (Белгород, 11-13 апр. 2006): В 2 ч. / под ред. О.Н. Прохоровой, С.А. Моисеевой. Вып. 9. Ч. 2. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – С. 244-250.

119. Лекционный курс «Основы теории русского языка (в зеркале изучаемого иностранного языка)» и совершенствование процесса подготовки специалистов по переводу и межкультурной коммуникации // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. – С. 116-118.

120. Современная парадигма лингвистических исследований в преподавании грамматики русского языка как иностранного // Язык, литература, ментальность: разнообразие культурных практик: Материалы I Международной научной конференции / Науч. ред. Р.К. Боженкова. – Курск, 2006. – С. 155-161.

121. Предложения локализации в синтаксической концептосфере русского и английского языков // Проблемы русского и общего языкознания: Межвуз. сб. науч. трудов, посвященный 70-летию со дня рождения проф. В.Г. Головина. Вып. 4. – Елец: ЕГУ им. А.И. Бунина, 2006. – С. 18-25.

122. Вариантные формы в русском языке: Учебное пособие для иностранных учащихся продвинутого этапа обучения. 2-е изд., испр. – М.: «Русский язык» Курсы, 2006. – 136 с.

123. Лексико-грамматические разряды существительных и типология агенса // Живое русское слово: Сб. науч. статей в честь юбилея проф. Т.Г. Аркадьевой. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. – С. 48-52.

124. Особенности организации учебного процесса со студентами краткосрочных форм обучения // Поиск. Опыт. Мастерство. Актуальные вопросы обучения иностранных студентов. Сб. статей. Вып. 10. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. – С. 25-34.

125. О некоторых особенностях выражения субъектно-объектных отношений предложениями с глаголами восприятия и умственного действия в русском и французском языках // Научный вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Вып. 1. – Воронеж, 2006. – С. 83-89 (в соавторстве с Козюра Т.Н.).

2007

126. Теоретические проблемы современной лингвистики и преподавание русского языка как иностранного // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ, филологический ф-т, 20-23 марта 2007 г.): Труды и материалы. Составители М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 566-567.

127. Дваактантные вербальные предложения в русском и английском языках // Сопоставительные исследования 2007. – Воронеж: Истоки, 2007. – С.189-199.

128. Лексико-грамматические категории агенса и пациенса // Проблемы русского и общего языкознания: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 5. – Елец, Елецкий гос. ун-т им. А.И. Бунина, 2007. – С. 28-34.

129. Аспекты описания семантико-структурного устройства предложения // Мир русского слова и русское слово в мире: Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ. Варна, 17-23 сентября 2007 г. Т. 1. Новое в семантико-структурном описании современного русского языка. Речевая деятельность: современные аспекты исследования. – Sofia: Heron Press, 2007. – С. 134-141.

130. Вариантные формы в преподавании РКИ и в курсе «Русский язык и культура речи» // Русский язык в современном мире: материалы международной науч. конф.: в 2 ч. / Отв. ред. Л.В. Ковалева. Ч. 1. – Воронеж: Воронеж. гос. арх.-строит. ун-т, 2007. – С. 28-33.

131. Об обучении англоязычных стажеров некоторым особенностям русского порядка слов // Поиск. Опыт. Мастерство. Актуальные вопросы обучения иностранных студентов: сб. статей. Вып. 11. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронеж. гос. ун-та, 2007. – С. 32-42.

132. Спорные вопросы теории и практики преподавания грамматики русского языка как иностранного // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории: Материалы VI международной научно-практической конференции 12-14 апреля 2007 г. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – С. 62-66.

133. Вариантные формы в преподавании русского языка как иностранного и в курсе «Русский язык и культура речи» // Русский язык и культура: проблемы преподавания в вузах Российской Федерации: Материалы научно-практического семинара / Науч. ред. Боженкова Р.К. – Курск, 2007. – С. 97-106.

2008

134. Русский язык для делового общения в иностранной аудитории и в курсе «Культура речи» // Язык делового общения – развитие, обучение, перевод: материалы региональной научно-практической конференции / под ред. Л.И. Зубковой. Воронеж, 18-19 февраля 2008 г. – Воронеж: ИММиФ, 2008. – С. 60-69.

135. Типовое значение и актантная структура предложения // Acta Linguistica. Vol. 2 (2008), 1. С. 3-10. URL: <http://open.slavica.org/index.php/als/article/view/133/146>.

136. Предложения с местоименно-инфинитивным оборотом как проявление закона экономии речевых усилий в синтаксисе русского, венгерского, английского и французского языков // Русский язык: история и современность: сб. науч. трудов. К 80-летию профессора В.В. Щедулина. – Липецк – Елец, 2008. – С. 74-83.

137. Трехактантные предложения в сопоставительной типологии русского и английского языков // Сопоставительные исследования 2008. – Воронеж: Истоки, 2008. – С. 152-157.

138. Синтаксис русского делового языка в сопоставлении с английским // Язык и общество: коммуникация и интеграция: Материалы международной научно-практической конференции (Подольск, 24-25 апреля 2008 г.). – М.: Московский гуманитарный институт, 2008. – С. 70-73.

139. Локативно-посессивные предложения с местоименно-инфинитивным оборотом в русском языке // Проблемы общего и русского языкознания: межвузовский сборник научных трудов, посвященный году русского языка. Вып. 6. – Елец: ЕГУ им. А.И. Бунина, 2008. – С. 22-32.

140. Русский официально-деловой язык: нормы и их изменение в период глобализации // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников: материалы VII Международной научно-методической конференции / Под. ред. О.В. Загоровской. – Воронеж: Научная книга, 2008. – С. 27-33.

141. Русский официально-деловой язык в условиях глобализации // Русский язык и культура в формировании единого социокультурного пространства России. Материалы I конгресса РОПРЯЛ. Санкт-Петербург, 14-18 октября 2008 г. / Под ред. Т.И. Поповой и Е.Е. Юркова. В двух томах. Т. II. – СПб.: Издательский дом «МИРС», 2008. – С. 318-322.

142. Обучение иностранных студентов вариантам согласования слов в словосочетании и предложении // Прикладная филология: идеи, концепции, проекты: Сб. статей VI Международной научно-практ. конф. Ч. 1 / под ред. С.А. Песоцкой, В.В. Максимова. – Томск: Томский политехнический ун-т, 2008. – С. 256-261.

143. Русское официально-деловое общение в период глобализации: национальные традиции и тенденции изменения // Поиск. Опыт. Мастерство. Актуальные вопросы обучения иностранных студентов: сб. статей. Вып. 12. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронеж. гос. ун-та, 2008. – С. 37-46.

144. К проблеме практически ориентированной типологии русского простого предложения // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории: Материалы VII международной научно-практической конференции 24-26 апреля 2008 г. Т. 1. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. – С. 68-74.

145. Проявления скромности в синтаксисе русского делового языка на фоне английского // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории: Материалы VII международной научно-практической конференции 24-26 апреля 2008 г. Т. 1. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. – С. 75-77.

2009

146. Отражение особенностей русского этнокультурного сознания в официально-деловом языке (на фоне американского английского) // Славянские языки и культуры в современном мире: Международный научный симпозиум (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филол. ф-т, 24-26 марта 2009 г.): Труды и материалы / Сост. О.В. Дедова, Л.М. Захаров: Под общим руководством М.Л. Ремневой. – М.: МАКС Пресс, 2009. – С. 34.

147. Категория определенности / неопределенности семантического субъекта в русском и английском языках // Сопоставительные исследования 2009. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2009. – С. 175-180.

148. Определенность / неопределенность субъекта как грамматическая категория русского простого предложения // Слово. Предложение. Текст: Коллективная монография. – Орел: ГОУ ВПО «ОГУ», 2009. – С. 217-221.

149. Семантико-структурная типология русского простого предложения // Теоретические проблемы современного языкознания / под ред. И.А. Стернина, М.А. Стерниной. – Воронеж: «Истоки», 2009. – С. 292-300.

150. Семантико-функциональная типология предложения русского, английского и венгерского языков // Русский язык@Литература@Культура@: актуальные проблемы изучения и преподавания в России и за рубежом: I Международная научно-практическая интернет-конференция: Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова; филол. ф-т; 5-12 октября, 23 ноября-7 декабря 2009 г.: Труды и материалы / Сост. Богомолов А.Н., Дунаева Л.А. – М.: МАКС Пресс, 2010. – С. 607-620.

151. Принципы скромности и вежливости в англоязычной прагмалингвистике // Сб. статей по материалам второй научно-практической конф.: «Язык и общество: коммуникация и интеграция». – Калуга: ООО «Ваш Домъ», 2009. – С. 29-32.

152. Определенность / неопределенность актантов в типологии предложения разноструктурных языков // Проблемы русского и общего языкознания: межвузовский сборник научных трудов, посвященный 70-летию со дня рождения профессора В.И. Казариной. Вып. 7. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2009. – С. 57-66.

153. Особенности проявления принципов скромности и вежливости в русской и английской коммуникации // Поиск. Опыт. Мастерство. Актуальные вопросы обучения иностранных студентов: сб. статей. Вып. 13. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронеж. гос. ун-та, 2009. – С. 29-33.

154. Типологические и национально-культурные особенности грамматики русского и английского делового общения // Язык,

культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории: Материалы VIII Междунар. научно-практ. конф. 25-27 марта 2009 г. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. – С. 34-70.

2010

155. Современная лингвистика и преподавание грамматики русского языка как иностранного // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся: материалы международной научно-методической конференции. – Воронеж: Научная книга, 2010. – С. 36-41.

156. Особенности преподавания грамматики русского языка иностранным учащимся разных форм обучения // Современная методика преподавания русского языка как иностранного: проблемы и их решение. Часть 1. Сб. научно-метод. статей. – М.: Изд-во Правда-Пресс, 2010. – С. 184-189.

157. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.

158. Семантико-функциональная грамматика в коммуникативно ориентированном описании и преподавании русского языка как иностранного // Грамматика III тысячелетия в контексте современного научного знания: XVIII Распоповские чтения: материалы междунар. конф., посвященной 50-летию со дня основания кафедры русского языка филол. ф-та, 85-летию со дня рождения проф. И.П. Распопова, 75-летию со дня рождения проф. А.М. Ломова (Воронеж, 12-14 марта 2010 г.): в 2 ч. Ч. 1. – Воронеж: ВГПУ, 2010. – С. 26-31.

159. Основные положения семантико-функционального сопоставительного синтаксиса разноструктурных языков // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ, филол. ф-т, 20-23 марта 2010 г.): Труды и материалы / Составители М.Л. Ремнева и А.А. Поликарпов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 426-427.

160. Категория залога в русском и английском языках // Сопоставительные исследования 2010. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2010. – С. 197-202.

161. Программы учебных курсов по дисциплине «Русский язык» для иностранных студентов, аспирантов и стажеров / Под ред. В.Ю. Копрова. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2010. – 121 с.

162. Семантико-функциональное поле залоговости в разноструктурных языках // Проблемы русского и общего языкознания. Межвуз. сборник науч. трудов. Вып. 8. – Елец, 2010. – С. 49-59.

163. Теория и практика семантико-функционального синтаксиса разноструктурных языков // Русский язык в диалоге культур: материалы

международной науч. конф.: в 3-х ч. / науч. ред. Л.В. Ковалёва; Воронеж. гос. арх.-строит. ун-т. – Воронеж, 2010. Ч. 1. – С. 54-61.

164. Семантико-функциональный сопоставительный синтаксис в обучении языкам // *Ars grammatica*. Грамматические исследования: тез. докладов 4-й Международной науч. конференции Минск, 2-3 ноября 2010 г. / Минский гос. лингвист. ун-т; редкол.: Б.Г. Богушевич (отв. ред.) [и др.] – Минск: МГЛУ, 2010. – С. 17-19.

165. Семантико-функциональная сопоставительная грамматика в преподавании РКИ // III Международная науч.-практ. интернет-конференция «Русский язык@Литература@Культура: актуальные проблемы изучения и преподавания в России и за рубежом». Секция 4. Проблемы лингводидактического описания и преподавания русской фонетики, лексики, грамматики [Электронный ресурс]. URL: <http://arounderussianforall.ru/conf/report2010.php?ID=27047> (22.11.2010).

166. Системно-описательная и семантико-функциональная сопоставительная грамматика в преподавании РКИ на продвинутом этапе обучения // Поиск. Опыт. Мастерство: актуальные вопросы обучения иностранных студентов: сб. статей. Вып. 14. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронеж. гос. ун-та, 2010. – С. 19-27.

167. Об аспектах синонимии английских причинно-следственных и временных конструкций // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 2. – С. 24-27.

168. Семантико-функциональный сопоставительный синтаксис в коммуникативно-ориентированном преподавании РКИ // Материалы II Конгресса Российского общества преподавателей русского языка и литературы. Санкт-Петербург, 26-28 октября 2010 г. / Под ред. Е.Е. Юркова, Т.И. Поповой, И.М. Вознесенской, А.С. Шатилова. В двух частях. Т. 2. – СПб.: Издательский дом «МИРС», 2010. – С. 17-22.

169. Сопоставительные исследования в семантико-функциональном описании и преподавании грамматика РКИ // Тезисы докладов IV Международной научно-практической конференции «Русский язык как иностранный в современной образовательной и геополитической парадигме». Моск. гос. ун-т, филол. ф-т. 18-19 ноября 2010 г. – М.: МАКС Пресс, 2010. – С. 255-257.

170. Грамматические категории в свете поаспектного подхода к описанию устройства предложения // Когнитивная лингвистика: механизмы и варианты языковой репрезентации. Сборник статей к юбилею профессора Н.А. Кобриной / Под ред. Филимоновой О.Е., Кобриной О.А., Шарাপовой Ю.В. – СПб.: Изд-во «ЛЕМА», 2010. – С. 231-240.

171. Сопоставительный синтаксис русского и английского языков: Учебное пособие. – Воронеж: Изд-во «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2010. – 226 с.

2011 (май)

172. Практически ориентированная модель семантико-функционального синтаксиса разноструктурных языков // Актуальные проблемы методики обучения русскому языку как иностранному в условиях модернизации. Сб. науч.-метод. статей. В 2-х частях. Ч. 1. – М.: Изд-во МПГУ, 2011. – С. 177-183.

173. Введение // Семантико-функциональный сопоставительный синтаксис: Субъектно-объектные отношения // В.Ю. Копров, Т.Н. Козюра, А.Л. Лебедева, О.М. Дедова, И.М. Сушкова; под ред. В.Ю. Копрова. – Воронеж: Изд-во «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2011. – С. 5-12.

174. Семантико-функциональное поле физического воздействия в русском, английском и венгерском языках // Семантико-функциональный сопоставительный синтаксис: Субъектно-объектные отношения // В.Ю. Копров, Т.Н. Козюра, А.Л. Лебедева, О.М. Дедова, И.М. Сушкова; под ред. В.Ю. Копрова. – Воронеж: Изд-во «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2011. – С. 13-62.

175. Посессивность как понятийная и языковая категория // Семантико-функциональный сопоставительный синтаксис: Субъектно-объектные отношения // В.Ю. Копров, Т.Н. Козюра, А.Л. Лебедева, О.М. Дедова, И.М. Сушкова; под ред. В.Ю. Копрова. – Воронеж: Изд-во «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2011. – С. 165-169.

176. Модель семантико-функционального сопоставительного синтаксиса разноструктурных языков // Сопоставительные исследования 2011. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2011. – С. 18-22.

177. Ситуативно-структурный аспект устройства предложения как основа семантико-функционального сопоставительного описания синтаксиса // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе: сб. науч. трудов. Вып. 15 / [под ред. О.В. Загоровской]. – Воронеж: Научная книга, 2011. – С. 26-33.

178. Семантико-функциональный синтаксис в сопоставительном описании и преподавании языков как иностранных // XII Конгресс МАПРЯЛ: Русский язык во времени и пространстве. 10-15 мая 2011 г., Шанхай, КНР / Под ред. Вербицкой Л.А., Лю Лиминя, Юркова Е.Е. – Том 2. – Shanghai: Shanghai foreign language education press, 2011. – С. 532-537.

СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ В.Ю. КОПРОВА

Семантико-функциональная сопоставительная грамматика разноструктурных языков профессора Виктора Юрьевича Копрова представляет собой **практически ориентированную модель** описания систем языков, например, родного и изучаемого. Становление этой модели, как и любой серьезной лингвистической концепции, заняло не одно десятилетие активных научных поисков.

Рассмотрим некоторые узловые моменты и основные положения этой инновационной концепции.

Хронологический список публикаций В.Ю. Копрова свидетельствует, что первые наработки по этой теме были сделаны им еще **в начале 70-х годов** прошлого века под влиянием идей И.П. Распопова и В.Ю. Ушаковой. В качестве предмета исследования тогда выступили простые, осложненные и сложные предложения, выражающие причинные, следственные и временные отношения в английском языке. В центре внимания студента, а затем и соискателя ученой степени В.Ю. Копрова находились **факторы, определяющие выбор** той или иной **синонимической конструкции** в речи (компрессия, спонтанность, модальность, темпоральность, коммуникативная перспектива, стилистическая окрашенность) [Копров, Ушакова 1974; Копров 2010б]. С тех пор интерес исследователя к проблемам синтаксической синонимии никогда не угасал; особенно он возрос в связи с разработкой проблем семантико-функциональной грамматики [Копров 1989].

Пристальное внимание к семантико-структурному устройству и функционированию предложения привело ученого к созданию **методики поаспектного анализа предложения** [Копров 1990; 1991].

Первые результаты в этой сфере были получены Виктором Юрьевичем еще в ходе описания русских простых **предложений с глаголами физического воздействия** и нашли свое отражение в **кандидатской диссертации**, написанной под руководством профессора З.Д. Поповой [Копров 1980].

В дальнейшем состав компонентов описания устройства и функционирования предложения постепенно расширился и уточнялся, составив к концу 90-х годов систему из **семи аспектов**:

- целевого,
- номинативного,
- предикативного,

релятивно-номинативного,
актуализирующего,
эмоционально-экспрессивного,
стилистического.

В качестве основного аспекта, во многом определяющего семантико-структурное устройство предложения того или иного языка, ученым был выдвинут **номинативный аспект**, который, в свою очередь, подразделялся на **номинативно-структурный** и **релятивно-структурный** (категориальный) подаспекты (см. об этом в **первой монографии** исследователя [Копров 1999a]).

Сопоставительному анализу номинативного аспекта устройства предложения **русского, английского и венгерского языков** была посвящена **докторская диссертация** В.Ю. Копрова (научный консультант – З.Д. Попова) [1999б].

Практические потребности обучения иностранным языкам и переводу выдвинули на передний план выявление «механизмов», которые обеспечивают адекватное оформление языковыми средствами отражённых сознанием предметных ситуаций. Исходя из этого в качестве основного подхода к типологии предложений разноструктурных языков В.Ю. Копровым был выбран **ситуативный подход** к предложению.

В противовес господствовавшему тогда положению о предикативном минимуме предложения в качестве критерия определения минимального состава предложения в работах ученого стало использоваться понятие **информативного (номинативного) минимума**.

Ориентация исследований автора на выход в коммуникацию обусловила признание им ведущей роли **синтаксиса** как системы, интегрирующей все другие уровни и единицы языка: здесь оказались очень востребованными идеи о **взаимодействии синтаксиса, морфологии и лексики, о частеречной классификации лексики, лексико-грамматических разрядах слов** и т.д. Из двух основных путей описания синтаксиса – от лексических и морфологических форм как элементов предложения к самому предложению или от предложения к его лексическим и морфологическим составляющим – В.Ю. Копров выбрал второй путь: **от предложения** как многоаспектной единицы к его разноуровневым компонентам.

Основные результаты проведенного исследования нашли отражение во **второй монографии** автора [Копров 2000]. Анализ устройства предложения в ситуативно-структурном подаспекте осуществляется с опорой на три иерархически взаимосвязанных уровня обобщения его семантики:

типовое значение,
инвариантную семантическую структуру,
варианты семантической структуры.

В соответствии с концепцией информативного минимума простого предложения в семантической структуре разграничиваются следующие **обязательные актанты: субъект, объект, адресат и локализатор.**

При семантико-структурной классификации предложений весьма неоднозначный критерий односоставности / двусоставности автор заменил критерием **количества актантов** в семантической структуре предложения, в соответствии с которым все простые предложения подразделяются на одноактантные, дваактантные, трехактантные и четырехактантные.

Была также уточнена система номинативных частей речи и разграничены следующие **частеречные типы предложений:**

номинативный,
адъективный,
нумеративный,
вербальный,
партиципиальный,
деепричастный.

На основе номинативного критерия внутри частей речи выделены **лексико-грамматические разряды слов** и произведена **субкатегоризация** главных семантических актантов – субъекта (антропоним, зооним, агенс-каузатор) и объекта (одушевлённый, неодушевлённый).

В рамках релятивно-структурного подаспекта была исследована понятийная природа, семантика и формы выражения в русском, английском и венгерском языках **грамматических категорий:**

личности / безличности,
залога,
определённости / неопределённости (обобщённости)
семантических актантов.

В ходе анализа были прослежены основные линии взаимодействия указанных категорий в структуре предложения сопоставляемых языков и выявлена иерархия категориально-грамматических признаков актантов: **активность, пассивность, демиактивность; определённость, неопределённость (обобщённость).**

Разрабатывая лингвистические основы обучения языкам как иностранным, В.Ю. Копров много внимания уделяет вопросам **преподавания грамматики** русского языка иностранным учащимся продвинутого этапа обучения (II-III сертификационных уровней).

Ученый предлагает прежде всего четко разграничивать и в теории описания, и в практике преподавания две разновидности грамматики: системно-описательную и семантико-функциональную. И та, и другая требуют сопоставления систем родного и изучаемого языков.

При этом **системно-описательная грамматика** в хронологическом плане должна предшествовать семантико-функциональной, поскольку сначала в процессе научного исследования выявляется номенклатура грамматических единиц обоих языков, описывается их форма (структура) и семантика. На практических занятиях необходимо скорректировать и систематизировать знания, полученные учащимися ранее, на предшествующих этапах обучения. В процессе презентации учебного материала целесообразно учитывать межязыковые сходства и расхождения, уделяя последним особое внимание.

Семантико-функциональная грамматика выявляет особенности функционирования грамматических единиц в составе целых комплексов, категорий и подсистем сопоставляемых языков, обеспечивая эффективным образом выход полученных учащимися знаний в речь [Копров 2007; 2010г].

В наиболее законченном на данный момент виде авторская концепция представлена в **третьей монографии «Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским»** [Копров 2010а].

Эта работа относится к теоретико-прикладному направлению. На основе авторской методики поаспектного анализа устройства и функционирования предложения в монографии по-новому решены многие вопросы синтаксической теории и практики. Термин **«семантико-функциональный»** используется здесь вместо более привычного для многих грамматистов **«функционально-семантический»** (семантико-функциональный синтаксис, семантико-функциональная категория, семантико-функциональное поле), т.к., по мнению автора, первый термин точнее отражает характер и общую направленность проведенного исследования – от семантики грамматических форм к их функционированию.

Поскольку одно и то же содержание часто может быть реализовано несколькими языковыми формами, в процессе коммуникации говорящий часто стоит перед проблемой выбора той единицы, которая лучше всего соответствует его речевой интенции и ситуации общения. То, что носитель изучаемого языка получает в детстве в ходе своей социализации, неноситель языка должен получить в виде **схемы выбора** той или иной вариантной формы. Поэтому для семантико-функционального синтаксиса было чрезвычайно важно выявить и

описать существующие между синтаксическими конструкциями отношения – **вариантность, синонимно, дополнительность.**

На материале трёх разноструктурных языков обозначены линии и точки взаимодействия компонентов номинативного аспекта с компонентами других аспектов устройства предложения-высказывания: предикативного, релятивно-номинативного, актуализирующего и стилистического.

Результаты сопоставления синтаксических систем русского, английского и венгерского языков показали, что русский синтаксис отличается наибольшим разнообразием семантико-структурных типов предложений, используемых для выражения **двенадцати инвариантных семантических структур: 77** в русском языке, **33** – в английском и **35** – в венгерском.

Отдельно в монографии более подробно рассматриваются средства выражения **субъектно-объектных отношений, локализации и посессивности** в трех сопоставляемых языках, а также отмечаются особенности синтаксиса русского **официально-делового языка** на фоне английского.

Параллельно с теоретическими изысканиями Виктор Юрьевич ведет большую **методическую** работу по совершенствованию преподавания языков как иностранных на основе внедрения в учебный процесс достижений современной лингвистики: разрабатывает программы учебных курсов и спецкурсов для студентов и стажеров [Копров 2010д], создает методические разработки и учебные пособия, в которых на практике апробируются и уточняются положения создаваемой им и его учениками семантико-функциональной сопоставительной грамматики разноструктурных языков.

Наиболее полно идеи автора о поаспектном разграничении семантики и сфер функционирования русских вариантных форм реализованы в учебном пособии для иностранных учащихся **«Вариантные формы в русском языке»**, выдержавшем уже два издания [Копров 2001; 2006].

В соответствии с авторской концепцией в учебном пособии **«Сопоставительный синтаксис русского и английского языков»** [Копров 2010в], предназначенном для занятий как с русскими, так и с иностранными студентами, системно-описательному и семантико-функциональному синтаксису двух языков посвящены отдельные части.

Под руководством В.Ю. Копрова работает **школа семантико-функциональных сопоставительных исследований** разноструктурных языков.

В планируемой серии коллективных монографий под редакцией В.Ю. Копрова **«Семантико-функциональный сопоставительный**

синтаксис» вышла первая книга «Субъектно-объектные отношения» [Семантико-функциональный сопоставительный синтаксис 2011]. В монографии с единых теоретических позиций рассматривается семантика, структура и функционирование предложений, выражающих субъектно-объектные отношения в разноструктурных языках:

физическое воздействие субъекта на объект в русском, английском и венгерском языках;

зрительное восприятие в русском и французском языках;

ситуации касания в русском и немецком языках;

посессивность (обладание и принадлежность) в русском и английском языках.

Под научным руководством В.Ю. Копрова продолжаются исследования русских и английских предложений со значением локализации предмета в пространстве, средств выражения процессуального состояния субъекта в русском и испанском языках, непроцессуального состояния субъекта – в русском и английском языках, русских локативно-посессивных предложений с местоименно-инфинитивным оборотом, немецких сложноподчиненных хронотопных предложений и других актуальных и практически значимых грамматических тем.

А.Л. Лебедева

Копров В.Ю., Ю.В. Ушакова. Синонимия синтаксических средств выражения причинно-следственных отношений в современном английском языке // Теория и практика обучения иностранным языкам в высшей школе (неязыковые ф-ты). – Воронеж: ВГУ, 1974. – С. 55-64.

Копров В.Ю. Функционально-семантическое описание русских простых предложений с переходными глаголами физического действия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1980. – 23 с.

Копров В.Ю. О модели функционально-семантической грамматики русского языка. // Studia Russica. XIII. – Budapest, 1989. – С. 19-32.

Копров В.Ю. Аспекты сопоставительной типологии простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков). – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1999а. – 160 с.

Копров В.Ю. Номинативный аспект структурно-семантического устройства простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 1999б. – 38 с.

Копров В.Ю. Сопоставительная типология предложения. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2000. – 192 с.

Копров В.Ю. Вариантные формы в русском языке: Учебное пособие для иностранных учащихся продвинутого этапа обучения. – Воронеж: ВГУ, 2001. 120 с. – 2-е изд., испр. – М.: «Русский язык». Курсы, 2006. – 136 с.

Копров В.Ю. Теоретические проблемы современной лингвистики и преподавание русского языка как иностранного // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ, филол. ф-т, 20-23 марта 2007 г.): Труды и материалы. Составители М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 566-567.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010а. – 328 с.

Копров В.Ю. Об аспектах синонимии английских причинно-следственных и временных конструкций // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010б. – № 2. – С. 24-27.

Копров В.Ю. Сопоставительный синтаксис русского и английского языков: Учебное пособие. – Воронеж: Изд-во «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2010в. – 226 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный сопоставительный синтаксис в коммуникативно-ориентированном преподавании РКИ / В.Ю. Копров // Материалы II Конгресса Российского общества преподавателей русского языка и литературы. Санкт-Петербург, 26-28 октября 2010 г. / Под ред. Е.Е. Юркова, Т.И. Поповой, И.М. Вознесенской, А.С. Шатилова. В двух частях. – Т. 2. – СПб.: Издательский дом «МИРС», 2010 г. – С. 17-22.

Программы учебных курсов по дисциплине «Русский язык» для иностранных студентов, аспирантов и стажеров / Под ред. В.Ю. Копрова. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2010д. – 121 с.

Семантико-функциональный сопоставительный синтаксис: Субъектно-объектные отношения / В.Ю. Копров, Т.Н. Козюра, А.Л. Лебедева, О.М. Дедова, И.М. Супкова; под ред. В.Ю. Копрова. – Воронеж: Изд-во «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2011. – 263 с.

ГРАММАТИКА РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

А.А. Авдеев

Воронежский государственный технический университет

СТАТУС АППРОКСИМАЦИИ И КЛАССИФИКАЦИЯ ТИПОВ ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ (на материале английского и русского языков)

Аппроксимация (приблизительность) как центральное понятие, определяющее свойства соответствующего функционально-семантического поля, берет свое начало в математической науке, где означает замену математических объектов (например, чисел и функций) более простыми и в той или иной степени близкими к исходным, более известными величинами. Формирование категориального понятия приблизительности в сознании человека вызвано двумя основными факторами: во-первых, наблюдаемыми отклонениями окружающей действительности от мыслительных стандартов, формируемых в человеческом сознании в процессе категоризации окружающего мира, а во-вторых – своеобразной настройкой системы языка для отражения указанного несоответствия. Кроме того, приблизительная номинация всегда служит средством выражения оценочной модальности со стороны говорящего, а также выражает целый спектр типов субъективного отношения говорящего к предмету высказывания.

По словам В.В. Бузарова, в силу ряда причин человек в своей речевой деятельности может неточно, приблизительно именовать по сути дела любые элементы или фрагменты действительности. В основе этого широко распространенного явления лежат как внеязыковые, так и языковые факторы, а именно: 1) неясное, нечеткое восприятие объектов номинации (предметов окружающего нас мира), их качественных и количественных признаков, абстрактных сущностей, продуктов психической деятельности человека и его состояния и т.п.; 2) недостаточная информированность об объектах номинации; 3) неудовлетворенность словом, которым объект именуется: его неуместность, труднопроизносимость, стилистическая отмеченность или его отсутствие в данном языке; 4) фактор личности самого говорящего: его забывчивость, торопливость или небрежность. Это наиболее общие типы ситуаций, в которых объекты могут именоваться приблизительно [Бузаров 1991: 100].

Прежде чем перейти к анализу статуса аппроксимации и выявлению основных критериев классификации ее типов в английском и русском языках, отметим, что функционально-семантическое поле аппроксимации представляет собой систему разноуровневых языковых средств репрезентации концепта «приблизительность» и, подобно любому полю, структурируется по типу «центр – периферия» (о структуре различных семантико-функциональных полей см. [Семантико-функциональный сопоставительный синтаксис 2011]).

Ядро рассматриваемого поля составляют лексемы, относящиеся к разным частям речи и содержащие в своей семантике ярко выраженный компонент приблизительности – существительное *approximation* (рус. *приблизительность*), прилагательные *approximate* и *rough* (рус. *приблизительный*), наречия *approximately* и *roughly* (рус. *приблизительно*). Периферию поля составляют разноуровневые средства, с помощью которых осуществляется приблизительное описание предмета мысли – лексические (*about, almost, nearly, hardly, scarcely, relatively, comparatively*; рус. *сравнительно, относительно, около, почти*), а также грамматические (аффиксы типа *-ish, -y, -like*; рус. *-атый*). В качестве носителей приблизительного значения могут выступать не только отдельные лексические единицы, но и лексико-семантические конструкции, например, англ. *in a way, a sort of, of some kind*; рус. *в некотором роде, в определенном смысле* и т.д.).

Лингвистический статус аппроксиматоров – единиц выражения приблизительной номинации – является предметом дискуссий. В частности, существует мнение О.О. Соколовской, согласно которому аппроксиматоры – это компоненты конструкций с количественным значением, благодаря которым в данных конструкциях реализуется значение приблизительного количества [Соколовская 2002]. Другие исследователи, в частности Т.М. Пристинская, рассматривают аппроксиматоры в качестве показателей неполной степени качества, относя наиболее употребительные единицы приблизительной номинации к классу служебных единиц [Пристинская 1996].

Неоднородность языковых средств, реализующих приблизительное значение, заставляет нас обратить внимание на основные критерии построения классификации аппроксиматоров с последующим выделением определенных типов выражения приблизительного значения. Проведенный анализ семантики и контекстуального употребления аппроксимативных лексических единиц английского и русского языков делает возможным выделить два основных критерия типологии приблизительной номинации – функциональное употребление и тип аппроксимативного значения.

В функциональном плане аппроксиматоры классифицируются как свободные и связанные. Для свободных аппроксиматоров сема «приблизительности» является контекстно обусловленной. Такие аппроксиматоры не только привносят в конструкцию значение приблизительности, но и могут объективировать сопутствующие значения некатегоричности, отрицания и др.

Свободные аппроксиматоры могут не соотноситься с оценочным словом и находиться за пределами оценочного предложения: *He gave the impression that he had little plan of campaign thought out*. В свою очередь, связанные аппроксиматоры представляют собой лексические единицы, имеющие сему «приблизительность» в семантической структуре. Они связаны непосредственно с оценочным словом, чаще всего находясь в препозиции к нему: *nearly \$ 1 billion*; *чуть более 43 тыс. горожан* и т.д.

Выделяются два основных вида аппроксимативных значений: квантитативные и квалитативные.

Квантитативная аппроксимация является важной составляющей категории аппроксимации. Данный факт обусловлен тем, что количественные отношения между основными элементами ситуации (предметами, действиями, признаками) имеют универсальный характер и широко представлены во всех сферах человеческой деятельности [Адамович 2011: 56]. Содержательную основу квантитативной аппроксимации составляет значение приблизительного количества. В процессе представления приблизительного количества устанавливается числовое значение, но констатируется близость данного количества к некоторой точке отсчета, например: *Примерно 750 млн. рублей выделено на проектирование четырех участков метро в Москве*; *The total stock consists of approximately 540,000 books and some 5,000 current periodicals and newspapers*.

В свою очередь, **квалитативная** аппроксимация представляет собой не менее важную составляющую категории аппроксимации, поскольку отражение качественной стороны действительности является неотъемлемой частью процесса познания. Квалитативная аппроксимация выражается лексическими, словообразовательными и синтаксическими средствами, которые, сочетаясь с прилагательными, уменьшают количественную долю проявления качества. Основная модель, по которой создается квалитативная аппроксимация – «аппроксиматор + прилагательное». Основным компонент данного сочетания наиболее часто представлен прилагательными, обозначающими эмоциональное состояние лица, различные параметры (рост, размер, возраст, форма, временной интервал), свойства, которые

человек определяет посредством органов чувств. Помимо признаковой аппроксимативной квалитативности, можно также говорить о субстанциональной и процессуальной аппроксимативной квалитативности.

В заключение еще раз отметим, что проблема изучения аппроксимативной семантики является лингвистически актуальной, что подтверждается многочисленностью исследований, посвященных аппроксимации, ее отдельным

аспектам, а также аппроксиматорам как средствам выражения значения аппроксимации в разных языках.

Адамович С.В. Семантическая категория аппроксимации и система средств ее выражения. – Гродно: ГрГУ, 2011. – 183 с.

Бузаров В.В., Лынова Э.Г. Что такое аппроксимация в лингвистике? // Иностран. языки в школе. – 1991. – № 2. – С. 100-102.

Васильева Л.В. Категория аппроксимации и языковые способы ее реализации в новостном дискурсе // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2009. – № 39 (177). Вып. 38. – С. 29-32.

Пристинская Т.М. Функции аналитических номинаций со значением приблизительности высказывания // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. – Белгород, 1996. – Вып. 2. – С. 128-134.

Семантико-функциональный сопоставительный синтаксис: Субъектно-объектные отношения / В.Ю. Копров, Т.Н. Козора, А.Л. Лебедева, О.М. Дедова, И.М. Сушкова; под ред. В.Ю. Копрова. – Воронеж: Изд-во «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2011. – 263 с.

Соколовская О.О. Средства выражения квантификативной приблизительности в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 2002. – 115 с.

Е.А. Алексеева

Воронежский государственный университет

О ПРЕДИКАТИВНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

Прилагательное как часть речи издавна привлекало внимание лингвистов, исследующих его как с точки зрения соотношения с другими частями речи (наречием, причастием, числительным) и состава форм, относимых к причастию, а именно, краткой и полной форм причастия [Копров 2010: 72], так и с точки зрения его синтаксических функций (определение, составная часть именного сказуемого и т.д.). Однако есть синтаксические построения, содержащие прилагательное, которые пока не получили четкой и

однозначной синтаксической интерпретации. Речь идет о французских предложениях типа *Ils en reviennent contents* (Они вернулись оттуда довольные), которые долгое время были предметом исследования в лингвистике и оставались дискуссионными на протяжении столетия. Достижения семантического синтаксиса в последние десятилетия дали убедительные основания для интерпретации их лингвистического статуса. В связи с этим прежде всего обратимся к обзору существующих взглядов на данные структуры и их эволюцию в русском и французском языках.

Исследуемое явление, присущее только двусоставным предложениям, впервые было введено под названием двойного сказуемого ещё в начале XX века французским лингвистом А. Мейе. Оно было ориентировано на те случаи, когда в предложении наряду с первым сказуемым вводится второе, обозначающее некий признак в широком смысле слова, отнесённый к тому же подлежащему: *Он вырос здоровяком; Мать пришла усталая*. В последующем это понятие не было широко использовано лингвистами, за исключением, пожалуй, А.А. Шахматова, который в своей работе «Синтаксис русского языка» сохранил термин А. Мейе.

Ранее подобное явление рассматривалось А.А. Потебнёй в работе «Из записок по русской грамматике», где он связывает его изучение с употреблением вторых падежей (именительного и творительного) в старославянском, русском, польском, литовском языках, правда, не используя названия двойного сказуемого. В конструкциях типа *Он лежит больной; Корабль достигнул пристани цел и невредим* А.А. Потебня выделяет составное сказуемое с предикативным атрибутом. Предикативный атрибут в составе сказуемого обозначает, что выражаемый им признак представляется самостоятельным и возникает в подлежащем не как следствие действия глагола, а одновременно с деятельностью глагола и существует независимо от него.

В дальнейшем учёные не обходят вниманием данное явление. Так, А.М. Пешковский, рассматривая его в связи с изучением творительного предикативного, в сочетаниях типа *Он ходит сонный; Он служил капитаном* выделяет особый вид составного сказуемого, а именно вещественное составное сказуемое, содержащее вещественную связку (глагол с побледневшим вещественным значением) и полупредикативный член, который по смыслу соотносится и с подлежащим и со сказуемым (подробный обзор литературы вопроса см. в работе [Алексеева 2005]).

В современном языкознании пока не сложилось полной ясности и определённости во взглядах на структуру и статус сказуемого,

содержащего полнозначенный глагол в функции связочного элемента и именной компонент.

С точки зрения ряда современных грамматистов, личный глагол в данных предложениях образует простое сказуемое, а имя существительное или прилагательное является отдельным членом предложения, который обозначается различными терминами: предикативное имя, предикативное определение, предикативный атрибут, присказуемое и т.д. В этом случае предложения *Elle dormait tranquille*; *Я пришёл усталый* анализируются как состоящие из простого сказуемого и предикативного определения, которое является второстепенным членом предложения: *Я* (подлежащее) + *пришёл* (сказуемое) + *усталый* (предикативное определение). В отличие от других второстепенных членов предикативное определение характеризуется в предложении двойной семантической и синтаксической соотнесённостью – с подлежащим и со сказуемым. По мнению Н.М. Васильевой, специфика данных предложений заключается в том, что подлежащее в них находится в двойной синтаксической связи (с глаголом и прилагательным), однако, несмотря на это, прилагательное не входит в структурную основу предложения, то есть остаётся за пределами сказуемого [Васильева 1983].

Другие грамматисты рассматривают сочетание личного глагола с именем как составное именное сказуемое (или сложное сказуемое), в котором глагол, хотя и сохраняет своё лексическое значение, выполняет функцию связки. С этой точки зрения приводимые выше примеры следует рассматривать как двучленные: *Я* (подлежащее) + *пришёл усталый* (сказуемое); *Elle* (подлежащее) + *dormait tranquille* (сказуемое) или как глагольно-именные [Гак 2004].

Во французской лингвистике интересующие нас предложения обычно рассматриваются как окказионально появляющаяся разновидность атрибутивных конструкций. Анализ многочисленных дефиниций атрибута демонстрирует, что этот термин используется применительно к разнородным явлениям *être en retard* / *grammairien* / *mortel* / *tard* / *fatigué* / *en colère* / *en fleurs* / *sans complexe* / *souffler n'est pas jouer* и т.д.

Что касается исследуемых нами французских предложений, то они обычно не подвергаются специальному анализу, а лишь упоминаются, причём достаточно нерегулярно, при изучении собственно атрибута, когда выделяются такие его разновидности, как атрибут субъекта (подлежащего) *Il a vécu tranquille*, либо атрибут объекта *Le travail a rendu ce collègue malade*, которые могут возникать только окказионально. Обычно *Paul est sorti furieux de mon bureau* рассматривают как амальгаму фраз: *Paul est sorti de mon bureau*,

которая описывает действие, производимое подлежащим, и *Paul est furieux*, которая является атрибутивной фразой, представляющей характеристику, состояние субъекта в рамках указанного действия. При их описании лингвисты останавливаются чаще всего на формальных грамматических свойствах атрибута при подлежащем, его сочинительных связях с глаголом, способах выражения, анализе синтаксических отношений.

Как видим, при попытках раскрыть особенности сказуемого во фразах типа *Ils en reviennent contents* возникает целый ряд серьёзных проблем. Предлагаемые трактовки не обеспечивают однозначную интерпретацию синтаксических ролей в интересующем нас трёхкомпонентном комплексе.

В последние десятилетия возникло осознание и восприятие языка как способа бытия сознания, которое дало лингвистам необходимый инструментарий для проникновения в механизмы познавательной, речемыслительной, речепорождающей деятельности человека в процессе языкового миропроизводства.

Всестороннему осмыслению и изучению языка как цельного, многомерного, многоуровневого пространства способствует сложившаяся к настоящему моменту в лингвистике номинативно-прагматическая парадигма, ориентированная на исследование «внешних связей языка – с действительностью, которую он отражает, и с человеком, которому он служит» [Ломов 1994: 13].

Способность отражать фрагмент действительности предполагает наличие в предложении семантической структуры, содержательного каркаса. Пытаясь определить эту неуловимую ментальную сущность, исследователи говорят о пропозиции, отражающей некое положение дел. Учитывая, что отражаемая действительность чрезвычайно многообразна, многомерна и неисчерпаема (события, действия, образы и т.д.), предложение, номинирующее её, не может быть плоским, линейным изображением, его следует представлять в виде голограммы, некоего объёма, содержащего конденсированную информацию. Номинируя определённую «картинку», зачастую состоящую из нескольких «положений дел», предложение само по себе конституирует микротекст, микроконтекст, порождая своего рода «текст в тексте», откуда следует его многоплановость, полифоничность.

Таким образом, учёт тех изменений, которые произошли за последние десятилетия в подходе к сказуемому и второстепенным членам предложения, к их роли в содержательной структуре высказывания, участию в членении наблюдаемой и мыслимой действительности, иерархизованному представлению пропозиций,

понятию небазисной, вторичной пропозиции, являющих собой специфический механизм организации высказывания, способствует новому осмыслению и пониманию процесса образования, функционирования и систематизации сказуемых, в частности в предложениях типа *Maman est venue*; *Il est revenu content*, а также преодолению определённой противоречивости и непоследовательности в их синтаксической трактовке.

На основании последовательной реализации семантико-функционального принципа, учитывающего категориальную семантику и функцию репрезентантов комплекса *venue content*, мы предлагаем трактовать комплекс *est revenu content* в предложении *Il est revenu content* как **двойное сказуемое** [Алексеева 2005; 2010].

В высказываниях с двойным сказуемым наряду с конституирующим их матричным, (первым, обязательным) сказуемым вводится второе (факультативное) сказуемое, ориентированное на то же самое подлежащее и тот же самый бытийный (экзистенциальный) компонент. Результатом этого процесса является возникновение контаминированных построений, которые в содержательном плане представляют собой объединение двух частично пересекающихся пропозиций. В грамматическом плане эти пропозиции репрезентированы двумя сказуемыми: в первом (матричном), представленном полнозначным глаголом, заключены и бытийный и вещественный компоненты; во втором, представленном именем (или неличной формой глагола в зависимости от типа второго сказуемого), заключён вещественный компонент, тогда как его бытийный компонент содержится в первом сказуемом. Таким образом, за формой *content* признаём статус второго сказуемого, пониженного в ранге по сравнению с матричным сказуемым, реализующегося на базе матричного и образующего с ним единый блок – двойное сказуемое.

В соответствии с предложенной нами семантико-функциональной классификацией второго сказуемого во французском языке сказуемое в интересующих нас конструкциях квалифицируем как второе признаковое сказуемое, дающее феноменологическую признаковую квалификацию предмета-подлежащего путём указания на его те или иные коммуникативно значимые параметры, выделяющие предмет-подлежащее из ряда ему подобных. Второе признаковое сказуемое обозначает квалифицирующий признак, приписываемый предмету-подлежащему и реализуемый на фоне какого-либо совершаемого им действия.

Свойства второго признакового сказуемого различаются в зависимости от его использования в необособленной и обособленной позиции. В связи с этим подразделяем второе признаковое сказуемое,

соответственно, на две разновидности – постпозитивное (необособленное): *La pluie tombe petite et fine* и непостпозитивное (обособленное): *Etranger, il n'était pas capable de comprendre les mœurs de cette famille*. В рамках настоящей статьи рассмотрим первый вариант второго признакового сказуемого во французском языке.

Второе **необособленное** признаковое сказуемое обозначает признак, квалифицирующий предмет-подлежащее в момент совершения им каких-либо действий, указывающий на неотделимое качество предмета-подлежащего в данной ситуации. Данный признак носит в основном временный, преходящий характер. Он возникает и развивается самостоятельно, вне зависимости от логики высказывания, от действия первого сказуемого, не является его следствием и связан с ним только по времени протекания. Квалифицирующий признак проявляется во время совершения действия глагола и сопутствует ему во время этого временного периода. Функция данного признака – сопутствующая, так как он репрезентирует сопутствующую пропозицию. Несмотря на то, что признак может иногда возникать у предмета до наступления действия глагола – первого сказуемого, интенцией говорящего при выборе данного типа сказуемого является указание на то, что именно (или только) в момент протекания действия предмет обладает данным признаком. Наличие этого признака у предмета в другой временной период оказывается не важным для говорящего в рамках описываемого события.

При определении функций прилагательного (и причастия в значении прилагательного), употреблённого в качестве репрезентанта изучаемого типа сказуемого, большинство французских грамматик обычно единодушно отводят ему роль атрибута, выделяя при этом атрибут при подлежащем и атрибут при дополнении, прямой атрибут, употреблённый без предлога, и косвенный атрибут, употреблённый с предлогами *Il passe pour sérieux / On l'a pris comme arbitre* [Béchade 1994].

В рамках семантико-функционального подхода представляется возможным говорить о предикативных качествах прилагательного, трактовать его не как «пассивное» определение, а как единицу, имеющую значение активности, способность самостоятельно совершать определённый номинативный акт, отсылать к определённой ситуации, положению дел, то есть конституировать признаковую пропозицию. Признак, передаваемый вторым сказуемым в этой позиции, несёт двойную нагрузку. С одной стороны, он интегрируется в понятийную структуру предмета-подлежащего, становясь выразителем его неотделимых свойств в рамках данного «положения дел», с другой стороны, передаёт внешнюю характеристику предмета, которая накладывается на суждение, заключённое в комплексе предиктируемого

предмета и совершаемого им действия. Связь прилагательного с глаголом проявляется в том, что прилагательное соотносится с существительным-подлежащим только в связи с тем, что оно выполняет функцию подлежащего при этом глаголе.

Основным средством репрезентации второго необособленного признакового сказуемого является качественное прилагательное и причастие прошедшего и, реже, настоящего времени с ослабленным глагольным значением, морфологически наиболее приспособленные для обозначения признака в общем виде. Набор возможных репрезентантов здесь сокращён по сравнению со способами выражения самостоятельного признакового сказуемого. Так, представлены в основном качественные прилагательные (и причастия с квалифицирующим значением), в том числе так называемые прилагательные-«операторы», (т.е. прилагательные, которые могут иметь в качестве дополнения инфинитив или придаточное предложение), тогда как относительным прилагательным эта позиция не свойственна. Также здесь могут употребляться некоторые порядковые числительные. Ограничения в способах выражения второго обособленного признакового сказуемого объясняются выполняемой им функцией. Как уже отмечалось, квалифицирующий признак характеризует предмет в тот момент, когда совершается действие, признак сопутствует действию. А поскольку этот сопутствующий действию признак есть некоторое состояние предмета, мы говорим о значении сопутствующего состояния, выражаемом вторым обособленным признаковым сказуемым и составляющем его особую семантическую разновидность. Выражение данного значения накладывает определённые ограничения на семантику и проявляется в том, что здесь могут использоваться репрезентанты, обозначающие временный, преходящий признак. И с этой точки зрения оказывается исключённой возможность употребления здесь таких слов как, например, *pareil, ancien, matinal, commun, vertical* и др.

Говоря о способах выражения второго необособленного признакового сказуемого, необходимо затронуть вопрос о различении прилагательного и причастий настоящего и прошедшего времени. Что касается *participe présent*, то формы на *-ant* имели в ранние и даже средние периоды развития французского языка как глагольные, так и адъективные употребления. При этом они различались только конструктивно (причастие употреблялось как глагол), и обе формы имели показатели согласования по роду и числу в виде флексий. Но в конце XVII века происходит разделение этих форм на причастие и отглагольное прилагательное: причастие признают неизменяемой формой, имеющей глагольный принцип функционирования: *sa décision*

surprenant tout le monde nous prit de court; отглагольное прилагательное сохраняет способности к согласованию и употребляется как прилагательное, зависимое от существительного: *sa décision surprenante pour tout le monde nous prit de court*. Смысловые различия этих форм иногда находят своё отражение в орфографии: *fatiguant* (причастие) / *fatigant* (прилагательное). Разница между прилагательным и причастием прошедшего времени обнаруживается труднее, так как обе эти формы являются согласуемыми. Для их различения необходимо прибегать к интерпретации, анализу контекста: *je suis fatigué par ton attitude* (причастие) / *je suis fatigué* (прилагательное).

Для разграничения причастия и омонимичного прилагательного следует учитывать, что причастие принадлежит к семантическим предикатам глагольного типа, обладает категориальной предикативностью, хотя и зависимой; имеет валентностное тождество с соответствующим глаголом в отношении количества аргументов; обозначает глагольный признак, то есть признак, возникший в результате совершения предметом какого-либо действия, следовательно выступает в роли конституента второго причастного сказуемого. Омонимичное причастию прилагательное обозначает собственно признак предмета-подлежащего, квалифицирующий одну из его сторон, что обеспечивает ему роль второго признакового сказуемого.

Репрезентанты второго сказуемого исследуемого типа могут функционировать как в изолированном употреблении, так и сопровождаться разного рода распространителями. Репрезентанты необособленного второго признакового сказуемого демонстрируют достаточно широкие сочетательные возможности с распространителями трёх уровней: морфологическими, лексическими и синтаксическими.

В первом случае в качестве распространителей используются грамматические или частеречные элементы: сравнительная и превосходная степени сравнения прилагательных: *Le même homme lui apparut moins gros, plus jeune* (Maupassant); *Le mammifère qui a vécu le plus vieux (78 ans) est un éléphant d'Asie* (Espaces II); определённый артикль при слове *premier*: *Roger se leva le premier et lui dit bonsoir* (Mérimée); наречия и наречные сочетания: *Ils en reviennent très contents* (Bouille); *Duroy demeurait immobile, un peu intimidé, surpris surtout* (Maupassant).

Во втором случае репрезентанты второго необособленного признакового сказуемого выступают компонентами предложных сочетаний, как именных, так и глагольных: *Je raccroche furieuse contre Sophie, contre les enfants, contre tout le monde* (Cardinal); *Il ne bougea pas*

honteux de sa faiblesse, car il la détestait en ce moment (Troyat); *Près de lui Ayché se tenait prête à lui verser à boire* (Mérimée).

В третьем случае изучаемый тип сказуемого выражен репрезентантом, который может иметь распространитель в виде сравнительного оборота и придаточного предложения: *La lune se leva large et rouge comme cela est ordinaire à son lever* (Mérimée); *Elle monta au seconde étage pâle comme si elle fut allée à la mort* (Stendhal); *Georges Duroy parvint au boulevard, il s'arrêta encore indécis sur ce qu'il allait faire* (Maupassant).

Таким образом, проведенное исследование демонстрирует наличие у прилагательного предикативного потенциала, позволяющего ему выполнять, с учетом частеречной семантики, функцию второго признакового сказуемого, накладывающую некоторые ограничения на проявление свойств прилагательного.

Алексеева Е.А. Второе сказуемое во французском языке: дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 2005. – 362 с.

Алексеева Е.А. К вопросу о выделении второго и второстепенного сказуемых (на материале французского языка) // Древняя и новая Романия. Лингвистическое наследие Шарля Балли в XXI веке. – СПб., 2010. – С. 109-121.

Васильева Н.М. Синтаксис простого предложения в современном французском языке: кн. для учителя средней школы. – М.: Просвещение, 1983. – 112 с.

Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2004. – 862 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю.Алейников, 2010. – 328 с.

Ломов А.М. Типология русского предложения. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1994. – 280 с.

Béchade H. Phonetique et morphologie du français moderne et contemporain. – Paris: Presse Universitaire de France, 1994. – 250 p.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ ПРИ ВЫРАЖЕНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ

Поскольку все выделяемые человеческим сознанием элементы действительности получают языковое обозначение, то к номинации относится и процесс обозначения психических состояний, эмоций, субъективных переживаний человека. Эмоциональное содержание (ЭСод) в предложении может выражаться разными способами: *Там, где скучаю так мучительно, ко мне приходит иногда Она бесстыдно упоительна и унизительно горда* (Блок); *От этих мыслей мне тепло и радостно* (В. Житкова); *Скучно жить на белом свете, господа* (Гоголь); *У советских собственная гордость* (Маяковский); *Я от своих веснушек в ужасе* (из газ.). Предмет нашего анализа – простые предложения, передающие различные эмоциональные состояния.

Н.Д. Арутюнова разграничила следующие логические типы предикатов: бытийность, номинация, идентификация, характеристизация [Арутюнова 1976]. Г.А. Золотова и М.В. Всеволодова, рассматривая предложение на денотативном уровне, выделяют категорию состояния [Золотова 1982: 33-35; Всеволодова 2000: 37]. Категорию состояния в рамках функционально-коммуникативной прикладной (педагогической) модели можно рассматривать как понятийную онтологическую категорию, категорию реальной действительности, имеющую как философский, так и онтологический аспекты. Мы рассматриваем категорию состояния как один из типов денотативных предикатов [Антонова 2009].

Г.А. Золотова отметила, что о состоянии субъекта (S) могут сообщать глагольные (*Я волнуюсь; Он тоскует*); наречные (*Мне грустно; Ему страшно*); субстантивные (*У меня тоска*); адъективные (*Она весела; Я счастлив*) предложения [Золотова 1982: 34]. С.Н. Цейтлин, исследуя синтаксические модели со значением психического состояния, доказала, что это значение передают еще причастные (*Я взволнован; Она встревожена*) и именные модели (*Я в волнении; Он в восторге*). Эти «синтаксические компоненты со значением состояния и со значением субъекта, данное состояние испытывающего, являются основными, ядерными членами предложения» [Цейтлин 1976: 161]. Указанные модели предложений могут передавать не только физическое и психическое, но и эмоциональное состояние (см. этом [Золотова 1982: 34; Всеволодова 2000: 31; Копров 2010: 223-228]).

Основанием для объединения разных моделей предложений эмоционального содержания (ЭСод) является один инвариант (*Он тоскует; Он тосклив; Он в тоске; У него тоска; Ему тоскливо*), который отражает одну внеязыковую ситуацию, а все предложения, передающие одну типовую ситуацию, являются синтаксическими синонимами. Под типовой ситуацией понимается «сложившееся в нашем языковом сознании представление о некотором типизированном событии внеязыковой действительности» [Всеволодова 1988: 9]. Типизированное событие, типовая ситуация – это «обобщение и отражение совокупности однотипных минимальных, элементарных, далее нечленимых фрагментов действительности» [Всеволодова 1997: 40].

Анализируя массив предложений эмоционального содержания, целесообразно выделить два уровня организации предложения: уровень содержания предложения (денотативный) и уровень реализации коммуникативного задания, имеющий два подуровня – семантический и синтаксический [Всеволодова 2000: 199-202].

Денотативный уровень – это уровень содержания предложения, в центре которого находится ситуация, отвлеченно представляющая событие объективной действительности. Объективный мир отражается в языке не прямо, а опосредованно, преломляясь в сознании говорящего. Одно и то же событие объективного мира может быть по-разному осмыслено и представлено в языке разными способами. Это получает отражение в семантической организации предложения и выражается в его формальной синтаксической структуре.

Что касается семантического уровня, то на этом уровне говорящий, в соответствии с принципом «сущность тем значимее, чем ближе она к соответствующей сущности акта речи» [Кибрик 1978: 8], выбирает ракурс представления типовой ситуации, используя для этого синтаксические модели с различным типовым значением. Каждая модель, как известно, является носителем того или иного типового значения [Золотова 1982: 15]. Конкретное предложение – это не свободная система, его устроенность, подача зависит от конкретных характеристик составляющих ее словоформ и коммуникативных установок автора. «Процесс преобразования исходного лексемного материала в синтаксические единицы заключается в приведении в единство трех характеристик этих единиц: категориально-семантической, морфологической и функционально-семантической» [Золотова 1982: 56]. Например, типовая ситуация «субъект и его эмоциональное состояние» может быть выражена в конкретном предложении: *Он тоскует*. А интерпретация этой ситуации говорящим, или сигнификативный (т.е. собственно семантический) «концепт», «ракурс» [Всеволодова 2000: 123], в котором говорящий подает, интерпретирует положение дел, выражается

другой моделью: *Он тосклив как день ненастный; От классической музыки у него тоска; Он в тоске и печали от этих несчастий; Ему так тоскливо.* Между предложениями, выражающими одно и то же эмоциональное переживание, без сомнения, есть синонимические отношения, например: *Его охватило беспокойство = Он начал беспокоиться → Ему стало беспокойно → Он стал беспокоен → Он беспокоен (шумом) → Он в беспокойстве.*

Опыт работы с иностранными учащимися показал, что овладение синтаксическими синонимами представляет для них значительную трудность. Прежде всего, им неясно, зачем нужно столько моделей предложений, чтобы выразить «одну и ту же» ситуацию (ср.: *Они веселятся – Им весело – Они веселые*). Но в языке нет ничего случайного, и носители языка с легкостью выбирают нужную модель в соответствии со своим коммуникативно-стилистическим заданием (см. об этом также [Копров 2010: 54-61]).

Основным средством передачи эмоционального состояния лица в русском языке служат наречные предложения с логическим субъектом в дательном падеже: *Мне весело; Ей грустно; Ему скучно; Нам жалко; Ему так тоскливо; Мне беспокойно* и т.д. Предложения этой модели описывают ситуацию как бы “изнутри”. «Они преобладают среди предложений, в которых говорящий рассказывает о своем собственном состоянии, выдвигая на первый план точку зрения говорящего» [Ковтунова 1986: 18]. Предложения этого типа выражают значение ЭСод как нечто произвольное, подчеркивают пассивность субъекта.

Глагольные предложения предполагают описание каких-либо действий лица, подчеркивают активность субъекта, испытывающего состояние. Семантика этих предложений сводится к внешнему обнаружению состояния субъекта. «Мы скорее скажем “он радуется как ребенок”, чем “он рад как ребенок”, потому что “радуется” указывает на какие-то жесты, выражение лица, словом, на какое-то проявление радости, чем и больше подходит к ребенку, нежели “рад”» [Пешковский 1956: 76-77].

Причастные модели включают в свою семантику значение причины, каузированности эмоционального отношения, в котором находится субъект. Обычно это значение эксплицируется: *Он был обижен тем, что не все его понимают* (Ф. Соллогуб).

Адъективные предложения характеризуют эмоциональное состояние субъекта, описывая его как бы «со стороны», акцентируя внешние проявления, специализируются на выражении качеств субъекта: *Он тосклив как день ненастный, Он стал беспокоен.* При этом речь идёт о состоянии как о чём-то временном, а не о качестве как о чём-то постоянном. В этих предложениях, в отличие от причастных, краткие

прилагательные, обозначающие ЭСод, часто употребляются без причинно-обстоятельственных распространителей: *Лермонтов в это утро был необыкновенно весел и разговорчив* (Панасев).

Именные конструкции передают ситуации, которые можно определить как полная погруженность субъекта в испытываемое эмоциональное состояние, поглощенность его этим состоянием. Поэтому самодостаточны предложения: *Я в грусти и печали; Он в тоске; Он в ужасе; Она в беспокойстве* [Чагина 1990: 55-65]. Субстантивные предложения ЭСод построены по модели, типовое значение которой заключается в «сообщении о посессивном наличии, о субъекте и объекте владения» [Золотова 1998: 108], не предназначенной для передачи эмоционального состояния, ср.: *У нее сын; У Пети машина / У них веселье; У Нины горе*. Инофоны редко употребляют субстантивные модели ЭСод. Что касается субстантивной и именной моделей, то можно назвать большое число существительных, обозначающих эмоциональное состояние, которые не употребляются в этих моделях в качестве предиката. Например, фразы **Я в грусти, *Он в скуке* или **У меня блаженство, *У него волнение* являются «разрешёнными» с точки зрения языковой системы, но в речи совершенно неупотребительными. Избирательность, проявляемая этими моделями по отношению к лексике, может быть объяснена факторами нормативно-стилистического порядка.

Между синонимическими предложениями наблюдаются расхождения стилистического порядка: *Он в гневе – Он гневается* (устар., ирон.); *Я боюсь – Мне боязно* (разг.). Именная модель не употребляется в научной речи. В предложении *Он в тревоге* нет стилистически окрашенных лексем, но оно обладает специфической функциональной закрепленностью, и поэтому не может быть употреблено в научной речи (в работах по психологии или педагогике) и встречается преимущественно в разговорной речи или в авторском повествовании [Антонова 2009а]. Это говорит о том, что функциональная закрепленность свойственна самой модели. Выбор модели осуществляется в соответствии с коммуникативно-стилистическим заданием.

Синтаксическая синонимия служит для выражения разных ракурсов в описании одной типовой ситуации, употребление некоторых моделей имеет стилистическую или функциональную закрепленность. Взаимосвязь и взаимодействие синтаксических синонимов является одним из проявлений системности языка.

Антонова И.А. Интерпретационная парадигма предложений со значением эмоционального состояния / отношения и ее синтаксические модификации // Язык, литература, культура: актуальные проблемы изучения и преподавания. – Вып. 5. – М.: МАКС Пресс, 2009а.

Антонова И.А. О типах денотативных предикатов в простых предложениях эмоционального содержания // I Международная научно-практическая интернет-конференция «Русский язык @ Литература @ Культура: актуальные проблемы изучения и преподавания в России и за рубежом», 2009б. [Электронный ресурс]. URL: rusforall@gmail.com.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976.

Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. – М.: МГУ, 2000.

Всеволодова М.В., Дементьева О.Ю. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложения. – М., 1997.

Всеволодова М.В., Яценко Т.А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. – М., 1988.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982.

Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998.

Кибрик А.Е. Подлежащее и проблемы универсальной модели языка // Известия АН СССР, серия Литературы и языка. – Т. 38. – № 4. – М., 1978.

Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. – М., 1986.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956.

Цейтлин С.Н. Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика // Синтаксис и стилистика / под. ред. Г.А. Золотовой. – М., 1976.

Чагина О.В. Как сказать иначе? – М., 1990.

А.П. Бабушкин

Воронежский государственный университет

ФУНКЦИИ ПРИЛОЖЕНИЯ

Под приложением понимается определение, выраженное именем существительным, которое «прилагается» к другому существительному, так что между определяемым и определяющим утверждается согласование на основе параллелизма [Языкознание: 397]. Приложения как грамматический феномен изучали такие видные теоретики языкознания, как А.А. Потебня и А.А. Шахматов.

А.А. Потебня посвятил проблеме «атрибутивности существительного» большой раздел в своём четырёхтомном труде «Из

записок по русской грамматике». Учёный писал о том, что в славянских наречиях, а также «в весьма ограниченном размере» в латинском, греческом и французском языках существительное, несмотря на то, что формально отличается от определительного прилагательного, нередко заменяет его [Потебня 1968: 102]. По этому же поводу высказывался и А.А. Шахматов: «Существительное, употребляемое в качестве атрибута к другому существительному, называется приложением» [Шахматов 1941: 263].

Нельзя не отметить историческую преемственность примеров, иллюстрирующих данное явление в упомянутых нами работах. У А.А. Потебни внушительный массив приложений несёт на себе печать «славянских наречий», дышащих стариной форм, в том числе почерпнутых из фольклорных произведений, церковных текстов и народных песен. В современной транскрипции и по правилам современной пунктуации это такие «двучлены», как: *человек-грешник, меч-самосек, заря-зарница, бессонница-безугомонница, сон-угомон, муха-горюха, лягушка-квакушка, золотуха-краснуха, баба-шентуха, мышка-норушка, снег-пороша, сад-виноград, птица-ворон, поле-раздолье, человек-камень* (о каменных истуканах), *девка-поповка* и мн. др.

В свою очередь, А.А. Шахматов иллюстрирует двусоставные словосочетания примерами из более «продвинутой» эпохи, на привычном для своего времени языковом материале: *Князь Пётр Иванович уехал за границу; Господина Белова нет дома* [Там же: 263]. Во «временном ракурсе» можно рассматривать и приводимые далее примеры приложений из современного энциклопедического словаря «Языкознание»: в них, наряду с выражениями – «отзвуками прошлого», отражается и время «исторического сегодня». Всё вышесказанное говорит как о древних корнях феномена «приложение», так и о его продолжающемся использовании, а в итоге – об интересе к этому явлению со стороны современных исследователей.

Словарь, на который мы ссылаемся, констатирует, что имена существительные, играющие роль приложений, обозначают свойства или качества того или иного предмета (*красавица-дочь*), эмоциональное отношение к предмету, выражающее оценочный фактор и сопровождающее его восприятие (*злодейка-западня*), функциональные признаки (*девушка-почтальон*), видовые характеристики (*дерево сосна*), имена, фамилии, прозвища людей и клички животных (*гражданин Петров, собака Шарик*), географические названия (*город Москва*) и т.д. С помощью приложений диктуется сходство одного предмета с другим (*утёс-великан*), указывается на сферу применения определяемого предмета, его назначение (*сапоги-скороходы*), производимый эффект

или совершаемое действие (*комар-пискун*), материал изготовления предмета (*серьги-яхонты*) [Языкознание: 397].

В последнее время некоторые учёные, вслед за Р. Якобсоном и О.Б. Сиротининой, усматривают в параллельном употреблении двух субстантивов в одном и том же падеже, роде и числе синтаксическую связь, в которой сочленяется пучок инонаименований одного и того же предмета [Ломов 2004: 259]. Взяв отмеченный тезис за данность, обратим внимание на неоднородный характер примеров, иллюстрирующих понятие «приложение» (с одной стороны, *инженер Петров*, с другой – *утёс-великан*).

Хотя указанные случаи относятся к одной и той же категории, между ними существуют определённые различия. Когда говорят *инженер Петров*, предполагается, что в дальнейшем мы можем называть Петрова просто *инженером* без упоминания его фамилии, таким образом именуя его по-другому, иначе. Однако существительное *великан* в своём одиночном употреблении не соотносится прямо с понятием «*высокая скала*», и в этом случае необходим дефис для указания на сочленение двух слов до уровня номинативной единицы, в которой, тем не менее, второй компонент добавляет нечто новое в план содержания первого имени.

Наша статья посвящена рассмотрению примеров, в которых определяющее существительное имеет переносное значение, то есть является метафорой, вносящей свой вклад в процесс инонаименования. Подобные случаи нередко встречаются в поэтических текстах по той причине, что стихотворный слог требует оптимально сжатого и образного выражения смысла. В поэмах В.В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо», «Во весь голос» их более двадцати: *люди-лодки*, *голод-уродина*, *годы-водники*, *минуты-вестницы*, *очки-велосипед*, *тучки-кочки*, *тюрьма-решето*, *пушка-печка*, *улица-змея*, *мать-история*, *страна-подросток*, *глаза-тарелины*, *транспорты-галошины* и некоторые другие.

Имеются позиции, когда автор поясняет выбранную им метафору в «рядоположенных» субстантивах (особенно когда она относится к разряду «неожиданных»). См. ниже:

Люди-лодки. / Хотя и на суше. / Проживешь / своё / пока, / много всяких / грязных ракушек / налипает / нам / на бока. / А потом, / пробивши / бурю разозлённую, / сядешь, / чтобы солнца близ, / и счищаешь / водорослей / бороду зелёную / и медуз малиновую слизь. / Я / себя / под Лениным чищу, / чтобы плыть / в революцию дальше.

Именно благодаря контексту становится понятным, почему люди в первых строках поэмы сравниваются с лодками: «*плыть в революцию*

далее» надо без наносного, случайного, без стереотипов прошлого, подчиняя себя высшей политической цели.

В этом же ключе воспринимается бинарное словосочетание *пушка-печка*, поскольку последующая глагольная фраза уточняет найденную поэтом метафору: *пушка-печка / чихнёт огнём, / <...> потом поди, / ищи человека*.

Более интересным представляется вариант, при котором основание сравнения домысливается читателем: *печурка-пчёлка* (значит – маленькая, плохо согревающая); выражение *тюрьма-решето* вызывает в сознании образ «исправительного дома» с неизменными решётками на окнах.

Отступая от классического подхода к приложениям, необходимо констатировать, что в указанных построениях нельзя усматривать отношения, близкие к предикативным (как это делает А.А. Шахматов), когда существительное в определяющей функции употребляется в качестве сказуемого. Действительно, в выражении *очки-велосипед* предикация абсолютно исключается; в нём компонент в роли приложения имеет другое предназначение.

Думается, что в основу исследуемых номинаций заложен принцип экономии языковых усилий. Если необходимо фигуративно подчеркнуть определённое качество предмета, и обычная универбальная языковая единица, употребляемая в данной ситуации, не справляется, да и не может справиться с этой задачей, вступает в действие следующий механизм.

Один из признаков, присущих плану содержания лексемы, выделяется из состава семемы и материализуется в новом субstantиве, подвергаясь при этом метафорическому переосмыслению. «Прилагаемое» слово с коннотативным значением выносится в параллель с первой номинацией, являющейся носителем денотативного значения. В результате вместо просторного образного сравнения, которое могло бы иметь место, образуется аналитически скреплённая конструкция в виде нового комплексного имени для данного предмета.

В подобных примерах (прямо или косвенно) эксплицируется «глубинный смысл» определяемого слова, который иначе не раскрывается, хотя и потенциально присутствует в его семантике: *природа-мать, земля-кормилица, неволя-мука, сирота-горемыка*.

Даже при выходе из «единого блока» приложение не утрачивает своей связи с определяемым словом и приобретает статус «ситуативной метафоры», которая не воспринимается в отрыве от первого компонента исходной формулы. В поэме того же В.В. Маяковского «Хорошо» читаем: *Вьётся / улица-змея. / Дома / вдоль змеи*.

Нельзя обойти стороной и тот случай, когда авторская метафора в приложении оказывается нераскрытой, остаётся «вещью в себе» или требует для расшифровки определённых умственных усилий либо воображения. Не совсем понятно, например, почему *Морозы / в ночь / идут, скрипят / снегами-сапогами*, хотя и здесь (пусть и не так явно) можно уловить «ассоциативную нить»: мороз, образно говоря, скрипит, как скрипит под ногами человека «сухой» снег.

Описанные приёмы метафорического приложения, конечно, не ограничиваются творчеством одного поэта. В поэме А.Т. Твардовского «За далью – даль» периода зрелого и уже критически воспринимаемого социализма бинарное словосочетание *страна-семья* поднимается до уровня символа: *Мы звали – станем ли лукавить? – его отцом в стране-семье*.

На фоне узнания того, кто в этих строчках мыслится за местоимением *его*, страна-семья предстаёт как «Союз нерушимый республик свободных», которому противостоят (тоже из Твардовского) *страна-труха* и *страна-утиль*. Так приложения оказываются идеологически маркированными.

Изучаемые нами конструкции встречаются и в современных прозаических произведениях и даже выносятся в названия романов «Царь-рыба» В. Астафьева и «роман-анекдот» как определение жанра книги «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» писателя В.В. Войновича.

Одни словесные построения, включающие приложения, остаются зафиксированными только в тексте и не закрепляются в сознании людей, другие имеют более долгую жизнь. См., например, выражение *Родина-мать*, также ставшее символом со времён Великой Отечественной войны.

Таким образом, мы рассмотрели метафорическую функцию приложений в плане выполнения ими задачи инонаименований.

В заключение хочется подчеркнуть, что тема «инонаименования» гораздо шире рассмотренного здесь явления. К ней относятся случаи «чистых метафор», народной этимологии, эвфемизмов и т.п., поэтому было бы полезно рассматривать эту проблему комплексно. Но в этом комплексе вопрос о переносном смысле приложений занимает свою отдельную позицию.

Ломов А.М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: понятийный словарь-справочник. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – 400 с.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – М.: Изд-во «Просвещение», 1968. – Т. 3. – 551 с.

Шахматов А.А. Очерки современного русского литературного языка. – М.: Учпедгиз, 1941. – 278 с.

Языкознание. Большой академический словарь / под. ред. В.Н. Ярцевой. – 2-е изд. – М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

Ж. Багана

Белгородский государственный университет

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА АФРИКИ

Одной из особенностей употребления французских местоимений в Африке является то, что конголезцы в большинстве случаев испытывают трудности с выбором места личного местоимения в предложении. В речи конголезцев можно наблюдать следующие варианты использования личных местоимений:

постпозиция личного местоимения в функции дополнения: *j'ai vu lui* вместо *je l'ai vu* – «я его видел»;

употребление личного местоимения между вспомогательным глаголом и причастием прошедшего времени: *nous avons l'aimé* вместо *nous l'avons aimé* – «он нам понравился»;

опущение личного местоимения в некоторых фразах: *n'a pas enseigné* вместо *il n'a pas enseigné* – «он не преподавал»;

взаимозаменяемость местоимений 3 лица *le, la* на *lui; leur* на *eux; moi* на *me*: *donne-la la main* вместо *donne-lui la main* – «дай ей руку»; *recueille-lui chez toi* вместо *recueille-le chez toi* – «прими его у себя»; *communique-me* вместо *communique-moi* – «свяжись со мной»;

употребление *se* перед невозвратными глаголами: *il se mange* вместо *il mange* – «он ест»;

альтернативное использование в одном предложении местоимений *tu / te / vous; je / nous*: *tu vous parles* вместо *tu nous parles* – «ты нам говоришь»;

факультативное согласование местоимения и его антецедента. Местоимение мужского рода используется для обозначения существительного женского рода, а два местоимения, одно из которых мужского, а другое женского рода, относятся к одному существительному: *ma sœur a dit qu'il est à la maison* вместо *ma sœur a dit qu'elle était à la maison* – «моя сестра сказала, что она дома».

Интерферирующим фактором данных отклонений от нормы является несовпадение систем личных местоимений во французском

языке и в языках банту, а также их специфическое функционирование в предложении.

Грамматические особенности африканского варианта французского языка, относящиеся к области использования местоимений, проявляются в своеобразном использовании указательных, притяжательных и относительных местоимений, например, в отсутствии четких различий между некоторыми формами местоимений центральнофранцузского варианта: форма мужского рода множественного числа *ceux* заменяется на *ce*, а *c'est-là* – на *cela* и т.д. Также здесь можно наблюдать отсутствие согласования между указательным местоимением и существительным, когда указанное местоимение мужского рода неверно соотносится с существительным женского рода: *la géographie que j'ai appris aujourd'hui n'est pas ce de l'année dernière* вместо *la géographie que j'ai apprise aujourd'hui n'est pas celle de l'année dernière* – «урок географии сегодня не тот, что был в прошлом году». Нередки в речи африканцев случаи взаимозаменяемости форм *dont* / *que* и *dont* / *où* в любом контексте: *la fille que le père est maçon* вместо *la fille dont le père est maçon* – «девочка, отец которой каменщик».

В некоторых предложениях наблюдается пропуск относительного местоимения: *tu as mangé toutes les choses on nous a acheté* вместо *tu as mangé toutes les choses qu'on nous a acheté* – «ты съел все, что нам купили». Все эти преобразования происходят из морфосинтаксических моделей языков банту, распространенных на территории Африки.

Использование глаголов в речи африканцев на французском языке происходит несколько иначе, чем в центральнофранцузском ареале. Среди наиболее распространенных особенностей можно отметить следующие:

употребление формы глагола 3-го лица вместо формы 1-го лица с глаголами *aller, venir, partir, avoir*: *je va* – «я идет» (вместо *je vais* – «я иду»), *je part* – «я уходит» (вместо *je pars* – «я ухожу»), что можно объяснить скорее невнимательным отношением к речи, чем интерферирующим влиянием местного языка;

выражение будущности при помощи структур, отсутствующих в стандартном французском языке. Например, глагол в настоящем времени + причастие прошедшего времени: *elle va mis au monde* (вместо *elle va mettre au monde*) – «она будет рожать»; или глагол в настоящем времени + глагол в настоящем времени: *on va boit* (вместо *on va boire*) – «будут пить»; в языках банту некоторые глаголы при спряжении не изменяют своей формы, а значение их ясно из контекста, поэтому африканец вместо того, чтобы употребить нужную форму

французского глагола, подставляет ту, которая для него проще, не задумываясь о правильности;

употребление инфинитива как индикатора времени, указывающего на то, что действие было совершено в прошлом: *moi venir* – «я приезжать» (вместо *je suis venu* – «я приехал»); какое на самом деле имеется в виду время, можно понять только из контекста: – *Pourquoi tu ne viens pas chez moi?* – «Почему ты ко мне не приходишь?» – *Moi venir, mais tu étais pas* – «Я приходил, но тебя не было», или *Moi venir demain* – «Я приду завтра»;

недифференцированное употребление переходных и непереходных глаголов: *il lui a attendu* – буквально: «он ему ждал» (вместо *il l'a attendu* – «он его ждал»); подобные ошибки в речи африканцев на французском языке объясняются тем, что французские местоимения *le* – «его», *la* – «ее», *lui* – «ему, ей» в языках банту соответствуют одной форме местоимения;

спряжение глаголов 3 группы по образцу спряжения глаголов 1 группы: *tu as buvé* (вместо *tu as bu* – «ты выпил»), *il a voyé* (вместо *il a vu* – «он увидел»); употребление данных глаголов в инфинитиве: *je choisir ma place* – «я выбирать место» вместо *j'ai choisi ma place* – «я выбрал себе место»; подобные ошибки, как правило, зависят от уровня образования говорящего, от ситуации общения, от социального статуса и не обусловлены интерференцией со стороны местных языков;

смещение значения при изменении конструкции; обычно это касается глаголов, употребляемых в абсолютном значении. Например, французский глагол *visiter* – «посещать, осматривать» в Африке в качестве прямого дополнения может иметь только одушевленное лицо *visiter quelqu'un* – «посещать кого-либо»: *Le chef de l'Etat s'est félicité de la mobilisation très réussie de la population de Ouesso qu'il visitait pour la première fois depuis 1979* (Mweti 22/6/82) – Глава государства был рад удачной встрече с жителями Уэссо, где он был впервые с 1979 года. Другими примерами специфического употребления французских глаголов являются следующие: *préparer* (центрфр. «готовить еду, собирать вещи, готовиться к занятию, обеспечить будущее» и т.д.) в африканских странах имеет исключительное значение «готовить еду»; *croquer* (центрфр. «грызть конфеты, шоколад, орехи») – «щелкать орехи». В результате анализа письменных работ африканских учащихся было отмечено, что они в большинстве своем не видят разницы в значении глаголов *entendre* – «слышать», *écouter* – «слушать», *comprendre* – «понимать», *apprendre* – в значении «узнать что-либо»;

возникновение вербально-номинативных категорий: *travail...travail beaucoup, pas dormir* – буквально: «работа ... работа много, не спать»

вместо *il faut travailler au lieu de dormir* – «нужно работать, а не спать»; здесь явно видно влияние языков банту, в которых роль подлежащего, дополнения и сказуемого может выполнять большое количество лексем. Представляется возможным говорить о скрытом различии номинальных и вербальных элементов как в языках банту, так и в элементарном французском;

одновременное использование двух прямых или косвенных дополнений: *demander le professeur la permission* – «спросить преподавателя разрешения» (вместо *demander la permission au professeur* – «спросить разрешение у преподавателя»); неверное использование дополнений с глаголами вызывается тем, что в языках банту не существует четкого разграничения прямого и косвенного дополнения: *J'ai acheté papa une veste* – «Я купил папа пиджак» (вместо *J'ai acheté à papa une veste* – «Я купил папе пиджак»);

переход многих глаголов из непереходных в переходные: *Un autre dira qu'un de ses amis a divorcé sa femme qu'il n'arrivait plus à reconnaître* (Le Soleil 31/5/78) – «И опять кто-то скажет, что один из его друзей развелся с женой, которую он больше не понимает». Ошибки в использовании дополнений наиболее часто проявляются в базилекте и мезолекте и не представляют большой проблемы. Нам думается, что они являются результатом особенностей менталитета и невнимательного отношения к своей речи;

плеонастическое употребление некоторых глаголов, например: *sortir à l'extérieur* – «выйти наружу», *se rencontrer avec* – «встретиться с кем-либо», *suivre derrière* – «следовать сзади». Здесь вряд ли стоит говорить об африканской особенности использования глаголов, так как подобные ошибки встречаются и в речи французов; но нередко такое плеонастическое употребление глаголов связано с процессом калькирования из местных языков, например: *sortir à l'exterieur, se rencontrer avec*;

комбинирование устойчивых выражений *il y a, y en a* (в том числе денализированного варианта *y a n'a*) не только с существительными, но и с прилагательными и даже с глаголами: *y en a frères* – «есть братья», *y en a content* – «доволен», *y en a venir* – «пришел, приехал»; однако, согласно нашим наблюдениям, данный оборот не очень распространен в речи образованной части африканского населения.

В нашей статье мы не можем не обратить внимание на особенности употребления французских глаголов *avoir* «иметь» и *être* «быть». *Etre* и *avoir* часто выступают в функции взаимодополняющих вспомогательных (служебных) грамматических средств. Глагол *être* во французском языке выступает в качестве глагола-связки между подлежащим и относящимся к нему существительным или прилагательным: *Je suis grand* – «Я (есть)

большой»; *Vous êtes grands* – «Вы (есть) большие»; *Elles sont grandes* – «Они (есть) большие». Из примеров видно, что местоимение и прилагательное согласуются в роде и числе: местоимение множественного числа женского рода автоматически предполагает, что прилагательное будет в форме множественного числа и женского рода. Африканцу, привыкшему к неизменяемости прилагательных в родном языке, трудно воспринять французскую систему согласования. Особенно сложно ему осуществлять согласование не по форме, а по смыслу, например, в зависимости от того, какого пола говорящий: *je suis grand* или *je suis grande*. Ситуация осложняется тем, что в языках банту глагол-связка и прилагательное не изменяются ни в роде, ни в числе, а их согласование происходит согласно классовой системе. Африканец, переходя на французскую систему, где варьируются местоимение, глагол-связка и прилагательное, вполне естественно делает ошибки на согласование в роде и числе.

В предложении глагол *être* выражает наличие или существование, тогда как при помощи *avoir* обозначается связь между владельцем и тем, чем он владеет [Benveniste 1966: 187-207]. Как отмечает Ж.-П. Макута-Мбуку в языках банту для выражения обоих понятий используется только один глагол, а разграничение их семантики происходит лишь на уровне синтаксиса [Makouta-Mboukou 1973: 207]. В языках банту глагол, соответствующий *avoir*, образуется путем добавления к *être* суффиксов со значением *avec* – «с» [Obenga 1985: 184].

Таким образом, африканские языки оказывают большое влияние на функционирование французских синтаксических конструкций. Африканский франкофон, переходя на французский язык, в той или иной степени продолжает опираться на грамматику своего родного языка, что и приводит к большому количеству ошибок. Это еще раз подтверждает положение о важности использования в преподавании языков как иностранных результатов системного сопоставления грамматики родного и изучаемого языков [Копров 2010: 32-33].

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.

Benveniste E. Problèmes de linguistique générale. – Paris: Gallimard, 1966. – 286 p.

Makouta-Mboukou J.-P. Le français en Afrique Noire (Histoire et methodes de l'enseignement du français en Afrique noire). – Paris: Bordas, 1973. – 238 p.

Obenga T. Les bantu. Langues, peuples, civilisations. – Paris: Presence Africaine, 1985. – 376 p.

СИНОНИМИЯ СОЮЗОВ *А* И *НО* В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ

Для иностранных учащихся и переводчиков с русского языка на другие или с других языков на русский союзы *а* и *но* представляют собой «крепкий орешек». Трудности изучения и перевода этих союзов состоят в их неполной семантической идентичности в сфере выражения противопоставления и в наличии областей преимущественного или исключительного употребления только одного из этих служебных слов. Возможность использования союзов в конкретных случаях, замена их друг другом, нюансы в целом синонимичных смыслов – все это составляет то, что называют тонкостями национальной специфики языка.

Задача настоящей статьи – описать причины, условия и характер синонимии релятивов *а* и *но* в структурно-семантическом варианте противопоставления в сложносочиненных предложениях русского языка.

Данное противопоставление, выявляющее противоположные друг другу предикативные признаки сравниваемых предметов в адверсативных конструкциях, в наиболее отчетливом виде представлено либо соединением утвердительной и отрицательной структур, либо употреблением лексических антонимов в составе глаголов-сказуемых.

1) Почему я сам **не заметил** склонностей Ольги, **а** Тавров, – посторонний, **заметил**? (А. Коптяева); Я **имею право** на всякие предрассудки, **а** вы **нет** (Д. Гранин); Раньше из бочки **брали** воду цветы поливать, **но** теперь никто ее **не брал**, и вода была застоявшаяся – темная и зеленая (К. Паустовский); Он **не знал**, что делать дальше, **но** Кравцов **знал** (Д. Гранин).

2) Вдруг «Фауст» **смолкает** (речь идет об игре на рояле. – З.Б.), **но** **начинает играть** гитара (К. Паустовский); Ему **развязали** руки, **а** ноги **оставили связанными** (М. Горький).

Однако такая отчетливость в выражении противопоставления наблюдается далеко не всегда. Ее нет при такой имплицитной организации утверждения и отрицания, когда в составе сложного предложения не задействованы ни лексические, ни грамматические антонимы, но вместе с тем компоненты союзных конструкций содержат информацию, которая воспринимается говорящим и слушающим как противоположная:

Она сияла от удовольствия, а на него опять навалилась усталость (Д. Гранин); *Любовь в шалаше* – это для греков, *но мы привыкли пользоваться комфортом* (А.Н. Толстой).

Такой способ реализации противоположности имеет несомненные преимущества: давая добавочную информацию, он способствует увеличению смысловой емкости предложения.

Значение противопоставления при обоих союзах очень близко по своей сути, однако все же не тождественно. Мы согласны с В.З. Санниковым, что слово *но* привносит доминирование второго компонента над первым [Санников 2008: 248], и это немаловажный смысловой признак, отличающий *но* от *а*, уравнивающего объекты речи по их значимости и одновременно подчеркивающего их различия. Сопоставим сходные по конкретному содержанию паратактические предложения с обоими союзами и воспользуемся методом лингвистического эксперимента для замены союзов в одних и тех же высказываниях.

а) *Я-то не забыл, а меня,* – *Я буду помнить тихое лицо конечно, забыли* (А.Н. Толстой). *Рубинова, но меня никто не вспомнит* (А.Н. Толстой).

б) *Буржуа знал, за что он умирает под трехцветным знаменем, а солдаты прусского короля и австрийского императора ничего не знали* (А.Н. Толстой). *Буржуа знал, за что он умирает под трехцветным знаменем, но солдаты прусского короля и австрийского императора ничего не знали.*

Он не видел в этом ничего особенного, но Крылов и Тулин были потрясены (Д. Гранин). *Он не видел в этом ничего особенного, а Крылов и Тулин были потрясены.*

Сразу скажем, что в письменной речи нюансы различия союзов не так заметны, как в устной, где носители русского языка в *а*-предложениях обязательно подчеркнут сравниваемые объекты речи (темы) логическими ударениями, а в *но*-высказываниях будет интонационно акцентирована вторая рема. Такого рода несходства синонимических структур не всегда могут быть вполне ясны без поддержки конситуации.

Наши наблюдения показывают, что функционирование обоих союзов в семантической сфере противопоставления возможно при соблюдении определенных стилистических и структурных условий. Основным стилистическим условием является нейтральный характер речи или близкий к нему. Структурное условие состоит в обязательной препозиции выразителей предметов речи либо в обоих компонентах сложносочиненного предложения, либо только во втором из них. Иные

стилистические и структурные особенности, как правило, обуславливают употребление только одного из союзов. Подчеркиваем: «как правило», но из каждого правила есть свои исключения.

Стилистическая сфера преимущественного функционирования союза *а* связана с экспрессивным разговорным стилем. Синтаксис разговорной русской речи представляет собой самобытную подсистему с совокупностью эстралингвистических (неподготовленность, неофициальность, непосредственность общения) и лингвистических (звуковая оформленность, диалогичность, эллиптичность и пр.) признаков. В эту подсистему *а* вписывается органично, а *но* производит впечатление чуждого элемента, ср.:

Дельного бойца пули запросто отыскивают, а вот такая дрянь держится (А. Андреев); *Иные бы уж от обедни вернулись, а эти – лба не перекрестили – и в карты* (А.Н. Толстой); *Мы спины на них гнем,дохнем с голоду да с насады, а они с жиру бесятся* (Ф. Гладков).

Предложения с союзом *но* характеризуются преимущественным использованием в книжной речи. Однако степень преобладания каждого из союзов в специфической для них стилистической сфере различна. Если в экспрессивной разговорной речи предложения с союзом *а* являются нормой, а с союзом *но* исключением, то в книжной речи соотношение несколько иное: союз *а* употребляется, по нашим наблюдениям, примерно в 3 раза реже, нежели союз *но*, например:

При небольших вмешательствах в этом (в венедункции и венесекции. – З.Б.) нет необходимости, но при малейшем подозрении на возможную кровопотерю лучше сразу подготовить все для инфузионной терапии (А. Бунятян); *У нормальных обезьян отвлекающее действие раздражителя быстро угасло, а у гиппокампитомированных сохранялось без угасания* (О. Виноградова).

Что касается формальных различий, то сферой преимущественного функционирования союза *но* при вербализации противопоставления служат высказывания с таким грамматическим строением, при котором отсутствует типичная для употребления союза *а* препозиция выразителя предмета речи хотя бы только во втором компоненте противопоставления. Замена *но* посредством *а* в таких предложениях невозможна, ср.:

В реальность построения в России социализма верили путиловские рабочие, но не верили некоторые оторванные от действительности «теоретики» коммунистической партии (А.Н. Толстой); *У крыс до восемнадцатого – двадцать первого дня наблюдается нормальная кратковременная память, но полностью отсутствует долговременное хранение следов* (О. Виноградова).

Отсутствие отчетливо выраженных структурных условий употребления союза *а* объясняет редкие случаи использования *но* даже в ярко эмоционально окрашенных высказываниях разговорного типа, т.е. в типичной стилистической среде функционирования союза *а*:

Почему не принять в колонию Варвару Викторовну Брегель, но с какой стати этот самый Чайкин? (А. Макаренко); *Будь это прежнее время, когда его считали негодяем и разбойником, он спросил бы содовой и коньяку, чтобы хорошенько вздернуть нервы, но пить диктатору полумира с утра коньяк!* (А.Н. Толстой).

Областью исключительного использования союза *но* являются конструкции, построенные по модели типа «он ..., **но** он...», «я..., **но** я ...» и т.п., в которых в начале второго компонента повторяется выразитель того же объекта речи, что и в первом компоненте. При этом не имеет значения тот факт, получает ли он идентичное языковое оформление в противопоставленных частях сложной структуры или он выражен неидентично, когда модель имеет форму типа «он..., **но** о нем (к нему, с ним) ...», «ему... (о нем, с ним).., **но** он...» и т.п.

Я вырос по ту сторону океана, но я уроженец вашей страны (А.Н. Толстой); *Ты представляешь материал, но у тебя нет ни малейшего понятия о логике* (Г. Николаева).

Союз *но* способен реализовать противопоставление пропозиций в целом, тогда как *а* требует четко выраженных центров различия (он...**а** она; вчера... **а** сегодня и пр.). Употребление слова *а* становится возможным только при структурной перестройке *но*-моделей посредством постановки дублирующего выразителя предмета речи в интерпозицию второй части сложносочиненного предложения. В этом случае в начале второго компонента высказывания оказываются центры контрастного различия (темы), способные организовать семантику противопоставления. Но такая перестройка ведет к некоторому смещению смысловых акцентов.

С тех пор Дюпоны не предпринимали попыток прибрать к рукам высший государственный пост в стране, но они отнюдь не отказались от претензий на рычаги государственной власти *С тех пор Дюпоны не предпринимали открытых попыток прибрать к рукам высший государственный пост в стране, а от претензий на рычаги государственной власти они отнюдь не отказались.* (В. Зорин).

Итак, причиной рассмотренного синонимического взаимодействия союзов *а* и *но* является их способность эксплицитно кодировать семантику

противопоставления. Ограничения в употреблении в целом синонимичных служебных слов связаны с определенными стилистическими и формальными условиями. Результаты синонимической замены союзов в данном случае почти не ощутимы, поскольку *а* и *но* передают очень близкие смыслы. Это «почти» сводится к тому, что *но* заметно акцентирует вторую часть союзных конструкций, представляя ее как более весомую в смысловом отношении, тогда как *а* подает объекты противопоставления на равных.

В настоящей статье мы коснулись только одного противительного значения – противопоставления. Широкий круг всех частных адверсативных значений (несоответствие, ограничение, возмещение и пр.) обуславливает необходимость более широкого освещения обстоятельств синонимического взаимодействия противительных союзов русского языка, без знания которых при переводе могут возникнуть досадные неточности.

Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 624 с.

Л.Ю. Буянова

Кубанский государственный университет, Краснодар

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ КАК МЕХАНИЗМ КОГНИТИВНОГО РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА НАУКИ

Синонимия представляет собой один из специфических когнитивно-прагматических механизмов национального языка, способствующих его понятийно-ассоциативному и лексико-грамматическому развитию в исторической перспективе. Как известно, в лингвистической литературе и среди исследователей до настоящего времени отсутствует единое понимание синонимии. По мнению А.А. Реформатского, синонимами являются слова, называющие ту же вещь, но соотносящие ее с разными понятиями и тем самым, через название, вскрывающие разные свойства данной вещи. «Если бы синонимы были целиком «то же», то существование их потеряло бы всякий смысл. Это было бы не обогащение словарного состава, а, наоборот, его засорение» [Реформатский 1967: 94]. С учётом того, что явление синонимии характеризуется глубокой понятийностью, оно, подобно полисемии, не распространяется на те лексические категории, связь которых с понятием ослаблена. В частности, собственным именам

синонимия не свойственна, так как за каждым номеном-персонимом стоит человек, единственный в своём роде, кроме того, само имя соотносится не с понятием, а с конкретным денотатом.

Логики, подключившиеся в XX в. к изучению явления синонимии, внесли свое понимание и свою, отличную от лингвистической, интерпретацию: синонимия при логическом подходе выводится из понятия **логической эквивалентности**. Для логиков синонимы – только равные по значению единицы, и все то считается равнозначно, что имеет полное совпадение значений. Понятия частичной синонимии близких по значению слов в логике не существует [Суперанская 2003].

Существует несколько различных типов синонимии (например, грамматическая, синтаксическая, словообразовательная). Периодически появляются всё новые работы, посвященные тем или иным аспектам синонимии, которые в целом свидетельствуют о том, что эта проблема ещё далека от своего решения (см., например [Копров 2010: 54-61]).

Интересно рассмотреть терминологическую синонимию как аспект языка на примере терминологии **лингвистики**. «Синонимы – это знаки, максимально приближенные друг к другу вследствие сходства связанных с ними понятий и общности именуемых вещей. Абсолютных синонимов почти нет. Если даже, казалось бы, совпадают и предметы, и понятия, нередко обнаруживаются расхождения в сочетаемости, в производных или во вторичных синонимах. Так, при достаточно близкой синонимии слов *правда* и *истина* их производные не параллельны: *правдивый* значит «говорящий правду», «искренний», а *истинный* – «настоящий, действительный, подлинный». Эти вторичные синонимы не параллельны друг другу» [Суперанская 2003: 49].

Некоторые исследователи считают терминологическую синонимию вообще недопустимой. По мнению А.В. Крыжановской, синонимы появляются на разных этапах формирования терминологических систем как результат словарной избыточности: *великость* – *величина* в значении «объем» [Крыжановская 1985].

О.С. Ахманова выделяет семь типов синонимических единиц: синонимы абсолютные (безотносительные, полные) – слова, полностью совпадающие по значению и употреблению; синонимы грамматические – слова с синонимичными грамматическими показателями; синонимы идеографические (разнопредметные), различающиеся оттенками значения; синонимы относительные, семантическое подобие которых не распространяется на все их значения; синонимы синтаксические (эквиваленты синтаксические) – синтаксические конструкции, соотносимые по построению и совпадающие по значению; синонимы стилистические, различающиеся только стилистически; синонимы

функционально-речевые – слова или сочетания, совпадающие по значению с другими словами или словосочетаниями только в данном речевом контексте [Ахманова 1966 : 407].

Э. Гродзинский анализирует взгляды и лингвистов, и логиков, пытаясь свести всё их многообразие к нескольким группам более или менее совпадающих позиций. Исследователь обращает внимание на то, что в лингвистике синонимами называют слова: а) **равные** по значению и б) **близкие** по значению; причём некоторые языковеды считают синонимами и те, и другие, а некоторые – лишь одну из этих разновидностей. Синонимами могут считаться слова, способные заменять друг друга в контексте без ущерба для его значения; несинонимы не могут входить в синонимические отношения. Дефиниции также не могут быть синонимами терминов; не синонимичны и равные по значению предложения. По мнению автора, общий язык не создает новых синонимов, так как они уже существуют в нем [Grodzinski 1985].

Несколько иначе обстоит дело в пространстве специальной лексики, где синонимы легко возникают и как фактор более рационального обозначения, и как результат нового называния, и как проявление системности в терминах разных школ и направлений, и как результат заимствований.

По мнению многих исследователей феномена синонимии, для неё в терминологической лексике характерна **дублетность**, например, являются дублетами термины *инфинитив* и *неопределенная форма глагола*. Синонимы-дублеты не выражают эмоционально-экспрессивных, стилистических или оценочных отношений. Дублеты в терминологии представляют собой специфическое, характерное для языка науки явление, однако синонимия в терминологии не всегда сводится только к дублетности. Возможны случаи, когда терминологические синонимы могут выражать близкие и частично пересекающиеся или соприкасающиеся понятия, такие как: *фразеологическая единица* и *устойчивое сочетание*. В сфере лингвистики учёные выделяют самые разные причины возникновения терминологических синонимов:

1) появление синонимов в результате параллельного употребления отечественных, международных или заимствованных терминов: *повелительное наклонение* – *императив*, *винительный падеж* – *аккузатив*, *приставка* – *префикс*, *азбука* – *алфавит*;

2) образование синонимов в результате сокращения составного термина: *инверсионный порядок* – *инверсия*, *прошедшее время несовершенного вида* – *прошедшее несовершенное*;

3) появление синонимов в результате параллельного употребления полной формы наименования и его аббревиатурного варианта: *информационно-поисковый язык – ИПЯ*» [СРЯ 2003: 271].

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» фиксируется, что семантическая сущность синонимии – это «эквивалентность всего объема значений лексических единиц (*языкознание – лингвистика*), отдельных их значений (*дорога – путь*) или совпадающих сем значений. Это служит основанием различия полной (абсолютной) и частичной (относительной) синонимии» [ЛЭС 1990: 446].

Исследуя лингвистические основы термина, учёные обращают внимание на то, что терминологиям свойственна именно «абсолютная синонимия, что даёт основание именовать это явление терминологической дублетностью» [Головин 1987: 54]. О.С. Ахманова заключает слово «синонимы» в кавычки, лишая его тем самым терминологической строгости, предпочитая ему термин «дублеты» (триплеты), так как они «по существу соотносимы с одним и тем же референтом» [Ахманова 1990: 509]. В.П. Даниленко сохраняет за термином привычную характеристику – «синонимы», но отмечает, что для терминов-синонимов характерна прежде всего функция замещения: «а) заимствованный термин – русский термин (или наоборот): *лингвистика // языкознание, префикс // приставка, билингвизм // двуязычие* и т.п.; б) полный вариант наименования – краткий вариант: *имя существительное, имя прилагательное, имя числительное // существительное, прилагательное, числительное* и т.п.; в) словесное выражение – символическое выражение: *архетип – ** (форма «под звездочкой»), *синонимия – //* и т.п.; г) терминологическое сочетание – аббревиатура: *языковая личность – ЯЛ, сложное синтаксическое целое – ССЦ, Малый академический словарь – МАС* и т.п.; д) фамильный термин – “термин, созданный путем выделения классифицирующих признаков понятия”: *гипотеза Сепира-Уорфа – гипотеза лингвистической относительности*» [Даниленко 1977: 79].

Таким образом, можно отметить, что абсолютные синонимы – это и есть терминологические дублеты [Головин 1987], это слова, которые соотнесены с одним и тем же научным объектом и не обнаруживают существенного различия в обозначаемых ими денотатах, в них должны совпасть лексическая сочетаемость с другими словами, а также деривационная производность. В словарях дублеты даются или в скобках или отсылочным способом: «**То же, что и ...**». По нашим данным, в лексикографической практике этот вид маркирования – «**То же, что и ...**» – является довольно распространённым, так как прямо указывает на статус языковой единицы, например: «**атонация – то же, что дезакцентуация**» [Ахманова 1966: 59], «**удвоение – то же, что и**

повтор» [Немченко 1984], **«аффирматив – то же, что утвердительная форма глагола»** [ЛЭС 1990: 16] и др.

Актуальна в этом плане концепция В.М. Лейчика, который считает, что даже если синонимы в лингвистической терминологии выражают одно и то же понятие, то семантическая структура их может быть различна: при разложении ее методами компонентного анализа на элементарные смыслы совпадающими должны быть только основные компоненты значения. «Мы имеем дело с дублетами только в том случае, когда совпадают все без исключения компоненты значения синонимов; ср. дублеты *языкознание* и *лингвистика*. Иными словами, синонимия не логическое явление, а чисто лингвистическое. Содержанием его является не сходство объектов номинации, а сходство... или идентичность семантики этих наименований. Именно поэтому в языке возможна категория стилистических синонимов» [Лейчик 1973: 104].

Рассматривая синонимию в терминологии, В.А. Татаринов пишет: это «тип семантических отношений терминов, заключающийся в способности терминологических единиц обозначать одно и то же специальное понятие для указания на его разные существенные или несущественные признаки, а также для выражения стилистического отношения автора к излагаемому материалу» [Татаринов 2006: 172].

В целом следует признать, что тенденции к полисемии и к синонимии взаимно уравнивают друг друга, относясь к основным линиям развития и пополнения лексического состава языка, его терминологического яруса. Синонимы помогают установить, имеем ли мы в полисемии дело с разными значениями и оттенками значения одного и того же слова или же перед нами омонимы. «Синонимия не является признаком начального периода развития терминосистемы. ... отсутствие «синонимического мышления» в науке и технике – это симптом застоя и бесплодности мысли, ибо чем выше уровень развития научной мысли, чем прогрессивнее мышление, тем неисчерпаемое предстаёт перед исследователем реальная действительность, тем разнообразнее она находит своё выражение в языковых формах» [Там же: 175].

Именно поэтому необходимо рассматривать терминологическую синоимию как когнитивный механизм не только языка науки, но и научного мышления, и самой науки как мощнейшего фактора цивилизационного развития и прогресса.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Наука, 1966. – 362 с.

Ахманова О.С. Терминология лингвистическая // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Русский язык, 1990. – 509 с.

Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. – М.: Высш. школа, 1987. – 105 с.

Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977. – 246 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.

Крыжановская А.В. Сопоставительное исследование терминологии современных русского и украинского языков: Проблемы унификации и интеграции. – Киев: Наукова думка, 1985. – 204 с.

Лейчик В.М. Термины-синонимы, дублеты, эквиваленты, варианты // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1973. – С.103-106.

Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – 682 с.

Немченко В.Н. Полисемия научных терминов и её отражение в терминологическом словаре // Термины в языке и речи. – Горький: Изд-во Горьковского ун-та, 1984. – С. 56-62.

Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М.: Просвещение, 1967. – 468 с.

Современный русский язык / Под ред. Л.А. Новикова. – СПб. – М.: «Лань», 2003. – 452 с.

Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. Вопросы теории. – Изд. 3-е. – М.: УРСС, 2003. – 246 с.

Татаринов В.А. Общее терминоведение: Энциклопедический словарь. – М.: Московский Лицей, 2006. – 528 с.

Grodzinski E. Jezykoznawcy i logicy o synonimach I synonimii. – Wroclaw e.a., 1985.

М.В. Всеволодова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ЯЗЫК: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ И ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА

Эффективное преподавание русского языка как иностранного (РКИ) невозможно без обращения к другим языкам. Сформировавшаяся в процессе более чем полувекового активного преподавания РКИ в стране общения на русском языке функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка [Амиантова и др. 2001] заставила нас выйти на уровень фундаментальных исследований, в том числе, и в плане сопоставления русского и других языков во всей амплитуде языковых явлений.

Сопоставительная, сравнительная, контрастивная лингвистика – это важная, традиционная (и очень авторитетная) область языкознания, представленная богатейшим корпусом лингвистической литературы. Тем не менее, сопоставления, необходимые для нашей практики, в этом корпусе, как правило, представлены далеко не полностью или совсем не представлены, поскольку нам нужны знания, касающиеся не только самого состава единиц и их структуры, но и особенностей их функционирования, а также механизмов языка и специфики их действия при решении разных коммуникативных задач в процессе общения. Кроме того, нам нужно найти алгоритмы построения речевых единиц, а они могут оказаться различными в разных языках. Вместе с тем, современная парадигма языкознания позволяет сформулировать некоторые положения, которые могут, как показывает первоначальный опыт, конструктивно работать и в нашей, прикладной лингводидактической модели. Представим их.

1. Как известно, в русской лингвистической традиции слово «язык» пишется двумя способами: с малой буквы – язык – когда речь идет о конкретном языке или когда говорим о языке вообще; и с большой буквы – Язык, – когда имеем ввиду всё множество языков и наречий как единое целое. Как показывают исследования и наш опыт, можно признать корректным положение о том, что Язык есть единое целое, некоторая единая структура, хотя конкретно и реализующаяся в разных языках, но имеющая своё внутреннее строение, свои системы. Соответственно, в Языке должны быть как некоторые общие категории, общие типы структур и единиц, с одной стороны, так и случаи принципиально различного оформления одинакового содержания и принципиально различных механизмов реализации речевых построений, с другой. Пока наши знания о Языке в высшей степени примитивны и недостаточны для выведения каких-либо теорий и положений. Поэтому ограничимся констатацией некоторых фактов, которые могут быть полезны для нашей практики.

2. В языкознании установлено, что в Языке, т.е. в разных языках, есть категории, в том или ином виде присущие каждому языку – лингвистические универсалии, или во многих языках – лингвистические фреквентарии. Наличие таких единиц следует учитывать и использовать в дидактическом процессе. Перечислим некоторые из таких единиц разных уровней языка.

1) Вероятно, для нас, для нашей практики первым по значимости является категория изосемичности / неизосемичности, введенная Г.А. Золотовой [Золотова 1982], которая соотносит метаязык лингвистики с реальной действительностью. Так, названия предметов во всех языках представлены существительными и только ими. «Предмет обречён

называться существительным», заметил М.В. Панов. Соответствующие корреляты есть и для других разрядов. Соответственно, предложение, составленное изосемическими словами, и так, чтобы имена всех участников ситуации занимали позиции, соответствующие их ролям в денотативной структуре, то есть изосемические изоморфные предложения, всегда имеют соответствующую модель в другом языке. Это важно для нас, поскольку лингвистической универсалией является и денотативная структура предложения, его содержание. Это значит, что денотативные роли, формирующие типовую ситуацию (а любое предложение, как справедливо замечает Н.Д. Арутюнова, отображает некоторое типизированное событие [Арутюнова 1976]), в принципе одни и те же, хотя и могут занимать в синтаксической модели предложения разные позиции, быть разными членами предложения. Поэтому для введения модели предложения важно соблюдать принцип изосемичности. Нашим предложениям типа *Мальчик бегло читает; Саша красиво прыгает* есть соответствующие корреляты во всех других языках, а их трансформам типа *У мальчика беглое чтение, Сашу отличает красота прыжка* – практически нет соответствия в большинстве других, в том числе, и славянских языков.

Правда, иногда оказывается, что имена одних и тех же ролей в разных языках занимают позиции разных членов предложения. Так, в нашей модели с типовым значением ‘субъект и его неотторжимый физический или эмоционально-психический признак’ типа *У Маши голубые глаза; У Ивана глубокий ум* – субъект-носитель признака выражен дополнением, а предикат – подлежащим с обязательным определением. Очень близкая к нашей модель имеется в венгерском языке (и вероятно, в других финно-угорских языках) [*Маше – глаз голубой*].¹ Близкая модель есть и в семитских языках (арабском и иврите) [*ле Машиа голубые глаза*]. Во многих европейских, в том числе и славянских языках, субъект стоит в позиции подлежащего, ср. англ. *Mari has blue eyes*, укр. *Марія має блакитні очі*. А вот в китайском позицию подлежащего занимает имя органа или свойства, характеризуемого прилагательным, а имя субъекта – позицию определения: [*Машиа де глаза – голубые*] = *Маши / Машины глаза – голубые*, где разговор идет не о Маше, а о её глазах. Если же нужно выделить именно *Машу*, китаец использует предложение типа английского [*Машиа йо голубые глаза*]. Объяснить транспозицию одного и того же содержания из китайского языка в русский легко: мы заменяем позицию определения позицией дополнения – у-локализатором (термин Н.Д. Арутюновой) [Арутюнова 1976] – и выносим дополнение в тему, а

¹ Предложения и выражения-кальки мы будем давать в квадратных скобках, а граммы (форманты) – писать русскими буквами.

сказуемое, переведенное в позицию определения, уходит в рему вместе с подлежащим. Значит, китайской модели [*Иван де ум глубокий*] в русском соответствует *У Ивана глубокий ум*. И десять таких преобразований на уроке, записанных в тетрадь, а также составленные и записанные взаимные характеристики соседей по аудитории и соответствующее домашнее задание – описать своих родных, знакомых и соседей, – во-первых, навсегда сформируют в сознании китайца алгоритм выражения данного содержания по-русски, а во-вторых, избавят преподавателя от некорректного задания «запомните» (Как в свое время сказала прекрасный методист З.М. Цветкова: «Преподаватель, который дает задание “запомните” – плохой преподаватель».)

2) К лингвистическим универсалиям относится понятие синтаксической формы слова – синтаксемы [Мухин 1964; Золотова 1973; Всеволодова 2000]. Морфологических форм в языках определенных типов может и не быть, но синтаксические формы слова есть во всех языках. Следует признать, что лексика в словаре и в лексикологии спит, а работает она в синтаксисе, и логично считать, что все полнозначительные части речи в синтаксических построениях выступают на уровне синтаксем. И значит, *присел* и *не присел* – в тексте суть разные синтаксемы, ср., например, неотмеченность **весь день присел один раз* и: *Весь день не присел ни разу – некогда было*. Очень конструктивным оказалось разделение синтаксем по их синтаксическому потенциалу и семантической самодостаточности на свободные, обусловленные и зависимые [Золотова 1973]. Они есть во всех языках, и приведенные выше [*ле Машиа, Машие* (глаз голубой)], у *Машии* (голубые глаза) и *Mari* (has) суть обусловленные во всех этих языках, а [*Машиа де*] – связанная. Наша практика показала, что именные свободные синтаксемы являют более сложные образования, которые мы еще в 50-е годы называли именными группами [Всеволодова, Потапова 1973; Всеволодова 1975; Всеволодова 2000; Всеволодова, Яценко 2008; Всеволодова, Владимирский 2009]. Именные группы – тоже лингвистическая универсалия. Ни в одном языке из именной группы, соответствующей русской *в прошлом году*, независимо от наличия / отсутствия предлога, послелого или окончания, нельзя изъять определение, поскольку это единое целое, равно как и образования типа *рука в руке, от дома к дому* суть целостные синтаксические единства. И наличие определения, например, влияет в русском языке на наличие синонимов, ср., единственно возможные *в субботу, в мае*, но абсолютно нормативные варианты *в прошлую субботу – прошлой субботой; в прошлом мае – в прошлый май – прошлым маем*. Именные синтаксемы используются в практике для введения падежных форм носителям беспадежных языков.

3) К лингвистическим универсалиям несомненно относятся и описательные предикаты (термин В.А. Белошапковой; коллокаты у Ю.Д. Апресяна) – словосочетания-описания, соотносимые с одним словом типа *дать совет* < *посоветовать, задать вопрос* < *спросить*, которые еще недавно некоторые лингвисты считали заимствованием 18-века из французского языка, а в русской грамматике относили к фразеологизмам [Дерибас 1983]. Вместе с тем, это если и не абсолютно свободные, то всё-таки образуемые, а не «запоминаемые» единицы [Лекант 1974]. Они были и в старорусском, ср. из былины 10 в.: *Илья Муромец опочив держал* < *почивал; держать княжение* < *княжить* (в летописях). Описательные предикаты есть во всех языках, даже в бесписьменных. Другое дело, что их конкретные реализации могут различаться, и нашему *здать* / *задавать вопрос* в каком-нибудь языке может соответствовать *делать вопрос* (но и в русском раньше было именно такое сочетание) или что-то иное. Они, с одной стороны, активно употребляются, как в обычной разговорной литературной речи, так и в разных функциональных стилях, а с другой, как и все словосочетания, – являются одним из активнейших механизмов актуального членения. Соответственно, нам нужно: а) найти правила их образования (и некоторые случаи уже выявлены [Всеволодова 2000; Всеволодова, Куликова 2009]) и функционирования, и б) рассмотреть их функционирование в зеркале других языков – актуальнейшая проблема, еще ждущая своего решения.

Несомненно, есть и другие значимые для нас лингвистические универсалии. В частности, такой универсалией является категория глагольной аспектуальности, но вот ее реализации в разных языках – в рамках нашей модели языка – следует строго различать. Нельзя смешивать категории вида и аспекта. Аспект – действительно лингвистическая универсалия, представленная во всех языках. Вид – способ реализации этой категории, из известных мне языков характерный только для славянских. Категорией глагольного вида следует считать – в нашей модели языка – только те языки, где одно и то же действие для большинства глаголов имеет два слова для своего обозначения: *решать* – *решить*, *увидеть* – *видеть*, *смотреть* – *посмотреть*, *говорить* – *сказать*. Следует отметить, что помимо глагольного вида в славянских языках в рамках этой категории работает и еще одна аспектуальная категория – способы глагольного действия [Авилова 1976]. Категория аспектуальности в невидовых языках представлена специальными граммами – морфемами или сложными формантами, – наличие / отсутствие которых однозначно маркирует аспектуальное (обычно рассматриваемое как временное) значение, например, *ing-* форма в английском языке, что позволяет

узнать форму даже незнакомого глагола. В славянских языках – и это специфика глагольного вида – нет ни одной граммемы, присутствие которой однозначно маркировало бы вид, ср.: *решишь – тушишь; сказать – бросать; крикнуть, прыгнуть – сохнуть, мокнуть; помалкивать, попискивать – повыталкивать, повыскакивать*. Не говоря уже не только об образовании видовой пары или соотносительного по виду глагола [Маслов 1984], ср.: *читать – прочесть / прочитать, писать – написать, решать – решить, выходить – выйти, кричать – крикнуть* и т.д.; но и разных значений одного вида, ср.: *(лошади) поскакали – (дети минут пять вокруг елки) поскакали; (все) попрыгали в воду – попрыгали, побегали, успокоились*. Что касается способов глагольного действия, то это, как раз наоборот, всегда маркированные, то есть, формализованные образования, очень хорошо представленные в работе Н.С. Авиловой. Это образования типа *сказануть, проговорить (весь вечер), прикорнуть, разговориться* и пр. Правда, как показали дополнительные исследования, необходим их дальнейший анализ, поскольку в каждом классе выделяются более конкретные подклассы, ср.: *разговориться, разработаться (постепенно), расплакаться, рассмеяться (сразу), разметаться, разбаловаться (оценочное)* [Ю Чол Чжон 2002]. Этот разряд требует особого разговора. Для категории же аспекта важно, что:

1) Лингвистической универсалией в ней являются глаголы логической предельности, входящие в знаменитую формулу Ю.С. Маслова «делал, делал, да не сделал» или «делал, делал и, наконец, сделал». Эти глаголы во всех языках изначально предполагают возможность завершения действия, и поэтому во всех языках есть тот или иной способ указания на полученный результат. В немецком языке это пассив типа *(два года строил дом, и) дом построен*; в других языках обороты типа *и это удалось*. В иранских языках оборот типа *и кончил строить*. Интересно, что в иранских языках, как показывают иранские коллеги-русисты, есть специальная форма типа нашего *начал строить, строил и кончил строить*, практически дословно совпадающая с метаформулой М.Я. Гловинской, используемой ею для расшифровки семантического состава логически предельных глаголов совершенного вида [Гловинская 1982]. И значит, у нас есть основа для введения категории глагольного вида носителям невидовых языков. Начинать нужно с логически предельных глаголов и формулы Ю.С. Маслова.

2) Если в невидовых языках носителем семантики конкретной формы является граммема, то в славянских языках носителем семантики данного лексико-семантического варианта являются грамматические семы данного глагола. В видовых языках – в отличие от невидовых, где семантика формируется лексическими семами, а

грамматическое значение вносится граммемой, – сотрудничают два ряда сем: лексический, совпадающий, как правило, с лексическим составом сем аналогичного глагола в невидовых языках, и грамматический, вносящий собственно видовую семантику. Видовое оформление глагольной лексемы передает для носителя русского языка принципиально разные ситуации: *Я, как условились, три раза стукнул ему в стену. – Я постукал ему три раза, прежде чем он открыл мне. – Я стучал ему три раза: утром, в обед и часов в шесть, но он не открыл дверь.* В невидовых языках, как показывают информанты, во всех трех случаях выступает один глагол в одной форме. Набор этих сем выявлен, взаимодействие обоих рядов сем очевидно [Всеволодова 1990; 1997; 2000], но грамматики глагольного вида у нас пока еще нет.

Еще одной такой важной для нас категорией является так называемый «порядок слов».

В синтаксисе под порядком слов понимается порядок членов предложения, и в этом плане языки делятся на языки с грамматикализованным и так называемым свободным порядком слов. Вместе с тем, порядок слов – это такой значимый для Языка фактор, что он в любом случае не может быть свободным. На самом деле стоит говорить о языках с грамматикализованным порядком членов предложения и о языках с функциональным порядком собственно слов независимо от их членопредложенческого статуса. К таким относятся, в частности, славянские языки. Действительно, для этих языков, в том числе, для русского, важен порядок лексем, который определяется актуальным членением, вынесением – в нейтральной реализации – в начало предложения темы: *Самолет потерпел аварию – С самолетом произошла авария; В реке кишит рыба – Река кишит рыбой.* Один и тот же лексико-синтаксический состав с разным словопорядком передает разную информацию, отвечает на разные латентные вопросы [Крылова 1992]: *Мой брат живет в Москве* (Где живет мой брат?) – *В Москве живет мой брат* (Кто живет в Москве?), которым в языках с грамматикализованным порядком членов предложения могут соответствовать или формально разные предложения (например, второму может соответствовать предложение типа [*Город, где мой брат живет, есть Москва*]), или одно и то же. Это связано с тем, что для славянского предложения, в отличие от языков другого типа, главенствующей категорией является категория предикцирования (предикации, не предикативности) [Кацнельсон 1971; Лекант 1974], а категория членов предложения выполняет принципиально иные, нежели в языках с грамматикализованным порядком слов, функции [Всеволодова 2000]. Мы гораздо свободнее «распоряжаемся» этими

позициями и можем поставить на позицию подлежащего (как и другого члена предложения) практически каждое слово из исходного предложения, ср.: *Я кормлю свою кошку, в основном, мясом; Основной корм моей кошки – мясо; Основное в корме / в питании моей кошки приходится на мясо; Основным в корме / в питании моей кошки является мясо; Основной кошачий корм у меня – мясо; Основную часть кошачьего корма у меня составляет мясо* и т.д. Отметим, что к «грамматикализированным» относятся и падежные языки, например, тюркские. Обе категории – и членов предложения, и актуального членения – суть лингвистические универсалии, но их роль в построении конкретного высказывания оказывается различной.

Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. – М. 1976.

Амиантова Э.И., Битехтина Г.А., Всеволодова М.В., Клобукова Л.П. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы (становление специальности «Русский язык как иностранный») // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 2001. – № 6.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М., 1976.

Всеволодова М.В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. – М.: МГУ, 1975.

Всеволодова М.В. К вопросу о семном составе славянского глагольного вида // Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. – М.: АН СССР, 1990.

Всеволодова М.В. Аспектуально значимые лексические и грамматические семы русского глагольного слова. (Закон семантического согласования, валентность, глагольный вид) // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Том 1. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.

Всеволодова М.В.. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. Учебник. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.

Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. – Изд. 3-е. – М.: URSS, 2009.

Всеволодова М.В., Куликова Е.В. Грамматика словосочетаний в контексте функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. – М., 2009. – № 4.

Всеволодова М.В., Потапова Г.Б. Способы выражения временных отношений: Сб. упр. для иностранцев. – М., 1973.

Всеволодова М.В., Яценко Т.А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. – Изд. 2-е. – М.: URSS, 2008.

Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. – М., 1982.

- Дерибас В.М. Устойчивые глагольно-именные сочетания русского языка. – М.: Русский язык, 1983.
- Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса. – М., 1973.
- Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М, 1982.
- Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л., 1971; – Изд. 4-е. – М, 2009.
- Крылова О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка. – М., 1992.
- Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. – М., 1974.
- Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Очерки по аспектологии. – Л., 1984.
- Мухин А.М. Функциональный анализ синтаксических элементов. – М. – Л., 1964.
- Ю Чол Чжон. Семантический анализ русских глагольных конфиксов: на материале производных глаголов с конфиксами *раз-* / *рас-* -ся, *на-* -ся, *за-* -ся, *до-* -ся: дис. канд. филол. наук. – М. 2002.

Р.М. Гайсина, К.З. Закирьянов

Башкирский государственный университет

ДЕЕПРИЧАСТИЕ И ПРИЧАСТИЕ В РУССКОМ И БАШКИРСКОМ ЯЗЫКАХ В СОПОСТАВЛЕНИИ

Сопоставительно-типологическое исследование разносистемных языков как научно-методическое направление в отечественном языкознании стало активно развиваться в середине XX века в связи с необходимостью разработки лингвистических основ преподавания русского языка нерусским учащимся с учетом особенностей их родного языка. В это же время стали печататься отдельные статьи по сопоставлению русского и башкирского языков в учебно-методических целях; публикуется и более серьезное исследование [Ахмеров, Терегулова 1953]. Однако в дальнейшем в течение почти полувека результаты сопоставительных исследований названных языков не выходили за пределы отдельных статей. Лишь на рубеже веков и в первом десятилетии XXI века стали появляться основательные сопоставительные исследования русского и башкирского языков, результаты которых публикуются в учебных пособиях [Азнабаев, Хайруллина 2006; Гайсина 1990; Закирьянов 2001; 2002; 2004; 2007], учитываются в двуязычных словарях, излагаются в кандидатских и докторских диссертациях.

Данная статья представляет собой фрагмент сопоставительного описания причастных и деепричастных форм башкирского и русского глаголов.

Глагол как центральная часть речи с пропозитивным значением обладает в русском языке такой системой форм (парадигмой), компоненты которой по своим формально-семантическим признакам специально ориентированы на выполнение всех основных функций, предполагаемых грамматической и семантической структурой предложения, – функции предиката-сказуемого (спрягаемые формы глагола), функции определения (причастия), функции актанта (инфинитив), функции обстоятельства (деепричастия). Такая функциональная многоликость глагола, получающая отражение в специальных грамматических формах, свойственна, как можно утверждать, не только русскому языку. Данное обстоятельство дает основания для осуществления соответствующих сопоставительных исследований с привлечением материала не только родственных, но и неродственных, в том числе и грамматически разнотипных, языков. В настоящей статье представлены предварительные результаты сопоставительного описания отдельных грамматических и функциональных признаков деепричастных и причастных форм глагола в русском (флективном) и башкирском (агглютинативном) языках. Сопоставление деепричастных оборотов названных языков осуществляется в аспекте их отношения к семантико-функциональной структуре включающего предложения, сопоставление же причастий ведется преимущественно в плане выявления их грамматической общности и различий, проявляемых в сопоставляемых языках.

Предложения с **деепричастными** оборотами как в русском, так и в башкирском языках в семантическом плане представляют собой полипропозитивную структуру, состоящую как минимум из двух пропозиций. Одна из пропозиций синтаксически интерпретируется как ведущая и, имея статус независимой, получает собственно предложенческое выражение. Другая пропозиция осмысливается как зависимая и оформляется деепричастным оборотом. В русском языке предложения с деепричастными оборотами относятся к общесубъектным, поскольку в них отмечается единство, полное совпадение субъектов ведущей и деепричастной пропозиций. Поэтому по отношению к русскому языку можно говорить о наличии постоянного пропозитивного шва между предложенческой и деепричастной пропозициями по линии их общего субъектного компонента. Иначе говоря, в русском языке все предложения, осложненные деепричастиями или деепричастными оборотами, будучи полипропозитивными, являются одновременно общесубъектными.

В башкирском же языке общесубъектность не является обязательным признаком предложений с деепричастными оборотами.

Они могут быть как общесубъектными (*Китантарзы алгас, без сығып киттек* – букв. «Взяв книги, мы вышли»), так и разносубъектными (*Улар китантарзы алгас, без сығып киттек* – букв. «**Они** взяв книги, **мы** вышли»). (Здесь и далее в башкирских примерах используется русская графика, что обусловлено техническими причинами; жирным шрифтом в иллюстративных примерах выделены компоненты предложений с подлежащей функцией.)

Общесубъектные предложения с деепричастными оборотами в башкирском языке обнаруживают полный параллелизм с русскими предложениями, осложненными деепричастными оборотами: деепричастия и в том и другом языке находятся в двойном подчинении – грамматически зависят от сказуемого включающего предложения и семантически соотносят свое содержание с подлежащим как со своим «скрытым» субъектом. Иначе говоря, деепричастие в русском языке и в общесубъектных башкирских предложениях является «слугой двух господ» – сказуемого и подлежащего.

В разносубъектных же башкирских предложениях пропозициональный шов между включающим предложением и деепричастным оборотом отсутствует, ввиду того что деепричастный оборот опирается на собственную пропозицию, имеющую собственный субъект, отличный от субъекта включающего предложения.

В собственносубъектных деепричастных оборотах башкирское деепричастие выполняет две семантико-функциональные нагрузки, одна из которых свойственна и русскому деепричастию – это предикатная («скрытая» сказуемостная) функция, другая – союзная, которая не характерна для русского деепричастия. Однако особенность проявления «скрытой» сказуемостной функции башкирского деепричастия заключается в том, что башкирское деепричастие может обозначать в одних случаях признак, приписываемый подлежащему субъекту включающего предложения (что наблюдается во всех русских предложениях с деепричастными оборотами), а в других случаях – сказуемостный (процессуальный) признак собственного субъекта, который может интерпретироваться как скрытый подлежащий компонент деепричастного оборота. Следует подчеркнуть, что сказуемостная функция собственносубъектного башкирского деепричастия отмечена признаком формально-синтаксической несамостоятельности, так как в отличие от настоящего сказуемого деепричастное сказуемое в башкирском языке не может создать самостоятельной конструкции (автосинтаксической, с собственным формально-грамматическим ядром), а употребляется только в качестве конструкции зависимой. Сказанное относится только к формально-грамматическому плану. В семантическом же

плане собственносубъектная деепричастная конструкция в башкирском языке самодостаточна, поскольку совершенно не нуждается в семантической поддержке включающего предложения. Имея собственную пропозициональную базу, такой деепричастный оборот может трансформироваться в самостоятельную предложенческую конструкцию без какой-либо поддержки включающего предложения, то есть безотносительно к нему: ср. *Улар китаптарзы алгас, без сығып киттек* (букв. «Они взяв книги, мы вышли») → *Улар китаптарзы алдылар. Без сығып киттек.* (= Они взяли книги. Мы вышли.).

Формально-синтаксическая несамостоятельность, «ущербность» собственносубъектного деепричастного оборота в башкирском языке (при наличии у него семантической самодостаточности) обусловлена тем, что грамматическая (функциональная) семантика деепричастия в таких оборотах скрывает в себе, наряду со сказуемостной функцией, еще и функцию союзную. Иначе говоря, собственносубъектное деепричастие одновременно выполняет две функции – функцию скрытого сказуемого при собственном субъекте, не совпадающем с подлежащим включающего предложения, и функцию подчинительного союза. Без экспликации при переводе предложения на русский язык скрытой союзной функции собственносубъектного деепричастия его функциональное назначение не может быть адекватно передано. Перевод на русский язык предложений с собственносубъектным деепричастным оборотом осуществляется, как правило, посредством сложноподчиненных предложений, ср.: *Улар китаптарзы алгас, без сығып киттек* = «После того как они взяли книги, мы вышли»; *Улар китаптарзы алгансы, без сығып киттек* = «До того как они взяли книги, мы вышли». Данное явление, свойственное, впрочем, не только башкирскому языку, но и ряду других языков, позволяет ученым, занимающимся этой проблемой, не только усматривать в собственносубъектных деепричастиях союзную функцию, но даже квалифицировать их в качестве союзных компонентов (А.Е. Кибрик, Е.И. Коркина, В.П. Недалков) и рассматривать соответствующие деепричастные обороты в качестве аналога придаточных предложений.

Следует отметить, что в башкирском языке довольно частотны и такие предложения с деепричастными оборотами, которые имеют общий (единый) субъект с ведущей пропозицией включающего предложения, что является нормой для русского языка, но не единственно возможным вариантом, как мы уже видели, для башкирского языка. Поэтому значительный интерес в научно-методическом плане представляют результаты сопоставительного

исследования синтаксических способов выражения пропозитивного шва, связывающего общесубъектные деепричастные обороты с ведущей пропозицией включающего предложения в башкирском языке, со способами выражения пропозитивного шва в русских предложениях с деепричастными оборотами. Вполне естественно, что пропозитивный шов, связывающий общесубъектный деепричастный оборот с ведущей пропозицией, проходит по линии субъекта деепричастного оборота и ведущей пропозиции, что предполагает описание способов представления во включающем предложении общего субъекта. Вполне естественно также, что в обоих языках общий для ведущей и деепричастной пропозиций субъект выражается в форме подлежащего включающего предложения – это наиболее частотный способ в сопоставляемых языках. При отсутствии в предложении лексически выраженного подлежащего роль пропозитивного шва и в русском и в башкирском языках выполняют личные окончания глаголов-сказуемых; ср.: *Взяв книги, уйду / уйдем, уйдешь / уйдете / уйдет / уйдут – Китаптарзы алгас сығып китэм / китэбез, китэһен / китэһегез / китэ / китэлэр* и т.д.

Особой интерпретации требуют субъектные безличные предложения с деепричастными оборотами типа **Подбегая к дому, мне послышалось громкое пение; *Повернув машину направо, перед нами промелькнула мельница*, встречающиеся, хотя и не столь часто, не только в устной разговорной речи, но и в текстах художественных произведений. Можно предположить, что в башкирском языке предложения с деепричастными оборотами, относящимися к неподлежащему компоненту включающего предложения, более частотны и не производят, как кажется, впечатления ошибочных, ср.: *Китаптарзы алгас, синэ шуңда ук сығып китэргэ булған* – букв. «Взяв книги, тебе следовало тут же выйти», *Китаптарзы алгас, мине сақырын коридорға сығарзылар* – букв. «Взяв книги, меня вызвали в коридор». Все эти случаи требуют детального внутриязыкового и сопоставительного описания с привлечением когнитивных методов анализа.

Далее остановимся на сопоставительном описании башкирских и русских причастий.

Причастие как неспрягаемая форма глагола в сопоставляемых русском и башкирском языках имеет как сходные, так и отличительные признаки. Сходство обнаруживается прежде всего в семантике русского и башкирского причастия: и в том и другом языке оно обозначает признак предмета по действию, например: *краснеющие яблоки – кызара башлаган алмалар* (букв. «начинающие краснеть яблоки»), *пожелтевшие листья – һаргайған япрактар* (букв. «ставшие желтыми листья»); *продаваемые вещи – һатыла торған эйберҙәр*

(«вещи, подлежащие продаже»), *проданные вещи – һатылган эйберзәр* («проданные вещи»). Определенное сходство проявляется и в способах образования причастий в сопоставляемых языках: и в русском, и в башкирском языках причастия образуются суффиксальным способом, например: *читающий – укыусы, прочитанный – укылган*. Сходство русских и башкирских причастий обнаруживается и в их грамматической природе, суть которой – в сочетании признаков глагола и прилагательного. Из глагольных признаков русское причастие, как известно, имеет категории вида, залога, переходности / непереходности, возвратности / невозвратности, времени. Эти же глагольные признаки (за исключением категории вида, ввиду отсутствия её в башкирском языке) имеет и башкирское причастие. Однако следует подчеркнуть, что временные формы причастия в русском и башкирском языках обнаруживают лишь частичную соотнесенность: если русское причастие имеет две формы времени (настоящего и прошедшего), то в башкирском языке причастие обладает, как и спрягаемые формы глагола, тремя формами времени, которые образуются суффиксальным или аналитическим способом, ср.: *китап укыусы малай* «мальчик, читающий книгу», *укыла торган китап* «читаемая книга», *укылган китап* «прочитанная книга», *укыласак китап* «книга, которая будет читаться».

Из признаков прилагательного всем типам русского причастия свойственны согласовательные категории рода, числа, падежа, а страдательные причастия обладают наподобие прилагательных краткой формой (*план выполнен / выполнѐм*). В башкирском языке причастие, как и башкирское прилагательное, является неизменяемым словом и поэтому вступает в связь с определяемым существительным по способу примыкания, ср.: *сакырылган кунак* «приглашенный гость», *сакырылган кунакты* «приглашенного гостя», *сакырылган кунактар* «приглашенные гости» и т.д.

Сходство причастия с прилагательным и глаголом (оно обозначает «признак предмета или лица по действию») в башкирской грамматике находит отражение в термине, посредством которого называется причастие: *сифат кылым*, что означает буквально «качественный глагол» (если иметь в виду, что *сифат* в общепринятом башкирском языке обозначает «качество, качественный»), или же «прилагательный глагол» / «прилагательное-глагол» (если иметь в виду терминологическое значение этого слова: в башкирской грамматике термин *сифат* означает «прилагательное»).

В обоих сопоставляемых языках причастие с зависимыми от него словами образует причастный оборот. В русском языке причастный оборот может располагаться как в препозиции, так и в постпозиции по

отношению к определяемому слову; в постпозиции он, как правило, обособляется (в этой связи заметим, что причастный оборот представляет собой основной способ выражения обособленного определения). В башкирском же языке, ввиду твердого порядка слов в нем (зависимый компонент всегда располагается в препозиции по отношению к опорному компоненту), причастие всегда находится впереди определяемого слова и не обособляется.

В результате двум русским конструкциям – обособленному и необособленному определению – соответствуют в башкирском языке только одна конструкция с необособленным определением, ср.: *Засеянное пшеницей поле зазеленело* / *Поле, засеянное пшеницей, зазеленело* – *Бойзай сэселгэн басыу йэшэрзе*. Обособление определений возможно в башкирском языке лишь в поэтической речи, где допустима инверсия определения по отношению к определяемому слову в целях соблюдения рифмы и ритма стиха.

Есть еще одна функция башкирского причастия, совершенно отличная от причастия в русском языке. В сложноподчиненных предложениях синтетического типа (в русском языке все сложноподчиненные предложения представляют собой аналитический тип) причастие выполняет функцию сказуемого придаточной определительной части; одновременно аффикс причастия служит средством связи придаточной части с главной. Следует заметить, что в роли сказуемого придаточного определительного предложения чаще употребляются причастия прошедшего времени с аффиксами *-ган* / *-гэн*, *-кан* / *-кэн* (*Без барган кала Агизел ярында урынлашкан* «Город, куда мы ездили, расположен на берегу Белой»), реже – причастия будущего времени с аффиксами *-асак* / *-эсэк*, *-ясак* / *-йэсэк* (*Без барасак кала Агизел ярында урынлашкан* «Город, куда мы поедem, расположен на берегу Белой»).

Необходимо разграничивать придаточное определительное предложение со сказуемым-причастием и причастный оборот. Употребление причастия в роли сказуемого придаточной части в сложноподчиненном предложении в башкирском языке зависит от наличия в придаточной части самостоятельного субъекта-подлежащего, отличного от субъекта-подлежащего главной части. При соблюдении этого условия башкирская конструкция с причастием будет соответствовать в русском языке придаточному определительному предложению. Ср. в приведенных выше примерах: *мин йэшэгэн* («я живу») – *кала урынлашкан* («город расположен»); *без барасак* («мы поедem») – *кала урынлашкан* («город расположен»).

Если же субъекты-подлежащие в главной и придаточной частях совпадают, то русское придаточное определительное предложение

переводится на башкирский язык причастным оборотом. В этом случае русское сложноподчиненное предложение с придаточной определительной частью соответствует в башкирском языке простому предложению. Ср.: *Я познакомил Наташу с планами, какие я строил на будущее* – *Мин Наташаны килэсәккә корган пландарым менән таньштырзым*. В приведенном русском предложении в обеих предикативных частях субъекты-подлежащие совпадают (я познакомил, я строил), поэтому русскому придаточному предложению в башкирском языке соответствует причастный оборот *килэсәккә корган (пландарым)* – букв. «построенные на будущее (мои планы)». Такие несовпадения грамматических форм и синтаксических условий употребления причастий в русском и башкирском языках порождают в русской речи башкир многочисленные ошибки как в образовании причастий, так и в построении синтаксических конструкций с причастиями и причастными оборотами. Указанные отличия обуславливают трудности перевода конструкций с причастиями с одного языка на другой. Нет необходимости доказывать, что для обеспечения адекватности перевода причастных конструкций с одного языка на другой (в частности, с русского языка на башкирский и с башкирского языка на русский) необходимо хорошо знать сходства и различия причастий в сопоставляемых языках.

В заключение отметим, что грамматические категории деепричастия и причастия, являясь общими не только для башкирского и русского, но и для многих других языков, представляют собой своеобразные языковые универсалии. Однако, ввиду того что сходные категории имеют специфические особенности в каждом отдельном языке, при обучении неродному языку не происходит, как отмечает В.Ю. Копров, «простого переноса» таких общих категорий из родного языка в систему изучаемого, овладение ими «идет скорее по линии **коррекции**» уже имеющихся у обучаемого знаний [Копров 2011: 9].

Азнабаев А.М., Хайруллина Р.Х. Сопоставительная грамматика русского и башкирского языков. – Уфа: Гилем, 2006.

Ахмеров К.З., Тергулова Р.Н. Сравнительная грамматика русского и башкирского языков. – Уфа, 1953.

Гайсина Р.М. Сопоставительное описание лексических полей (на материале разнотипных языков). – Уфа: БашГУ, 1990.

Закирьянов К.З. Сопоставительная морфология русского и башкирского языков: Учебное пособие. – Уфа: БашГУ, 2001.

Закирьянов К.З. Сопоставительная типология русского и башкирского языков: Фонетика. Лексика и фразеология. Словообразование: Учебное пособие. – Уфа: БашГУ, 2002.

Закирьянов К.З. Сопоставительная грамматика русского и башкирского языков. – Уфа: Гилем, 2004.

Закирьянов К.З. Сопоставительно-типологическое описание русского и башкирского языков: лингвометодический аспект: Пособие для учителя. – Уфа: Китап, 2007.

Копров В.Ю. Введение // Семантико-функциональный сопоставительный синтаксис: Субъектно-объектные отношения / В.Ю. Копров, Т.Н. Козюра, А.Л. Лебедева, О.М. Дедова, И.М. Супкова; под ред. В.Ю. Копрова. Воронеж: Изд-во «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2011.

Го Шуфень

Институт русского языка

Пекинского университета иностранных языков, КНР

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

1. Типологические особенности русского и китайского языков.

Согласно распространенной классификации языков, китайский язык относится к изолирующим, а русский – к флективным. В лингвистике также широко используется противопоставление: языки аналитические (китайский и др.) и языки синтетические (русский и др.). Языки этих двух типов различаются по способу выражения синтаксических связей между словами: в синтетических языках (включая флективные и агглютинативные), связи осуществляются в основном через изменение форм слов в предложении, т.е. грамматические значения выражаются в пределах самого слова [Чжан Хуэйсэнь 2004]. Русский язык является типичным синтетическим языком, а точнее – флективным. Китайский язык, имея некоторые флективные элементы в виде префиксов и суффиксов, в целом считается изолирующим [Гао Минкай 1986: 33-43]. Однако нельзя сказать, что китайский язык является абсолютно изолирующим. С морфологической точки зрения он относится к корневым языкам, с синтаксической – к аналитическим. Взаимосвязь морфем и слов в предложении главным образом определяется порядком расположения иероглифов, слов, а также служебных слов. В целом типы морфологической и синтаксической структур китайского языка идентичны, и между ними существует довольно строгое соответствие [Чжан Цзин 1981]. Синтаксические связи слов в предложении выражаются не формами самих слов, а в основном при помощи служебных слов при знаменательных словах, и категорией порядка слов. Например, в словосочетании *哥哥的书* (*gege de shu* – книга

старшего брата) отношение принадлежности выражается при помощи служебного слова 的(*de*).

Принимая во внимание эволюцию языков, можно утверждать, что в мире не существует языка, относящегося только к одному из вышеперечисленных типов. Например, в современном русском языке появляется все больше элементов, характерных для аналитических языков, таких как неизменяемые существительные и прилагательные, слова, которые ранее были склоняемыми, а теперь не склоняются. В то же время порядок слов и служебные слова становятся более важным способом выражения грамматических связей. В изолирующем современном китайском языке значительно увеличилось количество флективных элементов (двойных глаголов, прилагательных и существительных), а также агглютинативных элементов (аффиксов). Более того, очевидно, что китайский язык находится на фазе перехода от корневого языка к агглютинативному [Чжан Цзин 1987: 156].

Как известно, существует еще одно типологическое разделение языков, идея которого заключается в том, что все языки номинативного строя делятся на так называемые «языки бытия» (*be-languages*) и «языки обладания» (*have-languages*)» [Энциклопедия русского языка: 117]. По этой типологии русский относится к первой, а китайский – ко второй группе. Во многих случаях, когда в русском языке различные значения выражаются бытийной моделью предложения (далее МП) с *у*-локализатором, в китайском употребляются предложения с глаголом 有 – *you* – *иметь*, т.е. предложения обладания. Именно под влиянием данных расхождений иностранные, в том числе англоязычные и китайскоязычные, учащиеся часто вместо русских бытийных предложений с *у*-локализатором используют предложения обладания с глаголом *иметь*, что является причиной неправильных выражений типа: **Она имеет брата* (см. об этом подробнее [Копров 2001; 2010: 264-273]).

2. Характерные особенности китайского языка.

Китаисты пришли к единому мнению, что самой типичной чертой китайского языка является отсутствие словоизменения [Люй Шусян 1979: 11]; есть только малочисленные удвоения существительных и прилагательных, вносящие усилительную и эмоциональную окраску (小桌 – *xiao zhuo* – *маленький столик*; 红彤彤 – *hong tong tong* – *красный-прекрасный*; 干干净净 – *gan gan jing jing* – *чистый-пречистый*), а также глаголов, обозначающих повторяющееся или кратковременное действие (想想 – *xiang xiang* – *думать думать*; 研究研究 – *yan yiu yang jiu* – *изучать изучать*). Большинство китаистов (Люй Шусян, Чжан Цзин и др.) считает, что синтаксические отношения в китайском языке выражаются при помощи таких средств, как порядок иероглифов и

слов (*我爱你* – Wo ai ni – Я люблю тебя; *你爱我* – Ni ai wo – Ты любишь меня), а также служебных слов (*们* – men – показатель множественного числа, *了* – le – показатель прошедшего времени совершенного вида, *着* – zhe – показатель настоящего времени, *过* – guo – показатель прошедшего времени несовершенного вида и др.) [Фань Сяо 1998].

Вышеизложенные особенности китайского языка можно проиллюстрировать следующими примерами:

1) китайский глагол не имеет категории лица и времени, например, глагол *说* (говорить) не изменяется в словосочетаниях типа *我说* – wo shuo – я говорю, *你说* – ni shuo – ты говоришь, *他说* – ta shuo – он говорит; *他昨天说* – ta zuo tian shuo – он вчера говорил, *现在说* – xian zai shuo – сейчас говорю, *明天说* – ming tian shuo – завтра скажет;

2) китайское существительное и прилагательное не имеют различий в роде и числе, например, в словосочетаниях типа *一个男学生* – yi ge nan xue sheng – один ученик, *两个女学生* – liang ge nü xue sheng – две ученицы, существительное *学生* – ученик не изменяется; в словосочетаниях типа *亲爱的妈妈* – qin ai de ma ma – родная мама, *亲爱的爸爸* – qin ai de ba ba – родной папа, *亲爱的同学* – qin ai de tong xue teng – родные ребята, прилагательное *亲爱* – родной не получило никакого изменения [Люй Шусян 2000: 7].

Кроме этого, китайский язык обладает и рядом других особенностей, которые будут рассмотрены ниже.

3. Типология двух языков на уровне морфологии.

3.1 Сравнение лексико-семантических вариантов.

По мнению М.В. Всеволодовой, «в речи выступает не слово как лексема, а его конкретный лексико-семантический вариант (ЛСВ)» [Всеволодова 2000: 21]. Эту точку зрения автор аргументирует на примере ЛСВ *выходит*: (1) Дети *выходят* в сад – 孩子*们* *走进*花园(hai zi men zou jin hua yuan); (2) Окна *выходят* в сад – 窗*户* *朝向*花园(chuang hu chao xiang hua yuan). Одна и та же русская словоформа переводится совершенно разными китайскими словами, и это доказывает, что в русских предложениях лексема *выходит* представляет разные ЛСВ. Такое явление типично и для китайского языка, кроме того, здесь одно и то же слово в разной ситуации может изменять свою частеречную принадлежность. Например, слово *意思* – yi si (буквально «смысл») в разных ситуациях выступает как разные ЛСВ, которые выполняют различные синтаксические функции в словосочетании и играют роль разных частей речи в позициях членов предложения:

一点小意思 (существительное), *望局长笑纳* (Вот вам скромный подарок от меня, начальник, вы приняли бы его); *你这个人真有意思* (прилагательное), *来看看就行了, 还意思* (глагол), *什么?我怎么好意思* (наречие), *收你的东西呢?* (Ну что ты такая странная. Могли бы

просто прийти, зачем же подарок? Мне не удобно брать твои вещи ни с того, ни с сего).

Видно, что значения этих ЛСВ 意思 (yì si) так обусловлены ситуацией, что их нельзя понимать буквально. Этот факт хорошо показал русский перевод, где данное слово не переводится русским словом «смысл», а передается общим смыслом предложения. Понимание скрытых значений этих конкретных ЛСВ возможно лишь в конкретной ситуации. Отсутствие словоизменения в китайском языке привело к тому, что грамматические, прагматические и коммуникативные функции ЛСВ здесь намного сложнее и многообразнее, чем в русском языке.

3.2 Сравнение в области частей речи.

1. В обоих языках бывают такие случаи, когда глагол или прилагательное занимает ту или иную позицию в структуре предложения, не меняя свою частеречную принадлежность, например: *Летать* – его мечта; *Жить* не просто; *Голубое* ей к лицу [Русская грамматика: 305-318]; ср.: 笑有利于健康 – Xiao you li yu jian kang (*Смеяться* полезно для здоровья). Однако в китайском языке такие явления встречаются намного чаще, чем в русском.

По теории изосемии Г.А. Золотовой, в случае, если действие (или процесс) выражено не глаголом, а существительным, и признак выражен не прилагательным, а существительным, то их синтаксические позиции обязательно изменяются [Золотова 1982: 122-123]. Сравните следующие примеры изосемических / неизосемических предложений, взятые из учебника М.В. Всеволодовой [Всеволодова 2000: 22]: Самолет *летел* на высоте 10000 метров (飞机在万米高空飞行 – Fei ji zai wan mi gao kong zhong fei xing) → *Полет* самолета проходил на высоте 10000 метров; (飞机的飞行是在万米高空进行的 – Fei ji de fei xing shi zai wan mi gao kong zhong jing xing de); Он *ездит* на велосипеде с удовольствием (他乐于骑自行车 – Ta le yu qi zi xing che) → *Езда* на велосипеде доставляет ему удовольствие (骑自行车给他带来满足 – Qi zi xing che gei ta dai lai man zu).

В вышеприведенных русских предложениях глаголы превратились в существительные, когда они заняли позицию подлежащего, а в китайском переводе их частеречная принадлежность остается одной и той же.

2. В обоих языках прилагательное может занять позицию сказуемого, напр.: 这座城市很大 (Zhe zuo cheng shi hen da) – Этот город очень *большой*. Но в китайском языке прилагательное может занять и позицию обстоятельства, что в русском невозможно, ср.: 快跑 (Kuai pao) – Быстро беги!

3. В китайском языке существительное может занимать позицию определения, напр.: **石头**(определение) **桌子**(*shi tou zhuo zi*) – **каменный стол**; **今天星期六**(сказуемое) (*Jing tian xing qi liu*) – **Сегодня суббота**. Однако в русском языке существительное не может стоять в позиции согласованного определения (***дерево дом**), возможны только неизосемические определения типа: **бамбуковый стул** (**竹椅** – *zhu yi*), **вишнёвый сад** (**樱桃园** – *ying tao yuan*), **кирпичный дом** (**砖房** – *zhuan fang*), **яблочный пирог** (**苹果馅饼** – *ping guo xian bing*) и др.

4. В русском языке нормой является то, что существительное занимает позицию сказуемого. В таких предложениях связка настоящего времени часто отсутствует, т.е. стоит в нулевой форме, а в нормативном китайском здесь необходим реляционный глагол **是** (*shi*), ср.: Я **китаец** – **我是中国人** (*Wo shi zhong guo ren*); Он **врач** – **他是医生** (*Ta shi yi sheng*).

5. Интересно, что в русском языке есть случаи, когда наречие примыкает к существительному, чего не может быть в китайском языке, напр.: **в шапке набекрень**, **в пальто нараспашку**. Эти русские наречия переводятся только как китайские прилагательные: **戴着一顶歪斜的帽子** – *dai zhe yi ding waixie de mao zi* (буквально: ***носить набекрень дэ шапку**), **穿着敞着扣的大衣** – *chuan zhe chang zhe kouai de da yi* (буквально: ***надеть нараспашку дэ пальто**). Если в китайском языке наречие стоит перед существительным, его частеречная принадлежность обязательно изменится, но слово не изменит свою форму, ср. **突然** – *tu ran* (*вдруг*) в предложениях **汽车突然停了下来** – *Qi che tu ran ting le xia lai* (**Машина внезапно остановилась**); **发生了一桩突然事件** – *Fa sheng le yi zhuang tu ran shi jian* (**Произошёл неожиданный случай**). В первом предложении слово **突然** стоящее перед глаголом, является наречием, а во втором оно превратилось в прилагательное, так как оно стоит перед существительным.

6. Согласно теории изосемии, и в русском и в китайском языке существует много неизосемических слов. Например, русский глагол, кроме действия и процесса, может обозначать 1) бытие: **Зомби существуют**; 2) состояние: **Она радуется**; 3) отношение: **Он дружит с Таней**; 4) признак (= прилагательное): **У него волосы выются**; 5) образ действия (= наречие): **Он хромает, заикается**. Исходя из того, что китайское слово иногда может занимать позицию любого члена предложения, не меняя ни формы, ни принадлежности к части речи, неизосемичность слов встречается здесь довольно часто, напр.: **恨有成本** – *Hen you cheng ben* (**Ненависть имеет стоимость**). Здесь глагол **恨** – *hen* (**ненавидеть**) занимает позицию подлежащего и выражает чувство ненависти, что в русском переводе превращается в существительное **ненависть**.

Все вышерассмотренное лишний раз доказывает, что между обоими языками различий больше, чем сходств.

4. Типология двух языков на уровне синтаксиса.

4.1. Сравнение категории порядка слов.

В обоих языках порядок слов важен. Различие состоит в том, что в китайском языке порядок слов является прежде всего грамматическим, а в русском – функциональным явлением.

В нейтральном китайском предложении порядок слов обычно устойчив, потому что слова образуют предложения по определенной модели, напр.: подлежащее стоит перед сказуемым, дополнение стоит после сказуемого, определение и обстоятельство стоят перед определяемым словом, а дополнительное слово (补语 – *buy*)¹ стоит после него. Но в спонтанной китайской речи, как и в русской, порядок слов обладает некой эластичностью, а также могут быть пропущены какие-то члены предложения, напр.: – (你 看了没有? (ni) Kan le mei you? – (我 看了 – (wo) Kan le, (但 还没看完 (dan) hai mei kan wan – (ты) Смотрел? – (я) Смотрел, (но) еще не досмотрел).

Кроме того, внутри предложения возможна пауза, особенно между подлежащим и сказуемым. Вместо паузы можно добавить и частицу (啊 -a, 呀 -ya, 呢 -ne). Все это показывает, что нет слишком тесной связи между подлежащим и сказуемым, напр.: 他呀 早就溜掉了 – Ta ya, zao jiu liu diao le (Он да, давно удрал); 房型呢 现在也比较被重视 – Fan xing ne, xian zai ye bi jiao bei zhong shi (Что касается типа квартиры, сейчас он также находится в центре достаточного внимания).

В большинстве случаев порядок слов китайского языка нельзя изменить, особенно позиции подлежащего и дополнения, так как изменение их позиций приводит к изменению и даже потере смысла предложения. Ср.: 好天气 – hao tian qi (согласованно-определятельное словосочетание) – хорошая погода; 天气好 – tian qi hao (подлежащно-сказуемая структура) – Погода хорошая. Однако в предложении 我写字 – wo xie zi – Я пишу иероглифы нельзя инвертировать компоненты *字写我 – zi xie wo – *Иероглифы пишут меня.

В русском языке при изменении порядка слов смысл не изменяется, меняется только цель коммуникации, то есть лексическое наполнение темы и ремы, ср.: Я пишу **письмо**. Письмо пишу **я**. В китайских

¹ 补语(buyu) — это специфический для китайского языка член предложения, его нет в русском. Он переводится то как русское обстоятельство образа действия или меры и степени, то как придаточное предложение, выражающее результат действия, напр.: 她跳舞跳得疯了 – Ta tiao wu tiao de bang ji le – Она танцует **очень хорошо**; 他熬夜熬红了眼睛 – Ta ao ye ao hong le yang jing – Он **так** долго не спал, **что** глаза стали красными.

предложениях с переходным глаголом типа 狗咬猫 – *gou yao mao* (Собака кусает кошку); 我爱你 – *Wo ai ni* (Я люблю тебя) изменение порядка слов изменяет смысл высказывания: 猫咬狗 – *Mao yao gou* (Кошка кусает собаку); 你爱我 – *Ni ai wo* (Ты любишь меня).

Интересно то, что в китайской разговорной речи встречаются случаи, когда позиции подлежащего и дополнения меняются, а смысл предложения не изменяется, ср.: 你可想死我了 – *Ni ke xiang si wo le* = 我可想死你了 – *Wo ke xiang si ni le* (Я так сильно соскучилась по тебе, что умираю); 你可恨死我了 – *Ni ke hen si wo le* = 我可恨死你了 – *Wo ke hen si ni le* (Я до смерти ненавижу тебя).

В русском языке также имеются случаи, когда по форме слова нельзя решить, какую позицию члена предложения оно занимает, напр.: *Мать любит дочь*; *Опубликован ответ Румынии Венгрии*. Смысл таких предложений можно понять лишь по порядку слов [Солнцев 1995: 17].

Известно, что в нерасчлененных предложениях русского языка, обозначающих начало, конец, продолжение действия, нормой является обратный порядок слов, то есть препозиция сказуемого по отношению к подлежащему, напр.: *Наступила зима*; *Кончились занятия*; *Началась сессия*. Такой обратный порядок слов в китайской книжной речи невозможен, он иногда встречается только в разговорной речи или в стихотворениях, когда две части предложения читаются с паузой. Последняя часть как будто добавляет первую, напр.: *来了, 冬天!* – *Lai le, dong tian* – (букв. *Наступила, зима!*); *上完了, 课* – *Shang wan le, ke*. (букв. *Кончились, занятия*); *开始了, 考期* – *Kai shi le, kao qi*. (букв. *Началась, сессия*).

Таким образом, порядок слов в русском языке является более свободным, чем в китайском (об опыте преподавания вариантов порядка слов русского высказывания в группах китайских студентов см. [Копров 2002]).

4.2. Сравнение моделей предложения.

Поскольку русский и китайский языки относятся к языкам разных типов, при выражении одного и того же положения дел (ситуации) в обоих языках возможно употребление совершенно разных МП. Так, при выражении типового значения «субъект и его состояние» в русском языке используется более 30 МП [Всеволодова, Го Шуфень 1999]; в китайском языке типичных МП со статальным предикатом намного меньше [Го Шуфень 2003].

Перечислим некоторые похожие друг на друга и по структуре и по функции модели предложения, имеющиеся в обоих языках.

1. МП с глаголом в роли сказуемого: Он *читает* журнал – 他在读杂志 (*Ta zai du za zhi*).

2. Бытийные МП: В лесу **есть** змеи – 森林里有蛇(Sen lin li you she).
3. Некоторые МП с прилагательным в роли сказуемого: Эта девушка **красивая** – 这位姑娘很漂亮(Zhe wei gu niang hen piao liang).
4. Некоторые МП с именным предикатом: Страна находится **в** **чрезвычайном положении** – 国家处于紧急状态中(Guo jia chu yu jin ji zhuang tai zhong).
5. Некоторые МП с двумя глагольными формами (по-китайски **连动句** – **lian dong ju**): Я **пойду** в парк **погулять** – 我去公园散步(Wo qu gong yuan san san bu).

6. Некоторые МП «с совместным членом предложения» (по-китайски называется **兼语句** – **jian yu ju**¹): Прошу вас **разговаривать** **потихи** – 我请你们说小声点(Wo qing ni meng zhao hua xiao dian sheng).

Кроме вышеуказанных похожих МП, в обоих языках есть и много типичных только для одного языка МП. Так, в русском языке имеются МП с семантическим субъектом в разных падежных формах:

- 1) в дательном падеже: Мне весело – 我很愉快(Wo hen yu kuai);
- 2) в винительном падеже: Его знобит – 他浑身发抖(Ta hun shen fa dou);
- 3) в форме **y+ S_2** : У нее ангина – 她得了咽炎(Ta de le yan yan);
- 4) в форме **c+ S_3** : С мамой обмороч – 妈妈晕过去了(Ma ma yun guo qu le);
- 5) в форме **b+ S_6** : В нём тоска – 他心中充满苦闷(Ta xin zhong chong man tong ku) и др.

Все соответствующие по смыслу китайские МП являются предложениями подлежащно-сказуемого типа, которые и составляют большую часть китайских предложений.

При этом в китайском языке имеются следующие собственные типы предложения:

- 1) предложение с иероглифом **把(ba)**: 我把杯子打碎了(Wo ba bei zi da sui le) – Я разбил стакан;
- 2) предложение с иероглифом **对(dui)**: 政府对这个事件进行了调查(Zheng fu dui zhe ge shi jian jing xing le diao cha) – Правительство расследовало это событие;
- 3) предложение с иероглифом **是(shi)**: 他是莫斯科人(Ta shi mo si ke ren) – Он москвич;
- 4) предложение с иероглифом **被(bei)**: 他被人打死了(Ta bei ren da si le) – Его убили;
- 5) предложение с предикатно-добавленной структурой (по-китайски называется **述补结构句**(shu bu jie gou ju): 她跑累了(Ta pao lei le) – Она устала от бега;

¹ **兼语句** (jia yu ju) – это типичный тип предложения китайского языка, где дополнение одновременно является подлежащим следующей половины предложения.

6) предложение с повторяющимися глаголами и иероглифом 得(de) (по-китайски называется 复动得句(fu dong de ju): 他写字写得小极了(Ta xie zi xie de xiao ji le) – Он пишет чересчур мелким почерком;

7) предложение с дополнением-агентом: 王冕七岁上死了父亲(Wang mian qi sui shang si le fu qing) – У Ван Мян в семь лет умер отец;

8) большинство предложений с двумя глаголами подряд: 他坐飞机去了莫斯科(Ta zuo fei ji qu le mo si ke) – Он отправился в Москву самолётом;

9) большинство предложений с совместным членом предложения: 校长邀请老师参加座谈会(Xiao zhang yao qing lao shi can jia jiao zuo tan hui) – Ректор пригласил преподавателей на совещание и др.

В китайском языке, как и в русском, существуют синонимические ряды разных по структуре предложений с одними и теми же семантическими отношениями. Эти синонимические ряды имеют различную прагматическую ценность, напр.:

我们打败了对手(Wo men da bai le dui shou – Мы победили соперника) – 我们把对手打败了(Wo men ba dui shou da ba ile – Мы соперника победили) – 对手被我们打败了(Dui shou bei wo men da bai le – Соперник был побежден нами) – 对手我们已经打败了(Dui shou wo men yu jing da bai le – Соперника мы уже победили).

Многие синонимические ряды включают предложения, в которых их члены перемещаются по прагматическим соображениям, чтобы разнообразнее и точнее передать смысл. С другой стороны, иногда одна и та же структура предложения обладает совершенно разными значениями, что приводит к возникновению двусмысленности. Ср.:

这个人谁都不相信(Zhe ge ren shui dou bu xiang xin) → (1) Этот человек никому не верит; (2) Этому человеку никто не верит; 他没有在火车上写字(Ta mei you zai huo che shang xi zi) → (1) Он не писал иероглифы в поезде; (2) Он не писал иероглифы на поверхности (стенках вагонов) поезда.

Приведенный выше сопоставительный анализ приводит нас к выводу, что многие русские МП не имеют соответствующих китайских типов предложения, а имеют только коррелятивные формы выражения. Так, русская МП с предикатом физиологического состояния У меня голова болит коррелирует с китайским предложением, состоящим из подлежащего и сказуемого типа 我/头疼(Wo / tou / teng – дословно: Я / голова / болеть) или с подлежащим, выраженным существительным с определением типа 我的头疼(Wo de tou / teng – Моя голова болит), но нельзя сказать *在我这里头疼(Zai wo zhe li tou teng).

В заключение можно отметить, что сходства, наблюдаемые даже в разных по типу языках, подтверждают универсальность человеческого языка. Однако в разноструктурных языках различий намного больше,

чем сходств. Выявленные при сопоставительном анализе особенности того или иного языка помогают учащимся овладевать иностранными языками, избегая интерферирующего влияния родного языка. Это, наверное, и есть главная цель типологического сопоставления разноразнообразных языков.

Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативной грамматики. – М., МГУ, 2000. – 502 с.

Всеволодова М.В., Го Шуфень. Класс моделей со статальными предикатами и их речевые реализации (в зеркале китайского языка). – М.: АЦФИ, 1999. – 169 с.

Гао Минкай. О китайской грамматике. – Изд-во «Шануншупугуань», 1986. (高名凯 汉语语法论 北京: 商务印书馆, 1986).

Го Шуфень. Сопоставление русских и китайских типов предложений: Модели предложения с бытийным и статальным предикатами. – Хэйлунцзяньское народное издательство, 2003.

(郭淑芬, 俄汉语句型对比—存在和状态述补句型, 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 2003)

Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса. – М.: Наука, 1973. – 351 с.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 368 с.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика. – М., 1998. – 528 с.

Копров В.Ю. Изучение русских посессивных конструкций в англоязычной аудитории // Мир русского слова. – № 4. – 2001. – С. 67-72.

Копров В.Ю. Об изучении вариантов порядка слов русского высказывания в группах китайских студентов // Актуальные проблемы подготовки китайских учащихся в вузах РФ: Материалы международной научно-практической конф. 14 марта 2002 г. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002. – С. 83-86.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.

Лю Шусян. 800 слов в китайском языке. – Изд-во «Шануншупугуань», 2000. (吕叔相 现代汉语八百词(增订本), 北京: 商务印书馆, 2000.).

Русская грамматика. – Том II. – М.: Наука, 1980. – 709 с.

Солнцев В.М. Введение в теорию изолирующих языков. Восточная литература РАН. – М., 1995. – 352 с.

Чжан Цзин. Основные типы синтаксических структур китайского языка // Китайская филология. – № 3. – 1981.

(张静 1981, 汉语句法结构的基本类型(上) — 《新编现代汉语语法体系的几点说明》《中国语文》, 1981年第3期.)

Чжан Хуэйснь. Сопоставительное исследование русского и китайского языков. – Т. I, II. – Шанхай: Шанхайское изд-во образования, 2004. 张会森主编 俄汉语对比研究(上、下卷), 上海: 上海外语教育出版社, 2004.

Фань Сяо. Концепция о трёхуровневой грамматике. – Пекин: Пекинский ун-т культуры, 1998. (范晓 三个平面的语法观 北京: 北京语言文化大学, 1998).
Энциклопедия. Русский язык. – 2-е изд. – М., 1997. – 605 с.

М.Л. Гордиевская

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ВЕРСИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ИХ ВОПЛОЩЕНИЕ В СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ РУССКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Сопоставительный анализ диахронических срезов одного и того же языка, позволяет заметить, что многие развитые прежде в грамматическом отношении категории все больше и больше начинают выходить за рамки морфологического маркирования и выражаются синтаксическими средствами. Смена морфологической парадигмы синтаксической с последующей унификацией поверхностного воплощения актантов – одна из заметных тенденций в эволюции многих современных индоевропейских языков.

К утратившим морфологические различия категориям относится, на наш взгляд, и так называемая **категория версий**, которая характеризует предназначение действия лицу или предмету.

Данная категория способна выражать 3 типа «предназначения»¹:

а. «*X* *делает* нечто для себя (*Xa*)», где *X* – субъект действия и заинтересованное лицо (бенефактив);

б. «*X* *делает* нечто для *У*», где *X* – субъект действия, а *У* – заинтересованное лицо (бенефактив);

с. «*X* *делает* нечто», где *X* – субъект действия, а заинтересованное лицо представлено нулем.

Эти три варианта «предназначения» выражают соответственно 3 версии: а) центростремительную (субъект = бенефактиву); б) центробежную (субъект ≠ бенефактиву); с) нейтральную (бенефактив = 0 или не определен в речевой ситуации).

Таким образом, можно заметить, что для центростремительной и центробежной версий дифференциальным оказывается признак кореферентности / некорееферентности участников ситуации, а нейтральная версия противопоставлена двум другим на основе

¹ Классификация трех версионных значений базируется на картвелистической лингвистической традиции [Ломтатидзе 1976], на теории диатез [Холодович 1979], общей теории морфологических значений [Мельчук 1998: 215-218] и концепции актантной деривации [Плунгян 2000].

неопределенности бенефактива. Речь идет в данном случае о неопределенности компонента значения в синтаксической структуре. По весьма точному выражению В.Ю. Копрова, пустая позиция в структуре «мысленно заполняется неопределенной или обобщенной номинацией того предмета, который обычно выполняет функцию этого актанта в выражаемой ситуации» [Копров 2010: 160].

Версионные отношения так же универсальны в языках мира, как и временные или количественные соотношения. В прошлом некоторых индоевропейских языков эта категория воплощалась в противопоставлении актива и медиа, что находило отражение в граммемах глагола, как в санскрите («он совершает жертвоприношение *для себя*» *yajate* – «он совершает жертвоприношение» *yajati*); древнегреческом («он несет дары себе» *δωρα φέρει* – «он несет дары себе» *δωρα φέρει*) и др. В медиальном залоге глагол представлял процесс, который развивался в субъекте, что оправдывало существование целого класса глаголов, не знавших другого залога (*рождаться* – греч. *γενναίω*; лат. *nascor*; *наслаждаться* – лат. *fungor*; *возвращаться в привычное состояние* – греч. *ἐρχομαι*). Основной смысл противопоставления различных версий – медиа и актива – лучше всего выражает формулировка Панини: медиальный залог – это «слово для себя» (*ātmanepada*), а активный залог – это «слово для другого» (*paraśmaipada*) [Бенвенист 1974: 186; Гамкрелидзе, Иванов 1984 : 333-336].

Уже в древности формы медиального залога приспособлялись для выражения более частных значений – посессивности, возвратности, взаимности [Бенвенист 1974: 184-186]. Приспособление медиального залога для выражения этих значений вполне объяснимо, так как при движении в глубину семантической структуры, например, посессив и бенефактив совпадают, оказываясь субъектами второго события. Ср. *Он починил машину сестры* vs. *Он починил машину сестре* (*Он починил машину* + *Сестра обладает машиной*). Многие современные языки, как будет показано далее, также обладают способностью надевать на версионные отношения «маску» посессива.

В тех языках, где категория версии жива в системе словоизменения, есть оппозиционные морфемы, которые выражают центростремительную и центробежную версию, как например, суффиксы *-ku* и *-ri* в языке кечуа, противопоставляющие такие пары глаголов: *akllakiu* «выбирать себе» – *akllariyu* «выбирать для кого-то»; *takikiyu* «петь для себя» – *takiriyu* «петь для кого-то», *manakiyu* «просить для себя» – *manariyu* «просить для кого-то» и т.д. [Пестов 1980: 129-132]. Ясно различимые показатели трех видов версионных отношений есть и в современном грузинском языке, где показатель *i-*

противопоставляет центростремительную версию центробежной с граммемой *и*- [Мельчук 1998: 216].

Современные индоевропейские языки избрали лексико-синтаксическую тактику выражения версионных отношений. Так, например, в русском и английском языках версии выражаются вставкой специального слова в поверхностную структуру:¹

а) Он купил *себе (для себя)* картину – ср. англ.: *He bought himself a picture*;

б) Он купил *жене (для жены)* картину – ср. англ.: *He bought his wife a picture / He bought a picture for his wife*;

с) Он купил картину – ср. англ.: *He bought a picture*.

Таким образом, центростремительная версия предполагает обязательное наличие возвратного местоимения, а центробежная версия требует вербализации «заинтересованного лица» – того, в чью пользу совершено действие. По сути, этот участник ситуации, интересы которого оказались затронуты (бенефактив), отнюдь не является актантом. Глагол *купить* имеет 4 валентности: агенса, объекта, контрагента, платы; получатель действия никак не представлен в семантике этого глагола. Следовательно, появление бенефактива в предложении не продиктовано семантической структурой глагола и связано с выражением отдельного смысла – предназначения. Действительно, предложения (а) и (б) содержат две пропозиции: (а) *Он купил картину. Картина предназначена ему*; (б) *Он купил картину. Картина предназначена жене*. В рассмотренных примерах «принудительная» вставка лексемы *себе / жене* как раз и выражает категорию версии.

Между тем необходимо отметить, что «заинтересованное лицо» вполне может оказаться актантом глагола и полноправно возникать в синтаксической структуре как реализация адресата. Сравним следующие три предложения:

д) Он только что купил себе шляпу, и все стали ее по очереди примерять (В. Набоков);

е) Я купил ей новую теннисную ракету за эту фразу (В. Набоков);

ф) Кто-то догнал его и передал ему шляпу, забытую в автобусе (В. Набоков).

В предложениях (д) и (е) по-прежнему мы наблюдаем версионные отношения: центростремительные (д) и центробежные (е), а в

¹ В задачи настоящей статьи не входит сопоставительный анализ версионных отношений в русском и английском языках, однако параллели из английского языка будут приводиться, для того чтобы оттенить некоторые универсалии.

предложении (f) трехвалентный глагол *передать*, включающий в свою семантическую структуру агенса, объект и адресата, просто на просто реализует все три актанта.

Валентность адресата присуща всем глаголам с семантикой «передачи» (предмета или информации). Эта семантическая роль производна от роли агенса (субъекта). На семантическую вторичность этой роли указывал В.В. Гуревич: «Ситуацию *Peter gave the book to John* можно истолковать как «*Петр произвел действие, в результате которого Джон стал обладателем книги*», таким образом, адресат Джон есть субъект при предикате «обладания» во втором (результативном) событии...» [Гуревич 2003: 51]. Адресат имеет ряд поверхностных признаков, ограничивающих его способ выражения. Являясь субъектом каузируемого события, он непременно должен быть выражен одушевленным существительным [Гуревич 1988: 76].

Есть ли какие-либо поверхностные различия в выражении версии и адресата? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим следующие пары примеров:

g) Он построил сестре (Д. п.) дом / Он построил дом для сестры (Р. п.) – ср. англ.: *He built a house for his sister*;

h) Он сказал сестре (Д. п.) правду – ср. англ.: *He told his sister the truth*.

В предложении (g) *сестре* реализует версионные отношения, а в предложении (h) это же слово является адресатом.

В русском варианте предложений бенефактив имеет варианты выражения (Д. п. / для + Р. п.). Следует сказать, что варьирование дательного и родительного падежей бенефактива в русском языке различает степень заинтересованности лица в получении действия. Так, конструкция с *для* + Р. п. будет отчетливее выражать смысл «предназначение»: *Он привез соседке дрова – Он привез для соседки дрова*. В первом примере *соседка* является «получателем действия» и «пунктом назначения» одновременно, во втором – тем субъектом, ради которого затевалось действие. С еще большей настойчивостью «предназначение» действия выражается бенефактивом в структурах с предлогом *ради*: *Ты выполнишь приказ ради себя и ради меня* (Шварц); *Не сомневаюсь, что второй раз это было сделано специально ради меня* (В. Набоков); *Меня пронизала внезапная и совершенная уверенность, что сейчас граф пришел к тетушке исключительно ради меня и боялся, что меня тут не будет* (О. Форш); *Но она знала также, что ради себя отец не уйдет, но ради неё, детей и внуков может уйти* (А. Рыбаков).¹

¹ Данные примеры подобраны с помощью Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

Во всех представленных примерах центробежная и центростремительная версии накладываются на синтаксические структуры с предикатами, лишенными возможности выражать адресат как таковой. Действительно, глаголы движения (*прийти, уйти*); физического действия (*сделать, выполнить*) не содержат в своей семантике этого компонента значения, следовательно, версионные отношения включают в структуру предложения еще одну пропозицию: «действие совершено в пользу самого субъекта» или «действие совершено в пользу какого-либо лица». Формальный способ выражения бенефактива образует шкалу, на которой можно отобразить возрастание степени проявления предназначения действия. Продемонстрируем это на примере центробежной версии: *Он купил дом сестре* → *Он купил дом для сестры* → *Он купил дом ради сестры*.

Адресат при глаголе с семантикой «передача предмета / информации» в современном русском языке представлен только одним падежом – дательным без предлога. Действительно, замена дательного падежа иной формой не представляется возможной:

i) *Она дала мне янтарного чаю с бисквитами* (И. Бабель) (ср.: **Она дала для меня чаю...*);

j) *Будь милосерден, Азazelло, – ответил ему кот* (М. Булгаков) (ср.: **ответил для него...*);

к) *Филипп Филиппович в свою очередь отправил ему косой взгляд и умолк* (М. Булгаков) (ср.: **отправил для него взгляд...*).

В пользу разграничения версионных отношений в поверхностной структуре говорит и тот факт, что бенефактив может присутствовать в предложении наряду с адресатом:

l) *Он передал ей* (адресат) *книгу* – ср. англ.: *He handed the book over to her / He passed her a book*.

m) *Он передал ей* (адресат) *книгу для сына* (бенефактив) – ср. англ.: (1) *He handed over a book for her son / (2) He passed her son a book*.

Бенефактив, как было показано выше, в русском языке имеет вариантные формы выражения, однако, оказываясь «в одной упряжке» с адресатом, он закрепляет за собой единственно возможную форму – для + Р. п. (неверным будет употребление **Он передал ей книгу сыну*). Более ограничительно используется словоформа *ради* + Р. п.: *Он просил ее об этом ради сына*. Таким образом, язык стремится разграничить значения: «получателя» / «посредника» и «заинтересованного лица».

В английском варианте местоимение *her* в предложении (l) выражает классический адресат, а в предложении (m 2) предстает в роли посессива, что также необходимо для разграничения адресата и бенефактива. По сути, в русском языке посессивная конструкция (*Он*

передал *ее сыну книгу*) эквивалентна слабой степени выражения центробежной версии.

Итак, нетрудно заметить, что языки различают такие нюансы значения, как бенефактив и адресат, в поверхностной структуре. При этом адресат присущ глаголам замкнутого семантического круга, а версионные отношения способны выходить за пределы этого круга. Означает ли это, что категория версии применима к любому действию?

Хотя категория версии не связана с семантикой предиката напрямую, есть глаголы, при которых предназначение не может быть выражено в принципе. К их числу относятся безличные глаголы, показывающие состояние окружающей среды: ср. *Вечереет. Скоро похолодает. Сегодня слегка подморозило*; глаголы чувственного восприятия: например, невозможно **Я вижу для себя кошку*, но можно представить следующее употребление: *Я вижу для себя (для него) только один выход – где видеть* предстает как ментальный глагол; некоторые глаголы специфического движения: *Река течет среди равнин; Змея ползет по траве* и пр.

Наконец, следует заметить, что бенефактив и адресат в русском языке по-разному соотносятся с локативом. В современном русском языке морфологическое облачение бенефактива может совпадать с граммемами локализатора (конечной точки):

п) *Он вышел к зрителям* (бенефактив) – ср. англ.: *He came out to face the audience*;

о) *Он вышел к рампе* (локализатор, конечная точка) – ср. англ.: *He went out to the footlights*.

Грамматическое выражение адресата в русском языке не совпадает с обозначением конечной точки. Английский же язык демонстрирует больше единообразия в сфере выражения адресата и локатива.

р) *Он передал письмо декану* (адресат) – ср. англ.: *He handed the letter to the Dean*;

q) *Он передал письмо в деканат* (локализатор, конечная точка) – ср. англ.: *He handed the letter over to the Dean's office*.

Как отмечает В.Ю. Копров, локализатор и адресат выступают в русском языке в трехактантных семантических структурах, образуя соответственно две разновидности: (1) с адресатом: N – V – N4 – N3, например: *Я напишу Вам большое письмо* (Ю. Герман) и (2) с локализатором: N – V – N4 – pN, например: *Незнакомца повели к Андрею Круглову* (В. Кетлинская) [Копров 2010: 210-212].

Объединение адресата и локализатора в одной инвариантной синтаксической структуре обусловлено, на наш взгляд, с одной стороны, семантикой предиката, с другой – эволюционными процессами в истории русского языка. Общим в семантике глаголов в той и другой

разновидности трехактантной структуры является компонент значения «направление»: в структурах с адресатом выступают глаголы с семантикой «передачи информации / предмета», в структурах с локализатором – глаголы с семантикой «направленного движения». Отчасти это объясняет общность колебания нормы в поверхностном выражении адресата и локализатора: ср.: *Я замужем – и не должна бы к вам писать* (Ф. Соллогуб); *Вам, конечно странно, что я пишу вам, несмотря на ваше молчание* (В. Набоков); *Наконец Петр отправил к старшему брату письмо* (Н. Костомаров); *В 1744 г. Миних отправил ему на немецком языке длинное письмо* (Н. Костомаров).

Можно заметить, что в одних случаях адресат выражается дательным падежом без предлога (младшая норма), в других – дательным с предлогом *к* (старшая норма). Поверхностное выражение локализатора также колебалось вокруг этих двух отметок – дательный без предлога / дательный с предлогом *к*, хотя здесь исторически первым был беспредложный вариант употребления: *Ярославъ ... приде Киеву и вниде в город свои* (Повесть временных лет) – *И побегал от двора, гоним святым духом ушел к Москве* (Аввакум). Таким образом, русская языковая система «опознает» адресат и локализатор как «пункт назначения действия» и приписывает им схожие формы выражения.

В истории русского языка поверхностное выражение версионных отношений также было соотносимо с оформлением локализатора. Бенефактив имел специфическую, утраченную ныне форму выражения: *пред + В. п.* Сопоставим некоторые примеры выражения версионных отношений в текстах XVI-XVII вв. с их переводом на современный русский язык:

г) *Осетров с сорок свежих перед меня привезли* (Аввакум) – *Осетров с сорок свежих мне / для меня привезли*;

с) *Взяли меня палачи, привели перед него* (Аввакум) – *Взяли меня палачи, привели к нему*;

т) *И повеле государь приводити из Великого Новаграда владычных бояр... и жен их и детей пред себя* (Повесть о походе Ивана IV на Новгород в 1570) – *И повелел государь привести к себе из Великого Новгорода владычных бояр, и жен их, и детей*;

и) *По лутчему человеку поставити пред себя...* (Повесть о походе Ивана IV на Новгород в 1570) – *По лучшему человеку поставил перед собой*.

В примере (г) выражена классическая версия (*сорок осетров предназначались мне*). В современном русском языке, как было показано выше, изменился способ поверхностного выражения бенефактива (совр. рус.: *мне / для меня*). В последующих примерах конструкции *перед него* и

пред себя также выражают соответственно центробежную и центростремительную версии. Однако современный русский язык утратил способность четко различать бенефактив и локализатор в тех случаях, когда возможна контаминация этих двух смыслов (см. примеры s, t, u, а также n, o), поэтому в переводе конструкции *пред* + В.п. заменяются локативной моделью: *к* + Д.п. В русском языке «эпохи перелома» (конец XVI – нач. XVIII вв.) при помощи конструкции *пред* + В. п. лучше, чем в современном русском языке, передавалось значение «участника ситуации, заинтересованного в совершении действия». Действительно, в текстах «Жития протопопа Аввакума» и «Повести о походе Ивана IV на Новгород в 1570» за компонентом структуры, выраженным конструкцией *пред* + В. п., ясно угадывалась заинтересованность лица, локализатор же выражался иначе.

Современный русский язык изменил этому правилу. Так, предложение *Его привели к директору* не различает смыслы: (1) «*Его привели к директору, так как директор его вызывал*» и (2) «*Его привели к тому месту, где находился директор*». Таким образом, русский язык пошел по пути унификации структур для бенефактива и локализатора.

Выделение особых правил для употребления бенефактива в русском языке (на фоне очень сходных по значению ролей адресата и локализатора) говорит о существенности версионных отношений для системы русского языка в целом и для ее носителей. Хотя русский язык, в отличие от некоторых других индоевропейских языков, не знал иного выражения версии, кроме синтаксического, предназначение действия, заинтересованность лица выражались в русском языке достаточно строго в поверхностной структуре предложения.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. – Москва: Прогресс, 1974.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. – Тбилиси, 1984.

Гуревич В.В. Семантическая производность в грамматике. – М.: Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина, 1988.

Гуревич В.В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2003.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010.

Ломтатидзе К.В. Категория версии в картвельских и абхазо-адыгейских языках // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. – Т. 3. – Тбилиси, 1976.

Мельчук И.А. Курс общей морфологии. – Т. 2. Часть вторая: Морфологические значения. – М. – Вена: Языки русской культуры. Венский славистический альманах, 1998.

Плунгин В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. – М.: Эдиториал УРСС, 2000.

Пестов В.С. Об отображении субъектно-объектных отношений в глаголе кечуа // Вопросы языкознания. – М., 1980. – № 4. – С. 129-132.

Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. – Л., 1979.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

А.А. Градинарова

Софийский университет им. Св. Климента Охридского, Болгария

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ЯЗЫКАМИ И ПРОБЛЕМЫ УЧЕБНОГО ПЕРЕВОДА (на русском и болгарском языковом материале)

Между родственными славянскими языками – русским и болгарским – существуют довольно серьезные типологические различия, связанные со специфическими условиями развития болгарских диалектов и закреплением в литературном болгарском некоторых общих для членов Балканского языкового союза черт. Так, для болгарского языка как одного из представителей этого союза характерно наличие постпозитивного артикля, являющегося морфологическим выразителем категории определенности / неопределенности имени; использование местоименных клитик, аналитических форм степеней сравнения, будущего времени и перфекта; отсутствие инфинитива; удвоение объекта; неразличение форм выражения места и направления и др. В болгарском языке существуют также явления, вопрос о происхождении которых все еще не получил однозначного ответа. Это касается, например, употребления эвиденциальных форм (болгарского ренарратива). Современный болгарский сохраняет сложную систему глагольных форм времени и некоторые падежные формы личных местоимений при полной утрате именного склонения.

Существенные различия в русской и болгарской грамматических системах создают немалые проблемы для болгар и русских, изучающих соответственно русский и болгарский язык. В настоящей статье мы приведем несколько примеров, показывающих трудности, с которыми сталкиваются болгарские студенты-филологи при переводе

болгарского текста на русский язык и изучающие болгарский язык носители русского при переводе русского текста на болгарский.

1.1. Одна из проблем перевода болгарского текста на русский язык касается поиска русских функциональных эквивалентов для болгарских конструкций **пассива**.

В болгарском языке вследствие его именного аналитизма пассивные структуры имеют гораздо более широкое распространение, чем в синтетическом русском (подробно о связи распространения пассива с синтетическим или аналитическим строем языка см. [Зарецкий 2008]). Русский язык, так же как и другие языки синтетического строя со свободным порядком слов, располагает целым арсеналом синтаксических конструкций, предназначенных для реализации тех же коммуникативных целей, которым служит и пассив (фокусировка внимания на объекте действия, устранение субъекта из поля зрения, выражение его референциальной неопределенности или несущественности). К таким синтаксическим построениям относятся в первую очередь неопределенно-личные и безличные предложения (см. об этом [Копров 2010]).

При переводе болгарского текста на русский язык болгарские студенты-филологи, вместо поиска адекватного функционального эквивалента болгарским пассивным структурам, часто механически заменяют их русскими пассивными предложениями. Это ведет к нехарактерной для оригинальных русских текстов частотности пассива в переводе. Более существенными, однако, являются грамматические и стилистические ошибки, вызванные решением использовать русские глагольные пассивные формы в качестве эквивалентов болгарских возвратных форм от глаголов совершенного вида (форм возвратного перфективного пассива).

В болгарском языке, в отличие от русского, формы возвратного перфективного пассива широко употребительны и стилистически нейтральны: *Мисълта ми прескача на други подробности – ония, които остават, след като се изстиска водата от обширния редакторски коментар* (Б. Райнов); *Но във всеки случай едно присъствие, което, особено след чудесно изграденото трето действие, ще се запомни от оперната публика* (газ. Култура). Аналогичные русские формы, достаточно широко распространенные еще в языке первой половины XIX века, впоследствии выходили из употребления в связи с процессом переосмысления пассивных конструкций со страдательными глаголами на -ся в активные со значением средневозвратным или общевозвратным (см. [Шведова 1964]). В настоящее время основной сферой их использования в русском языке является речь, не ограниченная строгими нормами книжных стилей, хотя отмечается явная тенденция к

распространению этой модели и в стилях кодифицированного языка. Тем не менее в абсолютном большинстве случаев замена болгарских форм возвратного перфективного пассива аналогичными русскими в литературных текстах невозможна. Ошибки студентов в этом отношении довольно показательны: *В течение многих лет бытовые отходы вывозились на свалки, но вследствие угрозы здоровью населения, исходившей от свалок, *принялись более строгие правила их размещения* (ср. болг. ... **се приеха** по-строги правила...).

Русскими функциональными соответствиями болгарского трехчленного возвратного перфективного пассива являются чаще всего конструкции актива или построения с причастными формами пассивного залога. Ср.: *И започва да обяснява, че щом възпитанието не може да се осигури от родителите, значи то трябва да се поеме от държавата* (Б. Райнов) – *И он начал толковать мне, что современные родители, как правило, не в состоянии дать детям воспитание. Следовательно, эту функцию должно взять на себя государство* (перевод А. Собкович); *Решението трябва да се завери от нотариус* (газ. 24 часа) – *Решение должно быть заверено нотариусом.*

Болгарскому двучленному возвратному перфективному пассиву функционально эквивалентны русские безличные конструкции с инфинитивом совершенного вида, построения с причастными формами пассива, обобщенно-личные и неопределенно-личные структуры: *Можеше да се отгатне трагедията* (Д. Димов) – *Причину трагедии нетрудно было разгадать* (перевод Н. Попова, И. Шептунова и др.); *Що се отнася до мене, единичкото, което ме занимава, е въпросът кога и как ще се установи връзката* (Б. Райнов) – *Единственное, что меня интересует, – когда и как будет установлена связь* (перевод Т. Мицневой и Ю. Лубченкова); *Не могат да се препишат току-тъй цял куп ноти* (П. Вежинов) – *Без этого такую стопку нотных листов не перепишешь* (перевод М.Тарасовой); *На другия ден в легацията се получи препис от доклада му* (Д. Димов) – *Уже на другой день в посольстве получили копию его доклада* (перевод Н. Попова, И. Шептунова и др.).

1.2. Еще одну трудность для болгарских студентов-филологов представляет перевод на русский язык болгарских **да-предложений** со значением цели.

Как уже было отмечено, в современном болгарском нет формы инфинитива. В истории болгарского языка старые конструкции с инфинитивом и супином были вытеснены из употребления многофункциональной финитной **да**-конструкцией. Инфинитив, формально не выражающий отнесенности действия, процесса, состояния к лицу, не соответствовал магистральному пути развития

болгарской грамматической системы в направлении аналитизма, приоритетности категории определенности / неопределенности.

В настоящее время на уровне сложного предложения болгарская *да*-конструкция является одним из основных средств выражения целевых отношений. В русском языке с ней функционально соотносятся несколько конструкций, в частности бессоюзный инфинитивный оборот, инфинитивный оборот с союзом *чтобы*, финитная клауза с союзом *чтобы*, клауза с глагольной формой, дублирующей личную форму матричного глагола движения или положения в пространстве. Ср.: *Одевшись таким образом, он вышел прогуляться, подышать свежим воздухом и не приметно отправился прямехонько к аптеке* (В. Соллогуб) (болг. ...излезе **да се поразходи, да подиша чист въздух...**); *С болезненным выражением лица затыкал он уши, чтобы не слышать уличного крика и хохота* (Д. Мережковский) (болг. ...запушваше си ушите **да не чува виковете и смеха от улицата**); *Из магазина говорящих и играющих аппаратов раздалась зябкая музыка, и кто-то прикрыл дверь, чтобы музыка не простудилась* (В. Набоков) (болг. ...някой затвори вратата **да не настине музиката**).

Смысловые различия, эксплицируемые формально различными русскими целевыми конструкциями, современный болгарский язык скрывает под общей языковой формой. Незнание условий употребления этих русских конструкций приводит к многочисленным ошибкам в учебных переводах носителей болгарского языка, автоматически заменяющих целевое *да*-предложение русским инфинитивным оборотом, например: **Иди принести книгу* (болг. *Върви да донесеш книгата*) вместо *Иди принеси книгу*.

2. Следующие два примера будут касаться трудностей, которые испытывают изучающие болгарский язык русские при переводе русского текста на болгарский язык.

2.1. Довольно часто проблему представляет перевод на болгарский язык русских **безличных предложений**.

Так же как и частотность в языке пассивных структур, распространение в нем безличных конструкций и их соотношение с пассивом прямым образом связаны с типологическими характеристиками этого языка [Копров 2000; Зеленецкий 2004; Зарецкий 2008]. Именной аналитизм болгарского языка препятствует структурному разнообразию использующихся в нем безличных построений. В первую очередь проблематичными оказываются безличные конструкции с переходными предикатами.

Так как возможности выражения синтаксических отношений в языке с аналитизмом в именной системе ограничены, фраза стремится к словопорядку с фиксированными позициями для актантов. В

болгарской нейтральной речи подлежащее обычно предшествует прямому дополнению и занимает тематическую позицию. Постановка прямого дополнения, выраженного существительным, в позицию темы требует его дублирования местоименной клитикой, падежная форма которой эксплицирует синтаксические отношения. Такие конструкции характерны для разговорной речи. Ср.: *Ураган отнесе покрива* 'Ураган снес крышу' и *Покрива го отнесе ураган* 'Крышу снес ураган'. Другую возможность тематизации прямого дополнения предоставляет конструкция пассива: *Покривът беше отнесен от ураган* 'Крыша была снесена ураганом'. Вероятность того, что в языке с типологическими характеристиками болгарского безличная модель с транзитивными предикатами может быть продуктивной, невелика.

Говоря об употреблении в болгарском языке безличных конструкций с глаголами механического воздействия и семантикой проявления стихийных природных сил, И.С. Георгиев отмечает, что объект в подобных бесподлежащих построениях, как правило, представлен местоименной клитикой: *Повлече го*; *Отнесе я* [Георгиев 1990: 44]. Винительный падеж клитики выражает синтаксические отношения. Существительное, формально не различающееся по падежам, не способно самостоятельно выполнять эту функцию. Безличные предложения с переходным глаголом физического воздействия типа *Повлече го* (где нулевое подлежащее не является анафорическим) нельзя отнести к распространенным в современном языке построениям. К факторам, влияющим на снижение продуктивности этой модели, И.С. Георгиев относит нечетко выраженную глагольной формой 2-3 лица безличность и возможность интерпретации отсутствия подлежащего как речевого эллипсиса [Георгиев 1990: 42].

Безагенсный пассив так же, как и безличная конструкция, скрывающий каузатора действия, не предполагает неоднозначной интерпретации и не ограничивает возможностей тема-рематического членения (ср.: *Покривът беше отнесен* с подлежащим-темой и *Беше отнесен покривът* с подлежащим-ремой). Преимущества этой конструкции делают ее конкурентоспособной и широко употребительной.

Безличная модель с транзитивными предикатами находит в болгарском языке ограниченное применение при описании физического, психического и ментального состояния субъекта. Здесь используется небольшое число близких к фразеологизмам конструкций, как правило, с винительным падежом местоименной клитики: *Тресе ме*; *Тегли ме*; *Доядя ме*; *Пробожда ме в кръста*; *Мързи ме*. Безличные предложения с переходным предикатом и партитивом экспериенцера в функции прямого дополнения, распространенные в русском языке (*Свело ногу*; *Ломит спину*), в болгарском не

употребляются в силу уже указанной причины – невозможности формального разграничения позиций винительного и именительного падежей. Маркировать зависимую позицию партитива в данном случае не могла бы и местоименная клитика, так как она воспринималась бы как референциально соотнесенная с самим экспериенцером, а не с его партитивом (ср. [Георгиев 1990: 62]). В болгарских соотносительных конструкциях партитив занимает позицию подлежащего. Ср.: *Когда он сел, заломило позвоночник* (Б. Полевой) – *Когато седна, заболя го гръбначният стълб* (перевод К. Георгиевой).

Болгарская конструкция пассива является одним из основных функциональных эквивалентов русских безличных предложений с транзитивными предикатами. Ср.: *Сломав несколько деревьев, машина развалилась на части, но мгновением раньше Алексея **вырвало** из сиденья, **подбросило** в воздух* (Б. Полевой) – *Като пречули няколко дървета, самолетът се разби на части, но миг преди това Алексей **бе откъснат** от седалището и подхвърлен във въздуха* (перевод К. Георгиевой).

Другим функциональным эквивалентом русских безличных конструкций с переходными глаголами является болгарский декаузатив. Хотя декаузативация, в отличие от пассивизации, отражается на составе участников ситуации, и та и другая имеют общую коммуникативную цель – поместить в фокус внимания исходный пациенс. При этом пассив, понижая коммуникативный статус агенса / каузатора ситуации, уводит его на периферию высказывания или представляет синтаксическим нулем, а декаузатив вообще устраняет этого участника из концепта ситуации. Показательно, что в переводах русских текстов болгарский декаузатив заменяет русскую безличную структуру преимущественно в тех случаях, когда идентификация каузатора ситуации затруднена. Ср.: *Через некоторое время вагон сильно **тряхнуло*** (В. Пелевин) – *След известно време вагонът силно **се разтресе*** (перевод И. Попова).

Когда по каким-либо причинам, обычно семантического порядка, пассив и декаузатив как соответствия отвергаются, переводчику приходится «выдумывать» каузатора, помещая его в позицию подлежащего: *Этого свиста Маргарита не услышала, но она его увидела в то время, как ее вместе с горячим конем **бросило** сажень на десять в сторону* (М. Булгаков) – *Маргарита не чу това свиркане, но тя го видя, докато **някаква вълна** я **отхвърляше** заедно с врания ѝ кон на десетина сажена встрани* (перевод Л. Минковой).

Хотелось бы подчеркнуть, что ограничения, накладываемые в болгарском языке на использование безличной модели, связаны именно с его типологическими характеристиками. Если эти характеристики не препятствуют адекватному выражению смысла

посредством безличной конструкции, такие структуры не только используются в болгарском, но и в значительной степени превосходят по своей употребительности и сферам распространения русские соответствия. В первую очередь это касается таких безличных моделей, как субъектный имперсонал (см. [Плунгян 2003: 218-219]) и так называемый безличный пассив.

2.2. Болгарские конструкции **субъектного имперсонала** и **безличного пассива**, наряду со стандартной безагенсной пассивной структурой, функционально эквивалентны русским **неопределенно-личным** предложениям. При переводе с русского языка на болгарский этот факт необходимо учитывать в связи с меньшей распространенностью неопределенно-личных конструкций в болгарском языке по сравнению с русским.

Ограничения в использовании болгарской неопределенно-личной модели связаны с рядом факторов. В первую очередь такие ограничения обусловлены аналитизмом болгарского языка, в определенных условиях препятствующим тематизации прямого дополнения.

Дополнение-рема более обычна для болгарских текстов, причем расположение такого дополнения после темы высказывания предпочтительно. Так, при переводе русских неопределенно-личных конструкций с препозитивным рематическим прямым дополнением последнее чаще заменяется постпозитивным. Ср.: *Ну, он немножко удивился, но потом решил, что это просто **новое оформление** сделали, и стал смотреть дальше. А дальше все опять было как обычно. Сначала **какой-то трактор** показали, потом израильскую армию* (В. Пелевин) – *Е, той малко се учудил, но после решил, че просто са направили ново **оформление**, и продължил да гледа нататък. А нататък всичко отново било като преди. Отначало показали **някакъв трактор**, после израелската армия* (перевод И. Попова).

Тематизация прямого дополнения, как уже было отмечено, осложняется отсутствием в болгарском языке форм склонения имен существительных. Дополнение-тема при формальном неразличении именительного и винительного падежей может быть неправильно воспринята как подлежащее. Необходимость представления прямого объекта в позиции темы в болгарских литературных текстах связывается в первую очередь с выбором конструкции безагенсного пассива. Так, в переводах с русского с целью сохранения тематической позиции объекта, представленного препозитивным дополнением русской неопределенно-личной конструкции, переводчики обычно используют болгарский пассив: ***Место** отправления ЗПЛ «Темное Пламя» **выбрали** так, чтобы его могло проводить наибольшее количество людей* (И. Ефремов) – ***Мястото**, откъдето щеше да*

потегли ЗПЛ «Тъмен пламък», **бе избрано** така, че той да може да бъде изпратен от най-голям брой хора (перевод Б. Мисиркова).

Другая тактика тематизации прямого дополнения характерна для болгарских разговорных и близких к ним текстов. Препозитивное дополнение-тема, выраженное существительным, дублируется показывающей синтаксические отношения местоименной клитикой. В таких текстах русским неопределенно-личным конструкциям соответствуют аналогичные болгарские структуры: *Дверца открита, документи вернули – бери и смывайся!* (Е. Лукин) – *Вратата е отворена, документите ги върнаха – скачай и изчезвай!* (перевод И. Попова).

2.2.1. Болгарский субъектный имперсонал функционально соответствует русским неопределенно-личным предложениям в тех случаях, когда предикаты таких русских построений непереходны или при переходных предикатах объект не имеет поверхностного выражения. Ср.: *Через четверть часа после того, как она покинула меня, ко мне в окна **постучали*** (М. Булгаков) – *Петнайсетина минути след като тя ме напусна, на прозореца ми **се почука*** (перевод Л. Минковой); *На самом деле, конечно, жених был известен заранее, а на состязании главным образом **жрали и пили*** (В. Пелевин) – *Всъщност, разбира се, женихът е бил известен отпреди, а на състезанието главно **се е яло и пило*** (перевод И. Попова).

Субъектный имперсонал является в болгарском языке одним из способов выражения генерализованного или неопределенного субъекта. Эта конструкция, причисляемая болгарской грамматической традицией к числу безличных, стилистически нейтральна и чрезвычайно широко употребительна. В болгарском субъектном имперсонале глагол имеет возвратную клитику *се*, позиция семантического субъекта стерта: *На този ден **не се пее*** ‘В этот день не поют’ (буквально: В этот день не поется), ср. неграмматичность построения с агентивным дополнением: **На този ден **от никой*** (‘никем’) *не се пее*. При образовании субъектного имперсонала от исходных структур с переходными глаголами прямой объект не продвигается в позицию подлежащего, как при образовании пассива, а, имея предельно низкий коммуникативный ранг, уходит со сцены вместе с субъектом. При отсутствии контролирующего согласование подлежащего глагольный предикат принимает «безличную» форму 3 лица ед. числа. Ср.: *Вноските се плащат по банков път* (безагенсный пассив) – *Плаща се по банков път* (имперсонал).

Назначение субъектного имперсонала – не характерное для залоговых противопоставлений конвертирование ориентации процесса, а устранение из поверхностной синтаксической структуры его участников.

Оказавшиеся за кадром субъект непереходного глагола, а также субъект и объект глагола переходного воспринимаются как участники референциально обобщенные или неопределенные. Неслучайно конструкция субъектного имперсонала, специализированная на устранении субъекта и объекта ситуации и выражении их нереферентности, так широко распространена именно в болгарском языке, придающем большое значение категории определенности / неопределенности и располагающем большими возможностями формального выражения референциальных свойств актантов.

2.2.2. Механизм образования безличной структуры с причастным предикативом – безличного пассива – в русском и болгарском языках одинаков. Непереходность глагола не является препятствием для образования от него предиката данной модели (ср. однофункциональность причастных форм от основ переходного и непереходного глаголов при их параллельном употреблении: *Так что тут у нас лет пять не кошено и не хожено* (Ю. Домбровский). Количество и состав актантов у производящего глагола вообще не имеют принципиального значения для производства конструкции, поскольку основное ее назначение – фокусирование внимания на семантике результированного состояния. Если пассив – это, по выражению В.А. Плунгяна, «прежде всего “борьба с исходным подлежащим”, которое не устраивает говорящего своей коммуникативной выделенностью; не так существенно, найдется ли среди участников данной ситуации другой кандидат на столь же привилегированный коммуникативный статус» [Плунгян 2003: 199], то безличный пассив – это борьба с исходными подлежащим и прямым дополнением одновременно.

Между русским и болгарским языками имеются различия в объеме производящей базы и функциональной закреплённости безличных структур с причастным предикатом. Возможность образования этой предикативной формы в русском языке в большей степени, чем в болгарском, связана с грамматическими и лексико-грамматическими характеристиками производящего глагола, в первую очередь с его видом и переходностью или непереходностью. В болгарском языке безличные предложения с причастными предикативами, независимо от грамматической и лексико-грамматической характеристики производящей глагольной основы, стилистически нейтральны.

Русский нормированный нейтральный контекст, в отличие от болгарского, в большинстве случаев не допускает безличных конструкций с причастной формой, образованной от непереходного глагола. См.: *Според него през изминалите 7 години с тази кола е пътувано много пъти зад граница* (газ. Черно море) – ...на этой

машине много раз **ездили** за границу, ср. недопустимость для нейтральной речи: ...на этой машине много раз **езжено** за границу. В истории русского литературного языка безличные конструкции с причастным предикатом, образованным от основы непереходного глагола, были вытеснены из нейтральных контекстов в связи с резко возросшей в XIX веке продуктивностью неопределенно-личной модели. Хотя в современной стилистически сниженной речи продолжают употребляться предикативы типа *езжено, плавано, сижено, стреляно, жито*, функциональными соответствиями болгарских предложений с подобным предикатом в нейтральном контексте являются неопределенно-личные конструкции: *Стреляно е от засада* – *Стреляли из засады*; *В апартамента вече е живяно* – *В этой квартире уже жили* и т.п.

От некоторых глаголов, в большинстве своем глаголов несовершенного вида, в русском кодифицированном языке перестали образовываться страдательные причастия прошедшего времени, что было связано с разграничением семантики и функций причастных сказуемых на *-н*, *-т* и сказуемых, выраженных рефлексивными глаголами (см. [Шведова 1964]). В настоящее время из-за отсутствия русской нормативной причастной формы несовершенного вида соответствием болгарской безличной конструкции с причастным предикативом не может быть аналогичная структура. Ср., например: *Там беше питано за жените* (газ. Новинар) – *Там спрашивали о женщинах*.

Таким образом, при переводе на болгарский язык русских неопределенно-личных конструкций необходимо помнить о меньшей частотности аналогичных структур в болгарском и распространенности в нем других функционально равнозначных моделей.

3. В заключение еще раз подчеркнем, что переводческие проблемы, о которых шла речь в настоящей статье, связаны с несовпадениями в составе русских и болгарских синтаксических моделей и степени распространения тех или иных типов конструкций, что является следствием типологических различий между сопоставляемыми языками.

Георгиев И.С. Безличные предложения в русском и болгарском языках. – София: Народна просвета, 1990.

Зарецкий Е.В. Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и

другими индоевропейскими языками). – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2008.

Зеленецкий А.Л. Сравнительная типология основных европейских языков. – М.: Academia, 2004.

Копров В.Ю. Сопоставительная типология предложения. – Воронеж: ВГУ, 2000.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010.

Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. – М., 2003.

Шведова Н.Ю. Изменения в системе безличных предложений // Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX века. – М., 1964.

Л.И. Гришаева

Воронежский государственный университет

ВАРИАНТЫ ИЛИ СИНОНИМЫ? (О МОТИВАХ ВЫБОРА СРЕДСТВА ОБОЗНАЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА)

Ряд языковых средств можно в зависимости от ракурса рассмотрения интерпретировать по-разному, что не будет внутренне противоречивой исследовательской операцией. Так, средства обозначения одной и той же ситуации можно трактовать либо как варианты, либо как синонимы. Вариантами такие обозначения, как, например, *Петр поет песню; пение Петра; поющий Петр; Петр, поющий песню* и др., следует признать, если принять во внимание количество аргументов в обозначаемой пропозиции, тип отношения между аргументами, а также когнитивные характеристики функтора. Вместе с тем, упомянутые средства можно трактовать как синонимичные, если иметь в виду содержательный аспект соответствующих обозначений ситуации.

Понятия «вариант» и «синоним» с полным правом относятся к основополагающим практически для каждого лингвистического исследования. Под «вариантами понимаются разные проявления одной и той же сущности, <...> которая при всех изменениях остается сама собой» [Языкознание 2000: 80]. Синонимические отношения изучаются прежде всего применительно к лексическим единицам, однако в широком смысле синонимия прослеживается и в морфологии,

и в синтаксисе, и во фразеологии.¹ Однако обсуждаемые отношения (вариант – инвариант, синонимия) можно подвести и под более широкое понятие – понятие «изофункциональность», под которой, вслед за Б.А. Абрамовым, следует понимать единицы, выполняющие одну функцию и принадлежащие к одной понятийной сфере [Абрамов 1985], поскольку изофункциональными могут быть единицы, относящиеся к разным уровням языка и обладающие разными семантическими, формально-структурными, синтаксическими свойствами. Названным критериям удовлетворяет совокупность приведенных выше средств обозначения одной и той же пропозиции при восприятии деятельности человека.

Ввиду значительного количества изофункциональных языковых средств с разнообразными свойствами лингвисту чрезвычайно важно решить, по крайней мере, два комплекса проблем: во-первых, определить лингвистически релевантные основания для трактовки языковых средств в качестве изофункциональных; во-вторых, выявить мотивы, детерминирующие выбор коммуникантов того или иного языкового средства из массива изофункциональных.

На упомянутые вопросы попытаемся ответить через анализ средств обозначения деятельности человека, обилие и разнообразие которых не удивляет в силу антропоцентричности языка как феномена и неотторжимости деятельности от человека. Достаточно напомнить, что в глагольной системе абсолютно доминируют глаголы антропосферы, т.е. глаголы, обозначающие разнообразные действия, процессы, состояния, носителем которых является человек. Характерно, что отдельные глаголы адресант считает возможным использовать при именовании разных действий; ср. разные способы именовании деятельности человека: с одной стороны, *Он опять **накричал** на свою мать / Он **зубит** своей учительнице / Он, не переставая, **болтает** во время лекции. – Он **ведет себя** плохо / возмутительно / недопустимо* и, с другой стороны, *Он **рисует** портрет / Он **пишет** новую книгу / Он мастерски **играет** на скрипке – Он **ведет себя** хорошо / выше всяких похвал / адекватно.*

Среди названных языковых средств следует особо выделить те, которые адресант использует для оценки с той или иной позиции деятельности / действия человека. Обсуждаемые средства характеризуются многочисленностью и высокой гетерогенностью и поэтому представляют собой благодатный и, что гораздо важнее, адекватный материал для осмысления мотивов выбора их адресантом при решении им одной ономаσιологической задачи – обозначения

¹ О соотношении понятий вариант – синоним – дублет – трансформ – перифраз в грамматике см., например, в работе [Копров 2010: 54-61] (прим. ред.).

деятельности человека. Необходимо особо подчеркнуть, что деятельность человека может именоваться специализированными средствами, т.е. глаголами (*рисует, рисовал, нарисовал, нарисуй*), а также существительными и единицами иной частеречной принадлежности (*рисование, рисуя, нарисовав, рисующий, прорисованный*). При этом важно отметить, что одна и та же внеязыковая ситуация может обозначаться единицами с принципиально разными семантическими свойствами; ср.: *Ребенок бросает в соседа шарики мороженого – Ребенок ведет себя плохо*. Характерно, что в подобных случаях речь не идет о перспективизации сведений о ситуации, а об особенностях концептуализации деятельностного континуума, категоризируемого адресантом.

Чтобы выявить, какие факторы обуславливают выбор адресантом одного из изофункциональных средств обозначения деятельности человека, необходимо прежде всего определить параметры, релевантные для результата концептуализации и категоризации восприятия деятельности человека: (1) кто является субъектом оценки деятельности / действия, (2) совпадают ли в реальности в одном лице субъект оценки и субъект действия, (3) является ли адресат субъектом действия и / или субъектом оценки, (4) каков объект оценки, (5) в каких коммуникативных условиях оценивается действие, (6) что служит основанием / эталоном¹ оценки деятельности, (7) какова цель оценки деятельности, т.е. является ли акт оценки целью коммуникативного взаимодействия или сопутствует последнему (см. матрицу 1) (см. подробнее [Гришаева 1998]).

Перечисленные параметры когнитивно значимы потому, что деятельность человека в строгом смысле представляет собой континуум, расчленив который можно только в опоре на владение носителями конкретной культуры социальных эталонов выполнения деятельности в тех или иных условиях. Благодаря этому носители культуры знают, какая цель достигается, когда, какими действиями, при каких условиях, с какими последствиями. При этом ясно, что комплекс сведений об одной и той же воспринимаемой ситуации может по-разному концептуализироваться и категоризоваться, т.е. подводиться под некоторую категорию опыта, осмысленного субъектами познания и коммуникации и на этом основании осмысляться.

¹ Основание оценки и ее эталон – понятия близкие, но не тождественные, что важно учитывать при анализе конкретных языковых средств. В познавательной деятельности могут иметь место один и тот же социальный эталон и разные основания оценки и наоборот, например, одно основание, разные эталоны: *Петр и Павел ведут себя хорошо: Петр помог старушке войти в автобус, а Павел уступил ей свое место*.

Матрица 1.

Объект оценки	Субъект действия мыслится как		Субъект оценки мыслится как		Субъект действия (1)			Субъект оценки (2)			Контакт (1) и (2)		Аксиологический контекст			Языковое средство
	Личность	Социальный тип	Личность	Социальный тип	Адресант	Адресат	Не-коммуникант	Адресант	Адресат	Не-коммуникант	Имеет место	Отсутствует	Положительный	Отрицательный	Нейтральный	
I																
II																
III																
IV																
V																

Существует несколько возможностей концептуализации и категоризации деятельностного континуума, воспринимаемого субъектом оценки деятельности, – в зависимости от того, что является когнитивной фигурой в конкретном акте познания и на каком когнитивном фоне осуществляется концептуализация и категоризация соответствующих сведений.

I. Деятельность воспринимается как некий комплекс, определение количественного и качественного состава которого не релевантно для актуальных коммуникативных условий. Тем самым интерпретатор (он же субъект оценки) абстрагируется от каких-либо реально выполняемых действий, одновременно осознавая на основании своего коммуникативного опыта причинную взаимосвязь самих действий. Очевидно, что в таких случаях адресант предпочитает языковые единицы широкой семантики и, в частности, единицы с семой «совокупность действий» в семантической структуре лексемы: *Он ведет себя хорошо / неподобающим образом. Он поступает как герой. Она действует сообразно сложившимся условиям.*

II. Интерпретатор может осознавать некоторый ряд реальных действий человека как разворачивающуюся в пространственно-временном континууме последовательность. Связать их воедино в некоторую совокупность он по тем или иным причинам либо не может, либо не хочет, либо считает это несущественным для актуального коммуникативного акта. Поэтому в подобных случаях

адресант выбирает единицы, именующие род, вид, тип, аспект деятельности в отдельности: *Он поет песню. Ребенок обезьянничает. Дети прилежно решают задачи.*

III. Субъект оценки воспринимает некий ряд действий как целесообразно взаимосвязанные, как комплекс со всеми составляющими его на данный момент действиями. Соответственно, адресант использует одновременно единицы и широкой, и конкретной семантики: *Вася сегодня просто молодчина. Он решает трудные задачи, никому не мешает, помогает соседу, отвечает на все вопросы учителя.*

IV. Отталкиваясь от социально значимых эталонов выполнения того или иного рода деятельности, субъект оценки может опознать комплекс действий по одному из них и оценить по этому действию весь комплекс как соответствующий / несоответствующий – с его точки зрения! – общеизвестным эталонам осуществления деятельности. Решая такую ономаσιологическую задачу, адресант выбирает языковые средства двух типов: одну с собой «совокупность действия», а также единицы, именующие конкретный род, тип, аспект, вид деятельности: *Приличные люди всегда ведут себя корректно. Они не повышают голоса, деликатны, не опускаются до оскорблений собеседника, уважают его человеческое достоинство.*

V. Субъект восприятия может вычленить из воспринимаемых им действий одно, привлекшее по какой-либо причине его внимание, и оценить способ выполнения этого действия. Естественно, адресант использует для этого единицы, именующие какой-либо род, вид, тип деятельности: *Он хорошо поет. Она великолепно танцует.* (Ср.: *Он ведет себя хорошо / великолепно.*)

Характерно, что во всех выделенных случаях имеется мощный набор изофункциональных средств. Так, оценить совокупность действий как таковую (объект оценки I) можно по-разному: *Он ведет себя хорошо / как настоящий добряк / как истинно добрый человек, Он добрый / добряк. Его добропорядочное поведение восхищает* и т.д. Учитывая тождество референции и изофункциональность языковых средств, можно назвать несколько способов именования одной и той же пропозиции. Применительно к оценке деятельности человека это глагольные (ГЛ), субстантивные (СБ), адъективные (АД) предложения, вычленяемые, согласно позиции X. Бринкманна [Brinkmann 1971], на основании способа выражения синтаксического предиката и предикатива, обозначающие одну и ту же ситуацию, однако по-разному профилирующие один и тот же комплекс сведений о воспринимаемой субъектом ситуации.

ГЛ различаются своей структурой, зависящей от семантико-структурных свойств глаголов, конституирующих соответствующие

предложения (о семантических классах глаголов, обозначающих деятельность человека,¹ см. подробнее [Гришаева 1998; 2006]) (см. матрицу 2):

- предложения с глаголами конкретной семантики, именующими определенный род, вид, тип, аспект деятельности человека (ГЛ 1). Оценка этого рода, типа, вида, аспекта деятельности характеризует способ выполнения деятельности / действия и дается обстоятельством образа действия, которое зачастую не относится к структурному минимуму соответствующего предложения; объект оценки – действие, именуемое глаголом: *Er singt **gut** / **schlecht*** – Он поет *хорошо* / *плохо*;

- предложения с глаголом-провербом *делать* / *tun, machen*² (ГЛ 2). Как и в первом случае, оценивается способ выполнения деятельности;

¹ Среди глаголов антропосферы можно на основании различных семантико-структурных и когнитивных критериев выделить следующие группы, которые будут гомогенными с точки зрения их семантико-структурных и функциональных особенностей, референциальных свойств и особенностей реализации номинативно-коммуникативной функции конституируемых ими предложений, а также их текстоорганизующих потенций:

(1) глаголы, **именующие** деятельность человека:

а) глаголы, именующие определенный **вид/аспект/тип/род** деятельности:

аа) глаголы, именующие операции по выполнению действия,

ааа) глаголы, именующие действие в структуре деятельности,

аааа) глаголы, именующие деятельность;

б) глаголы, именующие некоторую **совокупность** действий:

бб) глаголы, именующие совокупность действий, **константную** по какому-либо признаку,

ббб) глаголы, именующие совокупность действий, **произвольную** в количественном и качественном отношении;

(2) глаголы, **характеризующие** деятельность человека:

а) глаголы, характеризующие определенный **вид/род/тип/аспект** деятельности:

аа) глаголы, характеризующие способ выполнения определенной операции по выполнению действия,

ааа) глаголы, характеризующие способ выполнения действия в структуре деятельности,

аааа) глаголы, характеризующие способ выполнения деятельности;

б) глаголы, характеризующие некоторую **совокупность** действий:

бб) глаголы, характеризующие совокупность действий, **константную** по какому-либо признаку,

ббб) глаголы, характеризующие совокупность действий, **произвольную** в качественном и количественном отношении [Гришаева 2006: 64 и сл.].

² Характерно, что в немецком языке имеется в отличие от русского, французского, английского языков три глагола поведения, которые можно признать прототипическими для соответствующего семантического класса:

объектом оценки является совокупность действий: *Er macht das schlecht / gut* – Он делает это **плохо** / **хорошо**;

- предложения с широкозначным глаголом поведения (ГЛ 3). Оценивается степень соответствия выполняемых действия / действия социальному эталону через замещение обстоятельственной позиции при глаголе поведения; объект оценки – совокупность действий, количественный и качественный состав которой не представляется существенным в актуальном коммуникативном акте: *Er benimmt / beträgt / verhält... sich schlecht / gut* – Он ведет себя **плохо** / **хорошо**;

- предложения с глаголом, содержащим в семантической структуре лексемы оценочную сему (ГЛ 4). Оценивается соответствие / несоответствие действий человека социальным эталонам; объект оценки – одно действие или их некоторая совокупность, состав которой определен по тому или иному признаку: *Er randaliert* – Он **хулиганит**.

Передать оценку действиям человека можно с помощью АД, которые потенциально способны содержать в себе несколько оценочных предикатов: единицы оценочной семантики синтаксически могут быть предикативом, субъектом, могут сочетаться с единицами оценочной семантики в функции согласованного или несогласованного атрибута, а также с разными объектами. Уже в силу своей синтаксической семантики АД предназначены для характеристики: объекту, поименованному в позиции синтаксического субъекта, приписывается какой-либо признак. Прилагательное в функции предикатива обозначает большей частью признак, не связанный с изменением во времени. Поэтому оценка, содержащаяся в АД, воспринимается адресатом как более категоричная, поскольку приписываемый признак осмысливается как константный, хотя и один из множества возможных (см. матрицу 2):

- в АД1 признак приписывается субъекту: *Er ist (mir gegenüber) schlecht / gut*. – Он (по отношению ко мне) **плохой** / **хороший**;

в АД2 характеризуется некоторая совокупность действий, состав которой произволен в количественном и качественном отношении: *Sein Verhalten ist schlecht / gut* – Его **поведение** **плохое** / **хорошее**;

в АД3 характеризуется совокупность действий, константная по какому-либо признаку: *Die Undiszipliniertheit ist schlecht* – **Недисциплинированность** **плоха**. – *Die Höflichkeit ist gut* – **Вежливость** **хороша**;

в АД4 характеризуется определенный вид, тип, род, аспект деятельности: *Sein Gesang ist schlecht / gut* – Его **пение** **плохо** / **хорошо**.

sich benehmen, sich betragen, sich verhalten (см. подробнее [Гришаева 1998; 2006]). Поэтому в центре внимания находятся единицы немецкого языка.

Свое отношение к действиям человека можно выразить также при помощи СБ разного типа. Единицы в функции синтаксического субъекта и предикатива могут содержать оценочную сему в семантической структуре лексемы или же сочетаться с единицами оценочной семантики в функции согласованного или несогласованного атрибута. Оценка в СБ основывается на причислении соответствующего объекта (лица или некоторой совокупности действий или одного действия) к определенному классу, который именуется языковой единицей в функции предикатива. Поскольку каждый класс объектов вычленяется на основании достаточно жесткого приписывания ему набора признаков, оценка действий в СБ воспринимается адресатом как категоричная и как более категоричная по сравнению с таковой в ГЛ и АД (см. матрицу 2):

СБ1 позволяют адресанту включить субъекта действий в некий класс и дают ему тем самым возможность охарактеризовать действия субъекта прежде всего в плане его социальной активности в опоре на свое знание социально значимых представлений о типичных действиях человека в определенных условиях. СБ1, как и АД1, амбивалентны в содержательной трактовке, что позволяет адресанту играть категоричностью / некатегоричностью оценки и ее субъективностью / объективностью: *Er ist ein Rowdy / Prachtkerl* – Он хулиган / молодчина;

с помощью СБ2 адресант подводит воспринимаемую им совокупность действий человека, произвольную в количественном и качественном отношении, под некоторую оценочную категорию, релевантную в социокультурном отношении для носителей определенной культуры; при этом оценочная категоризация накладывается на иные типы категоризации, что приводит к потенцированию оценки: *Sein Verhalten ist Blödsinn* – Его поведение – глупость;

предложениями СБ3 определенный тип, вид, род, аспект деятельности человека подводится под некоторую категорию, известную и значимую для носителей конкретной культуры: *Sein Gesang ist wahre Kunst* – Его **пение** – подлинное искусство;

предложения СБ4 фиксируют языковыми средствами, что некоторая совокупность действий, константная по некоторому признаку, подведена под более общую категорию; поэтому оценка действий человека в таких случаях весьма категорична: *Grobheit ist ein unrichtiges Verhalten* – Грубость – неправильное поведение.

Матрица 2.

Языковое средство	Наличие оценочной семы в семантической структуре лексемы в функции				Сочетаемость с агрибутом оценочной семантики (для предикатива, субъекта или объекта)	Аксиологический потенциал коммуникативной единицы	Степень категоричности коммуникативной единицы
	Предикат / предикатив	Субъект	Обстоятельство образа действия	Объект			
ГЛ1	(+)	(+)	+	(+)	(+)	(+)	+/-
ГЛ2	-	(+)	+	((+))	(+)	(+)	+/-
ГЛ3	-	(+)	+	((+))	(+)	(+)	(+)
ГЛ4	+	(+)	-	-	(+)	(+)	+
АД1	+	(+)	-	(+)	(+)	+	+
АД2	+	(+)	-	((+))	(+)	+	+
АД3	+	+	-	(-)	(+)	+	+
АД4	+	(+)	-	-	(+)	+	+/-
СБ1	+	(+)	-		(+)	+	+
СБ2	+	(+)	-		(+)	+	+++
СБ3	+	(+)	-		+	+	+/-
СБ4	-	+	-		+	+	+++

Описанные свойства обуславливают различную степень категоричности оценки действий: наиболее категорична она в СБ, наименее в ГЛ, что связано с логической семантикой. Невысокую степень категоричности оценки действий в ГЛ можно объяснить тем, что глагол в силу своих свойств как семантического предиката, функтора обозначает большей частью динамический признак, изменяющийся во времени. Поэтому и адресат воспринимает соответствующую оценку как актуальную только в конкретный временной отрезок, т.е. как преходящую, неконстантную. Следует отметить, что в ряде случаев оценка в ГЛ3 может восприниматься адресатом как весьма категоричная. Основой подобной интерпретации является способность ГЛ3 отсылать к социальным эталонам, базирующимся на широкозначности, дейктичности глаголов поведения (см. детальную аргументацию в [Гришаева 1998; 2006]). Поэтому соответствующая оценка может восприниматься адресатом не как субъективное суждение адресанта, а как мнение социума. ГЛ3

можно использовать для того, чтобы адресант мог независимо от соображений и характера обстоятельств скрыть свою прямую оценку действиям; ср.: *...13 октября в 11 утра в редакцию «МК» ворвались два десятка парней в черной форме с погонами. Вели себя нагло, сорвали работу, зачитали ультиматум, грозили принять «жесткие» меры», фотографировали журналистов... (Московский комсомолец) – дебоширили, бесчинствовали, действовали как преступники; ср.: *benahmen sich frech – tollten, tobten, wüteten*.*

Степень категоричности может варьировать в зависимости от семантики единиц, замещающих обстоятельственную позицию при глаголе поведения, от степени конкретности семантики соответствующих единиц, от когнитивной семантики той или иной части речи, от наличия / отсутствия атрибута у разных членов предложения, от логической семантики пропозиции, которую именуют ГЛ, СД, АД, от характера категории, под которую подводится тот или иной воспринимаемый объект, а также от присутствия / отсутствия обозначений действий, составляющих совокупность, в дискурсе: *То есть к армии разбойников присоединится армия четвероногих грабителей? С ними-то как себя вести? – Не бежать, не размахивать руками и не пытаться уговаривать: собаки в состоянии агрессии не выносят человеческого голоса – они этого не любят. Лучшие всего просто застыть на месте, если у вас в сумке нет ничего съестного. А если вы несете колбасу и чувствуете, что ее потери не избежать, бросьте кусок в стаю, и пока они там будут разбираться, отступайте – только не бегом – к ближайшему подъезду (Комсомольская правда).*

Сопоставление разных способов «овнешнения» оценки действий человека показывает, что важным является также учет количества и типа вербализуемой в предложении пропозиции: в ГЛ, как правило, одна пропозиция типа $R(x,y)$, а СБ и АД содержат в большинстве случаев две пропозиции типа $P(x)$. Таким образом, очевидно, что анализируемые предложения находятся на пересечении двух типов предикирования: *Tut-Prädikation* и *Ist-Prädikation*, которые Й. Эрбен описывает как две альтернативные возможности высказывания. *Ist-Prädikation* как одна из форма высказывания сообщает, что «что-то есть / было / будет здесь» или «что-то есть / было / будет такое» или отрицает, что «что-то есть / было / будет здесь» или «что-то есть / было / будет такое». *Tut-Prädikation* информирует о том, что «что-то происходит» или «что-то происходило / должно произойти». Например, в высказывании *Achtung, das Pferd beißt/ist bissig* индивид характеризуется, а в высказывании *Das Pferd ist ein Beißer* индивид классифицируется / субсуммируется [Erben 1996: 259].

Подводя итог, можно сделать ряд выводов. Очевидно, что при выборе одного из многочисленных средств обозначения деятельности человека адресант основывается в первую очередь на результате своей когнитивной деятельности: в зависимости от того, под какую категорию он подводит воспринимаемое им действие, последнее воспринимается либо как самостоятельное действие, либо как элемент некоторой совокупности действий, либо как некое акциональное единство, которые и становятся объектами оценки.

Концептуализация сведений о деятельности человека может осуществляться либо в инструментально-телеологическом, либо в социально-аксиологическом контексте. В первом случае когнитивным фокусом является объект деятельности, поэтому ее оценка осмысливается как способ выполнения действия. Во втором случае в когнитивном фокусе находится степень соответствия выполнения действия (или же их совокупности) социальному эталону; оценка действия / деятельности в этом случае воспринимается как социорегулятивная.

Соответствующие языковые средства правомерно трактовать как синонимичные (ср.: понятие «контекстуальные синонимы») только при атомистическом подходе к анализу этих средств. Описывать эти же средства как варианты можно при изучении принципов обозначения одной и той же ситуации и / или пропозиции. При изучении всего гетерогенного массива средств обозначения деятельности человека оба упомянутых подхода не могут дать исчерпывающего объяснения тому, какие основания лежат в основе выбора адресантом того или иного языкового средства.

Учитывая существенные различия в концептуализации сведений о деятельности человека в разных условиях и различия в степени их воздействия на адресата, наиболее адекватным следует признать описание изученных языковых средств как изофункциональных. Основанием для этого служит то, что анализируемые единицы, обладая разнородными семантико-структурными и когнитивными характеристиками, активизируют сведения из одной понятийной сферы, способны выполнять тем самым одну и ту же функцию – выступать в качестве социорегулятивов, облегчая адресату концептуализацию и категоризацию сведений о мире и регулируя его активность в пространственно-временном и социальном континууме, и предоставлять коммуникантам возможность использовать одно обозначение ситуации вместо другого даже в случае отсутствия реального содержательного сходства и / или тождества у языковых средств.

Абрамов Б.А. О функциях, изофункциях, функциональном подходе и функциональной грамматике // Проблемы функциональной грамматики. – М., 1985. – С. 77-87.

Гришаева Л.И. Номинативно-коммуникативная функция предложений с глаголами поведения. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1998. – 272 с.

Гришаева Л.И. Глаголы поведения как семантический класс глаголов антропосферы // Verbum: язык, текст, словарь. – Екатеринбург, 2006. – С. 56-71.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 688 с.

Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. – Düsseldorf: Schwann. – XXXI. – 939 S.

Erben J. Deutsche Grammatik. Ein Abriss. – München: Hueber Verlag, 1996. – 392 S.

Е.В. Дворникова

Воронежский государственный университет

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АНАЛОГА ПОДЛЕЖАЩЕГО В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ВТОРОСТЕПЕННЫМ ПРИЗНАКОВЫМ СКАЗУЕМЫМ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье с позиций семантико-функционального сопоставительного подхода рассматриваются русские и французские предложения с второстепенным признаковым сказуемым типа Он считает девочку *красивой*; Он находит этот случай *интересным* / Il trouve la fille *belle*; Il trouve ce cas *intéressant*.

Под второстепенным сказуемым подразумевается аналог сказуемого, реализуемый в структурах, которые репрезентируют небазисную пропозицию. Второстепенное сказуемое сочетается с аналогом подлежащего, выполняющим по отношению к основному сказуемому функцию объекта [Ломов 2004: 50; Алексеева 2010: 110]; см. об этом также [Копров 2010: 30-32].

Второстепенное признаковое сказуемое дает признаковую квалификацию предмета, заключенного не в подлежащем предложении, а в «аналоге» собственного субъекта, формально представленном дополнением. Это дополнение номинирует объект, который, по наблюдениям В.Ю. Копрова, наряду с субъектом, адресатом и локализатором, является обязательным актантом в

семантической структуре предложения с точки зрения концепции информативного минимума простого предложения [Копров 2011: 10].

До недавнего времени исследователи, характеризуя средства выражения подлежащего, обыкновенно удовлетворялись подразделением их на два разряда, первый из которых включал в свой состав его стандартные репрезентанты (прежде всего существительные и слова субстантивированных частей речи), а второй – нестандартные (инфинитив и всякого рода неизменяемые слова). Сейчас, в условиях семантизации синтаксической науки, характеристика именных членов предложения, в том числе подлежащего, идет по несколько иной линии и учитывает такое важное понятие, как **пропозиция**, пришедшее в лингвистику из логики.

Пропозиция, будучи в настоящее время **логико-грамматическим** понятием, трактуется как языковое воплощение некоего «положения дел» в действительности, как семантическое ядро предложения, его объективное содержание, анализируемое в отвлечении от всех сопровождающих субъективных значений и признаков – модальных, временных и т.д. В процессе лингвистического использования понятия «пропозиция» возникла тенденция к ее дифференциации с учетом ее различных сторон. Для наших целей наиболее важным является разграничение двух типов пропозиций: 1) **базисной** (развернутой), образующей номинативную основу предложения и актуализирующей свое содержание с помощью категории предикативности и 2) **небазисной** (свернутой, вторичной, номинализованной), выполняющей роль отдельного, именного члена предложения. Возможность функционирования пропозиций в качестве небазисного компонента семантической структуры предложения предопределяет двувариантный характер его именных членов, которые могут именовать как собственно предмет, так и опредмеченную ситуацию. С учетом этого существительные, выступающие в роли аналога подлежащего в предложениях с второстепенным признаковым сказуемым, могут быть собственно-предметными (или непропозитивными) и ситуативно-предметными (или пропозитивными). Каждый из названных вариантов аналога подлежащего отличается собственным набором средств выражения [Алексеева 1994: 36].

Сначала рассмотрим средства выражения собственно-предметного аналога подлежащего в русских и французских предложениях со второстепенным признаковым сказуемым.

В русском языке наиболее распространенной, типичной формой выражения собственно-предметного аналога подлежащего является **непропозитивное существительное**, способное, в силу своего

предназначения, самостоятельно указывать на единичные предметы: *Короткая юбочка-клеш сделала **стройные ножки Жанны** массивными (из газ.),* в том числе и имя собственное: *Николай находил **Наталью Николаевну** очень милой и интересной* (Вересаев).

Помимо этого в функции собственно-предметного аналога подлежащего широко представлены **местоименные существительные**, из которых наибольшей частотностью обладают личные местоимения, хотя встречаются и другие разряды: *И народ **меня** таким принял* (из газ.); *Вчера я обнаружил **ее** заплаканной* (из газ.).

В позиции аналога подлежащего возможно также употребление существительного в составе **количественно-именных** и **именных сочетаний**. Среди количественно-именных сочетаний важнейшее место занимают сочетания, формирующиеся либо с помощью числительных, либо с помощью слов с количественной семантикой: *Вернувшись домой, он нашел **почти все дома** пустыми* (Симонов).

Следует отметить, что к количественно-именным сочетаниям примыкает ряд сочетаний со значением избирательности, состоящих из числительного в именительном падеже и существительного множественного числа с предлогом *из* в родительном падеже, выделяющих предмет из числа ему подобных: *Жюри признало **одно из выступлений** лучшим* (из газ.).

Среди местоимений, выступающих в функции собственно-предметного аналога подлежащего, можно выделить:

относительное местоимение *который*, дублирующее существительное, репрезентирующее аналог подлежащего: *Я увидел дом, **который** три года назад оставил пустым* (из газ.); *Вересова играла на гитаре, пыталась петь, приносила еду, **которую** после уносила нетронутой* (Герман);

возвратное местоимение *себя*, указывающее на лицо объекта или адресата действия, отождествляемое с действующим лицом: *Я **считаю себя** некрасивой* (из разг. речи); *Вы **меня** находите подлым?* (из газ.).

В качестве аналога подлежащего в предложениях со второстепенным признаковым сказуемым могут также употребляться **субстантивированные** части речи. Чаще всего это субстантивированные прилагательные: *Мы ушли и оставили **гостиную** полной народа* (Юрьев); *Я **посчитал свою среднемесячную** жалкой* (из газ.).

Позиция собственно-предметного аналога подлежащего может оставаться лексически не замещенной: это имеет место в общеизвестных фразах, где аналог подлежащего эксплицитно **не выражен**, но мы сами можем его определить, подставив такие языковые единицы, как *каждый, все, люди*: *Возраст делает **мудрее*** (из разг. речи).

Во французском языке самым распространенным способом выражения аналога подлежащего также являются имена **существительные**: *Faut jamais laisser les enfants seuls* (Pennac); *Si les hauteurs de la marquise, ou les mauvaises plaisanteries de son fils, vous rendent cette maison décidément insupportable, je vous conseille de finir vos études dans quelque séminaire à trente lieues de Paris, et plutôt au nord qu'au midi* (Stendhal); в том числе и имена **собственные**: *En somme, elle trouvait M. de Rênal beaucoup moins ennuyeux que tous les hommes de sa connaissance* (Stendhal); *Lorsqu'elle put le rejoindre, Nana trouva Georges toujours bien sage, derrière son rideau* (Zola).

В позиции собственно-предметного аналога подлежащего в исследуемых нами конструкциях встречаются **местоимения** следующих разрядов:

указательные местоимения *ça* и *cela*, обладающие анафорической функцией, т.е. способностью указывать на предметы, лица, явления, действия. В пределах собственно-предметного аналога подлежащего они являются номинаторами единичных предметов действительности: *Elle avait des rides assez sévères au coin des yeux. J'y posai mon index: Moi, je trouve ça merveilleux, dis-je tendrement* (Sagan);

приглагольные местоимения *le*, *la*, *les* и *se*, употребленные при местоименном глаголе: *Je lui ai dit tu n'as pas changé. C'est idiot comme remarque mais c'était ce que je pensais sauf que je la trouvais encore plus belle* (Gavalda); *À cette parole, il n'y eut personne dans cette nombreuse assemblée qui ne se sentît ému* (Balzac);

относительное местоимение *que*, дублирующее аналог подлежащего: *Mais il voit plus grand et installe Coco, en 1910, au 21 d'une rue qu'elle rendra un jour célèbre, la rue Cambon, puis lui propose de venir vivre avec lui, non loin de là, dans l'appartement de l'avenue Gabriel* (Fiemeyer).

Перейдем к рассмотрению средств выражения ситуативно-предметного аналога подлежащего в русском и французском языках.

В русском языке одним из самых распространенных репрезентантов ситуативно-предметного аналога подлежащего являются девербативные и деадъективные **пропозитивные существительные**: *Они посчитали его открытие гениальным* (из газ.); *Служитель нашел это замечание чрезвычайно полезным* (Шукшин).

Наряду с ними могут использоваться непроизводные существительные, которые обладают пропозитивной семантикой: *случай, событие, задача, долг, итог, цель, путь, принцип, специфика* и под., имеющие обобщенно-отвлеченное значение и нуждающиеся чаще всего в распространении: *Он нашел рассказанный случай банальным* (Лобозеров); *Я считаю свой долг выполненным* (из газ.).

Ситуативно-предметный аналог подлежащего может быть репрезентирован **местоименным существительным** *это* (*вот, то, что*), содержащим отсылку не к предмету как таковому, а к некоторой опредмеченной ситуации: *Я в первый раз в жизни находил **это** (смерть) обыкновенным, нисколько не ужасающим* (Вересаев); *Он считал **это** (плохую погоду) отвратительным* (из газ.).

Крайне редко в позиции ситуативно-предметного аналога подлежащего в предложениях со второстепенным признаковым сказуемым может употребляться **инфинитив**: *Ловить рыбу я считал скучным* (из журн.).

Пониженные в ранге предложения, называющие оцениваемый факт действительности, также могут репрезентировать ситуативно-предметный аналог подлежащего: *То, что вы вмешались в это дело, мы считаем допустимым и целесообразным* (Думбадзе).

Во французском языке наблюдается схожий набор репрезентантов ситуативно-предметного аналога подлежащего.

В позиции ситуативно-предметного аналога подлежащего могут употребляться **непроизводные существительные**, обладающие пропозитивной семантикой: *Justement, la comtesse Sabine lui parlait. Il ne l'entendit pas, tellement il trouvait **le cas de Muffat** plaisant et extraordinaire* (Zola); *Martine trouvait **cette histoire** ridicule* (Triolet).

Наряду с ними могут использоваться **девербативные и деадъективные пропозитивные существительные**: *Alors, elle sauta tout de suite à une grande joie; elle chantait, elle dansait, trouvait **l'existence** belle* (Zola); *Mais Jeanne s'était levée malgré les signes de Julien qui trouvait trop courte **la visite*** (Maupassant).

В функции ситуативно-предметного аналога подлежащего широко представлены **местоимения** следующих разрядов:

указательные местоимения *ça* и *cela*. В рамках ситуативно-предметного аналога подлежащего они являются номинаторами определенной ситуации: *Elle continuait à se balancer, ne sachant faire que ça. Et on ne trouvait plus **ça** vilain du tout, au contraire ; les hommes braquaient leurs jumelles* (Zola); *Mignon disait partout que sa femme était ridicule d'en vouloir à Nana ; il trouvait **ça** bête et inutile* (Zola);

приглагольные местоимения *le, la, les*, содержащие отсылку не к определенному предмету, а к опредмеченной ситуации: *Je me fie à vous, venez voir ma femme toutes et quantes fois vous **le** jugerez convenable* (Balzac); *Ce que je voyais de plus clair, c'est que nous allions peut-être partir ensemble, en voiture, comme je l'avait imaginé et cru impossible* (Sagan);

неопределенное местоимение *tout*: *Lorsqu'elle croit avoir tout compris, l'image qui surgit, qui jaillit, la mystérieuse émotion qui naît d'un vers ou d'une ligne, les mots que l'on manipule jusqu'à ce que l'on touche à*

l'essentiel, la magie de l'imagination qui rend tout possible, Coco s'applique, seule, devant la page fiévreusement noircie (Fiemeyer).

Крайне редко в позиции аналога подлежащего можно встретить **инфинитив**. Эта глагольная форма, восходящая к существительному с глагольной основой и обозначающая действие не как предмет, а как процесс без указания на субъект и на характер отношения к объективной действительности, обеспечивает опредмеченное выражение ситуации, характеристика которой заключена в сказуемом: *Quoique le dîner ne fût indiqué que pour une heure, Julien trouva plus respectueux de se présenter dès midi et demi dans le cabinet de travail de M. le directeur du dépôt* (Stendhal).

В рамках интересующих нас конструкций аналог подлежащего может быть выражен **придаточным предложением**: *Justement! il s'agit de ce qui n'est pas possible, ou plutôt il s'agit de rendre possible ce qui ne l'est pas* (Camus); *Excuse tous ces mots, mais ce n'est pas facile à rendre intelligible ce qui se passe en elle* (Boileau-Narcejac).

Таким образом, аналог подлежащего в предложениях с второстепенным признаковым сказуемым в обоих языках предстает в двух вариантах: собственно-предметном и ситуативно-предметном. Каждый из вариантов аналога подлежащего имеет собственный набор средств выражения, но в обоих языках отмечается схожий состав репрезентантов, что подчеркивает универсальный характер используемого понятия второстепенного сказуемого в исследуемой синтаксической конструкции.

Алексеева Е.А. К вопросу о выделении второго и второстепенного сказуемых (на материале французского языка) // Лингвистическое наследие Шарля Балли в XXI веке / под ред. М.А. Марусенко. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. – С. 109-120.

Алексеева Е.А. Отождествительно-предметные предложения в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1994. – 144 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.

Копров В.Ю. Введение // Семантико-функциональный сопоставительный синтаксис: Субъектно-объектные отношения / В.Ю. Копров, Т.Н. Козюра, А.Л. Лебедева, О.М. Дедова, И.М. Супкова; под ред. В.Ю. Копрова. – Воронеж: Изд-во «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2011. – 263 с.

Ломов А.М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: Понятийный словарь-справочник. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – 400 с.

ЛОКАТИВНО-ПОСЕССИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ВОЗВРАТНЫМИ ГЛАГОЛАМИ В СВЕТЕ СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА

Предметом исследования в данной статье является семанτικο-структурное устройство и особенности функционирования русских локативно-посессивных предложений с возвратными глаголами в текстах медико-биологического профиля.

Данные предложения описываются здесь как компоненты микрополя обладания семанτικο-функционального поля посессивности [Копров 2010: 264-273]. Их инвариантная семантическая структура обозначается формулой «посессор-локализатор – обладание – объект», синтаксическая – структурной схемой используется $V + N_2 - V_{refl} - N$, например: *У нас **имеется** всё необходимое*; *У больного **наблюдается** повышенная температура*.

Данную конструкцию многие исследователи часто не выделяют в отдельный тип. Мы, вслед за В.Ю. Копровым, считаем целесообразным анализировать подобные предложения как отдельный семанτικο-структурный тип, составляющий переходную область от локативно-посессивной конструкции с глаголом *быть* к субъектно-объектной конструкции с глаголом *иметь* в активной форме.

Встречающиеся в рассматриваемой конструкции глаголы подразделяются на **три** группы.

1. Глагол *иметься*, обладая самой широкой сочетаемостью, составляет ядро данной подсистемы: *У него **имеется** дача*; *У них **имелись** кое-какие деньги*; если обладание какой-либо собственностью имеет периодический характер, то допустим глагол *водиться* (с метафорическим оттенком): *У него **водятся** лишние деньги* (ср.: *У него **бывают** лишние деньги*).

2. Глаголы, в которых рассматриваемое значение создаётся за счёт нейтрализации в определённых семантических условиях других компонентов значения: *наблюдаться*, *отмечаться*, *регистрироваться*, *обнаруживаться*, *выявляться*, *выделяться*, *проявляться*, *определяться*, *прослеживаться*, *встречаться*, *локализоваться*, *выслушиваться*, *пальпироваться*: *У больных с ишемической болезнью сердца с 6 до 15 ч **отмечается** наибольшая частота экстрасистол*; *Редкое поверхностное дыхание **наблюдается** при резком угнетении функции дыхательного центра у людей с ярко выраженной эмфиземой лёгких*; *У детей переломы рёбер **встречаются** в 10,6-35,3 % случаев*; *У*

здоровых взрослых чётко проявляется суточный ритм изменения частоты сердечных сокращений и менее чётко – ритмические изменения пульса в дневной и ночной периоды; У больных с митральным пороком IV стадии не выявляются ритмы газообмена артериальной крови, которые выявляются у больных митральным пороком других степеней; Шум трения плевры может в течение многих лет выслушиваться после перенесения плеврита у практически здорового человека.

3. Кроме того, поскольку важной особенностью научных текстов является изложение становления явлений, понятий, представлений, здесь активно используются фазисные глаголы: *появляться, открываться, формироваться, вырабатываться, сохраняться, поддерживаться, утрачиваться* и др.: У больных во время кашля нередко появляются позывы на рвоту; Уже к 5-ти годам у детей вырабатывается правильная осанка; У больных хронической сердечно-сосудистой недостаточностью формируется утолщение дистальных фаланг и закругление ногтей; Суточные ритмы основных показателей у пожилых людей сохраняются вплоть до 90-летнего возраста.

Как видим, в текстах медико-биологического профиля локативно-посессивные предложения с глаголами в пассивно-возвратной форме представлены весьма широко, что оправдывает их изучение в рамках отдельного типа предложений микрополя обладания.

Исходя из разделяемой нами концепции **залога и залоговости** (см. [Копров 2010: 132-152]), в предложениях типа *У него имеется машина* локализатор-посессор выступает как зависимая субстанция, поскольку позицию подлежащего занимает семантический объект. Глагол *иметь* получает возвратную форму несовершенного вида *иметься* (ср. с пассивной конструкцией). Все это имеет следствием залоговую «пассивизацию» локализатора-посессора, например: *У новорожденных имеется более быстрая адаптация обонятельных рецепторов; У некоторых больных кожный зуд имеется и без наличия желтухи.*

Ср. также предложения с возвратным глаголом *иметься* и с невозвратным глаголом *иметь*: *На заднем конце каждого ребра имеется головка – Рёбра от II до X имеют гребень головки ребра.*

Признавая, вслед за В.Ю. Копровым, рассмотренные вариантные конструкции обладания залоговыми трансформами, расположим их в порядке убывания **активности посессора**:

Поликлиника располагает новейшим диагностическим оборудованием → *Поликлиника имеет* новейшее диагностическое оборудование → *У поликлиники имеется* новейшее диагностическое оборудование → *У поликлиники есть* новейшее диагностическое оборудование.

Специфика залоговой семантики поссессора в предложениях обладания различных конструктивных типов оказывает влияние на функционирование этих предложений в текстах медико-биологического профиля.

Коммуникативная перспектива локативно-посессивных высказываний с глаголом *иметься*.

1. В нейтральных высказываниях реме соответствует глагол в совокупности с именем объекта: *У новорожденных имеется реакция на все 4 вида вкусовых раздражителей, порог раздражения вкусовых рецепторов; У раненых имеется комплексное повреждение с превалированием не челюстно-лицевой травмы.*

2. Сообщаемое (рема) заключено в глаголе: *У доношенных новорожденных детей суточные ритмы изменения температуры имеются; Все ферменты ЖКТ, необходимые для переваривания грудного молока, имеются, но отличаются более низкой активностью.*

3. В коммуникативный фокус (рему) высказывания попадает объект: *В норме у человека в пищеварительном тракте всегда имеется микробная флора; У всех детей с поражением ЦНС имеется та или иная форма аллергии; В лёгких у недоношенных детей в 1-ю неделю после рождения имеются явные признаки неравномерного распределения воздуха.*

4. В коммуникативный фокус попадает локализатор-поссessor: *Оно (голубоватое пятно) имеется только у млекопитающих; Локальное увеличение узлов обычно имеется у больных с местными воспалительными процессами; Подобные свойства имелись и у человека в доисторическую эпоху.*

5. При актуализации качественного определения в предложениях данного типа не наблюдается тенденции к преобразованию локативно-посессивных предложений в предложения субъектно-предикатного типа, которая ярко выражена у предложений с глаголом *быть*: *У I группы имеются более чёткие циркадные ритмы, которые по расположению акрофаз опережают 2 группу; Имеются заболевания по своей сути полиэтиологические, например, неврозы и аллергические реакции.*

6. При актуализации количественного определения высказывания также сохраняют структуру предложений обладания: *У молодых людей, находящихся на стандартном режиме и выполняющих большие физические нагрузки, имеются два минимума (в 18 и 4-6 ч) и один максимум (в 22 ч) ВЕ; Имеется значительное количество проб, определяющих активность компонентов свёртывающей и противосвёртывающей систем крови.*

7. В высказываниях подобного типа часто имеет место актуализация темпорального, причинного и т.п. распространителя: *Изменения деятельности сердечно-сосудистой системы имелись уже при пересечении трёх часовых поясов; Реакция зрительного анализатора на различные цвета имеется сразу после рождения.*

Итак, в текстах медико-биологического профиля весьма широко представлены локативно-посессивные предложения с глаголами в пассивно-возвратной форме, что требует их изучения как отдельного типа конструкций со значением обладания (см. об этом подробнее [Семантико-функциональный сопоставительный синтаксис 2011: 169-209]). При этом следует иметь в виду, что данная конструкция, отличаясь многозначностью и широкой сферой функционирования, используется для выражения не только отношений обладания, но и локализации, а также признака субъекта.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.

Семантико-функциональный сопоставительный синтаксис: Субъектно-объектные отношения / В.Ю. Копров, Т.Н. Козюра, А.Л. Лебедева, О.М. Дедова, И.М. Сушкова; под ред. В.Ю. Копрова. – Воронеж: Изд-во «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2011. – 263 с.

Е.Н. Дурова

Воронежский государственный университет

РУССКИЕ И ИСПАНСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ В СВЕТЕ РЕЛЯТИВНО- СТРУКТУРНОГО ПОДАСПЕКТА УСТРОЙСТВА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В нашем исследовании при сопоставительном анализе средств выражения процессуального состояния субъекта применяется **методика поаспектной характеристики семантико-структурного устройства предложения**, разработанная В.Ю. Копровым, которая заключается в выявлении состава и взаимодействия компонентов в каждом из следующих аспектов предложения: целевом, номинативном, предикативном, релятивно-номинативном, актуализирующем, эмоционально-экспрессивном, стилистическом. Важнейшим среди семи перечисленных аспектов является **номинативный аспект**, в рамках которого выделяются два подаспекта: ситуативно-структурный

и релятивно-структурный [Копров 1999: 16-19]. Центральное место при анализе устройства предложений с семантикой процессуального состояния в релятивно-структурном подаспекте занимает семантико-функциональное поле личности / безличности, соотносённые с ним подлежащность / бесподлежащность и категория определённости / неопределённости (обобщённости) актантов.

В русском языке процессуальное состояние субъекта выражается глагольными личными (*Я сплю; Я не могу спать*) и безличными возвратными конструкциями (*Мне спится*). Данные конструкции, в соответствии с разделяемой нами типологией предложения В.Ю. Копрова, относятся к одноактантным вербальным предложениям с типовым значением «предмет и его признак» и имеют инвариантную семантическую структуру «субъект и его состояние». В связи с тем, что процессуальное состояние субъекта в русском языке может выражаться как личными, так и безличными конструкциями, актуальным становится вопрос семантической характеристики субъекта в данных конструкциях.

В русском языке в оппозиции **личность / безличность** отражаются способы, при помощи которых говорящий имеет возможность по-разному характеризовать в предложении семантический актант – носитель признака:

а) в русских **личных** предложениях семантический носитель признака выступает и как грамматический носитель признака – подлежащее предложения; тем самым грамматически подчеркивается его роль – производителя признака или носителя состояния в передаваемой ситуации;

б) в **безличных** предложениях семантический носитель признака выступает в косвенном падеже уже не как его грамматический носитель (подлежащее), а как второстепенный компонент синтаксической структуры предложения – дополнение; тем самым его роль в передаваемой ситуации грамматически как бы ослабляется, затушевывается [Копров 2010: 121].

В испанском языке процессуальное состояние субъекта выражается глагольными личными (*Duermo, No puedo dormir*) и безличными возвратными конструкциями (*No se duerme*) [Рылов 1997: 128-130]

Как и в русском языке, в испанском предложении безличные глаголы могут выражать процессуальное состояние. При этом в испанской конструкции с безличными глаголами позиция носителя признака отсутствует, а указание на лицо – носителя состояния – имеется в контексте. Безличная форма образуется при помощи местоимения *se* и непереходного глагола 3 л. ед. числа. Однако лишь небольшое количество испанских глаголов в безличном значении

могут приобретать соответствующее русским безличным глаголам значение процессуального состояния субъекта и являться их прямыми эквивалентами (*dormir, respirar, comer, nadar*): *Se trabaja mejor en equipo; En esta ciudad se vive muy bien*. В остальных случаях для передачи подобных значений часто используются личные предложения с модальными глаголами. Ср.:

Как служится, как живется, как бегаются – к таким вопросам доброго ко мне командира я привык (А. Азольский). – *Que cómo va el servicio, que cómo se vive aquí, que cómo se corre; a preguntas de ese tipo del buen comandante ya me acostumbré*; Однажды он целую зиму совсем не топил своей комнаты и утверждал, что это даже приятнее, потому что в холоде лучше *спится* (Ф. Достоевский). – *Se le había visto pasar todo un invierno sin fuego, y él decía que esto era agradable, ya que se duerme mejor cuando se tiene frío*.

Следующим компонентом в релятивно-структурном подаспекте номинативного аспекта устройства предложения является категория **определённости / неопределённости (обобщённости) актантов**.

Грамматическая составляющая данной категории проявляется в асимметрии количества компонентов семантической и синтаксической структур предложения. Функциональная сущность категории заключается в возможности эксплицитного или имплицитного представления семантических актантов в синтаксической структуре предложения.

Актант, **эксплицитно** представленный в синтаксической структуре словоформой, одновременно с лексическим именованием как известного или неизвестного говорящему получает грамматическую характеристику по линии **категорий числа, рода и персональности**: единственное / множественное число; мужской / женский / средний род; 1-е лицо (говорящий), 2-е лицо (собеседник), 3-лицо (неучастник ситуации общения). Данные категориальные признаки актантов встречаются в конкретных предложениях в различных комбинациях и объемах, но во всех случаях актант предстает как грамматически **определённый**.

См. примеры с грамматически **определённым** агенсом:

а) в русских личных конструкциях: *Он спешил, он даже не успел сказать Людмиле о том, что подписал письмо. Божье мой, как быстро седеет Людмила* (В. Гроссман); *Мальчик, чёрненький, дичился, не шёл на руки – отвык* (И. Грекова); *Кто-то храпел, да так громко, что Андрей по сравнению с этим виртуозом выглядел младенцем* (Н. Леонов);

б) в русских безличных конструкциях: *Ему что-то нездоровилось: дыхание было горячее и тяжкое, ослабели ноги, тянуло к питью* (А. Чехов); *Противоречие не столько в том, что нам от таких слов нехорошо икается, а подобную «реку» мы уже давно «переплыли»* (В. Лапенков).

См. примеры испанских личных предложений с грамматически определённым агенсом: *El propietario del vehículo palidece al ver que los agentes lo retienen* (El País); *Alguien gritaba, una mujer, con dolor y terror mezclados, pero él no podía descubrir de dónde provenían los lamentos* (J.V. Uribe).

В русском языке в силу закона экономии речевых усилий избыточная местоименная форма выражения персональности регулярно опускается, образуя особый подтип личных активных предложений – **определённо-личные**. Определённо-личное значение выражается глаголом в форме 1-го и 2-го лица изъявительного наклонения: *Теорема такая: радуюсь (пусть даже обману) – значит, хорошою, а недостатки, как побитые собаки, заползают туда, где им и место»* (Г. Щербакова).

См. пример испанского определённо-личного предложения: *Vivo muy solo en esta casa, sin la compañía de mamá. Le voy a proponer que nos casemos en seguida; mi apellido seguirá existiendo* (M. Lebron).

На релятивно-структурном уровне любой актант может быть представлен синтаксическим нулем, который замещает в конструкции синтаксическую позицию актанта, не выражая никаких его категориально-грамматических признаков, т. е. возможные характеристики актанта по числу, роду и персональности нейтрализуются. В этом и заключается **грамматическая неопределённость** актанта. В русском синтаксисе личной активной конструкции с грамматически определённым субъектом категориально противостоит **неопределённо-личная конструкция**, в которой субъект лексически не выражен.

С точки зрения синтаксической формы неопределённо-личная конструкция является бесподлежащей (позиция подлежащего в её структурной схеме представлена имплицитно), поэтому согласования признакового компонента с субъектом не происходит, как это имеет место и в другой разновидности бесподлежащих предложений – безличных конструкциях. Отличительной чертой неопределённо-личной конструкции в русском языке является фиксированная форма глагола или связочно-именного комплекса – 3-е лицо множественного числа: *Раньше было так, что человек за 5, за 3 руб. работает весь месяц, раньше не жалели труда, не понимали. Теперь хорошо, что перестали зря работать и не побеждали от этого: как-то изворачиваются* (М. Пришвин).

Ввиду того, что различия между предложениями с неопределённым и обобщённым одноименным актантом лежат за пределами номинативного аспекта, мы, вслед за В.Ю. Копровым, не выделяем обобщённо-субъектные предложения в отдельные семантико-

структурные типы и относим обобщённое значение актанта к сфере неопределённости [Копров 2010: 159].

См. примеры с неопределённым (обобщённым) актантом:

а) личные конструкции: *И некоторый сюрреализм в нашем деле уместен. Особенно когда **работаешь** в цирке* (И. Кио); *Это оттого, видно, что я не отмечаю день рождения, давно не отмечаю. Сознательно – чему радоваться? Еще год прошел, а что толку? Надо грустить, что **стареешь*** (В. Крупин);

б) безличные конструкции: *А сейчас – так хорошо, тепло и уютно у костра, опять в пняджской пещере, под близкий – ласковый и твердый – ропот реки. И **засыпается** сладко, глядя на белые дымки, тенью скользящие по сводам* (С. Мстиславский).

См. примеры предложений с неопределённым (обобщённым) актантом в испанском языке:

а) личные конструкции: *Comemos para vivir y no **vivimos** para comer; Por la vía de la remoción, cabría apuntar que la conciencia es lo que se pierde cuando **uno** se duerme, se desmaya o es anestesiado; es decir, lo que desaparece cuando se pierde «el sentido», y vuelve con él, cuando lo recobramos* (J.L. Pinillos);

б) испанских безличных предложениях состояние обозначается без указания лица – носителя этого состояния: *¡Ah, que bien **se respira** ahora! Yo me ahogaba en este encierro* (Н. Plaza Noblíа); *Según dice esta gurú de las antípodas, «es falso que si no comes, mueres»: respirando y con un poco de té y agua **se vive** perfectamente* (М.А. Sabadell).

Таким образом, грамматическая категория личности / безличности более широко представлена в синтаксисе русского языка. При этом в русском языке определённо-личные конструкции частотнее, чем в испанском. Кроме того, в русском языке существуют одноактантные безличные возвратные конструкции со значением процессуального состояния как с определённым, так и с неопределённым субъектом. В испанском языке безличные конструкции функционируют только с неопределённым субъектом и не являются прямым эквивалентом русских безличных предложений.

Копров В.Ю. Аспекты сопоставительной типологии простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков). – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1999. – 160 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.

Д.Н. Еркова

Белгородский государственный университет

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПАНСКИХ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ

Цветовые обозначения издавна привлекали внимание исследователей, изучались их психолингвистические, эволютивные, лингвокультурологические и сопоставительные аспекты. В лингвистических исследованиях существуют различные подходы к изучению цветовых обозначений, например, функциональный, когнитивный, грамматический, сопоставительный и др.

Грамматический подход предполагает рассмотрение синтаксических и морфологических особенностей цветовых обозначений. Опираясь на имеющиеся наблюдения современных исследователей (М. Гарсия-Пахе, А.А. Кайбияйнен, В.Г. Кульпина) работы которых посвящены анализу синтаксических и морфологических особенностей цветовых обозначений, мы приходим к выводу о том, что в испанском, как и в других языках, существует определенное количество терминов цвета, называемых иногда основными, чья функция состоит в установлении классификационных различий в основном понятии цвета. К таким цветовым обозначениям мы относим следующие: *negro, blanco, rojo* или *colorado, verde, azul, amarillo, marrón* или *pardo* или *castaño, gris, índigo, beige, morado, rosado, magenta* [черный, белый, красный / алый, зеленый, синий, желтый, коричневый / бурый / каштановый, серый, индиго, бежевый, фиолетовый, розовый, темно-красный].

С морфологической точки зрения основные испанские цветовые обозначения в своем большинстве являются простыми лексическими единицами, среди них нет составных и очень мало производных (*colorado, morado*), а с синтаксической они функционируют и как существительные, и как прилагательные. Приведем пример: *el blanco de la nieve* [белый цвет снега] – в значении существительного; *pañuelo blanco* [белый платок] – в значении прилагательного. Еще одной особенностью основных цветовых обозначений является способность образовывать абстрактные существительные с помощью суффиксов *-ez, -ura, -or*: *rojo – rojez* [красный – краснота], *negro – negrura* [черный – чернота], *verde – verdor* [зеленый – зелень]. Только от прилагательного *azul* [голубой,

синий] в испанском языке не образуется ни одного существительного (ср. *синева неба* – *azul del cielo*). Отметим, что основные цветообозначения могут образовывать глагольные формы: *blanquesecer* [белеть], *verdear* [зеленеть], *azulear* [синеть], *enrojecer* [краснеть] и др.

Отметим, что список основных цветообозначений испанского языка намного шире и включает: имена прилагательные, используемые в качестве существительных; термины цвета, имеющие латинские корни и являющиеся устаревшими; цветоименования ограниченной сферы употребления: *rucio* [пепельный, сивый (о масти лошади)], *cárdeno* [черно-белый (о масти быков), опаловый (о цвете воды)], *rubio* [белокурый, русый], *cefrino* [зеленовато-желтый (чаще о цвете лица)], *flavo* [медового цвета (устаревшее)]. Вместе с тем очевидно, что термин «основные цветообозначения», предложенный М. Гарсия-Пахе, не соответствует схожему понятию, выделенному в работе Б. Берлина и П. Кея [Berlin, Kay 1969].

Вторая группа цветообозначений испанского языка включает ряд простых лексем, обозначающих физические объекты, в первую очередь природные (растения, овощи и фрукты, минералы, животные или их части: *lila* [сирень, сиреневый цвет], *violeta* [душистая фиалка, фиолетовый], *rosa* [роза, розовый], *naranja* [апельсин, оранжевый], *granate* [гранат, гранатовый], *plata* [серебро, белый цвет в геральдике], *oro* [золото, золотой или желтый цвет в геральдике], *tierra* [земля], *ocre* [охра], *salmón* [лосось], *hueso* [кость], *marfil* [слоновая кость] и т.д.), и в меньшей степени продукты производства (*crema* [сливки, кремный], *azafrán* [шафран, желто-оранжевый, шафранный цвет], *chocolate* [шоколад, шоколадный цвет], *miel* [мед], *mostaza* [горчица], и т.д.).

Указанные цветообозначения в испанской лингвистике называют второстепенными относительными. Как и основные термины цвета, относительные выражены простыми лексемами, за исключением *violeta* [фиолетовый], производным от *viola* [фиалка], но в отличие от них, не способны образовывать глаголы и существительные. Следует отметить, что некоторые из относительных цветообозначений образуют производные прилагательные с помощью суффиксации (*violáceo*, *carminéo*, *terroso*, *opalino*, *cobrizo*, *plomizo*, *ceniciento* [фиалковый, карминный, землистый, опаловый, медный, свинцовый, пепельный]) и парасинтеза с добавлением приставки *a-* и суффикса – *ado* (*anacarado*, *anaranjado*, *asalmonado*, *amulado*, *acobrado* [перламутровый, оранжевый, лососевый, смуглый, медный]).

Процесс интеграции названия объекта в группу цветообозначений имеет скорее практическую, чем лингвистическую основу. Перенос значения цвета предмета лежит в основе его использования в качестве цветообозначения. Другими словами, выражение *pañuelo naranja*

[оранжевый платок] подразумевает более полную формулировку: *un pañuelo de un color como el color de la naranja* [платок такого же цвета, как цвет апельсина].

Представляется интересным, что иногда цветообозначение становится настолько привычным, что вызывает у говорящего только ассоциации с цветом. Так, испаноговорящие дети под словом *granate* понимают цвет, а не минерал, а термин *naranja* используется испанцами чаще в значении цвета, чем предмета.

Кроме того, в испанском языке существует группа сложных цветообозначений, строящихся по схеме «основной цвет + физический объект». Такие цветоименования уточняют оттенки основных цветов (*azul cielo* [голубой цвета неба], *azul noche* [синий цвета ночи], *azul turquesa* [темно-синий], *azul marino* [цвета морской волны], *azul celeste* [небесного цвета], *rojo sangre* [кроваво-красный] и др. К этой же группе можно отнести цветообозначения, образованные по схеме «основной цвет + топоним или антропоним»: *rojo Corintio* [букв. «коринфский красный»], *rojo Burdeos* [красный Бордо], *amarillo Van Gogh* [желтый Ван Гог]. Не вызывает сомнения, что подобные цветовые ассоциации носят социокультурный характер. Другими словами, если человек не знает, что желтый цвет символизирует определенный этап творческой деятельности Ван Гога, то ему сложно будет представить оттенок *amarillo Van Gogh*. Основная функция всех второстепенных цветообозначений состоит в лингвистическом отражении всех цветовых нюансов реальности, чего нельзя добиться с помощью ограниченного количества основных цветов.

Кроме указанных трех групп, в качестве цветообозначений часто используются простые прилагательные, указывающие на оттенок или яркость окрашивания: *blancuzco* [беловатый], *cobrizo* [медный], *violáceo* [фиалковый], *azulenco* [голубоватый, синеватый] и др. Такие прилагательные в основном являются производными от основных цветообозначений и в меньшей степени от второстепенных и образуются с помощью суффиксации (-eo, -ino, -oso, -izo, -ento и др.) или парасинтеза с приставкой *en-* или *a-* и суффикса *-ado*.

Следует отметить, что в испанском языке в качестве самостоятельных цветообозначений никогда не используются прилагательные, выражающие тональность, яркость или блеск, а также насыщенность цвета: *claro* [светлый], *oscuro* [темный], *intenso* [интенсивный], *vivo* [яркий], *brillante* [блестящий], *mate* [матовый], *pálido* [бледный], *chillón* [кричащий] и др. Так, нельзя сказать **El color del bolso es el claro* [букв. «Цвет сумки – это светлый»], но *El bolso es de color claro* [букв. «Сумка светлого цвета»]. Для уточнения

тональности в испанском языке также очень популярны сравнения: *un bolso rojo como la amapola* [сумка красная, как мак].

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что вариантное разнообразие моделей цветолексем в испанском языке исключительно велико, а если мы обратимся к художественным текстам, и особенно к поэтическим, то увидим, что число таких вариантных моделей практически неисчерпаемо.

Из всего богатства терминов цвета выделяются, как правило, основные (базовые) и неосновные цвета. Основные цветообозначения – это наиболее абстрактные понятия, на синхронном уровне наименее мотивированные, выступающие в отношении неосновных цветов (оттенков, полутонов) как гиперонимы. Основные и неосновные цветообозначения различаются по частотности употребления. Очевидно, что основные цветоименования являются самой высокоупотребительной частью терминов цвета. Все остальные цветообозначения распределяются в зависимости от близости или удаленности от основных цветов. Этим фактом объясняется вариативность моделей цветоименований.

Кайбияйнен А.А. Устойчивые атрибутивно-субстантивные сочетания с прилагательными цвета в современном русском языке: дис. ...канд. филол. наук. – Казань, 1996. – 193 с.

Кульпина В.Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках. – М.: Московский лицей, 2001. – 470 с.

Berlin B., Kay, P. Basic colour terms: their universality and evolution. – Berkeley: University of California Press, 1969. – 210 p.

García-Page M. Los nombres de colores del español. De su composición y sus propiedades gramaticales // Revue Romane: John Benjamins Publishing Company, 2009. – P. 47-66.

Л.И. Зубкова

Институт менеджмента, маркетинга и финансов, Воронеж

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ В АНТРОПОНИМИКЕ (на материале переводов произведений В. Шукшина и В. Распутина на английский язык)

Перевод антропонимов в тексте художественного произведения является необходимым элементом передачи образов, определенной атмосферы общения и её смены, коммуникативной интенции автора, он затрагивает проблему передачи национального колорита и

национального своеобразия. Русские личные имена собственные, наряду с другими лексическими единицами, отражают языковую картину мира, сложившуюся в общественном сознании русского народа. Обмен информацией через перевод будет успешным при условии однозначности формирования и восприятия смысловой стороны высказывания.

Как показал анализ фактического материала, ведущим способом передачи русских имен собственных в английских переводах произведений В. Шукшина и В. Распутина является транскрибирование, т. е. пофонемное уподобление имени собственного, звучащего на языке оригинала (русском), новому имени, формируемому в тексте перевода (английском). В письменном переводе используются графические знаки, принятые для записи фонемы, подобной фонеме подлинника.

Используя способ транскрибирования, переводчики стараются максимально приблизить произношение русского личного имени собственного к оригинальному, указать на национальную принадлежность его референта, например: *Кузьма редко вспоминал Алексея* (В. Распутин. Деньги для Марии) – *Kuzma rarely thought about Alexei* (V. Rasputin. Money for Maria. Перевод М. Wettlin).

Этот способ применяется не только к полной форме личного имени собственного, но и к другим формам:

к гипокористической, например: *Филе было стыдно за жену, за председателя, за все правление в целом* (В. Шукшин. Залётный) – *Filya felt ashamed for his wife, for the chairman, for the entire collective-farm management* (V. Shukshin. The Stray. Перевод А. Bromfield);

к производным формам с суффиксами субъективной оценки, например: *Юрка вскочил и опять начал ходить по избе* (В. Шукшин. Космос, нервная система и шмат сала) – *Yurka jumped up and started pacing the room again* (V. Shukshin. Outer Space, Nervous System and a Slab of Fatback. Перевод Robert Daglish); – *Агнуша, – с трудом сказал он, – прости меня* (В. Шукшин. Как помирал старик) – “*Agnusha*”, *he muttered, “forgive me...”* (V. Shukshin. How the Old Man Died. Перевод Н. Smith);

к разговорной форме, например: *Анисим взял литовку, продернул её брусом* (В. Шукшин. Земляки) – *Anisim picked up his scythe and swept the whetstone along the blade* (V. Shukshin. Men of One Soil. Перевод R. Daglish);

к народной форме, например: *Он понимал, что есть на свете любовь, он сам, наверно, любил когда-то Алену (она была красивая в девках)...* (В. Шукшин. Думы) – *He realized there was such a thing as love in the world. He himself must have loved Alyona (she had been lovely as a girl)* (V. Shukshin. Thoughts. Перевод R. Daglish).

При транскрибировании, став яркими маркерами национальной культуры, русские имена концентрируют на себе внимание

англоязычного читателя. Переводческая транскрипция имеет ряд преимуществ перед другими способами передачи национально-культурной специфики значения в том, что позволяет заполнить пробел металингвистического характера, воссоздать стилистический эффект, сохранить национальный колорит высказывания или произведения в целом. Переводчикам хорошо знакома формула И.Г. Гердера: «Надо сохранять своеобразие чужого языка и норму родного», а именно: 1) перевод стремится «чужое» максимально сделать «своим»; 2) транскрипция стремится сохранить «чужое» через средства «своего» [Реформатский 1972: 311-312].

Сигнификативный компонент личного имени собственного – русское имя, имя, принадлежащее носителю русского языка, – сообщается именно через транскрипционный характер соответствия, поскольку в нём средствами русского языка передается колорит звучащего русского имени собственного. С. Влахов и С. Флорин настаивают на том, что «в интересах передачи национального колорита нельзя пренебрегать ни малейшей возможностью сохранения их максимально близкого к оригинальному звучания в любом языке, куда бы они ни попали» [Влахов, Флорин 1980: 225]. Произношение собственного имени в языке-источнике принадлежит к важнейшим факторам, определяющим его орфографическую форму в языке перевода.

Таким образом, транскрипционные соответствия являются средством создания национального колорита, т. е. средством передачи информации о национальной специфике. Информация эта логически не структурирована, она воздействует прямо на эмоции реципиента, оставляя образное звуковое впечатление об экзотике русского личного имени собственного, чужого для англоговорящего читателя.

Однако переводчику совершенно недостаточно передать звуковую оболочку имени. Информационная насыщенность антропонима раскрывается в контексте при активизации «образов сознания», которые детерминируются конкретной социокультурной средой, определённой этнокультурой. Передача информации будет успешной при условии однозначности формирования восприятия смысловой стороны высказывания. Н.А. Шехтман отмечает, что непонимание, равно как и понимание, имеет уровневую структуру, включающую денотацию, сигнификацию и коннотацию. Язык эксплицирует определённую картину мира, но пониманию и успеху общения доступна лишь та часть этой картины, которая обусловлена не только и не столько степенью владения языком, сколько степенью референциальной согласованности общающихся и меры совпадения / несовпадения коннотативных тезаурусов отправителя и получателя информации. Чем больше их референциальная и коннотативная

согласованность, тем выше степень готовности к адекватному восприятию смыслов [Шехтман 2002: 50-55].

Чтобы не отягощать внимание читателя трудностью запоминания нескольких форм одного и того же имени, переводчики иногда не вводят этот ряд имен в текст на английском языке, выбирая одну – две формы, например:

– *Вот это да-а!* – ахнул Саня, подошедший последним. – *От и до, Санёк, а?!* – крикнул ему Митяй (В. Распутин. Век живи – век люби) – *“Ooh!” exclaimed Sanya, coming up last. “From and to, Sanya, eh?” shouted Mitayì (V. Rasputin. Live and Love. Перевод F. Miller).*

В таких случаях отмечается определённая утрата эмоциональной окраски имён. С другой стороны, если транскрибировать все варианты имени, встречающиеся в одном тексте, английский читатель не только не разберётся в их стилистических оттенках, но и может подумать, что речь идет о разных людях.

Переводчик сталкивается с необходимостью выбора: транскрибировать все формы, ограничить их выбор, отбросить суффиксы и передавать характер эмоциональной оценки, вносимый тем или иным суффиксом, другими средствами. Выйти из этой ситуации без потерь практически нельзя, и в каждом конкретном случае переводчик сталкивается с выбором оптимального способа перевода.

Таким образом, основная трудность в области перевода русских личных имен собственных на английский язык заключается в передаче лексико-стилистических характеристик и коннотативных значений антропонимов, чтобы обеспечить должное понимание реципиентами соответствия отбираемых форм эмоциональному состоянию героев, поскольку в теории перевода наиболее ценной является эквивалентность коммуникативного воздействия.

Трудности перевода служат доказательством наличия национально-культурного своеобразия русских антропонимов, их безэквивалентности на фонетическом, деривационном, морфологическом, стилистическом и прагматическом уровнях. Антропонимическая безэквивалентность поддерживается национально-культурными коннотациями, специфическими для каждого имени, функционирующего в рамках русской культуры. Важно подчеркнуть такие признаки эквивалента, как регулярность использования, которая фиксируется словарным эквивалентом, и объём переданных релевантных значений исходного знака в языке источнике, раскрываемого через употребление его в речи, в контексте произведения.

Анализ перевода русских личных имен собственных на материале произведений В. Шукшина и В. Распутина позволяет сделать вывод, что лексическая безэквивалентность русских личных имен собственных по

отношению к английским обусловлена как разностью культур национальных общностей, так и причиной собственно языкового характера: несоразмерным членением взаимодействующими языками одной и той же объективной действительности, т. е. имеет смешанную природу – лингвокультурологическую.

Говоря о безэквивалентности антропонимов, мы базируемся не только на признании отсутствия эквивалента в языке перевода: в это понятие входит также и причина этого отсутствия – отражение именем специфической материальной и духовной культуры русского народа, аккумуляция национально обусловленных коннотаций. Для словарных переводных соответствий английского и русского личного имени важным остаётся ссылка на принадлежность имени к антропонимической системе конкретного языка и указание на то, что носитель имени принадлежит к определённой лингвокультурной общности. В этом плане личные имена собственные сближаются с референциальными реалиями, которые понимаются как слова исходного языка, обозначающие референты, не являющиеся фактом общественного бытия носителей языка перевода. Референты имен, например, *Пётр* и *Питер* принадлежат (если имя не заимствовалось родителями из другой культуры) к представителям разных культур – русской и английской соответственно.

С другой стороны, личные имена собственные близки к «коннотативным реалиям» [Томахин 1986: 116] – единицам исходного языка, вызывающим в сознании его носителей определённые культурно-детерминированные ассоциации, которые не ассоциируются в сознании носителей сопоставляемого языка с соответствующими единицами. Коннотации личных имён собственных связаны с самыми различными национальными историко-культурными явлениями.

Максимальное приближение к оригинальной фонетической форме антропонима позволяет сохранить национальный колорит в переводе, однако мы отмечаем невозможность передачи стилистического эффекта, выражаемого через многочисленные суффиксальные формы имени, а также актуализировать в сознании носителя иной культуры аналогичный коннотативный потенциал, сопряжённый с тем или иным именем.

В этой связи можно утверждать, что лексическая безэквивалентность антропонимов обуславливается главным образом стилистической и образно-ассоциативной безэквивалентностью, или коннотативной безэквивалентностью, что проявляется в невозможности адекватной передачи антропонимического коннотативного значения. Русские личные имена собственные входят в состав безэквивалентной лексики с национально-культурной спецификой значения (со свойственной этой группе особенностями) как отдельная её разновидность,

характеризуемая референциальной и коннотативной безэквивалентностью в связи с национально-культурной и национально-языковой обусловленностью.

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Междунар. отношения, 1980. – 352 с.

Реформатский А.А. Перевод или транскрипция? // Восточнославянская ономастика. – М.: Наука, 1972. – С. 311–333.

Томахин Г.Д. Лингвистические аспекты лингвострановедения // Вопросы языкознания. – 1986. – № 6. – С. 113–118.

Шехтман Н.А. Лингвокультурные аспекты понимания // Филологические науки. – 2002. – № 3. – С. 50–58.

Источники

Распутин В.Г. Собрание сочинений: в 3 т. – М.: Молодая гвардия, 1994. – Т. 1. – 512 с.

Rasputin Valentin. Money for Maria. Stories. – Moscow: Raduga Publishers, 1989. – 269 p.

Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Молодая гвардия, 1992. Т. 2. – 558 с.

Shukshin Vasily. Short Stories. – Moscow: Raduga, 1990. – 358 p.

И.В. Иванова-Мицевич

Минский государственный лингвистический университет, Беларусь

ИНТЕГРАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СЕМАНТИКИ АНГЛИЙСКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Понятие семантической структуры предложения, интенсивно разрабатываемое современными лингвистами, пока еще не получило точного и однозначного определения. Само это понятие, основанное на идее асимметрического дуализма языковых знаков, имеет в виду раскрытие содержательной стороны – смысла предложения (или организации этого смысла) в известном отвлечении от его внешнего оформления. Но что такое смысл предложения? Каковы его слагаемые? С каких позиций следует подходить к раскрытию этого смысла (его организации)? Все эти проблемы до сих пор остаются во многом не решенными [Распопов 1981: 24] (обзор подходов к описанию устройства предложения см. в работе [Копров 2000: 5-22]).

Поиск ответа на вопрос о специфике семантики предложения привел к тому, что ее стали рассматривать как некоторую структуру, т.е. набор элементов с отношениями между ними. Для обозначения данного образования в теориях семантического синтаксиса стали

использовать такие термины, как «семантическая структура», «базовая структура», «внутренняя структура», «глубинная структура». Все эти термины отражают организованный характер смысла предложения и его глубинный статус по отношению к реально наблюдаемым высказываниям, которые именуются терминами «синтаксическая структура», «внешняя структура», «поверхностная структура» [Богданов 1977: 3].

В вопросе количества глубинных структур мнения исследователей расходятся. Так, в валентностной теории (Л. Теньер, А.А. Холодович) и в падежной грамматике (Ч. Филлмор, У. Чейф) постулируется наличие единой глубинной структуры предложения, которая является отражением некоторого фрагмента действительности. Однако, многие исследователи (В.В. Богданов, И.П. Сусов, И.Ф. Вадуль) признают возможность существования нескольких глубинных структур. Вместе с тем, обычно отношения между этими глубинными образованиями либо не рассматриваются, либо признаются изоморфными (напр., у В.В. Богданова). В то же время следует отметить, что с одной стороны языковой материал подтверждает факт существования нескольких глубинных структур, а с другой стороны указывает на то, что отношения между данными структурами не могут быть изоморфными.

Идея разделения семантической структуры слова и предложения на смысл и референцию изначально принадлежит основоположнику философии логического анализа Г. Фреге, сформулировавшему принцип двойственности семантической природы лингвистического знака. Согласно данному принципу, в семантике имени необходимо различать его способность к референции (*Bedeutung*) и смысл, или способ представления предмета (*Sinn*) [Фреге 1997]. В лингвистике идея бинарного членения семантического аспекта языковых единиц прослеживается в целом ряде работ [Копров 2010; Лещенко 1988; Сусов 1973]. Э. Кошмидер, например, выделяет два уровня в рамках глубинной семантики: Уровень I (*intendum*, *das Gemeinte*, мыслимое), трактуемый автором как межязыковой инвариант, необходимая предпосылка для перевода с одного языка на другой, и Уровень D (*designatum*, *Bezeichnetes*, обозначаемое), определяемый автором как содержание языкового знака, характеризующееся конечным числом элементов и варьирующееся от языка к языку [Koshmieder 1965, цит. по Бондарко 1998].

В основе композиционной модели семантического синтаксиса [Bogushevich 1997] также заложен принцип бинарного строения номинативной семантики предложения. В качестве базового постулата, композиционный синтаксис выдвигает идею о том, что предложение, будучи знаковым образованием, имеет два глубинных аспекта: во-первых,

предложение в системе языка соотносится с определенным понятием и ему присуще сигнификативное значение, во-вторых, в речи предложение соотносится с конкретным референтом и ему присуще денотативное значение, при этом денотативный и сигнификативный аспекты следует рассматривать как неизоморфные компоненты номинативной семантики предложения. Вместе с тем композиционный синтаксис предполагает, что сигнификат и денотат должны быть объединены рамках глубинной сферы предложения. Однако ни в одной из работ выполненных в рамках композиционного синтаксиса не указывается где и как происходит это объединение. Из исследований посвященных размещению центра эмпатии можно сделать вывод о том, что такой объединяющей структурой должна быть пропозиция, но это во-первых, противоречит основному положению композиционного синтаксиса, согласно которому пропозиция и ситуация независимы друг от друга, и во-вторых не совпадает с результатами исследований посвященных изменению семантики предиката (см., напр. [Федорова 1992]).

Таким образом, можно предположить, что объединение сигнификата и денотата предложения приводит к появлению третьей промежуточной структуры, отличной, как от ситуации, так и пропозиции, но соединяющей в себе их семантические характеристики. Элементы данной структуры квалифицируются в терминах семантических функций. Семантическая функция в нашем представлении это компонент семантической структуры предложения, характеризующийся определенной ситуативной ролью и определенной аргументной позицией.

Исходя из вышесказанного, процесс построения семантической структуры предложения можно представить следующим образом.

Исходным моментом порождающего процесса признается моделирование какой-либо единичной ситуации [Сусов 1973: 13]. Следовательно, онтологическую основу любого предложения составляет некая ситуация, «отрезок, часть отражаемой в языке действительности, т.е. движущейся материи» [Гак 1972: 359], которую далее мы именуем **областью референции**. Рассмотрение предложения как языкового знака, служащего для наименования события объективной действительности достаточно широко распространено в лингвистике. В частности М. Вартофский отмечает, что предложение – это модель того, о чем в нем говорится, и что оно, следовательно, репрезентирует определенное состояние дел реальной действительности [Вартофский 1988: 38]. Л.С. Бархударов также указывает на то, что «референтами предложений как языковых единиц являются ситуации или события» [Бархударов 1976: 8], при этом под референцией

понимается «отнесенность актуализированных именных выражений или их эквивалентов к объектам действительности» [Арутюнова 1990: 411].

Область референции является исходной точкой построения предложения и конечной точкой его интерпретации. Будучи фрагментом объективно существующей реальности, область референции также по своей природе объективна, т.е. существует независимо от отдельного человека и его сознания.

Как только область референции, подлежащая отражению в предложении, воспринята субъектом речемыслительного процесса, она переходит из сферы объективной реальности в сферу ментального бытия, включаются врожденные механизмы абстрагирования и моделирования, и, в результате обобщения, генерализации, «переработки сознанием множества индивидуальных чувственных образов и извлечения из них инвариантных черт» [Сусов 1973: 23] субъект формирует «абстрактную модель» воспринятой области референции.

Отдельно взятое предложение отражает конкретную ситуацию, однако способность человеческого мышления выделять существенные, сходные черты в различных ситуациях позволяет объединить ряд конкретных ситуаций в абстрактную. Абстрактная ситуация (или в терминологии композиционного синтаксиса «**денотативная область**») предстает как схематическое отображение, которое воспроизводит лишь членение объективного мира на определенное число отдельных элементов, а также типы и функции этих элементов» [Сусов 1973: 23], «она не является прямым, зеркальным отражением конкретных событий, а представляет собой некоторый способ когнитивного отражения класса событий» [Федорова 1992: 80] и «в значительной степени является общей для различных языков в той мере, в которой совпадает опыт различных языковых коллективов» [Указ. соч.: 25]. Таким образом, данный «идеальный референт» [Вардуть: 1977] имеет двоякую природу: с одной стороны он объективен, т.к. отражает объективную онтологию, с другой стороны он социально и культурно обусловлен, поскольку таковыми являются механизмы концептуализации и категоризации лежащие в его основе. «Хотя объективные свойства денотативной части могли бы быть по-разному восприняты, все члены одного языкового общества иногда воспринимают их одинаково, причем отлично от членов другого языкового общества» [Селиверстова 1976: 135]; ср. также [Копров 2000: 25-34].

В этой связи можно говорить о том, что процесс речемыслительной деятельности стоит на вершине пирамиды формируемой различными уровнями абстрагированного моделирования экстралингвистической реальности. Подножие этой пирамиды образует нулевой уровень абстрагирования, т.е. модели референциальных областей, отражаемых

говорящим. Их может быть великое множество, которое, в ходе восприятия и осмысления можно объединить в определенные подтипы (первый уровень абстрагирования, меньший по количественному составу по сравнению с нулевым уровнем) в рамках обобщенной модели (второй уровень абстрагирования, включающий сложные прототипные денотативные области, которые уже подлежат исчислению). Венчает эту пирамиду, объединяя все уровни в единое целое, речемыслительная деятельность человека, которая представляет собой чрезвычайно сложный процесс, выходящий за рамки теории семантики и синтаксиса и затрагивающий области смежных дисциплин (прагма-, этно-, социолингвистики, психологии, анализа дискурса и др.).

Данная пирамида охватывает все уровни таксономической системы языка, одновременно объясняя как механизм использования языка в целом, так и действия говорящего по построению единиц каждого уровня в частности. В рамках данного описания с позиций трехчленной структуры абстрагированной речемыслительной деятельности человека мы пытаемся объяснить лишь «категорематический» уровень [Бенвенист 1965] – уровень моделирования денотативных областей [Богушевич 1985], т.е. процесс речемыслительной деятельности интересует нас лишь в той мере, в которой он определяет возможности описания экстралингвистической реальности средствами формально-синтаксических структур.

Опираясь на описанную выше пирамиду, можно создать модель денотативной области, структуры, которая является одной из составляющих глубинной семантики предложения. Говорящий, моделируя ту или иную область референции (нулевой уровень абстрагирования), лежащую в основе будущего предложения, соотносит ее с одной из прототипных денотативных областей (второй уровень абстрагирования), а далее с одним из подклассов в рамках данной прототипной денотативной области (первый уровень абстрагирования). В зависимости от особенностей избранной прототипной денотативной области и ограничений, накладываемых подтипом данной прототипной денотативной области, говорящий задает набор участников и определяет характер отношений между ними, а также, что очень важно, выделяет наиболее значимый, ведущий с его точки зрения элемент моделируемой денотативной области – «фокус интереса говорящего», который в дальнейшем оказывает значительное влияние на построение пропозиции, структуры, предназначенной для языкового отражения данного денотата.

Пропозиция представляет собой один из тех аспектов нашего знания, который, по мнению Н. Хомского, является врожденным; она часть нашего биологического наследия, предопределенная генетически

[Хомский 1995]. В нашем понимании пропозиция соединяет в себе идею, заложенную в валентностном синтаксисе [Теньер 1988] и падежной грамматике [Филлмор 1981] (а именно мысль о том, что предикат, будучи ядром пропозициональной структуры, определяет число и характеристики остальных элементов), и в понятии ядерной структуры генеративной грамматики (ограниченность и жесткая структурированность пропозиции) [Хомский 1972].

Между двумя ментальными конструктами (моделью денотативной области и пропозицией) нет изоморфизма. Первая представляет собой результат познавательной деятельности субъекта и направлена скорее к отражаемой области референции, а вторая является врожденной и ориентирована на язык. Постулаты композиционного синтаксиса, на которые мы опираемся в данном описании, наряду с неизоморфностью отказывают данным конструктам и в автономном существовании.

В исследованиях, базирующихся на принципе композиционности, отмечается, что сигнификативная (пропозициональная) структура и структура денотативной области должны взаимодействовать между собой для того, чтобы обеспечить выполнение информативной функции языка – «общий смысл предложения возникает в результате наложения, соположения, композиции этих структур» [Bogushevich 1997]. Следовательно, должен существовать специальный механизм для соотнесения этих двух структур, который получил название **эмпатия** [Bogushevich 1997]. Эмпатия понимается как исходная точка корреляции денотативной и сигнификативной структур. Сущность механизма эмпатии состоит в том, что для отражения ситуации в пропозициональной структуре среди функциональных участников ситуации выбирается один, который признается ведущим и занимает первую позицию в пропозициональной структуре, этот элемент становится центром эмпатии [Макуца 2003: 83].

Из этого следует, что наиболее значимый как со структурной, так и с информационной точки зрения элемент ситуации должен занимать первое место в пропозициональной структуре. Мы же склонны считать, что первое место в пропозиции является наиболее важным только со структурной точки зрения. Размещение центра эмпатии на первой агентивной позиции оказывает влияние лишь на дальнейший механизм размещения элементов в пропозициональной структуре. Ограничения, накладываемые на постановку некоторого элемента в эмпатийную позицию, диктуются нормами того или иного языка. Следовательно, мы можем предположить, что эмпатия является объективным фактом языка. Элемент субъективности проявляется здесь лишь в том, что нормы языка допускают вариативность в выборе одного из допустимых элементов.

В связи с этим, возникает вопрос, а чем же продиктован выбор того или иного центра эмпатии. Представляется, что таким фактором является, как уже отмечалось, **фокус интереса** говорящего, который отражает суждение говорящего об относительной значимости элементов отражаемой области референции. Выбор фокуса интереса зависит от субъективной воли говорящего. От фокуса интереса говорящего, т.е. того компонента сложной ситуации, который говорящий в силу определенных причин считает ведущим в отражаемой денотативной области, зависит не только когнитивная модель отражения ситуации, но и весь механизм соотнесения денотативной и сигнификативной структур. Фокус интереса, на наш взгляд, является наиболее ценным с информационной точки зрения элементом глубинной семантики, при этом в отличие от эмпатии он занимает не первую, а вторую позицию в пропозициональной структуре. Фокус интереса говорящего, а именно необходимость постановки информационно наиболее важного элемента ситуации во вторую позицию и предопределяет выбор подходящего центра эмпатии.

В свете всего вышесказанного можно предположить, что соотнесение денотативной и сигнификативной структур имеет в своей основе два процесса – выделение наиболее важного с информационной точки зрения компонента отражаемой ситуации, отбор которого основывается на субъективной воле говорящего, и, в соответствии с заданным фокусом интереса, выбор центра эмпатии, диктуемого объективными нормами того или иного языка. Результатом соотнесения денотативной и пропозициональной структур будет определенная **семантическая структура**. В трактовке понятия «структура» мы исходим из определения данного этому термину Л. Ельмслевым: «Структура – это не простой набор элементов, а целое образованное взаимосвязанными элементами таким образом, что каждый зависит от других и может быть тем, чем он является только благодаря отношениям с другими элементами» [Ельмслев 1962: 122].

Семантическая структура предложения в нашем представлении обладает рядом черт, наследуемых ею от всех структур, лежащих в ее основе:

а) она объективна, поскольку объективна отражаемая ею область референции;

б) она культурно и социально обусловлена, поскольку таковыми являются механизмы категоризации и концептуализации, лежащие в основе формирования абстрактной модели отражаемой области референции;

в) она включает в себе элемент врожденности, поскольку ее языковой основой является врожденная пропозиция;

г) она обусловлена нормами языка, поскольку один из механизмов соотношения двух ментальных структур, а именно размещение центра эмпатии, регулируется языком;

д) вместе с тем она субъективна, поскольку субъективен выбор фокуса интереса говорящего, приводящий в действие эмпатию.

Раскрытие механизма построения глубинной семантики предложения, как нам представляется, дает возможность показать, что она не является неким холистическим целым, противопоставляемым поверхностной структуре, а представляет собой результат соотношения двух ментальных структур (денотативной и пропозициональной) имеющих разную природу и разные внутренние характеристики, вследствие чего их нельзя рассматривать как абсолютно идентичные. Следовательно, необходимо говорить не об априорном изоморфизме денотативной и сигнификативной структур (утверждение, на которое долгое время опирались лингвисты, исследовавшие глубинную структуру предложения), а, признав факт их автономного сосуществования, исследовать механизм их соотношения, продуктом которого, на наш взгляд, и является семантическая конфигурация предложения.

Арутюнова Н.Д. Референция // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990. – С. 411–412.

Бархударов Л.С. Глубинная структура предложения в семиотическом аспекте // Проблемы синтаксической семантики: материалы науч. конф. Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – М., 1976. – С. 8–13.

Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа // Новое в лингвистике: сб. ст. / сост. В.А. Звегинцев. – М., 1965. – Вып. 4. – С. 434–449.

Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. – Л.: ЛГУ, 1977. – 204 с.

Богусевич Д.Г. Единица, функция, уровень: к проблеме классификации единиц языка. – Минск: Выш. шк., 1985. – 116 с.

Бондарко А.В. О стратификации семантики // Общее языкознание и теория грамматики: материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С.Д. Кацнельсона; отв. ред. А.В. Бондарко. – СПб., 1998. – С. 51–66. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/bondarko-98.html>.

Вардуть И.Ф. Основы описательной лингвистики (синтаксис и супрасинтаксис). – М.: Наука, 1977. – 352 с.

Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. – М.: Прогресс, 1988. – 507 с.

Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики, 1972: сб. ст.; отв. ред. С.К. Шаумян. – М., 1973. – С. 349–372.

Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения образуют структуру? // Новое в лингвистике / сост. В.А. Звегинцев. – М., 1962. – Вып. 2. – С. 117–136.

Копров В.Ю. Сопоставительная типология предложения. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2000. – 192 с.

Копров В.Ю. Сопоставительный синтаксис русского и английского языков : Учебное пособие. – Воронеж: Изд-во «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2010. – 226 с.

Лещенко М.И. Виртуальный и актуальный аспекты предложения. – Минск: Выш. шк., 1988. – 131с.

Макуца Е.В. Структура и семантика предложений с глаголами физического восприятия в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 2003. – 116 с.

Распопов И.П. Несколько замечаний о так называемой семантической структуре предложения // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1981. – № 4. – С. 24-34.

Селиверстова О.Н. Об объекте лингвистической семантики и адекватности ее описания // Принципы и методы семантических исследований / редкол.: В.Н. Ярцева (отв. ред.) [и др.]. – М., 1976. – С. 119–147.

Сусов И.П. Семантическая структура предложения. – Тула, 1973. – 141 с.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.

Федорова Н.Н. Синтаксико-семантический потенциал глаголов перемещения в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 1992. – 220 с.

Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике / сост. В.А. Звегинцев. – М., 1981. – Вып. 10: Лингвистическая семантика. – С. 369–495.

Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. – М., 1997. – Вып. 35. – С. 351–379.

Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. – М.: Моск. гос. ун-т, 1972. – 259 с.

Хомский Н. Язык и проблемы знания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 1995. – № 4. – С. 130–157.

Bogushevich D.G., Ilykevich Y.V., Kozlova L.K., Makutsa Y.V., Petrusevich Y.V. Outline of the Compositional Syntax // Proceedings of the 16th International Congress of Linguists, 20-25 July 1997: Philosophy of Linguistics. – Oxford: Elsevier Science Ltd., 1997. – P. 1-21.

Koshmieder E. Beitrage zur allgemeinen Syntax. – Heidelberg, 1965. – S. 205-212.

Т.В. Ильина

Воронежский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЮЗНЫХ СЛОВ В СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ, ВЫРАЖАЮЩИХ ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

На протяжении долгого времени ученые все чаще обращаются к исследованию сложноподчиненного предложения. Особое внимание в работах синтаксистов уделяется средствам связи придаточной и главной частей. Сторонники различных подходов к изучению сложноподчиненного предложения достаточно единодушны в определении роли таких соединительных элементов, как союзы и союзные слова. В рамках семантико-функционального подхода здесь выделяются еще коннекторы.

В настоящей статье мы попытаемся проанализировать особенности использования союзных слов в сложноподчиненных предложениях, выражающих изъяснительные отношения.

Несомненно, основным средством соединения изъяснительного придаточного с главной частью преимущественно являются союзы *что, чтобы (не), будто (бы), как (бы) (бы не), как будто, словно*. К союзным словам, организующим изъяснение, относятся только *что* (в различных падежных и предложно-падежных формах) и *как*.

Выбор союза определяется тремя взаимосвязанными факторами:

- а) характером факта, сообщаемого в придаточной части;
- б) характером опорного слова, проецирующего позицию опредмеченной ситуации;
- в) характером союзного слова в синсемантическом придаточном.

Необходимо уточнить, что в рамках семантико-функционального подхода классификация сложноподчиненных предложений строится с учетом способа организации информации. Подчинение предполагает включение информации, передаваемой придаточным в главное («включение – 1») или, наоборот, включение информации главного в придаточное («включение – 2»). При этом придаточное предложение всегда зависит от главного «либо потому, что оно обязано восполнить информационную недостаточность главного, либо потому, что оно вынуждено усваивать информацию, передаваемую главным предложением» [Ломов, Гусман Тирадо 1999: 59]. Придаточные, образованные на основе включения – 1, называются автосемантическими, а придаточные, основанные на включении – 2, – синсемантическими. Первую группу образуют предложения, в которых придаточное является только автосемантическим (придаточные качества, меры и степени признака, сравнительные и сопоставительные). Во второй группе располагаются только синсемантические придаточные (придаточные определительные и места). Все остальные типы придаточных предложений могут быть и автосемантическими, и синсемантическими, хотя отношения этих придаточных не остаются тождественными в сложноподчиненных предложениях разных разрядов.

В сложноподчиненных предложениях, выражающих изъяснительные отношения, это правило реализуется следующим образом: придаточная часть называет такое положение дел, которое выполняет функцию опредмеченной ситуации для главного предложения. В этом случае изъяснительная придаточная часть, вводимая союзами, восполняет опорное слово главной части. При синсемантии ситуация складывается прямо противоположно: главное предложение называет опредмеченную ситуацию изъясняемого

придаточного и тем самым восполняет недостаточность не опорного слова, а союзного слова.

Союзные слова в анализируемых конструкциях встречается значительно реже, чем союзы. Как уже было отмечено выше, в сложноподчиненных предложениях с изъясняемой синсемантической придаточной частью используются союзные слова *что* (в различных падежных и предложно-падежных формах) и *как*, информативная недостаточность восполняется главным предложением.

Союзное слово *что* используется в конструкциях, в которых информация главного предложения включается в информацию придаточной части: *Оглашенные теперь новые данные весьма скупы, что дает повод многим западным обозревателям относиться к ним со скептицизмом* (С. Кандрашов); *Тамара возится на кухне ночами, что, натурально, усиливает подозрения* (М. Чулаки).

Союзное слово *что* также может употребляться в родительном падеже: *Стасов долгое время Татьяну вообще не замечал, чего нельзя было сказать о девочке* (А. Маринина); в дательном падеже: *Ближе к вечеру Максим куда-то исчез, чему мы совсем не опечалились* (Т. Полякова); в творительном падеже: *Они заметно приуныли, чем меня порадовали – не одним нам страдать* (Д. Рубина); в предложном падеже: *Ночь в вагоне Настя провела почти без сна, о чем очень жалела* (А. Маринина).

Использование союзного слова *что* с предлогом должно сопровождаться оговоркой: не любой предлог может использоваться в конструкциях анализируемого типа. Так, с союзом *что* возможно соседство непроизводных предлогов *без, в, до, за, из, к, над, на, о, от, под, с, через*: *Он просто перелез через ограду и сбежал, до чего никто еще раньше не додумывался* («Антенна»); *Конечно, преступникам удалось скрыться, из чего был сделан вывод об их связи с правоохранительными органами* (Д. Донцова); *Наконец-то молодожены купили квартиру, с чем их все поздравили* («Антенна»).

Однако в некоторых случаях к изъяснительным отношениям могут добавляться оттенки причинных отношений: *Максим не вернул кольцо вовремя, за что и был наказан* (Т. Полякова).

Использование непроизводного предлога *из-за* и производных предлогов типа *вопреки, посредством, путем, вследствие, ввиду, благодаря, в результате, в силу, на основании, по причине, под предлогом, исходя* и т.п. со словом *что* в сложноподчиненных предложениях, выражающих изъяснительные отношения, невозможно, так как образовавшиеся союзные слова организуют сложноподчиненные предложения, выражающие отношения следствия: *Срок подачи налоговых деклараций истекает третьего*

мая, **ввиду чего** гражданам надлежит оформить соответствующие документы во избежание неприятностей.

М.А. Шелякин предложения с обстоятельственными словами *для чего, из-за чего* и т.д. также относит к сложноподчиненным предложениям с придаточными, выражающими дополнительные следственные отношения [Шелякин 2000: 316-317]. Однако данные слова замещают сказуемое (вместе с зависимыми словами) главного предложения и выражают:

пояснительно-дополнительную причину действия придаточного предложения как следствие (результат) действия главного предложения (со всеми словами, кроме *для чего*): *Я на постоялом дворе колол дрова, рубил капусту и нянчил ребенка, за что меня и кормили;*

пояснительно-дополнительную цель главного предложения (со словом *для чего*): *Мы варили квас, для чего намочили хлеб и купили дрожжи.*

С союзным словом *как* предложения анализируемого типа встречаются значительно реже: *Он опоздал, как и ожидалось* (из разг.).

Ломов А.М., Гусман Тирадо Р. Русское сложноподчиненное предложение и проблема его содержательной интерпретации // Вопросы языкознания. – 1999. – № 6. – С. 54-65.

Шелякин М.А. Справочник по русской грамматике. – М.: Русский язык, 2000. – 355 с.

В.И. Казарина

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

ИНФОРМАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ СЕМАНТИКИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ: ФОРМИРОВАНИЕ И ВЕРБАЛИЗАЦИЯ

Вопросы структурной и семантической организации предложения интересовали ученых на протяжении всей истории отечественной синтаксической науки. Интерес к семантической устроенности предложения активизировался, начиная с выхода переведенной на русский язык работы Ш. Балли «Общая лингвистика и вопросы французского языка». Признав предложение наиболее простой формой сообщения мысли, французский лингвист в содержательной структуре «эксплицитного предложения» выделил «две части»: первая часть,

коррелятивная процессу, «образующему представление» об окружающем мире, об одном или нескольких его предметах, названа диктумом. В задачу диктума входит представление информативного (вещественного) компонента содержательной структуры предложения, его семантики. За второй частью, охарактеризованной Ш. Балли как «главная» часть, «душа предложения» («без которой вообще не может быть предложения»), был закреплен термин «модус» [Балли 2001: 43–44].

Данная дифференциация основных компонентов семантики предложения возражений не вызывает и признается всеми лингвистами.

В.А. Белошапкова назвала эти компоненты соответственно объективным и субъективным смыслами [СРЯ 1981: 480]. Оба компонента, формируя семантику предложения, его содержательную структуру, облигаторны и имеют специфические языковые средства для своего выражения.

Основным средством репрезентации модальности (модуса) предложения является спрягаемый глагол. Диктум представляют лексемы и сочетания лексем, что также не вызывает никакого сомнения. Однако вопрос о принципах формирования диктумного компонента семантики предложения в специальной литературе не имеет общепринятого решения.

В 60-е годы истекшего столетия, когда на синтаксической арене появился термин «структурная схема простого предложения», исследовательский интерес к изучению информативного (диктумного) компонента в содержательной структуре предложения активизировался. Было разработано несколько списков структурных схем, отражающих различные подходы отечественных синтаксических школ к этой языковой единице. Мы не останавливаемся на истории вопроса: она достаточно полно представлена в работах В.Ю. Копрова [Копров 1999: 5-4; 2010: 11-20].

Предметом нашего разговора является вопрос о формировании и вербализации информативного компонента семантики предложения. За термином «предложение» мы сохраняем его понимание, соотносимое как с конкретным высказыванием, так и с его языковым синтаксическим знаком, структурной схемой. Под структурной схемой мы понимаем языковой синтаксический знак, означаемым которого является пропозиция, а означающим – словоформы, входящие в структурную схему.

Термин «пропозиция» как означаемое структурной схемы простого предложения в отечественном синтаксисе толкуется неоднозначно. В нашем понимании, пропозиция – это смысловой конструкт номинируемой предложением типовой ситуации, ее понятийный знак, условно

названный «синтаксическим концептом», «некоторое отношение, уловленное говорящим как типовое» [Волохина, Попова 1999: 7].

Под термин «ситуация» подводятся различные толкования. В данной работе ситуация представлена как «совокупность существующих вне сознания человека и независимо от него материальных предметов, явлений, их отношений и взаимосвязей» [Философский словарь 1963: 73]. В реальном мире мыслящее существо выделяет прежде всего материальные объекты. Но отдельно взятая субстанция, отдельно взятый материальный предмет еще не есть ситуация. Ситуация – это, прежде всего, отношения между материальными предметами, действиями, признаками, результат координации материальных объектов и их состояний, отраженных в сознании и вербализованных в языке. Формами такой координации являются время и пространство. «Пространство – форма существования материальных объектов и процессов ... время – форма последовательной смены явлений и состояний материи» [Советский энциклопедический словарь 1985: 1067].

Реальный мир выражается в языке не прямо, не непосредственно, а опосредованно, благодаря мышлению, через мышление. Номинируются не ситуации и события, а сложившееся в результате отражательного акта наше представление о ситуации. Специфика отражательного акта способствует формированию в сознании человека «идеального мира», понятийной «картины мира», концептов как результата познавательной деятельности человека. Порожденный материальным миром, благодаря отражательной и классифицирующей деятельности сознания, понятийный мир человека является вторичным миром, зависимым от материального, как бы отчужденным объективным миром. Отношения «между ними складываются на основе зависимости и последовательности (первичность, вторичность)» [Колшанский 1990: 10].

Отраженная в сознании и классифицированная внеязыковая ситуация, ее смысловые компоненты формируют пропозицию как знак этой ситуации, ее означающее, которое существует в сознании «в начале в виде предметно-схемного или предметно-изобразительного не произносимого языка», внутренней речи. Составляющими внутренней речи являются образы, изображения, «в которых элементы ситуации даны одновременно, а не во временной последовательности» [Гак 1973: 363; Попова, Стернин 2001: 33–35]. Классификация и координация элементов внутренней речи приводит к формированию пропозиции. Компонентами пропозиции признаны смыслы, являющиеся в свою очередь знаками участников ситуации: «субъект»,

«предикат», «объект», «локус», «время», «условие», «причина» и др. [Попова, Стернин 2001: 79].

Вербализованная языковыми средствами, пропозиция формирует ту часть высказывания, которая представляет его объективное, информативное содержание, диктум, в отвлечение от его модуса и других сопровождающих диктум субъективных элементов. Акцентируя внимание на роли номинативного аспекта в изучении структурно-семантического устройства простого предложения, В.Ю. Копров назвал диктумный компонент «становым хребтом» содержательной структуры предложения [Копров 1999: 17; 2010: 38].

Ситуации реального мира разнообразны и многочисленны как по своему значению, так и по количеству участников, что определяет соответствующее наличие разнообразных пропозиций. Обязательными компонентами пропозиций являются предикат и его актанты, прежде всего субъектный актант, вступающий с предикатом в смысловые отношения, формирующие грамматическое значение предложения, предикативность. Это говорит о том, что, маркируя номинируемую ситуацию, пропозиция является означающим и предикативности, знаком предикативности, ее маркером.

Многообразие ситуаций формирует многообразие предикативных отношений.

Например, в предложении (1) *Книга интересная* устанавливаются отношения характеристики между предметом речи и его сущностным признаком. Предложение (2) *Отец рубит дрова* информирует о ситуации физического действия, направленного на объект, грамматическое значение его видим в устанавливаемом между двумя актантами (*отец* и *дрова*) отношении воздействия, предполагающего, как минимум, трех участников, двух актантов и отношения воздействия одного из них на другого; тогда как предложение (3) *Брат отдал сестре книгу* маркирует отношение передачи предмета одним лицом (агентом) другому лицу (адресату), предполагающее наличие четырех участников ситуации и соответственно четырех компонентов пропозиции.

Структурная схема простого предложения, являясь знаком пропозиции, тем самым является знаком предикативности, непосредственным носителем которой является субъектно-предикативное сочетание словоформ, «субъектив + предикатив». Данное свидетельство об обязательной двукомпонентности структурных схем простого предложения, о чем неоднократно писалось как на страницах научной, так и учебной вузовской литературы.

Компонентный состав пропозиции определяет компонентный состав структурной схемы. В маркировании структурных схем простого

предложения мы используем лексемы местоименной семантики и, как правило, обобщенное лексическое значение предикативной лексемы.

Структурная схема предложения (1) «что есть какое» – двукомпонентная: связка – маркер модально-временного и персонального значений, как и в большинстве современных теоретических и практических грамматик, не выделяется нами в особый компонент структурной схемы, в сочетании с именной признаковой лексемой она представляет квалификативный предикат. Структурная схема предложения (2) «кто делает что» – трехкомпонентная; предложения (3) «кто передает что кому» – четырехкомпонентная. За пропозицией как означаемым структурной схемы простого элементарного предложения оставляем термин «типовая пропозиция».

Речевая реализация структурной схемы приводит к формированию ее различных вариантов, в том числе и к эллипсису одного из компонентов, чаще актантного, субъектного или объектного, что, однако, не приводит к разрушению схемы или формированию новой схемы. Реже остается незанятой позиция предикатива. Эллипсис одного из компонентов структурной схемы, как правило, предопределен контекстом или ситуацией, и при необходимости, может быть легко восстановлен. Например:

Чем я ему помешал? Неужели я обожаю совет народного хозяйства, если в помойке пороюсь? Жадная тварь! (М. Булгаков) = он жадная тварь; – *Куда же ты?* – вдруг спросил Обломов (И. Гончаров) = куда ты идешь (направляешься).

Незанятость позиции субъекта может быть структурно значимой, сигнализируя о специфическом структурном типе предложения с нулевым подлежащим. За такими предложениями в грамматике традиционно закреплен термин «односоставные личные». Ср.: *Не били вас сапогом? Били* (М. Булгаков) – неопределенно-личное предложение; *Гарсон! Литр белого вина. И оросите его grenadiном. Оно спокойнее, если с запасом* (А. Куприн) – определено-личное предложение.

Вербализованная структурная схема формирует высказывание, диктум которого соотносится с конкретной номинируемой высказыванием ситуацией или ситуациями, находящимися в определенных отношениях с ситуацией, маркированной структурной схемой. В отличие от структурной схемы простого предложения, за означающим высказывания признана позиционная схема [Попова 1996: 255], – речевой синтаксический знак высказывания, означающее пропозиции высказывания.

В формальном и смысловом отношении позиционная схема может соответствовать и не соответствовать структурной схеме. Это зависит, во-первых, от полноты / неполноты вербализации компонентного

состава структурной схемы (примеры см. выше), во-вторых, от того, какие и сколько пропозиций легло в основу формирования высказывания. При этом одна или несколько пропозиций может (могут) быть представлена (представлены) полным составом и быть маркированной (маркированными) структурной схемой (структурными схемами), другая или другие – неполным составом, так называемыми «свернутыми пропозициями».

Например, пропозицию высказывания *Она (Александра Павловна) подала ему свою (руку – В. К.), и оба отправились по дороге в ее усадьбу* (И. Тургенев) формирует сочетание двух пропозиций: одна, пропозиция «изменение положения объекта» (*Она подала ему свою*), формируемая смыслами «агнс – действие – объект – адресат», – означаемое структурной схемы «кто передает что кому» с позицией объекта, меняющего положение, маркированного притяжательным местоимением при эллипсисе объектной лексемы (*свою* = свою руку); другая (*оба отправились по дороге в ее усадьбу*) – представляет пропозицию перемещения, означаемое структурной схемы «кто перемещается куда где».

Пропозиция высказывания *Вечером, накануне Нового года, часу в шестом, Шумков воротился домой* (Ф. Достоевский) представлена совокупностью элементарных пропозиций; одна из них, представленная смыслами «агнс – перемещение – локатив», – пропозиция самостоятельного перемещения субъекта (*Шумков воротился домой*), маркирована структурной схемой «кто перемещается куда». Детерминирующие темпоральные конструкции уточняющего характера (*вечером, накануне Нового года, часу в шестом*) вербализуют пропозицию бытия в «свернутом» виде. Знаком этой типовой пропозиции является структурная схема «что есть где когда». Функция детерминирующих конструкций – обогатить, конкретизировать, уточнить семантику типовой пропозиции предложения, соотнести ее с референтом высказывания.

Таким образом, информативный компонент содержательной структуры высказывания, представлен смыслами, соотносёнными с участниками конкретной ситуации, референтом высказывания. Одни из этих смыслов представляют означаемое структурной схемы, легкой в основу формирования высказывания, другие – являются обстоятельствомными актуализаторами, соотносящими высказывание с референтом.

Позиция компонентов типовой пропозиции (пропозиции структурной схемы), как и компонентов структурной схемы, строго фиксирована, тогда как позиция компонентов пропозиции высказывания и его позиционной схемы обусловлена

коммуникативными намерениями говорящего. Ср.: *Вечером, накануне Нового года, часу в шестом, воротился Шумков домой; Вечером, накануне Нового года, часу в шестом, домой воротился Шумков и др.*

Диктум, соотносясь с фрагментом реального мира, являясь основой формирования высказывания, его «становым хребтом», свидетельствует о наличии номинативной функции предложения.

Балли. Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: УРСС, 2001. – 416 с.

Волохина Г.А., Попова З.Д. Синтаксические концепты русского предложения. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1999. – 130 с.

Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1972. – М.: Наука, 1973. – С. 349-372.

Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 104 с.

Копров В.Ю. Аспекты сопоставительной типологии простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков). – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1999. – 160 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.

Попова З.Д. Структурная схема простого предложения и позиционная схема высказывания как разные уровни синтаксического анализа // Словарь. Грамматика. Текст. – М.: Наука, 1996. – С. 255-268.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. – 191 с.

Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – 1600 с.

Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. – М.: Высшая школа, 1981. – 559 с.

Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. – М.: Изд-во Политической литературы, 1963. – 544 с.

Т.Н. Козюра

Воронежский государственный университет

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА РУССКИХ ПАССИВНО-ВОЗВРАТНЫХ ЗАЛОГОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Среди современных подходов к исследованию залога одной из наиболее актуальных нам представляется концепция номинативного (информативного) минимума предложения [Копров 1999; 2010].

Согласно данной исследовательской позиции, семантическая сущность залога определяется отношениями двух семантических актантов ситуативно-структурной организации предложения – субъекта и объекта. Под субъектом понимается актант, который в отражаемой предметной ситуации является производителем действия или носителем состояния. Объект – это второй актант – участник ситуации, который в составе инвариантной семантической структуры предложения связан с субъектом определенным отношением – действием. Синтаксическая сущность категории залога определяется оппозицией синтаксических конструкций, противопоставленных друг другу. А.В. Бондарко, один из основоположников теории функциональной грамматики, дает определение залогу как категории, образуемой оппозицией таких рядов грамматических форм, значения которых отличаются друг от друга разной языковой семантической интерпретацией понятийного соотношения «субъект (S) – понятие действия – объект (O)», что определяется различиями в соответствии между понятийными категориями S и O, с одной стороны, и синтаксическим содержанием членов предложения, репрезентирующих эти понятийные категории, с другой [Бондарко 1972: 59-60].

Поаспектный подход к анализу устройства предложения, детально проанализированный и обоснованный в работах В.Ю. Копрова, позволяет более системно изучать факты языка. В свете данного подхода залоговость представляет собой единицу релятивно-структурного подаспекта номинативного аспекта семантико-структурной организации предложения [Копров 1999; 2010].

Процесс взаимодействия актантов в ситуативной структуре предложения формально выражается глагольной лексемой. В числе предложений с глаголами лексико-семантической группы (ЛСГ) зрительного восприятия особый интерес для нас представляют конструкции, которые мы, вслед за В.Ю. Копровым, определяем как **пассивно-возвратные** [Копров 1999: 116]. Согласно представленным в указанных монографиях описаниям семантико-структурного устройства русских простых предложений, в предложениях с глаголами ЛСГ зрительного и слухового восприятия, а также умственного действия субъект может быть представлен формой дательного падежа или синтаксическим нулем как грамматически пассивный; носителем грамматического признака здесь выступает объект, занимающий позицию подлежащего: *Издаleкa слышaлись кaкие-тo непонятные звуки*. Как отмечал В.Г. Гак, глагол восприятия в русском высказывании чаще ставится в пассиве. Зрительное и слуховое впечатление представляется в этом случае как идущее от

воспринимаемого предмета к неизвестному (любому) адресату [Гак 1988: 205-206].

Анализ функционирования глаголов ЛСГ зрительного восприятия в текстах русской художественной литературы обнаруживает многочисленные случаи употребления исследуемых единиц именно в пассивно-возвратных залоговых конструкциях. В обследованных нами предложениях встречаются следующие подгруппы возвратных глаголов зрительного восприятия: *видеться, виднеться, грезиться, замечаться, мерещиться, обнаруживаться, обозначаться, представляться, рисоваться, смотреться, сниться, читаться, чудиться*.

Как показало исследование, в степени квалификации процесса, выражаемого глаголом в пассивно-возвратном предложении, и его принадлежности к объекту или субъекту, наблюдается некоторая градуальность (о категории градуальности в языке см. [Колесникова 2010]).

1. **Активная роль в осуществлении действия принадлежит семантическому объекту**, который как бы открывает, предоставляет возможность для внешней детерминации, зрительного восприятия себя самого: *видеться, виднеться, замечаться, читаться*, например:

а) предложения с субъектом действия, выраженным формой дательного падежа: *В лунном тумане мне видится замок Куси, живой и нерушимый* (А. Ремизов); *Магда виделась ему как некая восхитительная заставка, возглавляющая всю его жизнь* (В. Набоков);

б) предложения с синтаксически нулевым субъектом:

На нем, под одинокой группой каких-то раскидистых деревьев, метался огонечек от костра и виднелись какие-то движущиеся фигурки (М. Булгаков); *Думая, сказать об этом или нет, я шел с ней по набережной к метро и смотрел на другой берег Москвы-реки, где виднелись аттракционы Парка Горького* (П. Санаев).

В данную подгруппу мы также включаем предложения с глаголом *показаться*, т.к. его семантика обозначает действие, имеющее следствием «вступление объекта в поле зрения субъекта зрительного восприятия»: *Черный кожаный плащ распахнулся, и из-под него показались тиджак и сиреневая рубашка* (Ю. Домбровский); *И показали впереди еще одна гора – золотая* (Б. Акунин).

2. **Объект является носителем действия**, но зрительное восприятие осуществляется не без участия **субъектного** актанта: это может передаваться, например, глаголом *обнаруживаться* в значениях:

а) **появление объекта как воспринимаемого предмета или явления в результате деятельности субъекта**: <...> *когда объект снял котелок, неожиданно обнаружились виски с проседью* (Б. Акунин);

б) появление нового объекта в поле зрения **пассивного семантического субъекта**: *Она зародилась, когда бабушка уронила сумку, чудом удержалась, когда в курице **обнаружились** осколки, и теперь сошла во всем своем великолепии* (П. Санаев).

Следует отметить, что, если первую подгруппу составляют глаголы, безоговорочно относимые лингвистами к семантической группе зрительного восприятия, то во второй находятся глаголы с более сложной семантикой, содержащие, помимо зрительной семы, семантику других типов субъектно-объектных отношений (локализации, посессивности, умственных и физических действий).

Это можно объяснить тем, что восприятие осуществляется поэтапно: сначала – соответствующими органами чувств человека, затем сигнал поступает в мозг, который фиксирует факт восприятия. На первом этапе восприятия объекта воспринимающему субъекту нет необходимости проявлять какую-либо активность, а осуществление ментальных операций уже требует деятельности мыслительных органов субъекта. М.П. Никитин показал, что возникновение гипотезы (представления) о предъявленном предмете существенно меняет течение перцептивного процесса; это критический путь микроразвития восприятия, который как бы возвращает его на более ранние стадии, задавая новый вектор движения от глобального, синкретического восприятия ко все более и более дифференцированному [Никитин 1985: 14-15]. Поэтому при исследовании пассивно-возвратных конструкций возвратные глаголы ЛСГ зрительного восприятия часто объединяются именно с возвратными глаголами ЛСГ умственных действий [Копров 1999: 116].

3. Такие глаголы как *мерещиться*, *чудиться*, а также *сниться* уже содержат в себе как компоненты восприятия, так и, даже более явно выраженные, семы умственных действий; кроме того, семантика данных глаголов ставит под вопрос реальность процессов, которые они обозначают.

Например, глагол *мерещиться* употребляется в пассивно-возвратных конструкциях для обозначения процессов возникновения образов предметов ситуаций (объектов) в сознании субъекта: *Были ли эти силуэты или они только **померещились** пораженным страхом жильцам злосчастного дома на Садовой, конечно, с точностью сказать нельзя* (М. Булгаков).

Что касается глагола *сниться*, то относительно его семантических характеристик можно сказать следующее: процесс сна сочетает в себе и восприятие (чтение изображения с сетчатки глаз), и ментальную обработку воспринимаемого. Предложения с данным глаголом также передают пассивно-возвратное залоговое значение,

подобно остальным возвратным глаголам данной подгруппы: *Все это только **снилось** Никанору Ивановичу под влиянием поганца Коровьева* (М. Булгаков).

Таким образом, рассмотрение функционирования предложений пассивно-возвратного типа в русском языке позволило выявить, что в их составе используются следующие возвратные глаголы *видеться, виднеться, грезиться, мерещиться, представляться, сниться, чудиться, обнаруживаться, обозначаться*. При анализе фактического материала мы также обнаружили факт так называемого «лексико-функционального замещения», когда в предложениях данного типа место возвратных глаголов ЛСГ зрительного восприятия могут занимать возвратные глаголы других ЛСГ, содержащие в своей семантике периферийную сему зрительного восприятия. Следовательно, анализ семантики и функционирования предложений, залоговая семантика которых обозначает процесс пассивно-возвратного восприятия объекта субъектом, выявляет еще одну область взаимодействия лексики и грамматики.

В более широком контексте предложения с возвратными глаголами ЛСГ зрительного восприятия являются частью периферийной зоны семантико-функционального поля залоговости русского языка (сопоставительный анализ данных подсистем в русском и французском языках см. в работе [Козюра 2011]).

Бондарко А.В. К теории поля в грамматике – залог и возвратность // Вопросы языкознания. – М., 1972. – № 3. – С. 20-35.

Гак В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским. – М.: «Русский язык», 1988. – 264 с.

Козюра Т.Н. Семантико-функциональное поле зрительного восприятия в русском и французском языках // Семантико-функциональный сопоставительный синтаксис: Субъектно-объектные отношения / В.Ю. Копров, Т.Н. Козюра, А.Л. Лебедева, О.М. Дедова, И.М. Сушкова; под ред. В.Ю. Копрова. – Воронеж: Изд-во «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2011. – С. 63-105.

Колесникова С.М. Функционально-семантическая категория градуальности в современном русском языке: Учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 2010. – 279 с.

Копров В.Ю. Аспекты сопоставительной типологии простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков). – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1999. – 160 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.

Никитин М.П. К вопросу об образованиях зрительных восприятий // Психологический журнал. – Том 6, № 3. 1985. – С. 14-21.

ЛОКАТИВНО-ПОСЕССИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С МЕСТОИМЕННО-ИНФИНИТИВНЫМ ОБОРОТОМ С ПОЗИЦИИ ПОАСПЕКТНОГО ПОДХОДА К УСТРОЙСТВУ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Одним из универсальных законов, действующих в речемыслительной сфере, является закон экономии речевых усилий. Продуктом этого закона являются и такие неоднозначные русские конструкции, как *Нам (у нас) есть о чем / не о чем поговорить; Нам (у нас) есть что / нечего читать; В городе есть что / нечего посмотреть.*

Данная конструкция, которую мы вслед за В.Ю. Копровым называем локативно-посессивным предложением с местоименно-инфинитивным оборотом, весьма частотна в современном русском языке, и поэтому заслуживает отдельного, более подробного рассмотрения и описания [Копров 2010: 88-97].

Отличие нашей позиции от существующих концепций состоит в том, что отказавшись от противопоставления утвердительных и отрицательных предложений исследуемого типа как отдельных семантико-структурных классов, мы рассматриваем их в качестве категориальных вариантов одной и той же модели. Кроме того, мы разделяем мнение о том, что в свете достижений современного семантического синтаксиса потерял свою актуальность спор по поводу односоставности / двусоставности этих предложений. При анализе фактического материала нами применяется **методика поаспектной характеристики** семантико-структурного устройства предложения, разработанная В.Ю. Копровым, которая заключается в выявлении состава и взаимодействия компонентов в каждом из следующих аспектов предложения: целевом, номинативном, предикативном, релятивно-номинативном, актуализирующем, эмоционально-экспрессивном, стилистическом [Там же: 37-44].

В данной статье интересующие нас предложения анализируются в **номинативном, релятивно-номинативном и актуализирующем** аспектах.

I. Важнейшим среди всех аспектов семантико-структурного устройства предложения является **номинативный аспект**. Ввиду сложности его внутренней организации в нем разграничиваются два подаспекта: ситуативно-структурный и релятивно-структурный (категориальный). В свете ситуативно-структурного подаспекта строение предложения рассматривается как опосредованное языком

отражение структуры предметной ситуации. В данном подаспекте разграничиваются три уровня семантического устройства предложения: 1) типовое значение предложения (ТЗ); 2) инвариантная семантическая структура предложения; 3) лексико-грамматический вариант инвариантной семантической структуры предложения.

Типовым значением всех предложений рассматриваемого типа является «отношение между предметами».

Начнем описание фактического материала с анализа устройства **двуактантных** информативно минимальных предложений, выражающих субъектно-объектную ситуацию. Классифицируем их с точки зрения реализуемых ими инвариантных семантических структур и результатов прономинализации **обязательных актантов**: субъекта, объекта, адресата и локализатора.

1. Инвариантная семантическая структура предложений выражается формулой: **субъект – действие / состояние – объект**, прономинализован: а) объект: *Им было **что** терять* (Г. Горелик, А. Сахаров); *Мне было **ничего** скрывать* (С. Довлатов); *Ей было **чему** удивляться* (А. Берсенева); б) субъект: ***Некому** было этим заняться* (Д. Емец).

2. Инвариантная семантическая структура предложений выражается формулой: **субъект – локализация – локализатор**, прономинализован: а) локализатор: *Нам есть **где** жить, Паша* (Ю. Нагибин); *У вас есть **где** ночевать* (В. Токарева); б) субъект: *Есть **кому** жить в памяти человечества* (Ф. Кривин); *В деревне **некому** было жить* (из газет).

3. Инвариантная семантическая структура предложений выражается формулой: **субъект – посессивность – объект**, прономинализован: а) объект: *Им есть **что** терять* (А. Шаров); *Сербскому мужику было **что** приобретать* (Б. Васильев); *Кому **ничего** украсть – работает* (В. Войнович); б) субъект: ***Некому** было приобретать недвижимость* (из газет). Как видно из приведенных примеров, прономинализуются только актанты предложений с семантикой динамической посессивности, статическая же посессивность прономинализации не подвергается.

Перейдем к рассмотрению **трёхактантных** предложений.

1. Инвариантная семантическая структура выражается формулой: **субъект – действие – объект – адресат**, прономинализован: а) объект: *Мне будет **что** рассказать внукам* (С. Осипов); *Ему есть **что** рассказать молодым офицерам* (Г. Трошев); *Но России есть **что** предложить Литве* (И. Порошин); б) субъект: *Есть **кому** вам сообщить неприятную новость* (из газет); *Подарить ей автомобиль было **кому*** (из газет); в) адресат: *Им было **кому** посвятить свою жизнь* (из газет); *Им было **кому** отдать одежду* (из газет); *Мне есть **кому** подарить обручальное кольцо* (из газет).

2. Инвариантная семантическая структура выражается формулой: **субъект – действие – объект – локализатор**, прономинализован: а) локализатор: *Тут есть где приложить линейку...* (С. Солоух); *Средства есть куда направить* (из газет); *Знания есть куда приложить* (А. Белозеров); *Ему есть, где приложить свои знания* (В. Цыганков); б) субъект: *Пока ещё есть кому применить свои знания на заводе* (из газет); *Будет кому показывать трюки в цирке* (из газет); в) объект: *Им было что положить в банк* (из газет); *У них нашлось что поставить на стол* (из газет).

3. Инвариантная семантическая структура выражается формулой: **субъект – действие – локализатор – локализатор**, прономинализован: а) локализатор: *Ему было откуда возвращаться* (из газет); *Ей было куда вернуться* (И. Грекова); *И некуда зверю было оттуда уйти* (В. Гаршин); б) субъект: *К нам было кому приехать из-за границы* (из газет).

Теперь обратим внимание на локативно-посессивные предложения с местоименно-инфинитивным оборотом, в которых прономинализованы **факультативные актанты**:

инструмент: *Мне есть чем поразить гостя* (В. Запашный); *Впрочем, извиняюсь, вам есть чем удивить публику* (С. Ямщиков); *Вам будет, чем защититься* (из газет); *Ведь на него есть чем давить...* (В. Горбачев); *У Тегерана есть чем подкрепить свои претензии на Каспий* (О. Горич);

средство: *У нее есть чем топить...* (Т. Миловидова-Венцлова); *Председатель Счетной палаты Сергей Степашин подарил Алексею Кудрину сосуд с водкой в виде аудитора – чтобы главе Минфина было чем встречать представителей проверяющего ведомства* (Е. Короп);

средство перемещения: *Пожалуйста, не загоняй лошадей далеко, барин, чтобы нам было на чем уехать* (Е. Комаровский);

материал: *Видимо, были в ней особенно аккумулированы все человеческие чувства, было из чего делать роли* (В. Розов); *Жителям Подволочиска есть из чего свертывать папиросы!* (В. Дорошевич).

II. Приведем примеры предложений, в которых прономинализации подверглись компоненты **релятивно-номинативного аспекта**:

цель: *Он уже не мог и не для чего было ему жить* (И. Гончаров); *Им есть зачем жить* (из газет); *А вам, извините, зачем знать?* (Г. Данилевский);

причина: *Мальчику было отчего волноваться* (Ч. Айтматов); *Тут было отчего испугаться* (В. Распутин); *Словом, Борису было отчего тревожиться* (Д. Гранин); *Тут было отчего забить тревогу* (Н. Суханов);

время: *Родителям было некогда следить за моим чтением* (С. Маршак); *В бою было некогда спрашивать, теперь поздно* (Б. Горбатов); *Полиции было некогда возиться с ворами* (П. Нилин); *Детей было некогда рожать* (И. Сахновский).

III. Перейдем теперь к рассмотрению актуализирующего аспекта данных конструкций. В основе коммуникации, как известно, лежит диалогический, интерактивный принцип, причем в процессе общения собеседники не просто механически передают друг другу информацию, а стараются вызвать желаемые последствия в реальности [Спирин 2006: 151]. Поэтому одно и то же предложение может приобретать разный смысл в зависимости от коммуникативной цели, преследуемой говорящим. Например, в предложении *Эмигрантам будет где работать* говорящий сообщает нечто об эмигрантах, а именно – что им будет где **работать**. Предложение *Будет где работать эмигрантам* уже приобретает другой смысл: здесь сообщается о том, кому будет где работать. Соответственно, каждое из приведенных выше высказываний делится на две части. Первая часть представляет собой исходный пункт высказывания, который зачастую может быть известен слушателям или предопределяться ситуацией, контекстом (тема). Вторая часть сообщает нечто о первой части и представляет собой главную коммуникативную цель высказывания (рема). В работах И.П. Распопова членение на тему и рему названо актуальным, поскольку оно существенно в данном контексте или в данной конкретной ситуации для говорящего или пишущего [Распопов 1970].

Варианты актуального членения предложения-высказывания на письме различаются **порядком слов**, например (рема выделена полужирным шрифтом): *Нам есть за что любить эту страну*; *Любить эту страну нам есть за что*; *Эту страну нам есть за что любить*; *Есть за что нам любить эту страну*; *Эту страну нам есть за что любить*.

Для предложений рассматриваемого типа в нейтральной коммуникативной ситуации характерна неразрывная последовательность глагола и местоименного компонента. У высказывания *Мне есть чего опасаться* возможен вариант: *Есть чего опасаться мне*. Употребление предложения типа **Чего опасаться есть мне* или **Есть опасаться чего мне* кажется недопустимым. Таким образом, мы видим, что порядок слов в предложении рассматриваемого типа не полностью свободен.

В предложении *Одину было некогда следить за чаяниями патриотов* (Е. Хасецкая) мы наблюдаем нейтральный, прямой порядок слов, где тема начинает высказывание, а рема завершает его: Т – Р. Но такое расположение компонентов высказывания в конкретных русских

высказываниях наблюдается далеко не всегда. В устной речи говорящий имеет возможность инвертировать прямой порядок слов, т.е. ставить слова выражающие рему, в препозицию или в интерпозицию по отношению к теме. В этих «необычных» позициях рема всегда выделяется **логическим ударением**, и поэтому она безошибочно узнается слушающим, например: *Некогда было Одину следить за чаяниями патриотов. За чаяниями патриотов некогда было Одину следить; Одину было некогда следить за чаяниями патриотов; Одину следить за чаяниями патриотов было некогда.*

В письменной речи подобное интонационное выделение ремы, естественно, не воспроизводится, поэтому его отсутствие компенсируется категорией порядка слов, в соответствии с которой слова, обозначающие рему, обычно располагаются после слов, обозначающих тему: *Одину за чаяниями патриотов следить было некогда.*

Но иногда и в письменной речи слова, обозначающие рему, предшествуют словам, обозначающим тему, что осложняет анализ коммуникативной организации предложения. Правильное восприятие коммуникативной роли компонентов высказывания, поданных таким способом, как правило, обеспечивается контекстом, иногда в выражении актуального членения предложения участвуют частицы, залоговые обороты и др. средства, например: *И у России есть что предложить требовательному клиенту (из газет); Налево река луку сделала, и некуда зверю было оттуда уйти: сзади охотник, спереди река широкая, ни человеку, ни зверю не переплыть (В. Гаршин); И у меня есть что сказать ему (А. Ларина).*

В заключение отметим, что анализ локативно-посессивных предложений с местоименно-инфинитивным оборотом в рамках актуализирующего аспекта, а также с точки зрения возможности прономинализации их обязательных и факультативных компонентов способствует лучшему пониманию и усвоению особенностей функционирования этой традиционно трудной для иностранных учащихся конструкции.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.

Распопов И.П. Строение простого предложения в русском языке. – М.: Просвещение, 1970. – 191 с.

Спирин В.А. Общение и ожидание. Феномен коммуникации в контексте культуры. – СПб.: СПбГУВК, 2006. – 262 с.

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ И СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ТИПОВ ГРАДУИРОВАНИЯ

Отмечающий свой юбилей Виктор Юрьевич Копров, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка для иностранных учащихся Воронежского государственного университета, много лет занимается вопросами функциональной грамматики и синтаксической семантики в языках разных систем. Мы не так давно познакомились на конгрессе в МГУ, хотя работы профессора В.Ю. Копрова известны многим современным исследователям языка. Именно общие научные интересы позволили нам общаться за одним «Круглым столом» по проблемам понятийных, функционально-семантических и грамматических категорий. В новой монографии В.Ю. Копрова «Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским» [Копров 2010] обобщен лингвистический опыт прошлого и настоящего по вопросам синтаксической теории разноструктурных языков, рассматриваются средства выражения субъектно-объектных отношений, локализации и посессивности. Справедливо отмечено, что «функциональная грамматика объединяет несколько направлений, каждое из которых располагает собственной теоретической базой, понятийным аппаратом, методикой анализа и практическими реализациями, охватывающими большой языковой материал» [Там же: 3]. Наша статья посвящена описанию функционально-семантической категории градуирования.

Анализ языка и его семантическая интерпретация не могут быть полными и адекватными, если они проводятся безотносительно к говорящему или слушающему. Говорящий – это всегда центр речевой ситуации [Штелинг 1996]. В зависимости от точки зрения говорящего субъекта и качественно-количественной характеристики, которую он передает, выделяют разные типы градуирования: **логическое, психологическое и лингвистическое** (языковое) (ср.: [Сепир 1985; Колесникова 1998]).

Логическое градуирование выделяют с позиций мыслящего субъекта, которое включает в себя два типа:

I тип – градуирование слов (выражений) по отношению к норме (нейтральной точке – *нулевой ступени измерения*): норма (*обычного качества; на обычном расстоянии от ...*) – ниже нормы (*ниже обычного качества = хуже; менее хороший*) – выше нормы (*выше обычного качества = лучше; неплохо...*);

II тип – градуирование слов (выражений) по отношению к компаративу: *ниже (нижего качества, чем = относительно хуже; относительно менее хороший...)* – *выше (высшего качества, чем = относительно лучше; относительно менее плохой...)*.

Семантика градуирования и градуальности связана с эксплицитными и имплицитными элементами в высказывании.

Экспликация характерна для собственно градуальных высказываний, целью которых является выражение степени проявления признака. Градуальным высказываниям свойственно комплексное использование эксплицитных средств – суффиксы субъективной оценки; компаративы, суперлативы и элитивы; предикаты *«больше, чем...»* / *«меньше, чем...»* и под.; градационные предложения и т.д.: *Она была прекраснее, чем он воображал ее* (Л. Толстой); *В тюрьме колодники лучше живут, чем он: всех людей переморил голодом* (Н. Гоголь); *Она подала ему руку, и они пошли рядом, прибавляя хода, и чем быстрее, тем крепче она сжимала его руку* (Л. Толстой).

Импликация характерна для градуально-оценочных высказываний, в которых выявляются градуальные оппозиции. Характер элементов градуальной семантики связан с отражением картины мира в сознании говорящего субъекта и устанавливает связь с психолингвистическими явлениями речевой деятельности. В языке образ предмета, подвергающегося градуированию со стороны субъекта-говорящего, представлен многомерно. Такой объем устанавливается характером восприятия объекта субъектом. Процесс воплощения, в доступном восприятию виде с помощью разноуровневых языковых средств, связан с объектом и его нейтральным признаком (нормой).

Психологическое градуирование проявляется при соотнесении одной единицы (А) к другой (Б), являющейся либо другой единицей, либо единицей, обозначающей нейтральный признак. Выделяется пять типов психологического градуирования:

I тип – градуирование открытого диапазона: *А, Б, В ... Н*, включающее эксплицитное и имплицитное градуирование: *А больше Б = Б меньше А* – эксплицитное градуирование; *А мало = Б много* – имплицитное градуирование.

II тип – конъюнктивное градуирование закрытого диапазона: в качестве примера используем плавный переход цветовой гаммы. Базовая палитра образуется соотношением трех основных цветов – красного, зеленого, синего. Исходя из количественного состава одного из основных цветов, получается тот или иной цвет. Эксплицитное: *А менее белый, чем Д = Д белее, чем А*. – предлагаются суждения о *большей (меньшей) насыщенности белого или черного, представляющие*

расплывчатое поле *предельно белого* и *предельно черного* цветов. Имплицитное: *А, Б, В ... К* являются оттенками *красного*. Данный тип психологического градуирования включает в себя цветовые обозначения и является последовательно полукруговым: *фиолетовый ... красный ...*. Психологические суждения о влиянии определенного цвета на человека [Аграшенков 1997: 26-35] содержат слова, в семантическую структуру которых входит и градусема (термин наш – *С. К.*). Так, например, семантическая структура слова *легкий* состоит из 13 семем. Семема 1 отражает количественно-качественные признаки градуируемого объекта «незначительный по весу, не отягчающий» (*Легкая ткань. Легкий завтрак*). Семема 2 отражает интеллектуальную разновидность градуирования – «исполняемый, достигаемый без большого труда, усилий» (*Легкая задача. Легкая дорога*) *Легкое чтение* = «малосодержательное, не наводящее на размышление». Семема 3 – «небольшой (по силе, крепости и т.п.), малозаметный, едва слышный» – реализует количественно-качественное градуирование (*Легкий ветерок. Легкое вино. Легкое наказание* (= не суровое)). Семемы 1 и 3 объединены семой «небольшой, незначительный». Семемы 4 и 5 передают этические признаки градуируемого объекта – «уживчивый, удобный в общении» (перен.) (*Легкий характер. Легкий человек*); «поверхностный, несерьезный, легкомысленный» (*Легкие нравы. Женщина легкого поведения* (= «вступающая в непродолжительные случайные связи с мужчинами»)). Семемы 6 и 7 реализуют значения социального порядка – «без тяжелого вооружения, подвижный» (*Легкие танки. Легкая кавалерия*); «изготавливающая предметы потребления» (*Легкая промышленность*). Семемы 8 и 9 передают значения интеллектуального свойства, способности градуируемого объекта – «о том, кто приносит счастье, удачу» (*Легкая рука* (у кого-то)); «просто сказать, а сделать трудно» (*Легко сказать* (разг.)). Семемы 10 и 11 несут значения психического состояния градуируемого объекта – «о том, кто внезапно появляется, когда о нем говорят» (*Легок на помине*); «без тревоги, без раздумий» (*С легким сердцем*). Семемы 12 и 13 отражают значения эстетической оценки градуируемого объекта – «о чем-нибудь удачно, почине, примере» (*С легкой руки* (чьей) (разг.)); «будь осторожнее в словах, действиях» (*Легче на поворотах* (прост.)).

III тип – конъюнктивное круговое градуирование закрытого диапазона. Данный тип градуирования отличается от предыдущего типа (II) наличием вторичного психологического поля предельно близкого (плохого) и предельно далекого (хорошего), имеющего расплывчатый характер. Соотнесение $D : E$ интерпретируется как E – менее близкий (плохой), чем $D = D$ – ближе, чем $E = E$ – дальше, чем $D = D$ – менее далекий, чем E , т.е. в некоторой точке достигается

максимум близкого и градуатор «ближе» заменяется градуатором «дальше» (на пространственном основании).

Здесь также выделяется эксплицитное и имплицитное градуирование: эксплицитное: *А меньше, чем В = В больше, чем А; А менее хороший, чем В = В лучше, чем А и т.д.* Зона перехода представляет собой расплывчатое поле предельно далекого... и предельно близкого, где соотношение *А : В* интерпретируется как *В менее далекий, чем А = А дальше, чем В = В ближе, чем А = А менее близкий, чем В*, т.е. в некоторой точке *К* достигается максимум далекого, и градуатор «дальше» уступает место градуатору «ближе»; имплицитное: *А, В, В ..., К – далекий в постепенно меняющейся степени; Л, М ... – близкий в постепенно меняющейся степени.*

IV тип – дизъюнктивное градуирование открытого диапазона: *А [ни красный, ни синий, ни зеленый = черный], В ... К, Л, М, Н ...* Ср. плавный переход от одного цвета к другому (цвета радуги). Эксплицитное: *А менее + (прил. цвет. обоз.), чем В = В синее, чем А.* При этом нейтральная зона отсутствует.

V тип – градуирование I типа, интерпретируемое в терминах дизъюнктивного градуирования («гибридный» тип, включающий в себя I и II типы): *А, В, В ..., Н* интерпретируются по аналогии с IV типом. Эксплицитное: *А менее горячий (старый, умный, хороший), чем В = В горячее ((даже) старше, умнее, (даже) лучше), чем А.* В нейтральной зоне не применимы ни *горячий*, ни *холодный*, ни *старый*, ни *молодой*, ни *умный*, ни *глупый*, ни *хороший*, ни *плохой*. *А менее холодный (молодой, глупый, плохой), чем В = В холоднее (моложе, глупее, хуже), чем А ...* Нейтральная зона имеет дизъюнктивный характер (*умеренный, средних лет, обычного ума, обычного качества*) и может пониматься негативно: *Ф - ни горячий, ни холодный; ни Ф, ни Х не являются старыми или молодыми, но Ф ближе, чем Х к тому, чтобы называться старым; Ц - ближе к глупому, чем к умному.*

Логическое градуирование имеет дизъюнктивный и конъюнктивный характер, поэтому выделяются следующие его типы:

I тип – градуирование открытого диапазона, являющийся прототипом всего логического градуирования и включающий в себя высказывания типа *А лучше, чем В*.

Качественные образования типа *хороший : плохой* создают серию с двумя вершинами. Такие понятия выражают отношения реляции по принципу «и – и» и входят в конъюнктивное градуирование закрытого диапазона (II тип). В подобных случаях мы говорим, что *А лучше, чем В, который в свою очередь весьма хороший*. Мы не говорим, что *А не очень далек от хорошего* и не говорим, что *А относится к нижнему*

пределу диапазона. Слова *хороший*: *плохой* образуют непрерывное психологическое единство разных качеств.

III тип логического градуирования является «гибридным» (смешанным): логические противопоставления типа *хороший* : *плохой* (*большой*: *маленький*) (I тип) переносятся по аналогии со вторым типом и характеризуется двумя вершинами и двумя расплывчатыми зонами.

IV тип представляет собой психологический контраст с градуаторами «*больше*» / «*меньше*». В качестве нормы выступает первичная зона (исходное градуирование).

Данные суждения представляют некую сложную комплексную систему психологического и логического градуирования. Такое положение объясняется следующим рядом причин:

1. Способность воспринимать некоторые точки в равномерной последовательности как изначально противопоставленные друг другу и не способные связываться в результате упорядочивания относительно «*больше*» / «*меньше*». Это свойственно и словам, обозначающим абстрактное количество, например, некоторые числа при соотношении к «*много*» / «*мало*» можно считать неестественными. Ср.: числа 8 и 37, если 8 употребляется в тексте, в котором используется десятичный ряд и максимальную точку занимает число 10, то 8 относится к «*много*», 37 будет соотносено со словом «*мало*», если за норму принято число, гораздо больше данного числа, например, 200. Ср.:

– Известно, – ответил Швондер, – ... вы занимаете чрезмерную площадь. Совершенно чрезмерную. Вы один живете в семи комнатах.

– Я один живу и работаю в семи комнатах, – ответил Филипп Филиппович, – и желал бы иметь восьмую. Она мне необходима под библиотеку.

Четверо онемели.

– Восьмую! Э-хе-хе, – проговорил блондин...

– Это неопишимо! – воскликнул юноша, оказавшийся женщиной.

– У меня приемная – заметьте – она же библиотека, столовая, мой кабинет – 3. Смотровая – 4. Операционная – 5. Моя спальня – 6 и комната прислуги – 7. В общем, не хватает... (М. Булгаков).

Здесь 7 считается «*малым*» (с точки зрения говорящего субъекта – Филиппа Филипповича), если за максимум принято число 10, 11...; и будет считаться «*многом*», если максимальную точку занимают 2, 3, 4 (относительно Швондера).

2. При противопоставлении двух качеств обнаруживается противоположное направление градуирования: то, что логически «*больше*» одного качества, но не психологически эквивалентно «*меньше*» другого. Ср.: логические *лучше* = *менее плохой* : психологические *хуже* = *менее хороший* .

3. Отдать предпочтение качеству, расположенному выше от нормы на шкале градаций и выполняющему роль градуатора: *лучше* = *более качественные*; *тяжелее* = *большого веса*; *хуже* = *менее качественно*; *легче* = *маленького веса*.

4. Возникает «конкуренция» между логическим и психологическим градуированием. Например, в результате соотнесения контрастирующих *А* [и] *Б* понятие «*более А*» соотнесен с «*менее Б*». Если нейтральную зону между *А* и *Б* воспринимать как «и *А*, и *Б*», «ни *А*, ни *Б*», то при этом логическая связь теряет свою отчетливую противопоставленность, а один из термов («*либо А, либо Б*») меняет свое направление градуирования для обеспечения градуирования открытого диапазона.

5. Движение градуирования в область положительных коннотаций «+», то есть «меньше → больше» или в область «-» (отрицательных коннотаций), то есть «больше → меньше» определяет разную психологическую оценку степени градуирования. Ср.: (от) *плохой* → (к) *довольно хороший*; (от) *очень хороший* → (к) *довольно хороший* = «всего лишь довольно хороший».

Лингвистическое градуирование различается по способу презентации в плане выражения.

I тип – эксплицитное градуирование: отвлеченное – градуаторы «*больше, чем*», «*меньше, чем*» осуществляют градуирование вверх или вниз по шкале градации, не указывая ни на класс градуируемых единиц, ни на наличие / отсутствие нормы или вершины выражаемого признака. Метаслова «*больше*» / «*меньше*», получившие специализированное употребление, носят абстрактный характер. Ср.: *трудный* : *труднее* = *более, чем средней трудности* = «*больше*».

II тип – имплицитное градуирование: отвлеченное – некоторые имплицитно градуируемые слова могут быть рассмотрены как новые точки измерения, например, *много* и *мало*, используемые к исчисляемым именам; специализированное градуирование включает в себя большое количество разнообразных единиц, образующих градуальные оппозиции.

В зависимости от количества лексических единиц, входящих в подобные противопоставления, различают:

1. Одноэлементные множества: слова, градуируемые как «*больше / меньше*» не имеют точного оппозита, например: *вместительный, удаленный, серебристый* и проч. Данные слова характеризуются тем, что они не употребляются в повседневной речи.

2. Двухэлементные множества: – противопоставления, в которых средний член не имеет специального выражения: *грубый* – *XX* – *нежный (голос)*; *пылкий* – *XX* – *холодный (человек)* и т.п.; функцию

среднего члена выполняет слово с *не-*, т.к. других промежуточных слов нет: *громкий – негромкий – тихий; вежливый – невежливый – грубый* и т.п.

3. Трехэлементные множества (встречаются реже) являются обязательными для точного градуирования и связаны со второй группой, где средний член двуэлементных множеств вычленяется за счет ослабления слов выше / ниже по шкале градации, например: *плохой – нормальный (средний) – хороший*.

4. При добавлении в ряд противопоставлений еще одного слова из другого семантического поля получим четырехэлементное множество: *горячий ← теплый – прохладный → холодный; плакать ← грустить – радоваться → смеяться*.

5. Многоэлементные множества – это более сложные противопоставления, осложняющиеся новыми словами. Характер лексического наполнения подобных парадигм зависит от конкретных слов, к которым прилагаются данные парадигмы: *красивый... симпатичный... – обычный на вид... – невзрачный... безобразный...; легкий... нетрудный – средней трудности – нелегкий трудный*.

III тип лингвистического градуирования включает в себя **полярное** градуирование, которое обычно используется только для указания на некоторую меру неполноты собственного значения. Но данные единицы могут приобретать и другую (менее важную) функцию. Например, в ряде случаев (в зависимости от контекста!) слово *совершенный* (являющийся одним из самых ярких термов полярного градуирования) приобретает значение «*очень хороший*», что позволяет вторично упорядочить «полярные» единицы в положительном направлении. Ср.: *более (наиболее) + полярный термин (совершенный)*. С логической точки зрения они равны (*более (почти) совершенный и наиболее (почти) совершенный*). С психологической точки зрения значение данных слов равно «*лучший*»; «*самый лучший*» в верхней части зоны «*хороший*». Имплицитно градуированные суперлативы могут стать объектом исследований, как, например, объектом исследования стали слова *много / мало, более / менее* [Шамшин, 2007; Емцева, 2009].

Основными рабочими понятиями при построении концептуального аппарата градуирования являются:

- 1) последовательное градуирование величин, признаков, т.е. «обертывание» («envelopment») одних в другие;
- 2) установление нормы как нулевой ступени измерения в определенном месте открытой структуры;
- 3) размещение значения на шкале градаций по отношению к норме (нулевой ступени измерения) с опорой на градуаторы «*больше*» / «*меньше*»; «*выше*» / «*ниже*»;

4) сопоставление отдельных градуируемых значений слов, принадлежащих одному классу;

5) образование (в результате интерполяции) непрерывной градационной шкалы между резко выраженными, контрастирующими значениями и имплицитными понятиями, связанных с движением градуирования.

Таким образом, перечисленные понятия в своей совокупности представляют суть градуирования – постепенное нарастание / убывание градуированных величин, степеней качества, располагающихся на шкале в виде «градусов» (шагов, ступеней градуирования).

Аграшенков А.В. Психология на каждый день. Советы, рекомендации, тесты. – М., 1997.

Золотова Г.А. Говорящее лицо и структура слова // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М., 1995.

Колесникова С.М. Семантика градуальности и способы ее выражения в современном русском языке. – М., 1998.

Колесникова С.М. Функционально-семантическая категория градуальности в современном русском языке. – М., 2010.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж, 2010.

Емцева О.В. Грамматический статус слов *более, менее* в современном русском литературном языке: автореф дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009.

Сепир Э. Градуирование: семантическое исследование // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985.

Словарь русского языка в 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой: Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 1981-1984.

Шампин Ю.Н. Функционирование омокомплексов *много* и *мало* в современном русском языке: автореф дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007.

Штелинг Д.А. Грамматическая семантика английского языка: Фактор человека в языке. – М., 1996.

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ
КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕДМЕТА**
**(на материале испанских предложных
и беспредложных конструкций)**

Среди многогранных научных интересов В.Ю. Копрова, в центре которых находятся проблемы семантико-функциональной сопоставительной грамматики разноструктурных языков, далеко не последнее место занимают вопросы описания синтаксических конструкций с семантикой локализации предмета в пространстве и времени [Копров 1999: 19-24; 2010: 157-163]. Факт этот тем более отрадный, что в потоке публикаций по пространственной проблематике, появившихся в отечественной и зарубежной лингвистике в последние годы, исследования синтаксических средств объективации пространства практически не представлены (обзор см. в [Корнева 2006]). Отдавая дань уважения трудам В.Ю. Копрова по синтаксису предложений локализации русского, английского и венгерского языков, в предлагаемой статье мы продолжим развивать тему пространственной квалификации предмета на материале испанского языка.

Прежде всего заметим, что само положение о том, что знания о мире объективируются средствами всех уровней языковой системы, в том числе синтаксическими, вряд ли нуждается в доказательствах, как не нуждается в доказательствах и другое – каждое языковое средство по-своему вербализует сведения о различных пространственных представлениях. Известно также, что независимо от того, являются ли объективируемые пространственные значения универсальными или же культурно-специфическими, для их вербализации каждый конкретный язык использует готовые языковые структуры, будь то структура производного слова, словосочетания или предложения (см. [Корнева 2008а; 2008б; Копров 2010]).

Целью нашего исследования является выяснение того, какие пространственные значения выражаются в испанском языке с помощью субстантивно-адвербиальных конструкций *Sustantivo + de + Adverbio* и *Sustantivo + Adverbio* и какие функции они выполняют при вербализации пространственной картины мира испанского языка.

С формальной точки зрения данные конструкции отличаются наличием / отсутствием предлога, а потому в дальнейшем для краткости мы будем именовать их **предложными** и **беспредложными** структурами (конструкциями). В терминах традиционной грамматики, опирающейся на синтаксические функции, реализуемые той или иной единицей языка,

предложные конструкции квалифицируются как средство выражения атрибутивной семантики. В отличие от них беспредложные конструкции имеют синкретичный характер и выражают атрибутивно-обстоятельственное значение (см. об этом подробнее [Рылов 2007]).

Как показывают наши наблюдения, конструкции рассматриваемого типа могут выражать в зависимости от лексического наполнения разные значения. Наличие в их структуре локативных наречий сигнализирует о том, что в них реализуется пространственная семантика. Следовательно, конструкции *Sustantivo + de + Adverbio Locativo* и *Sustantivo + Adverbio Locativo* можно рассматривать как готовые языковые структуры для репрезентации пространственных представлений в испанском языке. Необходимо, однако, выяснить, какие именно пространственные представления объективируют данные конструкции и проецируется ли формальное различие их структур на особенности концептуализации пространственной семантики.

Исходя из общих закономерностей функционирования языковых единиц, естественно предположить, что выделенные конструкции в семантическом плане могут иметь черты сходства и черты различия. Черты сходства, в частности, могут проецироваться их принадлежностью к одному общему типу – типу номинативных структур, различия же могут быть естественным следствием как структурного своеобразия каждой конструкции, так и особенностей ее лексического наполнения.

В самом общем виде лексические ограничения на заполнение позиций в названных конструкциях сводятся к тому, что в них могут использоваться, как уже отмечалось, наречия только локативной семантики, в то время как диапазон семантического варьирования существительных непосредственно связан с типовым значением структуры.

Определенное формальное сходство анализируемых конструкций проявляется в препозиции существительного и в постпозиции наречия и оборачивается общностью семантической функции – выражением пространственного значения. Поскольку в субстантивно-адвербиальных конструкциях наречие выступает в качестве квалификатора имени, то семантическим инвариантом рассматриваемых структур можно считать значение пространственной квалификации объекта относительно точки отсчета в абсолютной или относительной системе координат; ср.: *vecino de arriba* ‘сосед сверху [с верхнего этажа]’, *barrio de abajo* ‘нижний квартал города, нижний город’, *puerta de delante* ‘передняя дверь’, *puerta de detrás* ‘задняя дверь’; *la vida aquí* ‘жизнь здесь’, *la vida arriba* ‘жизнь наверху’.

Анализируемые конструкции могут занимать разную позицию в составе предложения-высказывания – позицию субъекта или объекта

действия, однако это не влечет за собой изменения значения самой конструкции, ср.: *Ayer mi vecino de arriba no me reconoció* 'Вчера сосед сверху [с верхнего этажа] меня не узнал' и *Ayer vi a mi vecino de arriba* 'Вчера я видел соседа сверху [с верхнего этажа]'; *El barrio de abajo es muy bonito* 'Нижний город очень красивый' и *Está pintando el barrio de abajo* 'Он сейчас рисует нижний город'.

Следовательно, несмотря на формальные различия, предложные и беспредложные конструкции реализуют одну и ту же семантическую функцию и предстают как однопорядковые явления – как способ / средство пространственной квалификации предмета. Тот факт, что пространственную квалификацию получает субъект или объект действия, но не само действие – ситуация (событие) и что пространственная детерминированность предмета служит лишь одним из способов выделения / конкретизации предмета из числа подобных, позволяет нам сделать вывод о том, что конструкции такого рода относятся к числу средств дополнительной пространственной локализации, поскольку они выступают как одно из возможных средств объективации признака предмета. Ср.: *Mi vecino de arriba trabaja en la Universidad* и *Mi vecino nuevo trabaja en la Universidad* 'Мой сосед сверху (мой новый сосед) работает в университете'.

Принципиальное различие между данными конструкциями заключается прежде всего в том, что в предложной структуре используются конкретные существительные, тогда как в беспредложных конструкциях могут употребляться существительные самых разных лексико-грамматических категорий: одушевленные и неодушевленные, событийные и несобытийные, конкретные и абстрактные, исчисляемые и неисчисляемые различной тематической принадлежности. Ср.: *El hombre (el bosque / la casa / la nieve / la vida / la ideología / la amistad) aquí no es como en la Francia*. 'Человек (лес / дом / снег / жизнь / идеология / дружба) здесь не такой / такая, как во Франции'. Следовательно, в одних структурах (предложных) пространственную квалификацию могут получать только конкретные физические предметы, в других структурах (беспредложных) подобные ограничения снимаются и любой предмет, как физический, так и умозрительный, может стать пространственно детерминированным.

Таким образом, на основании данных языковых фактов можно сделать вывод о том, что концептуализация и категоризация разных типов предметов имеет существенное значение для их дальнейшей пространственной квалификации, поскольку от этого зависит использование той или иной синтаксической структуры.

Копров В.Ю. Аспекты сопоставительной типологии простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков). – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1999. – 160 с.

Копров В.Ю. Сопоставительный синтаксис русского и английского языков: Учебное пособие. – Воронеж: Изд-во НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2010. – 226 с.

Корнева В.В. Лингвистика на просторах пространства (обзор публикаций последних лет) // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – № 1. – С. 153-164.

Корнева В.В. Пространство в единицах и структурах языка. – М.: АНО ВПИ «МГИ», 2008а. – 192 с.

Корнева В.В. Наречия и параметры пространственной картины мира. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2008б. – 302 с.

Рылов Ю.А. Простое и осложненное предложение в испанском языке. – М.: Высш. школа, 2007. – 221 с.

Л.В. Красильникова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ПРОИЗВОДНЫЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ КАЧЕСТВА В ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ

С точки зрения лингводидактики в функциональном когнитивно-коммуникативном описании русского словообразования в целях его преподавания иностранным учащимся, в первую очередь филологам, необходимо различать два аспекта.

В рамках первого направления акцент ставится на изучении закономерностей функционирования словообразовательного форманта в его формально-семантическом взаимодействии с другими морфемами, прежде всего корневой, внутри слова для реализации номинативной (когнитивной) и коммуникативной функций языка. Основной единицей обучения здесь выступает словообразовательная модель (семантико-словообразовательная структура), которая репрезентирует ту или иную семантико-словообразовательную категорию. Такой подход связан в первую очередь с обучением языку, т.е. обеспечивает формирование языковой компетенции в области русского словообразования и направлен на пополнение лексического запаса иноязычных учащихся.

В рамках второго направления рассматриваются закономерности функционирования производного слова. При этом речь идет не только о традиционном распределении дериватов определенной модели по сферам функционирования (функциональным разновидностям и

стилям), но и о характерных особенностях семантико-синтаксического контекста, т.е. о функционировании производных в предложении / высказывании и, шире, в тексте / дискурсе для реализации коммуникативной задачи общения. Данное направление функционального когнитивно-коммуникативного описания русского словообразования обеспечивает развитие как языковой (формально-семантический и функционально-семантический аспекты), так и речевой (функционально-коммуникативный аспект) компетенции иностранных учащихся. При этом в качестве основной единицы обучения выступают производные определенной словообразовательной модели, относящиеся к одной семантико-словообразовательной категории (дериваты со значением действия, состояния, качества; дериваты со значением лица, предмета и др.), и уже – субкатегории.

Для теории и практики преподавания РКИ важно, что производные слова, построенные по моделям в рамках определенной словообразовательной категории, характеризуются общими закономерностями функционирования в предложении / высказывании и тексте. Простые и производные слова могут принадлежать к одной и той же семантической категории, в то же время в процессе обучения русскому языку как иностранному необходимо учитывать языковую природу именно дериватов. В отличие от непродеривированных слов производные слова в силу наличия у них деривационных структур, с одной стороны, частично наследуют семантические (а в ряде случаев и синтаксические) свойства базовой лексической единицы, а с другой – приобретают новые семантические и синтаксические связи.

Имена качества, свойства, признака как отвлеченные существительные образуются в первую очередь от качественных прилагательных, для которых эти значения являются изосемическими. В качестве словообразовательного форманта модель формируют суффиксы *-ость*, *-ств(о)*, *-изм*, *-от(а)*, *-ин(а)*, *-изн(а)*, *-иј(э)*, *-иц(а)*. Максимальную активность в современном языке проявляет суффикс *-ость* (*холодность*), который не только используется при образовании новых производных, часто окказиональных: *мифологичность*, *кризисность*, *репертуарность*, *скоординированность*, *учительность*, но начинает соединяться с не типичными для него основами с суффиксами *-ск* и *-ов* (*свойскость*, *дневниковость*) и соперничать с традиционными для отдельных слов суффиксами (*трудолюбивость* вместо *трудолюбие*, *хладнокровность* вместо *хладнокровие*, *правдоподобность* вместо *правдоподобие*) [Земская 2007: 62-63]. Средней продуктивностью отличаются модели с суффиксами *-изм* и *-ств(о)*: *максимализм*, *богатство*, *достоинство*.

Относительно моделей существительных с суффиксом *-от(а)*, *-изн(а)*, образованных от качественных немотивированных прилагательных: *быстрота*, *глухота*, *нищета*, *темнота* и др., отмечается их некоторая продуктивность только в художественной речи [РГ 1980: 181]. К непродуктивным, но функционирующим в широко употребительных существительных относится суффикс *-ин(а)*: *тишина*, *вышина*, *ширина*, *седина*, *толщина*. Среди производных с непродуктивным нулевым суффиксом выделяются существительные, образованные от прилагательных с названием цвета: *зелень*, *чернь*, *синь*. Такие дериваты характерны для художественной, часто поэтической речи. Модели с суффиксами *-иј(э)* и *-иц(а)* со значением отвлеченного признака (*различие*, *безразличие*, *подобие*; *разница*, *путаница*) отличаются малой продуктивностью. Среди производных с суффиксом *-иј(э)* выделяется семантическая группа со значением черты характера человека: *тщеславие*, в большинстве своем образованных сложно-суффиксальным способом: *слабоволие*, *великодушие*, *остроумие*.

Чтобы научить иностранных учащихся общению на русском языке, необходимо учитывать особенности синтаксического поведения и специфику функционирования в тексте / дискурсе производных со значением качества. Отвлеченные дериваты, сохраняя в своей семантике базовое значение производящих прилагательных, переходят в иную часть речи, а именно в существительное, что кардинальным образом сказывается на особенностях их синтаксического и текстового функционирования.

Дискурсивно-синтаксическое описание использования отвлеченных существительных может вестись по нескольким коррелирующим друг с другом аспектам семантической структуры высказывания: когнитивно-логическому, денотативному, коммуникативному (референциально-прагматическому), а также функционально-коммуникативному (формально-синтаксическим и семантическим связям в высказывании и тексте). Функционирование отвлеченных производных в первую очередь определяется их логико-категориальной природой. Логическое понимание отвлеченных существительных связано прежде всего с их спецификой как производных слов. Их лексическое значение определяется спецификой выражения категориального, частеречного компонента. Все выделяемые человеческим сознанием несубстанциальные элементы действительности получают языковое обозначение. Отвлеченные существительные используются для наименования структур знания, сформировавшихся в сознании человека в результате операции отвлечения отдельных свойств объекта от их носителя, отвлеченные производные представляют собой особые

когнитивные структуры, при этом концептуально такие структуры знания являются более сложными, чем у производящих прилагательных (ср.: *добрый* и *доброта*).

Отвлеченные существительные (в отличие от абстрактных) имеют в реальной действительности свой денотат: девербативы называют действия, процессы, события, явления (*чтение, расширение, война*), деадъективы обозначают качество, свойство (*краснота, точность*). Вследствие этого они могут участвовать в формировании неизосемических синтаксических конструкций, которые при выражении определенного денотативного содержания выступают как синтаксические синонимы: *Мальчик бегло читает – Чтение у мальчика беглое / отличается беглостью – У мальчика отмечается беглость чтения* [Всеволодова 2000: 39].

Входя в структуру определенного предложения, отвлеченные дериваты приобретают способность к референциальному употреблению. При сохранении признаков семантики прилагательного деадъективы реализуют конкретную референцию, при этом «отвлеченное имя сохраняет свободную валентность на замещение субъектной (а для отглагольного имени – и объектной) позиции, обеспечивающей ему вместе с временной парадигмой глагола конкретно-референтное употребление: *Пение Пети. Белизна снега ослепляла (этого снега)*» [Чернейко 1997: 64]. Конкретная определенная референция имен качества обнаруживается в причинной предложно-падежной конструкции при субъекте-подлежащем (*Из любопытства Нина согласилась на его предложение*). Часто конкретность референции поддерживается контекстом, прежде всего при употреблении отвлеченных имен в предложении, следующим за предложением, которое содержит однокоренное прилагательное: *Новая формация. – В чем новизна?* [НКРЯ]. При этом референт отвлеченных существительных бывает «конкретный, если отражено восприятие предмета или неопределенный, если отражено размышление о нем (*Белизна утомляет*)» [Чернейко 1997: 59]. Конкретно-референтное значение может переноситься в контексте на наименование собственно конкретного предмета. Так, слово *зелень* в конкретно-референтном значении может употребляться в контексте как наименование любого конкретного предмета зеленого цвета: *Помещая туда лук для выгонки. Зелень получаю ароматную, богатую витаминами; Может, зелени наелся? Яблоч?* – спрашивает сердобольно подполковничиха [НКРЯ]. Отметим, что абстрактные имена также имеют референты, представляющие собой не сущности, процессы, признаки реального или виртуального мира, а ментальные сущности человеческого сознания (*добро, справедливость, коварство, зло, благо*).

Функционально-коммуникативный аспект описания отвлеченных существительных предусматривает рассмотрение их роли в построении предложения / высказывания и далее коммуникативной функции в построении текста. Коммуникативная активность деадъективов связана в первую очередь с их двойственной языковой природой: наследуемым от производящих значением признака (качества) и значением «предметности», свойственного существительному как части речи. Такая активность в структуре предложения проявляется в их способности занимать синтаксические позиции, как не свойственные производящим глаголам и прилагательным, так и характерные для слов данных частей речи с определенными изменениями, накладываемыми морфологическими особенностями существительного. В отличие от прилагательных качественные субстантивы могут занимать, типичную для существительных позицию подлежащего и дополнения (*Точность наблюдений поразительна; Не ручаюсь за точность*). Для прилагательных специфической синтаксической позицией является позиция согласованного определения. Имена качества также могут выступать в качестве определения, однако в соответствии со своими морфологическими особенностями только несогласованного (*грустная мелодия – мелодия грусти*), при этом данные словосочетания не всегда могут быть синонимичными, зачастую наблюдаются значительные семантические сдвиги (*добрые пожелания – пожелания доброты*) (см. об этом [Копров 2006: 31-34]).

В позиции определения полные прилагательные обозначают атрибутивный признак предмета. Значение постоянного признака сохраняется в качественном существительном при сочетании с предметным именем: *синева неба (синее небо), синева моря (синее море), синева глаз (синие глаза)*. Постоянство признака предмета является основой для употребления отвлеченного существительного в предметном значении для замещения названия самого предмета: *Если присмотреться, за серыми облаками проглядывала синева*.

В аспекте РКИ важным является изучение в рамках простого предложения семантико-синтаксического функционирование деадъективов в наиболее частотных для них позициях в составе предиката и в предложно-падежной конструкции. Приведем соответствующие примеры с деадъективными субстантивами: *отличаться скромностью* (описательный предикат); *благодаря его находчивости* (предложно-падежная конструкция). Качественные деадъективы выполняют также текстообразующую функцию, участвуя в создании связного микротекста: *Сергей был смелым мальчиком. Его какая-то отчаянная смелость часто заставляла его даже рисковать своей жизнью*.

Позиции предиката отвлеченные деадъективы могут занимать лишь с помощью слов-помощников. Дериваты с качественным значением активно сочетаются с предикатами: *присущ, свойственен, характерен, чужд, исполнен, отличать(ся), характеризовать(ся), обладать: присуща жесткость, характерна трагичность, отличает актуальность, обладает настойчивостью* (например: *Ему присуща доброжелательность; Он был исполнен любви, нежности и почтения к этому мудрому человеку*).

Синтаксические связи деадъективных существительных определяются функцией мотивирующего прилагательного в предложении. Прилагательные в функции как определения, так и предиката формируют словосочетания: деадъективное существительное + существительное со значением носителя признака в родительном падеже: *синее небо – синева неба; идея нова – новизна идеи; прогулки полезны – польза прогулок*. Мотивирующее прилагательное в функции предиката может обладать своим собственным распространителем, в этом случае управление чаще всего наследуется существительным: *добр к людям, по отношению к людям – доброта к людям, по отношению к людям; полезен всем, для всех – польза всем, всему организму, для всех, для дела*. В то же время возможны и отличия, на которые следует обращать внимание учащихся: *богат лесом, но лесное богатство*.

Деадъективы отличает особая способность активно сочетаться с глаголами, входящими в ЛСГ глаголов чувства, восприятия и эмоционального отношения: *любить, ценить, ненавидеть; удивлять/ся, поражать/ся, восхищать/ся, раздражать/ся, сердить/ся* и др., которые могут формировать следующие основные модели предложения: «кто любит / ценит / ненавидит кого / что за что», «кто ценит / любит в ком / в чем что»; «кого удивляет и т.п. в ком / в чем что»; «кто удивляется (чьей) чему (кого)»: *Мы ценим его за порядочность; Он ценит в своем автомобиле прежде всего надежность и качество* [НКРЯ]; *Ее непосредственность удивляла / раздражала всех; Мы удивляемся ее нерешительности; Мы удивляемся нерешительности Кати*.

Необходимо отметить, что наблюдается несовпадение «грамматически» правильного порядка слов, представляющего синтаксическую модель предложения, и порядка слов в коммуникативной модели высказывания. Например, модель предложения «что присуще чему» с открытой для качественного существительного синтаксической позицией именительного падежа существительного, реализуется в коммуникативной модели «кому присуще что», поскольку актуальным является последовательность:

называние лица и указание на свойственную ему черту (или черты) характера или особенности поведения: *Хочется выразить слова благодарности всем, ...кому присущи высокий профессионализм, требовательность к себе, готовность поделиться опытом, знаниями и мастерством* [НКРЯ]; *Антону Андреевичу присущи инициативность, энергичность и целеустремленность.*

В результате процесса номинализации, т.е. превращения синтаксического предиката в имя, а предложения в целом – в именную группу, именные конструкции становятся одним из специфических средств выражения универсальных смыслов и могут обозначать причину, время, цель, условие, уступку, образ действия и факт. Отметим, что субстантивы со значением качества не формируют временных групп. В рамках полипропозитивной структуры высказывания синтаксические дериваты входят в состав предложно-падежных конструкций, синонимичных придаточной части сложноподчиненных предложений: *Из-за ее небрежности осталось много опечаток* (= *из-за того что она была небрежна*).

Иностранные учащиеся, знакомясь с предложно-падежные конструкциями, овладевают синонимическими средствами выражения обстоятельственных смыслов в составе простого предложения. При изучении трудной для иностранных учащихся темы «Выражение причинных отношений в русском языке» в структуре простого предложения закономерности связи предлогов с отвлеченными существительными определенной семантики становятся дифференцирующим фактором. Так, предлог *в результате* сочетается с отглагольными существительными (*в результате обработки*), а предлог *в силу* используется обычно при деадъективном существительным со значением качества, свойства объекта (*в силу традиционности авторской концепции*). Обстоятельственные смыслы передают также и существительные с предлогами, не имеющие реально развернутых синонимов. Так, с деадъективами со значением качества (черты его характера и внешности) употребляются причинные предлоги *по* (причина-основание), *от*, *из*, *из-за* (*по доброте, из доброты, от доброты, из-за его доброты*). Предлоги *с* и *от* сближает обозначение причины действий как неосознанного источника действия, при этом конструкция с предлогом *с* отличается большей эмоциональностью. Сочетание с предлогом *из* включает в себя также имена со значением внутреннего качества (*из скромности, из упрямства, из вежливости*) и обозначает причину как осознанный стимул к выполнению действия. При выражении внутренней причины предлог *из-за* используется в конструкции, называющей неблагоприятную причину: *из-за своего упрямства*. Отметим, что

конструкции *по своей доброте* и *по доброте своей* могут различаться оценочным знаком: *По своей доброте она многим помогала* и *По доброте своей он поселил нас в каком-то сыром сарайчике*. Во втором примере чувствуется ирония говорящего по отношению к субъекту действия, что ограничивает возможность использования конструкции *по своей доброте* (см. об этом также [Копров 2006: 70-73]).

Одним из характерных контекстов, в которых используются деадъективы, являются эмоционально-экспрессивные высказывания со словами *какой, вот это, вот так* и подобные: *Какая смелость!* Отвлеченные имена могут формировать номинативные предложения: *Тишина*.

Имена качества могут употребляться с глаголами речи, психофизических, ментальных действий, для которых свойственны также сочетания с существительными состояния. Существительные со значением состояния указывают на то, каким чувством окрашена речь или что выражает тот или иной психологический процесс: *с грустью сказал, произнес, посмотрел, подумал, понял; с радостью ответил, согласился, принял (приглашении); без грусти вспомнил, подумал, с удивлением осознал*. Что же касается девербативов со значением качества в сочетании с глаголами речи и мысли, то они обычно выступают как абстрактные имена, которые выражают сложные нравственно-этические понятия и идеи: *вели разговоры о доброте, справедливости и человечности; верил в справедливость; Доброту он воспринимал как слабость* (ср. ...*Что такое красота и почему ее обожествляют люди?* (Н. Заболоцкий)). Свойство, черту характера можно знать, а состояние – только понимать: *Ведь вы знаете его доброту; Я понимаю вашу радость*.

Языковым средством, указывающим на наличие в предложении отвлеченных существительных, выступают слова-классификаторы. Для качественных имен такими классификаторами выступают родовые слова «качество», «свойство»: *Проводимость – это свойство материала проводить электрический ток*.

Таким образом, русское словообразование представляет собой особый объект в функционально-коммуникативной грамматике РКИ.

Путь от «внутреннего синтаксиса» производной лексики к синтаксическим условиям ее функционирования показывает, что деадъективы со значением качества и свойства функционируют в специфическом наборе семантико-синтаксических контекстов и участвуют в выражении ряда инвариантных семантических структур [Копров 2011: 11].

Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 502 с.

Копров В.Ю. Вариантные формы в русском языке: Учебное пособие для иностранных учащихся продвинутого этапа обучения. – 2-е изд., испр. – М.: Изд-во «Русский язык. Курсы», 2006. – 136 с.

Копров В.Ю. Введение // Семантико-функциональный сопоставительный синтаксис: Субъектно-объектные отношения / В.Ю. Копров, Т.Н. Козюра, А.Л. Лебедева, О.М. Дедова, И.М. Супкова; под ред. В.Ю. Копрова. – Воронеж: Изд-во «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2011. – С. 5-12

Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 320 с.

А.А. Кретов

Воронежский государственный университет

СКОЛЬКО ГЛАСНЫХ ФОНЕМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ?

Поскольку фонология – лишь часть лингвистики, начнем с общих вопросов теории языка. Игорь Павлович Распопов часто говорил: «Фонему произнести нельзя». И действительно, если мы последовательно различаем речь и язык, то мы должны столь же последовательно различать единицы речи – фоны и единицы языка – фонемы. Язык не дан нам в непосредственном наблюдении. Речь же наблюдаема: **фоны** можно произнести и услышать, **фонемы** – нельзя.

Каково же соотношение фонов и фонем?

Фонема – это уникальный ряд позиционно чередующихся аллофонов, находящихся в отношении дополнительного распределения или свободного варьирования (или часть такого ряда). Вопреки мнению М.В. Панова, приписывающего приоритет такого понимания фонемы В.Н. Сидорову [Панов 1979: 106], оно принадлежит С.И. Бернштейну [Бернштейн 1962].

Каждый фон представляет фонему, но не равен ей, как член ряда не может быть равен всему ряду. Это значит, что фонема реализует себя не в каком-то одном аллофоне, а во всём уникальном ряде. Принадлежность фона одной морфеме обеспечивается двумя условиями: 1) тождеством **внутренней позиции** (фонов в морфе), 2) дополнительным распределением **внешних позиций** фонов, занимающих тождественную внутреннюю позицию.

Фонема – различитель морфем. В речи представлены только морфы и фоны, поэтому фонема различает морфемы опосредованно – через

различение морфов фонемами. Определить фонему можно только через морфему. Фонемы вообще интересуют человечество лишь потому, что они являются строительным материалом минимальных универсальных знаков языка – морфем. Ни фонемика, ни фонология не составляют отдельного царства и не представляют самостоятельного интереса. Звуковые различия интересуют нас только в их отношении к системе языка как целому и к прочим уровням языка.

Москвичи считают, что в современном русском языке 5 гласных фонем [Кодзасов, Кривнова 2001: 363], питерцы – что 6 [Бондарко, Вербицкая, Гордина 2004: 13]. Различие лишь в трактовке Ы: для питерцев это фонема, для москвичей – позиционный вариант фонемы /И/. М.В. Панов вообще предложил этот вопрос закрыть как давно решённый (разумеется, в пользу МФШ). С.В. Кодзасов поясняет: «Различие между московской и петербургской школами состоит в том, какой критерий фонемного отождествления имеет большее значение: формальный (дополнительное распределение звуков и их чередование внутри одной морфемы) или фонетико-интуитивный (ощущаются ли звуки как одна и та же произносительная единица)» [Кодзасов, Кривнова 2001: 364]. Однако это различие не является центральным. Проблема статуса Ы представляет собой лишь частный случай и решается сама собой при решении общих вопросов фонологии. Важнее, что МФШ и ЛФШ солидарны в другом: 1) в языке столько фонем, сколько различается под ударением. Потому что – в этом обе школы тоже сходятся – 2) абсолютной сильной фонематической позицией гласного является позиция под ударением.

Начнём с простого.

Все учебники уверяют, что в русском языке одна фонема /О/.

Выходит, в паре *ЛоБ-ЖЛоБ* под ударением одна и та же фонема /О/.

Начинаем склонять: |ЛØба-ЖЛАБа|. |О| в слове *ЛоБ* чередуется с нулём звука |Ø|, тогда как в слове *ЖЛоБ* оно чередуется с |А|. Одна и та же фонема в одной и той же позиции не может вести себя по-разному. Следовательно, в русском языке как минимум две разных фонемы /О/: О беглое и О небеглое. Фактически это означает, что фонема /Ь/ никуда не делась из русского языка – она просто изменила форму своей реализации: в последнем слоге основы она чередуется с нулём звука, а перед имперфектирующим суффиксом =А=, обозначающим длительность действия – ещё и с |Ы|: *ЗОВ-ЗАВу-(на)ЗØВаТЬ-(на)ЗЫВаТЬ*.

Тут наготове возражение: редуцированные «пали» ещё в XII веке, и видеть их в современном русском языке – значит совершать грубейшую и элементарнейшую ошибку: смешивать синхронию и диахронию.

На это можно возразить следующее: А чередование О||Ø *лоб-лба* совершается в XII веке или в современном русском языке?

Тогда нам скажут: В современном, но не по закону Гавлика, а только в последнем слоге основы, следовательно, это чередование непозиционное, а раз непозиционное, то и нефонологическое.

На это можно ответить, что позиционные и непозиционные чередования различаются безысключительностью или наличием исключений, а в последнем слоге основы (на флективном стыке) редуцированные перед слогом с гласным полного образования чередуются с нулём без исключений. Более того, признаком живого фонетического процесса является то, что он распространяется и на новые явления. Чередование с нулём распространяется и на те случаи, где этимологически его быть и не должно: многие вместо *нет брелока* говорят *нет *брелка*. Следовательно, это не история, а самая живая современность.

Тогда нам скажут: «Но ведь флективный стык – это позиция морфологическая, а не фонетическая. Следовательно, утверждая, будто в современном русском языке есть две фонемы /О/, Вы смешиваете разные уровни языка: фонетический и морфологический».

Но разве москвичи и питерцы, определяющие *фонемы* как различители и отождествители **морфем** и **слов** [Панов 1979: 94] тем самым не «смешивают» фонетический уровень с морфологическим и даже лексическим?

Скажу более: почти все фонологи-русисты безоговорочно признают оглушение звонких согласных в конце слова фонетическим явлением. Но разве позиция конца слова является фонетической позицией? Это ведь тот же флективный стык, и оглушение звонких согласных в конце слова является таким же сигналом конца основы, как и беглость гласного. Так почему же одно безысключительное чередование на флективном стыке признаётся фонетическим, а другое безысключительное чередование на флективном стыке считается морфологическим? Оглушение согласных в конце слова служит сигналом конца слова, т.е. по Н.С. Трубецкому, относится к ведению морфонологии [Трубецкой 1967 (1931)].

А главное – ради чего следует сберечь фонетическую «чистоту» и какой ущерб науке принесёт учёт морфологических позиций наряду с фонетическими? Кроме того, в последнее время питерские лингвисты стали признавать, что кроме **различительной** функции «фонема иногда выполняет и ещё одну функцию – **разграничительную**» [Бондарко, Вербицкая, Гордина 2004: 13]. Правда, это ими не относится к русскому языку и фонемами признаются те звуки, которые употребляются ТОЛЬКО на стыке морфем или слов. Как раз такие

«фонемы» уместнее было бы считать позиционно обусловленными вариантами фонем.

Ещё Бодуэн де Куртенэ указывал на сходство *дивергентов* (чередований в фонетических позициях) и *коррелятов* (чередований в морфологических позициях). Н. Крушевский восхищался тем, что Фердинанд де Соссюр в своём «Мемуаре...» сделал морфологию путеводной нитью для фонетики.

М.В. Панова, похоже, смущает то, что морфологизированные чередования несут дополнительную – грамматическую семантику, но при этом он упускает из виду, что, во-первых, так обстоит далеко не всегда (например, какое грамматическое значение в чередовании *лоб-лба?*), а во-вторых, даже осложнённые грамматическими различиями чередования не нарушают тождества морфем, а следовательно, не являются фонологическими, коль скоро признаётся, что фонемы – это различители морфем. Например, *везу воз* или *поднесу поднос*. Чередование *e//o* налицо, а тождество морфемы сохраняется.

Если мы признаем равноценность фонетических и морфологических позиций, мы сможем последовательно обосновать взгляд на аллофоны как на позиционно обусловленные варианты фонем.

В завершение разговора о беглых фонемах в современном русском языке отметим, что учение о «падении» редуцированных сложилось в дофонологическую эпоху и до сих пор не получило адекватной фонологической интерпретации. С фонологической же точки зрения **слухи о падении редуцированных сильно преувеличены**. Ближе всех к этой идее подошёл Л.В. Щерба в своей «Фонетике французского языка» [Щерба 1953(1937): 97-98]. О его опыте П.С. Кузнецов отозвался так: «Идя путем, предложенным Л.В.Щербой, мы могли бы доказать и наличие двух фонем [о] в современном русском языке, одного чередующегося с нулем, другого не чередующегося» [Кузнецов 1970(1941): 196]. Пойти этим путём П.С. Кузнецову помешали две теоретические ошибки: 1) отождествление фонемы с фоном в сильной позиции и 2) сильной позиции – с ударной.

Первую ошибку москвичи (В.Н. Сидоров и М.В. Панов) впоследствии исправили – по крайней мере, декларативно. Вторую – нет. Возьмём словоформу *посОл* с О ударным и *послА* с О беглым. Именно позиция под ударением является позицией нейтрализации, а позиция безударная – *послá//посола* – позицией различения.

Другим примером нейтрализации фонематических различий под ударением является глагол *засАливать* в котором нейтрализуется различие между *засАлить* и *засолИть*, восходящих к словам *сАл_о* и *сОл_ь* (мягкость /Л/ – позиционно обусловлена: ср. *посол*, *засол*, *рассол*).

Итак, мы обнаружили в русском языке 2 фонемы О, точнее {О} в ЖЛОБ-ЖЛОБА и {Ъ} ЛОБ-ЛЕБА.

А сколько фонем Е в русском языке?

Если мы сравним слова ДЕНЬ-ДНЯМИ и ТЕНЬ-ТЕНЯМИ, то обнаружим два разных Е: беглый и небеглый в той же самой позиции – на флективном стыке (в последнем слоге основы). Таким, образом, имеется не менее двух различных Е: {Е} и {Ъ}. Признаком такой фонемы является ряд *со-бер_у*||*со-бОр*(а)=*О*=л_ь||*со-бир*=а=л_ь. О продуктивности этого явления свидетельствует его распространение на слова лёд-льда и лев-льва, в которых этимологически Е не является беглым.

Кстати, слово ЛЕВ ставит ещё одну проблему, а почему не ЛЕВ?

Дело в том, что в современном русском языке, кроме исконной системы есть подсистема, обслуживающая заимствованные, преимущественно греко-латинские слова. На эти слова, как и на слова другой подсистемы – церковнославянской (южнославянской по происхождению) чередование Е||Ё не распространяется.

Почему в одной и той же позиции мы наблюдаем разные результаты: *печь-сечь, пеку-секу*, но *хлебопЁк-довосЕк*? Ср. кстати, морфонологизацию чередования |Е/'О| в формах прошедшего времени: закрепление |Е| за именем и |'О| – за глаголом: *Дрова сёк дровосёк*.

Перед нами ещё одна фонема современного русского языка – [Е] не чередующееся под ударением с О в позиции перед твёрдым согласным, в отличие от Е чередующегося с О в этой позиции. Фактически это фонемы {Ё} (назовём её именем буквы – *ять*) и {Е}. При этом в паре *ВОЗ-БЁЗ* имеет место оппозиция гласных, а не согласных фонем: мягкость |В| в слове БЁЗ нефонологична, потому что она обусловлена позицией перед {Е}.

Тут уместно возражение: о каком таком /Е/ идёт речь, если под ударением ясно слышится /О/? Но ведь под ударением перед твёрдым согласным фонема {Е} всегда реализуется в варианте |'О|. Если нас не удивляет, что в первом предударном слоге фонема {О} всегда реализуется в варианте |А| (*вОды-ваДА*), то почему нас смущает, что в одной из позиций фонема {Е} реализуется в варианте |'О|?

На жизненность этого процесса указывает хотя бы тот факт, что он распространяется на заимствованные слова: даже от лингвистов можно услышать **афёра* вместо *афера*, кроме того, процесс начал помаленьку захватывать и исконный «ять»: например, *гнЁзда, звЁзды* при **гнёздо, *звёзда*.

Но есть и ещё одно Е. Его обнаруживаем в парах *СЕР-СЭР, МЕР-МЭР*. Это оппозиция Е, смягчающего предшествующий согласный, и Е, не смягчающего его. Е-смягчающее – это своё родное исконное Е, а Е-не-смягчающее – это заимствованное Е, встречающееся только в

заимствованных словах. Для обозначения этой фонемы очень подходит буква Э. Фонема Э отличается от фонемы Е ещё и тем, что не вызывает палатализации предшествующих заднеязычных внутри морфем и на суффиксальном стыке: *гендер, кегли, хетты*. В принципе, в иностранных словах следовало бы выделить и особые фонемы едва ли не для всех гласных: {О}, {А}, которые также ведут себя особым образом. {И} в заимствованных словах ведёт себя как исконная фонема {Ы}. Так, например, слово *кОнкОрдАнс*, будь оно исконным, приобрело бы вид *кукородус.

Таким образом, в русском языке не одна фонема Е, а четыре – три исконных: {Е}, {Б}, {Ё} и одна заимствованная: {Э}.

Что касается гласных У-И, то такие звуки в современном языке есть, а фонем нет. У-И являются не самостоятельными фонемами, а слоговыми вариантами сонантов У-В, И-Й. И действительно, если мы определим **гласные** как всегда слоговые фонемы, а **согласные** как всегда неслоговые, то **сонанты** – фонемы, которые в зависимости от позиции являются то слоговыми, то неслоговыми, нельзя отнести ни к тем, ни к другим, а принцип дополнительного распределения слоговых и неслоговых вариантов препятствует их расщеплению на две самостоятельные фонемы.

Сравним: *Вот смерклось. Были мы готовы / ЗаУтра бой затеять новый* (М.Ю. Лермонтов. Бородино) и *зАвтра*. Как видим, имеет место чередование У||В.

Если два звука могут чередоваться в одной позиции без нарушения тождества морфемы и следовательно, без изменения значения, значит, они находятся в отношениях свободного варьирования и также не могут представлять разные фонемы: *до свидания* и *до свиданья* демонстрируют нам чередование И||Й.

Такие сонанты, у которых маркированным является неслоговой вариант, а немаркированным – слоговой было бы уместно называть **глайдами**, в отличие от **плавных** (Р, Л) и **носовых** (М, Н).

Кроме того, в звуке [у] может реализовываться сочетание фонем ОУ (рисУю – рисОВАть) или ОН (звУк – звОН). В таком случае [У] оказывается не фоном (представителем одной фонемы), а **бифоном** – представителем двух фонем.

Фонема {А} в русском языке существует как несомненная гласная. Правда, она встречается только после твёрдых согласных. Есть искушение принять А-смягчающий за фонему {Е}, однако такое решение лишило бы нас возможности объяснить чередование Я-Н-ИН: *смять-сомНу-смиИНаю*. Чередование [И] с нулём звука в *сомОНу-смиИНаю* однозначно указывает на то, что в корне глагола *мять* представлено сочетание фонем {БН}. Нет фонемы {А} и в глаголах

поЖАТЬ-пожну-пожисаю и *поЖАТЬ-пожму-пожисаю*. В первом случае перед нами фонемы {БН}, во втором – {БМ}. Приняв существование носовой гласной фонемы мы не смогли бы объяснить и чередование Я||ЕН в паре *звЯкать-звЕНеть*.

Из этого следует, что носовые фонемы в праславянском и старославянском языках были, а носовых фонем – не было, потому что эти звуки были бифонами.

В заключение рассмотрим вопрос о фонеме Ы.

Эта фонема есть в современном русском языке. Правда, реализуется она сейчас не так, как раньше: внутри морфемы и на суффиксальном стыке она смягчает заднеязычные, но не палатализирует их: слова *гИбель*, *кИнуть* и *хИтрый* содержат фонему {Ы}, иначе мы имели бы *жибель, *чинуть и *шитрый. Фон |Ы| может передавать сочетание фонем ЪИ, как это имеет место в примере к *Ире*, ср. также *искать-подыскать* (фактически *подЪ-Искать*; Ы=ЪИ). Фонема |Ы| может быть также представлена чередованием с ОВ||В, которые, в свою очередь, представляют сочетание фонем {ЪВ}: *шитъ-шов/шова/шовея-зашивать*; *забЫть-забВение-забЫВать*. Это чередование способно поставить под вопрос само существование фонемы {Ы}, коль скоро она может расщепляться на сочетание из слоговой фонемы и сонанта. В этом чередовании проявляется двуморфность долгих гласных у славян и не только у них.

Подведём итоги. В современном русском языке по меньшей мере 8 гласных фонем: {А}, {Е}, {Ё}, {Б}, {Э}, {О}, {Ъ}, {Ы}.

Ы
Е Ё Ъ (Э, О) Ъ О
А (А)

При этом следует сделать оговорку, что фонема {Э} заднего ряда представлена исключительно в заимствованных словах и к исконной лексике отношения не имеет. Это же касается и фонем {О}, {А}. Кроме того, в корнях, а, возможно, и в суффиксах, представлена гиперфонема {Е/О} (её можно также обозначать готовым символом {Е}): *вЕз_у вОз_ь*, не нарушающая тождества корневых морфем и являющаяся наследием праиндоевропейского прошлого.

Глайды У/В, И/Й и вообще сонанты представляют собой важнейшее звено фонологической системы, связывающее вокализм и консонантизм в единое целое. В вузовских учебниках и академической грамматике они представлены двумя никак не связанными друг с другом таблицами.

Из представленного анализа следует и то, что в русской системе фонем отсутствует противопоставление согласных по твёрдости-мягкости, а это уменьшает русский консонантизм почти вдвое.

К сходным результатам, но иными путями и в иной терминологии ранее пришли М. Лайтнер [Lightner 1972] и И.Б. Иткин [Иткин 2007]. Критика работы М. Лайтнера М. Флайером [Флайер 2010] основанная на том, что М. Лайтнер не смог в своей работе объяснить все факты русского языка, может быть предъявлена любой научной работе, включая работы самого М. Флайера. Как говорил И. Гёте, «сущее не делится на разум без остатка». И наличие такого остатка не может служить основанием для отрицания научной концепции. Ещё менее конструктивно другое утверждение М. Флайера: «Во всех естественных языках обнаруживаются признаки неустойчивости и асимметрии. <...> Вот почему стремление к «лингвистически значимому обобщению» во всех отношениях кажется враждебным самой природе языка» [Флайер 2010: 291]. Единственная альтернатива «лингвистически значимому обобщению» – смиренная агностическая констатация «эмпирических фактов», скольжение по звуковой поверхности без каких бы то ни было попыток проникновения в глубины языка. А его издевательское предложение увеличить глубину описания русского вокализма, введя три ларингала и оставив один {e} [Там же: 283] является типичным полемическим приёмом доведения до абсурда, не имеющим ничего общего с серьёзной научной аргументацией.

Из приведённого анализа следует, что между звуками и фонемами существует не только качественно-функциональная, но и количественная асимметрия: нулю звука может соответствовать фонема, одному звуку – несколько фонем, нескольким звукам – одна фонема, звуку – ноль фонем.

Почему, исходя из распространённых фонологических принципов, мы получили не самый распространённый результат?

Во-первых, мы подошли к фонологической системе не от согласных, а от гласных.

Во-вторых, мы сделали так потому, что применили к современному состоянию русского языка фонологический подход, используемый в компаративистике со времён Бодуэна и Соссюра.

Тем самым мы подошли к «статике языка как к частному случаю динамики или точнее – кинематики», как это делал и И.А. Бодуэн де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ 1963]. Кроме того, мы приняли во внимание и ещё один завет ученого: «состояния языка не сменяются подобно часовым на посту: каждое предшествующее состояние откладывает свой слой в системе языка, а исследование этих слоёв и должно составлять задачу лингвистов» [Там же]. В современных

терминах это означает, что любое моментальное состояние языка принципиально гетерохронно и гетеросистемно. Попытаться описать синхронию как гомогенную систему – попытка, заведомо обречённая на неудачу. Часто и охотно цитируя Бодуэна, говорившего, что предшествующие состояния нельзя проецировать на современные, забывают, что он сказал «и наоборот»: русский язык по-прежнему пытаются описывать так, словно он возник здесь и сейчас.

В-третьих, было снято искусственное и ничем не оправданное ограничение, требовавшее при описании системы фонем учитывать фонетические позиции и не учитывать позиции морфологические и морфонологические. Тут мы просто следовали принципу диалектики и диалектического познания: если всё связано со всем, то чем полнее мы учтём все типы связей нашего объекта, тем глубже мы его познаем.

И последнее – предложенный анализ опирается на постулат Ю.С. Степанова о синхронии-диахронии: «ось одновременности (синхронии) не противопоставлена оси времени (диахронии). Описание глубинной структуры отношений между наличными элементами системы языка является одновременно первым этапом реконструкции ее прошлого состояния. В теоретическом рассмотрении переносить предмет в прошлое равносильно тому, чтобы сводить его к наиболее простым элементам» [Степанов 2003:303]. В диалектике такой способ разрешения диалектического противоречия называется «погружением в основание».

Бернштейн С.И. Основные понятия фонологии. // Вопросы языкознания. – 1962. – № 5. – С. 62-80.

Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. ТТ. I-II. – М.: Наука, 1963.

Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Гордина М.В. Основы общей фонетики: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. ф-тов. высш. учеб. заведений. – 4-е изд., испр. – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ; М.: Изд. центр «Академия», 2004. – 160 с.

Иткин И.Б. Русская морфонология. – М.: Гнозис, 2007. – 272 с.

Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика: Учебник. – М.: РГТУ, 2001. – 592 с.

Кузнецов П.С. К вопросу о фонематической системе французского языка // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. – М.: Наука, 1970. – С. 163-203.

Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика: Учебник для ун-тов. – М.: Высш. школа, 1979. – 256 с.

Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. – Изд. 4-е, стереотипное. – М.: УРСС, 2003. – 312 с.

Трубецкой Н.С. Некоторые соображения относительно морфонологии // Пражский лингвистический кружок: Сб. статей / Под ред. Н. Кондрашова. – М.: Прогресс, 1967. – С. 115-118.

Флайер М. Лайтнер о русской фонологии // Майкл Флайер. Избранные труды. Т. I: Работы по синхроническому языкознанию. – М.: Языки славянской культуры, 2010 – С. 271-295.

Щерба Л.В. Фонетика французского языка. – М., 1953.

Lightner M. Problems in the theory of phonology. Vol. 1: Russian phonology and Turkish phonology. – Edmonton; Champain: Linguistic Research, 1972.

О.А. Лазарева, С.Б. Куштан

Санкт-Петербургский государственный университет

ВАРИАНТНЫЕ ФОРМЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ МЕСТОИМЕНИЙ СВОЙ, СЕБЯ (НА ФОНЕ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА)

В.Ю. Копров пишет, что «в процессе овладения иностранным языком учащийся сознательно или неосознанно обращается к системе родного языка, к тем языковым категориям, посредством которых преломляется в его сознании объективная действительность; это обязательно следует учитывать при определении набора семантико-функциональных грамматических категорий и действий, которыми учащийся должен овладеть на изучаемом языке» [Копров 2003: 23]. В его учебном пособии для иностранных учащихся продвинутого этапа обучения «Вариантные формы в русском языке» рассматриваются 11 грамматических тем, среди которых представлено и интересующее нас вариантное употребление местоимений (личные местоимения / возвратное местоимение *себя*, притяжательные местоимения (*мой, твой, его, её, наш, ваш, их / свой*) [Копров 2006: 42-49]. Эти местоимения входят в перечень сложных для усвоения тем и учитываются в практическом курсе «Лексико-грамматические трудности русского языка» в Санкт-Петербургском государственном университете [Лазарева 2007]. В данной статье мы рассматриваем лексические и грамматические сходства и различия местоимений *свой* и *себя* в русском и итальянском языках, что, как нам представляется, может помочь преподавателю русского языка как иностранного при работе в итальянской аудитории.

I. Местоимение *свой* указывает на принадлежность объекта действующему лицу. Оно может обозначать принадлежность первому, второму или третьему лицу единственного или множественного числа, но обязательно тому лицу, которое производит действие. Действующее лицо, как правило, является подлежащим: *Я взял свой*

зонти – *Ho preso il mio ombrello*; Он взял **свой** зонти – *Ha preso il suo ombrello*. В итальянском языке притяжательные прилагательные и местоимения изменяют свою форму в зависимости от отношения к 1-2-3 лицу и в зависимости от числа, в русском языке местоимение *свой* может обозначать принадлежность объекта любому лицу единственного или множественного лица: *Я взял свою книгу* – *Ho preso il mio libro*; *Ты взял свою книгу* – *Hai preso il tuo libro*; *Она взяла свою книгу* – *Ha preso il suo libro*. Необходимо иметь в виду, что действующее лицо в предложении может выражаться не только подлежащим, но и дополнением (в дательном падеже) в безличных предложениях: *Мне нужно найти свои перчатки* – *Devo trovare i miei guanti* и предложениях типа: *Я советую Вам беречь свое здоровье* – *Le consiglio di risparmiare la Sua salute*. Местоимение *свой* никогда не определяет подлежащее в предложении: *Мне нужно взять свою шапку, я ее забыл* – *Devo ritirare il mio cappello, l'ho dimenticato*; *Моя шапка лежит на столе* – *Il mio cappello e' sulla tavola*.

Актуальным является вопрос о вариативности выражения притяжательности местоимениями *мой, свой*.

Если действующее лицо выражено существительным или местоимением третьего лица, то употребляется только местоимение *свой*: *Он любит свой город* – *Ama la sua città*; *Ему нужно взять свои вещи* – *Ha bisogno di ritirare le sue cose*; *Каждый год приносит свои заботы* – *Ogni anno viene con il suo affare*. Употребление в таких случаях местоимения третьего лица *его, ее* может повлиять на смысл высказывания: *Он любит свой город*; *Он любит его город* (город кого-то другого), то есть если объект принадлежит не действующему лицу, а какому-то другому, принадлежность выражается другими притяжательными местоимениями. Употребление местоимения *свой* в таком случае невозможно. Это может вызвать трудности у итальянских студентов, так как в итальянском языке притяжательное местоимение по роду относится к предмету, а не к его владельцу. Если итальянцы говорят: *Ama la sua città* (*Он любит свой (его, ее) город*), то по формальным признакам мы не можем определить о ком идет речь, это возможно только из контекста. В некоторых случаях, если действующее лицо выражено местоимением первого или второго лица, местоимение *свой* можно заменить местоимением *мой, твой*: *Дай мне свою фотографию*. = *Дай мне твою фотографию*. *Dammi la tua foto*. Но в таком случае, при использовании личных притяжательных местоимений делается акцент на принадлежность или на противопоставление: *Дай мне твою книгу, а не его* – *Dammi il tuo libro e non il suo*. Местоимение *свой* не употребляется в пассивных

конструкциях: *Мы проверили **свои** задания; **Наши** задания были проверены после урока.*

Определенную трудность представляет употребление местоимений *свой, мой* в сложных предложениях.

В таких случаях целесообразно обращать внимание, происходит ли смена субъекта во второй части предложения. Местоимение *свой* употребляется, если в главной и придаточной частях одно и то же действующее лицо, и ему принадлежит предмет. Если в главной и придаточной частях разные действующие лица, то местоимение *свой* не употребляется: *Он сказал, что даст нам ключ от **своей** комнаты – Ha detto che ci dara' le chiavi dalla **sua** camera; Он сказал, чтобы мы собрались в **его** комнате – Ci ha detto di riunirsi nella **sua** camera.*

Кроме этого местоимение *свой* может выступать в нескольких дополнительных значениях. Одно из них – «личный, собственный» – в этом случае соотносимо с итальянским прилагательным *proprio*, имеющим значение «личный, собственный»: *Я хочу иметь **свой** дом – Voglio avere la **mia propria** casa; Он открыл **свое** дело – Ha messo su la **propria** impresa; Лить воду на **свою** мельницу – Tirare l'acqua al **proprio** mulino.* Итальянское *proprio* может использоваться только, когда тот, кто чем-то владеет, является субъектом, может употребляться вместо притяжательных местоимений, а также совместно с ними для усиления значения притяжательности [Дзингарелли 1999: 1419]: *L'ho sentito con le **mie proprie** orecchi – Я слышал это **своими собственными** ушами.*

Обычно притяжательное местоимение *свой* не служит определением к подлежащему и, соответственно, не употребляется в именительном падеже для определения принадлежности. Употребление *свой* при подлежащем возможно только в конструкциях типа у «кого есть что», в которых сообщается о наличии какого-либо предмета или признака у лица, то есть в значении «собственный». В итальянском языке в этом случае притяжательное местоимение будет употребляться вместе с прилагательным *proprio* для подчеркивания значения «собственный»: *У моего друга есть **свой** автомобиль – Il mio amico ha la **sua propria** macchina; У меня есть **своя** квартира – Ho il **mio proprio** appartamento; На каждый вопрос у него есть **свой** ответ – A ogni domanda ha la **sua propria** risposta.* В бесчисленных предложениях в итальянском языке притяжательные местоимения заменяются на прилагательное *proprio*: *Нужно исполнять **свой** долг – Si deve fare il **proprio** dovere.* Второе дополнительное значение – «подходящий, должный, предназначенный для данных обстоятельств»: *Всему **свое** время – Tutto ha **suo** tempo.* И третье – в значении «родной», в этом значении антонимом является прилагательное «чужой»: *Он **свой** человек – E' una persona di fiducia; Его считают **своим** – E' uno di*

casa. На итальянский язык это словосочетание будет переводиться с использованием других, похожих по значению слов.

Существуют конструкции, в которых возможно двоякое понимание значения местоимения *свой*. Конструкция с инфинитивом и объектом при инфинитиве: *Редактор попросил его перепечатать свою рукопись*. В таких предложениях местоимение *свой* определяется логическим содержанием всего предложения. Из контекста понятно, что под личным местоимением *его* понимается автор, следовательно, рукопись принадлежит автору. В итальянском языке тоже может возникать подобная двоякость, и в таком случае для ее устранения используется прилагательное *proprio*. *Proprio* употребляется во избежание недоразумений, когда «предмет собственности» может быть приписан нескольким лицам, но относится подлежащему: *Paolo ha detto a sua moglie che è preoccupato per la sua salute* – Паоло сказал своей жене, что он волнуется о ее (*его*) о здоровье; *Paolo ha detto a sua moglie che è preoccupato per la propria salute* – Паоло сказал своей жене, что он беспокоится о *своем* здоровье. Предложения без инфинитива, с существительными, образованными от прилагательного или от глагола: *Мой отец упрекал сестру в невнимательности к своему здоровью* – *Mio padre ha accusato mia sorella dell'indifferenza verso la sua salute*. В таких предложениях двусмысленность можно устранить с помощью трансформации – разделения предложения на части: *Мой отец упрекал сестру в том, что она невнимательна к своему здоровью*.

Устанавливая границы употребления притяжательных местоимений, следует обратить внимание учащихся на то, как могут быть восприняты носителями языка такие высказывания: *Я был у моего друга* – нормативно, но лучше употребить местоимение *свой*; **Своего друга зовут Виктор* – ненормативно; *Мой друг читал его книгу* – неправильно, поскольку может исказить смысл высказывания.

Местоимение *свой* входит в состав многих фразеологических выражений. Устойчивые словосочетания с компонентами *свой* отличаются активностью употребления и должны быть введены в лексику изучающих русский язык. На итальянский язык чаще всего устойчивые выражения переводятся с использованием прилагательного *proprio*: *видеть своими глазами* – *vedere con propri occhi*; *жить своим трудом* – *vivere del proprio lavoro*; *идти своей дорогой* – *andare per la propria strada* и др.

Форма среднего рода *свое* также используется как существительное в значении «то, что важно, характерно для кого-то»: *Каждому свое кажется красивым* – *Ad ognuno pare bello il suo*. В данном случае на итальянский язык форма будет переводиться притяжательным местоимением с артиклем.

II. Не меньшее число недочетов обнаруживается при употреблении возвратного местоимения **себя**, которое служит для указания на то, что объект действия тождествен с субъектом.

Необходимо акцентировать внимание иностранных студентов на то, что местоимение **себя** можно употреблять только тогда, когда действие направлено на само действующее лицо. В русском языке местоимение **себя** изменяется по падежам (по аналогии с местоимением **ты**), не изменяется по родам и числам, употребляется для всех трех лиц единственного и множественного лица, в отличие от итальянского языка, в котором каждому лицу соответствует свое возвратное местоимение. Личные местоимения итальянского языка по морфологическим признакам и по их синтаксическому использованию делятся на ударные (*me, te, se*) и безударные (*mi, ti, si*). Русскому возвратному местоимению могут соответствовать как ударные так и безударные формы личных итальянских местоимений, а также возвратные глаголы: *Расскажи о себе – Parlatemi di te; Купи себе фруктов – Comprati della frutta; Ты совсем ушел в себя – Ti sei rinchiuso totalmente.*

Поскольку в итальянском языке каждому лицу должно соответствовать свое возвратное местоимение, по аналогии итальянские студенты стараются ошибочно заменить русское местоимение **себя** на соответствующие личные местоимения: *Comprati i pattini – Купи тебе коньки* (а не *Купи себе коньки*). Возвратное местоимение **себя** употребляется, если субъект действия одновременно является его объектом. Если же такого совпадения нет, то вместо **себя** будет использоваться соответствующее личное местоимение: *Вокруг меня был лес. Вокруг себя я увидел лес – Intorno a me ho visto il bosco; Она накинута пальто себе на плечи – Si e' messa il cappotto sulle spalle; Он накинул пальто ей на плечи – Le ha messo il cappotto sulle spalle.*

Возвратное местоимение **себя** может относиться к любому из трех грамматических лиц, поэтому при наличии в предложении нескольких существительных и местоимений, с которыми потенциально может соотноситься возвратное местоимение, может возникать неясность. В итальянском языке такой неясности быть не может: *Мама велела мне купить себе фруктов – La mamma mi ha detto di comprarmi della frutta; Мама велела мне купить себе фруктов – La mamma mi ha detto di comprarle della frutta.* Для того чтобы студентам было понятно о ком идет речь, следует научить их строить соответствующее распространенное предложение: *Мама велела мне, чтобы я купила себе фруктов.* При обучении необходимо уточнить, что местоимение **себя** может относиться также к лицу, выражаемому родительным падежом с предлогом **у** и дательным падежом в таких безличных оборотах, как: *Мне удалось найти себе комнату – Sono riuscito a trovarmi una camera;*

Ему хотелось устроить **себе** праздник – *Ha volute farsi la festa*. Во всех подобных случаях *себя* указывает на то лицо, которое совершает действие, выраженное и личной формой глагола и инфинитивом.

В русском языке местоимение *себя* может быть близко по значению к возвратным глаголам с частицей *-ся*, исторически восходящей к тому же местоимению. Например: *сдерживай себя – сдерживайся; не расстраивай себя – не расстраивайся; утомил себя – утомился*. Различие этих пар сводится к тому, что местоимение *себя* отчетливо указывает на объект, чего нет в возвратных глаголах.

Возвратное местоимение *себя* входит в состав многих употребительных фразеологических сочетаний. На итальянский язык эти сочетания в большинстве случаев переводятся с использованием возвратных глаголов: *взять себя в руки – dominarsi; взять на себя – impegnarsi; прийти в себя – riaversi; уйти в себя rinchiudersi*. Возможно также и использование ударного местоимения *sè*: *думать про себя – pensare tra sè e sè; читать про себя – leggere tra sè; быть вне себя – essere fuori di sè; быть не в себе – non essere in sè; быть самим собой – essere sè stesso*.

Возникающие при обучении русским местоимениям трудности обусловлены не столько отсутствием в родном языке итальянских учащихся категорий, представленных в русском, сколько различным внутренним подразделением и функционированием категорий, имеющих в обоих языках. Оттенки значения, свойственные «конкурирующим» между собой формам местоимений, бывает трудно осознать и сформулировать даже носителям русского языка. Как отмечает В.Ю. Копров, «иностранные студенты находятся ... в более сложном положении, поэтому на занятиях по русскому языку как иностранному усвоению отличительных признаков вариантных форм следует уделять особое внимание» [Копров 2006: 6].

Копров В.Ю. О лингвометодических основах преподавания грамматики иностранным учащимся среднего и продвинутого этапов обучения // Поиск. Опыт. Мастерство. Актуальные вопросы обучения иностранных студентов. Сб. статей. Вып. 7. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т., 2003. – С. 22-34.

Копров В.Ю. Вариантные формы в русском языке: Учебное пособие для иностранных учащихся продвинутого этапа обучения. 2-е изд., испр. – М.: «Русский Язык. Курсы», 2006. – 136 с.

Лазарева О.А. Лексические трудности русского языка как иностранного: лингвоориентированная методика // Innovations in Language Teaching and Learning in Multicultural Context. International Nordic-Baltic conference of the World Federation of Language Teacher Associations (FIPLV). – Riga, Latvia 15-16 June, 2007. – P. 409-416.

Zingarelli N. Vocabolario della lingua italiana. – Bologna: Zanichelli, 1999.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЗВИЩ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ «ЧЁРНОЙ АФРИКИ»

В многовековой истории французского языка Африки одно из важнейших мест занимают исследования в области словообразования. Обычным результатом любого словообразования является создание неологизмов. В общем смысле, неологизм – это любое новшество в языке. Каждое такое новшество определяется способностью языка создавать новые лексические единицы в соответствии со своими внутренними правилами [Dumont, Maurer 1995: 31].

Прозвища-неологизмы чрезвычайно распространены среди франкоязычных африканцев. Вместе с заимствованиями из африканских и других языков они представляют собой явление, придающее французскому языку Африки своеобразный, специфический характер. По мнению А. Queffelec и D. Matanga, африканизмы «являются истинным зеркалом общества» [Queffélec, Matanga 1990: 110].

Источниками прозвищ-неологизмов являются деривация, словосложение, аббревиация. По мнению Ж. Багана, словообразовательные средства и модели являются общими для всех разновидностей французского языка. Таким образом, мы можем утверждать, что образование новых слов в территориальных вариантах французского языка Африки во всех случаях подчиняется законам общепользуемого французского языка [Багана 2004: 270].

Обратимся к некоторым особенностям локальных преобразований производящих лексем во французском языке африканских стран, которые служат материалом для образования современных афрофранцузских прозвищных наименований.

Прозвища, образованные аффиксальным способом.

Большая часть прозвищ-неологизмов возникает в результате аффиксальной деривации. Иными словами, прозвищные наименования образуются путем добавления к уже существующей лексеме суффикса и/или префикса. Аффиксальное образование неофициальных антропонимов во французском языке африканских стран отвечает законам общепользуемого французского языка. Главная особенность африканского деривационного словообразования заключается в том, что суффиксы и префиксы используются только французские, а исходное слово может быть из французского, английского, португальского, арабского, испанского или местных языков и т.д.

В территориальных вариантах французского языка Африки аффиксальный способ образования неофициальных именований используется весьма часто. К прозвищам такого типа относятся:

префиксация:

dé – «удаление, недостаток»: *découcheur* (центр. Афр.) [фр. префикс *de-* + фр. *coucher* – «лежать, ночевать» + фр. суффикс *-eur*] – «африканец, иногда ночующий у своей любовницы»;

extra, super – «превосходство, высшая степень»: *super-mécanicien* (зап. Афр.) [фр. префикс *extra-* + фр. *mécanicien* – «механик, техник»] – «опытный африканец-механик»;

anti – «противопоставление»: *anti-parti* (ДРК, Кон.) [фр. префикс *anti-* + фр. *parti* – «партия»] – «африканец, выступающий против партии»;

ex – «предшествование»: *ex-copine* (зап. и центр. Афр.) [фр. префикс *ex-* + фр. *copine* – «подруга»] – «бывшая подруга, экс-любовница»;

pré – «следование»: *préfinaliste* (ДРК, Кон.) [фр. префикс *pré-* + фр. *finaliste* – «финалист»] – «студент предпоследнего курса»;

sous – «зависимость, подчиненность»: *sous-logé* (Кам., Кон.) [фр. префикс *sous-* + фр. *Logé* – «регион»] – «студент, подселенный в комнату»;

co – «объединение, одновременность»: *cochambrier* (Кам.) [фр. префикс *co-* + фр. *chambre* – «комната» + фр. суффикс *-ier*] – «студент, подселенный в комнату» и т.д.;

суффиксация:

ain(aïne) – «принадлежность к определенному региону и стране»: *belgicain* (центр. Афр.) [фр. *belge* – «бельгиец» + фр. суффикс *-ain*, по аналогии с фр. *américain* – «американец»] – «бельгиец, проживающий в Европе; бельжикен»;

aire – «негативная характеристика человека»: *jetonnaire* (К.д'Ив.) [фр. *jeton* – «жетон» + фр. суффикс *-aire*] – «африканец без денег, к которому относятся с презрением; бедняк»;

ard(e) – «негативная характеристика человека»: *polard* (ДРК, Кон.) [название марки пива в ДРК *polar* – «поляр» + фр. суффикс *-ard*] – «бельгиец, проживающий в Европе»;

é(ée) – «характеристика деятеля»: *ambisée* (ДРК) [название крема *ambi* – «амби», афр. фр. *ambiser* – «осветлять кожу» + фр. суффикс *-ée*] африканка, использующая химическое средство для осветления кожи»;

el (elle) – «принадлежность к группе людей»: *promotionnel* (центр. Афр.) [фр. *promotion* – «производство в чин; повышение по службе» + фр. суффикс *-el*] – «староста студенческой группы, курса»;

ent – «характеристика умственных способностей»: *carent* (б.ф., К.д'Ив.) [фр. *carence* – «неспособность» + фр. суффикс *-ent*] – «некомпетентный африканец»;

esse – «характеристика деятеля, сфера обычаев и традиций»: *prophétesse* (зап. Афр.) [фр. *prophète* – «пророк, предсказатель» + фр. суффикс *-esse*] – «африканка-гадалка»;

ette – «характеристика сферы любовных отношений»: *gossette* (С.) [фр. *gosse* – «девочка» + фр. суффикс *-ette*] – «любимая девушка, женщина; любовница»;

eur(euse) – «характеристика деятеля»: *chanvreur* (Кам.) [фр. *chanvre* – «конопля» + фр. суффикс *-eur*] – «человек, курящий коноплю; курильщик марихуаны»;

ien(ienne) – «принадлежность к территории, занятию»: *londonienne* (ДРК, Кон.) [афр. яз. *londo* – «идти по кругу» или англ. название города *London* – «Лондон» + фр. суффикс *-ienne*] – «девушка, идущая по рукам; проститутка»;

ier – «принадлежность к занятию, характеристика умственных способностей»: *chamelier* (ДРК) [фр. *chameau* – «верблюд» + фр. суффикс *-ier*] – «африканец, допускающий ошибки в речи на фр.яз.»;

iste – «принадлежность к территории, религиозному течению, занятию»: *droguiste* (центр. Афр.) [фр. *drogue* – «лекарство; снадобье» + фр. суффикс *-iste*] – «африканец-колдун, знахарь» и т.д.

Прозвища, образованные словосложением.

Средством создания прозвищ-неологизмов сегодня также выступает словосложение (гибридизация), т.е. образование неофициального антропонима путем соединения уже существующих лексем. Сложные прозвища представляют собой «реализованное стремление носителей языка к экономии языковых средств, а с другой – к наиболее полной передаче признаков новых понятий или реалий» [Даниленко, Волкова 1993: 69].

В территориальных вариантах французского языка Африки данный тип словообразования пользуется необычной популярностью. В большинстве случаев новая лексика образуется путем соединения лексем французского происхождения [Niangouna, Queffélec 1990: 50]. Однако наблюдается использование и элементов других языков (английского, африканских языков и т.д.).

Прозвища-неологизмы, как и другие лексические единицы французского языка Африки, могут быть классифицированы по графическому и грамматическому принципу связи между компонентами лексем.

Грамматические особенности сложных слов. Согласно данному критерию, прозвища-гибриды делятся на две группы: прозвища,

элементы которых состоят из лексем, поддерживающих отношения непредикативного расширения; прозвища, элементы которых состоят из лексем, поддерживающих отношения предикативного расширения.

В первом случае компоненты прозвища включают существительное и его дополнение. Во втором – глагол и существительное или его дополнение:

существительное 1 + существительное 2 (особую группу составляют прозвищные наименования, образованные удвоением исходных лексем): *homme-femme* (центр. Афр.) [фр. *homme* – «мужчина» и фр. *femme* – «женщина»] – «гомосексуалист»;

существительное 1 + отсутствующий (нулевой) предлог + существительное 2: *œuf colonial* (зап. Афр.) [фр. *œuf* – «яйцо» и фр. *colonial* – «колонияльный»] используется со значением «африканец с круглым животиком; пузатик, карапуз»;

существительное 1 + предлог + существительное 2: *sapé à mort* (б.) [афр. фр. *saper* – «модно одеваться» и фр. *mort* – «смерть»] – «хорошо одетый африканец»;

существительное + прилагательное: *oreilles-rouges* (Гв., К.д'Ив.) [фр. *oreille* – «ухо» и фр. *rouge* – «красный»] – «человек с белой кожей; европеец»;

прилагательное + существительное: *deuxième bureau* (панафр.) [фр. *deuxième* – «второй» и фр. *bureau* – «бюро, письменный стол»] – «женщина, находящаяся на содержании у женатого мужчины (обычно тайне от жены); любовница»;

существительное + глагол: *yomo maker* (К.д'Ив.) [название краски для волос *yomo* – «йомо» и англ. *To make* – «делать, создавать»] – «мужской парикмахер, специализирующийся на окрашивании волос»;

глагол + существительное (иногда существительное, обозначающее агента (подлежащее), сопровождается самим глаголом, выражающим это действие): *pousse-pousseur* (центр. Афр.) [фр. *pousser* – «толкать»] – «африканец, занимающийся перевозкой тележек с товарами на рынках» и т.д.

Графическое оформление сложных слов. С графической точки зрения вслед за многими лингвистами мы выделяем три типа сложных прозвищных наименований:

а) сложные прозвища без соединения. Компоненты таких неофициальных наименований не соединяются ничем. Более того, они могут быть разделены или соединены при помощи предлога, наречия и т.д.: *long bic* (панафр.) [фр. *long* – «длинный» + название французской компании *bic* – «бик»] – «человек, получивший образование; интеллект, умник»;

б) сложные прозвища с частичным соединением с помощью дефиса. Несмотря на то, что в Африке использование дефиса носит факультативный характер, компоненты нижеследующих прозвищных наименований всегда соединяются дефисом: *Boy-lavadère* (центр. Афр.) [англ. *boy* – «мальчик» и порт. *lavadeira* – «работница, занимающаяся стиркой белья; прачка»] – «африканец- прачка отбельщик»; *je-le-connaiss* (ДРК) [фр. «я это знаю»] – «высокомерный африканец»;

в) сложные прозвища с полным соединением. Компоненты таких прозвищ в территориальных вариантах французского языка Африки пишутся всегда слитно: *ivoirien* (Кам.) [фр. *Y voit rien* – «ничего не видно»] – «неумелый, неловкий африканец» и т.д.

Анализ фактического материала по локальным преобразованиям во французском языке Африки позволяет сделать вывод о том, что создание прозвищных наименований-неологизмов – это весьма распространенное явление в речи африканцев. Данные прозвища представляют дивергенты планов содержания и выражения, так как называют реалии, не свойственные африканским территориальным вариантам французского языка. Прозвища-неологизмы дают возможность разнообразить существующую лексическую палитру.

Наибольшее количество прозвищ составляют неофициальные наименования полученных в результате аффиксальной деривации. Прозвищные наименования образуются путем добавления к производящей лексеме суффикса и/или префикса. Аффиксальное образование прозвищной номинации во французском языке африканских стран отвечает законам общезападного варианта, т.е. Используются только французские суффиксы и префиксы в отличие от производящей основы, которое может быть из общезападного варианта, английского, португальского, арабского, местных африканских или других языков.

Багана Ж. Языковая интерференция в условиях франко-конголезского билингвизма: дис. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 2004. – 350 с.

Даниленко В.П., Волкова И.Н. Лингвистический аспект стандартизации терминологии. – М.: Изд-во Наука, 1993. – 453 с.

Dumont P., Maurer B. Sociolinguistique du français en Afrique francophone: gestion d'un heritage, devenir une science. – Vanves: EDICEF – AUPELF, 1995. – 224 p.

Queffelec A., Matanga M. Les congolismes, apports du Congo a la francophonie // Visages du français. Varietes lexicales de l'espace francophone. – Paris – Londres, 1990. – p. 101-116.

Queffelec A., Niangouna A. Le français au Congo. – Nice, Aix-en-Provence: Publications de l'universite de Provence, 1990. – 333 p.

ПАРАЛЛЕЛИ МЕЖДУ РУССКИМИ И НЕМЕЦКИМИ ЗАЛОГОВЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ С ГЛАГОЛАМИ КАСАНИЯ

Сопоставительное описание грамматики языков позволяет предвидеть трудности, которые возникают при изучении того или иного языка как иностранного, поэтому в процессе подготовки учебных материалов важно учитывать различия в способах передачи межъязыковых универсалий в системах родного и изучаемого языков. Разрабатываемая В.Ю. Копровым семантико-функциональная сопоставительная грамматика разноструктурных языков, которая основывается на методике поаспектной характеристики предложения, даёт результаты, имеющие непосредственный выход в практику преподавания РКИ. Важнейшим среди семи разграничиваемых учёным аспектов устройства и функционирования предложения является номинативный аспект, в рамках которого выделяются два подаспекта: ситуативно-структурный и релятивно-структурный, которые, в свою очередь, состоят из ряда грамматических компонентов [Копров 2010].

При анализе релятивно-структурного подаспекта русских и немецких предложений, выражающих ситуации касания, центральное место занимает их сопоставление как компонентов семантико-функционального поля залоговости (см. об этом подробнее [Лебедева 2011]).

Интересные результаты даёт изучение параллельных текстов – переводов художественных произведений русских авторов на немецкий язык и немецких – на русский. В настоящей статье остановимся на некоторых способах перевода залоговых конструкций сопоставляемых языков.

1. Способы передачи русских активных конструкций:

а) русским активным конструкциям обычно соответствуют немецкие активные конструкции, сравните: *Вдруг её рука **скользнула** в мою, и без ведома нашей дуэньи я всю дорогу до магазина **держал** и **гладил**, и **тискал** эту горячую ланку* (В. Набоков) – *Plötzlich fühlte ich ihre Hand in die meine **schlüpfen**, und ohne das unsere Anstandsdame etwas merkte, **hielte** ich ihre heiße kleine Pfote, **streichelte** und **drückte** sie auf dem ganzen Weg bis zum Laden;*

б) в некоторых случаях русским активным конструкциям соответствуют немецкие пассивные конструкции: *Они первым делом **прицепили** страховочный фал к специальной штанге на корпусе*

корабля (В. Пелевин) – Als ersters **wurde** eine Sicherungsleine an der dafür vorgesehenen Stange des Raumflugkörpers **eingehackt**.

2. Способы передачи немецких активных конструкций:

а) немецким активным конструкциям обычно соответствуют русские активные конструкции: *Endlich faßte ich ein Herz, **nahm** ihr kleines weißes Händchen – da **zog** sie mich schnell an sich und fiel mir um den Hals, und ich **umschlang** sie fest mit beiden Armen* (J. von Eichendorff) – Наконец я набрался храбрости и **взял** её белую маленькую ручку; тут она **привлекла** меня к себе и бросилась мне на шею, а я крепко **обнял** её обеими руками;

б) иногда немецким активным конструкциям соответствуют русские пассивные конструкции: *Er **fiel** im Oktober 1918, an einem Tage, der so ruhig und still war an der ganzen Front, daß der Heeresbericht sich nur auf den Satz beschränkte, im Westen sei nichts Neues zu melden* (E. Remarque) – Он **был убит** в октябре 1918 года, в один из тех дней, когда на всём фронте было так тихо и спокойно, что военные сводки состояли из одной только фразы: «На Западном фронте без перемен».

3. Способы передачи русских пассивных конструкций.

Русский двучленный пассив со страдательным причастием с точки зрения залоговой семантики, как известно, двузначен: он может выражать как собственно пассивное значение (результат воздействия, которому подвергся или будет подвергнут объект со стороны неопределённого субъекта), так и акцентировать внимание на состоянии объекта, возникшем в результате уже неактуального действия неопределённого субъекта. В немецком языке эти семантические различия выражаются двумя разными залоговыми формами, имеющими общий компонент – причастие II переходного глагола. Следовательно, в подобных случаях одной русской пассивной форме соответствуют две немецкие: *был просверлен – wurde gebohrt / war gebohrt*. Рассмотрим соответствующие примеры:

а) русский двучленный пассив – немецкий пассив действия (das Vorgangspassiv): *...его туша крючьями была подтащена к машине* (В. Пелевин) – *Der Kadaver **wurde** mit speziellen Lasthaken zum Auto **gezerrt***.

Заметим, что немецкий пассив действия регулярно используется для передачи русских неопределённо-личных и двучленных безличных конструкций: *Дверь открылась, и меня **вкатили** в комнату* (В. Пелевин) – *Die Tür ging auf, und ich **wurde** ins Zimmer **geschoben***; *Меня опять **тряхнуло, ударило** стеной о потолок* (В. Пелевин) – *Wieder **wurde** ich **durchgerüttelt, knallte** mit dem Rücken an die Decke*;

б) русский двучленный пассив – немецкий пассив состояния (das Zustandspassiv): *Два прожектора **были выкрашены** черной краской и*

облеплены мерцающими в электрических лучах кусочками фольги (В. Пелевин) – *Zwei Scheinwerfer waren sie schwarzgestrichen und mit Stücken von Folie beklebt.*

4. Способы передачи немецких пассивных конструкций.

Как известно, в русском языке образование форм страдательного залога связано с видом глагола: от глаголов несовершенного вида пассив образуется при помощи постфикса *-ся*, от глаголов совершенного вида – формой страдательного причастия с глаголом-связкой *быть*, который в настоящем времени не употребляется. Таким образом, одной немецкой пассивной форме в русском языке соответствуют две по-разному образованные формы страдательного залога: *wurde gebohrt* – *сверлился* / *был просверлен*:

а) немецкий пассив – русский пассив с глаголом на *-ся*: *An den Wänden wurden Bilder aufgehängt, Zeichnungen angeheftet, zuweilen aus Zeitschriften ausgeschnittene Bilder, die häufig wechselten* (Н. Böll) – *Вешались картины, прикалывались к стенам рисунки, иногда вырезанные из журналов иллюстрации, которые часто менялись*;

б) немецкий пассив – русский пассив со страдательным причастием (с глаголом *быть* или без него): *Die Straßen vor dem Palast, wo die Ordensräte, Philosophen und Naturforscher ihre Sitzung halten sollten, wurden mit dickem Stroh belegt, damit das Gerassel der Wagen die weisen Männer nicht störe, und ebendaher durfte auch nicht getrommelt, Musik gemacht, ja nicht einmal laut gesprochen werden in der Nähe des Palastes* (Е. Hofmann) – *Улицы перед дворцом, где должны были заседать члены капитула орденов, философы и естествоиспытатель, были густо застланы соломой, дабы стук колес не помешал мудрецам*;

в) кроме того, в обследованном материале немецкому двучленному пассиву часто соответствует русская неопределённо-личная конструкция: *Wie in einem gewaltig dröhnenden Kessel sitzen wir, auf den von allen Seiten losgeschlagen wird* (Е.М. Remarque) – *Мы сидим словно в оглушительно грохочущем котле, по которому со всех сторон стучат* палками;

г) в ряде случаев немецкий пассив переводится русскими личными активными конструкциями: *In demselben Augenblick wurde sie auch von den zwölf Mohren aus dem Muschelwagen gehoben und an das Land getragen* (Е. Hofmann) – *В то же мгновение двенадцать арапов подхватили её и отнесли из раковины на берег.*

5. Анализ фактического материала показал, что существующие между русским и немецким языками расхождения в сфере залоговости сказываются и на специфике функционирования предложений с возвратными глаголами касания.

1) В русских предложениях с возвратными глаголами, не имеющими форм без постфикса -ся: *касаться*, *спотыкаться* чаще всего соответствует:

а) глаголу *касаться* – немецкий невозвратный глагол *berühren*: *Изобразя интерес, я так близко придвинул к ней голову, что её волосы коснулись моего виска* (В. Набоков) – *Ich heuchelte Interesse und brachte ich meine Kopf so nah, dass ihr Haar meine Schläfe berührte*;

наблюдается и обратное соответствие: немецким невозвратным глаголам *berühren*, *anrühren* соответствует русский возвратный глагол *касаться*: *Damit trat er auf Krabat zu und berührte ihn mit der linken Hand an der linken Schulter* (О. Preussler) – *Он подходит к Крабату, левой рукой касается его левого плеча*;

б) русскому возвратному глаголу *споткнуться* обычно соответствует немецкий невозвратный глагол *stolpern*: *Я споткнулся о выбоину в асфальте* (В. Набоков) – *Ich stolperte über ein Schlagloch im Asphalt*;

соответственно, предложениям с немецким невозвратным глаголом *stolpern* соответствует русское предложение с возвратным глаголом *споткнуться*: *Bob Barreis schob den Alten aus dem Weg. Der Stoß war so stark, daß Adams stolperte und auf den Rasen fiel* (Н. Konsalik) – *Боб Баррайс оттолкнул старика. Толчок был таким сильным, что Адамс споткнулся и упал на газон*.

2) Наиболее полное совпадение наблюдается между функционированием русских и немецких конструкций с собственно возвратными и взаимно-возвратными глаголами:

а) *С этим портсигаром бриться можно, и зеркало не нужно...* (В. Пелевин) – *Mit diesem Zigarettenetui kann man sich rasieren*; см. пример обратного соответствия: *Er verletzte sich...* (Р. Süskind) – *Он поранился*;

б) в исследованном нами материале русскому взаимно-возвратному глаголу *обниматься* регулярно соответствует немецкий взаимно-возвратный глагол *sich umarmen*: *Они обнимались и обнимались...* (В. Набоков) – *Und sie umarmten sich immer wieder...* ;

в) русскому взаимно-возвратному глаголу *целоваться* регулярно соответствует немецкий взаимно-возвратный глагол *sich küssen*: *Я тихо гладил её по волосам и мы тихо целовались* (В. Набоков) – *Ich streichelte sanft ihr Haar und wir küssten uns sanft*.

3) Русским возвратным глаголам лексико-грамматического ряряда движения субъекта с касанием объекта могут соответствовать как возвратные, так и невозвратные глаголы:

а) возвратным глаголам *ударяться*, *наталкиваться* в исследованном синтаксическом материале соответствуют немецкие невозвратные глаголы (*an*)*stossen*, *schlagen*: *А потом луноход на что-то наткнулся* (В. Пелевин) – *Dann sties das Lunochod irgendwo an*; *Я*

кинулся туда, **наткнулся** на стену (В. Пелевин) – *Ich prallte gegen eine Mauer*; соответственно, немецким невозвратным глаголам с тем же значением (*an*)*stossen*, *prallen*, соответствует русский возвратный глагол ударяться: *Der Ball prallte gegen die Mauer* (Н. Коналик) – *Мяч ударился о стену*;

б) русскому возвратному глаголу *впиваться* в предложениях касания соответствует немецкие возвратные глаголы *sich bohren*, *sich umklammern*: *В щеку впивался острый камень* (В. Пелевин) – *Ein spitzer Stein bohrte sich in meine Wange*; наблюдается и обратное соответствие: немецким возвратным глаголам (*fest*)*krallen sich*, *sich klammern* соответствуют русские возвратные глаголы *впиваться*, *вцепляться*: *Er klammerte sich an die Sessellehne und schüttelte heftig den Kopf* (Н. Böll) – *Он обеими руками вцепился в спинку кресла и резко мотнул головой*;

в) русскому возвратному глаголу *прислоняться* соответствует немецкий возвратный глагол *sich lehnen*: *Стоя со мной в лифте, она прислонилась ко мне, полуулыбаясь* (В. Набоков) – *Im Fahrstuhl neben mir stehend, lehnte sie sich lächelnd an mich*; отмечено и обратное соответствие: *Er lehnte sich zurück gegen die Schütte von Geröll* (Р. Süsskind) – *Он прислонился спиной к гряде щебня*;

г) русскому возвратному глаголу *прижиматься* соответствует немецкий возвратный глагол *sich drücken*: *Мне бы удалось встать прижаться к ней* (В. Набоков) – *Ich würde sie an mich drücken*; см. обратное соответствие: *Er zieht die Beine an, drückt sich an die Wand und bleckt die Zähne wie ein Köter* (Е. Remarque) – *Он подтягивает ноги, прижимается к стенке и скалит зубы, как собачонка*.

Дальнейшее сопоставление семантики и функционирования русских и немецких конструкций, выражающих ситуации касания, в других аспектах организации предложения, несомненно, позволит получить результаты, значимые для практики преподавания языков как иностранных и перевода.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.

Лебедева А.Л. Средства выражения ситуации касания субъекта и объекта в русском и немецком языках // Семантико-функциональный сопоставительный синтаксис: Субъектно-объектные отношения / В.Ю. Копров, Т.Н. Козюра, А.Л. Лебедева, О.М. Дедова, И.М. Сушкова; под ред. В.Ю. Копрова. – Воронеж: Изд-во «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2011. – С. 106-164.

НАШИ ГРАММАТИКИ

Языки номинативного строя (например, русский, немецкий и ряд других) характеризуются тем, что в качестве подлежащего в предложении используется существительное (местоимение) в форме именительного падежа, а прямое дополнение выражается формой винительного падежа. Кроме того, различается прямое дополнение (винительный падеж) и косвенное (дательный падеж). Это – грамматика кодифицированного литературного языка, который преподается как в средней, так и высшей школе (на филологических факультетах).

В кодифицированной номинативной грамматике подлежащее должно иметь **единственную** форму – форму именительного падежа (отсюда и название *номинативная*: от латинского *nominativus* «именительный падеж»), прямое дополнение – форму винительного падежа, а косвенное – дательного. Все это **должно быть**. Однако, Г.А. Золотова, сопоставив предложения: *Он не работает – Ему не работается, Он грустит – Ему грустно, Деньги есть – Денег нет, Вода прибывает – Воды прибывает, Он бредит – У него бред, Она в обмороке – С ней обморок*, заключает, что нет никаких причин, кроме «чисто морфологических», считать выделенные формы имени дополнениями или другими распространителями предикативной основы, поскольку все они служат выражением «носителя предикатируемого признака ... функционируют как главный член предложения, вступающий в предикативную связь с другим главным членом, обозначающим его признак» [Золотова 1982: 103].

С другой стороны, она отмечает, что существительное в форме именительного падежа может обозначать не только носителя предикатируемого признака, но и этот самый признак, приписываемый предмету, выраженному косвенной формой имени: *Мальчику год, У больного радикулит, С тетюшкой обморок*. Следовательно, речевой материал показывает, что, во-первых, подлежащее (носитель предикативного признака) может быть выражено не только формой именительного падежа, но и формами некоторых косвенных падежей, а во-вторых, «не каждое имя в форме именительного падежа является подлежащим» [Там же: 104]. Таким образом, вполне естественным становится вывод о том, что привычка считать подлежащим только имя в форме именительного падежа навязана логико-грамматической концепцией и грамматиками индоевропейских языков. Такая привычка, считает Г.А. Золотова, сужает, обедняет представление о

реальном многообразии форм первого главного члена, носителя предикативного признака [Там же: 102].

По мнению С.Д. Кацнельсона, подлежащее – это не морфологическая форма, а синтаксическая функция. Это один из именных членов предложения, обусловленных содержательной валентностью глагола. Формой подлежащего может быть не только падежная форма, но и место в предложении [Кацнельсон 1982: 61, 63].

Со всем этим, конечно, нельзя не согласиться, но – при одной оговорке. Во всех рассмотренных случаях речь идет о какой-то **«другой грамматике»**, где падежная форма подлежащего может быть любой.

Впервые я обратил внимание на «не такую» грамматику в далекой молодости, когда с группой своих учащихся на экскурсии в Кунгурскую пещеру слушал объяснение экскурсовода по поводу названия грота Данте. Вот что он сказал (эти слова я помню до сих пор): *Был такой итальянский писатель Данте. **Им есть написана книга «Божественная Комедия»**, в которой описаны различные чудовища.* Я, весь «проникнутый» нормативной грамматикой, никак не мог идентифицировать выделенную конструкцию. Много времени спустя, участвуя в работе ГЭК, я снова встретился с этой конструкцией, причем в невероятных количествах: *Нами был проведен эксперимент; Автором представлена обширная библиография; А какие вами сделаны выводы? Дипломантом проделана большая работа; А по радио я вообще очень часто слышал: Депутатом был сделан запрос; Нами были приняты соответствующие меры; Парламентом было принято решение – и так до бесконечности.*

Откуда же появились в речи современного человека эти самые «другие грамматики»?

Оказывается, появление этих грамматик вполне закономерно – оно обусловлено всем ходом развития синтаксического строя языка, как в речи ребенка, начинающего осваивать родной язык, так и в речи первобытного человека, который в процессе коммуникации создает свой язык. Рассмотрим кратко эти два процесса.¹

Как известно, в возрасте около 1 года в речи ребенка появляется *однословное высказывание*, которое является **полным коммуникативным актом** – ребенок употребляет такие высказывания «с точной направленностью, имея в виду конкретного адресата» [Якушин 1983: 93]. В этом коммуникативном акте в рамках одного компонента объединяются референция и предикативность. Однословное высказывание обязательно соотносено с ситуацией

¹ Подробно этот вопрос рассматривается в моей работе от 2005 г.

произнесения, которая представляет собой тему высказывания, а сам произносимый компонент является ремой.

Около 18 месяцев ребенок начинает произносить уже *двухсловные высказывания*. Это важный шаг в развитии детского синтаксиса: появляется **первая синтаксическая конструкция**, в которой происходит отделение референционного компонента от предикативного – образуется **предикативное отношение**, выраженное порядком компонентов. При этом первое место – это позиция референтного компонента (первого «подлежащего»). Два компонента в составе высказывания начинают формально различаться. Таким образом, в языковой системе ребенка складываются **два класса** слов, достаточно четко различающихся – прежде всего позиционно-синтагматически [Слобин 1976: 89]. Это дает возможность строить высказывания в соответствии со структурой «данное – новое», которая обнаруживается **во всех** языках [Брунер 1984: 25].

Следующий этап развития детского синтаксиса – появление *трехсловного высказывания*. Если двухсловное высказывание подчинено структуре «данное – новое», то в трехсловном оформляется уже **ролевая структура**, соответствующая семантике «лицо – действие – объект». Таким образом, семантика первой позиции усложняется – это уже не только «данное», но и «действующее лицо».

Помимо порядка слов, т.е. чисто синтагматического способа, в некоторых языках начинают развиваться и грамматические формы слова, образующие соответствующую парадигму. Этот процесс связан с дальнейшей дифференциацией и классификацией слов. В конце концов, языковая система ребенка начинает полностью соответствовать языковой системе окружающих его взрослых носителей языка.

Что касается развития естественного («взрослого») языка, то, во-первых, этот процесс значительно продолжительнее первого, а, во-вторых, никто не имеет возможности наблюдать начало этого процесса. Тем не менее, подавляющее большинство исследователей полагают, что этап однословного высказывания был неизбежным. Одним же из ранних типов двухсловного предложения является так называемое **именное предложение**, в котором два слова, поставленные рядом, мыслятся как субъект и предикат: *Индра царь, Она Дамаянти* [Юдакин 1984: 23].

Последующие этапы развития синтаксической структуры предложения представлены такими конструкциями, как **эргативная, активная, аффективная и локативная** [Мещанинов 1975], которые являются вариантами ролевой грамматики. Специфика ролевой грамматики заключается в том, что форма имени (подлежащего) **определяется семантикой глагола** (сказуемого).

И, наконец, завершающим этапом развития является становление формально-синтаксической структуры предложения, в наиболее развернутом виде складывающейся в рамках номинативного строя, в котором предложение и его члены оформляются в соответствии с их **синтаксическими позициями**, а не семантическими ролями.

О преимуществе флективного строя языка В. фон Гумбольдт пишет следующее: «Пока инкорпорирующие и изолирующие языки мучительно силятся соединить разрозненные элементы в предложение или же сразу представить предложение связным и цельным, флективный язык непосредственно маркирует каждый элемент языка сообразно выраженной им части внутри смыслового целого и по самой своей природе не допускает, чтобы эта отнесенность к цельной мысли была отделена в речи от отдельного слова» [Гумбольдт 1984: 160].

Таким образом, в процессе своего языкового развития и ребенок, и все человечество проходят следующие стадии развития: однословного высказывания («протограмматики» – по Хэллiday [Halliday 1986]), коммуникативной грамматики, актантно-ролевой грамматики и номинативной грамматики. Все эти грамматики сохраняются в генетической памяти, как отдельного человека, так и всего человечества, и, следовательно, могут быть обнаружены в речи. «По семантике глагол, в известном периоде развития речи, относится к определенной группе, используемой лишь в определенном строе предложения. И сам строй предложения закрепляется за определенным значением фразы. Благодаря этому получается ряд сосуществующих различных конструкций предложений, не заменяющих друг друга, а каждая со своим точно установленным строем. **Все они равноправны и могут использоваться в одном и том же языке** (выделено мною. – *Ю. Л.*). В итоге возникает разнообразие в структуре предложений данного языка, причем все это разнообразие становится точно регламентированным. Предложение строится совершенно иначе, если в нем определяется действие, переходящее на объект, и если в нем выражается безобъектное действие или передающее восприятие субъектом действия аффекта и т. д.» [Мещанинов 1975: 213].

«Цивилизованный человек, руководимый быющей без осечки целенаправленностью и остротой своего ума, отточенного постоянной практикой, достиг почти невероятного мастерства речи. Но бок о бок с наиболее виртуозными произведениями искусства уживаются высказывания, находящиеся на одном уровне с выкриками обезьяны. **Из сегодняшней живой речи можно извлечь подтверждение каждой стадии развития языка**» (выделено мною. – *Ю.Л.*) [Gardiner 1951: 324–325].

Можно полагать, что все эти грамматики расположены на разных «уровнях залегания»: самые первые, глубинные – однословные высказывания, самые поверхностные – формально-синтаксические предложения. Кроме того, можно обратить внимание на следующую аналогию. Как известно, классическая психолингвистическая схема порождения речи включает следующие этапы: мотивационный (общий замысел высказывания), смысловой (структурирование смысла – определение темы и ремы), семантический (распределение актантов) и языковой (выбор слов и конструкций). Вполне логично предположить, что на каждом этапе порождения высказывания есть возможность «языкового выхода» в речь: мотивационному этапу вполне соответствует однословное высказывание, этапу структурирования смысла – предложение коммуникативной структуры, этапу распределения ролей – актантно-ролевая грамматика и собственно языковому этапу (выбору слов и конструкций) – формально-синтаксическая грамматика. Иными словами, говорящий имеет возможность «остановиться» на любом этапе порождения высказывания и перейти непосредственно на этап его языкового оформления. Это, вероятно, является одной из причин использования «других» грамматик.

Другая причина заключается в том, что формально-синтаксическая конструкция оказывается слишком «заформализованной» – за формой не всегда улавливается семантика. Так, «за грамматической формой подлежащего может скрываться **любая** (выделено мною. – Ю.Л.) семантика [Алисова 1971: 21]. То же самое можно сказать и о других именных членах предложения [Курсанина 2005]. В коммуникативной грамматике первый компонент («подлежащее») интерпретируется вполне адекватно. Что же касается ролевой грамматики, то в ее конструкциях форма подлежащего четко и однозначно соответствует его актантной роли в той «драме», которая описывается предложением.

Рассмотрим конкретные примеры.

Однословные высказывания можно найти в любой грамматике русского языка в разделе «Односоставные предложения», поскольку эти «предложения», по существу представляют собой реальные высказывания: они могут «выражать законченную мысль» только в соответствующем контексте и ситуации.

В современной «взрослой» речи они могут быть распространены за счет подчиненных компонентов. В таких случаях они, хотя и перестают быть формально *однословными*, остаются в коммуникативном плане однокомпонентными, т.е. не членятся на топик и комментарий: *Тишина (мороз) на дворе. Холодно-то как! Тишина в студии! Не болтать на уроке! Снегу вытало! Народу всякого собралось! Не о чем спорить. Некуда идти.*

Коммуникативная грамматика: *Подарки – в студию! Снова – шум. Соберется – до сорока человек. Дел – на полчаса. Отдохнуть – не мешает.*

Актантно-ролевая грамматика. Здесь мы встретим все доминативные конструкции, рассмотренные И.И. Мещаниновым, в которых подлежащее выражается именем в косвенном падеже:

Родительный: *Ума у него не ахти сколько. У меня горло болит.*

Дательный: *Мальчику нравится учиться. Мне подарили цветы. Тебе выпало идти первому.*

Винительный: *Того человека я не знаю. Такой же свитер я видел на режиссере Эйзенштейне.*

Творительный («эргативный»): *Депутатом был сделан запрос. Нами были учтены все замечания.*

Предложный: *В ларьке продают мороженое. В этой книге была глава об Эйзенштейне.*

И в заключение еще пример. Из трех предложений – *Рембрандт написал картину; Картина написана Рембрандтом; Рембрандтом написана картина* – первые два вполне безошибочно будут большинством определены как предложения номинативной конструкции, причем первое – в форме действительного залога, а второе – страдательного. Третье же предложение – это не «перевернутый» пассив, как может показаться на первый взгляд. Вспомним о магической силе первой позиции в предложении, которая предназначена для подлежащего, а в данном случае – также и для действующего лица (ср. *Им есть написана книга*). Здесь мы имеем дело с ролевой грамматикой, точнее – с типичной эргативной конструкцией: подлежащее – в форме эргативного (творительного) падежа, падежа действующего лица.

Итак, в процессе обычной разговорной речи человек, являющийся носителем языка номинативного строя, далеко не всегда использует предписываемые нормой этого языка конструкции. «Другие» грамматики он считает более прозрачными, более адекватно обозначающими тех действующих лиц, которые принимают участие в событии, описываемом предложением.

Алисова Т.Б. Очерк синтаксиса современного итальянского языка. – М., 1971.

Брунер Дж. Онтогенез речевых актов // Психолингвистика: Сб. статей / Под ред. А.М. Шахнаровича. – М., 1984.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 1982.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – М., 1972.

Курсанина Е.Е., Левицкий Ю.А., Широглазова Н.С. Члены предложения и семантические актанты // Проблемы социо- и психолингвистики. Вып. 7. Динамика языковых ситуаций. – Пермь, 2005. С. 61–67.

Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса. – М., 2005.

Мещанинов И.И. Проблемы развития языка. – Л., 1975.

Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика / Под ред. А.А. Леонтьева. – М., 1976.

Юдакин А.П. Развитие структуры предложения в связи с развитием структуры мысли. – М., 1984.

Якушин Б.В. Происхождение человека и языка в процессе трудовой деятельности // Онтология языка как общественного явления. – М., 1983.

Gardiner A. The theory of speech and language. – Oxford, 1951.

Halliday M.A.K. System and function in language // Selected papers / Ed. By G.R. Krees. – Oxford, 1976.

Е.В. Лелюх

Борисоглебский филиал

Института менеджмента, маркетинга и финансов

ВЫРАЖЕНИЕ НЕПРОЦЕССУАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ СУБЪЕКТА В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Предметом рассмотрения в настоящей статье являются предложения, выражающие непроецессуальное состояние субъекта в русском и английском языках.

Категория состояния как самостоятельная часть речи впервые была описана в статье академика Л.В. Щербы. Формальными признаками слов категории состояния ученый назвал их неизменяемость и употребление со связкой. Первым, по его мнению, они отличаются от прилагательных и глаголов, вторым – от наречий. При этом сам автор не скрывал своих сомнений относительно статуса этой части речи: несмотря на «попытки русского языка иметь особую категорию состояния», она не виделась языковеду «яркой и убедительной категорией русского языка» [Щерба 1957: 74-75].

В.В.Виноградов, рассматривая категорию состояния как самостоятельную часть речи, подчеркивал, что причина развития и распространения данной категории кроется в противоречии между морфологическими и синтаксическими свойствами имен. Морфологически имя противопоставлено глаголу, а синтаксически оно так же может быть сказуемым, как и глагол. Однако имя в русском языке не может приобрести основные семантические свойства глагола, даже если оно употребляется только как сказуемое. Устанавливается глубокое грамматическое различие между понятием действия,

протекающего во времени, наделенного сложными оттенками пространственно-видовых значений и иногда предполагающего разнообразное предметное окружение, и между понятием качественного состояния, в котором находятся лица и предметы. Под категорию состояния подводятся слова, выражающие «недейственное» состояние, которое может мыслиться безлично (*досадно, стыдно*) или приписываться тому или иному лицу как субъекту, испытывающему это состояние (*я рад, ты должен* и т.п.). Категория состояния развивается в современном языке преимущественно за счет наречий и имен прилагательных. Краткие формы прилагательных, утратив склонение и укрепившись в позиции сказуемого, приобретают оттенок времени. Они перестают быть названиями, а становятся предикативными характеристиками [Виноградов 1947: 401-404].

Противники особого частеречного статуса слов категории состояния полагают, что эти слова должны быть распределены по частям речи, с которыми в той или иной степени соотносятся. Они считают нечеткими и морфологические признаки данной категории. Против выделения этих слов в отдельную часть речи высказался, в частности, В.Н. Мигирин. Те слова, что обычно называют категорией состояния, предикативными наречиями, безличными наречиями, ученый призывает считать бессубъектными прилагательными [Мигирин 1970: 153]. П.А. Лекант предполагает, что в недрах краткой (нечленной) формы имени прилагательного формируется особая, гибридная часть речи и предлагает для нее термин «предикатив». Предикатив является одним из ядерных средств выражения функционально-семантического поля состояния на лексическом и грамматическом уровне [Лекант 1995: 6-7].

Реализуя широкий подход к прилагательному, подразумевающий особый интерес к функционированию его полной и краткой форм, В.Ю. Копров считает, что именно в краткой форме прилагательного обнаруживается так называемая «категория состояния». На взгляд исследователя, поскольку прилагательному в рамках общего категориального значения «непроцессуального признака предмета» свойственны два значения – качества и состояния, способность кратких форм обозначать в составе безличного предложения разновидность непроцессуального признака – состояние, не является достаточным основанием для выделения их в отдельную часть речи [Копров 2010: 72-73].

Таким образом, краткий обзор литературы вопроса показывает, как разнообразна терминология, используемая для обозначения признакового компонента русских предложений с семантикой непроцессуального состояния: категория состояния, безлично-

предикативные слова, бессубъектные прилагательные, предикативные наречия, предикатив, краткое прилагательное в безличной форме.

Опираясь на семантико-функциональную сопоставительную типологию предложений русского и английского языков, предложенную в работах В.Ю. Копрова [Копров 2000; 2010а; 2010б], мы рассматриваем средства выражения инвариантной семантической структуры «субъект и его качественный признак» в двух языках.

В рамках данной инвариантной семантической структуры выделяются два ее варианта «окружающая среда и ее состояние» и «состояние (ощущение) человека».

1. При выражении варианта «окружающая среда и ее состояние» в русском предложении субъект не лексикализуется и интерпретируется обобщенно как «окружающая среда» (N) – (cop3s) Adj sh 3s: *Ветрено*. В английском языке данной русской конструкции соответствует предложение с формальным *it* в позиции подлежащего, ср.: *Стало темно и тихо* (В. Распутин) – *Again it was dark and still*.

Иногда в английском предложении в позицию подлежащего ставится обозначение среды: *Плакала долго, потом слезы высохли, потом стало прохладно, а раненых все везли и везли* (Б. Акунин) – *She cried for a long time, until her tears had dried up and the air had turned cool, and still they kept on bringing back the wounded*.

При этом в английском предложении субъектом-носителем признака в позиции подлежащего иногда становится локатив русского предложения: *В кухне было сыро на полу, кастрюли сияли таинственно и тускло, на столе лежала пожарная фуражка* (М. Булгаков) – *In the kitchen the floor was damp, the pans glowed in wan mystery, a fireman's peaked cap lay on the table*; *В зале тут же стало тихо* (Б. Акунин) – *The room fell silent immediately*. *В клубе было неряшливо, но по-своему уютно* (Б. Акунин) – *The club was untidy but quite cozy in its own way*.

Локатив, находящийся в русском предложении в препозиции, в английском предложении с *it* обычно перемещается в постпозицию: *На улице шумно* – *It's noisy in the street*.

В других случаях позиция локатива при переводе сохраняется: *Только тогда было жарко, а теперь холодно, да и выглядела она, наверно, получше* (Б. Акунин) – *Only then it had been hot, and now it was cold, and she had probably looked better then*.

См. также пример использования при переводе русского предложения с локативом английской конструкцией с *there*: *За дверью стало тихо* (Б. Акунин) – *There was silence behind the door*.

2. При выражении варианта «состояние (ощущение) человека» субъект-антропоним может быть представлен в русском предложении двумя способами: имплицитно и эксплицитно.

Субъект-антропоним представлен имплицитно, т.е. как человек вообще (обобщенно): (cop 3s) Adj sh 3s: *Холодно*. В английском языке таким русским предложениям регулярно соответствуют адъективные конструкции с формальным *it*: *Ожидание затянулось, но было совсем не скучно* (Б. Акунин) – *The wait stretched out, but it was not boring at all*; *Мне самому очень неприятно* (М. Булгаков) – *It is extremely distressing for me too*;

Субъект-антропоним представлен эксплицитно – словоформой в дательном падеже: N 3 – (cop 3s) Adj sh 3s: *Мне тепло*.

Русским безличным предложениям с субъектом в форме дательного падежа, как правило, соответствуют английские личные конструкции:

а) адъективные: *Ей-то хоть дома тепло, ну, а мне, а мне!* (М. Булгаков) – *At least she's warm at home, but me!*

б) вербальные: *Фу, гадость... Отчего мне так мутно и страшно?* (М. Булгаков) – *Phew, what filth... Why do I feel so sick and dizzy, and afraid.*

Предварительное сопоставление способов выражения непроцессуального состояния субъекта в русском и английском языках выявляет значительные расхождения в этой сфере, поскольку русские безличные конструкции не имеют прямых эквивалентов в английском языке.

Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: УЧПЕДГИЗ, 1947. – 765 с.

Копров В.Ю. Сопоставительная типология предложения. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2000. – 192 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010а. – 328 с.

Копров В.Ю. Сопоставительный синтаксис русского и английского языков: Учебное пособие. – Воронеж: Изд-во НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2010б. – 226 с.

Лекант П.А. Часть речи предикатив // Структура, семантика и функционирование в тексте языковых единиц. – М., 1995.

Мигирин В.Н. Категория состояния или бессубъектное прилагательное? – М., 1970. – 272 с.

Щерба Л. В. О частях речи в русском языке. – М., 1957. – 188 с.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В ЗЕРКАЛЕ ВЕРБАЛЬНОГО ЮМОРА

В данной работе представлен анализ словообразовательных механизмов двух разновидностей русского вербального юмора: анекдота и детского словотворчества. В анекдоте используется намеренный, а в детском словотворчестве – ненамеренный юмор. Независимо от этого, в двух ипостасях участвуют сходные средства и механизмы.

Комический способ общения не довольствуется категориями словообразования кодифицированного русского литературного языка. В лаборатории вербального юмора ведутся эксперименты по созданию и испытанию «на жизнь» новых лексем. Словообразовательная аномалия способна самостоятельно доставлять комическое удовольствие говорящему и слушающему. Кроме того, она выполняет и стратегические задачи в композиции вербального юмора [Лендваи 1984; 1994].

В силу своего шутливого и насмешливого характера сфера действия вербального юмора располагается в системе разговорной речи. С точки зрения вербального юмора «разговорная речь распадается на сферу шутливой тональности и сферу серьезной тональности» [Земская 1982: 174]. В шутливой тональности реализуется поэтическая (эстетическая) функция языка: потребность говорящего «испытывать самому и вызвать у собеседника эстетическое чувство самой формой речи, которое реализуется в виде установки на комический эффект» [Там же: 173].

Шутливую тональность можно разделить на балагурство и острословие. **Балагурством** называется мягкий, добродушный вариант языковой игры, связанный с языковой формой. Сюда относятся такие примеры фонетической деформации, как метатеза (*бутербродик* → *бродбутылик*), протеза (*спасибо* → *сыпасибо*), нарушение законов чередования согласных (*прощай* → *просчай*), замена одних звуков другими (*блюдечко* → *блудечко*) [Там же: 175, 190]. С помощью средств языковой манипуляции **острословие** направлено на создание иронического, саркастического воздействия на слушающего. Сюда относятся случаи словообразовательной игры типа *штопор* + один из словообразующих суффиксов грузинских фамилий - *идзе* → *штопоридзе*, *миллиметровый* + *мизерный* → *миллимизерный* (см. *миллимизерная зарплата*), *примадонна* + *тонна* → *приматонна*, *преподаватель* + *педагог* (или: *демагог*) → *преподагог*, *учительница* +

мучить → *мучительница* и т. п. Подобные контаминирующие конструкции критикуют или высмеивают «мишень словесной дуэли». Между «мягкой» и «острой» разновидностями вербального юмора нет четкой границы. Наблюдается ряд переходных случаев.

Как в балагурстве, так и в острологии наблюдается отступление от языковых норм. Однако анализ двух тональностей дает основание сделать вывод, что языковой инвентарь острологии значительно шире, чем языковой инвентарь балагурства. Это объясняется потребностью языкового коллектива использовать широкий и разнообразный **прагмалингвистический** арсенал ради достижения иллокутивных и перлокутивных целей. Мишенью балагурства обычно является сам **язык** (см. *сытасибо, бродбутылик, блудечко*), мишенью же острологии обычно выступают превратности общественного бытия, за которыми стоят **люди**.

Функции языковой игры представляют собой сложную систему, которая простирается от снижения или дискредитации объекта, через развлечение собеседника, стремление к самоутверждению говорящего, борьбу с окружающим злом, вплоть до обогащения языка, психотерапии и маскировке [Санников 1999: 21-27]. Остановимся на примере *приматонна* в значении 'тучная певица', в связи с которым «мы испытываем фарисейское довольство собой, – во-первых, от того, что мы лишены этого физического недостатка, а во-вторых, от сознания исправности своего интеллекта, позволяющего понять шутку, проникнуть в его механизм» [Там же: 21]. Юмористический эффект реализуется в результате контаминации двух скриптов: *примадонна* как 'первая певица в опере / оперетте' и *тонна* как 'тысяча килограммов', Данный прагматический прием приводит слушающего к инференции *Певица очень полная*.

1. Словообразовательные механизмы русского анекдота.

1.1. Деформация лексем.

В комическом способе общения общественный ассоциативный фон стимулирует речевые поступки говорящего, вследствие чего, например, названия советских органов госбезопасности служат мотивирующей основой создания квази-лексем типа *Кагебего*. Оказывается, в сознании носителя русского языка данной эпохи топоним *Чикаго* хранился в одном и том же прагмалингвистическом поле с названием *Чека*. Видимо, к этой основе добавляется словообразующий «суффикс» *-го* по образцу слов типа *Живаго*. В венском ХИАСе у перемещенного советского еврея спрашивают, в каком американском городе у него родственники. – *Постойте, дайте вспомнить... Кагебего! Нет, не то... Энгаведого! Нет, не то... Генеуго! Нет, не то ... А, вспомнил! Чекаго!*

Источники комического эффекта

Словотворчество	создание квази-лексем типа КГБ + -го: <i>Кагебега, Энкаведего, Гепеуго, Чекаго</i>
Деформация слова	<i>Чикаго > Чекаго</i>
Семантика	квази-паронимия: смешение значений
Прагматика	паронимазия: топонимика США изображена в фрейме советских органов госбезопасности

1.2. Создание новой лексемы.

Создание нового слова – привилегия развитого критического интеллекта. Оно требует аналитико-критического ума, блестящего владения лингвистической и экстралингвистической действительностью:

– *Однородную ли группу представляют собой советские диссиденты?* – *Нет, они делятся на три группы: досиденты, отсиденты и сиденты.*

Источники комического эффекта

Словотворчество	создание квази-лексем: <i>досидент, отсидент, сидент</i>
Семантика	квази-гиперонимия: <i>диссидент: досидент, отсидент, сидент</i>
Прагматика	изображение истории в терминах словообразования

1.3. Лексико-семантическая контаминация.

Лексико-семантическая контаминация является эффективным смехообразующим средством благодаря тому, что в ней деформация и реформация знаков происходит одновременно. Кроме того, поверхностные преобразования всегда влекут за собой семантические изменения. В результате на месте привычного порядка устанавливается хаос, а затем – новый аксиологический порядок мира.

– *Как мы будем жить без Хрущева?* – *По-брежнему в хрущобах.* (СПА 1993: 50)

Источники комического эффекта

Словотворчество	создание квази-лексем путем гибридизации
Семантика	контаминация семантики лексем
Прагматика	дегеронизация путем соединения несогласуемых скриптов

В примере участвуют четыре лексемы, две из которых относятся к прагматически нейтральным нарицательным именам. В результате гибридизации они вступают во взаимоотношение с фамилиями двух политических лидеров. Образуется прагмалингвистический сплав, который приводит слушающего к стадии озарения. Мораль анекдота всплывает на поверхность в виде инференции «одно не лучше другого, новое не лучше старого».

2. Словообразовательные механизмы детского словотворчества.

Результаты спонтанного детского словотворчества оказываются смешными для взрослых по той причине, что взрослые уже прошли процесс языковой социализации. Им забавно смотреть на продукты наивной словообразовательной инновации детского ума. В своей книге «От двух до пяти» К. Чуковский пишет: «Переиначивая наши слова, ребенок чаще всего не замечает своего словотворчества и остается в уверенности, будто правильно повторяет услышанное» [Чуковский 1958: 20]. Примеры, приведенные в наших таблицах, заимствованы из указанной работы К. Чуковского.

2.1. Создание нового слова по квазимотивации.

Малолетний ребенок проводит новаторскую деятельность в области словотворчества **неосознанно**. По его «неосознанному убеждению» в языке взрослых в ряде случаев словообразовательная мотивированность оказывается «ложной», так как она не соответствует положению дел детского видения мира.

новое слово	мотивирующая основа	квазимотивация
<i>стрекозел</i> (с. 11)	<i>коза</i>	муж стрекозы
<i>Жил-был пастух, его звали Макар. И была у него дочь Макарона.</i> (с. 13)	<i>макароньы, Макаровна</i>	Отчество дочери образуется от имени отца.
<i>Вы и шишки польете?</i> – Да. – <i>Чтобы выросли шишенята?</i> (с. 14)	<i>шишка</i>	Предполагаемая модель: <i>кот – котята.</i>
Трехлетняя девочка говорит отцу, увидев на лбу морщины: – <i>Я не хочу, чтобы у тебя были сердитки!</i> (с. 17)	<i>сердиться</i>	Предполагаемая модель: <i>морициниться – морицинки.</i>

В большинстве примеров контекст объясняет ситуацию, в которой возникают словесные инновации детей. Например, слово *стрекозел* возникает, потому что ребенок выводит его из мнимой структуры

стре-коза. Как и в других случаях, в этом акте словообразования малолетний новатор следует за правилами антропоцентризма: [*Если козел – муж козы, то*] *стрекозел* – это муж *стрекозы*.

О гипергенерализации языковых закономерностей идет речь в новообразованиях *Макар* → *макарона* (контаминация *Макаровна* + *макароны*), *шишки* → *шишенята*, *сердиться* → *сердитки*, ибо в естественном языке в рамках одних и тех же семантических полей действуют разные словообразовательные модели, которые время от времени нейтрализуют друг друга. Так, например, модель для образования слов со значением 'детеныш животного', в идеале, использует языковой стройматериал «наименование взрослого + суффикс -онок, -енок»: *медведь* → *медвежонок*, *волк* → *волчонок*, *кот* → *котенок*, *жеребец* → *жеребенок*. Уловив правило, ребенок словно продолжает его: *шишки* → *шишенята*, *вагон* → *вагонята*, *огонь* → *огонята*. Видимо, здесь налицо два типа гипергенерализации. Первый: данное правило переносится на 'растения и предметы', второй: нейтрализуется 'детеныш' и активизируется 'малый размер'.

2.2. Создание слова по новой мотивации.

В этом случае ребенок создает слова, конкурирующие с существующими стандартными наименованиями. Причину данного явления, на наш взгляд, нужно искать в гипергенерализации словообразовательной модели, выбранной ребенком.

стандартное употребление	мотивирующая основа	инновативное употребление
<i>Спой мне, мама колыбельную песню.</i>	<i>баюкать</i>	<i>Спой мне, мама, баюльную песню.</i> (с. 17)
<i>Часы тикают.</i>	<i>часики</i>	<i>Часы часикают.</i> (с. 34)
<i>Вся елка обвешана свечками.</i>	<i>свечки</i>	<i>Вся елка обсвечкана.</i> (с. 35)
<i>Не играй на балалайке, пожалуйста.</i>	<i>балалайка</i>	<i>Не балалай, пожалуйста.</i> (с. 35)
<i>Забей этот гвоздик молотком.</i>	<i>молоток</i>	<i>Замолоточь этот гвоздик.</i> (с. 35)

Мотивами создания детских неологизмов здесь оказались следующие факторы: 'функция' (*баюкать* → *баюльная песня*), 'звук, издаваемый механизмом' (по мнению ребенка, данный механизм называется *часами*, потому что *часикает*: *часики* → *часикать*); контаминация *обвешать свечками* → *обсвечкать*; здесь может участвовать и модель типа *сахар* → *обсахарить* ('покрыть слоем

сахара'); орудие действия → действие (*балалайка* → *балалаить*), ср. *колокол* → *колоколить* и т. д.

Детское словотворчество изобилует нововведениями и в области прилагательных. Дети создают свои неологизмы по образцу уже усвоенных лексем. Новые прилагательные есть продукт творческой деятельности ментально-назывных механизмов в языковом сознании малышей:

неологизмы	мотивирующая основа	предполагаемый образец
<i>червячее</i> яблоко (все примеры: с. 45)	<i>В яблоке - червяк.</i>	<i>собака – собачий</i>
<i>жемутные</i> туфли	<i>Туфли жмут.</i>	<i>лоскут – лоскутный</i>
<i>взбеситая</i> лошадь	<i>Лошадь взбесилась.</i>	<i>сердиться – сердитый</i>
<i>дочкастая</i> мамаша	<i>У мамыши дочка.</i>	<i>очки – очкастый</i>

Особое место в сознании ребенка занимают слова с уменьшительными суффиксами. Дети в возрасте от трех до пяти лет ментально «сопротивляются» многозначности (синкретизму) языковых знаков. Вероятно, этим объясняется и детская моносемия уменьшительно-ласкательных суффиксов. Согласно этому, ребенок не проявляет готовности использовать слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, когда он имеет дело с «большими» предметами. «Почему, в самом деле, ребенку говорят о лошади – *лошадка*? Ведь лошадь для ребенка огромна. Может ли он звать ее уменьшительным именем? Чувствуя всю фальшь этого уменьшительного, он делает из *лошадку* *лошаду*, подчеркивая тем ее громадность" (Чуковский 1958: 19).

2. 3. Детская этимология.

Детская этимология, как разновидность народной этимологии, – это перестройка и переосмысление исходного наименования по семантическим мотивам, близким к языковому мышлению ребенка. Как и народная этимология, детская этимология затрагивает слова иностранного происхождения или слова с непрозрачной номинативной структурой.

стандартное слово	мотивирующая основа	детский неологизм
<i>вазелин</i>	<i>мазать</i>	<i>мазелин</i>
<i>компресс</i>	<i>мокрый</i>	<i>мокресс</i>
<i>термометр</i>	<i>тепло</i>	<i>теплометр</i>
<i>кузов</i>	<i>пузо</i>	<i>пузов</i>
<i>бормашина</i>	<i>боль</i>	<i>больмашина</i>

<i>нанизывать</i>	<i>нитка</i>	<i>нанитывать</i>
<i>сухарик</i>	<i>кусать</i>	<i>кусарик</i>
<i>молоток</i>	<i>колоть</i>	<i>колоток</i>
<i>экскаватор</i>	<i>песок</i>	<i>пескаватор</i>

Иллюстративный материал приводит к мысли, что функция детской этимологии заключается в «наведении порядка» в лексиконе языка. Вот почему так усердно приравниваются слова к стандартам детского мышления. Нужно подчеркнуть, что мотивирующие основы обычно входят в дистрибутивную структуру данных слов.

Результаты нашего анализа могут быть представлены в виде следующих тезисов. Русский вербальный юмор, как правило, проявляется в рамках разговорной речи. Механизмы вербального юмора обогащают инвентарь вторичной номинации. В речи взрослых балагурство и остроловие мобилизуют сходные словообразовательные механизмы, но остроловие богаче средствами воздействия на слушающего. Балагурство обычно высмеивает устройство языка, а остроловие ведет борьбу с превратностями общественной жизни. Мотивом неосознанных словообразовательных инноваций детской речи является интенция «установления единых принципов» в мотивировке построения слов. Несмотря на различия целей, русский анекдот и детское словотворчество по существу используют одни и те же типы словообразовательных механизмов.

Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. – М.: Русский язык, 1982. – 240 с.

Лендвай Э. Семантические мотивы возникновения макаронизмов // *Studia Russica VII.* – Budapest, 1984. – Old. 108-22.

Лендвай Э. Мотивация наименования и эквивалентность слова // *Теория и практика обучения славянским языкам* / ред. Э. Лендвай, Л. Хайзер. – Печ, 1994. – Old. 137-45.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 544 с.

Источники

Петросян Е. Евгений Петросян в стране анекдотов. – М.: ФАИР-ПРЕС, 1999. – 331 с.

Посвежинный Е. Анекдоты. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1993. – 398 с.

Советский политический анекдот. – Ass. Spectrum. "O". Tell. 4071/219. K/L. Hind.

Чуковский К.И. От двух до пяти. – М.: Советская Россия, 1958. – 400 с.

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ СЕМАНТИКИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ КИТАЙСКОГО, АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Между языковыми знаками имеются основные и обобщённые отношения – отношения между формой и смыслом. В своей теории семиологии Фердинанд де Соссюр первым отграничил форму от смысла. По его мнению, язык – это одна из систем знаков. Языковой знак, как лист бумаги, представляет собой двустороннее единство: одна сторона – отрезок звучания (т.е. форма или означающее), а другая – смысл (означаемое) [Соссюр 2007]. Изучение языка с этих двух сторон, т.е. от формы к смыслу или от смысла к форме, – это основные подходы к изучению языка. Первый подход называется семасиологическим, а второй – ономасиологическим. Предложение как языковой знак, естественно, тоже может изучаться от формы к смыслу или от смысла к форме [Ли Цинь 2002: 7].

В данной работе, опираясь на новые научные теории и результаты исследований российских лингвистов, мы путём ономасиологического подхода сопоставим семантику предложений китайского, английского и русского языков. Следует отметить, что эти три языка относятся к разным языковым семьям и сильно различаются между собой как формальной структурой, так и механизмом познания мира носителями языка и отражением объективной действительности в языках. Например, одно из главных различий заключается в познании пространства и отношения обладания: китайский и английский языки относятся к типу «have-language», а русский язык – «be-language». Ср.: (1) 我有许多书。 – *I have many books.* – У меня (есть) много книг.

Хотя в русском языке для выражения значения обладания также имеется глагол *иметь*, его употребление не типично. Иначе говоря, русские обычно выражают значение обладания путём определения бытия предмета в пространстве. По сравнению с английским языком китайский язык ещё сильнее характеризуется как «have-language», поскольку здесь и для выражения существования в пространстве и времени употребляется глагол 有 (*иметь*). Ср.: (2) 山顶有一座房子。 – *There is a house on the top of the mountain.* – На вершине горы *есть* дом; (3) 从前有个渔夫。 – *Once there lived a fisherman.* – Жил-был один рыбак. Хотя иногда в английском языке *have* тоже выражает

существование [Ван Фэнсин 1989: 312], но такое употребление глагола здесь не типично.

Следует отметить, что в данной работе термин «предложение» обозначает простое предложение. В связи со сложностью и дискуссионностью многих вопросов, связанных с семантикой и структурой предложений трёх сопоставляемых языков, в данной статье мы сможем проанализировать семантику их предложений только в общих чертах и на основе наиболее типичных конструкций.

1. **Теоретическая основа** ономаσιологического подхода к изучению семантики предложений.

С середины 60-х годов 20 века под влиянием работы «Синтаксические структуры» Ноама Хомского российские лингвисты начали исследование структурной схемы предложения. Благодаря совместным усилиям исследователи добились больших успехов в описании грамматического и звукового строя русского литературного языка; эти научные результаты содержатся в авторитетных научных трудах «Грамматика-70» и «Грамматика-80», изданных Академией наук.

Для описания структурной схемы предложений был использован семасиологический подход, т.е. подход от формы к содержанию [Русская грамматика, Т. 1 1980: 4]. Вся система структурных схем предложений построена на основе понятия предикативности. Каждое предложение имеет свою предикативную базу, предикативный минимум, т.е. минимальную синтаксическую структуру, созданную по грамматическим правилам и соотнесённую с действительностью. Такое минимальное предложение по сути состоит только из главных членов предложения (односоставное или двусоставное предложение). Синтаксическая структура, основанная на предикативном минимуме, представляет собой и структурную модель предложения. Естественно, можно смоделировать структурные схемы предложений всех языков. Например, самая распространённая в языках синтаксическая модель «имя существительное (подлежащее) + глагол (сказуемое)» в китайском языке представлена схемой NV (N – имя сущ., V – глагол), в английском языке – схемой NV_f (V_f означает глагольную форму), а в русском языке – N₁V_f (N₁ означает им. падеж сущ.). На основе синтаксических схем началось изучение семантики (смысла) предложений.

По мере переключения внимания многих лингвистов с лексической семантики на смысл предложения в концепции структурной схемы предложения стали выявляться недостатки. По их мнению, эта теория не может полностью отразить механизм создания и сущность смысла предложения, поскольку после заполнения словами синтаксических позиций в некоторых моделях предложения получаются неприемлемые высказывания. Эти предложения правильны по грамматике, но не полны

по смыслу, например, модель NV: (4) *房子坐落 – *The house is located. – *Дом находится; (5) *孩子表现 – *The child behaves. – *Мальчик ведет себя; (6) *她看上去 – *She looks. – *Она выглядит. Очевидно, что к этим предложениям необходимо добавить слова, выражающие местонахождение или оценку говорящего, и только в таком случае предложения приобретают вид, пригодный для передачи информации в процессе коммуникации: *Дом находится у моря. Мальчик ведет себя хорошо. Она выглядит молодой.*

Исходя из этого, учёные выдвинули теорию номинативной основы предложения, согласно которой каждое предложение имеет свой номинативный минимум – структуру, обладающую относительно полным смыслом и информацией. На основе данного принципа исследователи попытались построить новую систему структурных схем, но получилась излишне подробная типология (общее количество синтаксических моделей насчитывало уже сотни единиц), так как в состав моделей включались не только главные члены предложения, но и все его информативно необходимые второстепенные члены.

Однако эта теория оказала большое влияние на изучение смысла предложения. Стала более активно высказываться точка зрения, в соответствии с которой предложение кроме коммуникативной функции выполняет номинативную функцию. По мнению Н.Д. Арутюновой, в отличие от слова и словосочетания, которые называют предметы, действия и признаки, предложения называют события, ситуации действительности. Номинация посредством предложения является сложной и комплексной, и само предложение, по сравнению со словом и словосочетанием, является более сложным знаком. В своей концепции Н.Д. Арутюнова развивает ономаσιологический подход к предложению, считая, что смысл предложения должен изучаться с точки зрения логики, семантики и синтаксиса [Арутюнова 1976]. Со временем данный подход к изучению смысла предложения совершенствовался, и сейчас его главные идеи уже введены в некоторые учебные пособия для вузов России (см., например [Крылова 1997])¹.

2. Теория референции и логико-семантический анализ предложения.

Ономаσιологический подход к изучению смысла предложения может осуществляться по-разному в зависимости от понимания автором смысловой организации предложения. Одни учёные, опираясь на логическое понятие суждения, разделили предложения на 6 типов: предложения качественной характеристики (соответствующие

¹ Обзор концепций предикативного и номинативного минимума русского предложения см., например, в работе [Копров 2010: 5-20] (прим. ред.).

суждению о свойстве), реляционные предложения (соответствующие суждению об отношении), бытийные предложения (соответствующие суждению о существовании), классифицирующие предложения (соответствующие суждению о подчинении), идентифицирующие предложения (выражающие суждение тождества) и именующие предложения (выражающие отношение номинации) [Белашапкина 1981: 485 и след.]. М.В. Всеволодова выделила 139 семантических типов предложения [Всеволодова 2000: 234-267]. Как представляется нам, сравнение вышеупомянутых исследований показало, что подход, опирающийся на достижения логики, семантики и синтаксиса, является наиболее рациональным и убедительным и может послужить базой для сопоставления языков.

Прежде всего нужно описать семантические свойства лексики (прежде всего, имени существительного), проявляющиеся в предложениях. Эта проблема изучается в теории референции, которая главным образом строилась и развивалась на идеях семантического треугольника Ч. Огдена – А.А. Ричардса (1923 г.). Термин «референт» был введён этими лингвистами прежде всего для того, чтобы подчеркнуть косвенный характер отношения референта к имени, с которым референт связан лишь через посредство понятия [Bussmann 2000: 425]. Было время, когда вместе с термином «референт» недифференцированно употреблялся другой термин – «денотат». Позже лингвисты начали разграничивать эти два термина и придали новое значение термину «референт». Например, Ю. Найда считает, что значение референта приобретает путём соотношения слова с объектами действительности и идеями [Найда 1986: 46]. Российские лингвисты определяют «референт» как объект внеязыковой действительности, который имеет в виду говорящий, произнося данный речевой отрезок [РЯЭ 1997: 410]. Таким образом, референт характеризуется уже не только языковыми параметрами, но и факторами говорящего и речи. В современной логике, философии и языкознании значение данного термина сильно изменилось: с одной стороны референт отличается от знака, т.е. сигнификата, предметной соотнесённостью, а с другой стороны, референт отличается от денотата связью с речевым актом. Сложность референта состоит главным образом в том, что в речевой коммуникации слово под влиянием ряда факторов, в частности, синтаксической позиции, лексической сочетаемости, контекста, имеющихся у коммуникантов знаний и т.п. может выполнять функцию любого угла «семантического треугольника» и приобретать значение определённости или неопределённости. На базе референциальных противопоставлений строится классификация типов соотнесённости имён с внешним миром, что составляет главную задачу теории референции. В отличие от английского языка, в китайском и русском отсутствует

артикуль, так что в области референции между китайским и русским языком наблюдается сходство. На основе концепции референции русского языка, предложенной Н.Д. Арутюновой [РЯЭ 1997: 411], мы проводим сопоставление трёх языков по пяти наиболее обобщённым типам референции.

2.1. Конкретная и неопределённая референция. Имя может быть соотнесено с индивидуальным предметом (ед. или мн. числа). Для обозначения отдельного предмета в английском языке имеется чёткий способ выражения (неопределённый артикль), в китайском языке – числительное и квантор, в русском языке это значение косвенно выражается количественным числительным *один*. Например, в примерах (2) и (3) имя характеризуется референцией, которая типична для первоначального предложения в тексте (повествовании). В зависимости от знаний участников коммуникации неопределённость подразделяется на два вида: 1) референция известна говорящему, но неизвестна адресату, 2) референция неизвестна обоим участникам коммуникации [Ли Цинь 1998: 93-98]. Ср.: (7) *昨天我碰到了一个朋友*. – Yesterday I came across **a friend**. – Вчера я встретил **одного** **приятеля**; (8) *有个学生找你*. – A **student** is looking for you. – Тебя спрашивает **один студент**.

2.2. Конкретная и определённая референция. Имя соотнесено с конкретным предметом действительности. Такое соотнесение выражается в английском языке определённым артиклем, а в китайском и русском языках – с помощью соотношения позиций темы и подлежащего. Сравните: (9) *大熊猫坐在地上*. – The panda is sitting on the ground. – Панда сидит на земле.

В тексте данная референция производится совместным соотнесением имени и контекста с действительностью. Например, контекстом (9) может быть следующее предложение: (10) *我看见一只大熊猫*. – I see a panda. – Я вижу (одну) панду.

Конкретная и определённая референция «прозрачна», т.е. имя непосредственно соотнесено с предметом действительности без отражения сигнификата. В данном случае такая «прозрачность» имени может доказываться заменой существительного на личное местоимение, например: (11) *它坐在地上*. – It is sitting on the ground. – Она сидит на земле.

В китайском и русском языках определённая референция имени может ещё проверяться путём добавления указательного местоимения. Например: (12) *这只大熊猫坐在地上*. – Эта панда сидит на земле.

2.3. Генерализованная референция. Имя соотнесено с одним видом или типом предметов: (13) *大熊猫正濒临灭绝*. – Pandas (the pandas) are in the danger of extinction. – Панды вымирают.

Сопоставив генерализованную референцию в трёх языках, мы пришли к выводу, что её обозначение представлено в английском языке более чётко, чем в русском, а в китайском языке его вообще нет. При этом во всех трёх языках генерализованная референция чаще всего связана лексическими значениями слов. Так, предложения типа (14) *大熊猫正在死去* – *The panda is dying*. – *Панда умирает* генерализованную референцию не выражают.

2.4. Предикативность. Имя, находящееся в позиции сказуемого, не соотносится с предметом действительности, оно лишь характеризует имя в позиции подлежащего по качеству и признаку как сигнификат, например: (15) *李明是工程师* – *Tom is an engineer*. – *Иван – инженер*.

Такая референция ещё называется референцией характеристики. Мы определяем её как предикативную потому, что позиция сказуемого служит типичной синтаксической позицией для выражения сигнификативного значения имени. Если имя в этой позиции не выражает данное значение, то такое предложение лишено коммуникативно значимого смысла, например: (16) *李明是人*. – *John is a human being*. – *Иван – человек*. Это высказывание может иметь смысл лишь в особой речевой ситуации, так как сигнификативное значение слова *человек* – повторное утверждение «человеческого свойства» подлежащего, лишённое характеристики по качеству или признаку. Если же подобное предложение содержит отрицание или сопоставление, то оно приобретает смысл: (17) *李明不是人*. – *Иван – не человек*. В этом случае сигнификативное значение слова *человек* изменяется, оно может быть связано с моральными качествами человека. Это значение усиливается, если в предложении употребляются характеризующие определения: (18) *李明是好人*. – *Tom is a good man*. – *Иван – хороший человек*.

2.5. Автономная референция. Имя может быть не соотнесено ни с предметом, ни с сигнификатом, в этом случае оно употребляется просто как означающее формы, например: *书是第一声的* – “*Books*” is a plural form. – “*Книги*” – форма множественного числа.

Кроме того, мы считаем, что нужно уделять внимание и указательным словам разного типа (в частности местоимениям, обозначающим лицо, пространство, время и т.п.), так как в некоторых случаях они тоже выражают отношение и характеристику говорящего, т.е. превращают своё значение в сигнификативное. Такое явление наблюдается во всех трёх языках, например: (19) *他有点那个*. (20) *He is like that*. (21) *Этот роман – не то*. Естественно, что реализация сигнификативных значений указательных слов опирается на речевую ситуацию, контекст и паравербальные средства общения.

Анализ типов референции показывает, что в реальном предложении слово может представлять любой угол «семантического треугольника», поэтому изучение типов референции способствует углублению анализа смысла предложения.

По мнению представителей логико-грамматического подхода, в основе смысла предложения лежит пропозиция – минимальная семантическая структура предложения. С точки зрения науки логики, пропозиция, как и суждение, состоит из двух частей – субъекта и предиката. Таким образом, если изучать семантическую структуру предложения на основе теории референции с опорой на двухсоставную пропозицию, то, с одной стороны, можно избавиться от учёта не отличающейся закономерностью зависимости смысла от синтаксической позиции слова, с другой стороны, такое изучение может отразить общие проблемы языков и послужит фундаментом для их сопоставления.

Совмещая три «угла» семантических свойств слова с двумя составами пропозиции, мы получили 9 вариантов, которые перечислены в таблице:

	субъект	предикат
1	означающее	означающее
2	означающее	сигнификат
3	означающее	денотат
4	сигнификат	сигнификат
5	сигнификат	денотат
6	сигнификат	означающее
7	денотат	денотат
8	денотат	сигнификат
9	денотат	означающее

Н.Д. Арутюнова называет эти варианты сочетания логическими отношениями предложения. Все 9 вариантов, по её мнению, существуют только в теории, а на практике в русском языке имеются только логические отношения номер 1, 4, 7, 8 и 9 [Арутюнова 1976]. Мы же считаем, что проявляются в языке все 9 вариантов сочетания (см. ниже), а 5 типов, упомянутых исследователем, просто наиболее частотны.

3. Логико-семантические типы предложения.

Н.Д. Арутюнова выявила 4 наиболее представительных типа логической связи и назвала их логико-синтаксическими типами [Там

же]; позже был обнаружен ещё один смешанный тип [Белошапкова 1981: 76]. Мы используем термин «логико-семантические типы». Так называемые логико-семантические типы предложения представляют самый обобщённый смысл предложения. В зависимости от лексических значений и структурной организации предложения эти общие типы подразделяются на подгруппы. Следует отметить, что хотя логико-семантические типы являются языковыми универсалиями, они выражаются в разных языках по-разному и поэтому могут служить основой для сопоставления языков.

3.1. Предложения тождества / идентификации. Предложения этого типа отражают семантическое тождество между субъектом и предикатом. Иначе говоря, начало и конец акта мышления тождественны. Здесь возможны 3 логико-семантические связи: от означающего к означаемому, от денотата к денотату и от сигнификата к сигнификату. По разнообразию проявления отношений тождества выделяется 4 их подгруппы.

3.1.1. Предложения тождества наименований. В этих предложениях отношения тождества установлены между двумя наименованиями одного предмета: (22) “書就是书”。(23) *Sputnik is Russian equivalent to the word “satellite”*. (24) *Флексия – это то же, что и окончание*.

3.1.2. Предложения тождества денотата. Тождественны разные признаки и свойства одного предмета: (25) *最先发明火药的是中国人*. (26) *The inventor of the theory of relativity is a scientist born in Germany*. (27) *Первым в мире космонавтом был гражданин Советского Союза*.

3.1.3. Предложения тождества сигнификата. Тождественны два разных определения одного предмета: (28) *水是氢氮化合物*. (29) *A straight line is the shortest distance between two points*. (30) *Working in these conditions is no easy job*. (31) *Багровый – это то же самое, что темно-красный*.

3.1.4. Предложения тождества именования. В данном случае тождественны название и денотат предмета: (32) *《雷雨》的作者是曹禺*. (33) *这是红军*. (34) *Her name is Nancy*. (35) *Основоположник метода социалистического реализма – Максим Горький*.

3.2. Бытийные предложения. Бытийные предложения выражают утверждение или отрицание существования в мире объектов, действий или явлений. Поскольку существуют как объекты, так и понятия, мысль может двигаться в двух направлениях: от денотата к денотату (обычно неопределённому) или от денотата к сигнификату. Бытийные предложения объединяют две подгруппы предложений.

3.2.1. Чисто бытийные предложения. Эта подгруппа включает в себя пространственные, временные и аналогично-пространственные

бытийные предложения. Ср.: (36) 房间里在开会. (37) 每天都有新闻. (38) 贝多芬的音乐里有着特殊的魅力. (39) *The glass has water in it.* (40) *There is going to be a meeting tonight.* (41) *There sprang from the audience a cry of indignation.* (42) *В этом парке есть дуб.* (43) *Была зима 1998 года.* (44) *Среди моих друзей есть спортсмены.* (45) *В звуке его голоса была таинственная сила.*

Отношения существования могут выражаться и в номинативном предложении, в составе которого имеется только одно имя существительное: (46) 春天, 公园的一角. (47) *Зима. Мороз.*

3.2.2. Предложения наличия. Субъектом отношений здесь обычно является человек. Данные отношения выражаются в трёх языках по-разному, что мы уже обсуждали в начале данной статьи. Предложения наличия главным образом выражают наличие собственных предметов, признаков внешности и взаимодействия человека с окружающей его средой и событиями. Ср.: (48) 吴英流着两条长辫. (49) 她穿着大衣. (50) 吴英有很多朋友. (51) 总经理有会. (52) *He was wearing an old skullcap.* (53) *They have no close relative living near them.* (54) *Now he has a job.* (55) *У него никогда нет денег.* (56) *У него курчавые волосы.* (57) *С ним обморок.* (58) *У деда был большой жизненный опыт.*

3.3. Предложения характеристики / предикации. Отношения характеристики воспринимаются как отношения предикации в узком смысле, поэтому называются чистой предикацией. В предложениях характеристики мысль движется однонаправленно, т.е. от денотата к сигнификату. В китайском и английском языках предложения характеристики выражаются только двусоставной конструкцией (подлежащее и сказуемое), а в русском языке могут выражаться и двусоставной, и односоставной конструкциями. Ср. (59) 我睡不着. – *I don't sleep well.* – *Я не могу заснуть / Мне не спится.*

Предложения характеристики, как и бытийные предложения, относятся к числу самых активных логико-семантических типов, так как по языковой логике требуется сначала утверждение существования объектов, событий и явлений, а потом их характеристика. Следовательно, появление бытийных предложений предшествует появлению предложений характеристики. Но в действительности в конкретной ситуации существование объекта обычно уже известно говорящему и адресату, так что коммуникация может обойтись без бытийных предложений. Если нужно, мы можем их восстановить, например: (60) 我儿子在读大学 – 我有儿子. 他(我儿子)在读大学

Предложения характеристики включают в себя 3 подгруппы.

3.3.1. Реляционные предложения. Реляционные предложения выражают отношения между субъектом и связанной с ним действительностью. Например, в предложении *Он читает книгу*

глагол *читает* обозначает отношения между субъектом (*он*) и объектом (*книга*). В выбранных нами трёх языках к реляционным предложениям относится множество предложений с переходными глаголами и глаголами движения: (61) *I met Sally*. (62) *The manager approached us full of apologies*. (63) *Он работает над статьей*. (64) *Они поехали на дачу*.

3.3.2. Предложения определительной характеристики. В данную подгруппу входят два подтипа предложений.

3.3.2.1. Предложения характеристики по признаку. Эти предложения главным образом характеризуют постоянные и устойчивые признаки, которые в трёх языках обычно выражаются структурой «подлежащее – сказуемое». Ср.: (65) *我弟弟是医生*. (66) *他很聪明*. (67) *孩子会走路了*. (68) *They are efficient and warm-hearted*. (69) *This is a poplar*. (70) *Он не дурак*. (71) *Дочка уже читает*.

3.3.2.2. Предложения характеристики по состоянию. Эти предложения сообщают о состоянии человека или среды, также чаще всего выраженном структурой «подлежащее – сказуемое». В роли сказуемого обычно выступают непереходные глаголы, прилагательные и соответствующие конструкции. В русском языке используются также краткая форма прилагательного и безличные предложения. Ср.: (72) *他病了*. (73) *经理在忙*. (74) *天黑了*. (75) *She is very worried*. (76) *He is in high spirits*. (77) *Он болен*. (78) *Девушка тяжело дышала и улыбалась*. (79) *Меня знобит*. (80) *Смеркается*.

3.3.3. Предложения обстоятельственной характеристики. Эти предложения характеризуют разнообразные логические ограничения по пространству, времени, количеству, причине, следствию, цели, условно и т.п. Ср.: (81) *书在桌子上*. (82) *会五点开*. (83) *人很多*. (84) *比赛因故取消了*. (85) *It takes John five minutes to go to work*. (86) *The book was left in his room*. (87) *It weighs almost a ton*. (88) *The old man was blind because of cataracts*. (89) *Церковь стоит на высоком холме*. (90) *Гроза была утром*. (91) *Их было пятеро*. (92) *Народу!* (93) *Вы можете прийти при желании*. (94) *Она вышла замуж вопреки воле родителей*. (95) *Он приехал с целью объяснения*. Строго говоря, предложения обстоятельственной характеристики (кроме характеристики по количеству) обычно превышают номинативный минимум, а иногда даже представляют собой сложные предложения.

3.4. Предложения именования. Функцией этих предложений является именование предметов или соотнесение предметов с их названиями, так что движение мысли направляется от денотата к означаемому: (96) *他叫王鹏*. (97) *This day is generally called August Festival*. (98) *Эта вершина называется Казбек*.

3.5. Предложения бытийности и тождества. Эти предложения представляют собой смешанный тип, имеющий комплексный характер, так как одновременно выражены бытийность и тождество: (99) 火车! (100) Fire! (101) Гроза! Последний тип, в отличие от четырех предыдущих, характеризуется яркой эмоциональностью и чаще используется в устной речи.

Итак, в данной работе мы провели только общее и предварительное сопоставление семантики предложений китайского, английского и русского языков, коснувшись только самых типичных предложений. Теоретически все конкретные предложения трёх языков могут быть распределены по выделенным типам, но это потребует большой и тщательной исследовательской работы. И, самое главное, необходимо создать такую типологию структурных схем предложения китайского и английского языков, какая уже имеется для русского языка. Только при таких условиях можно полностью реализовать цели ономаσιологического подхода к изучению семантики предложения.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Всёволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 502 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.

Крылова О.А., Максимов Л.Ю., Ширяев Е.Н. Современный русский язык. Теоретический курс. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 265 с.

Русская грамматика. АН СССР. Т. 1. – М.: Наука, 1980. – 783 с.

Русский язык. Энциклопедия. – М.: Изд-во Большая Российская Энциклопедия, 1997. – 704 с.

Современный русский язык. Под ред. В.А. Белошапковой. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 799 с.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – М.: Эдиториал УРСС, 2007. – 257 с.

(Bussmann H.) 语言与语言学词典. 北京: 外语教学与研究出版社, 2000.

(Ван Фэнсин) 王逢鑫. 英语意念语法[M]. 北京: 北京大学出版社, 1989.

(Ли Цинь) 李勤. 俄语语用学. 上海: 上海外语教育出版社, 1998.

(Ли Цинь) 李勤. 俄语语言研究的基本方法. (俄罗斯语言文化研究论文集第一辑). 上海: 上海外语教育出版社, 2002.

(Найда Ю.) 奈达. 翻译[M]. (谭载喜编译). 北京: 中国对外翻译出版公司, 1986.

О НЕКОТОРЫХ ТИПАХ БЕЗЛИЧНЫХ ПЕРЦЕПТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Под безличным предложением понимается обычно синтаксическая конструкция, главный член которой не допускает обозначения субъекта действия в именительном падеже и называет процесс или состояние независимо от активного деятеля. В качестве критерия выделения и описания безличных предложений предлагаются различные семантические концепции. Одни из них сосредоточены на свойствах субъекта, другие – на свойствах предиката.

В русской лингвистической литературе дается несколько классификаций безличных предложений в зависимости от способа выражения главного члена. Все они показывают многообразие морфологической и синтаксической организации безличных предложений, а также их семантическое разнообразие. В.Ю. Копров замечает, что «в традиционной классификации обозначение типа предложения зависит не столько от номинативной природы актанта (носителя признака), сколько от формы глагола (или связки) – личной, неопределенно-личной или безличной» [Копров 2010: 121].

Очень широкое определение безличности в русском языке предлагает Г.А. Золотова, по мнению которой «безличность – это значение произвольности действия или состояния, независимости его от воли субъекта, сигнализируемое особой формой глагола-сказуемого, стоящей особняком от глагольной парадигмы 1-2-3 лица, либо предикативным наречием (категорией состояния), либо устойчивыми оборотами со значением состояния – в сопряжении с соответствующими падежными формами имени субъекта, располагающими или не располагающими личной парадигмой соответственно принадлежности к личному или предметному классу субъектов» [Золотова 2001: 120]. По словам лингвистики, «так понимаемая безличность позволяет дифференцированно квалифицировать структурно разнородные модели, традиционно объединяемые под рубрикой «безличные» по общему признаку отсутствия (и невозможности) подлежащего [Там же: 121].

В польской лингвистической литературе безличные предложения носят название «*zдания bezpodmiotowe*» (бесподлежащие предложения) или «*konstrukcje nieosobowe, bezosobowe*» (неличные конструкции, безличные конструкции).

Во многих случаях польские и русские конструкции сходны, напр.: *Светает – Świta; В комнате темно – W pokoju jest ciemno*. Однако

наблюдаются также существенные различия. Иногда конструкции, которые в русской грамматике определяются как безличные, в польской относятся к личным, напр.: *Przyjemnie posiedzieć na werandzie po zachodzie słońca* – Приятно посидеть на веранде после заката солнца. Согласно мнению некоторых польских лингвистов [Klemensiewicz 1969: 36-37], в данном предложении *посидеть* (*posiedzieć*) – подлежащее, *приятно* (*przyjemnie*) – сказуемое.

Помимо прочего, в русском языке распространены некоторые типы безличных предложений, которые не встречаются в польском языке. К ним относятся: безличные отрицательные предложения, со сказуемым, выраженным глаголом *быть* (*нет* – в настоящем времени) и дополнением в форме родительного падежа: *У него нет собаки* – *On nie ma psa* (в польском языке *on* – подлежащее, *nie ma* – сказуемое); конструкции с возвратным глаголом с отрицанием в функции сказуемого и дополнением в дательном падеже: *Татьяне не спится* – *Tatiana nie może zasnąć*; безличные предложения с глаголом в форме третьего лица (в прошедшем времени – в форме среднего рода) и двумя дополнениями: *Ветром сорвало крышу* – *Wiatr zerwał dach* [Lachur 1998: 220]. Следует также отметить, что польские бесподлежащие предложения (*zdania bezpodmiotowe*) понимаются значительно шире, чем в грамматике русского языка. Они охватывают различные типы русских односоставных (по традиционной грамматике) предложений, т.е. неопределенно-личные, обобщенно-личные, инфинитивные и безличные.

В настоящей статье предметом анализа будут некоторые типы **перцептивных** безличных предложений. Напомним, что по мнению А.В. Бондарко, перцептивными можно назвать «высказывания, содержание которых характеризуется признаком перцептивности, выраженным теми или иными языковыми средствами и являющимся одним из элементов передаваемого речевого смысла» [Бондарко 2003: 13-14]. Типичная семантика таких предложений охватывает выражение восприятия человеком чего-то (кого-то) при помощи органов чувств.

Наши размышления над этой проблемой начнем с описания предложений, которые уже давно привлекают внимание лингвистов. Речь идет о предложениях типа «**локализатор** (**локативная синтаксема**) + **пахнуть** (**вонять**) + **чем-то**»: *В городе воняло кислым вином, инансом, потом и мочой* (*W mieście cuchnęło kwaśnym winem, wódką, potem i uryną*).

Польские языковеды определяют данный тип предложений по-разному. Б. Бонецка трактует такие предложения как бесподлежащие (подлежащее отсутствует в тех случаях, когда речь идет о явлениях коллективного восприятия). По ее мнению, «опознавательным

признаком отсутствия субъекта является форма сказуемого – 3 лицо единственного числа среднего рода настоящего или прошедшего времени [Boniecka 1998: 28]. А. Нагурко, в свою очередь, упоминает лишь о «фактической блокаде подлежащего в случае таких предложений, в которых в семантической структуре определенных глаголов есть место для подлежащего (агенса)» [Nagórko 1986: 183]. Р. Гжегорчикова и О. Волиньска причисляют такие предложения к «неноминативным схемам» [Wolińska 1978: 28; Grzegorzczukowa 1996: 61-62]. Применяемые здесь термины «бесподлежащий», «неноминативная схема» обозначают, по существу, не столько отсутствие субъекта в описываемой ситуации, сколько некодирование субъекта в структуре данных предложений (это в принципе сходно с общей дефиницией восприятия, которое всегда кому-то приписывается).

Больше внимания уделяют данному типу предложений Д. Вечорек и М. Гиро-Вебер. Д. Вечорек отмечает, что по данным как польского, так и русского языков локативная синтаксема может быть носителем предикативного признака, выраженного глаголами запаха и веяния. «Предицируемая локативная синтаксема со значением пространства и предицирующий глагол образуют минимальную структуру модели, имеющей инвариантное значение «признак, приписываемый определенному пространству» [Wieczorek 1982: 210]. По мнению лингвиста, локативная синтаксема в предложениях данного типа представляет собой семантический субъект.

Конструкции типа *В комнате пахнет лавандой* в большинстве работ, посвященных проблеме безличности, оставляются авторами в стороне. Следует сразу отметить, что денотативная ситуация, называемая безличным предложением, не соответствует денотативной ситуации, которую описывает личное предложение *Здесь пахнет лаванда*. В действительности лавандой могут пахнуть разные предметы (*подушка, волосы* и т.п.). М. Гиро-Вебер убедительно доказала, что предложение *В комнате пахнет яблоками* характеризует пространство, а не предмет, в отличие от предложения *Яблоко пахнет* [Guiraud-Weber 1980].

На специфику предложений с предикатом *пахнуть* указывает также П. Адамец, обращая внимание на то, что возможна такая трансформация данных предложений, при которой «подлежащим активного предложения становится обозначение места» [Адамец 1978: 70]. Эту мысль развивает Г.П. Дручинина, отмечая, что «семантика этой модели как бы соединяет в себе типовые значения «локативный субъект и его характеристика по наличию предметов» и «локативный субъект и его состояние» [Дручинина 2002: 170].

Похожий тип предложений обсуждался также О. Волиньской. Анализируя конструкции типа: *Pachnie czeremchą* (Пахнет черемухой) и *Czeremcha pachnie* (Черемуха пахнет), исследовательница замечает, что «в плане текста различие между этими выражениями может заключаться прежде всего в разной функциональной перспективе, так как оба выражения обозначают семантически локализующийся компонент» [Wolińska 1978: 29]. По нашему мнению, проблема здесь значительно шире. Как нам кажется, решающую роль при интерпретации данной семантической структуры играет логическое ударение. Предложение *Czeremcha pachnie* отличается от предложения *Czeremcha pachnie*: последнее может толковаться как генерическое предложение, сообщаящее о признаках черемухи как вида небольших деревьев, в репродуктивном же регистре – как экзистенциальное предложение (в смысле присутствия не предмета, а запаха) или как объект восприятия.

В обсуждаемых нами предложениях с глаголами *пахнуть* и *вонять* наблюдатель не выражен эксплицитно. Однако уже само словарное толкование данных глаголов содержит указание на какой-то воспринимающий субъект. Воспринимающий субъект (наблюдатель, перцептор) проявляется в данном типе предложений как регистратор происходящего (воспринимаемого). Без его участия данные явления остались бы незафиксированными. Похожее мнение высказывает Г.А. Золотова, которая утверждает, что «если предложение сообщает о восприятии, существует субъект этого восприятия, и язык находит различные способы указания на него» [Золотова 2001: 218].

Интересным материалом для анализа являются также безличные предикаты в предложениях, отображающих **ситуацию восприятия зрительных и слуховых ощущений**. Это глаголы *видно*, *слышно*, *заметно*, *приметно*, а в польском языке *widac*, *słychać*, *czuć* (*czuć* выступает чаще всего в предложениях обонятельного восприятия). Интерпретация польских глаголов, составляющих эту небольшую группу, является очень интересной. Многие лингвисты указывают на неглагольный характер этих формальных инфинитивов: чаще всего их относят к так называемым «несобственно глаголам», т.е. к таким предикативам, как *trzeba*, *szkoda*, *brak* и т.п.

Польские исследователи утверждают, что данные глаголы, несмотря на формальное сходство с инфинитивами, являются, по сути дела, формой настоящего времени. В качестве доказательства такого характера данных форм указывается на допустимость связки, характерной для предикативного наречия: (*jest*) *widac*, *było widac*, *będzie widac*, напр.: *Z okna długiego pokoju widac dom Marty*. Из окна длинной комнаты *виден* дом Марты. *Widac* (*виден*) указывает здесь на значительное расстояние между воспринимающим субъектом

(воспринимающими субъектами) и объектом наблюдения. При этом точно указывается наблюдательный пункт (*окно*). Отсутствие связки (как в вышеприведенном примере) может свидетельствовать о том, что данное положение дел обозначает настоящее время и имеет место на глазах у воспринимающего субъекта. Таким образом создается эффект непосредственного наблюдения.

Как нам кажется, фазисные и модальные модификации являются убедительным доказательством такого характера обсуждаемых форм, т.е. напр. для предложения *Wiosną słysząc było śpiew ptaków* (Весной было слышно пение птиц) – *Przestało być słysząc / Zaczęło być słysząc / Nie powinno być słysząc* и т.д.

Согласно Р. Гжегорчиковой, *widzieć* является модально неоднозначной формой. Ученая считает, что в соединении с показателем времени *było, będzie*, эта форма теряет возможностную модальность и приобретает фактивность [Grzegorzczukowa 1990: 564-571]. По нашему мнению, однако, данный тезис не убедителен, о чем свидетельствуют предложения типа: *Jeśli tam zbudują hipermarket, to nie będzie widzieć lasu* (Если там построят гипермаркет, то не будет видно леса), в которых этой фактивности нет.

Предикативы *widzieć, słysząc, czuć* в предложениях данного типа, с нашей точки зрения, всегда указывают на какой-то воспринимающий субъект, который, однако, не выражен в поверхностной структуре предложения. При формальном отсутствии подлежащего воспринимающий субъект является единственным способом регистрации происходящего в пределах его перцептивного пространства (т.е. пространства, детерминируемого возможностями его органов чувств). Данные глаголы выполняют функцию самостоятельного сказуемого в бесподлежащих предложениях и коннотируют дополнение в винительном падеже (в отрицательных предложениях – в родительном падеже). Без обязательного именного распространителя лексико-семантическое содержание безличных предложений с этими формами не реализуется. Подчеркивается также, что в случае перечисленных глаголов упор ставится на объект (источник) восприятия, а не на воспринимающий субъект. В связи с этим исследуемые глаголы семантически похожи на неличные формы перцептивных глаголов типа: *czuje się, widzi się, słyszy się*. Р. Гжесяк трактует конструкции с этими формами как «аналитические безличные формы» глаголов *widzieć, słyszeć i czuć* [Grzesiak 1983: 24].

Предикативы *видно, слышно* в русском языке открывают позицию для субъекта в дательном падеже (*dativus subiecti*). В польском языке нет такой возможности, т.е. предложения типа **Widzieć nam* считаются неправильными.

Безличные предложения, которые образуются при помощи анализируемых выше форм, способны выступать также как главная часть сложноподчиненного предложения с придаточной изъяснительной частью. В польской лингвистической терминологии они функционируют под названием «вводящих предикатов» (*predykaty wprowadzające*) [Wolińska 1978: 49-59]. При помощи этих предикатов можно образовать многие структурные варианты, напр.: *Widać było, że Piotr się boi* (Видно было, что Петр боится); *Słychać było, jak śpiewają słowiki* (Слышно было, как поют соловьи).

Данная статья не претендует, конечно, на исчерпывающее описание обсуждаемых здесь вопросов. Следует однако отметить, что многие из них тщательно разработаны в лингвистической литературе. Специфика перцептивности в безличных предложениях всесторонне обсуждается, например, в монографии М. Лучик [Łuczyk 2008: 68-246]. Автор отмечает, что «варьирование субъектно-предикатно-объектных отношений в безличных предложениях является следствием различного понимания отображаемых языковыми средствами отличающихся смысловой многоплановостью денотативных ситуаций» [Там же: 273]. См. об этом также [Копров 2010: 121-131].

Все это свидетельствует о том, что, несмотря на богатую литературу, данная проблематика остается не изученной до конца, а спорных вопросов становится все больше. Многие из них выявляются именно при сопоставительных исследованиях языков.

Адамец П. Образование предложений из пропозиций в современном русском языке. – Прага, 1978.

Бондарко А.В. Функциональная грамматика: проблемы системности // Русский язык в научном освещении. – 2003. – № 1(5).

Дручинина Г.П. Предложения с локативным субъектом // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. – М., 2002.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 2001.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж, 2010.

Boniecka B. Składnia współczesnego języka polskiego. – Lublin, 1998.

Guiraud-Weber M. О синтаксической природе конструкций типа «В комнате пахнет яблоками» // Russian Linguistics. – 1980. – № 4.

Grzegorzczukowa R. Geneza i współczesne funkcje konstrukcje z bezokolicznikami: „czuć”, „słychać”, „widać”, „znać”, „stać” // Poradnik Językowy. – 1990. – № 8.

Grzegorzczukowa R. Wykłady z polskiej składni. – Warszawa, 1996.

Grzesiak R. Semantyka i składnia czasowników percepcji zmysłowej. – Wrocław, 1983.

- Klemensiewicz Z. Zarys składni polskiej. Wyd. 6. – Warszawa, 1969.
- Lachur Cz. Współczesny język rosyjski. System gramatyczny (z ćwiczeniami). – Opole, 1998.
- Luczyk M. Функционально-семантическое поле интраперцептивности в русском языке на фоне польского языкового сознания. – Zielona Góra, 2008.
- Nagórko A. Zarys gramatyki polskiej. – Warszawa, 1986.
- Wolińska O. Konstrukcje bezmianownikowe we współczesnej polszczyźnie. – Katowice, 1978.

В.Т. Марков

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ТИПЫ УЧЕБНЫХ ТЕКСТОВ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ И ИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО (на примере текстов гуманитарного профиля)

Лингвистические аспекты преподавания русского языка как иностранного традиционно находятся в центре внимания ученых и методистов, которые рассматривают вопросы оптимизации профессионально-ориентированного обучения. В последнее время появилось множество исследований, в которых обсуждаются вопросы специфики научной речи, построения научного текста, принципы отбора и презентации учебного материала. Однако проблема представления учебных текстов по специальности остается актуальной в связи со следующими трудностями: большим объемом и разнообразным содержанием учебных текстов по специальным дисциплинам; трудностью минимизации предметного компонента содержания курса русского языка (выделения содержательного инварианта этих текстов); неясностью принципов отбора текстов и выбора из них языковых единиц, необходимых для формирования коммуникативной компетенции определенного уровня; недостаточной связью формируемых видов речевой деятельности с классификацией текстов.

Основные положения лингвистики текста, актуальные для лингводидактического описания текста, можно представить в виде следующих тезисов:

- 1) текст (как процесс) обеспечивается изначальной установкой на создание некоего целого образования, которое, по мнению его создателя, завершено относительно исходного авторского замысла;
- 2) текст (как продукт) материально воплощает инициальную установку на создание завершенного целого;

3) текст представляет собой системно-структурное образование, обладающее упорядоченной организацией, связностью, обеспечивающей его адекватную передачу / восприятие;

4) связность текста обеспечивается опорой на типизированные средства и способы выражения (средства связи) [Гальперин 1981: 7; Лосева 1980];

5) текст является особой, но не единственной формой выражения смыслового содержания (развернутость собственно языковой формы), т.е. того, что сообщается адресату [Дымарский 2000].

Все многообразие подходов к составлению типологии текста, если иметь в виду профессиональные задачи обучения русскому языку и сознательно сузить широкий спектр литературы по данному вопросу, можно представить тремя основными подходами: синтаксическим, текстовым и стилистическим [Ильенко 1989]. Можно сказать, что каждый из подходов уделял большее внимание одному из признаков текстового синтаксиса: а) особой функциональной предназначенности единиц, заключающейся в выражении смысла; б) принципам структурно-композиционной организации строевой единицы текста – принципам воспроизведения матричной природы этой единицы, по терминологии М.Я. Дымарского [Дымарский 2000].

Первый подход связан с выделением единиц более высокого уровня, чем предложение. Этот подход нередко связывают с метафорой «снизу вверх», подчеркивая тем самым, что сложное синтаксическое целое воспринималось по традиции уровневой грамматики как единица, «надстроенная» над предложением. Структурным инвариантом сложного синтаксического целого являются способы организации, образуемые по горизонтали коммуникативно-синтаксическими позициями тем и рем высказываний. Общеизвестны, например, такие устоявшиеся способы организации тема-рематической перспективы, как простая линейная тема-рематическая прогрессия, тема-рематическое расщепление, сквозная тема [Danes 1974].

Собственно текстовый подход определяется ориентацией на понятие «текст» в узком или в широком значении, будь то группа предложений, соответствующая сложному синтаксическому целому, или целая монография. Он связан с рассмотрением текста как объекта изучения смежных наук (лингвистики, психологии, социолингвистики, лингводидактики), а также с признанием текста многомерным явлением, обладающим собственной смысловой структурой [Жинкин 1956]. При этом смысловая структура представлена:

логическими блоками как отражением движения мысли – суждения [Доблаев 1982];

информативно-целевыми блоками, соответствующими задаче передать / воспринять сообщение [Дридзе 1976];

логико-смысловыми блоками, организующими текст по вертикали, и коммуникативной целостностью, проявляющейся в тематической организации по горизонтали [Москальская 1981].

Наконец, стилистический подход связан со своим собственным объектом изучения – функционально-смысловым типом речи. Описание композиционно-стилистического устройства текста, состоящего из смысловых блоков, составляющих смысловую структуру текста, в терминах способов изложения (описания, повествования, рассуждения и т.д.) было начато в 60-70-е годы. В методическом плане такая типология текстов должна была решить проблему отбора текстов по специальности. И действительно, типология текстов по способу изложения позволяла представить языковой материал достаточно полно, так как данные типы текстов встречались практически во всех типах естественных текстов. Вместе с тем оказалось, что способы изложения не дают полного представления об учебном тексте по специальности, так как они характеризуют сверхфразовые единства, образующие микротексты. На уровне же более сложной смысловой иерархии, чем микротекст, логико-смысловая структура отличается большей сложностью, ее невозможно описать с помощью способов изложения.

Осознание текста как единства коммуникативно-смыслового, проявляющегося в регулярности тема-рематического развертывания текста по горизонтали, и логико-смыслового, устанавливающего отношения между высказываниями в тексте по вертикали, привели к описанию текста с позиции коммуникативных типов речи (регистров). Коммуникативные регистры речи проявляются не только на уровне текста, но и на уровне более низком: группы предложений и даже отдельных предложений. Представляется, что данный подход не нашел применения в практике обучения языку специальности, так как сами коммуникативные регистры в тексте обнаружить легко, но описать учебный текст как комбинацию регистров пока невозможно. Поэтому в процессе систематизации текстового материала лингвисты и методисты начали искать иные критерии.

В области методики преподавания иностранных языков вопрос о строении и составе текста осмыслился в связи с вопросом выбора минимальной единицы обучения, особенно при обучении общению в профессиональной сфере.

Для отбора коммуникативного минимума необходимо учитывать специфику текста по конкретной дисциплине: его предметное и коммуникативное содержание, которые проявляются в языковом своеобразии текста. Предметное содержание передает совокупность

фактов и явлений, оно специфично для каждой конкретной науки. Коммуникативное же содержание – это сумма коммуникативных намерений, оно универсально для дисциплин определенного профиля. Лингвистическое содержание представляют собой специфические и универсальные языковые средства. Коммуникативный минимум – это совокупность текстов, достаточно представительно отражающих его лингвистическое и экстралингвистическое содержание, эксплицирующая коммуникативный замысел автора. Единица текста при таком подходе представляет собой реализацию речевой интенции или функционально-коммуникативный блок – структурную единицу, соответствующую совокупности функций, составляющих его коммуникативное содержание [Пиротти 1985]. Речевая интенция – это семантико-прагматический компонент единицы коммуникации, преобразующий ее пропозициональное (предметное) содержание в коммуникативный смысл высказывания в зависимости от психологического состояния говорящего [Леонтьев 1969; Воскерчян 1988].

Представляется, однако, что рассмотренному критерию недостает интегративности при описании трех сторон текста (предметной, коммуникативной и структурно-композиционной). С точки зрения решения коммуникативных задач тексты по специальности являются однородными. Нетрудно заметить, что, реализуя вербальными средствами в тексте коммуникативные задачи, говорящий решает более широкие смыслоречевые задачи применительно ко всему тексту в целом. Так, для специального текста доминирующей смыслоречевой задачей является сообщение информации, составляющей предметное содержание изучаемой дисциплины.

При обучении общению в профессиональной сфере особенно необходим критерий, который мог бы соотнести предметное и коммуникативное содержание текста. Таким критерием является тематический критерий. В лингвистической литературе понятие темы текста и ее роли как критерия построения типологии не получили однозначной оценки. Некоторые ученые, сторонники порождающей семантики, считают, что глубинная структура текста выявляется в соотношении логического предиката с аргументами, такими как сюжет, участники, фоновые знания и название, под которым понимается тема текста [Hendricks 1973: 58]. Таким образом, тема не является основным фактором, обуславливающим порождение текста в той или иной форме.

Тематический критерий привлек внимание лингвистов и методистов в связи с необходимостью решать практические задачи преподавания. Понятие темы в лингводидактике до сих пор нельзя считать общепринятым. Под темой учебного текста часто понимаются явления разноплановые, данному понятию сообщается разный объем.

Наиболее общему пониманию темы как явления экстралингвистического соответствует понимание темы, предложенное В.Л. Скалкиным: «Тема – это предмет изложения, изображения, исследования, обсуждения, или, на более высоком уровне, обобщения, коммуникативно-смысловая нить любого произведения – научного, художественного, документального, – выраженного словесно или с помощью какой-либо символики (например, визуальной)» [Скалкин 1983: 53]. Определяя тему как явление экстралингвистическое, автор тем не менее не показал роль темы в денотативной структуре текста, ее связь с выражением в тексте явлений, объектов, процессов, как это делается во многих лингвистических и методических исследованиях.

К. Гюнтер, рассматривая связь человека с элементами объективного мира как форму целенаправленного общения человека с окружающей средой, писал: «При изучении иностранных языков большая или меньшая методическая связь определенных сфер, плоскостей или слоев действительности вытекает из широты, частотности, интенсивности и т.д., с помощью которых выпускник общеобразовательной школы (или продолжающего учебного заведения), знающий иностранный язык, может справиться с неязыковыми факторами на этом языке» [Гюнтер 1969: 72]. В связи с этим автор так определяет понятие темы: «Тема представляет собой определенное множество (неязыковых) обстоятельств, которые принадлежат к одной определенной сфере объективной реальности» [Там же]. Для нас важным является положение о связи темы и определенной сферы человеческого бытия: тема проявляется в определенной сфере человеческой деятельности, формируя ее предметный план.

Итак, большинство исследователей подчеркивает экстралингвистический характер данного явления: тема понимается как объект рассмотрения, изучения. Именно на этот внешний план темы, отраженный в названии текста, часто ориентируются при составлении учебного курса специальных дисциплин.

Такой подход, как нам видится, хотя и возможен, но не является методически оправданным. Количество объектов, отраженных в названиях текстов, практически необозримо. Однако невозможно представить себе объект мысли, который не зафиксирован посредством языка, т.е. сам объект, какие-либо содержательные стороны, становятся объектом информации, объектом коммуникативной деятельности людей. Поэтому содержательную, смысловую структуру текста определяет не объект, а в большей степени внутренний план – аспект рассмотрения объекта, дающий исчерпывающее представление о нем. Поэтому в процессе классификации учебных текстов в зависимости от

конкретных целей обучения лингвисты и методисты берут за основу три критерия: 1) объект, отраженный в названии текста (классы объектов изучения) [Золотова 1982]; 2) аспекты рассмотрения объектов (на основании этого критерия Д.И. Изаренков предложил метатемный подход к описанию текста [Изаренков 1995: 91]; 3) последовательное использование того или иного основания.

Последний критерий не получил в настоящее время широкого распространения. Тексты гуманитарного профиля (исторических, социологических и философских дисциплин) более однородны по своему содержанию. Поэтому метатемный критерий дополняется нами вторым критерием – объектным, который показывает тождество текстов не только на глобальном логико-смысловом уровне, но и на уровне объекта описания, зафиксированном в названии конкретного текста. Данный подход представляется нам более методически целесообразным, так как дает наиболее адекватные результаты при формировании коммуникативной компетенции на материале близких дисциплин одного профиля, например философских и социологических.

Выбор метатемного подхода продиктован следующими соображениями:

1. Аспекты рассмотрения разных объектов легко исчислимы. В отличие от бесконечного разнообразия объектов, аспекты рассмотрения исчисляются несколькими десятками единиц, а в конкретной дисциплине и даже в дисциплинах одного профиля их количество может быть еще меньше. Применительно к рассматриваемому нами профилю текстовой материал может быть представлен 14 метатемами, семантическое поле которых составляет содержательную сторону исторических, философских и социологических дисциплин:

- 1) общая характеристика объекта (все дисциплины);
- 2) понятие об объекте; сущностные характеристики объекта (философские, социологические дисциплины);
- 3) общая характеристика процесса (исторические дисциплины);
- 4) возникновение объекта (философские, социологические дисциплины);
- 5) создание нового объекта как результат видоизменения объекта и перехода объекта из одного состояния в другое (исторические дисциплины);
- 6) кризис и распад объекта (исторические, социологические дисциплины);
- 7) способы и приемы осуществления деятельности над объектом (исторические дисциплины);

8) состав и структура объекта (философские, социологические дисциплины);

9) объект как часть другого объекта (философские, социологические дисциплины);

10) классификация объектов (социологические дисциплины);

11) методы исследования объекта (философские, социологические дисциплины);

12) связи, отношения зависимости отдельных составляющих объектов (законы данной структуры) (философские дисциплины);

13) функции и назначение объекта (философские дисциплины);

14) утрата объектом своего назначения, функций (социологические дисциплины).

2. Отбор материала на основании метатемного подхода дает возможность с большей полнотой представить учебный материал специальных дисциплин по каждому профилю, чем при опоре на объективные компоненты. В рамках каждой из специальных дисциплин того или иного профиля обучения учебный материал представляют не все метатемы, а лишь какая-то их часть. При этом закономерностью для дисциплин одного профиля является то, что их основное содержание является представленным одним и тем же составом метатем – инвариантом той предметной информации, которая определяет содержание данных дисциплин.

3. Выбранный нами подход опирается на авторитетные теоретические положения в области лингвистики текста. При этом текст представляет собой «объект функциональной грамматики, которая рассматривает систему языковых средств на основе семантического принципа их группировки» [Бондарко 1985: 316], структура текста «регулируется его смыслом, грамматическая же организация должна подчиняться законам его мыслительной организации» [Кривоносов 1986: 34].

Если рассматривать текст с указанных позиций, то очевидно, что понятие метатемы позволяет системно представить учебный материал с точки зрения частотности текстов, раскрывающих конкретные метатемы, их общей функциональной целеустановки и представления их семантического поля. Семантическое поле, объединяющее конкретные тексты разных дисциплин одного профиля в границах отдельных метатем на уровне макро- и микроструктурных образований, формирует логико-семантическую структуру отдельных типов текста – их инвариантную структуру и вариативные разновидности. Единая логико-смысловая структура, раскрывающая каждую метатему, находит отражение в формально-грамматической устроенности текстов.

Типовое содержание текста может быть передано на уровне основной синтаксической модели или ее вариативной разновидности, а это находит отражение в тождестве предикативных компонентов (глагольных лексем, выступающих в роли предикатов высказываний или их вариантов). Следовательно, инвариантной структурой для макротекстов является не только логико-смысловая структура, но и типовая семантика предложений, лексическое ядро, формирующее предикативный центр высказываний.

Бондарко А.В. К теории функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. – М., 1985.

Воскерчян О.М. Проблема обучения студентов-иностранцев монологу на научную тему: дис. ... канд. пед. наук. – М., 1988.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981.

Гюнтер К. К проблематике ситуативного минимума // РЯЗР. – М., 1969. – № 2.

Доблаев Л.П. Смысловая структура учебного текста и проблема ее понимания. – М., 1982.

Дридзе Т.М. Текст как объект смыслового восприятия // Смысловое восприятие речевого сообщения. – М.: Наука, 1976.

Дымарский М.Я. Дейктический модус текста и единицы текстообразования (на материале русского языка) // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса. – СПб., 2000.

Жинкин Н.И. Развитие письменной речи учащихся III-VII классов // Известия АПН РСФСР. Вып. 78. – М., 1956.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 1982.

Изаренков Д.И. Лингвометодическая интерпретация учебного текста // РЯЗР. – М., 1995. – № 3.

Ильенко С.Г. Синтаксические единицы в тексте. – Л., 1989.

Кривоносов А.Т. Лингвистика и исследование взаимоотношений языка и мышления // Вопросы языкознания. – М., 1986. – № 6. – С. 34.

Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М., 1969.

Москальская О.И. Грамматика текста. – М., 1981.

Пиротти Н.В. Отбор коммуникативного минимума для чтения по специальности (I курс, естественнонаучный профиль): дис. ... канд. пед. наук. – М., 1985.

Скалкин В.Л. Ситуация, тема и текст в лингвометодическом аспекте (организация материала для устных упражнений) // РЯЗР. – М., 1983. – № 3.

Danes S. Functional sentence perspective and the organization of the text. – Papers on functional sentence perspective. – Praha, 1974.

Hendricks O. W. Essays on Semiolinguistics and Verbal Art. – The Hague, 1973.

СФЕРА АСПЕКТУАЛЬНОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКИХ ДВУСОСТАВНЫХ ПРИЗНАКОВЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

На современном этапе развития русской и французской лингвистики изучение аспектуальности, несомненно, является одним из перспективных направлений. Несмотря на существенные достижения аспектологии, категория вида все ещё не имеет общепринятой трактовки, а такие вопросы, как семантико-функциональная и формальная характеристики категории вида, проблема отношений категорий вида и времени, продолжают оставаться спорными.

Понятие аспектуальности, разработанное и описанное в русской грамматике А.В. Бондарко, определяется как функционально-семантическое поле, конституируемое взаимодействующими языковыми средствами, объединенными общностью семантических функций, принадлежащих к области аспектуальных отношений, то есть отношений, содержание которых заключается в передаче характера протекания и распределения действия во времени [Бондарко 2001: 76]. Грамматическое ядро аспектуальности составляет глагольный вид, который рассматривается в русской лингвистике как грамматическая категория, в основе которой лежит оппозиция форм совершенного и несовершенного видов. Вид определяется также в качестве квалификатора бытия по совокупности признаков целостности действия и достигнутого предела (границы). Совершенный вид указывает на границу бытия, представляя его в целостном виде, а несовершенный вид несет нулевую информацию о бытии [Ломов 1977: 5]. Вид, функционирующий в аспектуальном контексте, вместе со способами действия составляет сферу аспектуальности. В аспектуальный контекст входят лексические, конструктивно-синтаксические и интонационные средства, при помощи которых задаются такие признаки действия, как его повторяемость, процессность, перфектность и т.д. Акциональные значения глаголов традиционно называемые «способами действия», могут быть формально выраженными или не выраженными.

Вопрос о существовании категории вида во французском языке начал изучаться в начале 20-го века немецкими лингвистами после их ознакомления с глагольной системой славянских языков. Несмотря на то, что в последнее время французская аспектология успешно развивается, проблема квалификации категории вида остаётся нерешенной до сих пор в связи с тем, что категории вида, времени и наклонения здесь очень тесно связаны между собой.

Из множества точек зрения о соотношении данных категорий выделяются три основных подхода. В соответствии с первым, представленным в трудах Г. Гийома, наклонение, время и вид объединяются в одну общую сверхкатегорию. Существует «внешнее время», соотносящее действие с моментом речи (временные планы прошедшего, настоящего, будущего), и «внутреннее время», представляющее длительность самого действия, которое определяется в концепции Г. Гийома как вид [Guillaume 1984: 15-27]. При втором подходе мнения лингвистов о категориях времени, вида и наклонения существенно расходятся. Так, одни учёные полагают, что с помощью категории времени в зависимости от контекста могут выражаться и видовые значения [Damourette, Pichon 1969: 468], другие лингвисты утверждают, что видовые и временные значения равноправны в глагольных формах и образуют единую видовременную сверхкатегорию [Imbs 1968: 15]. Третья точка зрения – признание существования во французском языке трех отдельных категорий – представлена в работах Ж. Дюбуа, Л. Госселена, К. Бейлона и П. Фабра.

В понятие категории вида во французском языке часто включаются различные видовые значения, которые реализуются в предложении в результате взаимодействия семантики глагола, значений временных форм и наречий. В общем, как отмечает В.Г. Гак, во французском языке видовые значения могут выражаться несколькими способами: лексически – противопоставлением предельных и непредельных глаголов; определенными синтаксическими конструкциями, такими как *se mettre à faire qch*, *être en train de faire qch* или средствами словообразования (аффиксами, например: *relire*, *sautiller*); противопоставлением форм глаголов, которое во французском языке представлено либо оппозицией форм *Imparfait* / *Passé Simple*, либо в противопоставлении простых и сложных, линейных и точечных форм времени [Гак 2004: 330-331].

Одним из самых больших достижений современной аспектологии стало разграничение понятий грамматического вида и способов действия («aspect» и «modes d'action»). Грамматическая категория вида выделяется на основании противопоставления морфологических форм, а способы действия представлены лексическими и лексико-грамматическими средствами и выражают качественно-количественные и результативные характеристики процесса [Гак 2004: 337; Реферовская, Васильева 1973: 212; Пицкова 1982: 26; Мироненко 2009: 3]. Во французской грамматике самыми частотными средствами выражения способов действия являются: перифразы, выражающие начало действия, действие в своем развитии, в процессе (*se mettre à*, *rester à*, *commencer à*; *être en train de* + infinitif, *aller* + participe présent,

finir de, venir de, cesser de, achever de + infinitive); перифразы с модальными глаголами (*devoir* + infinitif), обозначающие действие «в перспективе», которое еще не началось; префиксы (*re-, s'entre-*), выражающие повторяемость действия.

Мы исследуем реализацию категории аспектуальности на материале французских предложений типа *Elle est belle* (Она красивая). В Воронежской синтаксической школе данные конструкции рассматриваются как двусоставные, в рамках которых предмет-подлежащее выделяется из ряда ему подобных самим фактом указания на его те или иные коммуникативно-значимые признаки [Ломов 1994: 142], или как одноактантные адъективные предложения, в которых грамматически определенный субъект является носителем качественного признака, выраженного прилагательным, а значения категорий предикативного аспекта устройства предложения (темпоральности, аспектуальности, модальности, персональности) реализуются связочным глаголом [Копров 2010: 83].

В предложениях изучаемого типа представлены различные аспектуальные средства, но наблюдается и ряд ограничений.

Во-первых, выделяются основные видовые оппозиции: по линиям перфектности / имперфектности и завершенности / незавершенности.

Перфектность / имперфектность выражается линейными (длительными, неограниченными) и точечными (ограниченными) временами. Перфектность передается точечными временами, показывающими ограниченность временных рамок действия: *Puis l'été a été dur, avec beaucoup de flou sur la réforme des retraites et un certain creux conjoncturel* (Les Echos); *La cohue devint si fiévreuse, si désireuse, qu'elle comburait la matière!* (L.-F. Céline). Имперфектное значение выражается при помощи линейных времен, не имеющих временных пределов действия: *Les chants d'oiseaux étaient toujours audibles* (J.-Ch. Rufin); *Pour Bradn Georges semble incontournable.* (Elle Hebdomadaire).

Значение завершенности / незавершенности передается через оппозицию простых и сложных времен. Простые времена показывают действие в его развертывании: *L'endroit était tellement agréable que les taureaux s'y étaient adaptés sans problème* (Le Canard enchaîné); *Même sans son concours, la victoire fut bientôt totale* (R. Queneau). Сложные времена указывают на состояние, последовавшее за окончанием действия, выражают завершенность и предшествование: *Mélissa Mars – sous le costume, elle est Aloysia Weber, le premier amour de Mozart – évoque pour sa part «la visualisation du succès: à Lille, les choses sont devenues concrètes* (Direct Lille).

Как видно из примеров, значение завершенности оказывается доминантным в Passé Composé и Plus-que-parfait: *Son mari non-voyant était*

sorti indemne des lieux grâce à l'intervention des secours au cours de laquelle cinq sapeurs-pompiers ont été légèrement intoxiqués (Le Parisien). В данном предложении употребление Plus-que-parfait акцентирует предшествование.

Во-вторых, с учётом характеристик аспектуального контекста необходимо отметить, что в предложении бытийные глаголы имеют единичное (разовое) и кратное (цикличное) значение. Кратное значение выражается в основном глаголами *être, paraître, devenir*, которые сопровождаются наречиями *toujours, jamais, souvent*. Наречия не только усиливают идею цикличности, повторяемости бытия признака, но и конкретизируют степень его периодичности: ***Plus qu'ils étaient devenus bouseux, hermétiques, capitonnés par la merde, plus qu'ils étaient heureux, contents...*** (L.-F. Céline); *Sisoës n'omettait jamais de noter tout ce qui lui paraissait anormal, incompréhensible, suspic.* (J.- Ch. Rufin).

Единичное (разовое) бытие признака реализуется как «нулевое», экспликативное и результиативное. «Нулевое» бытие признака выражается в самом общем виде и представляет просто факт бытия признака: *Ce sectarisme idiot, cet intégrisme essentiellement bachique, a produit une consternante littérature dans laquelle l'eau est moquée et méprisée* (B. Pivot). Экспликативное бытие признака разворачивается во времени, то есть существует в определенный фиксированный момент времени. Оно имеет подтипы: конкретно-процессное (действие предстаёт как процесс), констатирующее (действие представлено в виде отношения, в которое включён субъект), квалификативное (действие – важное свойство субъекта, присущее ему в данный момент времени).

В предложениях интересующего нас типа реализуются квалификативное бытие признака: *L'histoire de cette bande de potes n'est pas sans évoquer «Les petits mouchoirs», de Guillaume Canet, qui paraît presque sobre en regard!* (Le Canard enchaîné); *Tu ne la regardais pas, parce que le matin rien n'était beau, et que le soir, il n'y avait rien d'autre que le serpent de métal des voitures qui frôlait ton visage* (J.M.G. Le Clézio); и констатирующее бытие признака: *Mais, si la réforme de l'organisation de la Cour ne pose plus de problème, la question de la responsabilité financière des ministres reste épineuse...* (Les Echos); *Prés de la moitié du territoire communautaire demeure non urbanisé et a une vocation agricole* (Lille Métropole).

Результиативное бытие – это бытие, приходящее на смену другому бытию признака: *Il établit d'ailleurs le dernier décrochage à mi-2007, quand les tax de croissance trimestriels étaient encore positifs (ils deviendront négatifs au deuxième trimestre 2008), mais que les chefs d'entreprise témoignaient déjà d'un chargement de climat* (Les Echos).

Среди основных способов выражения акциональных значений выделяются следующие средства:

аффиксы, показывающие повторяемость признака: *Il était là, derrière la grille, en troubadour. Il était redevenu tout souriant Rodolphe* (L.-F. Céline); *La nuit du 10 décembre dernier, sa maîtresse, la styliste Sylvie Cachay, est retrouvée morte dans une baignoire du très chic SoHo House, à Manhattan* (Elle Hebdomadaire);

наречия или их эквиваленты, указывающие на завершенность или незавершенность действия: *Mais elle avait quand même tenu encore, des jours, des mois, parce qu'elle voulait croire que tout allait s'arranger, que la vie allait être à nouveau forte et belle, riche d'expériences et de nouveautés* (J.M.G. Le Clézio); *Il parut un instant déconcerté, puis se ravisa* (B. Pivot); *Les chants d'oiseaux étaient toujours audibles* (J.-Ch. Rufin);

конструкции с модальным глаголом *devoir* и вспомогательным глаголом *aller* в сочетании с инфинитивом, показывающие бытие признака «в перспективе», так как признак будет реализован в будущем: *Les Etats-Unis ont fini par se décider face à l'urgence qu'entraînait la débâcle des forces de Benghazi – mais en considérant que l'affaire libyenne devait rester circonscrite* (Le Monde); *C'est un film sur des kids de Harvard aux ambitions folles, et certaines d'entre elles vont être écrabouillées* (Glamour).

Таким образом, проведенное исследование позволило установить основные средства выражения аспектуальности на материале французских признаковых предложений и показало, что в данной сфере средства реализации категории аспектуальности представлены не в полном объеме, что связано, с одной стороны, с ограниченной семантикой бытийных глаголов, и, с другой стороны, со спецификой семантики исследуемых предложений.

Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 208 с.

Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2004. – 862 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.

Ломов А.М. Очерки русской аспектологии. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1977. – 139 с.

Ломов А.М. Типология русского предложения. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1994. – 280 с.

Мироненко Е.В. К вопросу об аспектуальности французского глагола // Сборник научных трудов СевКавГТУ. Серия «Гуманитарные науки». – 2009. – № 7. – С. 1-5.

Пидкова Л.П. Грамматическая категория вида в современном французском языке. – М.: Высшая школа, 1982. – 160 с.

Реферовская Е.А., Васильева А.К. Теоретическая грамматика современного французского языка: Морфология и синтаксис частей речи. – Изд. 3-е, испр. – М.: Просвещение, 1973. – 430 с.

Damourette J., Pichon E. Essai de grammaire de la langue française: des mots à la pensée T. 5: 1911-1933. – Paris: Collection des linguistes contemporains, 1970. – 861 p.

Guillaume G. Temps et verbe. Théorie des aspects, des modes et des temps suivi de L'architecture du temps dans les langues classiques. – Paris: Honoré Champion, 1984. – 66 p.

Imbs P. L'emploi des temps verbaux en français moderne. – Paris: Klincksieck, 1968. – 270 p.

А.В. Михайлов

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

ОБЪЕКТ КАСАНИЯ: СЕМАНТИКА И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ

Современные синтаксические теории опираются на тенденции развития, сформировавшиеся во второй половине XX века. Внимание к структурному составу и значению предложения определяет направление исследований в синтаксисе и на современном этапе (обзор концепций типологии предложений русского языка см. в работе [Копров 2010: 5-20]).

Основная цель данного исследования – выявление семантики объектов в предложениях, формируемых глаголами касания. Источником фактического материала послужили произведения А.С. Пушкина (583 высказывания) и М.М. Пришвина (372 высказывания).

Под глаголами касания мы понимаем (вслед за Л.Г. Бабенко, О.Н. Анищевой, Р.М. Гайсиной, В.Б. Гольдберг, М. Гиро-Вебер, В.Ю. Копровым, А.Л. Лебедевой) лексико-семантическую группу глаголов как разновидность глаголов физического воздействия на объект. Под объектом в содержательной структуре предложения нами понимается тот предмет (в широком смысле), на который направлено действие или к которому обращено состояние [Русская грамматика 1980: 124].

В нашу задачу входит описание возможных разновидностей актантных словоформ, используемых для выражения **объекта** касания. При этом нужно учитывать, что в объективной реальности представлено огромное количество ситуаций касания, что и обуславливает разнообразие форм представления объекта. Необходимо также не упускать из поля зрения тот факт, что через

прикосновение происходит познание окружающего мира. Онтологический ракурс проблемы заставляет нас говорить о том, что, прикасаясь к определённым предметам, ребёнок формирует представление о них, соответственно, в этом смысле глагол «трогать» приобретает значение «познавать» [Лебедева 2011: 106-110].

При анализе компонентов предложения в рамках семантико-структурного синтаксиса используется понятие «структурная схема» – синтаксический знак, означаемым которого является пропозиция, а означающим словоформы со значением участников ситуации. Любое предложение номинирует конкретную внесызовую ситуацию, а результат подобного процесса отражается в сознании человека (см. об этом [Казарина 2007: 88]). Благодаря такой способности мышления человек может обобщать определённые ситуации, создавать смысловые конструкции и распределять роли (субъекта, предиката, времени, условия и т.д.). Это приводит нас к ключевому понятию семантики предложения – понятию пропозиции как смысла высказывания.

Пропозиция «касание» наиболее полно проявляется в том случае, когда она представлена следующими смыслами: субъект – касание – объект. Структурная схема «кто трогает кого / что» («кто касается кого / чего») является означаемым этой пропозиции.

На формальной основе объектная словоформа по своей синтаксической функции чаще всего выступает в роли дополнения. Глаголы физического воздействия требуют дополнений с конкретным значением (однако при употреблении глаголов в переносном значении эта тенденция проявляется не так отчётливо). Каноническая семантическая функция дополнения – обозначать нечто создаваемое, разрушаемое, перемещаемое, изменяемое, манипулируемое, обладаемое, воспринимаемое [Крылов 2007: 91].

Данное исследование производилось с учётом семантики глаголов и их дифференциации на группы: 1) собственно глаголы касания (*касаться*, *трогать*, *обнимать*); 2) глаголы, для которых действие касания является предваряющим основное действие (*щупать*, *нащупать*, *щипать*, *щекотать* и др.); 3) глаголы со значением действия, сопровождаемого касанием (*брать*, *взять*, *хватать*, *держать* и др.); 4) глаголы со значением движения, приводящего к соприкосновению предметов (*зацепить*, *задеть* и др.) (о структуре поля касания см. подробнее [Лебедева 2011: 118-122]). Поясним выделение нами третьей группы глаголов: основное действие (удержание) происходит при непосредственном прикосновении производителя действия к объекту, то есть касание сопровождает основное действие, зафиксированное глагольной семантикой.

Основной глагол в лексико-грамматической группе глаголов касания – глагол *касаться* (*коснуться*). Его семантику можно передать следующим образом: касаться (коснуться) кого-, чего-либо – дотрагиваться (дотронуться) до кого-, чего-либо, слегка задевая кого-, что-либо [Бабенко 2008: 157].

При дифференциации актантных компонентов пропозиции «касание», выступающих в предложении в роли объекта касания, основным признаком по которому проводится разграничение, является одушевлённость или неодушевлённость рассматриваемых лексем. В связи с этим выделяются три группы существительных, используемых для выражения объекта касания:

1. Существительные лексико-семантической группы «люди»: *Обнимает он (царь Салтан) царицу, / И сына, и молодцу, / И садятся все за стол; / И весёлый пир пошёл* (Пушкин).

В данном высказывании содержится не один, а сразу три объекта касания. Субъект поочередно производит действие касания с целью выражения собственных чувств. Однако можно с уверенностью говорить, что такая же эмоциональная составляющая может быть выражена и в предложении, в котором в качестве объекта выступает часть тела человека:

1) *Он (Осгар – А.М.) грозный меч извлёк, и нет уже Звигнела, / И бледный дух его сокрылся в тьме ночной! / Мальвина обняла несчастного колена...* (Пушкин).

2) *И как только маленькая ручка сестры коснётся широкого затылка брата, отцовский задор покидает хозяина* (Пришвин).

В (1) при объекте касания общий эмоциональный фон, вытекающий из семантики глагольной лексемы (*заклочить в объятия, обхватить руками для выражения ласки* [Ожегов 1975: 393]) подчёркивается субстантивированным прилагательным (*несчастливого колена*), выражающего принадлежность объекта касания другому герою, находящемуся в сильном волнении. В (2) касание осуществляется производителем действия (*сестра*) не только с целью выражения чувств, но и для того, чтобы успокоить брата. Ситуация, представленная в высказывании, предполагает, что касание воздействует на эмоциональное состояние брата-объекта (изменяет его, успокаивая).

2. Существительные лексико-семантической группы «животные» и «птицы».

В предложениях, в которых в качестве объекта выступает животное, также может быть выражено отношение человека к данному существу: *Я погладил её (собаку по кличке Лада – А.М.), от ласки жизнь заиграла в ее глазах* (Пришвин). В данном высказывании объект касания выражен местоимением. Такие формы представления этой

актантной словоформы встречаются часто, а для того, чтобы определить, кто или что понимается под объектом действия, иногда необходимо принимать во внимание довольно широкий контекст.

В предложениях, в которых в качестве объекта выступает птица, могут быть выражены различные отношения: *Хорошо: что это бывало уже не раз и ничуть не расстроило Силыча: пусть темнота, но селезня он держит в своих руках!* (Пришвин). В этом предложении передаётся действие, сопровождаемое касанием: производитель действия удерживает объект в руках (птицу), чтобы не дать ему возможности вырваться, сопровождая тем самым основное действие прикосновением к объекту.

3. Существительные, использующиеся для обозначения всех остальных конкретных предметов: объект, обозначающий различные виды оружия или военного снаряжения: ... *Но по граду / Могуций богатырь летит; / В деснице держит меч победный* (Пушкин);

2) объект, представляющий собой растение или его часть: *Вода задевает бутоны новорожденных желтых цветов, и так рождается водная дрожь от цветов* (Пришвин). Особенность предложения состоит в том, что в роли субъекта здесь выступает неодушевлённый предмет. Осуществление действия касания (*задеть* – коснуться кого-, чего-нибудь, зацепиться за кого-, что-нибудь при движении [Ожегов 1975: 188]) не вызывает сомнения: вода, наталкиваясь на бутоны цветов (объект касания), перемещает их в пространстве, от чего на воде остаются «следы» (последствие) от касания («водная дрожь»). Вода взаимодействует с растениями, давит на них своим напором, а составляющие воды и осуществляют действие касания с объектом.

Рассмотрим ещё один пример: *Да, этот теплый дождь, падающий на смолистые почки оживающих растений, так нежно касается коры, прямо тут же под каплями изменяющий цвет, что чувствуешь: эта теплая небесная вода для растений тоже самое, что для нас любовь* (Пришвин). В этом предложении при типичном объекте касания (для глагола *касаться* – форма родительного падежа) возникает субъект, который в другой ситуации не вызвал бы замечаний (во время дождя капли, сталкиваясь с различными предметами, осуществляют действие касания), но контекст выявляет необходимость использования языковых средств (*дождь нежно касается коры*). «Нежно касаться» означает 'проявлять свои чувства через прикосновение к объекту касания'; такая ситуация характерна в том случае, когда производителем действия является человек или животное, поскольку они могут проявлять различные чувства, определяемые отношением к предмету касания (для животных в форме инстинкта). Субъект представляет собой наименование атмосферного

осадка, что говорит о переносном употреблении глагола (весенний дождь «пробуждает» растения, которые «ощущают» его касание);

3) объект касания одновременно является субъектом действия:

В предложении *Алпатов схватился за нос* (Пришвин) (= 'схватил себя за нос') субъект действия совершает касание, направленное на самого себя. Такая форма существования объекта возможна при возвратных глаголах (где -ся трактуется как видоизменённое местоимение *себя*). Однако направленность действия на самого себя может быть передана и невозвратным глаголом (в сочетании с местоимением *себе*): *Призадумался поп, / Стал себе почёсывать лоб* (Пушкин).

В следующем примере: *В золотистых оранжевых сорочках рождаются новые веточки ели, и когда они выходят, сороки летят, и цепляются за невидимые паутинки, и тревожат напрасно всех лесных пауков* (Пришвин) факт осуществления действия ('они цепляют себя за паутинки') вытекает из того, что в высказывании передано последствие касания, при котором пауки, которые плетут свою паутину, могут быть «потревожены» именно прикосновением к ней (в предложении появляется второй объект, одновременно являющийся субъектом действия);

4) объект касания не видим для наблюдателя или скрыт и не известен для субъекта действия: 1. *Гусь запускал свою длинную шею в ведро, доставал себе воду клювом, поплескивал водой на себя, почесывал что-то под каждым пером, шевелил подвижным как на пружинке, хвостом.* (Пришвин). 2. *Однако рука что-то нащупала в кармане, сердце забилося надеждой: вот пальцы уже определили предмет, и только страх перед новым обманом запрещает вырваться из груди ликующей радости* (Пришвин). 3. *Множество мальчишек, приподняв рубашонки, что-то нащупывают в воде ногами* (Пришвин). В (1) объект не известен, скорее наблюдателю, чем производителю действия, поскольку субъект (гусь) производит касание объекта постоянно (на инстинктивном уровне) с конкретной целью приведения своего оперения в надлежащее состояние. В (2) и (3) объект не видим для субъекта, поэтому действие направлено на выяснение основных свойств предмета;

5) объект, представленный отвлечённым существительным:

В предложении *На него (пень) вытолзли из болота и припали к теплу шесть маленьких ящериц; четыре бабочки-лимонницы, сложив крылышки, припали усиками; большие черные мухи прилетели ночевать* (Пришвин) объект касания воспринимается органами чувств субъектов (насекомых) и может быть вполне конкретизирован. Стоит отметить, что здесь объектом действия является не просто «тепло», а

то место на пне дерева, которое за день нагрелось солнцем и теперь отдаёт его лесным насекомым.

Рассмотрим другие примеры: 1. *«Добрый путь! Прости, любовь! / За богинею слепою, / Не за Хлоей, полечу, / Счастье, **счастье** ухвачу!»* (Пушкин). 2. *Но лишь божественный глагол / **До слуха** чуткого **коснётся**, / Душа поэта вострепнётся, / Как пробудившийся орёл* (Пушкин). В (1) и (2) глаголы употребляются в переносном значении, появление объектов с отвлечённым значением, которые невозможно конкретизировать органами чувств, придаёт глагольным лексемам самостоятельное значение (*ухватить счастье* – «найти счастье, стать счастливым», *коснуться до слуха* – «восприниматься слухом»).

Итак, в качестве объектов касания могут выступать люди, животные, птицы и различные предметы окружающего нас мира. Нами также выделены случаи, когда объект касания сам одновременно является производителем действия.

Казарина В.И. Современный русский синтаксис. Структурная организация простого предложения. Учебное пособие. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. – 337 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников. – 328 с.

Лебедева А.Л. Средства выражения ситуации касания субъекта и объекта в русском и немецком языках // Семантико-функциональный сопоставительный синтаксис: Субъектно-объектные отношения / Копров В.Ю., Козюра Т.Н., Лебедева А.Л., Дедова О.М., Супикова И.М.; под ред. В.Ю. Копрова. – Воронеж: Изд-во «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2011. – С. 106-164.

Крылов С.А. О понимании термина «дополнение» в лингвистике / Язык и действительность: Сборник научных трудов памяти В.Г. Гака. – М.: ЛЕНАНД, 2007. – 640 с.

Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. – М.: Наука, 1980. – 709 с.

Словари

Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / Под ред. Проф. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. – 576 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Изд-во «Русский язык», 1975. – 921 с.

Источники

Припшин М.М. Избранная проза. – Воронеж: Центр.-Черноземное кн. изд-во. 1979. – 527 с. (Серия «Отчий край»).

Припшин. М.М. Кашеева цепь. – М.: Издательство «Советская Россия», 1983. – 520 с.

Пушкин А.С. Сочинения в трёх томах. – М.: Художественная литература, 1985.

С.А. Моисеева
Белгородский государственный университет,
М.Ю. Никитина

Белгородский государственный технологический университет
им. В.Г. Шухова

ОБ УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ АСПЕКТУАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ПРЕДЕЛЬНОСТИ / НЕПРЕДЕЛЬНОСТИ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Аспектуальность относится к наиболее распространенным языковым категориям и является, по мнению некоторых лингвистов, более универсальной, чем даже категория времени. Наряду с такими функционально-семантическими категориями, как темпоральность, персональность, бытийность, локативность, посессивность, данная категория является одной из семантических констант наиболее высокого уровня [Бондарко 2001; Маслов 1984; Lyons 1977]. Аспектуальность, темпоральность и модальность являются компонентами предикативного аспекта устройства и функционирования предложения разнотипных языков [Копров 2010: 68-75].

Внутри поля аспектуальности выделяют ее количественную и качественную характеристики. К сфере количественной аспектуальности относится описание действия с точки зрения его интенсивности, кратности, длительности, прерывности и непрерывности. Одним из признаков качественной аспектуальности является отношение действия к пределу. Она охватывает такие семантические оппозиции, как динамика – статика; действие предельное, направленное к внутреннему пределу, – действие непредельное, ненаправленное к пределу; предельное действие, достигающее свой предел, – действие, когда предел еще не достигнут [Маслов 1984: 10-18].

Категория предельности / непредельности глагольного действия, заняв прочное место в аспектологических исследованиях, и, привлекая все более пристальное внимание лингвистов, остается одной из самых сложных и недостаточно изученных категорий. В лингвистике нет общепризнанного и однозначного толкования понятия «предел». Лингвисты вкладывают в этот термин различное содержание [Бондарко 2001, Крушельская 1961, Холод 2004]. Вслед за С.И. Холод, мы склонны рассматривать **предел** как некую критическую точку, связанную с качественным изменением в протекании действия: 1) начало действия; 2) конец действия; 3) достижение цели; 4) переход в новое качественное состояние субъекта / объекта действия [Холод 2004].

Предельность есть входящее в семантику глагола указание на внутренний, самой природой данного действия предусмотренный предел [Бондарко 2001: 186]. **Непредельность** – это отсутствие внутреннего предела, ограничивающего течение действия хотя бы в перспективе [Там же: 16].

Категория предельности / непредельности глагольного действия является лингвистической универсалией, так как она в той или иной степени свойственна всем языкам. В романских языках, в частности во французском, оппозиция предельности / непредельности глагола играет доминирующую роль в аспектуальной характеристике действия, какой бы глагольной формой оно ни выражалось [Реферовская 1984].

Категории вида и времени занимают особое место в реализации предельности / непредельности глагольного действия во французском языке. Эти две категории тесно связаны между собой и образуют единую видовременную систему: в ее составе видовые морфологические показатели одновременно служат временными показателями, и, наоборот, в семантическом отношении видовые значения наслаиваются на временные значения. Совершенный вид интерпретирует действие как целостный, заверченный факт, связанный с достижением некоторой границы (предела), в то время как несовершенный вид представляет действие в процессе его протекания безотносительно ко всякому ограничению. Однако французский язык, не имея разветвленной системы морфологических показателей, с помощью которых можно было бы представить все разнообразие аспектуальных значений предельности / непредельности действия, компенсирует это синтаксическими средствами. В арсенале аналитических средств выражения категории предельности / непредельности глагольного действия во французском языке находятся словосочетания, образованные вследствие грамматикализации компонентов.

Историческая эволюция языка включает постоянное превращение лексических единиц в грамматические; лексика выступает в качестве главного источника грамматики, в чем выражается явление континуального характера языковых категорий. В этих случаях мы имеем дело с процессом грамматикализации, процессом превращения лексической единицы в грамматический показатель [Майсак 2000: 10-11]. **Грамматикализация** словосочетания, приводящая к формированию аналитических структур, неразрывно связана с десемантизацией одного из компонентов словосочетания, с ослаблением его собственного значения и его превращением в полуслужебный или служебный элемент [Гак 1965: 129-142].

К аналитическим структурам относятся средства различной грамматической и семантической спаянности: от сложной временной

формы до перифразы, от сложного глагола до фразеологической единицы. Аналитическая конструкция – это структура, состоящая из сочетания основного (полнозначного) и вспомогательного (служебного) слов, семантически и функционально равнозначная слову. В качестве служебного элемента аналитической конструкции обычно используются особые служебные слова (предлоги, артикли и др.) либо полнозначные слова, подвергающиеся десемантизации [БЭСЯ 2000: 31].

В современном французском языке существует ряд аналитических конструкций, которые выражают различные временные, модальные и аспектуальные значения. Данные конструкции привлекают лингвистов сложными и многообразными семантико-функциональными связями и отношениями между компонентами. Ученые по-разному называют подобные аналитические структуры: «глагольные перифразы» [Henricksen 1967], «глагольные сочетания» [Илия 1979], «видовые или грамматические аналитические конструкции» [Scoght 1968], «сложные глагольные конструкции» [Штейнберг 1955], «инфинитивные сочетания» [Бережан 1973], «синтаксические и аналитические конструкции» [Демиденко 1963].

Значение предельности / неопределенности глагольного действия во французском языке может быть выражено:

1) иммедиатными конструкциями, в состав которых входит лексико-семантическая группа глаголов движения (*aller* + Inf, *venir*, *sortir* + *de* + Inf);

2) аналитическими конструкциями, в состав которых входит лексико-семантическая группа фазисных глаголов (*commencer à* + Inf, *se mettre à* + Inf, *se prendre à* + Inf, *achever de* + Inf, *finir de* + Inf);

3) аналитическими конструкциями с глаголом *faire* (*ne faire que* (*de*) + Inf);

4) бивербальными конструкциями с коннотативно-модальным значением (*affecter de* + Inf, (*en*) *arriver à* + Inf, *se décourager de* + Inf, *accepter de* + Inf, *amener à* + Inf, *arrêter de* + Inf, (*s'*)*autoriser à* + Inf, (*se*) *decider à* + Inf и др.);

5) перифразами (*être en cours de* + Inf, *être en voie de* + Inf, *être en train de* + Inf, *être près de* + Inf, *être en passe de* + Inf, *être sur le point de* + Inf, *être à deux doigts de* + Inf, *être pour* + Inf и др.)

Рассмотрим подробнее иммедиатные конструкции, которые выражают значение предельности / неопределенности глагольного действия. Глаголы **движения**, входящие в данные аналитические структуры, относятся к лексическим единицам, которые наиболее часто подвергаются грамматикализации в языках мира. Причиной тому служит тот факт, что метафоризация пространственных понятий в целом имеет чрезвычайно важное значение: человек стремится к

тому, чтобы осмыслить нефизическое в терминах физического, то есть нечто менее конкретное – в терминах более конкретной сферы опыта.

Намеренность вступления в новую ситуацию, в какой-либо процесс связано во французском языке с представлением о движении [Рянская 2002]. Так, инфинитивная конструкция, образованная одним из фундаментальных глаголов движения *aller*, квалифицируется как форма ближайшего будущего в составе временной глагольной системы: ... *déjà, les deux mains appuyées aux barreaux du portail, je me vois épiant avec anxiété quelqu'un qui va descendre la grand'rue* (Alain-Fournier). В цитируемом отрывке реализация «намеренности вступления в процесс» осуществляется с помощью аналитической конструкции *aller descendre* в форме настоящего времени.

Использование *futur immédiat dans le passé* в аналитической структуре с глаголом *aller* усиливает оттенок «намеренности» действия, что мы наблюдаем в следующем примере: *Au moment où j'allais partir une jeune fille, ou une jeune femme – je ne sais – est venue s'asseoir sur un des bancs mouillés de pluie* (Alain-Fournier). В данном контексте, аналитическая конструкция *aller partir* описывает ситуацию наступления предельного действия, предикат *aller* подчеркивает желание субъекта осуществить предстоящий процесс перемещения.

Глагол движения *venir* в сочетании с инфинитивом смыслового глагола образует так называемую иммедиатную перифрастическую форму *passé immédiat* неканального характера, связанную с моментом речи говорения, и тонканального характера, связанную с моментом речи в прошлом (соответственно *passé immédiat* и *passé immédiat dans le passé*). Интервал между моментом речи и действием придает временному значению сопутствующий оттенок результативной завершенности. Можно предположить, что буквальное толкование глагола *venir de* 'выходить из' позволило сформировать представление о процессе, который 'только что удался от момента своего окончания', например: *Je suis descendu ce matin chez mon médecin Hermogène, qui vient de rentrer à la Villa après un assez long voyage d'Asie* (Yourcenar). Как следует из примера, смысловое и синтаксическое единство имеет аналитическая конструкция *venir de rentrer*, которая описывает только что произошедшее предельное событие.

Близкой по значению к иммедиатным конструкциям является аналитическая структура *sortir de* + Inf. В отличие от глаголов *aller* и *venir*, глагол *sortir* в инфинитивных конструкциях выполняет полувспомогательную функцию глагола с меньшей степенью грамматикализации. Терминативность глагольной лексемы позволяет фиксировать внимание на конечной фазе совершаемого действия независимо от точечной или линейной временной формы и предельной /

непредельной семантики смыслового глагола, как это видно из следующего примера: *Le cri qui sort de passer dans l'air est un être comparable à la bête puisqu'il naît, produit un mouvement, se transforme encore pour mourir* (Maupassant). В данной фразе аналитическая конструкция *sortir de passer* имеет результативно-финитивное значение с некоторой степенью длительности. Развитие предельной ситуации обусловлено контекстом: метафорический образ, созданный автором (крик ассоциируется с живым существом, способным к движению), непредельный глагол *passer*, а также обстоятельство *encore* указывают на недолгую протяженность результативного события.

Большой интерес в структурно-семантическом плане имеет имediataная конструкция с глаголом *venir*, сопровождаемым наречием *à peine*:

(1) *Le brouillard vient à peine de se dissiper* (Queneau).

(2) *Il vient à peine de marcher sans se presser, en n'éloignant jamais beaucoup ses semelles de l'asphalte* (Queneau).

Как показывают эти примеры, глагол *venir* в имediataной конструкции *venir à peine* + Inf может сочетаться как с предельным (*se dissiper*), так и непредельным глаголом (*marcher*). В обоих случаях аналитические структуры, в состав которых входит глагол движения *venir*, преобразованный вследствие грамматикализации, имеют терминативный характер. Конструкция *venir à peine* + Inf имеет значение непосредственной завершенности, а значение результативности является сопутствующим и вторичным для данного словосочетания. Глагол *venir* в подобных условиях, продолжая оставаться значимым для выражения аспектуального значения, десемантизируется, перекладывая эту функцию на наречие *à peine*. В семантическом плане разница между аналитической конструкцией *venir de* + Inf и перифразой *venir à peine* делает дистанцию между смысловым глаголом и точкой отсчета более короткой.

Таким образом, анализ имediataных конструкций во французском языке показал, что роль обстоятельств в реализации аспектуальных значений глагола исключительно велика. Глаголы движения, выступающие в роли служебных элементов перифраз, способны уточнять и модифицировать потенциальное значение предельности / непредельности смыслового глагола. Фундаментальный глагол *aller* в глагольной конструкции *aller* + inf участвует в выражении временной ситуации «приближающегося вступления в процесс». Глагол *venir* обладает большой степенью грамматикализации, делает упор на перфективности действия или процесса, тогда как глубинная структура глагола *sortir* придает значение 'выхода из процесса, действия, состояния', т.е. финальной фазы действия и предполагает его относительную длительность.

Бережан С.Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц. – Кишинев: Штиинца, 1973. – 372 с.

Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – 260с.

Богданова С.Ю. Пространственная метафора в концептуализации абстрактных понятий // Говорящий и наблюдатель. – Новосибирск, 2000. – С. 149-154.

БЭСЯ – Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 688 с.

Гак В.Г. Десемантизация языкового знака в аналитических структурах синтаксиса // Аналитические конструкции в языках различных типов. – Л.: Наука, 1965. – С. 129-142.

Демиденко Л.П. Способы выражения начала глагольного действия в русском языке // Учен. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. – Л., 1963. – 248 с.

Илия Л.И. Пособие по теоретической грамматике французского языка. – М.: Высшая школа, 1979. – 215 с.

Копров В.Ю. Сопоставительный синтаксис русского и английского языков: Учебное пособие. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2010. – 226 с.

Крушельницкая К.Т. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. – М., 1961. – 153 с.

Майсак Т.А. Грамматикализация глаголов движения: опыт типологии // Вопросы языкознания. – 2000. – № 1. – С. 10-32.

Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 263 с.

Реферовская Е.А. Аспектуальные значения французского глагола // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. – Л., 1984. – С. 91-109.

Рянская Э.М. Способы действия в когнитивном аспекте. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. – 191 с.

Холод С.И. Предельность / неопредельность глаголов движения в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2004. – 178 с.

Штейнберг Н.М. Так называемое будущее предварительное (*futur antérieur*) в современном французском языке (к вопросу о соотношении вида и времени в системе французского глагола) // Учен. записки ЛГУ. Серия филологических наук. – Л., 1955. – Вып. 15. – № 156. – С. 265-281.

Henricksen A.-J. Les périphrases verbales du français moderne // *Revue romane*. – 1967. – Numéro spécial 1. – P. 45-56.

Lyons J. *Semantics*. – Cambridge, 1977. – Vol. 2. – 897 p.

Schogt H. *Le système verbal du français contemporain*. – P.: The Hague, 1968.

Источники

Alain-Fournier H. *Le grand Meaulnes*. – P.: La Spiga languages, 1998. – 339 p.

Maupassant G. de. *Lettre d'un fou* // *Contes et Nouvelles*. – P.: Gallimard, 1984. – 378 p.

Queneau R. *Pierrot mon ami*. – P.: Gallimard, 1961. – 252 p.

Yourcenar M. *Mémoire d'Hadrien*. – P.: Gallimard, 1980. – 364 p.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ГРАММАТИКИ В РОССИИ в XI – XVIII вв.

Первые сведения о преподавании грамматики в нашей стране относятся к XI – XIII вв. ко времени распространения христианства на Руси. Христианизация Руси вызвала развитие образования: создавались славянские школы (элементарные школы грамотности) и монастырские школы (школы повышенного типа).

В славянских школах обучали церковнославянскому языку, Закону Божию, церковному пению и счету. Преподавание церковнославянского языка не предусматривало обучения грамматике. Оно было организовано в такой последовательности: сначала обучали Азбуке, затем учебниками становились Часослов и Псалтырь, в редких случаях еще и Апостол. Церковнославянский язык усваивался путем чтения и заучивания наизусть определенного корпуса канонических и литургических текстов. Иногда обучали и письму. Учителями были, в основном, представители русского духовенства, но иногда и светские лица.

В монастырские школы поступали те, кто уже умел читать и писать на церковнославянском языке, успешно прошел обучение в славянских школах. Учителями в них, как правило, были образованные греки. В монастырских школах углубленно изучались Священное писание, труды отцов церкви, история и география, греческий и церковнославянский языки. Учеников обучали переводу религиозных текстов с греческого на церковнославянский язык.

В обучении греческому и церковнославянскому языкам в монастырских школах использовалась так называемая схедеографическая технология обучения [Голубинский 1904: 49–59]. Эта технология, разработанная византийским педагогом Иоанном Италом в XI в., представляла собой запись под диктовку трудных для понимания, произношения или написания слов, запись объяснения их значения и грамматического разбора. Как правило, ученики на уроке брали текст какой-либо молитвы и письменно делали грамматический разбор каждого слова (использовалась греческая грамматическая терминология). При этом они приводили списки слов на ту же букву или с теми же орфографическими трудностями. В дальнейшем они состязались друг с другом в знании лексиконов. Интересно, что у русских учеников были не только греческие, но и славянские схедеографические лексиконы, составленные болгарскими методистами по греческим образцам. В Древней Руси, как и в Византии, владение схедеографией считалось

показателем высшей образованности: ученики монастырских школ с гордостью называли количество слов, которые они могут разобрать.

Грамматический разбор слов как один из приемов формирования знаний о грамматической системе языка и один из приемов обучения пониманию иноязычного текста был широко распространен в преподавании церковнославянского, а затем и русского языка. В XVIII в. грамматическому разбору слов даже был посвящен специальный лингвистический трактат [Поликарпов 1725]. В наше время этот прием находит отражение, главным образом в обучении родному языку. Однако и при обучении иностранцев практическому русскому языку без него не обойтись, несмотря на то, в наших условиях ставится задача формирования не только грамматических знаний, но главным образом грамматических навыков, и эта задача требует других приемов обучения.

Использование схедаграфии в школах повышенного типа в Древней Руси, однако, не привело к распространению методики обучения грамматике: вплоть до XVIII века в славянских школах господствовало обучение языкам на основе образцовых текстов. Учащиеся грамматики не изучали и, соответственно, грамматических знаний не имели. Первые грамматики на территории Руси (грамматики церковнославянского языка Арсения Елассонского, Лаврентия Зизания, Мелетия Смотрицкого) появились в XVI – XVII в., и именно в это время в духовных учебных заведениях сначала Юго-Западной, а потом и Московской Руси стал складываться грамматико-риторический тип обучения по образцу обучения в польских иезуитских коллегиях.

Грамматико-риторический тип обучения предусматривал построение учебного процесса в соответствии с концепцией «тривиума», сложившейся еще в античные времена. На первом этапе учащиеся изучали грамматику, на втором риторику, на третьем диалектику (каждый из этапов длился 3 – 4 года). Обучение грамматике было абсолютно некоммуникативным – учащиеся выучивали грамматический материал, но при этом не умели использовать его в речи. На грамматическом этапе ученики учились читать со словарем, выучивали наизусть распределенные по темам слова и диалоги, но главным было усвоение грамматических знаний, сначала в области морфологии, а затем синтаксиса. Материал располагался в линейной последовательности, так, как это традиционно представлено в нормативных грамматиках.

Речевым был второй, риторический этап, на котором ученики овладевали устной и письменной монологической речью, читали более сложные тексты, вели разговоры на духовно-нравственные темы. Третий этап – диалектика или философия – предполагал обучение искусству спора.

В концепции тривиума были отражены взгляды античных философов на процесс овладения языком: сначала язык надо выучить, а потом учиться им пользоваться (сначала язык, потом речь). В дальнейшем в истории методики эти взгляды не раз пересматривались: предлагался «естественный» путь – (сначала речь, потом язык). В настоящее время в обучении неродному языку доминирует стремление не разделять во времени формирование грамматических знаний и грамматических навыков. Тем не менее, концепция тривиума и в наше время оказывает влияние на практическое обучение иностранным языкам.

Созданные в XVI – XVII вв. грамматики церковнославянского языка (Арсения Елассонского, Лаврентия Зизания, Мелетия Смотрицкого) и в XVII – XVIII вв. первые грамматики русского языка (Г.Ф. Лудольфа, И.Ф. Копиевича и других авторов) не были практическими грамматиками – учащиеся последовательно заучивали включенный в них материал, но не умели им пользоваться.

Однако в XVIII в. была создана и практическая грамматика, ориентированная на активное использование русского языка. Это анонимный учебник «Grammaire Francoise et Russe en Langue moderne accompagnée d'un petit Dictionnaire pour la Facilité du Commerce. Грамматика французская и русская нынешнего языка сообщена с малым Лексиконом ради удобства сообщества» (СПб., 1730), который был построен в форме французско-русского разговорника, представляющего собой перевод французских языковых средств (слов и разговорных фраз) на русский язык. При этом от обычных разговорников этот учебник отличается наличием грамматического материала. Автор объясняет правила склонения имен существительных и местоимений, а затем и правила склонения прилагательных в сочетаниях с существительными. Далее даются примеры употребления падежных форм с предлогами. Эти предложно-падежные сочетания даны во фразах, которые представляют собой образцы для построения аналогичных фраз. Так, например, конструкция существительного в винительном падеже с предлогом *въ* отрабатывается на следующих однотипных примерах: *я иду въ мою горницу; я иду въ церковь; я иду въ поварню; я иду въ Москву*. Все это свидетельствует о том, что автор «Грамматики французской и русской ...» считал целесообразным одновременное обучение морфологии и синтаксису, а не разделенное во времени, как это было принято в учебниках того времени.

Эта методическая новация в свое время не была оценена широкой педагогической общественностью: после этого учебника еще на протяжении 100 лет выпускались грамматики, в которых ученикам предлагалось сначала изучить морфологию, а затем синтаксис. Тем не

менее, взаимосвязь морфологии и синтаксиса в практическом обучении языку в конце XVIII в. была отражена в учебниках немецкого и французского языков немецкого методиста И.В. Майдингера. В середине XIX в. о том, что простое предложение должно быть основной единицей обучения языку и что нужно обучать морфологии на синтаксической основе, писал Ф.И. Буслаев [Буслаев 1844]. Тем не менее, даже для XX века эта проблема была актуальной: не случайно в методике В.Г. Костомарова и О.Д. Митрофановой выделяется особый принцип обучения лексике и морфологии на синтаксической основе [Костомаров, Митрофанова 1973].

Возвращаясь к учебнику «Грамматика французская и русская ...», следует также отметить, что в нем представлен и материал, относящийся к теме «Глагол». Автор сразу же вводит инфинитив, настоящее, прошедшее и будущее времена, императив, сослагательное наклонение, полное и краткое причастия, деепричастие, то есть все формы глагола. При этом в учебнике лингвистическая терминология полностью отсутствует, различие между глагольными формами дается только через перевод. В книге приводится глагольный минимум, состоящий из более, чем 100 русских слов. Как показывает его сопоставление с лексическими минимумами, разработанными в последние 30 лет, две трети этих глаголов и сейчас входят в число наиболее распространенных слов русского языка. Это позволяет сделать, во-первых, лингвистический вывод – об устойчивости слов, обозначающих действия, состояния и отношения, а во-вторых, и методический вывод: анонимный автор этого учебника, не используя современных методик анализа текстов с целью выявления употребительности слов, интуитивно отобрал то, что необходимо для общения иностранцев с русскими людьми [Власов, Московкин 2008: 84].

Отметим, что сама идея отбора грамматического материала и его адаптации к условиям обучения и к специфике конкретных учащихся для XVIII в. уже не была новой, но именно в это время она получила практическую реализацию в учебниках. Приведем пример, который иллюстрирует это положение.

Во второй половине XVIII в. в России был опубликован ряд учебников русской грамматики, предназначенных как для русских, так и для нерусских. Все они были основаны на «Российской грамматике» М.В. Ломоносова. При этом следует отметить, что М.В. Ломоносов создавал свою книгу как учебник русского языка и рекомендовал включать его в процесс школьного обучения после освоения учениками славянской грамоты. В 1757 – 1765 гг., будучи советником Академической канцелярии и куратором Санкт-Петербургской академической гимназии, он ввел в гимназии русские классы и

попытался организовать учебный процесс в такой последовательности: обучение грамоте по азбуке, часослову и псалтыри; обучение грамматике по книге «Российская грамматика»; обучение риторике по «Краткому руководству к красноречию...» [Кулябко 1962].

Неизвестно, насколько эффективным было такое обучение, однако в источниках сохранились критические замечания по поводу «Российской грамматики» как учебника. А.Л. Шлецер, изучавший русский язык самостоятельно, считал ее неудобной, так как видел в ней множество неестественных правил [Шлецер 1875]. И.К. Шарпантье, выполнив перевод на французский язык грамматики М.В. Ломоносова, обнаружил, что этот перевод очень сложен для французов, не имевших специальной лингвистической подготовки. В результате при написании своего учебника русского языка для французов он вынужден был воспользоваться более легким вариантом этой грамматики, подготовленным Мариньяном [Шарпантье 1768]. Н.Г. Курганов создал свою «Российскую универсальную грамматику...» только потому, что по имеющейся «Русской грамматике» (Ломоносова) трудно научить детей. Он писал: «... и так я принужден был оную преобразить, подражая славянским и чужеродным грамматикам, для научения юношества, в удобное расположение и объяснение с многим пополнением» [Курганов 1769: 2].

Таким образом, «Российская грамматика» М.В. Ломоносова была признанным научным трудом, но при этом она требовала адаптации к конкретным условиям обучения, которая выражалась в минимизации учебного материала и в упрощении его изложения. В XVIII в. сокращенными и упрощенными вариантами грамматики Ломоносова были учебники русского языка для русских В.Ф. Романова, В.П. Светова, П.И. Соколова, Е.Б. Сырейщикова и др., а также учебники И.К. Шарпантье (для французов), Я.М. Родде (для немцев), И.А. Гейма (для немцев), М. Анастаса (для греков) и М. Любовича (для поляков).

Интересно, что некоторым авторам учебников XVIII в. путь упрощения учебного материала для начального этапа обучения виделся в его детализации. Однако именно это вызывало критику и современников, и историков языкознания. Так, например, об учебнике Я.М. Родде И.И. Балицкий писал, что автор «наделал столько разных praeteritis и futuris, что усилить русское спряжение не могло бы никакое терпение трудолюбивого немецкого юношества...» [Балицкий 1876: 20].

Таким образом, за первые восемь веков обучения грамматике в нашей стране был накоплен большой опыт работы: освоена методика грамматического разбора слов, разработан вариант обучения лексике и морфологии на синтаксической основе, проверены различные варианты минимизации грамматического материала и упрощения его изложения.

Балицкий И.И. Материалы для истории славянского языкознания. Ч. 1. – Киев, 1876. – С. 20.

Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка: В 2-х ч. – М., 1844.

Власов С.В., Московкин Л.В. Из истории создания учебников русского языка как иностранного в России: «Грамматика французская и русская...» (1730 год) // Мир русского слова. – 2008. – № 2. – С. 82 – 90.

Голубинский Е. Вопрос о заимствовании до-монгольскими Русскими от Греков так называемой сxedографии, представляющей собою у последних высший курс грамотности // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1904. Том IX. Кн. 2. – С. 49 – 59.

Костомаров В.Г., Митрофанова О.Д. Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам. – М., 1973.

Кулябко Е.С. М.В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской академии наук. – М. – Л., 1962.

Курганов Н.Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку с семью присовокуплениями разных учебных и полезнозабавных вещей. – СПб., 1769.

Поликарпов Ф.П. Технология то есть художное собеседование о грамматическом искусстве, собранное вопросоответами по алфавиту числительно в пользу люботщательства отроческого в лето 1725 (рукопись). – М., 1725.

Шарпантье И.К. *Elèmens de la langue russe ou Méthode courte et facile pour apprendre cette langue conformément à l'usage.* – СПб., 1768.

Шлецер А.Л. Русская грамматика // Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, им самим описанная. Пер. с нем. В.Ф. Кеневича. – СПб., 1875.

С.Г. Онишко

Воронежский государственный университет

ВСТАВНЫЕ ЕДИНИЦЫ КАК СРЕДСТВО ВНУТРИТЕКСТОВОГО ПЕРЕВОДА

Как известно, в русскоязычных текстах номинации, принадлежащие другим знаковым системам, подаются в соответствии с графикой языка, откуда они заимствованы, или же предстают в привычной адресату графике. И в том и другом случаях в целях успешной коммуникации необходима идентификация их означаемого, т.е. перевод, который может иметь внетекстовый характер, в виде подстрочника: *Правду сказал мой любимый писатель: Il n'est de bonheur que dans les voies communes* (А. Пушкин); *Счастье можно*

найти лишь на проторенных дорогах (фр.). – Кажется, слова Шатобриана. Прим. изд. – (Прим. А.С.Пушкина).

Однако такой способ перевода неудобен для читателя, который вынужден отвлекаться (пусть и ненадолго) от восприятия описываемых событий. Поэтому, как правило, авторы прибегают к внутритекстовому содержательному комментированию. Содержательное комментирование является разновидностью метатекстового комментирования, поэтому необходимо остановиться на понятии «метатекст».

В письменной коммуникации существуют две позиции – позиции автора и читателя, и можно предположить, что и та, и другая входят в компетенцию пишущего, когда он в стремлении высветить употребляемые в собственном тексте номинации комментирует их. По мнению И.Т. Вепревой, такое поведение автора текста есть не что иное, как вербализация сознательных интеллектуальных усилий по преодолению напряжения, возникающего в речевой деятельности. Под «напряжением» в данном случае следует понимать возможные вопросы, возражения со стороны гипотетического адресата относительно содержания или формы написанного.

Ориентированность на адресата неизбежно ведёт к тому, что автор сопровождает основное содержание текста различными метаязыковыми, т.е. направленными на объяснение употребления языковых знаков, комментариями. Эти включения в виде пояснений, поправок, переводов и толкований, замечаний оценочного характера создают метатекст, и всё повествование становится двуплановым – метаязыковые линии, вплетаемые в текст, приобретают вид такой надстройки над ним, в рамках которой содержатся всевозможные попутные сведения о том, как следует воспринимать разного рода номинации, независимо от того, являются они собственно авторскими или представляют собой чужеродные вкрапления. Понятие «метатекст» за время своего существования приобрело различные очертания, делающие его многоликим. В статье А. Вежбицкой «Метатекст в тексте» рассматриваются «метатекстовые нити» – слова и выражения, которые имеют своими референтами тему высказывания (*Что касается..., Если речь идёт о..., Насчёт...*), «дистанцию по отношению к отдельным элементам (словам) внутри предложения (собственно говоря, довольно, почти, скорее), связь между фрагментами высказывания (*кстати, notably, между прочим, впрочем*), части текста, предшествующие данной (*это, то, там, ранее*) [Вежбицкая 1978: 403-404]. Иной взгляд на метатекст видим у Ю.М. Лотмана. Если А. Вежбицкая встаёт на теоретическую точку зрения относительно нарушения связности текста, то Ю.М. Лотман пытается принять позицию рядового носителя языка и потребителя текста. По Лотману, создатель

текста использует метатекстовые элементы для придания ему большей связности и тем самым для его лучшего понимания получателем, и с этим нельзя не согласиться. Неслучайно метатекстовые включения ученый называет «шумом», новой структурной подсистемой, которая не разрушает старую, а функционирует одновременно с ней в качестве фона [Лотман 1970: 96-98].

Более однозначное (принимаемое и нами) понимание метатекста сложилось на основе работ Р. Якобсона. Согласно его концепции, метатекстовыми элементами будут не всякие части текста, имеющие референцию к нему самому, а только те, что выполняют метаязыковую функцию. Она заключается в том, что «предметом речи становится код сообщения (текста)» [Якобсон 1975: 202].

Предложенное понимание получает развитие в работах М.В. Ляпон, по мнению которой, единицами «специально метаязыкового назначения» следует признать только те, при помощи которых говорящий контролирует свои операции с языком, осуществляет самоконтроль в процессе словесного оформления коммуникативного замысла. В строгом смысле слова, «метатекст в тексте – это вербализация контроля над вербализацией» [Ляпон 1986: 54]. И.Т. Вепрева называет такие метаязыковые единицы «рефлексивами» – относительно законченными метаязыковыми высказываниями, содержащими комментарий к употребляемому слову [Вепрева 2005: 384].

Содержательное комментирование номинаций предполагает разъяснение их содержания, т.е. означаемого текстового знака – метаязыковой элемент при этом как бы предписывает адресату: «Имей в виду, что это слово, выражение означает следующее...».

Комментарий по поводу содержания каких-либо номинаций, как правило, спровоцирован тем, что находящаяся в составе высказывания единица не выполняет своих номинативных функций, поскольку не отправляет сознание адресата к соответствующему означаемому или посылает его по ложному пути.

В одних случаях комментарий необходим, поскольку адресату вообще неизвестна номинация или же известна, но по своей природе или в силу неудачного использования лишена способности однозначно указывать на класс реальных. В этих условиях задача метаязыкового комментирования сводится к констатации денотативного значения соответствующей номинации, то есть той части содержательной структуры знака, которая указывает на класс реальных (ситуаций), обобщенных языком по какому-либо набору дистинктивных признаков [Колшанский 1976: 13; Попова, Стернин 1984: 26; Копров 2010: 27-30].

В случае, когда в текст попадают слова и выражения, составленные по законам другой знаковой системы или функционирующие в кругу

коммуникантов, отличным от того, который знаком и привычен адресату (например, иноязычные номинации) используются два способа комментирования: эквивалентное замещение одной номинации другой и толкование.

Для целей внутритекстового перевода эти способы вполне удобны. В качестве средства комментирования чаще всего, хотя и не исключительно, используются вставные единицы различного объема, от отдельного слова до предложения:

Pronto? (Готово?) – озабоченно спросил он звонким шепотом, указывая глазами на страшную дверь в конце коридора (И. Бунин);

... К нему применимы слова Маллармэ, вложенные в уста его *Продиады*: / ..J'aime l'horreur d'être vierge et je veux / Vivre parmi l'effroi que me font mes cheveux... (Я люблю позор быть девственной и хочу жить среди ужаса, рождаемого моими волосами...) (Н. Гумилев).

Вставные единицы могут инициироваться союзом *то есть*, наречием *по-русски*, сочетанием предлога с существительным в переводе и другими формальными показателями эквивалентного замещения: *Позволю себе напомнить читателю, что в Англии, с тех пор как был принят закон... о Детях и Молодых Особах, термин “гёрль-чайльд” (т.е. девочка) определяется как “лицо женского пола, имеющее от роду свыше восьми и меньше четырнадцати лет...”* (В. Набоков).

Не исключена ситуация, когда автор уклоняется от идентификации означаемого. В этом случае вставка либо сигнализирует о попытках перевода: *Единственное стихотворение в книге, которое у меня не вызвало никакой положительной реакции, кроме того, что j'admire votre courage (как это сказать по-русски?), это перевод из Alexis Leger, который, как Вы знаете, такой же поэт, как я балерина* (Г. Газданов), либо констатирует его невозможность: *Он остался invulnerable (во всем объеме непереводимо), вне лирического потока* (М. Цветаева); *Если великокняжеское юношество статуи по форме: живой мрамор, сановники – статуи по материалу: гипсу Rigidite (русского точного слова нет) старых, полых, заполненных известью костей (она же).*

Подобного рода колебания создают иллюзию вкрапления в высказывание фрагмента внутренней речи.

Вежицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 8. – М.: Прогресс, 1978. – С. 403-404.

Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 384 с.

Колшанский Г.В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 13.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970.

Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. – М.: Наука, 1986.

Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1984.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М., 1975.

А.В. Петров

Поморский университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск

СИСТЕМНОСТЬ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Категория безличности, типология безличных конструкций разноструктурных языков неизменно находятся в сфере научных интересов профессора Виктора Юрьевича Копрова. Суждения ученого о сущности безличных предложений изложены им в специальных работах [Копров 2005а; Копров 2005б], семантико-функциональное описание различных типов рассматриваемых конструкций дается в обобщающих монографических трудах [Копров 2000; Копров 2010].

В данной статье безличные предложения русского языка характеризуются с точки зрения их системности, здесь описывается их структурно-семантическая классификация, составленная нами на основе наблюдений над языковым материалом и теоретических рассуждений, изложенных в нашей монографии [Петров 2007].

Систему безличных предложений можно представить как функционально-семантическое поле (ФСП) моноцентрического типа. Соотношение центра и периферии ФСП характеризуется совокупностью следующих черт: 1) максимальная концентрация базисных семантических признаков, определяющих качественную специфику данного ФСП (центр), – разреженность таких признаков (периферия); 2) сосредоточение связей, участие в максимальном числе оппозиций (центр) – рассредоточение «сетки связи», их ослабление, проявление той или иной степени изолированности (периферия); 3) наибольшая специализированность данного языкового средства или системы таких средств для реализации определенных семантических функций (центр) –

меньшая степень специализации (периферия); 4) регулярность функционирования данного языкового средства или комплекса средств (центр) – нерегулярность или меньшая степень регулярности, меньшая употребительность (периферия) [Бондарко 2005: 18].

На данной основе И.В. Недялков выделяет следующие семантические типы русских безличных конструкций (БК): 1) погодные / природные БК: *Вечереет. Потеплело.* – центр семантической категории и ФСП безличности; 2) физиологические БК: *Меня укачивает. Мне нездоровится.* – ближняя периферия семантической категории и ФСП безличности. Все последующие типы составляют переход от ближней к дальней периферии семантической категории и ФСП безличности: 3) психоэмотивные БК: *Мне взгрустнулось. Ему хотелось уйти;* 4) БК чувственного восприятия: *Чем здесь пахнет? Ничего не слышно;* 5) модально-деонтические БК: *Мне пришлось уйти. Вам незачем уходить;* 6) модально-потенциальные БК: *Вам меня не догнать. Мне его не отыскать;* 7) оценочные БК: *Ей повезло. Ей легко учиться. Нам стоит туда пойти;* 8) БК, обозначающие положение вещей в определенном месте (*В доме уютно*), в том числе, перфектные (*Снегом занесло дорогу*) и результативные ситуации (*В избе натоплено*); 9) БК, обозначающие отсутствие или недостаток чего-либо где-либо: *На небе ни облачка. У них со временем плохо;* 10) ментальные БК: *Меня вдруг осенило* [Недялков 2005: 236-237].

Данная классификация, безусловно, представляет интерес, однако, на наш взгляд, более точная классификация должна учитывать как семантические, так и структурные особенности безличных моделей. Так, В.Ю. Копров рассматривает безличные конструкции в общей семантико-структурной типологии предложений, выделяя: 1) классы в зависимости от количества актантов в их семантической структуре (одноактантные, двуактантные, трехактантные); 2) частеречные типы (адъективные, вербальные, партиципальные); 3) инвариантные семантические структуры и структурные схемы; 4) подтипы, характеризующиеся специфическим комплексом категориально-грамматическим признаков актантов [Копров 2010: 184-215]. Например, предложение: *Дерево сломало* квалифицируется как двуактантная вербальная безличная конструкция N 4 – V 3, в которой агенс-каузатор, представленный синтаксическим нулем, характеризуется как демиактивный неопределенный [Копров 2010: 201].

В самом общем виде систему безличных предложений можно представить так: по структуре – глагольные и именные, по семантике – бессубъектные и субъектные, однако анализ языкового материала позволил нам выделить следующие структурно-семантические

разновидности русского безличного предложения, которые также можно представить как ФСП безличности не только на семантической, но и на структурной основе, поскольку категориальное значение безличности базируется на специализированных формах и специализированных конструкциях безличности:

- 1) бессубъектные: *Смеркается. Морозно;*
- 2) локативно-субъектные: *В лесу тихо. В трубе гудит. В ухе звенит;*
- 3) дативно-субъектные: *Мне нездоровится. Ему плохо. Ей горе;*
- 4) объектно-субъектные: *Развезло дорогу. Меня подбросило. Видно деревню;*
- 5) инструментально-субъектные: *Веет прохладой. Ветром сорвало крышу. Лицо перекосило судорогой;*
- 6) неопределенно-субъектные: *Под столом зашуришало. Приказано идти;*
- 7) безлично-результативные: *Славно спето. Так получилось. Вышло хорошо;*
- 8) инструментально-тематические: *С хлебом туго. С пенсией не выходит. С парнем беда;*
- 9) безлично-генитивные: *Нет ветра. Не оказалось книги. Народу понаехало;*
- 10) безлично-модальные: *Нам надо ехать. Ему хочется спать. Ей не до разговоров;*
- 11) безлично-оценочные: *Мне трудно говорить. Ей приятно слушать;*
- 12) контактно-относительные: *Мне кажется, что... Известно, что... Получается, что...*

Как видим, ядерные – бессубъектные – варианты противопоставляются всем остальным, в которых субъект действия или состояния так или иначе представлен (способом его представления различаются варианты 2-6). Ядерные конструкции «являются специфичной группой коммуникативных единиц, в которых безличное содержание персональности находится в полном соответствии с предикативной безличностью грамматической основы», в то же время все остальные безличные конструкции «в речевом функционировании оказываются по своему содержанию личными, т.е. приобретают в высказывании, в силу действия в нем тех или иных непредикативных, но актуализационных функций персональности, личное значение» [Химик 1986: 13].

Видимо, следует расширить ядро ФСП за счет вариантов (2, 3), которые представляют наиболее типичные безличные конструкции со статальной семантикой, ближнюю периферию поля составляют варианты (4, 5) с семантикой стихийного действия.

Вариант (5) представлен только глагольными по структуре предложениями, вариант (11) – только именными, в то время как остальные варианты могут быть выражены и глагольными, и именными конструкциями. Облигаторным компонентом двух вариантов (10, 11) является зависимый инфинитив, примыкающий к форме безличности, его использование также возможно в варианте (6). Вариант (12) реализуется только в сложноподчиненном предложении с безличной главной частью.

Особенность данного ФСП заключается в том, что его ядро составляют предложения, в которых безличность представлена в наиболее чистом, идеальном, концентрированном виде, однако подобные структуры не отличаются разнообразием и являются наименее употребительными и частотными в речи по сравнению с другими вариантами, кроме широко употребляемого варианта (3). Вместе с тем на периферии системы находятся самые частотные и разнообразные по структуре и семантике конструкции (9-12), причем самые далекие от центра варианты – безлично-оценочные и контактно-относительные предложения – находятся в зоне переходности между односоставными и двусоставными конструкциями, в них наименее ощутима безличная семантика, ее признаки разрежены.

Системность тех или иных языковых единиц формируется прежде всего парадигматическими отношениями внутри системы, а также связями элементов системы с элементами смежных систем. Парадигматика представляет собой оппозиции языковых единиц в рамках общего значения или языковых значений в рамках общей структуры единиц.

Рассмотрим семантическую и структурную парадигматику системы русских безличных предложений.

Семантика **состояния природы и окружающей среды** объединяет (1) бессубъектные, (2) локативно-субъектные, (3) объектно-субъектные, (4) инструментально-субъектные, (5) безлично-результативные и (6) безлично-генитивные предложения. Собственно статальную семантику передают первые два варианта: (1) – пространственно неограниченное состояние: *Вечереет*; а (2) – состояние в определенном пространстве: *В доме холодно*. Состояние окружающей среды, формируемое стихийным действием природных сил, выражают следующие два варианта: (3) – непосредственное воздействие, направленное на объект: *Избушку покосило*; (4) – воздействие на объект посредством орудия: *Землю сковало морозом*; кроме того, вариант (4) выражает состояние среды, обусловленное распространением-восприятием природных явлений: *Пахнет мятой*. Вариант (5) передает состояние как результат какого-либо действия:

На крыльце *натоптано*; а вариант (6) совмещает статальную семантику с бытийной: *Звуков не раздавалось*.

Семантика **психофизического состояния человека** объединяет (1) дативно-субъектные, (2) локативно-субъектные, (3) объектно-субъектные, (4) инструментально-субъектные, (5) инструментально-тематические, (6) безлично-генитивны́е предложения. Специализированное обозначение психофизического состояния характерно для варианта (1): *Мне весело*; в то время как в варианте (2) для этого требуются дополнительные усилия контекста: *У меня звенит в ушах*. Данная семантика формируется в результате метафорического переноса конструктивного значения в вариантах: (3) – *Меня знобит*; (4) – *Ноги свело судорогой*. Значение психофизического состояния не является типичным для вариантов (5) и (6), оно совмещается с семантикой отношения в (5): *У нее плохо с сердцем*; и с бытийной семантикой в (6): *Не чувствовалось боли в голове*.

Семантика **стихийного действия** выражается в (1) объектно-субъектных, (2) инструментально-субъектных и (3) неопределенно-субъектных предложениях. Если в первых двух вариантах выражается собственно стихийное действие неких сил: (1) *Грузовик потряхивало*; (2) *Крышу снесло ураганом*; то в варианте (3) передается конкретное действие неопределенного деятеля воспринимаемое как стихийное: *За окном завывало*.

Семантику **субъективного отношения к объективной действительности** выражают (1) бессубъектные, (2) локативно-субъектные, (3) дативно-субъектные, (4) объектно-субъектные, (5) безлично-результативные, (6) инструментально-тематические, (7) безлично-генитивны́е, (8) безлично-оценочные, (9) контактно-относительные, предложения, причем только для вариантов (5), (6), (9) данная семантика является основной. Пространственно-временные отношения как дополнительные семантические признаки конструктивной семантики выражаются в вариантах: (1) *Еще очень рано*; (4) *Ему стукнуло сорок*; (8) *Идти еще далеко и долго*. Отношения, связанные с восприятием действительности, выражаются в вариантах: (2) *Как чудесно вокруг!* – субъективное восприятие; (4) *Слышно песню*; (7) *Не слышно песни* – объективное восприятие. В варианте (3) семантика отношения тесно связана с основной статальной семантикой: *Мне везет*; *Ему неидется*.

Отношение к сложившейся в результате определенных действий ситуации выражается в варианте (5): *Вышло хорошо*; отношение к ситуации, связанной с объектом-темативом передает вариант (6): *С концертом не получается*. Самая разнообразная семантика отношения

представлена в варианте (9): *Меня возмущает, что...; Известно, что...; Ему невдомек, что...*

Модальная семантика в чистом виде выражается только в безлично-модальных предложениях: *Мне необходимо съездить туда*; однако она может быть представлена также в безлично-генитивных: *Мне нет жизни без тебя*; и в безлично-оценочных предложениях: *Поздно жалеть об этом*. Аналогично обстоят дела с семантикой **оценки**, основным выразителем которой являются безлично-оценочные предложения: *Вредно курить*; тем не менее оценка как дополнительное значение выражается также в безлично-модальных предложениях: *Невыносимо терпеть*; и контактно-относительных конструкциях: *Хорошо, что успели приехать*.

Большинство вариантов русского безличного предложения способно иметь в своей структуре **локативный конкретизатор**, однако только в локативно-субъектных предложениях он является компонентом, формирующим семантику конструкции в целом и совмещающим обстоятельственную и субъектную функцию: *В лесу было темно*; *В животе бурчит*; конструктивно обязательным локатив является в неопределенно-субъектных предложениях: *В печи потрескивало* – он называет пространство, в котором действует неопределенный деятель; в безлично-модальных: *В деревне не до болезней* – замещает субъектный компонент.

Дательный субъекта является облигаторным компонентом, формирующим семантику конструкции, в дативно-субъектных предложениях, выражая субъект состояния: *Ему холодно*; *Им печально*; но он может участвовать в формировании структуры и других вариантов: в причастных неопределенно-субъектных предложениях обозначает объект волеизъявления: *Мне поручено сделать доклад*; в безлично-модальных и безлично-оценочных предложениях выражает модальный субъект или субъект оценки: *Тебе не к лицу плакать*; *Ей трудно говорить*; в контактно-относительных предложениях представляет субъект отношения: *Мне известно, что...*

Прямые дополнения являются обязательными для формирования объектно-субъектных и инструментально-субъектных предложений: *Лодку опрокинуло*; *Грозой спалило дерево*; в безлично-модальных предложениях прямой объект может выполнять субъектную функцию: *Меня тянет повеселиться*.

Как видим, разные структурно-семантические варианты безличных предложений тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены внутри системы, но они имеют и устойчивые связи с элементами других синтаксических систем русского языка. «Своеобразие безличных предложений заключается в их семантической и структурной стороне.

Это создает синонимичность их различных типов и синонимическую соотносительность с двусоставными предложениями» [Собинникова 1991: 4].

Так, В.В. Бабайцева, анализируя синонимику двусоставных и односоставных безличных глагольных предложений, подчеркивает, что в двусоставном предложении действие совершается по воле или желанию деятеля, в односоставном – состояние не зависит от воли или желания носителя состояния (*Я не работаю – Мне не работается*); односоставные предложения отличаются от синонимичных двусоставных не только различным грамматическим оформлением, но и семантико-стилистическими оттенками, обусловленными различием в передаваемых суждениях (*Ветер унес лодку – Ветром унесло лодку*); в двусоставном предложении выражен семантический субъект, которому в односоставном предложении соответствует семантический объект (*Приятно пахнет сирень – Приятно пахнет сиренью*); в двусоставном предложении распределяется внимание между действием и деятелем, а в односоставном предложении актуализируется действие (*Что-то гудит в трубе – В трубе гудит*); односоставное предложение семантически богаче двусоставного, так как заключает в себе и предмет речи / мысли, и неопределенную характеристику образа действия (*Такое бывает – Так бывает*) [Бабайцева 2004: 214-228].

Исследовательница определяет соотношение безличных именных и двусоставных предложений следующим образом: 1) в двусоставных выражаются логические суждения, а в односоставных – логико-психологические суждения, в которых предмет речи / мысли входит в структуру мысли в виде наглядно-чувственного образа; 2) в двусоставных предложениях сообщается о носителе признака и его предикативной характеристике, а в односоставных – выражается актуализированное состояние человека, природы, окружающей среды и т.д.; 3) в двусоставных предложениях выражается семантика характеристики, а в односоставных – состояния [Бабайцева 2004: 240-241]: *Я грустна – Мне грустно; Двор был пуст – Во дворе было пусто; Видна гора – Видно гору*.

Э.Н. Осипова обращает внимание на то, что «во всех случаях использования безличных предложений при наличии синонимичных личных, выбор объясняется желанием автора показать «стихию» природы, жизни, которая «обрушивается» на воспринимающего субъекта, оказавшегося в центре происходящего» [Осипова 2004: 28].

С точки зрения системности, интерес представляют **синтагматические связи** безличных предложений, т.е. их функционирование в составе сложных предложений, сложного

синтаксического целого, их сочетаемостные отношения в синтаксической системе русского языка.

Сложноподчиненные предложения (СПП) с безличной семантикой стали объектом диссертационного исследования В.А. Лаврентьева, который приходит к следующим выводам: в силу конструктивных и семантических особенностей безличные предикативные единицы обладают широким валентностным диапазоном и способны вступать в подчинительные отношения в составе СПП с другими элементами их структуры (не сочетаются только безличная главная часть с номинативной придаточной); условия, благоприятствующие выражению безличности в СПП, являются: употребление безличных предикативных единиц в функции препозитивной главной части, модальное значение, приближающее функцию главной части к значению вводного компонента, выражение придаточной части двусоставной предикативной единицей; СПП может иметь абсолютно-безличную, безлично-личную или лично-безличную семантику [Лаврентьев 2001: 6].

Для выявления синтагматических связей безличных предложений необходимо охарактеризовать их текстообразующую роль в составе сложного синтаксического целого (ССЦ). Так, Э.Н. Осипова, анализируя функционирование безличных глагольных предложений в текстовом аспекте, приходит к следующим выводам: такие предложения формируют целостность текста, выступают средством связности в ССЦ (реализуют внутренние связи в раскрытии микротемы), задают модель ССЦ, членят текст на структурно-смысловые блоки, соотнося эти блоки друг с другом, одно ССЦ с другим, подводят итог повествованию, отмечают рематическое движение текста [Осипова 2004: 25-27].

Синтагматика синтаксических единиц может характеризоваться выявлением роли контекста в реализации их структурных и семантических признаков. Так, наши наблюдения позволяют сделать выводы о контекстуальных связях разных типов безличных предложений.

Бессубъектные и локативно-субъектные предложения, выражающие состояние окружающей среды, обозначают фон, на котором разворачиваются события, названные контекстом (*Вечерело. Люди возвращались с работы*); определяют причины появления (*В доме темно. Надо зажечь свечи*) и условия протекания (*Когда рассветет, продолжим поход*) тех или иных событий.

Дативно-субъектные и локативно-субъектные предложения, выражающие состояние человека, вступают в причинно-следственные связи с различными ситуациями, описанными в контексте: *Мне было плохо. Урок пришлось отменить; Получил письмо. На душе потеплело.*

Реальный деятель, действующий в объектно-субъектных предложениях, может быть назван в контексте, однако большой необходимости в этом нет, поскольку он все равно воспринимается как орудие «в руках» некоей силы, неизвестной говорящему: *Река вышла из берегов. Всюду снесло мосты.*

Неопределенно-субъектные глагольные предложения «провоцируют» ближайший контекст на обозначение источника действия или на предположение по поводу его происхождения: *За стеной зашумело. Что это, дождь?*

Безлично-результативные предложения часто обозначают следствие, результат развития названных в предшествующем контексте событий: *Катя решила сменить прическу. Вышло хорошо.*

Контактно-относительные предложения реализуются исключительно в главной части сложноподчиненного предложения с изъяснительной придаточной частью: *Получается так, что он не успел на поезд.*

Итак, систему безличных предложений можно представить как функционально-семантическое поле моноцентрического типа, построенное не только на семантическом, но и на структурной основе. Системность безличных предложений формируется парадигматическими отношениями внутри системы (семантические и структурные парадигмы), связями элементов системы с элементами смежных систем (синтаксическая синонимика с односоставными и двусоставными конструкциями); синтагматическими отношениями (функционирование в составе сложных предложений, сложного синтаксического целого, сочетаемостные связи в контексте).

Бабайцева В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке. – М.: Дрофа, 2004. – 512 с.

Бондарко А.В. Полевые структуры в системе функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. – СПб.: Наука, 2005. – С. 5-36.

Копров В.Ю. Сопоставительная типология предложения. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2000. – 192 с.

Копров В.Ю. Личность и безличность в лингвокультурологии и в грамматике разноструктурных языков // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 5. – С. 79-85.

Копров В.Ю. Грамматическая безличность в русской языковой картине мира // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории. – СПб., 2005. – С. 30-36.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.

Лаврентьев В.А. Сложноподчиненное предложение с безличной семантикой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Рязань, 2001. – 22 с.

Недялков И.В. Английские и русские безличные конструкции: полевые структуры, центр и периферия // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. – СПб.: Наука, 2005. – С. 233-243.

Осипова Э.Н. Односоставные глагольные предложения в функционально-коммуникативном аспекте: материалы к спецкурсу. – Архангельск, 2004. – 32 с.

Петров А.В. Безличность как семантико-грамматическая категория русского языка. – Архангельск, 2007. – 295 с.

Собинникова В.И. Сопоставительная характеристика глагольных безличных предложений и предложений с безлично-предикативными словами в русском и других славянских языках. – Воронеж, 1991. – 191 с. – Деп. в ИНИОН от 09.04.1991, № 44316.

Химик В.В. Предикативная безличность предложения и персональность высказывания // Строение предложения и содержание высказывания: межвуз. сб. науч. тр. – М., 1986. – С. 8-17.

Е.А. Пляскова, Донг Тхи Тхань Там
Воронежский государственный университет

СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЬЕТНАМСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (на фоне русских фразеологических единиц)

Сопоставительный анализ фразеологических единиц таких разных по структуре языков, как русский и вьетнамский, представляет большой интерес, т.к. работ по сопоставительному исследованию фразеологизмов этих языков очень немного [Фунг Чонг Тоан 1995; Динь Тхи Тху Хуэн 2001; Ву Тхи Ха 2002]. Обычно ученые ставят целью выявление типов межъязыковых фразеологических соотношений. Данное же исследование посвящено **структурным особенностям** вьетнамских фразеологизмов.

Структура вьетнамских фразеологизмов относительно устойчива. Во вьетнамской фразеологии выделяются три основных структурных типа фразеологизмов: фразеологизмы-параллелизмы, компаративные фразеологизмы и нейтральные (некомпаративные) фразеологизмы.

Фразеологизмы-параллелизмы, или парные соотносительные фразеологические единицы [Фам Тхи Тхань Ха 2005: 6]) – это самый популярный тип вьетнамских фразеологизмов. По данным исследований, они составляют около 56 % всего фразеологического состава вьетнамского языка и часто используются и в речи, и в литературе [Hoàng Văn Hành 2002: 37].

Такие фразеологизмы состоят из четырех слов. Это устойчивые выражения, значения которых нельзя вывести из значений слов, входящих в их состав, и нельзя понять только по половине выражения. Например, *áo dài dài rộng* (длинная рубашка, широкий корсаж), т.е. «сделать карьеру, иметь важное положение в обществе». Значение этих фразеологизмов не зависит от порядка следования образов. Например, можно сказать *áo vải com rau* (простая рубашка, рис с овощами) и *com rau áo vải* (рис с овощами, простая рубашка), что значит «жить простой жизнью; простота в материальной жизни». Во фразеологизме *đầu voi đuôi chuột* (голова слона, хвост мыши), проблема сначала подается как большая, важная и интересная, но, в конце концов, оказывается, что эта проблема незначительная.

Особенностью данного типа фразеологизмов является параллелизм между частями фразеологизма и между его компонентами. Например: *trên đe dưới búa* (внизу наковальня, сверху молоток) «попасть в трудную ситуацию»; *hứa hươu hứa vượn* (обещает олень, обещает гиббон) «обещать и не выполнять обещание». Отношения параллелизма строятся на основе совпадения компонентов в лексическом и грамматическом значениях, т.е. наблюдается параллелизм в плане содержания и в плане выражения. Параллелизм в плане выражения проявляется в том, что противопоставляемые слова соотносятся по значению, т.е. либо находятся в отношении синонимии или антонимии: *đổi trắng thay đen* (поменять белое, изменить черное), *trên đe dưới búa* (внизу наковальня, сверху молоток); либо относятся к одной лексико-семантической группировке: *mẹ tròn còn vuông* (мать – круг, ребенок – квадрат). Параллелизм в плане выражения основывается на совпадении грамматического значения противопоставляемых компонентов параллелей, т.е., если слово А противопоставляется слову В, то они принадлежат к одной части речи.

В некоторых фразеологизмах одно и то же слово повторяется и в первой, и во второй частях. Например, *hứa hươu hứa vượn* (обещает олень, обещает гиббон), *nói nặng nói nhẹ* (говорить тяжело – говорить мягко); *thề sống thề chết* (клясться жизнью, клясться смертью). Повторяющиеся элементы обычно бывают глаголами и числительными, и они всегда стоят в начале частей фразеологизма.

Такая же структура может быть и у фразеологизмов, которые состоят более чем из четырех слов (хотя такие примеры встречаются очень редко). Например, фразеологизм *ăn như rồng cuốn, làm như mèo mửa* (кушать, как дракон летает – делать, как коты тошнит) «много ест, но мало работает».

Часто комбинация компонентов обеих частей фразеологизма нарушается, при этом нарушается и логичность высказывания, однако

общее значение фразеологизма сохраняется. Например: вместо выражения *hòn đạn mũi tên* (пуля стрелка, носик пули) говорят *hòn tên mũi đạn* (носик стрелка – пуля пули) или вместо *xa chạy cao bay* (далеко бегать – высоко летать) говорят *cao chạy xa bay* (высоко бегать – далеко летать). Если у традиционных фразеологизмов-параллелизмов связь между частями не крепкая, то структура фразеологизмов, построенных с нарушением логики, требует более крепкой связи между частями.

Нарушение логического порядка является во вьетнамском языке способом усиления идиоматичности выражения. Это имеет свои плюсы и минусы. С одной стороны, слова расположены с учетом удобства их произношения, поэтому весь фразеологизм красиво и легко произносится. (Во вьетнамском языке, и в частности, вьетнамской фразеологии очень важны общий ритм и тоновый рисунок выражения.) Но, с другой стороны, значение такого фразеологизма бывает трудно понять.

Похожее явление – нарушение логической связи между компонентами – встречается и в русской фразеологии: *от жилетки рукава, без году неделя, резать слух* и под. «Это специально созданные, обычно комические выражения, в которых сама нелогичность выполняет семантическую функцию» [Гвоздарев 2009: 319].

Вторым типом вьетнамских фразеологизмов являются **компаративные фразеологизмы**. Это устойчивые сочетания слов, построенные по принципу сравнительного оборота и имеющие образное значение: *khỏe như voi* (сильный как слон), *đen như bò hóng* (чёрный как сажа), *rách như xơ mướp* (рванный как волокно кабачка), *chậm như rùa* (медленно как черепаха), *nóng như lửa* (жаркий как огонь). Фразеологизмы-сравнения часто используют в народных песнях, и их легче всего понять. Этот тип фразеологизмов тоже занимает достаточно большое место среди фразеологизмов.

Структура фразеологизмов-сравнений более разнообразна, чем структура свободных сочетаний-сравнений.

1. A như (как) B: *lạnh như tiền* (холодный, как деньги), *khóc như mưa* (плакать, как дождь идёт).

2. (A) như (как) B: *(ăn ở) như bát nước đầy* ((жить) как полный стакан воды).

3. Như (как) B: *như mong mẹ về chợ* (как ребенок ждет маму с рынка).

4. (A) t như (как) B, где t – признак A (во многих фразеологизмах элемент A отсутствует): *sự thật rõ như ban ngày* (правда ясна как день) [Hoàng Văn Hành 2002: 55].

В русском языке также есть фразеологизмы такого типа. В них в качестве сравниваемого компонента обычно выступает глагол

(бояться как огня, жить как у Христа за пазухой), прилагательное (мокрый как мышь) или же первый компонент вообще не употребляется (как с гуся вода, как ветром сдуло).

Кроме таких типов, во вьетнамском языке есть **некомпаративные** фразеологизмы (во вьетнамской фразеологии их называют нейтральными [Hoàng Văn Hành 2002: 38]), которые по структуре сходны с русскими фразеологическими единицами:

1) ФЕ, равные предложению, например: вьетн. *dao sắc không gọt được chui* (острый нож не может резать свою рукоятку), *châu châu đá voi* (саранча бьет слона) и рус. *куда Макар телят не гонял, вот где собака зарыта*.

2) ФЕ, равные словосочетанию, построенные по следующим моделям: глагол + (предлог) + сущ.: вьетн. *tức nổ mắt* (сердиться до взрыва глаз), рус. *закинуть удочку, сесть в калошу, высосать из пальца*; глагол + (предлог) + прилаг. + сущ.: вьетн. *ngồi chưa ấm chỗ* (сидеть не до теплого места), рус. *гадать на кофейной гуще, ходить на задних лапах*; глагол + сущ. + предлог + сущ.: вьетн. *ném tiền qua cửa sổ* (бросать деньги в окно), *múa rìu qua mắt thợ* (танцевать топором в глазах мастера), *đếm cua trong hang* (считать крабов в пещере), рус. *брать быка за рога, положить зубы на полку*; прилаг. + сущ.: вьетн. *dẻo mồm* (гибкий рот), *mặt dày* (толстое лицо), рус. *золотые руки, гусь лапчатый*; сущ. + сущ.: вьетн. *miệng hùm* (рот тигра), *mắt lươn* (глаза змеи), рус. *яблоко раздора, корень зла*; сущ. + предлог + сущ. (вьетн. *nước đến chân* (вода до ног), рус. *лицом к лицу, кровь с молоком*).

Таким образом, сопоставительный анализ структуры фразеологизмов в русском и вьетнамском языках выявил как различия, так и сходства в построении фразеологических единиц в обоих языках.

Ву Тхи Ха Фразеология раннего творчества А. П. Чехова и способы передачи ее на вьетнамский язык: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002.

Гвоздарев Ю.А. Современный русский язык: Лексикология и фразеология. – Ростов н/Д: Феникс; Издательский центр «МарТ», 2009. – 352 с.

Динь Тхи Тху Хуэн. Русские фразеологизмы со значением характера человека с позиции носителя вьетнамского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001.

Фам Тхи Тхань Ха. Сопоставительный анализ соматических фразеологизмов английского и вьетнамского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2005. – 23 с.

Фунг Чонг Тоан. Национально-культурная специфика русских фразеологизмов в сопоставлении с вьетнамскими в целях обучения русскому языку как иностранному: автореф. дис. ... канд. педагог. наук. – М., 1995.

Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 1969. – 231 с.

Hoàng Văn Hành. Kể chuyện thành ngữ Việt Nam. – Hà Nội: Nhà xuất bản khoa học – Xã hội. – Hà Nội, 2002.

Е.А. Попова

Липецкий государственный педагогический университет

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРИДАТОЧНЫМ ИРРЕАЛЬНОГО УСЛОВИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Имя Виктора Юрьевича Копрова широко известно в научном мире благодаря фундаментальным исследованиям по сопоставительной типологии предложений разноструктурных языков, национально-культурной специфике синтаксических концептосфер многих языков, структурно-семантической организации предложений различных типов и другим вопросам синтаксиса [Копров 2010]. Желая остаться в русле научных интересов юбиляра, в статье мы обратимся к рассмотрению структуры, семантики и одной из функций сложноподчиненных предложений с придаточным ирреального условия в русском языке.

Современный этап развития лингвистической мысли характеризуется тем, что главными ориентирами исследовательского процесса стали текст и человек (языковая личность, говорящее лицо). В изменившейся системе взглядов на язык высшей языковой реальностью признается текст. Но предложение и текст соотносятся между собой как часть и целое. «Изучая предложение как единицу, замкнутую в самой себе, – отмечает Г.А. Золотова, – лингвистика лишает себя возможности проверить достоверность и действенность теоретических рубрикаций речевой жизнью предложения. По ходу развития интереса к межпредложенческим связям, к тексту возникает барьер, прерывающий естественное движение научной мысли. Вера в незыблемость традиционной грамматики делает этот барьер непреодолимым, разводя проблематику предложения и текста по разным направлениям, как бы не признавая между ними отношений *части и целого* (курсив наш. – Е.П.) и их общего коммуникативно-смыслового назначения. Между тем к совокупности предложений, к тексту применим тот же исследовательский инструментарий: вопросы **что? как? для чего?** (выделено нами. – Е.П.)» [Золотова 1988: 56].

Сложное предложение является конститuentом текста. Один из основных аргументов, мотивирующих органичную связь сложного предложения с категориями текстового уровня, по мнению М.В. Ляпон, заключается в «способности устанавливать связь между фрагментами информации и квалифицировать эту связь (т.е. устанавливать отношения)», что и является тем «эвристическим свойством человеческой психики, которое предопределяет творческую активность речевой деятельности, отраженной в тексте» [Ляпон 1982: 75].

В «Коммуникативной грамматике русского языка» Г.А. Золотовой, Н.К. О니пенко и М.Ю. Сидоровой отмечается, что «понятие функции предполагает отношения части и целого, элемента и системы. Каждая синтаксическая единица выполняет в строе целого свою типовую функцию, чтобы весь синтаксический механизм работал для осуществления коммуникации. Функция выражает отношение синтаксической единицы к коммуникативной единице. Функция – это предназначенность элемента к определенному способу существования в системе, к определенному служению этой системе» [Золотова 2004: 45].

Человеческий фактор проявляется в структуре, семантике, функционировании любого элемента языковой системы. Например, сложное предложение оказывается точкой приложения мыслительной активности субъекта – участника акта коммуникации, выступает ли он в качестве говорящего (автора) или в качестве слушающего, потому что «уже сам по себе выбор связующего средства, с помощью которого инициатор сообщения соединяет фрагменты информации, когда он строит высказывание в форме сложного предложения, есть не что иное, как операция умозаключения, поскольку этот выбор предопределен тем выводом, к которому говорящий приходит, оценивая и квалифицируя отношения между соединяемыми фрагментами, т.е. подвергая информацию специальной логической обработке. Сложное предложение как бы фиксирует в своей структуре субъективно-рефлектирующее начало, «концепцию» говорящего лица, так или иначе оценивающего связь между фрагментами сообщаемого» [Ляпон 1986: 9].

Каждый тип сложноподчиненных предложений по-своему интересен с точки зрения содержащейся в нем информации о человеке как говорящем, слушающем (субъекте) и теме сообщения (объекте). Но условные конструкции, прежде всего сложноподчиненные предложения с придаточными условиями, признаны учеными разных специальностей (лингвистами, психологами, логиками, философами) «своего рода ключом, дающим возможность разгадать некоторые из тайн речемыслительной деятельности человека» [Типология... 1998: 7]. Специфика всех условных конструкций, в том числе и сложноподчиненных предложений с придаточными условиями, состоит в

том, что «они непосредственно отражают типично человеческую способность размышлять об альтернативных суждениях, делать выводы, основанные на неполной информации, предполагать возможные корреляции между ситуациями и понимать, как мир менялся бы, если бы определенные корреляции были бы другими. Понимание концептуальной и поведенческой организации этой способности конструировать и интерпретировать условные конструкции обеспечивает постижение когнитивных процессов, лингвистической компетенции и выводных стратегий человеческой деятельности» [Там же].

Союзы *если* и *если бы*, принимающие наиболее активное участие в формировании сложноподчиненных предложений индикативного и неиндикативного типа соответственно, относятся к числу лексических универсалий (семантических примитивов, элементарных концептов), а именно логических концептов. Сложноподчиненные предложения с условными придаточными – это специализированное грамматическое средство, с помощью которого говорящий моделирует иные (возможные) миры, противопоставленные миру реальному. Понятие возможного мира, восходящее к работам С. Крипке, Я. Хинтика, Р. Монтегю, первоначально использовалось для логического анализа естественных языков, а затем привлекло внимание лингвистов. Так, А.П. Бабушкин под иными, или возможными, мирами понимает «ментальные пространства языка, в сфере которых в разной степени реализуется возможность бытования или совершения тех или иных действий. Выводы о степени возможности основываются на знаниях человека об окружающей действительности и о самом себе» [Бабушкин 2001: 18]. Иные миры – это создание человека, в котором человек (сам говорящий или другой) является главным «героем», поэтому участие в создании мира, альтернативного реальному, как ничто другое, высвечивает антропоцентрическую сущность сложноподчиненных предложений с придаточными условия.

Чаще всего возможные миры создаются при помощи сложноподчиненных предложений неиндикативного типа (ирреального условия) с союзами недифференцированного значения *если бы* и *ежели бы*. Эти союзы присоединяют придаточную часть сложноподчиненного предложения, в которой «указывается на ирреальное (т.е. такое, которое не осуществилось и не может осуществиться) условие реализации того, о чем говорится в главной части (в предложениях, временной план которых относится к прошлому или настоящему; придаточная часть может предшествовать главной, следовать за главной, либо – значительно реже – находиться в середине ее (в первом случае союзу могут соответствовать в главной части слова *то, так, тогда* и некоторые другие)» [Словарь структурных... 1997: 116]. Сложноподчиненные предложения со

значением ирреального условия, как правило, строятся по следующим моделям: *Если бы (ежели бы) Р, (то, так, тогда) Q; Q, если бы (ежели бы) Р*. Союз *если бы* принадлежит к активному запасу языка и является стилистически нейтральным, *ежели бы* – союз устаревший и просторечный. В предложениях, моделирующих возможный мир, эти союзы выступают как неотъемлемые элементы «сложного комплекса, в состав которого входит глагольная форма на –л; частица *бы* в составе этого комплекса неотделима от глагола и образует вместе с ним форму синтаксического условного наклонения» [Русская грамматика 1980: 563]. Это же ирреальное наклонение присутствует и в главной части сложного предложения. Иными словами, и условие (Р), и следствие (Q) оцениваются говорящим (а им в художественном прозаическом тексте может быть повествователь или персонаж) как нереальное, как такое, которое никогда не имело, не имеет и не будет иметь места в действительности:

Если бы можно было представить, что исчезла бы русская поэзия, что исчез бы самый русский язык, а остались от него только эти несколько строк (речь идет об описании зари из Вступления к поэме Пушкина «Медный всадник». – Е.П.), то и тогда богатство и певучая сила нашего языка были бы ясны каждому (Паустовский).

Встречаются художественные тексты, целиком рисующие возможный мир с помощью сложноподчиненных предложений с придаточными ирреального условия. Примером может быть стихотворение А.К. Толстого «Если б я был богом океана ...»: *Если б я был богом океана, / Я б к ногам твоим принес, о друг, / Все богатства царственного сана, / Все мои кораллы и жемчуг!* и т.д.

К текстам, изображающим возможный мир, относятся пословицы, которые В.И. Даль выделил в тематическую рубрику «*Кабы – Если б*»: *Коли б жил покойничек, так бы и не помер; Если бы не мороз, то овес бы до неба дорос; Кабы знал, где упасть, так бы соломки подостлал* и др. [Пословицы... 1993: 428-430]. Большинство пословиц, входящих в эту рубрику, строится с участием союза *кабы* – просторечного синонима союза *если бы*. Союз *кабы* является элементом синтаксической системы языка устного народного творчества.

Нереальная ситуация, представленная в главной и придаточной части сложноподчиненного предложения, может противопоставляться реальному положению дел, о котором говорящий сообщает в этом или другом предложении, следующем обычно за противительным союзом, являющимся актуализатором реальности:

Но более, более всего горя доставляла княжне раздражительность ее отца, всегда направленная против дочери и дошедшая в последнее время до жестокости. Ежели бы он заставлял ее все ночи класть

поклоны, ежели бы он бил ее, заставлял таскать дрова и воду – ей бы и в голову не пришло, что ее положение трудно; но этот любящий мучитель, – самый жестокий оттого, что он любил и за то мучил себя и ее, – умышленно умел не только оскорбить, унижить ее, но и доказать ей, что она всегда и во всем была виновата (Л. Толстой).

Говорящий всегда оценивает возможный и противопоставляемый ему реальный мир. Под оценкой имеется в виду характеристика реального или вымышленного положения дел (положительная или отрицательная). Речь идет не об онтологических, собственных признаках, объективно характеризующих предмет оценки, а о качественных характеристиках, отражающих определенное отношение субъекта оценки, т.е. говорящего лица, к предмету оценки. Оценка может быть передана имплицитными и эксплицитными средствами. К числу последних относятся слова типа *хорошо, плохо*, находящиеся или в главной части сложноподчиненного предложения со значением ирреального условия, или в правом контексте:

«Да, теперь или никогда, – подумала она [Мэри]. – Все равно он [жених] узнает. Но теперь он не уйдет. Ах, если бы он ушел, это было бы ужасно!» (Л. Толстой). Возможный мир во внутренней речи героини получает отрицательную оценку.

Седьмой час вечера. Порфирий Владимирович <...> сидит у себя в кабинете, исписывая цифирными выкладками листы бумаги. На этот раз его занимает вопрос: сколько было бы у него теперь денег, если б маменька Арина Петровна подаренные ему при рождении дедушкой Петром Ивановичем, на зубок, сто рублей ассигнациями не присвоила себе, а положила бы вкладом в ломбард на имя малолетнего Порфирия? Выходит, однако, немного: всего восемьсот рублей ассигнациями.

– Положим, что капитал и небольшой, – праздномыслит Иудушка, – а все-таки хорошо, когда знаешь, что про черный день есть. Занудобилось – и взял (Салтыков-Щедрин). Возможный мир оценивается положительно, реальный мир – отрицательно.

Вчера, когда я плакала перед вами, если б вы мне сказали одно слово, одно только слово – я бы осталась. Вы его не сказали. Видно, так лучше... (Тургенев). Говорящий положительно оценивает реальный мир, но не совсем уверен в своей оценке, что передано вводным словом *видно*, имеющим значение недостоверности.

Всегда положительно оценивается возможный мир в предложениях, имеющих семантический оттенок желательности. Особенностью этих предложений является опущение главной части и наличие особо выраженной эмоциональной окраски:

*Липа шла быстро, потеряла с головы платок... Она глядела на небо и думала о том, где теперь душа ее мальчика: идет ли следом за ней, или носится там вверху, около звезд, и уже не думает о своей матери? О, как одиноко в поле ночью, среди этого пения, когда сам не можешь петь, среди непрерывных криков радости, когда сам не можешь радоваться, когда с неба смотрит месяц, тоже одинокий, которому все равно – весна теперь или зима, живы люди или мертвы... Когда на душе горе, то тяжело без людей. **Если бы с ней была мать, Прасковья, или Костыль, или кухарка, или какой-нибудь мужик!** (Чехов).*

Текст, строящийся с участием восклицательных предложений, содержащих союз *если бы* и междометие *о*, представляет собой следующее стихотворение А.К. Толстого: *О, если б ты могла хоть на единый миг / Забыть свою печаль, забыть свои невзгоды! / О, если бы хоть раз я твой увидел лик, / Каким я знал его в счастливейшие годы!* и т.д.

В подобных предложениях *если бы*, выражающее сильное, но неосуществленное желание, может рассматриваться как частица, а сами предложения считаются простыми [Словарь структурных 1997: 117; Словарь современного 1994: 48].

В тех случаях, когда синтаксическое условное наклонение в главной и / или придаточной части взаимодействует с категорией отрицания, условная конструкция изображает не возможный, а реальный мир. «Сочетание *если бы* передает информацию о том, что ситуация не соответствует действительности, тогда как соединение *если бы не*, включающее и отрицание и частицу *бы*, оформляет утверждение (два отрицания снимают негацию), т.е. указывают на то, что ситуация соответствует действительности» [Ляпон 1979: 206]. Например:

***Ежели бы** Наполеон **не оскорбился** требованием отступить за Вислу и **не велел** наступать войскам, **не было бы** войны; но **ежели бы** все сержанты **не пожелали** поступить на вторичную службу, тоже войны **не могло бы** быть. Тоже **не могло бы** быть войны, **ежели бы не было** интриги Англии, и **не было** принца Ольденбургского и чувства оскорбления в Александре, и **не было бы** самодержавной власти в России, и **не было бы** французской революции и последовавших диктаторства и империи, и всего того, что произвело французскую революцию и так далее. Без одной из этих причин ничего не могло бы быть. Стало быть, причины эти все – миллиарды причин – совпали для того, чтобы произвести то, что было (Л. Толстой).*

Ирреальные сложноподчиненные предложения с придаточными условия, содержащие частицу *не* в придаточной части, а также без нее являются одной из синтаксических особенностей характеристик и портретов персонажей:

Юхванка был русский парень лет тридцати, худощавый, стройный, с молодой остренькой бородкой, довольно красивый, если бы не бегающие карие глаза, неприятно выглядывающие из-под сморщенных бровей, и не недостаток двух верхних зубов, который тотчас бросался в глаза, потому что губы его были коротки и беспрестанно шевелились (Л. Толстой).

Синтаксические особенности характеристик персонажей изучал И.А. Фигуровский [Фигуровский 1975]. По его мнению, «структура произведения, например романа, повести, рассказа, может быть представлена в виде подробного описания простых и сложных складней, соответствующих разным устойчивым или «размытым» элементам структуры, например, таким, как обрамление, пейзаж, портрет, характеристика, лирическое отступление и др. При этом в большей или меньшей степени проявляются свойственные данным устойчивым элементам синтаксические построения – как внутри, так и между законченными предложениями» [Там же: 101]. Ученым было установлено, что «для характеристики типично то, что она начинается предложением с именным составным сказуемым, состоит, как правило, из однородных законченных предложений, складни часто объединены сказуемыми или определительными отношениями» [Там же: 104]. В характеристиках также используются противительные, уступительные, причинные отношения внутри предложений, противительно-ограничительные и уступительные связи и пояснительные отношения между законченными предложениями. К синтаксическим особенностям характеристик могут быть отнесены и сложноподчиненные предложения с придаточными ирреального условия, с помощью которых повествующий субъект сообщает о нереализовавшихся возможностях наличия у персонажа тех или иных черт характера, совершения им определенных поступков и т.п. Часто за такими предложениями, излагающими возможность чего-либо, следует противительный союз *но*, после которого сообщается о том, что имело место на самом деле.

Возможный мир не только противопоставлен миру реальному, но и дополняет последний. Поэтому возможный мир способен выступать в качестве средства сравнения реального мира, являющегося объектом сравнения. Такую конструкцию, к примеру, использует Хроникер в романе Достоевского «Бесы», повествуя о состоянии Ставрогина, когда тот, получив от Шатова пощечину, никак не ответил на оскорбление: *Мне кажется, если бы был такой человек, который схватил бы, например, раскаленную докрасна железную полосу и зажал в руке, с целью измерить свою твердость, и затем, в продолжение десяти секунд, побеждал бы нестерпимую боль и*

кончил тем, что ее победил, то человек этот, кажется мне, вынес бы нечто похожее на то, что испытал теперь, в эти десять секунд, Николай Всеволодович.

Возможный мир является средством сравнения реального мира в сложноподчиненных предложениях с придаточными недостоверного сравнения с союзами *как если бы, так же как если бы*: *Он [Собольков] испытал слабую ноющую усталость в руке, как если бы лично поразил коротким толстым ножом и повернул его в спине зверя (Л. Леонов).*

Кроме того, в тексте возможный и реальный миры находятся в тесном соседстве. Сложноподчиненные предложения со значением ирреального условия, с помощью которых говорящий создает возможные миры, могут подводить итог сказанному ранее, т.е. выступать в роли «концовок», или, называя тему, выступают в качестве инициального предложения фрагмента текста, или обеспечивают движение информации внутри текста (функция развития темы). Например, особенностью предложений со значением ирреального условия, подводящих итог предыдущей информации, является то, что они подобны последнему компоненту в фигуре возрастающей градации. Таким предложением, с помощью которого повествователь описывает состояние князя Мышкина после убийства Рогожиным Настасьи Филипповны, заканчивается третья часть романа Достоевского «Идиот»: *Он сам опять начал дрожать, и опять как бы вдруг отянулись его ноги. Какое-то совсем новое ощущение томило его сердце бесконечною тоской. <...> он прилег на подушку, как бы совсем уже в бессилии и в отчаянии, и прижался своим лицом к бледному и неподвижному лицу Рогожина; слезы текли из его глаз на щеки Рогожина, но, может быть, он уж и не слышал тогда своих собственных слез и уже не знал ничего о них....*

По крайней мере, когда, уже после многих часов, отворилась дверь и вошли люди, то они застали убийцу в полном беспмятстве и горячке. Князь сидел подле него неподвижно на подстилке и тихо, каждый раз при взрывах крика или бреда больного, спешил провести дрожащей рукой по его волосам и щекам, как бы лаская и унимая его. Но он уже ничего не понимал, о чем его спрашивали, и не узнавал вошедших и окружавших его людей. И если бы сам Шнейдер явился теперь из Швейцарии взглянуть на своего бывшего ученика и пациента, то и он, припомнив то состояние, в котором бывал иногда князь в первый год лечения своего в Швейцарии, махнул бы теперь рукой и сказал бы, как тогда: «Идиот!»

Из всего сказанного следует, что возможный мир, как и реальный, существует в языке.

Итак, в создании возможных миров заключается одна из важнейших функционально-текстовых ролей сложноподчиненных предложений неиндикативного типа с союзами недифференцированных значений *если бы* и *если бы*. У этого типа предложений, несомненно, есть и другие роли, но каждая из них обязательно обусловлена структурно-семантической природой синтаксической конструкции. Эти предложения еще ждут своего изучения в работах сопоставительного характера. Грамматика последних лет, став «одушевленной», за каждым типом предложения видит человека как субъекта говорящего, действующего, наблюдающего реальный мир и мыслящего о мире реальном и мире возможном.

Бабушкин А.П. Сослагательное наклонение как «окно» в иные миры // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – № 1. – С. 17-22.

Золотова Г.А. Синтаксические основания коммуникативной лингвистики // ВЯ. – 1988. – № 4. – С. 52-58.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Наука, 2004. – 542 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.

Ляпон М.В. Взаимодействие категорий отрицания и ирреальности в тексте // Синтаксис текста; отв. ред. Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1979. – С. 204-213.

Ляпон М.В. Структура отношения и ситуативные условия его реализации в сложном предложении // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. XI Виноградовские чтения; отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1982. – С. 63-77.

Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. – М.: Наука, 1986. – 200 с.

Пословицы русского народа. Сборник В. Даля: В 3 т. – Т. 3. – М.: Русская книга, 1993.

Русская грамматика. – Т. 2. – М.: Наука, 1980. – 709 с.

Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. – Т. 5–6. – Изд. 2-е / Гл. ред. К.С. Горбачевич. – М.: Русский язык, 1994.

Словарь структурных слов русского языка / Под ред. В.В. Морковкина. – М.: Лазурь, 1997.

Типология условных конструкций / Отв. ред. В.С. Храковский. – СПб.: Наука, 1998. – 583 с.

Фигуровский И.А. Синтаксические особенности характеристик // РЯШ. – 1975. – № 6. – С. 101-104.

СИНОНИМИЯ И ВАРИАНТНОСТЬ РАЗВИВАЮЩИХСЯ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ ФОРМ

Предложно-падежные формы с отыменными предложениями *путём чего, посредством кого-чего, с помощью кого-чего* в современных словарях толкуются друг через друга, то есть близость их значения представляется очевидной. Но характер этой близости словари не определяют. Возникают вопросы: различаются ли чем-нибудь эти формы, возможна ли их взаимозамена, почему они вообще появились?

На последний вопрос ответить проще всего. Набор смыслов, выражаемых в высказываниях (в их пропозиции), постоянно усложняется по мере развития общества и отражения категорий этого развития в сознании людей. Появляются новые смыслы (подробнее об этом см. [Попова 2010]), детализируются, дифференцируются смыслы, ранее известные и уже имевшие средства выражения в языке.

Рассматривающиеся в этой статье формы занимают в высказываниях позицию образа, способа, средства действия, которая с древнейших пор обслуживалась формой беспредложного творительного падежа (ср. *текст был написан карандашом*). Очевидно, этой формы стало недостаточно, понадобилось выразить какие-то новые детали инструментального значения. Какие именно? Как шёл процесс поиска уточняющих языковых знаков? В какие отношения вступили друг с другом образованные новые знаки? Как протекает их взаимодействие?

В этой статье делается попытка дать ответы на эти вопросы.

Из теории вариантного развития системы языка, предложенной Т.П. Ломтевым [Ломтев 1976], следует, что для выражения нужного, но ещё не имеющего языковой репрезентации смысла, говорящие и пишущие начинают подыскивать слова, словосочетания, словоформы и конструкции. Это делают разные люди, в разное время и в разных местах. Естественно, что в результате их размышлений появляются различающиеся языковые знаки. Именно гетерогенность исходного материала [Общее языкознание 1970: 568] приводит к значительной вариантности. Естественная вариативность появления языковых знаков неминуемо ведёт к их «сталкиванию» и к разным видам их взаимодействия. В языках постоянно возникают тенденции к улучшению системы коммуникативных средств, стремление избавиться от излишнего балласта, в частности, от параллельных форм, от омонимов, от менее выразительных языковых средств [Там же: 79-80]

В этом процессе, как считал Т.П. Ломтев, каждый вариант имеет свою меру вероятности для сохранения и закрепления в употреблении. Система языка в каждой своей точке содержит множество вероятных преобразований, одно из которых и реализуется [Ломтев 1976: 302-303]. Из истории языка известно, что «излишние» единицы утрачиваются. А остающиеся дифференцируются по тем или иным семам, то есть становятся синонимами, либо «распределяются» по сферам употребления, то есть становятся вариантами того или иного типа. Грамматическими вариантами мы считаем ряды различающихся формально синтаксических структур, которые выражают тождественные значения, не дифференцированные ни одним семантическим компонентом (ни одной семой).

В отличие от вариантов грамматические синонимы – это формально различающиеся синтаксические структуры, значения которых очень близки, но дифференцированы хотя бы по одной, а тем более по нескольким семам (подробнее см.: [Попова 1968]).¹

Для ответа на поставленные в начале статьи вопросы рассмотрим каждую из изучаемых предложно-падежных форм отдельно. Примеры, приводимые для иллюстрации, извлечены доцентом Г.А. Волохиной из текстов научного и публицистического стилей. Использовались также примеры, найденные в поисковой системе ЯНДЕКС и в разрознённых случайных публикациях. После примера его источник не указывается, так как конкретное высказывание частично сокращено или адаптировано для более рельефного представления анализируемой предложно-падежной формы. Список источников даётся в конце статьи.

Путём чего. В Словаре В.И. Даля (далее: Даль) в словарной статье лексемы *путь* среди прочих толкований есть и толкование: *способ, средство, образ достижения чего-л., направление*. В словаре под редакцией Д.Н. Ушакова (далее СУ) в толковании лексемы *путь* уже есть частеречная характеристика формы *путём чего*: *предлог с род. п., с пометой (книжн.)*. Значение этой формы раскрывается указанием параллелей *посредством, с помощью*. В словаре под редакцией А.П. Евгеньевой (далее МАС) также одно из значений лексемы *путём* характеризуется как предлог с род. п. и толкуется лексемами *посредством, с помощью*. В словаре под редакцией Н.Ю. Шведовой (далее: ТСРЯ-2008) наряду с другими значениями лексемы *путём* под цифрой 6 сказано, что это предлог с род. п. со значением *посредством, при помощи чего*.

¹ О разграничении грамматических синонимов и вариантов см. также в работе [Копров 2010: 54-61]) (прим. ред.).

В иллюстрациях Даля ещё просматривается мотивировка метафорического употребления лексемы *путём*: путём идут, движутся, чтобы достичь определённой цели. В современных текстах *путём* уже не обязательно идут, *путём* создают и разрушают, изменяют и преобразуют, решают и редактируют, получают и обеспечивают, иначе говоря, выполняют любое действие. В предложе *путём* утрачены семы *дороги*, остались только семы *метода* и *способа*. В этом отношении показателен такой пример: *...добить ослабленное сознание трудящихся методами прямого и косвенного воздействия, а также путём ещё большего ухудшения бытия...*

Какие же *пути* предлагаются для выполнения действий, о которых идёт речь в различных высказываниях? Во всех проанализированных нами примерах это совершение каких-либо других действий, то есть после предлога *путём* всегда стоит отглагольное существительное в род. падеже.

Организовывать производство можно путём определения постоянных и переменных затрат; Данные нашего исследования были получены путём анализа интервью; Двое неизвестных путём взлома двери проникли в дом и похитили 18000 рублей; Прежние позиционные вариации слились с самостоятельными фонемами Е и О путём выхода из состояния дополнительного распределения.

Понятно, что использование формы *путём чего* позволяет достаточно компактно описать взаимосвязь нескольких действий.

Но наблюдается и более сильное сжатие, «сгущение мысли» (термин А.А. Потебни), когда предложно-падежная форма *путём чего* поясняет не глагол, а отглагольное существительное: *оперативное решение задач путём накопления 50000 рублей; порядок и сроки ликвидации путём реорганизации в форме присоединения; извлечение дохода путём использования данной недвижимости; углубление переработки древесины путём создания отделочных материалов из отходов производства и некачественного леса.*

Утрата лексемой *путём* семантики производящего существительного, её переход в служебное слово подтверждается и использованием сочетания *путём чего* в качестве союзного слова в сложноподчиненных предложениях, например: *Эти массы подвергаются термизации и пакуются в оболочки из синтетических веществ в асептических условиях, путём чего приобретают срок годности от нескольких дней до нескольких недель.*

Наши наблюдения над употреблением предложно-падежной формы *путём чего* позволяют сказать, что эта форма появилась в книжном стиле и в основном к нему и принадлежит. Она позволяет компактно изложить, какие действия надо совершить для выполнения основного

действия, о котором говорится в высказывании. Специфика этой формы состоит в том, что в ней употребляются отглагольные существительные самых разных лексико-семантических групп. Семема предлога *путём* достаточно абстрагирована от лексического значения слова *путь* и синонимична семемам лексем *методом*, *способом*.

Посредством чего. У Даля в словарной статье лексемы *посреди* есть *посредствие* – среднее положение, *посредство* – средство, способ для достижения или сделания чего, орудие, снаряд, образ, способ, умение, помощь, пособие. Есть пример: *посредством кого или чего дело делается*. В СУ частеречный статус формы *посредством* уже определён: *Посредством* – предлог с род. падежом – при помощи чего-н., путём чего-н., каким-н. способом. В МАС лексема *посредством* представлена точно так же: *Посредством* – предлог с род. п. – при помощи чего-л., путём чего-л. В ТСРЯ-2008 *посредство* определяется как вариант к *посредничество*, а *посредством чего* представлено как предлог с род. п. и толкуется сочетаниями *при помощи чего-н., каким-н. способом, используя что-н.* Указаны также и такие формы предлога, как *при посредстве кого-чего-н., через посредство кого-чего-н.* с пометой: *с тем же значением*.

При изучении высказываний с предложно-падежной формой *посредством кого-чего* обращает на себя внимание описание речемыслительных действий с указанием используемых при их совершении знаков, описание внешних воздействий на человека с указанием средств воздействия и воспринимающих и передающих их органов перцепции, описание финансовых операций с указанием используемых при их совершении денежных знаков. Высказывания на другие темы отмечаются значительно реже. Предложно-падежная форма, как и форма с предлогом *путём*, может относиться и к глаголу, и к отглагольному существительному, например:

Яркий пример подобной метафорической репрезентации идей посредством символа – курение фимиама; Некоторая идея задаётся конкретным автором посредством произвольно взятого им образа; Каждый сложный сигнал, передаваемый посредством языка, может разлагаться на более мелкие осмысленные элементы.

Любой объект отражается нервной системой живого организма посредством специфических нервных клеток; Телепатическая передача осуществляется посредством электромагнитных волн; Подготовка школьников к обучению идёт посредством развития пространственных представлений.

В некоторых достаточно редких высказываниях в качестве посредника действия выступают люди, живые существа (*милиционеры схватили грабителей посредством бдительной бабушки;*

корреспонденция была отправлена посредством почтовых голубей) Интересны метафорические аллегории, представляющие отвлеченное понятие в качестве одушевленного существа: *Взаимодействие посредством свободы – положительный признак общества. Посредниками в выполнении действий бывают технологические операции и специальные приспособления (азот, распространённый в атмосфере – не горючее вещество, и до сих пор соединить его с кислородом можно было лишь посредством электрической искры; управляем сервером посредством СМС; посредством этих автоматов перечисляются деньги за переговоры по мобильным телефонам).*

Образ посредника, овеществлённый в схемах теории информации компонентами передатчика и канала связи, незримо присутствует в высказываниях с формой *посредством кого-чего*. Именно передатчиками и являются разнообразные символы и знаки, в том числе и денежные, мысленные и чувственные образы, нервные клетки и рецепторы. Мотивированная связь с лексическим значением слова *посредничество* ещё более ощутима, когда в рассматриваемой форме находим наименования лиц и живых существ. Просматривается эта связь и в тех высказываниях, в которых форма *посредством чего* выполняет функции союзного слова, вводящего придаточную часть сложноподчинённого предложения: *Язык – это основная символическая система, посредством которой человек объективирует собственную мысль о мире; Символика предстаёт как кодовая система, посредством которой трансцендентные содержания открываются сознанию человека; Для культур Китая, Индии, Египта, Финикии, Греции, славян и финнов характерно обращение к образу яйца, посредством которого репрезентируется семантика жизненного начала.*

Но предлог *посредством* может и терять мотивированную связь с производящим словом, главным образом в тех случаях, когда он вводит отглагольное существительное. В таких высказываниях он практически становится вариантом предлога *путём*, то есть передает только сему способом, методом: *Решаются эти задачи посредством составления бизнес-плана; Другой способ прямого финансирования – это финансирование посредством займов; Банки стремятся к обороту денег посредством выдачи кредитов; Международное взаимодействие осуществляется через международные операции посредством вложения капитала в производство.*

Надо заметить, что форма *посредством чего* конкурирует ещё и с формами *при посредстве чего*, *через посредство чего*. Если принять во внимание древнейшее инструментальное значение формы творительного падежа, то можно предположить, что степень вероятности выживания формы *посредством чего* выше, чем у её вариантов. Но без специального

изучения конкуренции этих форм уверенно говорить об этом преждевременно. Что же касается конкуренции форм *путём чего* и *посредством чего* в значении способа или метода действия, то в настоящее время в этой функции форма *путём чего* явно сильнее. У предлога *посредством* ещё достаточно ощутима мотивированная связь с производящим существительным, а у предлога *путём* она практически утрачена. Даже в тех высказываниях, где форма *посредством чего* является вариантом формы *путём чего*, она всё ещё не уходит от семы *быть посредником* и не вполне актуализирует сему *быть способом*. Ср. *Представлена заявка на приобретение муниципального имущества посредством публичного её предложения*.

Публичное предложение заявки – это и есть способ её представления, но значение предлога *посредством* наталкивает на понимание *публичного предложения заявки* как посредствующего действия, однако остаётся неясным *между чем и чем*. Можно понять высказывание и в том смысле, что представлена заявка на публичное её предложение. Иначе говоря, форма *посредством чего* в качестве варианта формы *путём чего* мало выразительна.

С помощью чего. У Даля в словарной статье к глаголу *помогать* приводятся формы *помочь* и *помощь*, но формы *с помощью* нет. В СУ в словарной статье существительного *помощь* (действие по глаголу *помочь*) после знака ◊ без всяких комментариев приводятся формы *с помощью* или *при помощи кого-чего – посредством*. В МАС в словарной статье лексемы *помощь* (содействие) после знака ◊ приводятся формы *с помощью* или *при помощи чего* с комментарием (в значении предлога) и толкованием *посредством чего*. В ТСРЯ-2008 форма *с помощью кого-чего* уже подаётся как предлог с род. п.. Форма *при помощи кого-чего* имеет толкование: то же, что *с помощью кого-чего, посредством кого-чего-н.*

Сравнительная молодость формы *с помощью кого-чего* достаточно очевидна. Лексическое значение предлога в этой форме вполне мотивировано, когда помощь оказывают люди (*крестьяне с помощью правительства получили земли в Сибири и деньги на обзаведение хозяйством; преступника ищут с помощью экстрасенсов*).

Если «помощь» оказывают механизмы, приспособления разного рода, то лексическое значение значительно десемантизируется: *С помощью специального оборудования исключается целый ряд проблем; Чего мы можем достичь с помощью компьютерной техники такого, чего нельзя достичь без неё? С помощью компьютера можно смоделировать различные ситуации*.

Но помощь в работе оказывают и финансовые операции, и опора на документацию. При таком лексическом наполнении связь отыменного

предлога с производящим существительным практически стирается, и он становится просто служебным словом в предложно-падежной форме, обслуживающей позицию способа выполнения основного действия: *Обычно власти финансируют свои нужды с помощью выпуска краткосрочных облигаций; С помощью юридических законов осуществляется государственное регулирование рыночной экономики; Надо найти возможность улучшения показателей предприятия с помощью инвестирования.*

«Помощью» могут быть и воздействия на организм человека: *С помощью только одного голодания нельзя быть абсолютно здоровым. Можно ли с помощью бега похудеть?*

В высказываниях, в которых форма *с помощью кого-чего* сохраняет мотивированную связь с производящим существительным, она обозначает соучастника, ставшего опорой для производителя действия, либо таким действием, которое послужит опорой, полезным инструментом для совершения основного действия. Сему соучастника поддерживает и прямое значение формы *С* + творительный падеж (Ср.: *Елена с сыном пошли гулять*). Семой «соучастник» форма *с помощью чего* отличается и от формы *путём чего*, и от формы *посредством чего*. Однако по мере утраты лексической мотивированности предлога форма начинает всё больше обозначать просто способ, метод действия (*незначительные неровности поверхности выравниваются с помощью штукатурных работ*). В этом значении форма *с помощью чего* становится вариантом формы *путём чего*, хотя мотивированная связь значения предлога с лексическим значением производящего существительного *помощь* продолжает ощущаться. Идёт и процесс использования формы для связи частей сложноподчинённого предложения (*как зарабатывать больше с помощью того, чего вроде бы и нет*).

Для оценки конкуренции форм *с помощью чего* и *при помощи чего* нужны специальные наблюдения, но априорно можно думать, что значение способа, образа действия будет способствовать преобладанию формы *с* + тв. падеж, поскольку форма творительного падежа для этого значения исконна и соответственно более изосемична.

Обзор примеров показывает, что рассматриваемые предложно-падежные формы при сохранении предлогом мотивированной связи с производящим словом находятся в отношениях синонимии. Это отчётливо прослеживается в некоторых высказываниях: *Специализация экономики позволяет стране добиться наивысшего уровня благосостояния своих граждан с помощью товарообмена с другими странами посредством экспорта и импорта; Массовые*

выступления начинались с активной агитации посредством пропаганды в социальных сетях и с помощью SMS.

Товарообмен – фактор-соучастник повышения уровня благосостояния граждан, а импорт и экспорт – конкретные приёмы-посредники его реализации. Пропаганда в социальных сетях – посредник для воздействия на людей, а SMS – дополнительная опора в этом воздействии: *Внешнее финансирование предприятия осуществляется путём привлечения новых собственников посредством выпуска акций, либо путём кредитного финансирования посредством выпуска облигаций.* Привлечение новых собственников, как и кредитное финансирование, – это способы внешнего финансирования предприятия. А выпуск акций и выпуск облигаций – конкретное действие-посредник, реализующее заявленные способы.

Итак, дальше всего от производящего имени отстоит предлог *путём*. В предлоге *посредством* ещё просматривается связь с производящим существительным *посредство*. Кроме того, с ним конкурируют и формы *при посредстве*, *через посредство*. В предлоге *с помощью* связь с производящим существительным *помощь* в настоящее время также достаточно очевидна, и у него есть конкурирующий морфологический вариант *при помощи*.

Эти различия поддерживают синонимические отношения рассмотренных предложно-падежных форм. Все эти формы развиваются в письменной речи и принадлежат книжному стилю, обеспечивая его потребности в сжатом, компактном представлении, в «сгущении мысли». Во многих высказываниях эти формы (как правило, с отглагольными существительными) могут выступать и как варианты в позиции метода, способа действия. В этой позиции в настоящее время предпочтительна форма *путём чего* как наиболее однозначная и изосемичная данной позиции.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.

Ломтев Т.П. Причинность и вероятность в развитии языка // Общее и русское языкознание. Избранные работы. – М.: Наука, 1976. – С. 302-311.

Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – М.: Наука, 1970. – 604 с.

Попова З.Д. К вопросу о синтаксических вариантах // ФН. – 1968. – № 6. – С. 3-11.

Попова З.Д. На пути в члены предложения (*за счёт* + род. падеж существительного) // Культура общения и её формирование. Вып. 23. – Воронеж: Истоки, 2010. – С. 80-84.

Словари

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. – М.: Русский язык, 1978-1980.

СУ – Толковый словарь русского языка в 4-х тт. под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: ГИС, 1935-1940.

МАС-2 – Словарь русского языка в 4-х тт. АН СССР, Институт русского языка. Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981-1984.

ТСРЯ – 2008. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2008. – 1166 с.

Источники

Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М.: Учпедгиз, 1957. – 279 с.

Белоусов В.И. Основы прикладной экономики и предпринимательского дела. Учебное пособие по курсу «Экономика для всех». – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1998. – 472 с.

Вопросы философии. – 2007. – № 5.

Вопросы языкознания. – 2008. – № 1.

Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2007. – № 6.

Советская Россия. – 2008. – №№ 33-41.

Е.А. Правда

Воронежский государственный педагогический университет

ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ (на материале поэзии А.В. Кольцова)

Современные подходы в области синтаксиса, успешно разрабатываемые представителями воронежской синтаксической школы (см. работы [Ломов 1994; Попова 2009; Копров 2010] и др.), позволяют более полно описывать синтаксические явления русского языка, оценивая и их стилистические функции, проявляемые, в частности, при использовании предложений в художественной речи.

Интересный материал для изучения особенностей функционирования в художественной речи традиционно выделяемых в русском синтаксисе односоставных предложений (далее – ОП) представляет самобытное творчество нашего земляка А.В. Кольцова. Филологами не раз обращалось внимание на язык произведений Кольцова, в том числе на синтаксические особенности его поэзии (см., например [Назикова 1984]). В статье Е.А. Назиковой справедливо замечено, что для языка произведений Кольцова характерно сочетание «синтаксических построений, свойственных языку фольклора, в частности народным песням, и конструкций живой разговорной речи».

В числе разговорных конструкций, употребляемых Кольцовым, автор называет и один из видов односоставных предложений – инфинитивные предложения [Там же: 122-126].

Наблюдения показали, что в стихотворениях нашего земляка используются не только инфинитивные ОП, но и ОП других видов, выделяемые в рамках номинативно-прагматического синтаксиса: предметные, признаковые, активно-процессные и функтивные; не встретились нам только пассивно-процессные ОП (типа *В доме убрано*) [Ломов 1994]. Обнаружено также, что частотность употребления тех или иных видов ОП в творчестве А.В. Кольцова оказывается связанной с жанровым своеобразием стихотворений и отчасти временем их написания: так, в песнях используются все отмеченные у Кольцова виды ОП, в то время как в думах встречаются главным образом предметные и дебитивные ОП. Чаще других ОП А.В. Кольцов использует предметные предложения, фиксирующие «бытие / небытие тех неоднозначных реалий, которые язык одинаково подводит под понятие грамматического предмета»; обозначаемый в этих предложениях грамматический предмет может иметь характер собственно предмета или опредмеченной ситуации [Там же: 206-207].

Ядро таких предложений составляют утвердительные конструкции, называемые в традиционной грамматике **номинативными** (назывными), или бытийными, предложениями. Типичное номинативное предложение имеет в качестве предикативного центра имя существительное в именительном падеже и глагол-связку, способный выступать в настоящем времени в нулевой форме (хрестоматийный пример – начало стихотворения А. Блока: *Ночь, улица, фонарь, аптека, Бессмысленный и тусклый свет. Живи ещё хоть четверть века – Всё будет так. Исхода нет...*). Как отмечал А.Н. Гвоздев, назывные предложения близки по значению к ряду личных предложений описательного, констатирующего характера; они имеют несколько литературный и импрессионистский характер (представляют собой яркие штрихи) и характерны для беллетристики [Гвоздев 1955: 314].

В текстах произведений А.В. Кольцова назывные предложения не употребляются в характерной для них «экспозиционной» функции (очевидно, именно это обстоятельство и стало основанием для утверждения Е.А. Назиковой о том, что номинативные ОП, как типичные для книжной речи, в песнях Кольцова отсутствуют [Назикова 1984: 126]). В поэзии Кольцова назывные предложения, как это им свойственно, служат для сообщения о существовании тех или иных явлений во внутреннем мире человека или в окружающей его действительности. Напр.: *Что ты спишь, мужичок? Ведь весна на дворе...* (Что ты спишь,

мужичок); *Говорил так друг, прощаячись, А в душе его был замысел...* (Русская песня). Как правило, эти ОП «вплетаются» в ткань описания, где соседствуют с двусоставными предложениями, глаголы-сказуемые которых обозначают действия-состояния, обычно статические. Ср.: *Везде глубокий сон, шум ветра, И дикая краса урюмо спит...* С приходом дня уходят тени, Следов их нет; *лишь на вершинах Один туман*, да в тёмной грусти Ночь безрассветная лежит... (Лес); Тучи носят воду, Вода поит землю. Земля плод приносит; *Бездна звёзд на небе, Бездна жизни в мире; То мрачна, то светла Чудная природа...* (Великая тайна). В результате, как отмечает М.Н. Кожина, создаётся образная, видимая картина [Кожина 1983: 158]. Чаще всего это пейзаж (см. примеры выше), но может быть и описание состояния; напр.: *Нынче веселье, радость у нас!* (Веселый час).

Эксплицированная связка в номинативных предложениях может быть более или менее необходимой для построения высказывания [Ломов 1994: 212-213]. В стихотворениях А.В. Кольцова употребление связки может быть вызвано стремлением познакомить читателя с каким-либо новым понятием – напр.: *Есть за Волгой село На крутом берегу...* (Последний поцелуй); *У меня в душе есть сила...* (Последняя борьба). Кроме того, с помощью связки может подчёркиваться тот факт, что предмет (или опредмеченная ситуация) действительно существует, имеется в сфере чьих-либо интересов или за её пределами, например: *Много есть у меня теремов и садов...* (Русская песня); *Что ты был? и что стал? И что есть у тебя?* (Что ты спишь, мужичок?). Эксплицируется связка и в предложениях с противопоставлением наличного и нелачного бытия тех или иных предметов, ср.: *И сила есть – да воли нет...* (Пора любви); *Не время ль нам оставить... Что есть иль нет желать?* (Из Горация).

В ряде случаев материализация связки обусловлена грамматически – необходимостью передать значение прошедшего или будущего времени: *Помню, как-то давно У знакомых был бал* (Песня); *Будут платья дорогие, Ожерелья с жемчугом...* (Бегство). С помощью связки, стоящей в форме повелительного наклонения, может передаваться значение ирреальной, гипотетической ситуации или выражаться побуждение к действию (пожелание): *Месяц будь иль не будь – Конь дорожку найдёт* (Песня).

Пропуск значимой по смыслу связки создаёт эллиптическое предложение, имеющее разговорную окраску; такие предложения помогают созданию эффекта устной народной речи: *Если радость – изменись, Весь алмазом разгорись* (Перстень) – ср.: *Если будет радость...; Доколь мочь и сила, Доколь душа в теле, Буду я трудиться...* (Размышление поселянина) – ср.: *Доколь есть мочь и*

сила, доколь есть душа в теле...; Что смешного во мне – Я понять не могу... (Песня) – ср.: Что смешного есть во мне... .

В качестве связки А.В. Кольцов использует главным образом глагол *быть* (см. примеры выше); однако нам встретился пример использования и глагола *остаться*: *Из всей толпы избранных твоих С тобой **остался** ль хоть один...* (К***).

Не менее часто, чем утвердительные, употребляет А.В. Кольцов и общеотрицательные предметные предложения, в которых сообщается об отсутствии каких-либо реалий. Ср.: *Но, увы, **нет** дорог к невозвратному!* (Песня старика); *В степи и пасмурно, и темно: **Ни** звезд блестящих, **ни** луны На небе **нет*** (Ночлег чумаков). Ситуация с отсутствием предмета может быть отнесена не только к настоящему, но и к прошедшему или будущему времени, может быть представлена как гипотетическая: *Чего уж **нет** – **не будет** вновь!* (К другу); *...И горя **будто не было**...* (Ответ на вопрос о моей жизни).

Большинство отрицательных предметных ОП в стихотворениях А.В. Кольцова представляет собой высказывания со словом *нет*, которое, как известно, является результатом слияния бытийного глагола с отрицательной частицей *не*: *Анюты скромной боле **нет**...* (Не мне внимать напев волшебный...); ***Нет** богу вопроса, – **Нет** меры ему!..* (Великое слово). Иногда вместо слова *нет* поэт употребляет его разговорный вариант *нету* – напр.: *Разойтись? – **нету** волошки!* (Русская песня).

Пропуск слова *нет* наблюдается в отрицательных предложениях с усилительной частицей *ни*, например: *На гумне – **ни** снопа; В закромах – **ни** зерна...* (Что ты спишь, мужичок?) – ср.: *На гумне **нет** **ни** снопа; в закромах **нет** **ни** зерна*. Здесь, как и в других случаях, эллипсис компонента номинативного центра предложения (в данном случае слова *нет*) способствует приближению речи лирического героя к разговорной.

Наше исследование подтвердило и утверждение Е.А. Назиковой о том, что в языке произведений Кольцова частотны **инфинитивные** (дебитивные) ОП [Назикова 1984: 122], главным членом которых является «полноценный» инфинитив. Такие предложения очень разнообразны по выражаемым ими эмоциональным оттенкам, что в устной речи передаётся интонацией. Среди этих предложений имеется ряд типов, различающихся по значению и соответствующих разным видам безличных и личных предложений [Гвоздев 1955: 110-113]. Напр.: *Чем чумаков **прогнать** дремоту?* (Ночлег чумаков); *Но **нет**, **вовек не возвратит**, Что было так душой любимо!* (Песня); *Мне ли, молодцу Разудалому Зиму-зимскую **Жить** за печкою? Мне ль поля **пахать**? Мне ль траву **косить**? **Затоплять** овин? **Молотить** овёс?* (Удалец).

В дебитивных предложениях передаётся значение субъективно устанавливаемой необходимости в наличии / отсутствии той или иной ситуации [Ломов 1994: 235]. Это значение в конкретных высказываниях может варьироваться в рамках семантических полей необходимости (долженствования, надобности) или возможности. Оттенки значения наличной или отсутствующей необходимости – обусловленности, запланированности, целесообразности, неизбежности, вынужденности и др. – выражаются, например, в таких предложениях: *Жить тебе, детинке, жить* Не с женою молодою... (Терем); *Наяву же, в облегченье, Только слёзы проливать, И не верить* в обольщенье И покоя не вкушать (Сирота); *Очи, очи голубые, Мне вас боле не встречать!* Девы, девы молодые, Вам меня уж не ласкать! (Песня); *Мне ль надеждой обольщаться? Беспробудно друг мой спит...* (Песня).

Значение возможности или желательности выражается в предложениях типа: *Не забыть* мне, как она сладко отвечала... (Понад Доном сад цветёт...); *Не расти* траве после осени; *не цвести* цветам Зимой по снегу! (Русская песня).

В качестве одной из разновидностей инфинитивных предложений в традиционной грамматике выделяются конструкции с аналитическим сочетанием инфинитива глагола-связки и имени [Современный русский язык 1999: 333]. В стихотворениях А.В. Кольцова данный тип предложений отмечен в единичных случаях и в явно подражательных стихотворениях; напр.: *Мне ль приветливым казаться, С холодным сердцем вновь любить?* (Песня).

Исследователи отмечают повышенную экспрессивность дебитивных предложений, их убедительность. В стихотворениях А.В. Кольцова встречаются как утвердительные, так и отрицательные предложения данного типа. При этом отрицательные предложения обычно используются поэтом для передачи тяжёлых душевных состояний героев его стихотворений, для выражения печали, безнадёжности, отчаяния (см. примеры выше). В некоторых случаях значение неналичного бытия ситуации передаётся в форме риторического вопроса (вопроса с заранее известным ответом), что способствует повышению экспрессивности речи лирического героя (автора) – напр.: *Но мне ли, сироточке, бескровной и беденькой, Ласкаться любовью?* (Песня).

Признаковые ОП, обозначающие некие не зависящие от субъектов состояния, положения дел (см., напр., нашу работу [Правда 1995]) также довольно широко употребляются Кольцовым. Как отмечал А.Н. Гвоздев, эти предложения, называемые в традиционной грамматике безличными предложениями наречного строя, обозначают «состояние, которое навязывается лицу помимо его воли и желания; такие

состояния характеризуются неосознанностью, произвольностью, безотчётностью» [Гвоздев 1955: 303].

Номинативный центр признаков ОП составляет обычно сочетание прилагательного на -о (или синонимичного ему средства) и связочного глагола. В поэзии Кольцова признаков ОП редко передают состояние природы, чаще выражают душевное состояние человека, его переживания, например: *Тошно, грустно было на сердце, Как из церкви мою милую При народе взял он за руку, С похвалбою поклонился мне* (Деревенская беда). *Веселей тебе Будет на сердце* (Ночка тёмная). Реже употребляются признаки ОП со значением состояния внешней среды, напр.: *В степи и пасмурно и темно...* (Ночлег чумаков).

Употребляются в стихотворениях Кольцова и предложения со словом *надо* – напр.: *По людям ходить, за море плыть – Надо кровь опять горячую, Надо силу, силу прежнюю, Надо волю безотменную* (Перепутье). Предложения этого типа, по своей семантике близкие признаковым ОП, возникли, очевидно, в результате эллипсиса инфинитива из конструкций, построенных по модели «*надо* + инфинитив». Ср. *Надо силу – Надо иметь силу*. Воспринимаются эти эллиптированные предложения также как примета устно-разговорной речевой стихии.

В качестве связочных глаголов в признаковых ОП у Кольцова, кроме *быть*, встретился глагол *стать*: *...В свете белом стало тесно мне* (Перепутье); зафиксировано также употребление в роли связки диалектного акцентного варианта глагола *придётся*: *Говорят родимые: Поживётся – слюбится; И по сердцу выберешь – Да горчее придётся* (Русская песня).

Из односоставных процессных предложений, как уже отмечалось, в исследованных текстах произведений А.В. Кольцова встретились только несколько активно-процессных ОП, которые в традиционной грамматике принято называть **безличными** предложениями глагольного строя. Большинство примеров представляет собой высказывания с глаголом *хотеться* и зависимым инфинитивом, дополняющим значение желания; подобные предложения служат для раскрытия внутреннего состояния персонажей, например: *Нет, не к радости Плакать хочется* (Грусть девушки); *Погубить себя? – не хочется!* (Русская песня). Единичными примерами представлены безличные предложения, информирующие о природных явлениях, но и в этих предложениях картина природы обычно служит объектом сравнения при описании душевного состояния человека: *...Кручину, что тучу, Не уносит ветром* (Вторая песня Лихача Кудрявича); *И чудной, прекрасной Повяло жизнью* (Великое слово).

Несколькими примерами в текстах стихотворений А.В. Кольцова представлены **функтивные** (безлично-инфинитивные) предложения, в которых производится косвенная номинация реалий по их функции и которые включают сочетание инфинитива с местоименным словом [Ломов 1994: 261]. Утвердительный вариант такого предложения представлен только в одном случае: *Есть где будет отдохнуть* (Бегство). (Данный пример интересен также комбинацией двух временных форм связочных глаголов, помогающих представить ситуацию будущего времени как наличную.) В остальных случаях сообщается об отсутствии именуемой по функции реалии: *Мне не для чего Собрать добро, Мне не для чего Богатеть теперь!* (Не шуми ты, рожь...); *И вот дожил на старость лет, Что не с кем слова перемолвить* (Бедный призрак).

Характеризуя особенности употребления А.В. Кольцовым ОП, следует отметить и их использование в контекстах с синтаксическим параллелизмом. Приём синтаксического параллелизма, типичный для фольклорных жанров, служит для повышения художественной выразительности текста. У Кольцова синтаксический параллелизм часто усиливается повтором языковых форм, использованием синонимов. Ср.: *Доколь мочь и сила, Доколь душа в теле...* (Размышления поселянина); *На гумне – ни снопа; В закромах – ни зерна...* (Что ты спишь, мужичок?); *Не расти траве После осени; Не цвести цветам Зимой по снегу!* (Русская песня).

Итак, мы видим, что в текстах произведений А.В. Кольцова широко употребляются ОП, которые используются для уточнения мыслей поэта, его эмоционального настроения. Часто они сообщают об отсутствии в сфере интересов лирического героя тех или иных предметов или явлений, что помогает автору описывать полную лишений и страданий жизнь простых селян. Будучи общезыковыми типами, ОП в поэзии А.В. Кольцова приобретают в то же время особый фольклорный колорит, делая стихи поэта по-настоящему народными, искренними.

Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. – М.: Просвещение, 1955. – 463 с.

Кожина М.Н. Стилистика русского языка: Учебник для студентов пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1983. – 223 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.

Ломов А.М. Типология русского предложения. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1994. – 280 с.

Назикова Е.А. О синтаксическом строе песенных стихов А.В. Кольцова // А.В. Кольцов. Страницы жизни и творчества. К 175-летию со дня рождения: сб. науч. трудов. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1984. – С. 119-127.

Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2009. – 209 с.

Правда Е.А. Односоставные признаковые предложения в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1995. – 156 с.

Современный русский язык: Учебник / П.А. Лекант, Н.Г. Гольцова, В.П. Жуков и др.; под ред. П.А. Леканта. – М.: Высшая школа, 1999. – 462 с.

Кольцов А.В. Стихотворения. – Воронеж: ЦЧКИ, 1972. – 359 с.

О.Н. Прохорова, И.В. Чекулай

Белгородский государственный университет

СВЯЗАННЫЕ СТРУКТУРЫ КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В английском языке, как известно, имеется особый тип синтаксических построений, традиционно называемый **комплексами**. Структуры типа *He saw them run; He seems to be ill; He found the room empty; I made him happy; We consider him to be a good student; We elected him president; He is likely to come; He is sure to come* и др. существуют не только в английском языке, они встречаются и в русском языке: *Я не министр решать за всех; Он кажется больным; Это сделало положение невозможным* и др. Построения названного типа имеются и в немецком языке, однако степень их представленности в нем невысока в силу его грамматических особенностей: *Er sah sie durch den Park gehen; Er hört die Frau geläufig Deutsch sprechen*.

Удельный вес структур подобного типа в русском и английском языках разный: в русском языке специфика отношений либо отражена в их форме, либо они являются единичными и воспринимаются как стоящие на грани фразеологии; в современном английском языке такие конструкции частотны и представляют одну из специфических черт его синтаксиса. Разная степень частотности рассматриваемых построений в языках объясняется особенностями их грамматики. Как отмечал Л. Теньер, «чем больше в языке имеется возможностей согласования, тем больше в нем свободы, и наоборот, чем меньше возможностей согласования, тем жестче порядок слов и тем сильнее синтаксически связанные слова тяготеют друг к другу в речевой цепочке» [Теньер 1988: 33].

Русский язык относится к флективным языкам с относительно свободным порядком слов и развитой системой морфологических средств выражения отношений и связей между словами в предложении. Отсюда нетипичность жестких синтаксических построений с фиксированным порядком слов. В языках преимущественного изолированного типа, к которым принадлежит английский язык, ведущее место в оформлении языковой цепочки принадлежит аранжировке слов и позиции каждого слова внутри построения. Степень жесткости структур и роль порядка слов иная, однако, во многом они зависят от превалирующего способа оформления синтаксических связей. Вследствие потери флексий в английском языке согласование уходит на задний план, а на первое место выдвигается примыкание, где большую роль играет семантическая соотносимость слов. Функции слов, выполняющих те или иные роли, оказались закодированными в конфигурации структур, т.е. слова стали функционально маркированными уже самой их позицией. Взаимодействие двух факторов – аранжировки и семантической соотносимости – создало предпосылки для определенного варьирования роли этих двух факторов и принципиальные возможности превалирования одного за счет другого.

Высокая степень взаимообусловленности семантики и синтаксиса при формировании структурной схемы построения интересующего нас типа становится возможной как результат действия особого механизма – наложения или совмещения структурных схем, который существует наряду с линейной цепочкой и инкорпорированием. Ярусность (т.е. наложение, переплетение) в синтаксисе является, таким образом, естественным явлением – способом расширения синтагматических возможностей структур, а потому и коммуникативных возможностей языка.

Связанные структуры – это особый вид построений в английском синтаксисе, в которых в сжатой, конденсированной форме передается содержание, которое в языках синтетического строя обычно передается сложными предложениями, поэтому не случайно, что эти построения иногда называются предложениями-слитками, полупридаточными (неполными придаточными) (semi-clausal constructions) [Vachek 1955; 1976; Nosek 1964; Mathesius: 1975], (clausids) [Allen 1966], (small clauses) [Aarts 1992], придаточными с неличными формами (verbid clauses) [Brayant 1945], бессубъектными инфинитивными придаточными (subjectless infinitival clauses) [Long 1962], скрытыми аналогами сложных предложений [Апресян 1966: 189]. И.Б. Долинина называет построения такого типа склейками, в которых возникают нарушения однозначности между количеством структур в означаемом и означающем, т.е. два предиката, каждый со

своим набором партиципантов, оказываются представленными одним синтаксическим набором с одним сказуемым [Долинина 1982: 12]. Л.Д. Чеснокова, исследуя другой тип склейки – предикативные определения на материале русского языка (называя их дуплексивами), квалифицирует их как второстепенный член предложения, выражающий два отношения к двум грамматически разным словам, который обладает свойством двойной зависимости от имени и глагола, независимо от их форм и функции, например: *Его обнаружили убитым; Мы избрали его президентом* и др. [Чеснокова 1973: 32]. Наличие двойных отношений у одного синтаксического элемента обуславливается, по мнению автора, особым способом соотнесения признака и предмета в сознании говорящего. Если в конструкции *больной брат* признак мыслится принадлежащим предмету, слитным с этим предметом, то в конструкции *брат приехал больным* признак осознается противопоставленным предмету и одновременно принадлежащим этому же предмету [Чеснокова 1972: 132].¹

Общим стержневым моментом всех этих концепций является признание сложности релятивной структуры данных построений, обусловленной их неоднотипной сущностью, возникшей как результат наложения, которое привело к образованию синтаксической структуры особого типа.

Явление ярусности и компрессии, наблюдаемое в построениях рассматриваемого типа, в частности, в предикатной сфере, Ю.С. Степанов назвал взаимным наложением или имбрикацией предикатных или структурных схем предложений. Имбрикация или частичное перекрывание (overlapping) – это довольно частный случай, при котором схемы, не содержащие глагола, заимствуют глагол, относящийся к другой схеме. Например, выражители категории «состояния» с семантикой «состояния духа» – модальные (*ему кажется, должно, можно*), и выражители глагольных категорий «действие» и «положение» часто совмещаются, порождая схемы с глагольным составным сказуемым (*Он кажется больным*) [Степанов 1981: 209]. Из совмещения такого рода в разных европейских языках развилась обширная группа специальных глаголов, обслуживающих перифразы-совмещения, – так называемые полусвязочные глаголы (в русском языке – *казаться, оказываться*; в английском языке – *appear, seem* и др.).

¹ См. также определение подобных конструкций как осложненных предложений с двумя развернутыми ситуациями, связанными одной предикацией, в типологии предложения В.Ю. Копрова [Копров 2010: 30-32] (прим. ред.).

Таким образом, механизм наложения допускает совмещение не всех структурных схем, а ограниченных, компоненты которых взаимосовместимы, дополняют и компенсируют друг друга. В то же время сам механизм наложения структурных схем – универсальное явление, характерное для ряда индоевропейских языков, как уже отмечалось ранее, хотя степень представленности построений такого рода в разных языках неодинакова и детерминирована особенностями строя языка.

По своим формальным признакам структуры с Complex Object идентичны свободным сочетаниям с двумя дополнениями, например: *I taught her to read*; или с дополнением и обстоятельством: *I want a car to go to the country*. Построения с Complex Subject омонимичны построениям со сложным сказуемым *He is taught to read English*; т.е. для образования связанных структур используется канонизированная структура. Однако сравнивая два типа построений – свободные и связанные, мы видим, что они различны и дифференциация между ними проявляется в наличии в связанных структурах двух субъектно-предикатных звеньев, а в свободных – одного. Линейность синтагмы свободных сочетаний детерминирована радиальным принципом оформления цепочки: в центре глагол и отходящие от него актанты, образующие в совокупности субъектно-предикатное звено. Очевидно, различие между этими построениями определяется онтологией отношений, а, следовательно, и релятивных схем.

Вместе с тем параллельно связанным структурам существуют сложные предложения, образованные тем же лексическим наполнением:

I saw him run – I saw that he was running; He is likely to come – It is likely that he'll come.

Синхронное существование двух типов построений заставляет думать, что между ними не может быть полной идентичности в коммуникативном плане, что связанные структуры обладают своим определенным коммуникативным значением и своим набором дистинктивных признаков. Последние характеристики достаточно значимы, поскольку, как справедливо отмечает В.Н. Ярцева, «от грамматического оформления сообщения зависит и концентрация внимания на том или ином моменте сообщаемого» [Ярцева 1990: 8].

Связанные структуры – это тип построений, в основе образования которых лежит частичное наложение структурных схем, в результате которого некоторые компоненты имплицитуются, а оставшиеся компоненты контаминируют функции имплицитованных членов структуры, что приводит к появлению бифункциональных конститuentов. Наложение структурных схем ведет к прерыванию

линейной последовательности и появлению особой синтагматики, воспринимаемой как двухслойная, ярусная, независимо от того, в каком участке прерывается линейная цепочка. Связанные структуры характеризуются фиксированностью связей на всех уровнях, что является обязательным условием при невыраженности некоторых из них грамматическими средствами.

К разряду факторов, определяющих особый статус связанных структур, относится и то, что в них, как правило, нет второстепенных членов, все компоненты – конститутивные (главные), которые нельзя вычленивать из состава предложения без нарушения его смысла, т.е. без них структура перестает существовать.

Наложение, с одной стороны, и импликация компонентов и контаминация их функций, с другой стороны, приводят к появлению новой сетки отношений, новых связей, отражающих перераспределение зависимостей между компонентами. Последнее приводит к усилению значимости позиций компонентов, закреплённости некоторых из них, жесткости структуры в целом, ограниченности, а в некоторых случаях, и невозможности инкорпорирования других элементов без нарушения онтологии отношений, что, в конечном счете, обуславливает не только формальную, но и смысловую целостность построений, их восприятие как единого «смыслового аккорда».

Наложение и вытекающие из него следствия обеспечивают не только жесткость модели, но и связанность построения, что выражается в селективности семантических подклассов глаголов в роли предиката второй пропозиции (как известно, в комплексах употребляются определенные классы глаголов и прилагательных), а также их грамматических форм или частеречной селективности компонентов, выступающих в роли предикатного определения.

Формальное наложение структурных схем ведет к серьезным качественным изменениям в значении лексических единиц, в основном предикатов, т.е. к их модификации. В построениях рассматриваемого типа наблюдается противоречие между виртуальным и актуализируемым значением предикатов: модель построения, с одной стороны, способствует формированию унифицированного значения и превращению лексических единиц, участвующих в ее оформлении, в функциональные синонимы, а с другой стороны, значения предиката как лексемы не исчезает, не погашается и проявляется в том, что детерминирует развертывание в синтагматической цепи. Это противоречие разрешается следующим образом. Наличие жесткой модели построения выступает в качестве одного из условий выравнивания, унификации категориального

значения предиката в пределах определенного подкласса, которое осуществляется как результат перераспределения сем в семантической структуре слова вдоль оси «интенционал – импликационал»: переход дифференцирующих сем лексических единиц в импликационал значения и их нейтрализация, а с другой стороны, перемещение сем, передающих наиболее общее, генерализованное значение, в интенционал значения. Однако семантический сдвиг не означает, что конкретный предикат десемантизируется, его значение сохраняется и проявляется на уровне валентности при комбинаторике в сочетании с тем или иным семантическим подклассом лексических единиц. Если предикаты полифункциональны на системно-парадигматическом уровне, их полифункциональность также нейтрализуется в речевой цепи: та или иная лексическая единица в разных контекстах актуализирует разные категориальные смыслы, ее семантическая характеристика находится в прямом соотношении с ее функцией в структуре и в значительной степени предопределяет границы ее возможного употребления в структурах определенных типов.

Унификация значения, т.е. вторичная номинация предиката в контексте, выступает, таким образом, в качестве условия, на фоне которого происходит формирование нового категориального значения, которое выражается в актуализации признаков, свойств, прежде всего аспектуальных, не свойственных этому предикату в другом контексте. Однако сдвиги категориального значения не находят отражения в специализированных средствах, автоматически маркирующих эти различия, так как в языках с изолирующим строем, к которым принадлежит и английский язык, как правило, отсутствует дифференциация между первичным и вторичным значением, поскольку большинство категориальных значений в английском языке принадлежит к разряду скрытых понятийных значений.

Формирование нового категориального значения возможно и осуществляется в рамках вторичной номинации на основе системного значения лексической единицы, а это является дополнительным аргументом в пользу того, что в лексеме (прежде всего глагольной) заложена вся актантно-аргументная структура, и в зависимости от контекста она может реализовать те или иные потенциальные характеристики.

Возможность участия одних и тех же глаголов в оформлении связанных структур с разной релятивной схемой свидетельствует, что большинство данных глаголов поликатегориальны, и в зависимости от минимального контекста они могут образовывать тот или иной тип предиката, так как репертуар категориальных значений лексической единицы подвижен. Ярким примером категориальной вариативности

являются, например, глаголы мнения, перцепции, которые могут образовывать статальные предикаты: *He considered her to be clever; We saw them run*; результативные предикаты: *He was considered clever; We consider him clever; We saw the houses submerged*; модализированные предикаты: *He is considered to be clever*.

Таким образом, возможность частичного изменения лексического значения и изменения категориального значения лексических единиц есть подтверждение положения о том, что значение слова неконстантно, единицы языка в разных контекстах меняют свое значение, т.е. являются контекстуально чувствительными, что окончательное значение слова формируется в результате синтагматической деятельности, так как все элементы системы языка порождаются синтаксически и определяются через синтаксис.

Однако в оформлении связанных структур могут участвовать не все лексические единицы, а только отвечающие определенным требованиям, главными из которых являются: направленность на пропозициональный объект; отсутствие в семантической структуре лексических единиц компонентов, определяющих характер протекания действия или возможность их нейтрализации; семантическая неполнозначность предиката без пропозиционального компонента.

Наряду с принципом консентности и конгруэнтности, другим принципом организации связанных структур является принцип компенсации, который выравнивает семантическую и грамматическую значимость предикатов: первый предикат в результате унификации значения в контексте связанных структур приближается к общему значению, присущему семантическому подклассу лексических единиц, к которому он принадлежит – мнение, волитивность, перцептивность и т.д., нейтрализует некоторые компоненты своего значения. Эта семантическая «ущербность» его значения компенсируется за счет грамматической оформленности, что выражается с помощью соответствующих маркеров, а с другой стороны, грамматическая «ущербность» второго предиката восполняется за счет семантической полноты, полнозначности его лексического значения.

Прием наложения структурных схем объясняет также наличие в связанных структурах однотипной и унифицированной парадигмы видо-временных форм предиката первой пропозиции; отклонение от общей парадигмы индицирует проявление индивидуальных особенностей каждой конкретной единицы.

О связанных структурах можно говорить и с позиции их особой модельности: в основе их образования лежит жесткая модель, которая не выходит за рамки модели английского предложения и воспринимается как определенный понятийный субстрат. Жесткость

модели обеспечивается за счет фиксированного порядка слов, строгого ограничения в плане раздвижения структуры путем инкорпорирования компонентов, их дистанцирования, инвертирования. В основе жесткости модели несомненно лежит механизм наложения структурных схем, который препятствует структурным модификациям, поэтому о связанных структурах можно говорить как о структурах особого модельного синтаксиса – **синтаксиса связанных структур**.

Построения рассматриваемого типа характеризуются достаточно ограниченной парадигмой коммуникативных типов предложений: для связанных структур характерно употребление в аффирмативных предложениях, что соответствует коммуникативно-прагматической направленности построения – передаче, констатации факта или результата увиденного, услышанного, осознанного, желаемого, предполагаемого, вероятного и т.д. или констатации произошедшего изменения как результата воздействия. В связи с аффирмативным значением вопросительные построения не типичны, а если и возможны, то в основном это суггестивные вопросы. Мало типична и форма повелительного наклонения, так как нехарактерны соответствующие онтологические ситуации; кроме того, семантика многих глаголов, равно как и двупропозициональность построений, ограничивают употребление названных форм.

Исходя из представленной выше характеристики связанных структур, можно вывести основные принципы их оформления:

1) принцип связанной дихотомичности, т.е. представленности двумя пропозициями (иногда формально в усеченной форме);

2) принцип компенсации, заключающийся в перераспределении семантической значимости и грамматической оформленности компонентов в результате перераспределения функциональных ролей компонентов в построении;

3) принцип консентности / конгруэнтности, проявляющийся в облигаторной селективности лексических единиц в роли предиката и предикатного определения во второй пропозиции, а также их грамматических форм;

4) принцип модельности, выражающийся в том, что связанные структуры характеризуются наличием четко закрепленной релятивной схемы.

Таким образом, связанные структуры – это особый тип построений в синтаксисе английского языка, в основе образования которых лежит жесткая модель, лимитирующая количество конstituентов, выступающая в роли определенного фильтра при отборе лексических средств. Внутри связанных структур устанавливаются определенные

отношения, которые помогают осмыслить построение как целостное, нечленимое.

Наличие связанных структур – следствие проявления особенностей системы языков изолирующего типа. Среди этих особенностей первостепенными по значимости являются: значение слова и аранжировка слов в линейном ряду, их «интерференция»; сведение многомерности к известному единству; формирование формальной синтаксической функции на основе семантико-синтаксической, что и обеспечивает неразрывное единство семантики и синтаксиса при отсутствии внешних морфологических маркеров.

Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. – М.: Просвещение, 1966. – 302 с.

Долинина И.Б. Валентностные категории английского глагола: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1982. – 36 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.

Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. – М.: Наука, 1981. – 360 с.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса; вступ. ст. и общ. ред. В.Г. Гака. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.

Чеснокова Л.Д. Конструкция с предикативным определением и структура предложения в современном русском литературном языке (материалы для спецкурса). – Ростов-на-Дону, 1972. – Ч. 1. – 135 с.

Чеснокова Л.Д. Конструкция с творительным предикативом и его эквивалентами и система членов предложения в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1973. – 39 с.

Ярцева В.Н. Проблемы языкового варьирования: исторический аспект // Языки мира: Проблемы языковой вариативности. – М.: Наука, 1990. – С. 4-35.

Aarts B. Small Clauses in English. The Nonverbal Types. – Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 1992. – 228 p.

Allen R. The Verb System of Present-day American English. – The Hague: Mouton, 1966. – 303 p.

Bryant M. A Functional English Grammar. – Boston, D. C.: Heath, 1945. – 326 p.

Long R.B. The Sentence and its Parts. A Grammar of Contemporary English. – Chicago: Chicago Univ. Press, 1974. – 225 p.

Mathesius V. Functional Analysis of Present-day English on a General Linguistic Basis. – Prague: Academia, 1975. – 228 p.

Nosek J. Notes on Syntactic Condensation in Modern English // Travaux Linguistiques de Prague. – Prague: Academia, 1964. – P. 281-288.

Vachek J. Some thoughts on the So-called Complex Condensation in Modern English. // Sborník prací filosofické fakulty brněnské university. – Brno, A3, 1955. – P. 63-77.

Vachek J. The Compactness of the Modern English Sentence // Selected Writings in English and General Linguistics. – Prague: Academia, 1976. – P. 337-352.

К.А. Рогова

Санкт-Петербургский государственный университет

ФАКТОР ВРЕМЕНИ КАК КЛАССИФИКАЦИОННЫЙ ПРИЗНАК ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Односоставные предложения обычно определяются как такие, «в предикативном центре которых, в отличие от двусоставных предложений, наличествует только один главный член» [Ломов 2004: 200], что не делает их неполными. Это свойство объединяет очень разные конструкции, подобно местоимению, объединяющему по заместительной функции слова разной частеречной принадлежности.

Хорошо известно, что содержательная полнота таких предложений обусловлена присутствием в их лексико-грамматической организации показателей смысловой двучленности: форм глаголов, соотносимых с некоторым лицом, которое таким образом оказывается включённым в содержание предложения; наличием косвенных падежей существительных со значением субъекта, испытывающего некоторое состояние; наконец, присущей им интонацией утверждения, переводящей слово как номинацию предмета или явления в сообщение о факте его существования. Будучи по своим строевым и смысловым качествам весьма разнообразными, односоставные предложения оказываются трудно классифицируемыми. На протяжении 20 века они подвергались разным оценкам, по-разному рассматривалось их соотношение с двусоставными, но при этом среди них стабильно выделялись глагольные определённо-, неопределённо- и обобщённо-личные, безличные, исключающие возможность включения в свой состав именительного падежа существительного (т.е. безличные в грамматическом смысле), близкие им инфинитивные, а также номинативные предложения. Было обнаружено также, что эти предложения не рядоположены: в одних «наличествует два состава – подлежащее и сказуемое, но первый состав не получает специального лексического выражения, поскольку он подсказывается глаголом-репрезентантом состава сказуемого» (определённо- обобщённо- и неопределённо-личные), в других – «представлен только один состав» (безличные, инфинитивные и номинативные) [Там же: 202].

Что касается односоставности последних, то она признаётся не всеми исследователями. Так, Г.А. Золотова считает обязательность наличия в каждом предложении субъекта, ибо «без субъекта не может быть ни действия, ни состояния, ни свойства, а следовательно не может быть предикативного акта, создающего предложение» [Золотова 2004: 112-113]. То же и в отношении номинативных предложений, вторым компонентом которого признаётся глагол *быть*. Таким образом, отмечается двусоставность всех ранее признаваемых односоставными предложений при разных возможностях её выражения.¹

В Русской грамматике эти предложения оказываются разнесёнными по разным рубрикам: как представляющие особые модели предложения (что распространяется на неопределённо-личные и безличные) и как неполные реализации двусоставных предложений (определённо- и обобщённо-личные – [Русская грамматика 1980: 246, 248], к которым, условно говоря, могут быть отнесены и номинативные, которые рассматриваются как двухкомпонентные, состоящие «из номинатора грамматического предмета и бытийного глагола» [Русская грамматика 1980: 358; Ломов 2004: 158], который реализуется в прошедшем и будущем времени.

Обратим внимание на такую особенность предложений, рассматриваемых как неполные реализации двусоставных, как их существование в том качестве, которое расценивается как односоставность, только в настоящем времени. Способность создавать определённо-личные конструкции есть только у форм глагола 1 и 2 лица настоящего времени, ибо прошедшее время значения лица не имеет, так что в прошедшем времени отсутствие подлежащего делает предложение неполным (ср.: *Сиджу, читаю* / *Сидел, читал*). Обобщённо-личное предложение, заменив форму 2 лица настоящего времени на прошедшее, теряет своё обобщающее значение (*Когда много отдыхаешь, то устаёшь* / *Когда много отдыхал, то уставал*). Номинативное предложение с *был* также приобретает характер информации о действительности, а не её репродукции (*Вечер* / *Был вечер*). Не случайно многие исследователи отмечают использование номинативных предложений только в настоящем времени (см., например [Попова 2009: 41-42]).

Возникает вопрос о том, в какой мере значимо для указанных предложений их существование в настоящем времени и существует ли

¹ В.Ю. Копров считает целесообразным вообще отказаться от деления предложений на односоставные и двусоставные, заменив этот неоднозначный и противоречивый классифицирующий признак на критерий количества актантов в семантической структуре предложения [Копров 2010: 50-51] (прим. ред.).

связь между их односоставностью и значением времени. Так как формально эти предложения различны, то черты общности следует искать в их семантике.

В своем рассмотрении концепций типологии предложений В.Ю. Копров чётко выделил три основных подхода: традиционный, логико-грамматический и ситуативный. Последний проявил свой достаточно интегративный характер и определил формирование «семантического синтаксиса», а позже вылился в «когнитивно-ориентированный синтаксис» [Копров 2010: 5-20]. Раскрывая его содержание, автор пишет: «В центре внимания... находится ситуация объективного мира, отражённая сознанием человека и кодированная средствами того или иного языка. Такой подход к описанию устройства предложения можно в целом обозначить как **ситуативный** (номинативный, денотативный)» [Там же: 9]. Напомним в этой связи высказывание Л. Витгенштейна: «Вместо утверждения “Это предложение имеет такой-то смысл” можно прямо сказать: “Это предложение изображает вот такую ситуацию”» [Витгенштейн 1994: 21].

Таким образом, можно наблюдать за ситуациями употребления односоставных предложений как отражёнными в их содержании, так и характеризующими саму ситуацию общения. Что касается ситуации, составляющей содержание сообщения, то она в самом общем виде представляет излагаемые события, их участников, а также обстоятельства, сопровождающие события, и фон, поясняющий события (см.: [Степанов 1995: 38]). Отражение ситуации общения проявляется в качествах, обусловленных обстановкой, условиями его создания: «акт употребления языка ... вбирает в себя и отражает в себе уникальное стечение обстоятельств, при которых и для которых он был создан» [Гаспаров 1996: 10].

В нашем случае имеет значение и **фактор настоящего времени**, соотносённый как с событийной, так и коммуникативной ситуацией. Семантика настоящего времени, и это подчёркивается всеми исследователями, достаточно сложна и связана с ситуациями употребления: «Если ситуация относится к актуальному настоящему, реальный центр временного дейксиса как бы находится внутри времени ситуации... . Если обозначаемая ситуация относится не к актуальному настоящему, а к настоящему общности, то определяется не время какого-то отдельного действия, а некоторый неопределённый период широкого настоящего, охватывающий возможные реализации данной нелокализованной во времени (т.е. не прикреплённой лишь к какому-то одному моменту) ситуации [Бондарко 1990: 21].

После этих предварительных замечаний обратимся к анализу материала.

Наблюдение за «я»-предложениями обнаружило их преимущественное употребление с местоимением-подлежащим: *У меня ... слава Богу есть дочка, но я совсем не хочу сделать её работой своей болезни ... Я не имею права раскисать* (Ясина); *...я, в здравом уме и твёрдой памяти, смиренно приступаю к описанию её жизни; я чувствую необходимость пуститься в объяснения; я отдаю себе отчёт...* (Чижова); Виктор Астафьев сказал о фронтовиках: *давайте помолчим, пусть говорят те, ради которых мы умирали. Я не помню слов, но мысль передаю верно: пусть о нашей победе судят те, кому идущие на смерть сохранили родину* (Нагибин).

Приведённые примеры, взятые из текстов разных стилей и жанров, обладают одной общей чертой: они включены в контекст, где я выступает в качестве темы предложения в составе повествовательного текста, ориентированного на ментальную действительность. Настоящее время охватывает здесь «некоторый неопределённый период широкого настоящего», оно связано с ситуацией, «не прикрепленной к какому-то одному моменту». Говорящий вписан в неё как одно из действующих лиц. Аналогичное замечание мы находим в статье Л.Н. и Ю.С. Степановых. Наблюдая за «я»-предложениями в испанской разговорной речи, где, как и в русской, «употребление личного местоимения с глаголом ... отнюдь не является обязательным», авторы отмечают почти обязательное использование местоимения с глаголами мыслительного процесса и дают этому явлению следующее объяснение: «говорящий хочет внушить свою личную, индивидуальную точку зрения, часто особую, не совпадающую с коллективным мнением или мнением собеседника», здесь проявляется «пик индивидуальности» [Степанова, Степанов 1990: 243]. Особенно чётко это значение проявляется при наличии сопоставительно-противительных отношений, что расширяет лексическое поле используемых здесь глаголов: *Не знаю, как другие, а я люблю цирк* (из газ.); – *Твой славный тёзка вставал в пять утра. – А я встаю в семь* (из газ.).

Определённо-личные предложения, в структуре которых я отсутствует, используются в ситуациях с актуальным значением времени:

а) в диалоге: *Стеблев обрадованно доложил: Вижу силуэты кораблей прямо по носу!.. В динамике раздался тревожный голос: находимся в квадрате номер ноль четыре, получили пробоину. Прошу снять команду* (Быков), который связан с канонической ситуацией, характеризующейся наличием конкретно-референтных говорящего и адресата, а также отмечен единством времени («момент создания высказывания совпадает с моментом его восприятия») и единством

места («говорящий и адресат находятся в одном месте и имеют общее поле зрения») [Падучева 1995: 43]. Для таких предложений значимо наличие ремы при нормативном опущении темы, в данном случае – подлежащего я, вписанного в ситуацию;

б) при повествовании от 1 лица в условиях репродуктивного регистра: *Затем вновь томительное молчание. И только в 1 час 20 минут снова узнаю голос капитана Ефимова; Поднимаю и резко опускаю правую руку – это сигнал для боцмана.* В таких высказываниях также фиксируется рема – состав глагольного сказуемого, называющего действия субъекта, включённого в ситуацию. Исследователи отмечают здесь воспроизведение ситуации «прямого наблюдения» [Золотова 2004: 239], в которую помещается и читатель, так что возникает «эффект соприсутствия» [Булыгина 1982: 15], «снимается коммуникативное противопоставление говорящего и адресата» [Шмелёв 1991: 126].

Таким образом, можно констатировать наличие тенденции к использованию определённо-личных предложений для выражения событий, представленных в настоящем актуальном времени (как в прямой речи, так и при повествовании), отмеченных эффектом присутствия читателя, т.е. при актуализации обеих типов ситуаций: ситуации, составляющей содержание высказывания, и ситуации, представляющей сам акт общения.

Обобщённо-личные предложения наиболее последовательно представлены в «Коммуникативной грамматике» Г.А. Золотовой [Золотова 2004: 119-120]. Здесь выделено три их типа: пословичные, повествовательно-узуальные и оценочно-характеризующие. Каждый тип получает индивидуализирующие его характеристики: пословичные предложения как «обобщающие опыт «нас», «вас» и других людей», и поэтому оказывающиеся «применимыми к конкретным жизненным ситуациям и к различным лицам, включая адресата, говорящего и третьих лиц», повествовательно-узуальные служат приёмом «интимизации», при котором опыт говорящего «подаётся как общий для второго лица и любого на его месте, следовательно и для третьего лица», здесь взаимодействие категорий времени и лица «приводит иногда к полному отступлению идеи обобщённости лица в пользу идеи обобщённости, повторяемости, узуальности времени»; оценочно-характеризующие как представляющие определённую модель, где глагол во 2-м лице стоит в конце предложения, а форма имени – носителя признака выносится в препозицию: *Тебя не дождёшься.*

Как видно, для всех отмеченных типов обобщённо-личных предложений характерно использование в ситуации непосредственного

общения (даже в случаях автокоммуникации), когда другому человеку передаётся некий обобщённый опыт (половицы), или когда говорящий делится своим опытом с другим, пытаясь его осознать, но не обременяя призывом к контакту. Приведём примеры: *Он почувствовал, как дрожит Анна. – Страшно, – прошептала она. – Всё видишь и не понимаешь, что это такое. – Не понимаешь, что это такое, – повторил Ронин (Сотников); Всё можно объяснить, соединив одно слово с его противоположностью простым прибавлением «не». Ведь никому ничего не объясняешь и не доказываешь (Сотников); – Молодец, командир! Растём! – похвалил лейтенанта командир отряда. – Позавидуешь такому; две победы в первом же бою! (Быков).*

Как видно, и в рассмотренных случаях употребление обобщённых предложений связано с ситуацией непосредственного общения, где «ты», интегрирует значения первого и второго лица. Заметим, эти предложения особенно характерны для жанра интервью, где они обозначают, что, даже если содержащаяся в них мысль принадлежит не говорящему, он её очевидно разделяет и вводит в диалог. Так, в ответ на вопрос С. Волкова о М. Цветаевой И. Бродский отвечает: *есть, говорит она, и другой вариант поведения: дать трагедии полный ход на себя, дать ей себя раздавить... И ежели ты сможешь после этого встать на ноги – то встанешь уже другим человеком (Волков).*

Что касается номинативных предложений, то они занимали исследователей главным образом в связи с возможностью использования в их составе глагола *быть* в прошедшем и будущем времени, что определяло правомерность их безглагольного существования в настоящем времени. Однако и в данном случае наблюдение за контекстами употребления этих предложений обнаруживает приобретение ими особого значения актуального восприятия действительности в этой временной форме. Рассмотрим описательные номинативные предложения, составляющие центральную часть сферы их употребления.

Можно сравнить два отрывка из рассказа Ю. Казакова «Проклятый север», посвящённого посещению дома Чехова в Крыму двумя моряками, вернувшимися из длительного плавания на севере: а) *Я скорей перешёл в кабинет. Тут был камин, письменный стол с какими-то вещами, фотографии на стенах. Был стенд, заваленный весь фотокарточками – вот красавец Шпалатин с коком, вот узколицый Бунин с твёрдыми, серыми надменными глазами... И на всех карточках были надписи;* б) *Подумать только, – с внезапной злобой сказал мой друг, – как он жил, как жил, Господи ты Боже мой! [...] А здесь вот, в этом самом доме печки отравительные, холод собачий, тоска... А на севере – Россия, снег, бабы, нищие, грязь и темнота, и угарные избы (Казаков).*

Первый отрывок представляет собой описание в стратегии фрейма «где находилось что», отражая последовательный взгляд наблюдателя на пространство комнаты. Остановка на отдельном предмете (*вот красавец Шалытин*) отражена в обращении к номинативному предложению, смене временного плана, актуализации позиции наблюдателя, что находит выражение и в детализации наблюдаемых предметов. Второй отрывок непосредственно демонстрирует активизацию позиции наблюдателя, использование в описании характеризующих компонентов (*печки отворотительные, холод собачий* – это предикаты или постпозитивные определения?), перечислительного ряда, включённого по принципу контрастивности, что, по наблюдению У. Чейфа, качественно отличает предложения такого рода «от тех, которые просто сообщают новую информацию, выбранную из неограниченного числа возможностей» [Чейф 1982: 287]. В данном случае контрастивность подчеркнута наличием детерминантов *а здесь / а на севере*. Она находит яркое выражение в интонационной подчёркнутости номинативов, чему способствует и их лексическое значение.

Таким образом, и номинативные предложения своей односоставной формой оказываются непосредственно связанными с позицией повествователя, становясь выразителем фокуса наблюдения. Приведём ещё одно высказывание, которое не связано непосредственно с номинативными предложениями, но сделано по поводу близких контекстов: «мы видим, что структура текста, представляющего собой описание зрительно воспринимаемого пространства (изображения), в конечном счёте отражает те процессы, которые происходят в сознании человека при восприятии визуальной информации и её вербальном кодировании» [Кобозева 2000: 161].

Заключая наблюдения над односоставными предложениями, используемыми в русском языке в форме настоящего времени, можно сказать, что они имеют другой контекст и другую цель по сравнению с двусоставными, неполной реализацией которых они структурно являются, что эта цель непосредственно связана с проявлением роли говорящего и осуществлением его непосредственной связи с адресатом. При этом говорящий (или Наблюдатель, которому он передал свою роль) обнаруживает своё присутствие во времени и / или пространстве как описываемой ситуации, так и ситуации общения.

Бондарко А.В. Темпоральность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: «Наука», 1990.

Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. – М., 1982.

- Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. – М.: Гнозис, 1994.
- Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. – М., 1996.
- Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. – М.: «Наука», 1980.
- Золотова Г.А., Онищенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 2004.
- Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010.
- Ломов А.М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: Понятийный словарь-справочник. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004.
- Падучева Е.В. Виноградов и наука о языке художественной литературы // Известия РАН, 1995. Т. 54. № 3. – С. 39-45.
- Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2009.
- Степанова Л.Н., Степанов Ю.С. «Я»-предложения в испанской разговорной речи // Res Philologica: Филологические исследования: Памяти Г.В. Степанова. – М. – Л. «Наука», 1990. – С. 240-249.
- Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 века. – М., 1995.
- Чейф У. Данное, контрастивность, определённости, подлежащее, топика и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. – М.: «Прогресс», 1982.
- Шмелёв А.Д. Референциальные значения в поэтическом тексте // Поэтика и стилистика. 1988-1990. – М., 1991.

Список источников

- Быков В. В атаке – торпедные катера // Новый мир. 1985. № 5.
- Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским / Вступительная статья Я. Гордина. – М.: Изд-во Независимая газета, 2000.
- Казаков Ю. Двое в декабре. – М.: Молодая гвардия, 1966.
- Чижова Е. Время женщин. – М.: Астрель, 2011.
- Ясина И. История болезни // Знамя. 2011. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2011/5/ia8.html>.

А.А. Романов, Л.А. Романова

Тверской государственный университет

МАНИФЕСТАЦИОННАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ КОМПОЗИТНЫХ ПЕРФОРМАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ

В литературе, посвященной проблемам канонических перформативов, отмечается, что инвариантная композитная перформативная конструкция может отличаться с точки зрения плана выражения от стандартной перформативной формулы (матрицы), и такое отличие, как показал языковой материал, обуславливается

манифестационными особенностями инвариантной композитной перформативной конструкции, связанными с ее модификациями и «расширением» [Почепцов 1971]; см. также [Романов 2005; Романова 2009]. Также отмечалось, что модификации и «расширения» данной конструкции затрагивают не только и не столько манифестационный уровень самих дискурсивных практик, сколько семантический и коммуникативно-функциональный (прагматический) аспекты их использования в социальной интеракции. Целесообразно прежде всего установить, какие же дополнительные элементы являются наиболее частотными «участниками» (представителями) процесса модификации, «расширения» или «загораживания», по Б. Фрейзеру [Fraser 1975], сферы перформативного действия рассматриваемой конструкции.

Эмпирический языковой материал в русском, немецком и английском языках показал, что самыми частотными представителями композитной модели перформативного конструкта, участвующими в процессе модификационных преобразований композитного перформативного поведения, являются дополнительные строевые элементы, среди которых наибольшей активностью выделяются модальные элементы – модальные глаголы, наречия и частицы с модальной семантикой, а также «включающие», по В.В. Богданову [Богданов 1977], предикаты и «парентетические» глаголы, в понимании Дж. Урмсона [Урмсон 1985].

Относительно роли модальных глаголов как своеобразных «расширителей» и «модификаторов» инвариантной композитной перформативной конструкции следует отметить, что их грамматическое значение и количественное представительство по языкам в тех или иных лексикографических описаниях и грамматических исследованиях различно и дискуссионно (ср.: [Бондарко 1978; Виноградов 1975; Москальская 1974; Русская грамматика 1980; Buscha 1981] и др.). Поэтому, подходя к описанию сочетаний перформативных имен с модальными глаголами с позиций принципов композитной семантики, авторы данной работы не вдаются в дискуссию о содержательной специфике каждого из конкретных представителей этого класса и не обсуждают их количественное представительство в том или ином языке. Тем не менее, опираясь на эмпирический языковой материал, можно выделить наиболее частотные модальные глаголы (модальные модификаторы), такие как в нем. *können, mögen, müssen, sollen, wollen, dürfen*; в рус. *мочь, хотеть, желать, долженствовать* и в англ. *can, may, shall, will, must, ought (to), need*.

Соединения модальных глаголов с перформативными лексемами в поверхностной манифестации выражают модификационный аспект семантической структуры высказываний, который накладывается на

реляционный и предикационный уровни (см., например [Сусов 1973]; ср. также [Копров 2010: 37-44]). Этот аспект, как отмечается в работах по синтаксической семантике, можно считать надстроечным, так как подобные модификации не затрагивают внутренний (т.е. перформативный) характер конструкций и специфику их семантической структуры (ср., однако, принципиально отличный подход к указанному явлению в работе [Богданов, 1977: 79-81]).

С описанных выше позиций композитной семантики коммуникативно-интенциональное содержание дискурсивных перформативов манифестируется в определенных видах синтаксических конструкций (моделей), способных «выявить исходный материал, на базе которого происходит на уровне предложения все модификации, схождения и противопоставления, соединения в более сложные структуры» [Москальская 1974: 22]. Например: рус. ... *Но помогите мне закончить дело и я могу обещать Вам, что мы не передадим Вас полиции*»; нем. *Aber helfen Sie mir, das Dossier des Kleinschmidt abzuschließen, und ich kann Ihnen versprechen, dass wir Sie nicht der Gestapo übergeben werden* (Specht); англ. *I'll speak to Bunbury, Aunt Augusta, if he is still conscious, and I think I can promise you he'll be all right by Saturday* (O. Wilde).

Приведенные примеры показывают, что композитная перформативная конструкция является наиболее адекватным средством выражения иллокутивного потенциала интерактивного речевого акта, так как она обозначает соответствие между иллокутивной функцией репликового шага и его целевым предназначением в типовой фреймовой организации. Они также показывают, что манифестационное разнообразие инвариантной композитной матрицы перформативного конструкта свидетельствует о том, что перед нами «просто одна и та же структура, даваемая то в более общем виде, то в более частном виде» [Лосев 1968: 29].

Возможность формального варьирования номинации иллокутивного потенциала показывает, что он имеет набор синтаксических средств для выражения своего воздействующего (интенционального) характера. Такой набор, организованный в виде «архива» конкретных проявлений типовых практик, может быть представлен в виде списка возможных (прогностических и перспективных) конструктивных форм, которые обслуживают ту или иную типовую организацию соответствующего сценария интерактивного акта социальной коммуникации.

Очевидно, что формальное варьирование затрагивает в своем большинстве только две позиции в композитной перформативной конструкции: модифицируется либо позиция показателя иллокутивной

переменной, либо позиция третьего аргумента, т.е. целевого аргумента, связанного с результативностью интерактивного акта. Так, в качестве частного вида композитной перформативной конструкции можно рассматривать модель, в которой вместо придаточного предложения или инфинитивной группы употребляется существительное, например, **модель № 1**, которая охватывает около **13%** от общего количества эмпирического материала. Ср.:

рус. – *Ладно, я не оставляю школу, сэр, и я хотел бы поблагодарить за Вашу любезность, мистер*...

– Меня зовут Камрау, вицефельдфебель Генрих Камрау.

– Рад познакомиться;

нем. – *All right, ich werde die Schule nicht verlassen, Sir, und ich möchte mich für Ihr Entgegenkommen bedanken, Mister*

– *Mein Name ist Kamrau, Vizefeldwebel Heinrich Kamrau.*

– *Pleased to meet you (Specht).*

В ряде случаев указанный компонент синтаксической схемы может быть опущен (**модель № 2**, которая охватывает около **9,33%** от общего количества эмпирического материала), например: рус. *Я хотел бы выразить благодарность от имени всех нас. Возможно, позднее я смогу для Вас ...*; нем. *Ich möchte mich im Namen von uns allen bedanken. Vielleicht kann ich später mal für Sie ...* (Specht); ср. с англ. *I'd like to express my gratitude. Today, I'd like to say "thank you" to all of you. I'm always thankful, but I felt that I should be more thankful than I think, because I heard the following information the day before yesterday* (<http://lang-8.com>).

Кроме того, аргумент цели может быть также представлен в виде компонента, заменяющего собой придаточное предложение или инфинитивную группу (**модель № 3**, охватывающая около **12,33%** от совокупности эмпирического материала): рус. *Сегодня Хольт столкнулся с вахмистром. – Я должен все же запретить Вам это, – сказал тот. – Господин вахмистр, я свеж и бодр*; нем. *Heute lief Holt dem Wachtmeister in die Arme. – Ich muss Ihnen das nun doch verbieten, meinte er. – Herr Wachtmeister, ich bin frisch und munter!* (Noll); ср. также с англ. *Our choice of friends, she answered, smiling faintly, is not so great, that I need any time for consideration. I can promise that* (Dickens).

В качестве компонентов, замещающих третий аргумент матричной формулы, выступают, в основном, указательные местоимения *это, то, такой* и др. Аналогично в немецком (*es* и *das*) и английском (*it, that, this*) языках.

Характерной отличительной чертой синтаксической схемы композитных перформативных конструкций, содержащих модальный глагол, является употребление перформативных лексем в форме

субстантивированного инфинитива или производного от него субстантива. Наличие перформативного глагола в инфинитивной форме в структуре композитного перформативного конструкта является обязательным, так как он представляет собой основной строевой элемент данной конструкции. Однако этот факт, как свидетельствует эмпирический материал, не оказывает влияния на перформативный характер таких высказываний, что подтверждается структурами, основу которых составляет сочетание двух или более высказываний, объединенных смысловой общностью (модель № 4, охватывающая около **4,66%** от совокупности эмпирического материала): рус. Этого больше не произойдет, мой господин. Это я могу Вам обещать; нем. *Es wird nicht mehr vorkommen, Herr Weißing. Das kann ich Ihnen versprechen* (August); ср. с англ. *I want you to marry me, I love you, Miss Leslie* (Henry).

Приведенные примеры показывают, что структурная специфика таких перформативных композитов (дискурсов) заключается в том, что одна часть композита, которая номинирует интенциональное содержание, и другая часть (в виде объединенных в композит высказываний или практик), в которой выражено основное (пропозициональное) содержание композита, формально изолированы друг от друга. Объединенные рамками коммуникативной интенции, они представляют собой целое композитное произведение. Наблюдаемое в этом процессе транспонирование (о типологии возможных транспозиций см. [Романов 2005: 90-123]) высказываний в прагматический тип, репрезентируемый основной структурной схемой, подтверждает это. Ср.: рус. Я могу обещать Вам, что этого больше не произойдет; нем. *Ich kann Ihnen versprechen, dass es nicht mehr vorkommen wird*; англ. *I can promise you that you're reading this because destiny has brought you here* (www.GojiX.com).

То, что отмеченные транспозиции являются достаточно правомерными, подтверждают дискурсивные практики, в которых перформативные лексемы заменяются словосочетаниями с отглагольными существительными, как это можно наблюдать в модели под № 5, насчитывающей около **2,66%** от общего массива эмпирического материала. Ср.: рус. И поэтому я хочу дать тебе совет, помириться с этой женщиной; нем. *Und deshalb will ich dir den Rat geben, dich mit dieser Frau zu vertragen* (August); англ. *"Now, Wegg," said Mr Boffin, hugging his stick closer, "I want to make a sort of offer to you... I'm getting to be a old bird, and I want to take it easy..."* (Dickens).

В этом контексте следует отметить, что перформативное имя в форме существительного, например *совет* (нем. *Rat*; англ. *suggest*) в словосочетании *дать совет* (нем. *Rat geben*; англ. *give advise*) не

является самостоятельным или «включенным» предикатом [Богданов 1977: 98-103], а представляет собой односложный предикат, как и сам перформативный глагол *советовать* (нем. *raten*, англ. *advise*).

В приведенных примерах ядро предиката композитной конструкции в форме модального глагола выражено от первого лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения, что соответствует употреблению предикатного ядра в классической перформативной формуле. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что обозначенные композитные конструкции соответствуют условиям перформативного употребления, ср.: рус. *Надень туфли, когда будешь делать обход. Чтобы не порезаться. Это все, что я могу тебе посоветовать*; нем. – *Zieh dir die Schuhe an, wenn du herumgehst. – Damit du dich nicht schneidest. Das ist alles, was ich dir raten kann* (Remarque); англ. *Oh, he won't be overlooked. I can promise you that* (Christie).

Собранный эмпирический материал показал, что в композитных перформативных конструктах также широко используются и формы прошедшего времени сослагательного наклонения (Präteritum Konjunktiv в нем. яз.) модальных глаголов (модель № 6, соотносимая с 12,66% примеров от общего количества собранного материала). Ср.: нем. *Frau Laverans Antwort ließ Julien ein zweites Mal aufhören. „Am Freitag, ehe Angele zum Dienst ging, war ihre Tante da. Jedenfalls möchte ich schwören, dass sie es war.“* (Rinecker); рус. *Ответ фрей Лаверанс заставил Жюльена насторожиться второй раз. «В пятницу, прежде чем Ангела пошла на службу, здесь была ее тетья. Во всяком случае, я хотела бы поклясться, что это была она»*; ср. также с англ. *“I don't want to prolong this beyond necessity,” he said, “but I would like to congratulate you.”* (Stout).

Многие примеры, представляющие собой модель № 8 (о ней речь пойдет ниже), содержат в своей структуре модальный глагол *хотеть* в форме сослагательного наклонения – *хотел бы* (в нем. *mögen* в форме Präteritum Konjunktiv – *möchte*; англ. *would like to*). Если опираться на лексикографические источники, то значение его сводится к выражению в форме вежливой просьбы желания реализовать действие, представленное инфинитивом.

В качестве варианта стандартной формулы можно наблюдать конструкции типа: *нужно предупредить...; хочется попросить...; можно запретить... и т.д. (модель № 7)*, где процентное соотношение с общим количеством эмпирического массива установить сложно, так как данная модель характерна только для русского языка: *В древности многие психологи считали сновидения исполнениями желаний, бушевающих людей в реальной жизни. Надо признать, друг мой, что ваши видения хорошо копируют ваши желания* (Снегов). Совершенно

очевидно, что предложенные композитные конструкции не противоречат инвариантной формуле перформативных композитных практик, поскольку они легко транспонируются в эксплицитную инвариантную матрицу композитных перформативов, например: *В древности многие психологи считали сновидения исполнениями желаний, обуревающих людей в реальной жизни. Я должен признать, друг мой, что ваши видения хорошо копируют ваши желания.*

В немецком языке неопределенно-личные предложения строятся с местоимением *man* в качестве формального подлежащего, которое по своему значению не тождественно местоимению *ich*. Иными словами, в немецком языке употребление таких конструкций блокируется фактом недостаточно четкого разграничения субъекта перформативного действия. Данные конструкции нельзя считать здесь перформативными, так как их употребление не позволяет установить характер социальных отношений между участниками социально-коммуникативной интеракции (между «кем» и «кем», если нет субъекта действия).

Аналогично и в английском языке. Перформативный композитный дискурс, как отмечалось раньше, не только конституирует реальность для своих носителей, но одновременно продуцирует их **собственную субъективность** как «единство тождества личности и динамики ее множественных Я, а продуцирование множественных Я – этой «быстротечной панорамы мидовских *те*» происходит в ходе разговорного взаимодействия [Hagge 1984].

В качестве основных синтаксических конструкций, которые служат для оформления композитных перформативных практик с модальными глаголами, могут рассматриваться не только приведенные выше повествовательные конструкции. Вопросительные высказывания с различными значениями представляют собой «вторичные (или транспонированные) синтаксические конструкции» [Романов 2005], где номинация целевого назначения является вторичной или производной (см. [Москальская 1974: 106-114; Бондарко 1978: 144-151; Богданов 1977: 157-174]) (**модель № 8**, коррелирующая с **8,33%** от общего массива эмпирического материала): рус. «*Разве*», – сказала Евгения и засмеялась звонко, – «*Что же я должна была бы Вам простить? Вы не сказали мне ничего, что было бы для меня оскорбительным*»; нем. “*Oh*”, *sagte Jettchen und lachte hell wie eine Glocke, “was hätte ich Ihnen wohl zu verzeihen? Sie haben mir nichts gesagt, was für mich kränkend wäre”* (Hermann).

В выделенных моделях поверхностной реализации иллюкутивного «архива» композитных перформативных конструкций помимо модальных глаголов как их структурных модификаторов принимают участие и

«включенные предикаты» в роли структурных «расширителей», дополнительных компонентов композитных перформативных конструкций [Богданов 1977]. К их числу относятся предикаты мнения, намерения, оценки, надежды, разрешения, позволения, эмоционального состояния, главным образом, такие как *бояться*, *опасаться*, *стесняться* / *смущаться*. И хотя в частотности употребления включенные предикаты уступают модальным глаголам, тем не менее, они являются такими же активными «участниками» в плане конструктивного расширения перформативных композитов. Различия между такого рода модификаторами, как представляется, кроются в их семантической и функционально-прагматической специфике.

Сопоставительный анализ выделенных типов реализации моделей показал, что они представляют собой всего лишь конструктивные варианты с точки зрения полноты состава основной модели. Следовательно, дискурсивные практики, коррелирующие в своей архивной совокупности с инвариантной формулой композитных перформативов и ее манифестационными разновидностями, являются основными в плане конструктивного выражения композитных перформативов, содержащих в своей структуре модальные и включенные глаголы. С точки зрения формально-синтаксических критериев перформативный характер композитных конструкций, содержащих в своей структуре модальный компонент, выражают повествовательные и вопросительные модели. Использование этих конструкций говорит в пользу того, что отношения между формой и содержанием, которые свойственны языку в целом, имеют в социально-коммуникативной интеракции не застывший, а динамичный характер. Становится очевидным, что прагматическая специфика того или иного коммуникативно-функционального (иллокутивного) типа рассматриваемых композитных конструкций может быть выражена не только отдельными словами (каноническими перформативами, например), но и с помощью синтаксических структур.

Коммуникативный «архив» манифестационной репрезентации композитных перформативов, базирующийся на инвариантной формуле как основном «следе» перформативного поведения говорящего субъекта, раскрывает его функциональную специфику, которую можно представить в виде приведенной ниже таблицы, учитывающей формальные критерии выражения интенционального (иллокутивного) содержания композитных перформативов.

Символы «+» и «-», представленные в таблице, фиксируют либо наличие соответствия конкретных моделей конструктивному оформлению того или иного прагматического типа в его иллокутивном проявлении, либо подчеркивают отсутствие такого соответствия.

Опираясь на полученные данные, мы можем сделать вывод о том, что критерий экспонентности коммуникативно-интенционального (иллокутивного) содержания композитных перформативов является основным показателем разграничения функциональных типов интересующих нас конструкций.

Таблица № 1

Модели Ком- муника- тивно-праг- матический тип	Конструктивная экспонентность прагматических типов							
	М-1	М-2	М-3	М-4	М-5	М-6	М-7	М-8
Декларативно-экспрессивный иллокутивный тип								
Комиссивы	-	+	+	+	+	+	-	-
обязательства	-	-	-	-	-	-	-	-
клятвы	-	-	+	-	+	+	-	-
обещания	-	-	+	+	+	-	-	-
обеты	-	-	-	-	-	-	-	-
заверения	-	+	+	+	-	+	-	-
гарантии	-	-	-	-	+	-	-	-
держания пари	-	-	-	-	-	+	-	-
Экспозитивы	+	+	+	-	+	+	-	+
возражения	-	+	+	-	-	-	-	+
протесты	-	-	-	-	-	-	-	-
разъяснения	-	+	+	-	+	-	-	-
угрозы	+	-	-	-	-	+	-	-
Пермиссивы	+	+	+	+	-	+	-	-
согласие	+	+	+	+	-	-	-	-
снятие запретов	-	-	-	-	-	-	-	-
разрешения	-	-	-	-	-	+	-	-
Контактивно-регулятивный иллокутивный тип								
Сатисфактивы	+	+	+	+	-	-	-	+
упрек	-	-	+	-	-	-	-	-
сожаления	+	+	+	-	-	-	-	+
извинения	+	-	-	+	-	-	-	-
прощения	-	-	+	-	-	-	-	-
осуждения	-	-	-	-	-	-	-	-
обвинение	+	-	+	-	-	-	-	-
критика	-	-	-	-	-	-	-	-

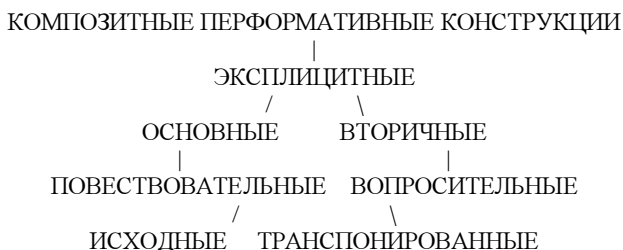
хвастовство	-	-	-	-	-	-	-	-
Регламентивы	+	+	+	+	-	+	-	-
поздравления	-	+	-	+	-	-	-	-
обращения	-	-	-	-	-	-	-	-
приветствия	+	+	-	-	-	-	-	-
Директивный иллокутивный тип								
Иньюктивы	+	+	+	-	-	+	-	-
Приказ	-	-	-	-	-	-	-	-
Распоряжение	+	-	-	-	-	-	-	-
Требование	+	+	+	-	-	+	-	-
Принуждение	-	-	+	-	-	-	-	-
Реквестивы	+	+	+	+	-	+	-	+
Просьба	+	+	+	+	-	+	-	+
Мольба	-	-	-	-	-	+	-	-
Заклинание	-	-	-	-	-	-	-	-
Инструктивы	+	-	+	-	-	+	-	-
Предписания	-	-	-	-	-	-	-	-
Предостережение	+	-	-	-	-	+	-	-
Рекомендация	+	-	-	-	-	-	-	-
Запреты	-	-	+	-	-	-	-	-
Суггестивы	+	+	+	+	+	+	-	+
Совет	-	-	+	-	+	+	-	+
Предложение	+	+	+	+	-	+	-	+
Предупреждение	+	-	-	-	-	+	-	-
Инситивы	-	-	-	-	-	-	-	+
Приглашение	-	-	-	-	-	-	-	+

Сказанное дает основание утверждать, что реализация иллокутивного потенциала подобных конструкций осуществляется в своем большинстве эксплицитным способом. При этом эксплицитно выраженные композитные перформативные конструкции, характеризующиеся связью модального компонента с перформативным основанием конструкта, подразделяются на основные (нетранспонированные) и вторичные (транспонированные). К первым относятся повествовательные конструкции, ко вторым – вопросительные конструкции. В данном случае формальная транспонированность вопросительной формы не затрагивает семантическую специфику и прагматическое предназначение иллокутивной функции композитных перформативных конструкций.

В недрах конструктивного «архива» выделенных перформативных композитов нам не удалось обнаружить модели, имплицитно выражающие интенциональное содержание композитных перформативов. Более того, также не были выявлены конструкции, в которых отсутствовал бы или заменялся чем-либо показатель перформативной основы (предикат) или его составляющая часть в виде модального или какого-либо другого глагола.

Как видно из представленных в таблице данных, отсутствие вариантов экспонентности композитных перформативных конструкций, зафиксированных в рамках информационно-дескриптивного иллокутивного типа (фрейма), обусловлено тем, что дискурсивные практики данного иллокутивного типа не относятся, по определению, к разряду перформативных.

Общую классификацию типов экспонентности композитных перформативных конструкций можно представить в виде следующей иерархии:

Таким образом, можно утверждать, что наиболее употребительными конструкциями для экспонентности коммуникативно-интенционального содержания композитных перформативов являются инвариантные (полные) матричные конструкции, включающие в свой состав дополнительные компоненты и перформативный терм – имя в виде определенных модификаций. Было установлено, что, например, в немецком языке отсутствуют определенные манифестационные формы (вариант модели № 7) для выражения ряда композитных перформативных конструкций с различным интенциональным содержанием. Кроме того, композитные перформативные конструкции с иллокутивной направленностью обязательств, обетов, протестов, снятия запретов, осуждений, критики, хвастовства, обращений, приказов, заклинаний, предписаний не нашли своего эксплицитного отражения в выделенных моделях.

Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1977. – 294 с.

Богданов В.В. Семантико-грамматический статус инфинитива // Исследования по семантике. – Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1980. – С. 164-182.

Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. – Л.: Наука, 1978. – 175 с.

Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – 560 с.

Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1970. – 768 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.

Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. – М.: МГПИ, 1968. – 297 с.

Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса. – М.: Высшая школа, 1974. – 158 с.

Почепцов Г.Г. Конструктивный анализ структуры предложения. – Киев: Вища школа, 1971. – 191 с.

Романов А.А. Семантика и прагматика немецких перформативных высказываний-просьб. – М.: ИЯ РАН, 2005. – 153 с.

Романова Л.А. Структурно-семантические аспекты композитных перформативов в функциональной парадигме языка. – М.: ИЯ РАН, 2009. – 180 с.

Сусов И.П. Семантическая структура предложения (На материале простого предложения в современном немецком языке). – Тула: ТГПИ, 1973. – 141 с.

Урмсон Дж. Парантетические глаголы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 196-216.

Buscha J. et al. Modalverben. – Leipzig: Enzyklopädie Verlag, 1981. – 55 S.

Ю.А. Рылов

Воронежский государственный университет

СУБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ И КВАЛИФИКАЦИИ В ПОДЛЕЖАЩИХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ РУССКОГО И ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКОВ

Основным способом представления событий и явлений внешнего мира в индоевропейских языках является подлежащно-сказуемая (номинативная) модель предложения. Отметим, что для итальянского и русского языков названная модель тоже является исходной, хотя и далеко не единственной и по-разному реализующейся в двух языках.

В современных синтаксических концепциях понятие субъекта весьма дифференцировано и не совпадает с понятием подлежащего,

хотя Г.А. Золотова, принимая расширенную трактовку подлежащего, «уравнивает в правах» все типы субъекта и признает принципиально двучленной структуру русского предложения – независимо от того, выражен ли субъект подлежащим или какой-нибудь другой формой, либо вообще не представлен отдельным словом [Золотова 1988: 13]. А.В. Бондарко определяет субъект как субстанцию, являющуюся «источником приписываемого ей неpassивного предикативного признака. Как источник неpassивного предикативного признака выступает тот (то), кто (что) производит (намеренно или ненамеренно) действие (*Кто-то идет; Официант уронил поднос; Вам придется сдать оружие; Выходить мне замуж?; Вами решена важная задача*), выполняет функцию реципиента (*Мы получили интересную информацию*), находится в определенном состоянии (*Дети спят; Зубы болят*), выступает как бытующая субстанция (*Он здесь был; Его здесь не было*), является элементом отношения (*Он зависит от них*)» [Бондарко 1992: 33]. Под категорию субъекта в данной концепции не подпадает, например, подлежащее в предложении *Книга исчезла*.

Как правило, из числа субъектов выводится и номинатив пассивных конструкций: *Солдат был ранен осколком гранаты* «*Il soldato fu ferito da un frammento di bomba a mano*»; *Дом построен рабочими* «*La casa fu costruita dai muratori*» [Бондарко 1978: 59-60; Копров 1999: 104-106, 128-133]. В таких концепциях подлежащее определяется как единица, совмещающая субъектное и другие актантные значения. Так, Дж. Сальви помимо агентивного субъекта (*Il bambino corre* «*Ребенок бежит*») выделяет инструментальный (*Il sasso rippe la finestra* «*Камень разбил окно*»), объектный (*La pietra rotolo giù per il pendio* «*Камень покати́лся вниз по склону*»), локативный (*Il giardino pullula di vespe* «*Сад гудит от ос*»), а субъекту обладания автор приписывает значение датива: *Giorgio possiede questo libro* «*Георгий владеет этой книгой*» [Salvi 1988: 56-58]. Как видим, при определении семантического субъекта ученые опираются на залоговое осмысление синтаксической конструкции и на лексическое значение подлежащего, что, безусловно, высвечивает иные стороны проблемы соотношения семантического субъекта и синтаксической позиции подлежащего.

Мы будем исходить из следующего представления: субъект – понятие более широкое, чем подлежащее, он может быть выражен различными способами [Рылов, Бессарабова 1997: 103-111]; это тот компонент высказывания, который подвергается предиктированию, является носителем предикативного признака. В рассматриваемых языках субъект часто совпадает с подлежащим, но далеко не всегда.

Когнитивный образ, который стоит за синтаксической моделью «подлежащее + сказуемое», – это семантическая структура «субъект и его признак». Подлежащее при этом может быть субъектом действия (процесса) или квалификации. Под действием понимается любая семантика, выраженная личной формой глагола (*L'uomo lavora, dorme, pensa* «Человек работает, спит, думает»); под квалификацией – семантика, выраженная комплексом «связка (в том числе нулевая) + присвязочная часть (в виде субстантивного, адъективного или адвербиального образования)»: *Giovanni è insegnante* «Иван учитель»; *Lei è ricca* «Она богата»; *Lui è all'erta* «Он на чеку». В некоторых концепциях типы сказуемого рассматриваются более подробно: дифференцируются предложения с признаковой частью, выраженной глаголом, существительным, прилагательным, числительным, причастием [Ломов 1994: 73; Копров 62-70], но в наших целях – для характеристики субъекта признака – делать это нет необходимости.

Итальянское подлежащее, как и русское, может быть выражено любой частью речи [Dardano, Trifone 1990: 61]: существительным и местоимением (*I bambini vanno alla scuola* «Дети идут в школу»; *Qualcuno ti ha chiamato* «Тебе кто-то звонил»; *Tu sei bellissima* «Ты очень красивая»), субстантивированным прилагательным (*L'utile va unito al dilettevole* «Полезное сопровождается приятным»), инфинитивом (*Fidarsi è bene, non fidarsi è meglio* «Доверять хорошо, не доверять лучше»; *Studiare l'inglese mi piacerebbe molto* «Учить английский язык мне бы очень понравилось»; *Mi piace andare a zonzo per le strade* «Мне нравится бродить по улицам»), частицами (*Punto e mica concorrono a rafforzare la negazione* «*Punto* и *mica* способствуют усилению отрицания») и т.д.

Таким образом, для итальянской языковой картины мира, как и для русской, характерно представление любого явления как субстанции, обладающей признаком. При этом следует отметить, что субъект-инфинитив – особый субъект, денотатом которого является в той или иной степени развернутая ситуация [Белошапкова 1997: 790]. Это, однако, не касается субстантивированного инфинитива, который, приобретая способность сочетаться с артиклем, прилагательным и субстантивным определением с предлогом, превращается в имя и утрачивает способность представлять ситуацию. При переводе на русский язык такие образования интерпретируются как отглагольные существительные: *Il partire improvviso di Piero l'aveva scombussolata* «Неожиданный отъезд Пьеро ее расстроил».

Рассмотрим механизм предикативной связи в предложении. Этой теме в итальянистике посвящено много работ, упор в них обычно делается на анализ вариативности согласования (см., например

[Fornaciari 1974: 296-320; Salvi 1991: 228-241; Castelli 1988: 323-324]). У русского и итальянского языков в оформлении предикативной связи имеется много общего. Так, русское глагольное сказуемое в настоящем и будущем времени и итальянское во всех неаналитических глагольных формах согласуется (т.е. инкорпорирует в свою форму характеристики субъекта) с местоименным подлежащим в числе и лице, а с субстантивным подлежащим – в форме 3 лица ед. или мн. числа: *io canto* «я пою», *tu canti* «ты поешь», *lui canta* «он поет», *noi resteremo* «мы останемся», *voi resterete* «вы останетесь», *loro resteranno* «они останутся»; *il bambino gioca* «ребенок играет», *i bambini giocano* «дети играют», *la studentessa lavorerà* «студентка будет работать», *le studentesse lavoreranno* «студентки будут работать».

Именное сказуемое в итальянском предложении согласуется с подлежащим по линии рода – в отличие от русского языка – и во множественном числе: *il fiore è bello* / *i fiori sono belli* «цветок красивый / цветы красивые»; *la rosa è bianca* / *le rose sono bianche* «роза белая / розы белые». В прошедшем времени русское глагольное сказуемое, как известно, согласуется с подлежащим в роде и числе (*сосед работал*, *соседка работала*) или только в числе (*мы работали*, *они работали*). В итальянском языке во всех сложных формах сказуемого, образуемых при помощи вспомогательного глагола *essere*, согласование осуществляется по линии лица (связка), числа (дважды – в форме связки и причастия) и рода (причастие): *Il ragazzo è arrivato ieri* «Парень прибыл вчера» / *I ragazzi sono arrivati ieri* «Парни прибыли вчера» / *La ragazza è arrivata ieri* «Девушка прибыла вчера» / *Le ragazze sono arrivate ieri* «Девушки прибыли вчера».

Предикативная связь в итальянском предложении, таким образом, представляется очень сильной в формальном отношении, как правило, поддерживаемой морфологическими средствами, хотя возможны предложения, в которых связь подлежащего и сказуемого осуществляется исключительно при помощи порядка слов и интонации: *E il povero Geppetto a correrli dietro senza poterlo raggiungere* (Collodi) – *Бедный Джеппетто побегал следом, но не мог его догнать*.

Яркой чертой итальянского сказуемого является то, что при определенных условиях оно может согласовываться и с дополнением, то есть инкорпорировать в свою форму и характеристику дополнения. Согласование в роде и числе с дополнением касается лишь причастия, входящего в состав аналитической глагольной формы, у которой вспомогательный глагол согласуется с подлежащим. Это обычно происходит, когда местоимения *lo*, *la*, *li*, *le*, *ne* предшествуют сложной глагольной форме и выступают в качестве «контролеров» морфемы

числа и рода аналитической формы сказуемого: *L'ho visto* «Я его видел»; *L'ho vista* «Я ее видел»; *Li ho visti* «Я их (муж. р.) видел»; *Le ho viste* «Я их (жен. р.) видел»; *Ne ho visti due* «Я видел двух (муж. р.) из них». Согласование с последующим дополнением – особый стилистический прием эмфатического противопоставления объектов, как в примере Р. Форначари [Fornaciari 1974: 310]: *A noi (Cristo) ha dati i suoi meriti, per sé ha tolte le nostre pene. A noi ha data la sua immortalità, per sé ha tolta la nostra morte. A noi ha data la felicità del suo regno, per sé ha tolti i dolori del nostro esilio* – Нам (Христос) отдал свои заслуги, себе взял наши горести. Нам отдал свое бессмертие, себе взял нашу смерть. Нам дал счастье своего царства, себе взял боль нашего изгнания.

Дж. Сальви отмечает вариативность такого согласования. Так, русскому высказыванию *Пива он выпил два литра* в итальянском языке могут соответствовать три варианта: *Di birra ne ha bevuto due litri* (согласование только с подлежащим); *Di birra ne ha bevuta due litri* (согласование причастия с родом существительного *birra*); *Di birra ne ha bevuti due litri* (согласование причастия с мн. числом сочетания *due litri*). Для предложения с местоименной репризой объекта и инверсией подлежащего ученый приводит лишь один вариант – согласование с подлежащим и дополнением: *I biscotti, se li è mangiati Paola* [Salvi 1991: 240-241]. В рассмотренных построениях сказуемое инкорпорирует в себя характеристики и подлежащего и дополнения, так как оно оказывается связанным через вспомогательный глагол с подлежащим, а через причастие – с дополнением. В результате итальянское сказуемое приобретает статус подлинного формального центра предложения, реагирующего как на окружение «справа», так и «слева».

Подводя итог сказанному, можно отметить более сильное «глагольно-сказуемое начало» итальянского предложения по сравнению с русским, заключающееся в значительной способности предикативных форм инкорпорировать в свой состав грамматические признаки субъекта, а в ряде случаев – и объекта.

Что касается русского языка, то в нем имеется ряд моделей аналитического характера с несогласующимся сказуемым, в которых морфологические средства не задействованы вообще. Авторы «Русской грамматики 1980» называют их предложениями «с некоординируемыми главными членами» [Русская грамматика 1980: 435-439], отрицая, по сути, наличие какой-либо синтаксической связи между подлежащим и сказуемым. Это предложения типа: *Эти документы огромной важности; Работать рядом с ним – радость; Мой долг – быть рядом с ним; Курить – здорово вредит*. На наш взгляд, координация, то есть связь со взаимной направленностью между подлежащим и сказуемым,

имеет место и здесь, но осуществляется она исключительно при помощи порядка слов и просодии, поскольку связка выступает в нулевом виде. В соответствующих же итальянских предложениях наличие связки обязательно: *Questi documenti sono di grande importanza; Lavorare vicino a lui è un piacere; Il mio dovere è stare vicino a lui; Fumare significa (è) danneggiare la salute*. В прошедшем или будущем времени, а также в сослагательном наклонении связка имеется и в русских предложениях: *Работать с ним будет радость; Курить было бы здоровью вредить*.

В русском языке формальных различий между одушевленным и неодушевленным субъектами нет. В итальянском же литературном языке одушевленность / неодушевленность субъекта фиксируется в формах личных местоимений третьего лица: *lui, egli, ella, lei, loro* – относятся только к лицам, *esso* – к предметам; *essa, esse, essi* – к лицам и предметам [Побегайло 2001: 11; Gebert 1994: 83-93]. Так, высказывания *Lui è partito alle sei* и *Esso è partito alle sei* относятся, соответственно, к человеку и предмету (например, к поезду); ср. с рус.: *Он уехал в шесть часов*.

Главная особенность итальянского местоименного субъекта состоит в том, что он может инкорпорироваться в предикат. Речь идет об определенно-личных предложениях: *Ero stufo di quella vita* (Pavese) – *Я был по горло сыт такой жизнью*. В русском языке инкорпорированный субъект тоже возможен: *Через два года буду преподавателем*. Но функционирование русских определенно-личных субъектно-признаковых предложений ограничено: оно возможно только с формой настоящего / будущего времени глагола или будущего времени связки, поскольку в настоящем времени связка имеет нулевую форму, а в прошедшем времени ею не выражаются значения категории лица. Кроме того, для русского языка инкорпорирование субъекта более характерно для разговорной диалогической речи. Для итальянского языка опущение прономинального субъектного местоимения свойственно для всех регистров речи (подробнее о местоименном подлежащем в итальянском языке см. [Побегайло 2001: 12-14]).

Способность субъекта инкорпорироваться в форму сказуемого обеспечивает, по мнению Л. Рицци и Л. Бурцио, другую особенность итальянского подлежащего – его «свободу передвижения» в пределах высказывания [Rizzi 1982: IV]. Так, инверсия (*Ha parlato Giovanni*) становится возможной благодаря наличию высказываний типа *Ha parlato*. С полным основанием данное утверждение можно отнести и к русскому языку. В английском и французском языках, где местоименный субъект никогда не опускается, нет и инверсии подлежащего в том виде, в каком она существует в итальянском и русском языках. В самом деле, специальные построения, способные обеспечить инверсию подлежащего

в английском и французском языках, используются с ограниченным количеством глаголов и исключительно при неопределенном подлежащем: *There have arrived three girls – Il est arrivé trois filles. *There has arrived John. *Il est arrivé Jean* [Burzio 1986: 85-86] (сопоставление коммуникативной перспективы высказываний русского и английского языков см. в работе [Копров 2010: 102-107].

Отсутствие жесткой последовательности «субъект – предикат» и возможность обозначения сначала признака, а лишь затем его носителя создает разнообразные варианты взаимодействия субъекта и предиката (в частности, по линии их актуализации), с одной стороны, и формальной структуры предложения с ее актуальным членением, – с другой. Ср.: *Tuo fratello è arrivato / E arrivato tuo fratello* «Твой брат прибыл / Прибыл твой брат»; *Giovanni viene / Viene Giovanni* «Иван приходит / Приходит Иван»; *Giorgio sta correndo / Sta correndo Giorgio* «Георгий бежит / Бежит Георгий». Порядок следования главных членов предложения здесь регулируется соотношением темы и ремы; соответственно, вопросы к предложениям, входящим в приведенные пары, различны: *Che è successo a mio fratello? / Chi è arrivato?; Che fa Giovanni? / Chi viene? Che sta facendo Giorgio? / Chi sta correndo?* (итал. примеры из [Cinque 1991: 166-167]). Исходя из того, что подлежащее может входить как в тему, так и в рему высказывания, Дж. Сальви различает синтаксическое подлежащее (*Piero mangia la minestra* «Петр ест суп») и подлежащее предикации (*È scoppiata una bomba* «Взорвалась бомба»; *È arrivato Piero* «Прибыл Петр»); первое тематично (обычно находится в препозиции к сказуемому), второе рематично и выполняет презентативную функцию в составе сказуемого (чаще всего постпозитивно) [Salvi 1988: 36-37].

Безусловно, положение в составе ремы «накладывает отпечаток» на семантику подлежащего (по мнению Т.Б. Алисовой, «можно заметить несомненное структурное и семантическое сходство между дополнением и подлежащим, входящим в состав ремы» [Алисова 1972: 126]) и, соответственно, восприятие субъекта высказывания со стороны реципиента в ряде случаев «скрадывает» его субстанциональное, соматическое начало, но, тем не менее, отношения «субъект – предикат» в рамках концепта «субъект и его действие», как правило, отчетливо фиксируется в синтаксических связях и в обратной их последовательности, отражая тем самым и наше видение ситуации. Это касается в первую очередь предложений со сказуемым – глаголом движения, существования или проявления признака: *Nell'ufficio è entrato un signore* «В контору зашел мужчина»; *Si chiamava Peppino De Matteis (De Crescenzo)* «Его звали Пеннино Де Маммеус»; *Esiste una leggenda* «Существует легенда»; *È successa una brutta storia* «Случилась неприятность».

Напротив, в предложениях с глаголом чувственного восприятия *piacere* «нравится» субъектная сущность подлежащего, расположенного в составе ремы, не так очевидна, несмотря на наличие форм согласования: *Mi piace la musica* «Мне нравится музыка», *Mi piacciono queste canzoni* «Мне нравятся эти песни». При прямом порядке следования главных членов предложения субъектность подлежащего сомнению не подвергается: *La musica mi piace* «Музыка мне нравится», *Queste canzoni mi piacciono* «Эти песни мне нравятся».

Как ясно из изложенного, возможность представления того или иного факта действительности в обратной последовательности – от предиката к субъекту, то есть от признака к субстанции, в сочетании с возможным разнообразием позиции других актантов – одна из важнейших общих черт итальянской и русской языковой картины мира, обеспечивающая нелинейность, объемность его отражения, хотя «линейная» модель SVO (подлежащее – сказуемое – дополнение) является ведущей как в итальянском, так и в русском языках. Более подробно о сопоставительной типологии субъектов в двух языках см. в нашей монографии [Рылов 2006: 34-122]

Алисова Т.Б. Взаимосвязь между грамматической и коммуникативной структурой субъектно-предикатных отношений (на материале итальянского языка) // Общее и романское языкознание. – М.: МГУ, 1972.

Белошапкова В.А. Синтаксис // Современный русский язык. – М., 1997.

Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. – Л., 1978.

Бондарко А.В. Субъектно-предикатные ситуации // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. – СПб., 1992.

Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. – М., 1988.

Копров В.Ю. Аспекты сопоставительной типологии простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков). – Воронеж, 1999.

Копров В.Ю. Сопоставительный синтаксис русского и английского языков: Учебное пособие. – Воронеж: Изд-во «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2010.

Ломов А.М. Типология русского предложения. – Воронеж, 1994.

Побегайло И.В. Личные субъектные местоимения в семантическом, синтаксическом и прагматическом аспектах (на материале испанского и итальянского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2001.

Русская грамматика. Т. II. – М., 1980.

Рылов Ю.А., Бессарабова Г.А. Очерки сопоставительного изучения испанского и русского языков. – Воронеж, 1997.

Рылов Ю.А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. – М.: Гнозис, 2006.

- Burzio L. Italian syntax. A government-binding approach. – Dordrecht – Boston – Lancaster – Tokyo, 1986.
- Castelli M. La nominalizzazione // Grande grammatica italiana di consultazione. – Vol. I. – Bologna, 1988.
- Cinque G. Teoria linguisticae sintassi italiana. – Bologna, 1991.
- Dardano M., Trifone P. La lingua italiana. – Bologna, 1990.
- Fornaciari R. Sintassi italiana dell'uso moderno. – Firenze, 1974.
- Gebert L. Intorno all'animatezza // Problemi di morfosintassi delle lingue slave. – 4. – Unipress, 1994.
- Rizzi L. Issues in Italian Syntax. – Dordrecht, 1982.
- Salvi G. La frase semplice // Grande grammatica italiana di consultazione. – Vol. I. – Bologna, 1988.
- Salvi G. L'accordo // Grande grammatica italiana di consultazione. – Vol. II. – Bologna, 1991.

С.Л. Саввина

Воронежский государственный университет

РУССКИЕ И АНГЛИЙСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ЛОКАЛИЗАЦИИ В СВЕТЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ / НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ (ОБОБЩЁННОСТИ) ЛОКАЛИЗАТОРА

Проблеме изучения устройства и функционирования локативных конструкций *Книга (лежит) на столе / На столе (лежит) книга – The book is on the table / On the table is a book / There is a book on the table* с различных теоретических позиций посвящены многие научные изыскания (см., например [Гак 1996; Копров 1999; Селиверстова 2004] и др.). При наличии значительного количества работ, посвящённых семантико-синтаксической структуре рассматриваемых нами предложений, многие вопросы продолжают оставаться нерешёнными. К числу самых спорных из них относится интерпретация **локализатора**.

В традиционной грамматике локализатор определяется как обстоятельство места. Его семантика подробно не рассматривается, поскольку он считается второстепенным членом предложения. Исследователями, разделяющими концепцию предикативного минимума предложения, локализатор включается или в широкую категорию детерминантов, или относится к присловным формам [Русская грамматика 1980].

По мере развития учения о структурной организации предложения на его семантику стали смотреть как на «систему с отношениями», как

«на множество предметов, связанных некоторым отношением» [Ломтев 1979: 56]. Такой подход способствовал включению всех информативно значимых элементов предложения в структурную схему, и локализатор стал считаться конститутивным элементом расширенной (трёхкомпонентной) модели предложения [Современный русский язык 1981: 440]. Появление такого третьего обязательного элемента часто связывается с валентностью глагола. В рамках «глаголоцентризма» локализатор выделяется в виде облигаторного распространителя конструкции и включается как необходимый элемент в двухвалентную семантическую модель: субъект + бытие + локатив (*Альпинисты находятся в горах*) [Васильев 1976: 126-127].

В рамках с **ситуативного** (номинативного, информативного) подхода к анализу устройства предложения локализатору отводится роль семантического актанта: наряду с субъектом, он является обязательным участником ситуации локализации предмета в пространстве и времени [Арутюнова, Ширяев 1999; Всеволодова 1982, Владимирский; Гак 1996; Копров 1999].

В разделяемой нами типологии предложения В.Ю. Копрова исследуемые конструкции относятся к двуактантным вербальным предложениям с типовым значением «отношение между двумя субстанциями» и имеют инвариантную семантическую структуру (ИСС) «**субъект – отношение локализации – локализатор**» [Копров 2010: 46].

При разработке типологии устройства и функционирования предложений разноструктурных языков учёным применяется **поаспектный подход**, в соответствии с которым среди семи аспектов предложения важнейшее место занимает номинативный аспект. В целях достижения большей системности исследования в данном аспекте выделяются два его подаспекта: ситуативно-структурный и релятивно-структурный. Предметом изучения второго подаспекта являются категориально-грамматические характеристики актантов, которые последние получают при занятии информативно обязательных позиций в синтаксических конструкциях. Данный подаспект составляют следующие семантико-функциональные поля: 1) подлежащность / бесподлежащность и соотнесенная с ней личность / безличность; 2) залоговость; 3) определенность / неопределенность (обобщенность) семантических актантов [Копров 2010: 39-43].

В настоящей статье предложения локализации русского и английского языков рассматриваются с точки зрения категории **определенности / неопределенности (обобщенности)** актантов.

Категория определённости / неопределённости актантов, как и другие категории с полевой структурой, включает в себя разноуровневые и разноаспектные языковые средства, поэтому речь должна отдельно

вестись о детерминированности / недетерминированности предмета, о лексической определенности / неопределенности актанта и о синтаксически выраженной **грамматической** определенности / неопределенности актанта семантической структуры предложения.

Действие грамматической категории определенности / неопределенности актантов проявляется в асимметрии количественного состава компонентов семантической и синтаксической структур предложения. Релятивно-структурная сущность рассматриваемой категории заключается в возможности эксплицитного / имплицитного представления семантических актантов в синтаксической структуре предложения. Если тот или иной актант оказывается в фокусе высказывания, то он эксплицируется, т.е. представляется в синтаксической структуре определенной словоформой; другие актанты при этом могут вытесняться в зону имплицитного обозначения.

При изучении предложений локализации особый интерес представляет категория определённости / неопределённости (обобщенности) локализатора.

В ядерных предложениях локализации эксплицитно представлены все три элемента локативной ситуации: субъект, глагол лексико-семантической группы (ЛСГ) локализации и локализатор. Например: *Двор был обширный, в глубине стоял дом из толстых бревен, а перед домом красовался приземистый необъятный дуб, широкий, плотный, с густой кроной, заслоняющей крышу* (Стругацкие); *Справа от дорожки был огород, а слева, посередине лужайки, возвышался колодезный сруб с воротом, чёрный от древности и покрытый мохом* (Стругацкие). Ср. англ.: *A bronze handbell sat on the stone floor; Around the Prince's park stand the beautiful former palaces of Maharajas (India); Beyond Raj Bhavan lies the Square area* (India).

Эксплицитно выраженный локализатор получает грамматическую характеристику по линии категорий числа, рода и персональности, т.е. предстаёт как **грамматически определённый**.

В синтаксической структуре предложения локализатор может быть представлен говорящим и имплицитно: *Отсутствовали и ключи, и украшения* (С. Довлатов); *Он остался* (В. Распутин); *Торчал прутик антенны* (А. Толстой); *Стояло лишь несколько столиков, на стенах слабо горели красные фонарики* (Ю. Бондарев); *Валяется забытая кем-то большущая эмалированная фляга* (Л. Кассиль); *Лежали обкатанные рельсы, стояли товарные вагоны с надписями дальних стран: Закавказские, Закавказские, Уссурийские железные дороги* (А. Платонов).

Отсутствие локативной формы в синтаксической конструкции не означает её отсутствия в семантической структуре. Просто при имплицитной реализации известного или неизвестного говорящему локализатора его категориально-грамматические признаки остаются невыраженными, т.е. нейтрализуются. В этом явлении и заключается грамматическая **неопределенность (обобщённость)** данного актанта.

В позиции субъекта таких предложений оказываются существительные лексико-грамматических разрядов (ЛГР) антропонимов, зоонимов, конкретных предметов, способных самостоятельно или под воздействием внешних сил изменять своё положение в пространстве. Следует отметить, что с субъектом ЛГР конкретных существительных, не обладающих признаком «потенционность» (географических объектов, типов ландшафта, пространств, населённых пунктов, сооружений, помещений и их частей), локализатор не может быть представлен как имплицитный, поскольку предложение стало бы информативно неполным. Ср.: **Лежит город*.

В английских предложениях в сочетании с любым субъектом локализатор не может быть опущен без нарушения смысла высказывания, т.е. его место всегда должно быть занято. Поэтому русским предложениям с неопределённым локализатором соответствуют английские предложения с определённым локализатором: *Потянулись старинные крепкие заборы, мощные срубы из гигантских почерневших бревен, с неширокими окнами, с резными наличниками, с деревянными петишками на крышах* (Стругацкие) → *Ancient stout fences, mighty log houses with blackened timbers and narrowish windows, decorated with filigreed fronts and the regulation carved wooden cockerels on the roofs, stretched on both sides of the street*.

Чаще всего русские конструкции с неопределённым локализатором переводятся на английский язык конструкцией с **there is (are)**, например: *Был ковер-самолет. Была скатерть-самобранка. Были: шапка-невидимка, сапоги-скороходы, гусли-самогуды. Было чудо-зеркальце* (Стругацкие) → *There was a flying carpet; there was the magical tablecloth. There was the invisibility hat, the seven-league boots, the playing harp. There was the magic mirror*.

И, наоборот, английским предложениям с **there is (are)** при переводе обычно соответствуют русские предложения с неопределённым локализатором: *There are also St. Vladimir's cathedral and a museum* (The Crimea) → *Есть также храм Св. Владимира и музей*; *There is also a fine temple* (India) → *Есть и красивый храм*.

Структурным вариантом предложений с имплицитным локализатором в русском языке является безличное предложение с отрицанием и с субъектом локализации в род. п.: *Людей нет* (В. Пелевин) → *There are no people; There're no churches* (G. Orwell) → *Церквей уже не осталось*.

Русские предложения с неопределённым (обобщённым) локализатором могут переводиться на английский язык и предложениями других семантико-структурных типов. Ср. русское вербальное предложение локализации: *Осталась поваренная книга для Валькиной мамы, которая живет в Лежневе* (Стругацкие) и английское одноактантное номинативное предложение с семантикой «предмет и его признак»: *The only remaining item was the cookbook that I had got for Valya's mother, who lived in Liezhnev*.

Следует отметить, что между разновидностями предложений с имплицитными локализаторами существует много переходных случаев, поэтому часто бывает трудно разграничить предложения собственно локализации, обладания, характеристики: *(В лесу, У нас) Встречаются и лисички, и вешенки, и белые грибы* (В. Бианки); *(Около нас, за полем) Стояли танки, пушки, пулемёты* (А. Иванов).

Подчёркнём, что предложениями с эксплицитными и имплицитными локализаторами выражается одна и та же инвариантная семантическая структура: «субъект – локализация – локализатор». Различия между ними наблюдаются в релятивно-структурном подаспекте: в первых локализатор выступает как определённый, а во вторых – как неопределённый (обобщённый).

Учёт расхождений, имеющих в синтаксических подсистемах локализации в сопоставляемых языках, играет важную роль в практике преподавания грамматики русского языка как иностранного, а также в подготовке специалистов по переводу.

Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип. – М., 1983. – 198 с.

Васильев Л.В. Семантические модели предложения // Исследования по семантике. – Уфа, 1976. – С. 126-127.

Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. – М.: Русский язык, 1982. – 262 с.

Гак В.Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – СПб.: Наука, 1996. – С. 5-98.

Копров В.Ю. Аспекты сопоставительной типологии простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков). – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1999. – 160 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.

Ломтев Т.П. Структура предложения в современном русском языке. – М.: МГУ, 1979. – 198 с.

Русская грамматика. Том II. Синтаксис. – М.: Наука, 1980. – 707 с.

Селиверстова О.Н. Контрастивная синтаксическая семантика: Опыт описания; отв. ред. В.Н. Ярцева. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 152 с.

Современный русский язык: учебник / Белошапкова В.А., Милославский И.Г., Панов М.В. [и др.] / под. ред. В.А. Белошапковой. – М.: Высш. школа, 1981. – 560 с.

К.Я. Сигал

Институт языкознания РАН

НЕПРОТОТИПИЧЕСКИЕ С СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОЧИНТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ И ИХ СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ

Собственно синтаксические факторы, участвующие в процессе формирования сочинительных конструкций (рядов) в сфере простого предложения, определяются позиционным тождеством сочиненных компонентов, предполагающим их а) соподчиненность общему компоненту (или реже – соподчинение общего компонента); б) синтаксическую однофункциональность и в) отнесенность к единицам допредложенческого формата.

В прототипических сочинительных конструкциях названные синтаксические факторы во многом обеспечивают проявление индуцирующих сочинительную связь досинтаксических уровневых характеристик (в том числе и лексико-семантических): ведь синтаксическая форма сочинения основана на принципе подвижной асимметрии сходств и различий синтаксически равноправных компонентов как словесных знаков.

При отсутствии любого из названных синтаксических факторов ведущим условием для сочинительной интеграции компонентов является такое грамматико-смысловое структурирование предметных отношений, при котором для говорящего (или пишущего) становится интенциональным любой объединяющий компоненты семантический

признак, вне зависимости от степени его абстрактности / конкретности: от общего значения члена предложения (например, обстоятельства) до субъективно-модальных образов ситуаций, представленных в речевом высказывании.

Иначе говоря, семантика не просто «привязана» к синтаксической форме сочинения (подробнее о термине-понятии «синтаксическая форма», возникшем в недрах Фортунатовской школы, и применении его в теории словосочетания см. [Сигал 2010]), семантика направляет ее структурирование при порождении речевого высказывания и даже способна преодолеть ее синтаксический прототип (см. в связи с этим сравнение семантики с «головой Медузы», всегда находящейся «в центре языка» и «околдовывающей тех, кто ее созерцает» [Бенвенист 1974: 136]).

Обратимся далее к рассмотрению лишь некоторых прецедентов семантической обусловленности непрототипических явлений в области сочинительных конструкций.

Анализируя предложение-высказывание *Мулы, звеня бубенчиками и украшенные красными кисточками, везли бочонки вина* (А. Герцен) в семантико-структурном аспекте, Н.С. Валгина справедливо замечает, что «общий семантический фактор (полупредикативное значение) при формировании однородного ряда может «преодолеть» даже разнородность синтаксической функции (в данном случае обстоятельственную и определительную)» [Валгина 1991: 245].

Однако здесь важно и другое: обобщенное грамматическое значение обоих оборотов (полупредикативность) допускает сочинительное соединение несоподчиненных компонентов (*мулы* → *украшенные красными кисточками*; *везли* → *звеня бубенчиками*), к тому же расположенных дистантно по отношению к грамматически главным для них словам. Ср. такой вариант синтаксического построения предложения-высказывания, при котором сочинительная связь несоподчиненных полупредикативных оборотов устранена: *Мулы, украшенные красными кисточками, везли бочонки вина, звеня бубенчиками*.

Данный случай наглядно указывает на опережающий характер смысловой конъюнкции по отношению к ее синтаксическому воплощению.

Причем гораздо чаще полупредикативность как общее значение грамматического (!) плана возникает вследствие образно-представленного единства нескольких предикаций. Ср.: *В день похорон на Суматре посол Старого Света, весь в поту и озираясь на окна, за которыми шумела демонстрация, информировал наркома Внешних Сношений* (Л. Леонов), где сходство соединенных сочинительной связью несоподчиненных определительного и обстоятельственного оборотов создается общей картиной волнения и

тревоги, почти страха, охватившего посла. Образно-эмоциональный субстрат смысловой конъюнкции обуславливает здесь синтаксический «рисунок» будущего речевого высказывания.

Подобные речевые построения дают пищу для ума сторонникам «древовидных» моделей предложения, так как эти речевые построения представляют вовсе не предусмотренный в последних случай синтаксического «слияния» двух узлов, размещенных на разных ветвях «дерева» зависимостей.

Объединение сочинительной связью соподчиненных, но разнофункциональных членов предложения также санкционируется семантическими факторами. Так, в предложении-высказывании *Каста ученых нашего времени образовалась после Реформации и всего более в мире реформационном* (А. Герцен) соединительным союзом *и* связаны обстоятельства времени и места, сходство которых создается несколькими семантическими факторами: во-первых, обобщенной обстоятельственной семантикой, характеризующей условия протекания действия; во-вторых, темпоральным оттенком значения относительного прилагательного *реформационный*, облигаторно входящего в состав обстоятельства места; в-третьих, корневым повтором, определяющим сходство лексических значений слов. В данном случае наиболее значимым формообразующим воздействием, индуцирующим сочинительную интеграцию, обладает первый семантический фактор.

Показательно, что современными синтаксистами не раз отмечалось, что «основанием для объединения разных видов обстоятельств в единую сочинительную группу служит сходство самого общего обстоятельственного значения» [Чеснокова 1980: 101]. Ср. также: *Папа кутил, угощая огурами из кадок дружков, коих он заводил мгновенно* (обстоятельство образа действия) *и в любом месте* (обстоятельство места) (В. Астафьев); *Не дожидаясь моего следующего вопроса, он (террорист. – К.С.) объяснил, что убийства практикуются их партией как исключительная мера, допустимая лишь в период обострения классовой борьбы* (обстоятельство времени) *и ради высших целей* (обстоятельство цели) (В. Войнович) и т.п.

Однако столь абстрактное грамматическое значение, как обстоятельственное, скорее всего, лишь выявляет в тексте субъективно-модальное сходство признаков действия: в первом случае – неотвратимость его совершения, во втором – его оправдание. То же наблюдается и при сочинительном соединении обстоятельств и косвенных дополнений: *Охотно* (обстоятельство образа действия) *и к кому угодно* (косвенное дополнение) *сбивали меня родители на прокорм и догляд* (В. Астафьев) – сочинение разнофункциональных

компонентов обусловлено здесь эмоционально-оценочным отношением повествователя к безответственному поведению его родителей и подчеркиванием их отчужденности от своего ребенка.

По-видимому, мотивация подобных сочинительных объединений в речевой деятельности определяется личностным, пристрастным взглядом говорящего (или пишущего) на ту или иную ситуацию в объективной действительности, приводящим к прагматической «симметризации» семантически разноплановых одно- и разноименных членов предложения и их неизбежной в этом случае сочинительной связи.

Вместе с тем наблюдения свидетельствуют об отсутствии (или о крайне редкой встречаемости) сочинительных комбинаций большинства разнофункциональных членов предложения (типа «подлежащее + обстоятельство», «обстоятельство + прямое дополнение» и др.), что указывает на собственно синтаксические ограничения на сочинение таких членов предложения: **Родители и охотно сбывали меня; *Родители сбывали меня и охотно* и т.п. Отметим, что приведенное эмпирическое обобщение не распространяется на аналогичные комбинации разнофункциональных членов предложения, выраженных местоимениями одного и того же лексико-грамматического подкласса. Ср.: *Ему все* (подлежащее) *и всегда* (обстоятельство времени) *удается; Еще никого* (прямое дополнение) *и никогда* (обстоятельство времени) *так не баловали!* и пр.

Отсюда становится понятным, что семантические факторы действуют беспрепятственно лишь в установленных языком границах вхождения разнофункциональных компонентов в сочинительные конструкции.

Сочинительная связь компонентов различного синтаксического формата была обстоятельно рассмотрена Г.П. Ухановым, который, в частности, писал: «Конструкции с сочетанием придаточного и однородного ему члена предложения принадлежат к *контаминированным* (курсив автора. – К.С.) структурам, которые следовало бы называть предложениями неоднородного состава. Предложения неоднородного состава имеют позиционную модель простого предложения, но включают в себя не только словоформы, словосочетания и их аналоги, но и придаточные, которые воплощают те или иные позиционные звенья модели» [Уханов 1976: 223].

Придаточное в сочинительном ряду приобретает характер составной синтаксической номинации, так как оно функционально отождествляется с сочиненным членом предложения и не вносит в предложение дополнительных предикативных значений. Придаточные вступают в сочинительный ряд либо в своей конструктивной (исходной) форме, либо благодаря информативно недостаточным

местоименным коррелятам. Сочинительные построения с придаточными чаще всего служат для выражения семантики: а) объектной: *Он (Райский. – К.С.) проворно сел за свои тетради, набросал свои мучения, сомнения и как они разрешились* (И. Гончаров); б) целевой: *И очень хорошо говорили, что надо растить поколение для пользы народа и чтобы больше свету* (И. Шмелев); в) причинной: *За твердый характер, за то, что не скисла она (мать Мокрида. – К.С.) в трудные годы, за то, что умела вести хозяйство и править людьми, уважал Мокриду Фаефан* (В. Астафьев).

Неинициальная позиция сочиненных компонентов-предложений свидетельствует о том, что говорящий (или пишущий), используя подобные контаминированные структуры, испытывает затруднения в номинативном «свертывании» (или номинализации) смысловых содержаний, обладающих первичным синтаксически расчлененным выражением (предикативным). Подобные сочинительные конструкции указывают на то, что семантическое сходство может инициировать сочинительное соединение компонентов разного синтаксического формата, и на то, что единство синтаксической позиции превращает придаточное предложение из единицы предикативной в единицу номинативную.

В заключение нельзя не отметить, что на фоне исследования семантической обусловленности непрототипических с синтаксической точки зрения сочинительных конструкций становится более очевидной степень объяснительной адекватности различных моделей сочинения, когда-либо обсуждавшихся в историографии синтаксической науки (в связи с этим см. [Сигал 2004]). Показательно, что в своих речемыслительных истоках развертывание непрототипических сочинительных конструкций связано с «глубинными» уровнями семантики, отражающими прагматически пристрастный взгляд говорящего (или пишущего) на однородные (в его представлении) «кванты» опыта, причем подчас вне зависимости от их индивидуальной синтаксической «упаковки».

Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.

Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1991. – 432 с.

Сигал К.Я. Сочинительные конструкции в тексте: Опыт теоретико-экспериментального исследования (на материале простого предложения). – М.: Гуманитарий, 2004. – 403 с.

Сигал К.Я. Словосочетание как лингвистическая и психолингвистическая единица. – М.: Ключ – С, 2010. – 91 с.

Уханов Г.П. Придаточное в сочетании с однородным ему членом предложения // Синтаксис и стилистика. – М.: Наука, 1976. – С. 217-237.

Чеснокова Л.Д. Связи слов в современном русском языке. – М.: Просвещение, 1980. – 110 с.

Е.В. Сидорова

Воронежский государственный университет

РЕДУЦИРОВАННЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В СЦЕНИЧЕСКИХ ДИАЛОГАХ

В современных драматических произведениях, диалоговая структура которых отражает речевые тенденции разговорного синтаксиса наших дней, широко представлены конструкции с редуцированными компонентами. Специфика таких конструкций недостаточно изучена и в теоретическом плане, и в практическом воплощении в реальных речевых произведениях и, собственно, в разговорной речи.

Диалогу свойственно «наличие двух или нескольких участников, обменивающихся речью, более или менее быстрый темп речи, когда каждый компонент ее является репликой; сравнительная краткость реплик; лаконичность и эллиптичность построений внутри реплик» [Винокур 1955: 344]. Следует, однако, учесть, что сценический диалог драматических произведений нельзя вполне отождествлять с разговорной речью, поскольку он помимо коммуникативной функции выполняет еще несколько задач, среди которых изображение характеров действующих лиц, развитие сценического действия, раскрытие идеи пьесы. В силу этих особенностей сценический диалог имеет большую, по сравнению с обиходно-бытовым диалогом, организованность и подготовленность. Но сущность его и основные особенности схожи с диалогом разговорного стиля.

При непосредственной форме общения огромное значение имеют обстановка и ситуация речи, пресуппозиция, которая создает возможность недосказанности, редукции речевых фрагментов. Например: *Бульди (Юле). Пойди вниз, встретить Мая. Он с вещами у такси стоит. // Юля. Почему это? // Бульди. Все ей надо. Почему-почему. У нас в квартире капитальный ремонт санузда... Везде каша́ плавает (Л. Петрушевская).*

Вторая реплика диалога *Почему это?* – вопросительное неполное высказывание, имеющее вторичную, эмоционально-оценочную функцию, выражает не только собственно вопрос, но и непонимание, возмущение и несогласие героини с обстоятельствами ситуации. Смысловое наполнение неполного предложения кажется несколько «размытым»: *Почему это я должна встречать? Почему он там*

стоит с вещами, ведь вы должны были жить у мамы? В контексте следующей реплики содержание неполного предложения проясняется.

Характерные признаки диалогической речи – тяготение к краткости и простоте формы и в то же время к эмоциональности и выразительности изложения – становятся определяющими для использования собственно неполных и эллиптических синтаксических структур.

Выполняя коммуникативную функцию, любое предложение должно быть построено по определенной схеме, предусматривающей наличие в его составе обязательных компонентов, находящихся в определенных связях и отношениях (семантико-структурную типологию русских простых предложений см., например, в работе [Копров 2010: 184-217]). Однако в речевой действительности некоторые компоненты предложения, предопределенные схемой, могут отсутствовать, поскольку их содержание предусмотрено предшествующим контекстом или ситуацией общения. Такие предложения с «пропущенными» компонентами, которые восстанавливаются по контексту или ситуации общения, а также по наличному составу данного предложения, принято называть неполными [Распопов, Ломов 1984: 273].

В лексико-грамматическом составе неполных предложений могут отсутствовать различные компоненты. С конструктивно-синтаксической точки зрения допускается пропуск любого грамматического члена предложения: *Юля. ...Но не всем продают. // А у А кому? // Юля. Отдельным* (Л. Петрушевская). В данном фрагменте диалога сигналом редукции сказуемого в двух последовательных репликах являются зависимые компоненты – вопросительное слово *кому* и косвенное дополнение *отдельным* в дательном падеже.

Довольно часто в неполных предложениях редуцируется вся грамматическая основа или один из главных членов предикативного центра: *Юля. ...У меня активный запас слов. А кто читает на языке, у того пассивный. А у меня активный. Говорю без словаря. Смотрю в словарь и не читаю* (Л. Петрушевская). В главной части сложноподчиненного предложения, представляющей содержательно односоставное предметное предложение (*А кто читает на языке*), [*у того пассивный*], редуцировано подлежащее *запас*, легко восстанавливаемое из контекста. В следующей реплике *А у меня активный* мы наблюдаем то же явление.

В сценических диалогах частотны двусоставные неполные предложения с редуцированным подлежащим и лексически выраженным сказуемым в форме прошедшего времени единственного

числа: *Коломбина. Это она баловалась. Понимаешь, приклеила усы стекловатой...* Девочки, они всегда хотят стать мальчиками. *Прибежала ко мне за помощью. И вот мы отмачиваем сидим* (Л. Петрушевская).

Редукции в диалоге может подвергаться сказуемое или его фрагмент, например, инфинитив в составном глагольном сказуемом, например: *Коломбина. Ишь какой! Я играю Джульетту, а он сразу Ромео! Да я, чтобы пробиться, семнадцать лет ждала эту роль! Нашелся какой Ромео. Ромео – возрастная роль.* // Пьеро (капризно). *А я хочу Ромео!* (Л. Петрушевская). В сложносочиненном предложении *Я играю Джульетту, а он сразу Ромео!* вторая часть, стоящая после противительного союза, является контекстуальной неполной с невербализованным сказуемым. Инфинитив – вещественный компонент составного глагольного сказуемого – лексически не выражен в реплике *А я хочу Ромео*.

Редуцироваться в высказывании, как это уже было отмечено, может вся грамматическая основа, как в следующем фрагменте диалога: *Юля. Я тебя не уговариваю, не сваха. Ненавижу сводить. Было дело, свела сама однажды свою приятельницу с мужем, какой год теперь расплачиваюсь.* // Ау. *С каким мужем?* // Юля. *Да с каким, с каким, со своим* (Л. Петрушевская).

Второстепенные члены предложения редуцируются значительно реже по сравнению с главными. В следующем фрагменте диалога вопросительное высказывание *А почему усы?* Является контекстным неполным, поскольку в нем не вербализовано дополнение у нее: *Коломбина (поверх ширмы). Это зашла ко мне дочь подруги. Она так выросла!* // Арлекин. *Дочь? А почему усы?* (Л. Петрушевская).

В разговорном диалоге предложение может сокращаться до одного предлога, который выполняет функцию вопроса-переспроса и утвердительного ответа: *Толя. Я тебя выделил одну из всех, но на самом деле потом.* // Света. *До выпускного вечера?* // Толя. *До? Нет, после. Гораздо после...* (Л. Петрушевская).

Материалы современных драматических произведений свидетельствуют о частотности высказываний с редуцированными компонентами, устраняющими синтаксическую тавтологию, громоздкость и вялость коммуникации. В контексте сценического диалога чаще редуцируются главные члены предложения, причем редукции может подвергаться весь предикативный центр, а высказывание сокращаться до одного предлога.

Винокур Т.Г. О некоторых синтаксических особенностях диалоговой речи // Исследование по грамматике русского литературного языка: Сб. статей. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 342-355.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.

Распопов И.П., Ломов А.М. Основы русской грамматики. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1984. – 352 с.

Ю.Г. Синельников, Е.В. Толстолуцкая
Белгородский государственный университет

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭЛЛИПСИСА В ТЕКСТАХ МАЛОГО ФОРМАТА СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ

Принцип экономии на синтаксическом уровне языковой системы предполагает использование наименьшего количества грамматических структур при оформлении высказывания. Основной отличительной чертой текстов малого формата (ТМФ) современной французской прессы является использование так называемого «блокового» (стереотипного) языка с усеченной грамматикой, опущением вспомогательных глаголов, артиклей, частиц, а также любой тематической части предложения, которая может быть легко восстановлена по контексту.

Эллипсис является основным способом синтаксической компрессии информации в ТМФ французской печатной прессы. Эллипсис рассматривается в работе как структурная модель компрессии, выражающаяся в синтаксической редукции любого компонента предложения. При опущении элементов лексический состав предложений не меняется, изменяется только их синтаксическая структура.

Исследованием явления эллипсиса занимались такие отечественные и зарубежные лингвисты, как Ш. Балли, Р. Ле Бидуа, Ж. Дамурэт, Э. Пишон, Е.И. Морозова, И.М. Жилин, Л.Н. Полянская, О.Н. Крайняк, В.А. Звегинцев, Т.Г. Сеидова, М.В. Зеликов, А.А. Ларькина, С.В. Слепцова и др.

Исходя из существующих в лингвистике определений [Жилин 1971; Полянская 2000; Зеликов 2005; Ларькина 2008], опущение, или эллипсис, как один из способов синтаксической компрессии информации в малоформатных текстах французских письменных

СМИ, представляет собой исключение отдельных отрезков высказывания, которые могут быть легко восстановимы из контекста.

В ходе анализа ТМФ современной французской периодики был выявлен эллипсис знаменательных (глагол, существительное, прилагательное, наречие, местоимение) и служебных (предлог, союз, артикль) частей речи.

Широким диапазоном опущения в ТМФ современной французской периодики характеризуются глаголы.

Анализ обследованного фактического материала показал, что в ТМФ французских письменных СМИ высокой частотностью употребления характеризуются эллиптические конструкции с опущенным оборотом *c'est* (в состав которого входят указательное местоимение *ce* и форма глагола *être* в третьем лице единственного числа) в различных позициях в предложении: ... (*C'est*) *Un geste simple et efficace dans 95 % des cas* (Paris Match (P. M.)); ...*Milan, (c'est) autre haut lieu de la mode* (Le Francais dans le monde (LFDM)); *Ici et là-bas, c'est la même intranquillité, la même domination de l'être par l'insomnie: (c'est le) signe de révolte et de refus, qui trouvent une réponse à l'angoisse dans la lecture et l'écriture* (LFDM). В последнем примере наряду, с оборотом *c'est*, опущен и определенный артикль мужского рода *le*. Таким образом, редуцированными являются три элемента – *ce, est, le*, что свидетельствует о высокой степени компрессии информации в малоформатном тексте современной французской прессы.

В ходе анализа текстов малого формата французских печатных СМИ было выявлено опущение глагола *être* в 3-ем лице единственного и множественного числа: *Amélie Mauresmo(...) toujours en course au Masters* (Le Monde (M.)). Легко восстановив глагол, получаем фразу: ... *Amélie Mauresmo est toujours en course au Masters; Les Mans et Nancy (...) en demi-finale du championnat de France* (M.). В данном примере восстановить опущенный глагол позволяет детерминатив множественного числа *les*: *Les Mans et Nancy sont en demi-finale du championnat de France*.

Как показал анализ ТМФ современной французской прессы, чаще всего глагол опускается вместе с относительным местоимением *qui*: *Franz-Joseph Meissner opère ici un retour sur l'intercompréhension des langues afin d'examiner ses apports (...) dans la conception de modules d'enseignements sur (...) objectifs spécifiques. Il témoigne d'une expérience de formation bilingue auprès de publics de professionnels (...) peu habitués aux études de langues* (LFDM). Подтверждая положение о том, что ТМФ имеют высокую степень компрессии, в данном тексте наряду с местоимением и глаголом опущен также определенный артикль множественного числа *les*. После восстановления данный ТМФ

преобразуется: *Franz-Joseph Meissner opère ici un retour sur l'intercompréhension des langues afin d'examiner ses apports **qui entrent (qui se trouvent)** dans la conception de modules d'enseignements sur les objectifs spécifiques. Il témoigne d'une expérience de formation bilingue auprès de publics de professionnels **qui sont** peu habitués aux études de langues.*

Опущение глагола с относительным местоимением *qui* во второй части предложения позволяет рассматривать его как зевгматическое: ... *Quels sont le poids et la nature de la dimension plurilingue des programmes (...) élaborés pour répondre aux besoins de ce milieu d'intervention particulier?* (LFDM). После восстановления получаем вариант: ... *Quels sont le poids et la nature de la dimension plurilingue des programmes **qui sont** élaborés pour répondre aux besoins de ce milieu d'intervention particulier?*

Эллипсис глагола довольно часто встречается в предложениях императивного типа: ... *Pour optimiser votre enseignement du français, choisissez une école de renommée mondiale, (...) dans une région au riche passé historique* (LFDM). В результате восстановления получаем: *Pour optimiser votre enseignement du français, choisissez une école de renommée mondiale, **qui se trouve** dans une région au riche passé historique.*

В ходе анализа было выявлено, что глагол *avoir* чаще всего подвергается опущению в начале предложения в составе безличного предиката *il y a*: (*Il y a*) *Sept variations sur le thème du passage des frontières et des années, sur le glissement vers l'âge adulte* (LFDM).

Наблюдение позволило выявить случай эллиптирования глагола *faire* в составе глагольного словосочетания *permettre de faire qch*, который можно рассматривать как случай окказионального эллипсиса, который характеризуется употреблением в языке параллельной неэллиптической конструкции: *La méthode intercompréhensive permet (de faire) la mise en valeur des connaissances déjà disponibles: ce sont les apprenants qui définissent leurs besoins linguistiques* (LFDM).

В ходе исследования были отмечены случаи опущения модальных глаголов в малоформатных текстах французских печатных СМИ, например, глагола *devoir* с относительным местоимением *qui*: ... *Parce que la motivation est déterminante dans l'apprentissage et que, si elle n'existe pas, c'est au professeur (...) de l'inventer* (LFDM). После восстановления данной фразы возможен вариант: ... *Parce que la motivation est déterminante dans l'apprentissage et que, si elle n'existe pas, c'est le professeur **qui doit** l'inventer.*

Среди элементов, устраняемых в предложениях малоформатных текстов, довольно широко распространены существительные с различными детерминативами при них. В ходе исследования были отмечены случаи опущения существительного при детерминативе

«прилагательное»: ...*L'absence de sens à la vie se révèle un facteur de mortalité indépendant des autres (facteurs)* (P.M.); *D'un côté, la Haute couture aux noms prestigieux, aux modèles somptueux et aux prix inaccessibles; de l'autre (côté) les gens dans la rue en jeans et en baskets* (LFDM); ... *Un exemple, en cas de casse ou de panne de mobile, on vous en prête un (mobile) pendant la durée de la réparation* (Elle). Данный пример примечателен тем, что первоначально опущению подверглось существительное *téléphone*. Путем конверсии прилагательного *mobile* образовалось новое существительное *un mobile* (*un téléphone mobile = un mobile*). Замещение относительным местоимением *en* словосочетания *un téléphone mobile* в данном примере свидетельствует о том, что действие универсального закона экономии в малоформатных текстах современной французской периодики является нормой и еще раз подчеркивает их определенную специфичность.

Наблюдение позволило выявить, что в ТМФ французской письменной прессы существительное может опускаться как после количественных, так и после порядковых числительных. Например, в следующем тексте отмечено опущение существительного после количественного числительного *deux*: *Un fauteuil pour deux (hommes)* (P. M.).

Наибольшей частотностью характеризуется опущение существительных после порядковых числительных, например, после числительного *le premier*. Следует отметить, что такие выражения легко переходят в разряд устойчивых: *voyager en première (classe)* – *путешествовать первым классом*. В ходе анализа фактического материала был зафиксирован пример ситуативного эллипсиса с порядковым числительным *septième*: ... *Mon vol pour le septième (ciel)* (Elle).

Механизм эллипсиса часто лежит в основе субстантивации прилагательных. В языке французской прессы среди эллиптических субстантивов можно отметить следующие: *le (vin) blanc*, *la première (classe)*, *le septième (ciel)*, *les jeunes (gens)*, *les (élections) présidentielles* и др.

Наблюдение показало, что существительное может опускаться при другом существительном в названиях марок машин, вин, сыров, одежды и т.д.: *une Renault (une voiture Renault)*, *du Bordeaux (du vin Bordeaux)*, *Lacroix, Dior (Haute Couture)*. Например: *Le Président de Dior (Couture)*, *Sidney Toledano et sa femme Katia sont toujours glamour* (P. M.).

Следующими по частотности эллиптирования компонентов в ТМФ являются прилагательные и наречия.

В ходе исследования ТМФ французских письменных СМИ был выявлен ситуативный эллипсис эмоционально-оценочных прилагательных *spécifique*, *petite*, *grand*, *nouvelle*, *vraie* и др. Например: ... *Ces symptômes sont ceux du surentraînement (spécifique)*. *Si cela arrive,*

on s'impose une (**petite**) pause et, surtout, on consulte son médecin pour un check-up de contrôle (Elle); Ce Déo respecte vraiment la sensibilité de vos aisselles en assurant un (**grand**) confort à chaque application. Sa (**nouvelle**) formule est non irritante, en parfait accord avec les peaux les plus sensibles (Elle); Ce roman historique raconte la fondation de Marrakech au XI-ème siècle et une (**vraie**) histoire d'amour de Zaynab et de Youssef Ibn Tachfin (LFDM).

Исследование показало, что опущению в ТМФ французской письменной прессы могут подвергаться и указательные прилагательные. В следующем примере опущено указательное прилагательное женского рода единственного числа *cette* в сочетании с оборотом *qu'est-ce que*: *Qu'est-ce que le FOS? Qu (**est-ce que**) cache cette appellation? Selon Florence Mourlhon-Dallies, spécialiste de (**cette**) question, l'hétérogénéité des pratiques et des demandes est indéniable...* (LFDM).

Анализ показал, что в малоформатных текстах современной французской прессы возможно опущение наречия *où*: *Lorsqu'en 1983 Yohji Yamamoto et Rei Kawakubo, la créatrice de la maison "Comme des garçons", (**où**) toutes les places sont prises, les réputations installées et stables* (LFDM).

Эллипсис местоимения в ТМФ наиболее часто имеет место в тех случаях, когда оно выступает в роли подлежащего. Отметим зевгматическое опущение личных местоимений 3-го лица единственного и множественного числа: *Elle a imposé son généreux 44 dans les magazines de mode les plus prestigieux de la planète et (**elle**) a été l'égérie de Mango et de Dolce & Gabbana* (Elle); *De moins en moins chers et de plus en plus performants, **ils** prennent aux compacts la facilité, et (**ils**) copient leur rapport prix-performance* (Р. М.).

Что касается опущения служебных частей речи, то эллипсис артикля в исследуемых малоформатных текстах может иметь место практически в любой позиции в силу универсальности закона экономии. Например: *Entre (**l'**) histoire de géographie et (**l'**) histoire de classe sociale, la réponse n'est peut-être pas loin; (**Le**) Développement du français en Chine, (**les**) causes et (**les**) perspectives; Vers des programmes plurilingues sur (**les**) objectifs spécifiques* (LFDM).

Как показал анализ фактического материала, случаи эллипсиса предлога *de* во французской письменной прессе практически не ограничены: *Attention au syndrome (**de**) Tori Spelling!; J'en ai créé un, (**de**) taille haute, chez Azzaro; une note (**de**) bal masqué* (Elle). В современных модных французских журналах отсутствие предлога *de* стало нормой, если речь идет о материале или покрое одежды: *Maillot (**de**) cotton (**de**) 2 pièces* (Bien dans ma vie).

В ходе исследования малоформатных текстов было обнаружено опущение таких простых союзов, как *que, comme, et* и др.: ... *Il faut (que) je sorte des choses, sinon je n'arrêterai jamais de refaire un morceau (Bien dans ma vie); Alors que le français sur objectifs spécifiques explose, les réflexions sur ce domaine particulier de l'enseignement du français (comme) langue étrangère deviennent indispensables* (LFDM).

Таким образом, очевидно, что для малоформатных текстов современной французской прессы как дискурса малой протяженности характерна высокая степень эллипсизации как знаменательных, так и служебных элементов предложения. Эллипсис знаменательных частей речи указывает на влияние разговорного стиля на газетно-публицистический. Эллипсису могут быть подвергнуты любые члены предложения, но в наибольшей степени ему подвергается сказуемое, а среди служебных частей речи – артикли и предлоги, опущение же союзов в ТМФ современной французской прессы является редким, окказиональным.

Жилин И.М. Синтаксическая компрессия в новых германских языках // ИЯШ. – М., 1971. – № 5. – С. 15-22.

Зеликов М.В. Компрессия как фактор структуры и функционирования иберороманских языков. – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2005. – 448 с.

Ларькина А.А. Эллипсис в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2009. – 24 с.

Полянская Л.Н. К вопросу о трактовке понятия «эллипсис» // Квантитативная лингвистика и семантика. – Новосибирск, 2000. – Вып. 2. – С. 165-167.

Е.Г. Скребова

*Воронежский филиал Российского государственного
торгово-экономического университета*

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ЛОКАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Проблема описания устройства и функционирования сложного предложения неоднозначна и остается актуальной до сих пор, хотя в русском и немецком языкознании она разрабатывается на протяжении более чем двух столетий. Однако несмотря на обширность накопленных сведений и материалов многие вопросы требуют серьезных усилий для их адекватного решения, поскольку среди лингвистов не выработано еще единой точки зрения на них. Такая

ситуация объясняется сложностью и неоднозначностью самого объекта исследования.

Эвристически многообещающим, согласующимся с современными тенденциями в развитии синтаксиса, является функциональный подход, специфика которого, по мнению А.В. Бондарко, заключается в том, что объект (языковая единица) изучается с точки зрения его функций, закономерностей функционирования и связей с окружающей средой. Под функцией языковой единицы понимается «свойственная ей в языковой системе способность к выполнению определенного назначения и к соответствующему функционированию в речи» [Бондарко 1987: 6-8]. Таким образом, задачи функционального направления в лингвистике определяются тем, что наряду с изучением структурных и содержательных особенностей языковых единиц, здесь также учитывается семиотический характер их социальной природы и их использование в речевой деятельности носителей языка.

Разработка семантико-функционального сопоставительного синтаксиса сложного предложения предполагает в первую очередь создание типологии устройства предложения, которая давала бы представление о том, какие конструкции обеспечивают тот или иной участок семантики в синтаксической системе сопоставляемых языков. Во вторую очередь ориентация на коммуникацию обуславливает необходимость моделирования условий выбора соответствующей единицы из того вариантного ряда, который имеется в данных языках. С учетом названных обстоятельств, при исследовании сложных синтаксических конструкций представляется целесообразным использовать методику многоаспектного анализа, суть которой заключается в последовательном рассмотрении их семантико-структурного устройства и функционирования в речи [Копров 1999: 160].

Применение данного метода к сопоставительному описанию интересующих нас сложноподчиненных предложений показывает, что как синтаксические условия подчинения способствуют установлению подчинительных отношений между лексическими единицами, так и лексические единицы, входящие в сферу лексико-семантической парадигматики, стремятся к подчинительной интеграции. Отсюда, подчинительные конструкции характеризуются качественно устойчивой определенностью, формируемой комплексом отличительных признаков. К таким признакам относятся:

1) союзные средства, средства усиления и дифференциации взаимосвязи частей, выражающие системные отношения и вследствие этого являющиеся базовыми элементами номинативного аспекта;

2) аспектуально-темпоральная и модальная характеристика глаголов (предикативный аспект);

3) взаиморасположение частей сложного целого, которое превращает предложение в конкретное речевое произведение – высказывание (актуализирующий аспект).

Перечисленные аспекты неразрывно взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом в составе единого целого – предложения-высказывания.

Сложноподчиненные локативные предложения характеризуют ситуации, соотносимые с точки зрения их пространственных особенностей. В частности, они указывают на место реализации действия, исходный или конечный пункт перемещения какого-либо объекта. Здесь нужно обратить внимание на то, что описываемые синтаксические конструкции имеют сложную внутреннюю организацию и рассматриваются как полицентрическое образование. Впервые на этот факт указала М.Ю. Гетманская, анализирувшая функционально-семантическое микрополе (ФСМ) «Пространство». Исследователь заметила, что термин «придаточное места» используется весьма условно. В одном случае речь идет о статическом пребывании предмета в пространстве, а в другом – о динамическом перемещении предметов в определенном направлении. При выделении в составе ФСМ «Пространство» двух семантических групп М.Ю. Гетманская считает основным моментом дифференциацию статических и динамических состояний [Гетманская 2004: 159]. Мы разделяем эту точку зрения и вычленим два типа описываемых сложных предложений:

1) сложноподчиненные предложения локализации, ограничивающие развитие ситуации какими-либо пределами: *Над омутами и плесами, где маялись с удочками ребятишки, плыл запах горелого железа, перекатывался звон молотков о наковальни* (Н. Грибачев); *Wo früher das dunkelrote böse Auge funkelte, quoll purpurner Qualm bis zu den Regenwolken empor, schon waren die Ränder der Wolken von der düsteren Glut gefärbt* (B. Kellermann);

2) сложноподчиненные предложения векторной направленности, указывающие на направление развития ситуации: *Легким шагом Четунув вышел из палатки и направился к месту, где его поджидал самолет* (Ю. Нагибин); *Wohin wir uns wenden im Gewitter der Rosen, / ist die Nacht von Dornen erhellt, und der Donner / des Laubs, das so leise war in den Büschen, / folgt uns jetzt auf dem Fluß* (I. Bachmann); при этом различаются:

а) начальный пункт перемещения: *Никита шумно вздыхал и оглядывался назад, как будто именно там, откуда мы уезжали, и*

оставался тот неподатливый некто, кому уже пора бы стать наконец отзывчивым человеком (Д. Еремин); *Gelegentlich erhalte ich eine Postkarte aus Norddeutschland, wo Levin und Dieter einen Handel mit gebrauchten Autos betreiben* (I. Noll);

б) конечный пункт перемещения: *Он пошел не туда, куда звала его радуга...* (К. Паустовский); *Wir kamen in eine Gegend, wo die Straßen ständig bergauf führen* (R. Fabel).

Дифференциация выделенных типов сложноподчиненных локативных предложений углубляется в двух аспектах их устройства.

В первую очередь разграничение происходит на уровне **номинативного аспекта**. В свете данного аспекта строение сложного синтаксического целого рассматривается как опосредованное языком развернутое отражение структуры двух предметных ситуаций. При этом дифференцируются союзные слова *где / wo*, *куда / wohin*, *откуда / woher*, которые отсылают придаточную часть либо к ситуации главной части в целом, либо к отдельным ее элементам – наречиям *там / dort*, *туда / dorthin*, *езде, всюду / überall, allerorts* и т.д., существительным с конкретно-предметным значением места типа *город / Stadt*, *отель / Hotel*, *сад / Garten*, *лес / Wald*, *долина / Tal* или именам собственным (обычно географическим названиям, реже – лицам) *Россия / Russland*, *Германия / Deutschland*, *Москва / Moskau*, *Берлин / Berlin* и т.п. Например:

Где войска, там и порядок (К. Симонов); *В доме была комната, заставленная разным хламом, превращенная в кладовую, куда она никогда не заходила* (Ю. Тынянов); *Вся голова таинственного борца была обтянута до самой белой жирной шеи мешком из черного трико с двумя круглыми дырами, откуда блестели незнакомые глаза, зловеющие, как у палача* (В. Катаев); *«Und am Kopf, da oben, hinten auf dem Kopf, wo das Haar den Wirbel macht, da, schauen Sie, Pater, da, wo bei Ihnen nichts mehr ist...», und sie tippte Terrier <...>, auf die Glatze* (P. Süskind); *Kaum in Italien, gab es keine Ortschaft mehr, wo ich nicht stoppen mußte: Pisa, Florenz, Siena, Perugia, Arezzo, Orvieto, Assisi* (M. Frisch); *Oder auf dem Grund eines kühlen Wassers liegen, wohin keine Reize dringen, nur alles sanft umspült wird, ohne weh zu tun* (Ch. Wolf).

Во вторую очередь дифференциация сложноподчиненных предложений локализации и векторной направленности происходит на уровне **предикативного аспекта**, базирующегося на особом типе соединимости субъекта и предиката в главной, реже – в придаточной части, указывающем на парадигматические свойства признакового (предикативного) слова. По наблюдениям С.Д. Кацнельсона, свойства, приписываемые предикативному слову, носят не совмещенный в линейном ряду, а альтернативный характер. Так, предикат движения

или перемещения в пространстве может обладать свойством направленности или ненаправленности движения. В первом случае движение заранее ограничено определенным пунктом и имеет внутреннюю цель в виде достижения данного пункта. Во втором случае движение не упорядочено в смысле направления, а если и следует некоторому направлению, то лишено внутренней цели [Кацнельсон 1987: 27]. Ср.: *Она (луна) передвинулась к западу, и там, где были блески снегов, стояло теперь зеленоватое, блестящее излами облако, как будто снега дымились* (Н. Тихонов); *Sie hat ihm ihre Hand gelassen, und jetzt steht er hier, wo ihr Bett ist* (L. Frank); *Слома голову он кинулся туда, откуда доносился крик о помощи* (Б. Акунин); *Ich ging in die Küche, wo Anna mich knurrend empfang* (H. Böll).

Что касается модальной характеристики глаголов, то сложноподчиненные локативные предложения обычно выражают значение реальности, которое передается глагольными формами изъявительного наклонения в плане:

прошедшего времени: *Фомин сел на скамью, где много летних тихих вечеров он провел в беседах и в любви с Афродитой* (А. Платонов); *In Köln, wohin sie von Würzburg her per Schiff gereist seien, habe ihnen der Gelnhausen aus Schwierigkeiten geholfen* (G. Grass);

или настоящего времени: *Он стремится туда, где его хорошо принимают* (В. Тендряков); *Und die schweren Autobusse schmettern und stampfen vorüber, hinaus in die grünen Vorstädte, wo der englische Rotdorn blüht* (K. Tucholsky).

Значение гипотетичности в описываемых сложноподчиненных предложениях выражается, как правило, формами сослагательного наклонения или Konjunktiv'a II: *Куда бы ни спустили чурку она неизбежно неслась, как к магниту, к зеленой плечи чудовищной башки камня* (В. Шишков); *Am liebsten wäre er gleich weggegangen nach Süden, dorthin, wo man die neuen Techniken lernen konnte, von denen ihm der Alte gesprochen hatte* (P. Süskind).

Таким образом, предикативный аспект, включающий в себя акционально-темпоральную и модальную характеристики глаголов, играет ведущую роль в семантико-структурном устройстве русских и немецких сложноподчиненных локативных предложений.

В свете **актуализирующего аспекта** рассматриваются закономерности, регулирующие взаиморасположение частей сложноподчиненных локативных предложений, благодаря которым сложное синтаксическое целое превращается в конкретное речевое произведение – высказывание.

Основная масса интересующих нас сложноподчиненных предложений представляет собой образования с однонаправленной

обусловленностью конструктивных частей, что предполагает вариативное взаиморасположение частей, т.е. придаточная часть может реализовываться в пре-, пост- или интерпозиции:

Где гора дозволяла, так непременно либо покос, либо пашня (П. Бажов); *В квартиру, где расположился немецкий комендант, бросили бомбу* (Б. Четвериков); *Осенью 1883 года в Вене открылась Международная электротехническая выставка, куда Коковцев и выехал вместе с Ольгою* (В. Пикуль); *Wohin es (das Gedächtnis) sie jetzt treibt, dahin reichen die Worte nicht, das soll einer ihrer letzten klaren Gedanken sein* (Ch. Wolf); *Die Schulter, wo er den Hieb bekommen hat, schmerzt ihn jetzt ernstlich* (L. Feuchtwanger); *Man hat wenig Ruhe in diesem Krankenhaus, wo man selbst in der ersten Klasse wider Willen im Doppelzimmer liegt* (I. Noll).

В сложноподчиненных предложениях с однонаправленной обусловленностью конструктивных частей один из компонентов (придаточная часть) объясняет, раскрывает содержание другого компонента (главной части).

Проведенное исследование показывает, что семантико-функциональный подход закономерно привлекает к себе внимание лингвистов. Отличительной характеристикой анализа сложноподчиненного предложения в рамках избранного подхода является его многоаспектность, сложная взаимосвязь формальных, структурных и семантических признаков, образующих «доминирующее начало» синтаксической конструкции и обеспечивающих ее качественно устойчивую определенность.

В номинативном аспекте русских и немецких сложноподчиненных локативных предложений были выявлены основания для различения двух видов подчинительных конструкций, по-разному интерпретирующих данные отношения: локализации и векторной направленности.

Сопоставительное исследование подтверждает, что интерпретация локативных отношений в обоих сопоставляемых языках обнаруживает много общего. Рассмотрение сложноподчиненного предложения как многоаспектной сущности позволяет построить его типологию, обладающую большей объяснительной силой по сравнению с одномерными концепциями, поскольку дает возможность выявить и смоделировать систему компонентов, категорий и отношений, существующих в сфере сложноподчиненного предложений русского и немецкого языков.

Бондарко А.В. Введение // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – 352 с.

Гетманская М.Ю. Синтаксический статус союзных слов в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2004. – 159 с.

Кацнельсон С.Д. К понятию типов валентности // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 29-45.

Копров В.Ю. Аспекты сопоставительной типологии простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков). – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1999. – 160 с.

Н.А. Сребрянская

Воронежский государственный педагогический университет

СУБЪЕКТИВНОСТЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ ВРЕМЕНИ, ВИДА, ТАКСИСА И НАКЛОНЕНИЯ

Известно, что в языках имеются грамматические категории, субъективно ориентированные на говорящего, т.е. выбор их форм зависит от отношения говорящего к содержанию высказывания. Другими словами, эти грамматические категории являются субъективно ориентированными, поэтому в практике преподавания языков как иностранных следует подчеркивать возможность субъективного выбора форм в зависимости от ситуации и контекста.

Сравним два английских предложения: *He looks as if he is ill* и *He looks as if he were ill*. Выбор наклонения полностью зависит от отношения говорящего к тому, насколько реально он воспринимает болезненный вид своего знакомого. Каково отношение говорящего – таково и восприятие состояния этого знакомого адресатом говорящего. В другом случае выбор глагольного вида указывает на то, усматривает ли говорящий какие-либо последствия прошлого события в настоящем: *They have quarreled bitterly* – *They quarreled bitterly*. Русские предложения *Они ездили в Москву* и *Они съездили в Москву* различаются тем, что во втором случае говорящий знал о предстоящей поездке и теперь говорит о свершении ожидаемого события.

Известно, что значение предложения складывается не только из значений входящих в него морфем и слов, оно включает в себя и значение синтаксической конструкции. Это подтверждается фактом синтаксической омонимии: предложения, имеющие один и тот же лексический состав, могут осмысляться различно. Например: *I hate visiting relatives* (не любит навещать родственников / навещающих его

родственников). *Он умеет заставить себя слушать* (заставить себя / заставить других слушать себя). Присутствие «наблюдателя» в грамматической конструкции далеко не всегда заметно адресату, но информация, которую получит адресат, не может быть абсолютно объективной, хотя бы уже из-за выбора грамматических форм говорящим. Это тот случай, когда об одном и том же факте можно сообщить *Стакан наполовину пуст* и *Стакан наполовину полон*. В обоих случаях факт констатирован абсолютно верно, меняется лишь отношение говорящего к этому факту. Таковым и получит это сообщение адресат.

Грамматические категории, изучаемые на уроках иностранного языка в рамках привычных правил употребления, следует также рассматривать и на предмет их субъективной ориентации. Критерием принадлежности грамматической категории к субъективно употребляемым формам является ориентированность речевого акта относительно некоей точки отсчета и присутствие точки зрения говорящего. Центром ориентации, точкой отсчета является человек, т.к. в основе субъективных значений стоит говорящий или адресат, т.е. наблюдатель.

Грамматическая категория **времени** является субъективной по определению. В БЭС говорится, что она «служит для темпоральной (временной) локализации события или состояния. Эта локализация является дейктической, т.е. соотнесенной прямо или косвенно с реальным или воображаемым «hic et nunc» 'здесь и теперь'» [БЭС 1998: 89]. Что касается **вида**, то он «связан не с дейктической темпоральной локализацией события, а с его внутренней темпоральной структурой, с тем, как она интерпретируется говорящим» [Там же: 83]. Поскольку в данной формулировке присутствует «интерпретация события говорящим», то в этой глагольной категории также легко усматривается субъективность. Теоретическим основанием правомерности вывода о субъективном употреблении форм грамматических категорий времени и вида являются результаты многих исследований. Так, установлено, что одним из важных критериев субъективного характера грамматической категории является наблюдаемость ситуации, о которой идет речь. «**Наблюдатель** является первичным прагматическим фактором, ... и должен учитываться при анализе таких категорий, как лицо, время, вид, залог, таксис и др., значение которых не может быть полностью эксплицировано вне его связи с указанием на наблюдателя» [Кравченко 1996: 109]. «Глагольные категории можно подразделить на такие, которые содержат указания на **участников** сообщаемого факта, и такие, которые подобных указаний не содержат» [Якобсон 1972: 99]. Таким образом, наблюдаемость и эгоцентризм во многом определяют семантику грамматической категории. Поэтому лингвистическое

время – это время не абсолютное, а относительное, оно всегда соотносено с настоящим временем или с моментом речи.

Категория вида является индексальной категорией, т.к. ее семантика определяется взаимодействием различных видов индекса – лица, места и времени. Эта категория строится на соотношении наблюдателя (действия) и говорящего. Все видовременные функции всегда соотносены с моментом речи, с точкой отсчета «сейчас».

Видовые оппозиции perfect – imperfect очень часто субъективны. В предложениях Present Perfect обычно указывает на связь с настоящим, т.е. на наблюдаемость, наглядность результата: *I can't find my key. I have lost it* (I haven't got it now); – *Where is Sally? – She's gone out* (We don't see her, she is out now); *Oh, I've cut my finger!* (It hurts now).

Учащиеся часто задают вопрос, как правильно сказать – *I lost my key* или *I've lost my key*? Вопрос не правомерен, т.к. правильность зависит от субъективного выбора, который в свою очередь не свободен и зависит от ситуации. Сравним ситуации: – *Who is this? – This is Mr. Smith. I've invited him to the party. / I invited Mr. Smith to the party, but he didn't come; I've caught a cold. I have a running nose now. / I caught a cold, but I am well now.* Во втором случае ситуация не наблюдаема, но во всех данных примерах эксплицитен контекст. Контекст может быть и имплицитен, и тогда выбор формы и понимание высказывания полностью зависят от ситуации, известной только участникам речевого акта.

Таким образом, видо-временные различия Present Perfect и Past Indefinite во многом определяются наблюдаемостью ситуации. Одной из самых больших трудностей для учащихся является представление (моделирование) ситуации в своем воображении. В этом случае упражнения типа *Describe the situation* очень эффективны и приводят к положительным результатам.

Особое место в английском языке занимает прогрессив. Действие в прогрессиве, как правило, наблюдаемо, т.е. время и место действия совпадает местом и временем наблюдателя. В другом случае оно отсчитывается вперед или назад относительно акта коммуникации. Согласно одной из точек зрения, наблюдатель выполняет в акте коммуникации роль точки отсчета пространства и времени. «Когнитивный компонент семантики прогрессива заключается в указании на наблюдаемость ситуации» [Павлова 2001: 4]. Пары предложений *He smokes / He is smoking; He speaks English / He is speaking English* имеют значительные различия, поскольку за ними стоят очень разные предметные ситуации.

Категория вида является субъективной и в русском языке. По мнению Ю.Д. Апресяна, нетривиальное семантическое различие

несовершенного и совершенного видов присутствует в парах: *доходить – дойти, кончатся – кончиться, обрываться – оборваться, поворачивать – повернуть* и др.: *Дорога поворачивает на юг на десятом километре; Тропа кончается (обрывается) у реки.* – здесь нет наблюдателя. *Дорога повернула на юг; Тропа кончилась (оборвалась) у реки* – есть наблюдатель [Апресян 1986: 25].

Таксис – это временное отношение между действиями в рамках целостного периода времени. Отнесенность действий, связанных временными отношениями, к одному и тому же целостному периоду времени, является основой отношений таксиса и необходимым условием их реализации, при этом сами временные отношения характеризуются в терминах «абсолютного» и «относительного» времени.

Тем не менее, время отличается от таксиса тем, что оно связано с говорящим, тогда как таксис связан с привязкой событий во времени относительно друг друга, но не обязательно относительно говорящего. Из этого следует, что в определенных случаях, когда есть привязка к наблюдателю, возможно субъективное употребление таксиса. Явления, связанные с базовым порядком слов в предложении (*Мальчик вошел в комнату* и *В комнату вошел мальчик, Петя приехал* и *Приехал Петя; Поезд идет* и *Идет поезд*), поддаются прагматической интерпретации. Здесь порядок слов определяется разным местонахождением наблюдателя. В синтаксической структуре этих высказываний содержится указание на наблюдателя и место, в котором он находится относительно места описываемой ситуации [Кравченко 1995: 48].

Учащиеся должны знать, что в английском языке с его строгим порядком слов категория таксиса не связана с наблюдаемостью ситуации, но следует подчеркнуть разницу в значениях предложений при разном порядке слов и, как следствие, разницу в переводе: в вышеуказанных примерах *The boy entered the room – A boy entered the room; Peter has arrived – It is Peter who arrived; The train is moving. – A train is coming.* Как видим, категория таксиса тесно связана с категорией определенности / неопределенности.

Категория **наклонения** – это «грамматическая категория, выражающая отношение действия, названного глаголом, к действительности с точки зрения говорящего» [БЭС: с. 321]. Кроме того, она отражает точку зрения говорящего на характер связи действия с действующим лицом или предметом, выражает оценку реальности этой связи с точки зрения говорящего [Виноградов 2001: 472].

Внутри русской категории наклонения В.В. Виноградов обнаруживает эмбрион особого, волонтактивного наклонения. Яркая модальная окраска формы прошедшего времени мгновенно-произвольного действия резко отделяет ее от системы изъявительного

наклонения: *А Ефрем вошел в лес, да вырезал себе дерево, эдак перста в два, да как выскочит опять на дорогу...* . Только вдруг она как **поскользньись**, да навзничь, да и **переломи** себе ногу. И **соберись** они ночным делом, картежники-то. Здесь связь действия с его производителем «носит резкую печать субъективной оценки этой связи со стороны говорящего лица» [Там же: 486].

Для английской категории наклонения ссылка на отношение говорящего к содержанию высказывания сохраняется. Существенным при выборе форм наклонения является то, как рассматривает говорящий действие: считает ли он его реальным, нереальным, желательным, необходимым и т.д.: *If I find the watch you lost, I'll tell you / If I found the watch you lost, I'd tell you; You speak as if you believed it / You speak as if you believe it.*

Заканчивая краткий обзор субъективно ориентированных грамматических категорий, хотелось бы отметить национальную специфику в сложной градации видовых и временных отношений. Так, Ю. Найда отмечает, что в языке майя существует много различий видовых отношений глагольного действия, которые практически невозможно перевести на английский [Nida 1946: 167]. В эскимосском языке имеется большая детализация видовых значений, где существует 20 видов глагола, или характеристик протекания действия во времени [Ярцева 1974: 27]. Все эти виды имеют формальное грамматическое выражение с помощью особых суффиксов. С. Ульман, Ю. Найда и др. подчеркивают, что это не обязательно связано со способностью к абстракции, а всего лишь является отражением специальных интересов, которые требуют тонкой сети разграничений. В то же время в китайском языке отсутствует система времени и вида глагола, а соотнесение события с определенным периодом на временной оси выражается с помощью специальных наречий. Согласно исследованиям Дж. Байби, 74% языков мира имеют деривационные и флективные категории глагольного вида и только 50% – времени [Bybee 1985: 30]. Системное сопоставление категорий вида, времени и модальности в русском и английском языках см. в учебном пособии [Копров 2010: 65-75].

В заключение хотелось бы еще раз отметить, что грамматические значения категорий и функционирование их форм во многом субъективны. Мы все находимся во власти языка, поэтому грамматическая субъективность вносит свой «вклад» в формирование наивной картины мира в сознании человека. Поэтому вопрос о субъективности грамматических категорий уходит своими корнями в проблему субъективности / объективности всей картины мира и, возможно, в проблему соотношения языка и мышления, т.к. человек от рождения находится под влиянием субъективно используемых

грамматических значений и форм. «Всякое сообщение кодируется тем, кто его посылает и должно быть декодировано адресатом» [Якобсон 1972: 95]. Таким образом, мышление базируется на языке, изобилующем субъективными понятиями.

Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. – М., 1986. – С. 5-34.

Большой Энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове) / Под. ред. Г.А. Золотовой. – 4 изд. – М.: Русский язык, 2001. – 720 с.

Копров В.Ю. Сопоставительный синтаксис русского и английского языков: Учебное пособие. – Воронеж: Изд-во НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2010. – 226 с.

Кравченко А.В. Принципы теории указательности: автореф дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1995. – 54 с.

Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М., 1972. – С. 95-113.

Ярцева В.Н. Проблема универсалий и классификации языков // Универсалии и типологические исследования: Мещаниновские чтения. – М.: Наука, 1974. – С. 95-113.

Bybee J. L. Morphology. A Study of the Relation Between meaning and Form // Typological Studies in Language. Vol. 9. – Amsterdam – Philadelphia, 1985. – 235 p.

Nida E. Morphology: The descriptive analysis of words // Linguistics. – Vol. 2. – Univ. of Michigan Press, 1946. – 221 p.

И.А. Стернин

Воронежский государственный университет

КОНТРАСТИВНАЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Термины **сопоставительный** и **контрастивный** в современной научной парадигме иногда употребляются как синонимы, а иногда дифференцируются. Мы представим вторую из названных точек зрения, опираясь на разработанную нами методику контрастивного описания лексики и фразеологии, впервые представленную в совместной работе с немецким профессором Кристоф Флекенштейн [Стернин, Флекенштейн 1989] и развитую нами в последующих работах [Контрастивная лексикология 2006; Стернин 2007].

Специфика контрастивной лингвистики, которая получает интенсивное развитие в 70-80-х годах прошлого века, заключается в том, что она выделяется из сопоставительного языкознания благодаря особым

используемым методам сопоставления и ориентированностью на выход в практику преподавания языка. В то время как сопоставительная лингвистика изучает одноименные явления или подсистемы в разных языках, контрастивная лингвистика изучает отдельные явления и единицы родного языка в сопоставлении со всеми возможными средствами передачи их в изучаемом языке. Целью контрастивной лексикологии является сопоставительное изучение переводных соответствий двух языков для выявления их сходств и различий.

В **контрастивной лингвистике**, в отличие от сопоставительной:

- 1) изучаются не любые языки и не в любом количестве, а только два языка – родной и изучаемый;
- 2) изучаются не подсистемы, поля и другие структурные единицы лексической системы, а отдельные единицы и явления языка в двух сопоставляемых языках;
- 3) изучение проводится не автономно в каждом языке с последующим сравнением, а в направлении от единицы одного языка к ее возможным соответствиям в другом языке;
- 4) целью контрастивного исследования является не установление сходств и различий языковых подсистем, а выявление сходств и различий в семантике и функциях единицы одного языка в сравнении с ее возможными соответствиями в другом языке. Главное при этом – выявление различий, сходства выявляются «автоматически».

Контрастивная лексикология представляет собой раздел лингвистики, который изучает варианты лексических и фразеологических соответствий в двух языках и выявляет в этих соответствиях национальную специфику семантики. Национальная специфика семантики какой-либо лексической единицы – это ее отличие по значению от сходных по семантике единиц языка сравнения. В связи с этим можно говорить о следующих **принципах** выявления национальной специфики семантики:

1. Национальная специфика значения единицы какого-либо языка выявляется только при сопоставлении с конкретным другим языком и является таковой только по отношению к данному конкретному языку.
2. Национальная специфика семантики лексической единицы языка А относительно языка В может не совпадать с национальной спецификой единицы языка В относительно языка А.
3. В лингводидактических целях целесообразно осуществлять единовременное описание национальной специфики семантики только одного языка, второй при этом выступает как зеркало, отражающее национальную специфику первого.

Методика контрастивного описания лексики и принципы лексикографической фиксации результатов контрастивного описания

на материале лексики могут быть представлены в виде следующего алгоритма.

Этап I. Выделение лексической группировки в исходном (например, в русском) языке:

1) выписываются слова, принадлежащие к исследуемой лексической группировке, из толковых словарей русского языка, составляется исходный базовый список;

2) выделенные лексемы просматриваются по синонимическим словарям, выявляются новые лексемы, которые пополняют базовый список;

3) анализируются тексты художественной и публицистической литературы, выявляются новые лексемы, которые пополняют базовый список;

4) полученный список разбивается на смысловые группы и подгруппы.

Результат этапа: описан состав и структура лексической группировки.

Этап II. Определение переводных соответствий отдельных единиц (переводными соответствиями называем два слова разных языков, имеющие сходство в семном составе и регулярно использующиеся при переводе):

1) каждое русское слово проверяется по двуязычным словарям, выписываются все его возможные соответствия в языке сопоставления;

2) все лексемы языка сопоставления проверяются по синонимическому словарю, выявленные новые лексемы пополняют список переводных соответствий исследуемого русского слова.

Результат этапа: выявлен корпус иноязычных соответствий исследуемым русским единицам.

Этап III. Компонентный анализ семем контрастивных пар в сопоставляемых языках:

1) компонентный анализ русских единиц в рамках выделенных подгрупп методом анализа словарных дефиниций;

2) компонентный анализ единиц языка сопоставления методом анализа словарных дефиниций;

3) контекстуальный анализ исследуемых единиц в русских и иноязычных текстах с целью выявления дополнительных, периферийных сем, не отраженных в словарных дефинициях, включение дополнительных сем в семный состав исследуемых единиц;

4) опрос информантов по выявлению отдельных сем (процедура верификации компонентного состава слова для русского языка и языка сопоставления).

Результат этапа: семное описание исследуемых семем русского языка и языка сопоставления.

Этап IV. Семантическое описание контрастивных пар. Под контрастивной парой понимаются две единицы сравниваемых языков, выступающие как переводные соответствия. В каждой контрастивной паре сопоставляются отдельные семы, полученные в результате компонентного анализа. Используется прием унификации семных описаний, который заключается в том, что сходные толкования сем в двух языках приравняются друг к другу, и выбирается или конструируется одно толкование, дающее наиболее обобщенное описание соответствующего признака.

Этап V. Дифференциальная семантизация слова. Сопоставление семной структуры русского слова и его соответствий в языке сопоставления с указанием национально-специфических компонентов. Результат этапа: контрастивные словарные статьи.

Причиной возникновения и практическим «выходом» контрастивной лингвистики является расширяющаяся практика преподавания иностранных языков (именно потребность в расширении преподавания иностранных языков в современную эпоху обусловила необходимость контрастивного изучения языков, именно поэтому контрастивная лингвистика оформляется как наука сравнительно поздно – в эпоху глобализации и межкультурной коммуникации, в конце прошлого века).

Результаты контрастивного описания единиц языка могут быть непосредственно внедрены в практику преподавания, так как они представляют собой описание отличительных признаков конкретных пар языковых фактов в двух языках (например, слов) и могут быть использованы для дифференциальной семантизации лексики в процессе обучения. Контрастивные исследования выявляют прежде всего национальную специфику семантики сравниваемых единиц двух языков, то есть то, что более всего необходимо при изучении языка, переводе и межкультурной коммуникации.

Контрастивный и сопоставительный подходы могут быть разграничены и применительно ко всем уровням языка – к фонетике, фонологии, морфологии, синтаксису. Отметим, что контрастивному и сопоставительному анализу может быть подвергнуто и коммуникативное поведение двух народов [Прохоров, Стернин 2006].

Контрастивный анализ имеет, с нашей точки зрения, большое лингвистическое будущее и требует разработки на практическом материале разных языков и лингвокультур, а также на разных языковых уровнях. Интересны были бы контрастивные исследования синтаксического уровня, что может иметь важное значение для практики преподавания синтаксиса иностранцам.

Контрастивная лексикология и лексикография / Ред. И.А. Стернин, Т.А. Чубур. – Воронеж: Изд-во Истоки, 2006. – 341 с.

Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские. Коммуникативное поведение. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 326 с.

Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. – М.: Изд-во Восток-Запад, 2007. – 288 с.

Стернин И.А., Флекенштейн К. Очерки по контрастивной лексикологии и фразеологии русского и немецкого языков. – Галле, 1989. – 129 с.

И.М. Сушкова

Воронежский государственный университет

**ПРЕДИКАТИВНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ
ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНОМ
ПОЛЕ ПОСЕССИВНОСТИ
(на материале русского и английского языков)**

Принадлежность рассматривается нами как часть семантико-функционального поля (СФП) посессивности, стоящего в ряду других ФСП, которые объединяют разноструктурные средства выражения субъектно-объектных отношений (см. об этом [Сушкова 2011]).

Приступая к рассмотрению средств выражения принадлежности, сначала определим содержание понятия «посессивность» как более общего по отношению к понятию принадлежности.

Термин «посессивность» обозначает ‘собственно владение, обладание чем-либо’. Однако этот термин не следует понимать буквально: речь идет лишь об условном названии для некоторого отношения достаточно общего характера между *обладателем* (посессором) и *обладаемым* (объектом посессивности). Посессивность как семантическая категория представляет собой языковую интерпретацию широкого круга отношений обладания, принадлежности, партитивности (соотношения части и целого) и др., и только частный случай такого отношения представляет собой отношения собственно владения.

Варианты посессивных отношений могут быть дифференцированы в зависимости от семантики посессора, наличия в ней признаков личности / неличности, одушевленности / неодушевленности, конкретности / абстрактности, а также в зависимости от семантики объекта посессивности, которому может быть свойственна большая или меньшая степень отторжимости от посессора.

В СФП посессивности выделяются два центра, что обусловлено различными способами отражения действительности – предикацией и атрибуцией, связанными с соответствующими типами посессивных конструкций:

1) предикативными (*У меня есть квартира; Это имущество принадлежит мне* и т.п.);

2) атрибутивными (*моя квартира, мнение отца, Васина жена* и т.п.).

Центр предикативной посессивности составляют конструкции, в которых эксплицитно представлены все три элемента посессивной ситуации: оба члена отношения – посессор (обладатель) и объект посессивности – а также предикат со значением посессивности.

Посессивное отношение является отношением направленным: посессор может рассматриваться как ориентирующий элемент, а объект – как ориентируемый, и наоборот. В первом случае в основе предложения находится субъект-посессор, а само сообщение касается его имущественного положения, а во втором случае сообщение касается характеристики объекта принадлежности.

Таким образом, в предложениях, представляющих посессивное отношение в разных ракурсах, реализуются два основных категориальных значения посессивности:

1) **обладание** (формула «посессор – обладание – объект»): *У меня есть книга; Я имею книгу – I have a book;*

2) **принадлежность** (формула «объект – принадлежность – посессор»): *Книга принадлежит мне – The book belongs to me.*

Таким образом, в предикативной зоне СФП посессивности выделяются два взаимосвязанных микрополя – обладания и принадлежности, для актуализации значений которых используются специализированные конструкции [Копров 2010а: 265-273].

Рассмотрим предикативные конструкции, выражающие статичное значение принадлежности в русском и английском языках. Характеристика конструкций дается на основе предложенной В.Ю. Копровым методики анализа семантико-структурного устройства предложения, что предполагает указание количества актантов в семантической структуре предложения и частеречного типа предложения [Там же: 63-66].

В качестве основных предикативных средств выражения принадлежности в рассматриваемых языках выступают предложения **двух типов.**

I. **Дваактантные вербальные активные предложения**, типовое значение которых – «отношение между предметами». Субъектный компонент синтаксической структуры предложения выступает как

предмет принадлежности, а объектный – в качестве посессора: *Павлик никак не ожидал такого богатства. Полон стол игрушек и сластей – и всё это принадлежит только ему* (В. Катаев). В глагольной позиции здесь употребляется только один глагол – *принадлежать*.

В английском языке в предложениях данного типа в глагольной позиции выступает глагол *to belong (to)*: *The apartment belonged to a chemistry instructor on leave* (M. Wilson) – *Квартира принадлежала одному из преподавателей химического факультета, уехавшему в отпуск*.

При реализации основного значения, передаваемого данными конструкциями – собственно принадлежности – посессор, как правило, отмечен признаком ‘одушевленность’, уже – ‘лицо’, а объект посессивности выражен именем конкретно-предметной семантики и отмечен признаками ‘неодушевленность’ и ‘отторжимость’. Однако в позициях как посессора, так и объекта принадлежности, встречаются имена других семантических групп, что приводит к реализации иных значений, чем собственно принадлежность.

Так, помимо конкретных неодушевленных существительных, в качестве объекта принадлежности в предложениях рассматриваемого типа, выступают существительные других лексико-грамматических разрядов (ЛГР), выделенных В.Ю. Копровым и принятых за основу в нашем исследовании [Там же: 66-79].

1. ЛГР **неконкретных существительных**: *Красота не принадлежит женщине и не является её собственным свойством – просто в определённую пору жизни её лицо отражает красоту, как оконное стекло – невидимое за крышами домов солнце* (В. Пелевин); *Сам посол драться не мог, его жизнь принадлежала королю, требовать сатисфакции обязан был его сын (из газ.)*; *"He lolls there like a king between his two bags of loot," Hugo said wistfully. "The whole world belongs to him"* (M. Wilson) – «Смотрите, как он развалился, точно король среди своих сокровищ, – грустно сказал Хьюго. – **Весь мир принадлежит ему**».

В подобных случаях передаётся функциональная связь человека с разного рода абстрактными сущностями.

2. ЛГР **антропонимов**: *Сын уезжал с легким сердцем, он давно не принадлежал матери...* (В. Платова); *"There is only one girl I want", I said. "You. And you know that. I belonged to you"* (A. Christie) – «Есть только одна женщина, которая мне нужна, – сказал я. – Это ты. И ты это знаешь. **Я принадлежу тебе**». Такие предложения передают родственные, профессиональные отношения, а также отношение моральной зависимости одного человека от другого.

3. ЛПР зоонимов: *А английский мопс Хуч вообще-то принадлежит ближайшему приятелю, полковнику Дегтяреву (Д. Донцова); I knew the horse, sir. It used to belong to Mr. Carey over at Shettlegroom (A. Christie) – Я узнал её лошадь, сэр. Она раньше принадлежала мистеру Кэри из Шеттлгрума.* В подобных предложениях выражается отношение собственно принадлежности.

4. ЛПР «части тела»: *Мясистый нос, грубые, навсегда обветренные щеки* могли принадлежать и добряку и черствому человеку (Д. Гранин); *There was a quick thin man in the middle of him, and the face belonged to the thin man. The suit and the smile, the cheeks and jowls, belonged to the fat one (M. Wilson) – Казалось, в эту жирную тушу забрался юркий тощий человек: физиономия* принадлежала ему, а костюм, улыбка, подбородок и щеки – другому, очень толстому человеку. Здесь выражается отношение между человеческим и его «физическими составляющими» (частями тела и внутренними органами). Такое отношение предлагается определять не как партитивное, а как ‘отношение неотторжимой принадлежности по функции’ [Категория посессивности 1989: 45-46].

Наши примеры свидетельствуют о том, что в некоторых случаях в роли объекта принадлежности могут выступать названия объектов личной сферы человека (наименования частей тела, лиц, связанных с посессором родственными или иными социальными отношениями и т.п.) и наименования различных абстрактных понятий, являющиеся объектами принадлежности метафорически.

В роли посессора, выраженного в данной конструкции объектной формой, как в русском, так и в английском языке могут выступать существительные следующих ЛПР.

1. ЛПР антропонимов: *Мюру и Мерлизу до революции принадлежал самый роскошный и модный универсальный магазин в Москве (В. Панова); The country as far as eye could see belonged to Hannah (I. Murdoch) – Вся территория, насколько мог видеть глаз, принадлежала Ханне.*

2. ЛПР зоонимов: *Тоненький непрезентабельный серый мех, больше всего смахивающий на кроличий, при жизни принадлежал шиншилле (Д. Донцова).*

3) ЛПР неконкретных существительных различной семантики: *Вы принадлежите к начальству (Н. Воронов); The rogue, like the artist and perhaps the gentleman, belongs to no class (S. Maugham) – Мошенник, артист, а может быть, джентльмен не принадлежит ни к какому классу.* В подобных случаях выражается принадлежность к группе лиц, объединенных по какому-либо признаку (отношение членства),

при этом в русском языке используется вариант конструкции с предлогом *к*.

4) ЛГР **конкретных неодушевленных существительных**: *Конкретная нитка принадлежит конкретной вещи* (Е. Платова). В этом случае выражается партитивное отношение.

Отметим, что в английском языке данная конструкция гораздо чаще, чем в русском выражает другую синтаксическую семантику. Очевидно, это связано с тем, что глагол *to belong* является более многозначным по сравнению с его русским эквивалентом. Кроме значений 'принадлежать' и 'относиться к', глагол *to belong* имеет значения 'быть родом, происходить из', 'находиться, помещаться'.

A few – they belonged to the front, to that protective ring of leather-coated men beneath the scaffold – a few started laughing (J. Le Carre) – Несколько человек – из тех, что стояли **впереди**, у **подножия трибуны**, в **защитном кольце одетых в кожаное людей**, – эти несколько человек смеялись; *The missing letters belong on the missing files* (J. Le Carre) – **Отсутствующие письма относятся к пропавшим делам**; *To Erik, Regan belonged to a forgotten era of whisked men* (M. Wilson) – Для Эрика Риган принадлежал **к той далекой эпохе**, когда мужчины носили бакенбарды.

II. **Одноактантные предложения** с субъектно-признаковым значением, где субъект – предмет принадлежности, а его признак лексически выражает одновременно принадлежность и поссессора.

В позиции признака в конструкциях русского языка могут находиться:

1) притяжательные местоимения: *Впрочем, одеяло тоже было не мое* (А. Геласимов);

2) притяжательные и относительные прилагательные: *Папина* была идея (А. Геласимов); *Дом их ведомственный...* (Д. Донцова);

3) существительные в родительном падеже: *Дом не твой, а Тимофея Ильича Кольцова* (Т. Устинова).

В английских конструкциях позицию признакового компонента занимают:

1) абсолютные притяжательные местоимения: *And don't forget, that the radiogram is mine* (I. Murdoch) – *И не забудь, что радиола моя*;

2) существительные в родительном падеже: *They'll hand me some dresses and say they were my mother's* (M. Wilson) – *Они дадут несколько платьев и скажут, что их носила моя мать*;

3) сочетания существительного с предлогом *of*: *How elegantly he waves, it is known that he is of the best family* (J. Le Carre) – *Как красиво машет он рукой, – ещё бы, он ведь из родовитых*;

4) относительные прилагательные: *You see, Tahiti's **French*** (S. Maugham) – *Таити ведь принадлежит французам.*

Типы посессивных значений, выражаемых одноактантными конструкциями, также зависят от семантики актантов.

III. В качестве **периферийных предикативных средств** выражения принадлежности в рассматриваемых языках были отмечены следующие конструкции:

1) одноактантные номинативные конструкции русского языка, в которых позицию признака занимают имена в родительном падеже с предлогом *из*; такие предложения передают партитивные отношения членства: *Бабка моя **из поповских**, и фамилия соответствует:* *Благонравова* (Т. Полякова);

2) русские одноактантные номинативные конструкции, в которых позицию признака занимают имена в родительном падеже с предлогом *от*: *Павел Алексеевич взял: письмо было **от женщины-маляра** с Нижнего плато* (В. Маканин).

В английском языке им регулярно соответствуют одноактантные конструкции, в которых в позиции признака находится имя с предлогом *from*: *There is a letter for you. I think perhaps it is **from her*** (G. Greene) – *Тебе письмо. Кажется, оно **от неё***. В подобных случаях выражается значение ‘продукт деятельности – деятель’;

3) одноактантные номинативные конструкции, в которых в позиции признака выступают существительные, называющие представителей какой-либо общности или предмет, представляющий вид, род и т.п.: *Мой сосед – **сектант**; Золото – благородный металл*. Ср.: *Мой сосед принадлежит к секте; Золото принадлежит к благородным металлам; I am a **Unitarian*** (G. Greene) – *Я принадлежу к унитарной церкви*. В подобных случаях также передается партитивное отношение.

Функционирование конструкций такого типа обусловлено тем, что сема отношения присутствует в самом широком круге конкретных имён, что связано с тремя ступенями формирования идентифицирующего значения, выделенным Н.Д. Арутюновой: а) вычленение из окружающей действительности: *Тарелка – из этого сервиза*; б) отождествление (установление идентичности предметов самим себе): *Ты мне не дочь*; в) классификация: *Кедр принадлежит к хвойным деревьям (Кедр – хвойное дерево)* [Арутюнова 1999: 15-23];

4) особое место среди периферийных конструкций, выражающих значение принадлежности, занимают одноактантные номинативные предложения с такими лексемами, как *собственность, принадлежность / property, possession* и т.п., характеризующими объект посессивности: *Слушайте, обозлилась я, – **стол – не ваша личная собственность**, я заплатила за гамбургеры и могу есть там,*

где мне заблагорассудится (Д. Донцова). Ср.: *Машина частной собственностью не являлась и не могла быть* (Н. Воронов) – *The machine couldn't have been private property*; *Her life is her own and it is her best possession* (I. Murdoch) – *Она создала свой собственный мир, и это лучше, чем она обладает*. Подобные конструкции являются неизосемическими, т.к. их семантическая структура не соответствует синтаксической.

Поясним это на примере предложения *Автомобиль – ваша собственность*. С точки зрения структуры это одноактантное номинативное предложение [Копров 2010а: 64]. В позиции субъекта здесь находится существительное, называющее объект принадлежности (*автомобиль*), а в позиции предикативного признака – лексема *собственность*, имеющая при себе определение *ваша*, называющее посессора. Таким образом, в предложениях подобного типа определение является обязательным компонентом, что не соответствует общей структурной схеме информативно минимальных одноактантных номинативных предложений ($N - (cop) N_{1/5}$);

5) двуактантные партиципальные предложения, в которых позицию признакового компонента занимают краткие причастия, имеющие посессивную сему: *Машина, квартира и дача записаны на моё имя...* (Д. Донцова); *Жалость Александре не свойственна...* (А. Малышева).

Анализ лексического наполнения синтаксических структур рассмотренных предложений позволяет дифференцировать выражаемые ими типы посессивного отношения. Эти значения, являясь результатом комбинации семантики актантов нескольких категориальных видов, определяют оттенки номинативного аспекта содержания конструкций принадлежности (сопоставление семантико-функционального поля посессивности в русском и английском языках см. в учебном пособии [Копров 2010б: 164-175]).

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – Изд. 2-е, испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

Категория посессивности в славянских и балканских языках / под ред. Вяч. Вс. Иванова. – М.: Наука, 1989. – 262 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010а. – 328 с.

Копров В.Ю. Сопоставительный синтаксис русского и английского языков: Учебное пособие. – Воронеж: Изд-во «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2010б. – 226 с.

Сушкова И.М. Микрополе принадлежности в русском и английском языках // Семантико-функциональный сопоставительный синтаксис:

Сы Хунган

Харбинский инженерный университет, КНР,

Н.С. Федотова

Российский государственный педагогический университет

им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

О ПРЕОДОЛЕНИИ ТРУДНОСТЕЙ В ИЗУЧЕНИИ И УПОТРЕБЛЕНИИ КИТАЙСКИМИ УЧАЩИМИСЯ ФОРМ ТВОРИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА

На всех этапах изучения русского языка как иностранного категория падежа занимает важное место. Проблемы, связанные с употреблением грамматических форм, в том числе форм творительного падежа, являются иногда неразрешимыми для студентов, если в их родном языке нет соответствующей категории [Копров 2010: 184-189]. Иногда ввиду отсутствия в Китае современных учебников по РКИ при возникновении трудностей единственным источником систематизированной грамматической информации становится «Русская грамматика» [Русская грамматика 1980], которая, естественно, не может предоставить методических комментариев, помогающих китайским студентам овладеть умениями и навыками употребления русских падежных форм.

Так, например, при работе с китайскими студентами по теме «Творительный падеж» возникает много вопросов как у обучающихся, так и у самих преподавателей. Некоторые китайские учебники не дифференцируют значения форм творительного падежа и контексты их использования, приводя только перечень примеров:

1. Теперь его удачи будут нашими удачами, а его неудачи будут результатами наших ошибок в воспитании. 2. Я буду работать там корреспондентом нашей газеты. 3. Красивый человек должен быть сильным. 4. Эта женщина работает переводчицей. 5. Новые китайские друзья Кирилла оказались хорошими помощниками в изучении языка. 6. Вы летите рейсом Москва – Пекин? и т.п.

Ограниченные подобным списком недифференцированных примеров китайские студенты не понимают семантико-грамматической сущности творительного падежа и допускают в своей устной и письменной речи ряд ошибок. Главные из них –

употребление творительного падежа вместо винительного, именительного падежа вместо творительного и т.п., например: *1. *Теперь его удача будет нашу удачу, а его неудача будет результат нашей ошибки воспитания.* *2. *Я буду работать там корреспондента нашей газеты. Настя будет учиться в школе.* *3. *Эта женщина работает переводчица.* *4. *А красавицы не бывают двоечники!* *5. *Наша разлука с сыном будет недолгая.* *6. *Но встреча на земле будет тёплую.*

На наш взгляд, правильное использование в контексте падежной формы, в том числе творительного падежа, невозможно обеспечить только чтением и анализом нескольких примеров, нужна специально разработанная методика, основанная на аккумуляции значений творительного падежа в методические блоки.

В теоретической литературе, посвященной творительному падежу, представлены детальные классификации его значений [Всеволодова 2000; Шелякин 2002], однако в нашей практически ориентированной статье мы считаем необходимым привести значения творительного падежа в доступной и адаптированной к китайской аудитории форме.

А. Творительный приглагольный, т.е. зависящий от глагола, является в предложении дополнением или обстоятельством, реже сказуемым, и может обозначать:

1) орудие или средство: *пишу пером*; сюда же приближается значение творительного падежа в безличных оборотах: *ветром оторвало лодку*;

2) действующее лицо при глаголах страдательного залога: *нашими учеными разрабатываются важные проблемы*;

3) объект или область распространения действия (творительный содержания): *заниматься русским языком, интересоваться искусством, любоваться природой*;

4) время, место и способ действия (творительный с обстоятельственным значением): а) *он работает целыми днями*, б) *ехать лесом*, в) *говорить шепотом*.

Особый случай применения творительного падежа представляет так называемый творительный предикативный, т.е. образующий (со связкой или без нее) составное сказуемое, например: *Он стал опытным инженером; Студенты будут учителями и научными работниками*.

Близко к этому значению и значение творительного падежа, указывающего должность, положение, свойство лица или предмета, название которого стоит в винительном падеже при переходных глаголах *называть, назначать, считать, признавать* (кого? кем?). При замене действительного залога страдательным, такой

творительный делается обычным творительным предикативным: *Его избрали председателем – Он избран председателем, его считают руководителем – он считается руководителем* и т. п.

Б. Кроме творительного приглагольного, существует творительный приименный, зависящий от отглагольных имен существительных: *удар кулаком*, ср. *ударить кулаком*, *езда шагом*, ср. *ехать шагом*) или от имен прилагательных: *известный своими трудами*, *сильный духом*, *слабый глазами*.

Представим учебно-методические блоки, содержащие семантико-грамматическую сущность форм творительного падежа и задания, созданные авторами. Примеры из классической художественной литературы мы не приводим ввиду отсутствия места, но рекомендуем их использовать на разных этапах изучения русского языка.

І. Методический блок: семантика форм творительного падежа без предлога в приглагольной позиции.

В грамматике русского языка указывается, что беспредложные приглагольные формы имен существительных творительного падежа могут выражать объектные, временные, пространственные, определительно-обстоятельственные и причинные значения. Приведем некоторые примеры заданий, рекомендуемые в данном блоке.

Задание 1. Определите, какие значения (объектные, временные, пространственные, определительно-обстоятельственные и причинные значения) выражают следующие формы творительного падежа: *идти полем*, *любить всем сердцем*, *продавать тоннами*, *говорить тонким голосом*, *воспитан гувернером*, *окружен вниманием*.

Задание 2. Назовите орудия действия, которые использует человек в своей бытовой жизни, составьте словосочетания с глаголами.

Образец: пылесос – *убирать комнату пылесосом*.

Салфетка, консервный нож

Задание 3. Назовите части тела человека или животного, связанные выполнением каких-либо действий. Постройте с ними предложения.

Образец: *рука – махать рукой – На прощание Федор помахал нам рукой.*

Задание 4. Проанализируйте значения косвенного объекта при глаголах, сделайте соответствующие выводы: *наполниться влагой*, *наполниться слезами*, *наслаждаться музыкой*, *вниманием*, *гордиться победой*, *руководить народом*, *заведовать отделом*.

Задание 5. Напишите 5-6 примеров употребления форм творительного падежа, обозначающих производителя действия при глаголах в форме страдательного залога.

Образец: *Открытия делаются учеными. Книги пишутся писателями.*

Задание 7. Прочитайте существительные, которые называют какой-либо временной отрезок, поставьте их в форму творительного падежа множественного числа. Составьте с этими формами предложения.

Образец: час – часами – *Часами Игорь играл в компьютерные игры.*

День, неделя, месяц, год, время.

II. Методический блок: семантика форм творительного падежа с предлогами в прилагательной позиции.

Предложные формы творительного падежа обладают широким спектром значений. Они употребляются со предлогами: *с, за, над, под, перед, между.*

Задание 1. Определите, какие значения выражают формы творительного падежа с предлогом *с*: объектные, совместности, определительно-обстоятельственные и временные.

Разрешите познакомить Вас с моими близкими друзьями. Я давно не виделся с братом. Родители подарили Саши попугая вместе с красивой клеткой. Олег Петрович редко встречался с соседями. Мы познакомились с Тамарой в библиотеке. Зрители с восторгом отзывались о спектакле. Мы с удивлением заметили, что зал был полным. Молодой человек с сожалением посмотрел на часы, так как следующий автобус должен был прийти только через час. О Сергее Петровиче все говорили с уважением.

Задание 2. Раскройте скобки. Вставьте предлоги: *за, над, под, перед.*

Брат сидел (камин), в котором тлел огонь. (Небольшой диван) висели плохие фотографии. Как все смеялись (он). (Потолок) висела клетка (короткохвостым чиж). Гость встал и вышел вслед (хозяйка), не прощаясь со всеми. Она сажала цветы и наблюдала (они). (Уэсин) разговаривали мало.

III. Методический блок: семантика форм творительного падежа в приименной позиции.

Формы творительного падежа употребляются не только при глаголе, но и при существительном, прилагательном и наречии.

Задание 1. Прочитайте предложения. Составьте на их основе описания человека (мужчины, женщины) или предмета. Используйте формы творительного падежа с предлогами *с* и *под*.

У Ивана было длинное худое лицо с широким лбом, острым носом, зелеными глазами, тонкими губами. Хозяйкой дома оказалась невысокая женщина с умным лицом, неспешной речью и пухлыми руками.

Таким образом, творительный падеж характеризуется разнообразием значений, многогранностью синтаксических функций, способностью к адвербиализации. Китайские студенты, которые обучаются русскому языку в Китае, не всегда имеют возможность

пользоваться современными учебниками, созданными носителями языка. Предложенный фрагмент учебно-методической разработки показывает, как можно облегчить преодоление некоторых трудностей в употреблении в речи китайских учащихся форм творительного падежа.

Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. – М.: МГУ, 2000.

Копров В.Ю. Особенности преподавания грамматики русского языка иностранным учащимся разных форм обучения // Современная методика преподавания русского языка как иностранного: проблемы и их решение. Сб. науч.-метод. статей. – Ч. 1. – М.: Изд-во «Правда-Пресс», 2010.

Русская грамматика. – Том 1. – М.: АН СССР, 1980.

Шелякин М.А. Грамматический справочник по русской грамматике. – М.: Русский язык, 2002.

Р.М. Теремова

*Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург*

ЦЕЛЕВЫЕ КОНСТРУКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Современный этап развития лингвистики отличает целенаправленное и доказательное раскрытие основных аспектов плана содержания языка и средств его формального выражения, что, безусловно, предполагает исследование фундаментальных категорий (времени, причины, условия, цели др.) в русле идей функциональной грамматики – одного из самых перспективных направлений в лингвистике XIX-XX веков.

Теоретическую базу функциональной грамматики составляют такие принципы, как синтез двух направлений анализа: от значения к форме (от функции к средствам) и от формы к значению (от средств к функции), с определяющей ролью семантической функции; динамичный подход к языку, позволяющий рассматривать грамматические явления в процессе их функционирования в речи, с учетом особенностей и закономерностей такого функционирования, изучение языка в его живой действительности; внимание к содержательной сфере языка, проявляющееся в разработке функционально-семантических категорий (ФСК); разработка методики анализа, базирующегося на понятии категориальной ситуации; теория

функционально-семантических полей, в качестве конститuentов которых выступают единицы разных уровней языковой системы, объединенные общим (категориальным) значением.¹

Осмысление целевых конструкций в аспекте функциональной грамматики позволяет уточнить лингвистический статус ФСК цели, ее специфику и взаимодействие с другими ФСК в блоке обусловленности, разработать содержательную вариативность данной категории в соотношении с системой формальных репрезентантов, определить место ФСК цели в системе блока обусловленности, охарактеризовать модель функционально-семантического поля цели.

Актуальным представляется рассмотрение ФСК цели как с точки зрения ее субкатегоризации и конкретных средств реализации ее значений, так и с точки зрения ее взаимодействия с другими ФСК в блоке обусловленности.

Целевая семантика – это одна из форм языковой интерпретации причинно-следственной связи, составляющей внутреннюю сущность отношений обусловленности. Диалектический характер взаимосвязи причины и следствия, лежащей в основе целевых отношений, заключается в том, что, с одной стороны, цель, представляя собой предвосхищаемое, предполагаемое событие, в то же время в плане реализации этого события имеет результирующее значение (цель – желаемый, планируемый результат целенаправленной деятельности), с другой – стимулирующее значение (цель, представляя собой осознание субъектом действия необходимости совершения действия, желание осуществить это действие, является обусловливающим, стимулирующим фактором для целенаправленного действия).

Таким образом, желаемый результат выступает в качестве стимула для целенаправленного действия. Ср.: *Она сослалась на нездоровье, чтобы ее не тревожили* (К. Паустовский) и *Она сослалась на нездоровье, так как хотела, чтобы ее не тревожили*.

Комплекс семантических признаков, конституирующих причинно-следственную связь в целевых отношениях и послуживших основанием для включения ФСК цели в систему категорий обусловленности, в то же время дополняется двумя семантическими элементами, определившими специфику категории цели в блоке обусловленности: семой желательности или необходимости,

¹ Краткий обзор современных концепций см. в работе: Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с. – С. 218-222 (прим. ред.).

характеризующей событие-цель, и собой активности, целенаправленности, заключенной в следственном компоненте.

Функционально-семантическая категория цели представляет собой сложную многоступенчатую систему, проявляющуюся в определенной иерархии типов, разновидностей и вариантов целевых конструкций.

На основании такого классификационного признака, как активность / неактивность, целенаправленность / нецеленаправленность субъекта действия, разграничиваются два типа ситуации: ситуация собственно цели (1) и ситуация назначения (2):

1) *Учатся, чтобы все знать* (Ю. Нагибин);

2) *Но я имел жизнь, а жизнь человек имеет для того, чтобы делать ее лучше, а не хуже* (С. Залыгин).

Если в ситуации собственно цели субъект-деятель характеризуется активной, целенаправленной, сознательной деятельностью, то в ситуации назначения действие субъекта лишено активности, целенаправленности, сознательного начала. В сфере собственно цели по направлению причинно-следственной зависимости между событиями компонентов ситуации собственно цели различаются ситуация мотивирующей собственно цели (1) и ситуация результирующей собственно цели (2):

1) *Воцев взял на квартире вещи в мешок и вышел наружу, чтобы на воздухе лучше понять свое будущее* (А. Платонов);

2) *Я понял, что смех ее был слишком громок и естественен, чтоб быть насмешливым...* (Л. Толстой).

Ситуация цели обеих моделей состоит из двух компонентов: событие-цель заключено в целевом компоненте, второй же компонент ситуации является следственным (ситуация мотивирующей цели) или причинным (ситуация результирующей цели).

Ситуация мотивирующей собственно цели в зависимости от наличия или отсутствия в целевом компоненте семы усиления делится на 1) ситуацию нейтральной мотивирующей собственно цели и 2) ситуацию усилительной мотивирующей собственно цели:

1) *Они работают, чтобы вы были счастливы сейчас и в будущем* (К. Федин);

2) *Я готов был все каникулы пролежать в постели, метаться в бреду и глотать любые лекарства, лишь бы мои родители вновь заговорили друг с другом* (А. Алексин).

Следующий ранг разбиения данных ситуаций связан с учетом познавательной и коммуникативно-прагматической установок говорящего.

Ситуация нейтральной мотивирующей собственно цели в зависимости от роли говорящего – нейтрально-констатирующей или

аргументирующей – может быть представлена двумя разновидностями: ситуацией нейтральной предметной мотивирующей цели (1) и ситуацией нейтрального мотивирующего целевого обоснования (2):

1) *Он помахал ей вслед, чтобы не было потом никаких обид* (В. Распутин);

2) *Чтобы поверить в себя, человек порой нуждается в поклонении...* (А. Алексин).

Ситуация нейтрального мотивирующего целевого обоснования создается при активном участии субъекта речи (говорящего). Именно поэтому, анализируя структуру данной ситуации, не в последнюю очередь надо иметь в виду деятельность говорящего лица, деятельность сознания и отражение этой деятельности в данной ситуации. Специфика мышления говорящего заключается не в констатации наблюдаемых фактов объективной действительности, а в обосновании логическим путем, в результате рассуждения, сообщаемого в следственном компоненте.

В сфере нейтрального мотивирующего целевого обоснования явления в зависимости от специфики следственного компонента целесообразно выделить ситуацию нейтрального мотивирующего целевого обоснования реального действия, ситуацию нейтрального мотивирующего целевого обоснования предполагаемого действия (с дальнейшей субкатегоризацией данной ситуации на основании наличия / отсутствия модальных отношений между субъектом и его действием в следственном компоненте: ситуация обоснования необходимости совершения действия и ситуация обоснования желательности совершения действия) и ситуацию нейтрального мотивирующего целевого обоснования побуждения к действию: *И еще для того я буду рано вставать, чтобы порадоваться начинающему дню* (Е. Суворов); *Борису надо отработать этот выходной, чтобы на следующей неделе иметь два свободных дня* (А. Рыбаков); *Чтобы совершенно избавиться от всех этих выездов и гостей, она прошлой осенью решила остаться на всю зиму в деревне* (В. Вересаев).

Ситуация нейтрального мотивирующего целевого обоснования побуждения состоит из двух компонентов: целевого, заключающего в себе основание для побуждения адресата к действию, и следственного, представляющего собой побуждение к действию. При этом формы побуждения адресата к выполнению действия могут быть разнообразными: совет, просьба, пожелание, рекомендация, напоминание, распоряжение, требование, приказ, повеление: *По крайней мере, не забывайте мне присылать Ваши адреса, чтобы я мог писать Вам* (А. Чехов).

Конструкции, отражающие ситуацию усилительной мотивирующей собственно цели, характеризуются дополнительным субъективным смыслом, проявляющимся на фоне категориальной семантики: подчеркивается готовность субъекта на любые действия и условия для достижения своей цели: *Он готов был на все, лишь бы не сидеть в одиночестве и не ждать у моря погоды* (Ч. Айтматов).

Первый ранг разбиения усилительной мотивирующей собственно цели, связанный с определением роли говорящего лица – нейтрально-констатирующей или аргументирующе-обосновывающей, – приводит к разграничению ситуации усилительной предметной мотивирующей цели (1) и ситуации усилительного мотивирующего целевого обоснования (2): 1) *Но Карась все выжил, все перенес, лишь бы только бурсацкое начальство не украло у него домашнюю пасху* (Н. Помяловский); 2) *Он для меня что угодно из-под земли достанет, лишь бы мне на пользу!* (Л. Уварова).

В зависимости от специфики следственного компонента ситуация усилительного мотивирующего целевого обоснования членится на 1) ситуацию усилительного мотивирующего целевого обоснования реального действия; 2) ситуацию усилительного мотивирующего целевого обоснования предполагаемого действия (с членением ее на ситуацию возможности совершения действия, ситуацию обоснования необходимости совершения действия, ситуацию обоснования желательности совершения действия) и 3) ситуацию усилительного мотивирующего целевого обоснования оценки:

1) *...я сделаю все, что можно, лишь бы забыть тот номер, что был на машине, которая меня убивала...* (Ю. Семенов);

2) *Конечно, все на свете можно отдать, только бы чувствовать эту единственную в мире руку* (В. Лидин);

3) *Может быть, он даже решился бы, при случае, и на крайне низкое дело, лишь бы достигнуть чего-нибудь из мечтаемого...* (Ф. Достоевский).

Ситуация результирующей цели, которую целесообразно квалифицировать как ситуацию результирующего целевого обоснования возможности совершения действия, имеет квантитативно-результирующий характер: *Положение этой напряженности было слишком неестественно, чтобы продолжаться долго* (Л. Толстой).

Ситуация назначения состоит из двух компонентов: целевого и причинного. Целевой компонент ситуации назначения представляет собой результирующий вывод о необходимости совершения действия, причинный компонент содержит аргументацию сообщаемого в целевом компоненте: *Однако умные люди на то и умны, чтобы разбираться в запутанных вещах* (М. Булгаков). Ситуация назначения

отличается тем, что субъект-деятель причинного компонента характеризуется отсутствием активной, целенаправленной, сознательной деятельности, сообщаемое же в целевом компоненте представляет собой свойство предмета, субъекта; при этом взаимоотношения событий компонентов ситуации отработано в результате многократно повторяющейся зависимости событий.

Системно-структурная организация разноуровневых языковых средств выражения цели представлена в виде функционально-семантических полей с синтаксической направленностью – когда в качестве конstituентов полей выступают синтаксические единицы, реализующие функционально-семантические связи разных уровней языковой системы. Таким образом, под разноуровневые средства выражения семантики подводится синтаксическая база, что и определяет синтаксическую направленность и оформление ФСП.

План выражения ФСП цели составляют взаимодействующие языковые средства, объединенные общим, инвариантным значением. Инвариантное целевое значение, являясь интегрирующей основой на внутрикатегориальном уровне, в межкутеориальном плане выступает в качестве дифференцирующего начала, определяя особое место целевых построений в системе конструкций обусловленности.

Поле цели в зависимости от двух типов целевого значения, определяемых признаком активности / неактивности субъекта действия, распадается на две неравновеликие сферы: сферу собственно цели, занимающую большую часть семантического пространства ФСП цели, и сферу назначения, ограниченную сравнительно небольшим микрополем назначения.

Сфера собственно цели сложна и неоднородна. В ее составе следует выделить два сегмента, отнесенность к которым определяется направлением причинно-следственной связи, лежащей в основе целевых отношений: сегмент мотивирующей собственно цели и сегмент результирующей собственно цели.

В зависимости от наличия / отсутствия в целевом значении семы усиления в сегменте мотивирующей собственно цели можно разграничить подразделение нейтральной мотивирующей собственно цели и подразделение усилительной мотивирующей собственно цели. В пределах подразделения нейтральной мотивирующей собственно цели следует выделить два микрополя: микрополе предметной мотивирующей цели и микрополе нейтрального мотивирующего целевого обоснования.

Самый глубокий слой центральной части микрополя нейтральной предметной мотивирующей цели составляют конструкции, наиболее четко, однозначно и специализированно репрезентирующие ситуацию

нейтральной предметной мотивирующей цели. Это целевые сложноподчиненные предложения, глагольно-субстантивные конструкции со специализированными предлогами *с целью, в целях*, глагольные конструкции с предложно-субстантивными сочетаниями, построенными по схеме: «*в видах + род. пад. сущ.*», «*в поисках + род. пад. сущ.*», «*в утешение + дат. пад. сущ.*», «*во избежание + род. пад. сущ.*», а также с предложно-инфинитивным сочетанием модели «*в расчете + инфинитив*», «*в надежде + инфинитив*», «*в стремлении + инфинитив*»: *Он вдруг понял, что пошел в церковь с тайной целью увидеть ее...* (И. Бунин); *В надежде остановить, унять его она шагнула к нему...* (В. Распутин).

Сюда же относится группа сложноподчиненных предложений с союзом *вместо того чтобы*, имеющих значение замещенной цели: *Вместо того чтобы объяснять свое долгое отсутствие, он представил нам свою будущую жену.*

К центральной же части рассматриваемого микрополя относятся и конструкции, обладающие меньшей степенью специализации, что определяет их положение во втором ядерном слое. Это сложносочиненные предложения, предложения с однородными сказуемыми, бессоюзные сложные предложения, глагольные конструкции с предложно-субстантивными сочетаниями, формируемыми при помощи неспециализированных предлогов («*за + твор. пад. сущ.*», «*из + род. пад. сущ.*», «*на + вин. пад. сущ.*»), глагольно-наречные конструкции: *Теперь я пишу ему, пусть он мне что-нибудь посоветует* (А. Бруштейн); *Прошли гурьбой юнцы – на прогулку* (Ю. Тынянов).

В качестве конститuentов периферии микрополя нейтральной предметной мотивирующей цели выступают конструкции, основное назначение которых – передавать другие, нецелевые типы семантики: определительную, временную, присоединительную и др. Результатом этого является пересечение поля цели с другими функционально-семантическими полями (качественности, темпоральности и др.).

Периферийное положение в рассматриваемом микрополе занимают присубстантивные сложноподчиненные предложения, временные сложноподчиненные предложения, имеющие значение предшествования (с союзом *прежде чем*), ограничительного предшествования с союзами *пока, пока не*, относительно-распространительные сложноподчиненные предложения: *Полгода возился я с хитрым механизмом часов, пока не наладил* (В. Мусаханов); *Ямщику вздумалось ехать рекою, что должно было сократить нам путь тремя верстами* (А. Пушкин).

Микрополе нейтрального мотивирующего целевого обоснования реального действия представлено центром и периферией. Первый ядерный слой центральной части образуют целевые сложноподчиненные предложения, глагольные конструкции с предложно-именным сочетанием «в + притяжат. местоимение + *целях*», «в *целях* + род. пад. сущ.»: *Они мечтали о том дне, когда он придет в больницу, чтобы забрать ее с ребенком домой* (В. Панова). В качестве конститuentов второго ядерного слоя следует рассматривать бессоюзные сложные предложения, сложносочиненные предложения, глагольно-деепричастные и глагольно-наречные конструкции: *Прикажу людей послать – обыск делать!* (А. Югов); *Зачем я от времени зависеть буду?* (В. Вересаев).

В периферийной зоне данного микрополя располагаются конструкции с ослабленным целевым значением и ярко выраженной нецелевой семантикой – определительной, временной (значение временного предшествования): *Я полежу немного, пока вернусь силы...* (М. Булгаков).

Первый ядерный слой микрополя нейтрального мотивирующего целевого обоснования предполагаемого действия составляют целевые сложноподчиненные предложения, глагольно-субстантивные конструкции с предложно-субстантивными сочетаниями («*ради* + род. пад. сущ.», «*во имя* + род. пад. сущ.», «*для* + род. пад. сущ.» и др.): *Надо было жертвовать собой для счастья семьи, которая вскормила и воспитала ее* (Л. Толстой).

Второй ядерный слой составляют сложносочиненные предложения, предложения с однородными сказуемыми, бессоюзные сложные предложения, глагольно-субстантивные конструкции с неспециализированными предлогами, глагольно-деепричастные и глагольно-наречные конструкции: *Как песню спел человек, и спел хорошо. И ушел. Зачем надо было? Он сам не знал. Так просила душа* (В. Шукшин).

К периферии микрополя нейтрального мотивирующего целевого обоснования предполагаемого действия относятся конструкции, для которых целевая семантика является лишь частным значением, формирующимся в основном благодаря их особому лексическому наполнению. Периферийное место в данном микрополе занимают присубстантивные сложноподчиненные предложения, временные сложноподчиненные предложения с союзами *прежде чем*, *пока*, *пока не*: *И надо долго брести по воде, прежде чем тебе будет по пояс* (С. Воронин).

К центральному массиву усилительной предметной мотивирующей цели следует отнести целевые сложноподчиненные предложения, глагольные конструкции с предложно-субстантивным сочетанием

модели «*ради + род. пад. сущ.*»: *Что ж, сало, так сало, он готов был на все, лишь бы скорее сладить с этой проклятой раной...* (В. Быков). Периферийную позицию занимают временные сложноподчиненные предложения с союзом *пока не*: *Он будет из последних сил брать уступ за уступом, пока не добьется своего* (К. Федин).

Зону усилительного мотивирующего целевого обоснования составляют три микрополя: усилительного мотивирующего целевого обоснования реального действия, усилительного мотивирующего целевого обоснования предполагаемого действия и усилительного мотивирующего целевого обоснования оценки.

Центральная часть микрополя усилительного мотивирующего целевого обоснования реального действия структурируется целевыми сложноподчиненными предложениями с союзами *лишь бы, только бы, чтобы*, глагольными конструкциями с предложно-субстантивным сочетанием, строящимся по схеме «*ради + род. пад. имени*»: *Ах, все равно, Катя, – прошептал он горько и нежно, желая сказать, что он простит ей все, лишь бы она по-прежнему кинулась к нему...* (И. Бунин). Периферийная зона данного микрополя представлена местоименно-соотносительными сложноподчиненными предложениями: *Он готов эту предназначенную ему машину хоть сейчас отдать любому, кто спас его, вернул такую простую и ясную жизнь* (В. Муссалитин).

Микрополе усилительного мотивирующего целевого обоснования предполагаемого действия объединяет целевые сложноподчиненные предложения со специализированными союзами *лишь бы, только бы*: *Красоту инстинктивно хочется принизить, лишь бы не чувствовать зависимость от чего-то неуловимого и недоступного* (В. Конецкий).

Микрополе усилительного мотивирующего целевого обоснования оценки образуют целевые сложноподчиненные предложения с союзом *лишь бы* (при соответствующем лексическом наполнении первой части возможен и союз *чтобы*). В препозитивной части таких предложений обязательны оценочные лексемы: *Уж лучше бы совсем замерзнуть, только бы не слышать, что он говорит, не видеть, как смотрит на меня очередь* (А. Тарковский).

К ядру микрополя результирующего целевого обоснования возможности совершения действия относятся целевые сложноподчиненные предложения, местоименно-соотносительные сложноподчиненные предложения, построенные по схеме «*так, столько, настолько, такой – что*»: *Вы еще слишком молоды, чтоб это постичь* (В. Амлинский); *... я еще не настолько стар, чтобы не уметь наслаждаться хорошим обедом и видом довольных гостей, но и*

не настолько уж молод, чтобы не испытывать боли, озираясь на собственную былую слепоту (Б. Окуджава).

Центральная часть поля назначения объединяет целевые сложноподчиненные предложения с семантикой назначения: *Бим твердо усвоил: поцарапай в дверь, тебе откроют обязательно; двери и существуют для того, чтобы каждый мог войти* (Г. Троепольский). Периферийную позицию занимают присубстантивные и изъяснительные сложноподчиненные предложения, а также глагольно-субстантивные конструкции с предлогами *для, от, против*, в которых основная, категориальная, семантика – определительная: *Этот заунывный звук напоминал ему отдаленные сигналы трубачей к атаке* (К. Паустовский).

Итак, использование методики полевого структурирования дало возможность выявить иерархию и взаимодействие всего «инвентаря» языковых средств выражения целевой семантики, без формальных ограничений, и представить их наиболее экономное и систематизированное описание в виде функционально-семантического поля с синтаксической направленностью. ФСП цели имеет сложную конфигурацию: оно представляет собой систему взаимодействующих друг с другом микрополей. Центр и периферия микрополей отличаются многослойностью; в их составе в ряде случаев выделяются участки, сориентированные на определенные параметры категориальной и некатегориальной семантики.

Что касается положения ФСП цели в составе макрополя обусловленности, то следует отметить, что оно достаточно отдалено от центральной части данного макрополя. Однако сфера мотивирующей цели в определенной степени тяготеет к ФСП причины, а сфера результирующей цели – к ФСП следствия. Причинные конструкции, мотивирующий компонент которых содержит сему желания или необходимости (она эксплицируется соответствующими модальными лексемами), а мотивируемый – сему активности, целенаправленности, приобретают целевое значение. В связи с этим они являются конститuentами ФСП причины и ФСП цели (сферы мотивирующей цели), составляя участок пересечения этих полей.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СИНТАКСИС РУССКОГО ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ РЕЦЕПТИВНОЙ И ПРОДУКТИВНОЙ ГРАММАТИКИ

«Прямой выход в практику перевода и преподавания языков как иностранных имеет **функциональное** описание языков, поскольку овладение навыками создания высказываний и текстов путем усвоения целых семантико-функциональных комплексов происходит быстрее и эффективнее, чем при изучении отдельных грамматических форм и конструкций», – пишет В.Ю. Копров [Копров 2010: 9]. Соглашаясь с только что приведенным мнением ученого, внесшего значительный вклад в разработку сопоставительного семантико-функционального синтаксиса, хотелось бы добавить, что не менее важным представляется использование в школьном и вузовском преподавании и функциональных грамматик родного, т. е. русского, языка. В отличие от пока еще широко распространенных чисто классификационных формально структурных описаний, функциональные грамматики способны продемонстрировать учащимся богатые выразительные возможности и национальную специфику их родного языка и тем самым способствовать повышению культурно-речевой компетенции школьников и студентов.

Ниже я попытаюсь по необходимости кратко охарактеризовать разработанное мной и ожидающее публикации **функциональное описание русского синтаксиса**, предназначенное для изучения в обновленном вузовском учебном курсе «Современный русский язык» для студентов – филологов, журналистов, педагогов и дефектологов.

Начнем с хорошо известной идеи Л.В. Щербы о том, что в описаниях языка, ориентированных на речевую деятельность, необходимо последовательно разграничивать «пассивную» и «активную» грамматики. Первая из этих грамматик, моделирующая **рецепцию** речи, должна описывать язык в направлении от языковых единиц к выражаемому ими содержанию; вторая, моделирующая **продукцию**, предполагает направление от некоторых типовых смыслов к тем языковым единицам, посредством которых эти смыслы могут быть выражены [Щерба 1974а]. Несмотря на то что упомянутая мысль Л.В. Щербы была высказана им три четверти века тому назад, еще в докладе 1933 г. [Щерба 1974], она только теперь начинает частично реализовываться в грамматических описаниях русского

языка [Милославский 2002] и до сих пор не получила последовательного применения в синтаксисе.

Современные синтаксические описания являются по преимуществу рецептивными. Однако при этом они по традиции включают в свой состав и отдельные никак не отграниченные от пространных рецептивных частей продуктивные фрагменты. Очевидно, что необходимое как с теоретической точки зрения, так и в чисто практическом плане последовательное разграничение рецептивного и продуктивного аспектов синтаксического описания потребует некоторого отхода от традиционного порядка изложения материала и может выглядеть приблизительно так, как это показано ниже.

Рецептивный аспект описания русского синтаксиса. Поскольку рецептивный аспект грамматики предполагает направление от языковых единиц к выражаемому ими содержанию, его рассмотрение логично начать с определения тех формальных языковых средств, которые используются синтаксисом. Таких средств можно выделить четыре: (1) грамматическое оформление слов; (2) служебные слова; (3) порядок слов и, наконец, (4) интонация.

Наблюдения показывают, что те роли, которые играют вышеперечисленные средства при построении русских предложений, неоднородны. Грамматическое оформление слов и служебные слова организуют предложение как целостную единицу. При этом они ориентированы в основном на передачу событийного содержания предложения. Очевидно, что именно по указанным причинам эти средства привлекли к себе внимание русистов гораздо раньше, чем интонация и порядок слов. Что же касается интонации и порядка слов, то они обеспечивают последовательное расположение компонентов предложения, причем ориентированы главным образом на выражение определенных смысловых оттенков, которые добавляются к событийному содержанию предложения.

Поскольку вышеперечисленные формальные средства синтаксиса различаются как по своему характеру, так и по передаваемому содержанию, удобно рассматривать их в виде двух групп, разграничив следующим образом: 1) средства структурной организации предложения: грамматическое оформление слов; служебные слова; 2) средства линейной организации предложения: порядок слов; интонация.

1. Описание структурной организации предложения при предлагаемом нами подходе будет выглядеть достаточно традиционно. Оно должно включать в себя следующие разделы: 1.1. Простые предложения, их структурные типы и выражаемое ими содержание; 1.2. Сложносочиненные предложения, их структурные типы и

выражаемое ими содержание; 1.3. Сложноподчиненные предложения, их структурные типы и выражаемое ими содержание.

2. Несколько менее привычный вид будет иметь описание **линейной** организации предложения. Дело в том, что, руководствуясь чисто формальным подходом здесь, прежде всего, потребуется выделить разделы: 2.1. Интонационное оформление предложения; 2.2. Интонационное выделение синтагм в составе предложения; 2.3. Выделение интонационных центров синтагм и порядок слов.

2.1. Легко увидеть, что **интонационное оформления предложения** – одно, а иногда во взаимодействии со средствами структурной организации предложения — способно выражать следующие разновидности содержания:

2.1.1. Целевое назначение предложения. Ср. повествовательное предложение *Завтра Настя сдаёт экзамен*, в котором использована интонационная конструкция 1 (ИК-1); вопросительное предложение *Завтра Настя сдаёт экзамен?* (ИК-3) и, наконец, побудительное предложение *Закрой окно!* (ИК-4).

2.1.2. Эмоциональная окраска предложения. Ср. восклицательные предложения *Как она танцует!* (ИК-5) или *Какой вечер теплый!* (ИК-6) [Русская грамматика 1980].

2.1.3. Содержание бессоюзного сложного предложения, информирующее адресата о наличии смысловой связи между несколькими объединенными посредством интонации предикативными единицами, напр.: *Дождь кончился, вышло солнце* [Ширяев 1986].

2.1.4. Содержание своеобразного антипода бессоюзного сложного предложения – парцеллированных конструкций, т. е. таких конструктивно несамостоятельных частей предшествующих предложений, которые для подчеркивания их информативной значимости интонационно оформляются как отдельные предложения напр.: *Дождь кончился. Сильный, проливной* [Ванников 1979; Сковородников 1981].

2.2. **Интонационное выделение синтагм** в составе предложения в зависимости от формальных и содержательных особенностей этих синтагм может выражать:

2.2.1. Обособление тех или иных членов предложения с целью облегчить адресату их восприятие в тех случаях, когда данные члены выражают нетипичное для них содержание или занимают нетипичную позицию в предложении [Федосюк 2009].

2.2.2. Маркирование вводных конструкций, междометий и обращений, т. е. единиц информирующих адресата о том, как его партнер по коммуникации оценивает содержание и форму своего

сообщения, ситуацию общения, а также самого адресата [Федосюк 2008; Шмелева 1988].

2.2.3. Оформление вставных конструкций, т. е. таких компонентов предложения, которые несут добавочные сообщения.

2.3. Наконец, **выделение интонационных центров синтагм и порядок слов** служат средством выражения актуального членения предложения, т. е. того аспекта смысловой организации предложения, который отражает представления его отправителя о знаниях и коммуникативных запросах адресата. Так, предложение [*Сегодня профессор Иванов*]^T [*прочитает лекцию*]^R предполагает адресата, который, по мнению адресанта, нуждается в ответе на вопрос *Что будет делать сегодня профессор Иванов?*, а предложение [*Сегодня лекцию читает*]^T [*профессор Иванов*]^R – такого адресата, который осведомлен о сегодняшней лекции, однако не располагает в информацией о том, кто именно ее прочитает.

Понятно, что каждому из перечисленных выше явлений в рамках описания линейной организации предложения должны быть посвящены специальные разделы.

Продуктивный аспект описания русского синтаксиса. Вопрос о структуре продуктивного аспекта синтаксического описания по причине своей новизны почти не изучен. Очевидно, что, для того чтобы определить эту структуру, необходимо, во-первых, установить, из каких основных компонентов состоит план содержания предложения, и, во-вторых, выявить важнейшие смысловые единицы, входящие в состав каждого из этих компонентов.

Естественно предположить, что план содержания синтаксических единиц построен аналогично плану содержания других значимых единиц языка – слов [Кобозева 2000] и потому включает три основных компонента: сигнификативный, референциальный и прагматический [Федосюк 2008a].

Сигнификативный компонент содержания предложения (в современной синтаксической теории его обычно называют пропозициональным компонентом или **пропозицией**) ориентирован на отражение действительности. Очевидно, что сигнификатом любого предложения является обозначаемый данным предложением комплекс признаков некоторой ситуации, который не связан ни со знаниями адресата, ни с позицией отправителя. Если, иллюстрируя сказанное, попытаться описать сигнификативный компонент предложения *Николай купил себе собаку*, то он, очевидно, будет иметь вид ‘покупка человеком по имени Николай собаки’. Определение сигнификата предложения посредством словосочетания в данном случае неслучайно: именно словосочетание позволяет исключить любые

сведения о знаниях адресата и позиции отправителя, которых невозможно избежать в предложении.

Референциальный компонент содержания предложения ориентирован на сознание адресата. Поэтому референтом предложения является такой образ ситуации, который привязан к знаниям адресата и его коммуникативным запросам. Например, референт уже знакомого нам предложения *Николай купил себе собаку* – это, прежде всего, описание покупки собаки как реального события, отнесенного к моменту, предшествовавшему ситуации общения с данным адресатом. На это обстоятельство указывает форма изъявительного наклонения и прошедшего времени сказуемого *купил* (ср. иное референциальное содержание предложений *Николай купил бы себе собаку* или *Николай купит себе собаку*). Кроме того, судя по порядку слов, перед нами такое описание, которое предполагает, что в фокусе внимания адресата находится некий Николай, однако у этого адресата нет сведений о положении дел, связанном с упомянутым Николаем (ср. предложение *Собаку купил себе Николай*, где в фокусе внимания адресата, скорее всего, находится покупка собаки, однако адресату неизвестно, кем именно она была осуществлена).

Прагматический компонент содержания предложения (в современной синтаксической теории его обычно называют **модусом**) отражает позицию отправителя. Прагматический компонент, прежде всего, несет информацию о той коммуникативной цели, которую преследует отправитель предложения. Кроме того, данный компонент может нести информацию об отношении отправителя к содержанию и форме предложения, его адресату и ситуации общения [Федосюк 2008; Шмелева 1988].

Так, в прагматический компонент предложения *Николай купил себе собаку* входят сведения о том, что коммуникативная цель отправителя состоит в передаче адресату сообщения о покупке Николаем собаки как о достоверном и при этом никак не оцениваемом событии, причем ситуация общения не воспринимается этим отправителем как бытовая или, напротив, официальная. Для того чтобы продемонстрировать, что действительно так, сопоставим данное предложение со следующими: (а) *Николай купил себе собаку?*; (б) *Николай, по-видимому, купил себе собаку*; (в) *К счастью, Николай купил себе собаку*; (г) *Николай совершил покупку собаки*. Нетрудно убедиться, что прагматический компонент предложения (а) несет информацию о том, что целью отправителя является не передача сообщения, а, наоборот, выяснение, соответствует ли описываемая ситуация действительности. Прагматический компонент предложения (б) информирует о том, что отправитель не уверен в достоверности передаваемого сообщения.

Прагматический компонент предложения (в) содержит положительную оценку описываемого события. Наконец, прагматический компонент предложения (г) несет информацию о том, что отправитель оценивает ситуацию общения как официальную.

Перейдем к рассмотрению внутреннего устройства каждого из только что упомянутых компонентов.

1. Ориентированное на продукцию описание сигнификативного компонента содержания предложения должно включать информацию о различных способах выражения типовых сигнификативных смыслов: во-первых, отражающих одну ситуацию, или монопропозитивных, а во-вторых, отражающих одновременно несколько ситуаций, или полипропозитивных.

1. 1. Типовые **монопропозитивные смыслы** — это такие смыслы, как «Действие предмета», «Свойство предмета или ситуации», «Состояние предмета», «Существование предмета или ситуации», «Местоположение предмета или ситуации», «Отнесение предмета или ситуации к определенному классу» и т. д. Для каждого из подобных смыслов должны быть указаны различные способы их выражения и отмечены присущие им смысловые и стилистические особенности [Федосюк 2007; 2007а].

Кратко проиллюстрируем сказанное. К примеру, типовой монопропозитивный смысл «Действие предмета» может быть выражен такими моделями предложений, как *Мальчик гуляет* (основная, или, в терминологии Г. А. Золотовой, **изосемическая** модель [Золотова и др. 2004]); *У мальчика прогулка* или *Мальчик на прогулке* (в этих двух случаях добавочно сообщается о независимости производимого действия от воли субъекта) и, наконец, *Мальчик совершает прогулку* (предложение имеет книжную стилистическую окрашенность).

Типовой монопропозитивный смысл «Состояние предмета» может быть выражен следующими моделями: *Мать встревожена* (изосемическая модель); *Мать тревожится* (подчеркнут динамический характер состояния); *У матери тревога*, *Мать в тревоге* или *Матери тревожно* (добавочно сообщается о независимости описываемого состояния от воли субъекта); *Мать испытывает тревогу* (предложение имеет книжную стилистическую окрашенность); *Мать встревожили* (дополнительно сообщается о существовании некого каузатора данного состояния) и т.д.

1. 2. Описание способов выражения типовых **полипропозитивных смыслов** должно базироваться на той смысловой роли, которую играет упоминание добавочной, второстепенной ситуация при описании ситуации основной, первичной.

Например, при выражении такого полипропозитивного смысла, в котором обозначение второстепенной ситуации выступает в качестве временной характеристики первичной ситуации, возможно использование моделей: (а) сложноподчиненного предложения с обстоятельственной придаточной частью – *Когда наступит вечер, все улицы опустеют*; (б) сложносочиненного предложения – *Наступит вечер, и все улицы опустеют*; (в) бессоюзного сложного предложения – *Наступит вечер – все улицы опустеют* и, наконец, (г) простого предложения – *Вечером все улицы опустеют*.

При выражении полипропозитивного смысла, в котором обозначение второстепенной ситуации играет роль объекта – участника первичной ситуации, могут быть использованы модели: (а) сложноподчиненного предложения с придаточной изъяснительной частью – *Все говорили о том, что в школе появился новый учитель*; *Все говорили о том, как в школе появился новый учитель*; (б) бессоюзного сложного предложения – *Все говорили: в школе появился новый учитель*; (в) простого предложения – *Все говорили о появлении в школе нового учителя*.

Разумеется, каждая из фигурирующих в таком описании синтаксических моделей должна быть сопровождается информацией, во-первых, об ограничениях на возможности ее применения, а во-вторых, о выражаемых ею смысловых и стилистических оттенках [Федосюк 2006].

2. Ориентированное на продукцию описание референциального компонента содержания предложения складывается из двух компонентов.

2.1. Прежде всего, оно должно включать характеристику различных способов выражения **референтных типов** предложений. Упомянутых типов три: (а) темпорально локализованные конкретнореферентные предложения, т. е. предложения, несущие информацию о таких действиях или признаках конкретных предметов, которые проявляются в момент их непосредственного наблюдения, напр.: *Лена ест пирожное*; *Деничик был пьян по обыкновению* (А.С. Пушкин); (б) темпорально не локализованные конкретно референтные предложения, т. е. предложения, сообщающие о таких действиях или признаках конкретных предметов, которые сохраняются на протяжении длительного периода времени или постоянно, напр.: *Лена ест много пирожных*; *Деничик был пьяницей*; (в) общереферентные предложения, несущие информацию о долговременных или постоянных признаках открытых классов предметов, напр.: *Многие женщины любят пирожные*; *Среди деничиков часто встречаются пьяницы* [Федосюк 1994; 1998].

Заметим, что перечисленные референтные типы близки по своему содержанию к (а) репродуктивному, (б) информативному и (в) генеритивному коммуникативным регистрам речи в концепции Г. А. Золотовой, однако далеко не полностью совпадают с ними. Дело в том, что при выделении коммуникативных регистров Г. А. Золотова и ее последователи базируются не только на степени обобщенности референтного содержания предложения, но одновременно и на двух других основаниях: способе восприятия предикативного признака (сенсорном или ментальном) и коммуникативных интенциях говорящего [Золотова и др. 2004]. На наш взгляд, подобная многоаспектность оснований в целом ряде случаев снижает точность и – главное – однозначность описания.

2.2. Кроме того, в состав описания референциального аспекта содержания предложений должно входить описание различных способов выражения **актуального членения** предложений. При этом в число рассматриваемых способов должны быть включены не только (а) порядок слов и (б) интонация, как это делается традиционно, но и (в) выбор определенной конструкции предложения. Ср. следующие три разных способа выражения одного а того же актуального членения:

- (1а) [Строит этот дом]^T [компания «ДОН-строй»]^R –
 (1б) [Компания «ДОН-строй»]^R [строит этот дом]^T –
 (1в) [Строительство этого дома]^T [ведет компания «ДОН-строй»]^R;
 [Строится этот дом]^T [компанией «ДОН-строй»]^R;
 (2а) [Пел он]^T [тихо]^R – (2б) [Он]^T [тихо]^R [пел]^T – (2в) [Его пение]^T
 [было тихим]^R.

3. Наконец, описание прагматического (или модусного) аспекта содержания предложения должно состоять из обзора различных способов выражения следующих смыслов:

3.1. Целевая установка предложения. Ср., напр., разные способы выражения побуждения: *Вы не могли бы сесть?* – *Садитесь!* – *Сядьте!* – *Сесть!* – *Все сели!*

3.2. Подчеркивание смысловой значимости отдельных компонентов сообщения. Ср., напр., различные способы подчеркивания значимости определения: *Он надел рубашку, которая была красного цвета* – *Он надел рубашку (красного цвета)* – *Он надел рубашку. Красного цвета* – *Он надел рубашку. Она была красного цвета.*

3.3. Эмоциональная оценка референциального содержания сообщения, напр.: *Николай купил себе собаку!* – *К счастью, Николай купил себе собаку.* – *Ура! Николай купил себе собаку.* – *Ну мог ли Николай не купить себе собаки!*

3.4. Оценка степени достоверности сообщения. Ср., напр., различные способы выражения неуверенности отправителя в

достоверности передаваемой информации: *Николай, **кажется**, купил себе собаку – По словам соседей, Николай купил себе собаку – Говорят, что Николай купил себе собаку – Николай **вроде бы** купил себе собаку.*

3.5. Оценка степени известности сообщения для адресата, напр.: *Как известно, в России существуют две фонологические школы – Известно, что в России существуют две фонологические школы.*

3.6. Оценка характера смыслового отношения сообщения к предтексту. Ср., напр., способы указания на то, что передаваемые сообщения относятся к предтексту как добавочные замечания: *Впрочем, в жизни бывают и неожиданности – Заметим, что в жизни бывают и неожиданности – В то же время в жизни бывают и неожиданности.*

3.7. Оценка использованного способа оформления сообщения или его компонентов. Ср., напр., разные способы указания на неточность выбранной номинации: *Академик Павлов был, так сказать, предтечей бихевиоризма – Академик Павлов был, если можно так выразиться, предтечей бихевиоризма – Академик Павлов был как бы предтечей бихевиоризма.*

Ванников Ю.В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. – М., 1979.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 2004.

Кобозева И.М. Лексическая семантика. – М., 2000.

Копров В.Ю. Сопоставительный синтаксис русского и английского языков: Учебное пособие. – Воронеж, 2010.

Милославский И.Г. Культура речи и русская грамматика. – М., 2002.

Русская грамматика. Т. 1-2. – М., 1980.

Сквородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. – Томск, 1981.

Федосюк М.Ю. Типы высказываний по степени обобщенности содержания // Системный анализ значимых единиц языка: Смысловые типы предложений. Часть 2. – Красноярск, 1994.

Федосюк М. Пространственно-временная локализация как категория синтаксиса текста // Zagadnienia słowotwórstwa i składni w opisie współczesnych języków słowiańskich. T. 2. Prace naukowe Uniwersytetu Śląskiego. Nr 1702. – Katowice, 1998.

Федосюк М.Ю. Зачем нужны сложноподчиненные предложения // Русский язык в школе. – 2006. – № 6.

Федосюк М.Ю. Зачем нужны разные типы сказуемых // Русский язык в школе. – 2007. – № 6.

Федосюк М.Ю. Типы русского простого предложения в ономазиологическом аспекте // Вопросы культуры речи. Вып. 9. – М., 2007 [а].

Федосюк М.Ю. Зачем нужны вводные слова и предложения // Русский язык в школе. – 2008. – № 7.

Федосюк М.Ю. Об изоморфизме плана содержания слова и предложения // Модальность в языке и речи: Новые подходы к изучению. – Калининград, 2008 [а].

Федосюк М.Ю. Зачем нужны обособленные члены предложения // Русский язык в школе. – 2009. – № 4.

Ширяев Е.Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. – М., 1986.

Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. – Красноярск, 1988.

Щерба Л.В. Новая грамматика // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.

Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974 [а].

Г.Д. Фигуровская

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ФАЗИСНЫМИ ЗНАЧЕНИЯМИ В СИСТЕМЕ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Проблема классификации простых предложений сохраняет свою значимость, трудность и спорность, несмотря на множество попыток её решения, так как в русском языке имеется огромное количество частных значений простых предложений, которые выражаются таким же огромным количеством их структурных разновидностей (обзор классификаций простых предложений см. в монографии [Копров 2000]).

В данной статье речь пойдёт о предложениях с глаголами *начаться* / *начинаться*, *кончаться* / *кончиться*, а также с глаголами *продолжаться* / *продолжиться*.

В отличие от соответствующих переходных глаголов, они выступают самостоятельными предикатами, а не фазисными модификаторами других значений (в составном глагольном сказуемом), ср., однако, мнение Г.А. Золотовой о принадлежности их к фазисным модификациям безглагольных именных предложений; автор считает их квазидвусоставными [Золотова 1973: 214-216].

Такие предложения широко распространены в составе сложного предложения и в тексте и имеют большую значимость, так как сообщают о фазе бытия того явления, которое названо подлежащим:

Теперь, как заметила она, он больше, чем когда-либо прежде, проводил время возле коня, знал, скоро придется расстаться. Жаль

было хорошего коника, которого только год назад нажили, и теперь отдавать... Она понимала Петрока. Тем временем *началось утро*, засинел рассвет в окнах, в хате было светло от огня из печи, и она только хотела задуть контилку, как в окно постучали (В. Быков).

В существующих классификациях предложения с фазисным значением занимают разное место.

В традиционной классификации они не выделяются в отдельный тип, а входят в двусоставные предложения с простым глагольным сказуемым. Данная классификация в наименьшей степени учитывает лексическую семантику глагола-сказуемого, она отражает лишь типологическую характеристику русского языка как языка номинативного строя, при котором подлежащее при любом глаголе выражается Им. п.

В классификации Н.Д. Арутюновой эти предложения относятся к бытийным: «значение бытия включается в значение фазисного глагола» [Арутюнова, Ширяев 1983: 44].

А.М. Ломов предложения с фазисными глаголами относит к речевому варьированию предложений, к экзистенциальным квалификаторам. Предложения с фазисными возвратными глаголами отнесены к односоставным предметным предложениям, фиксирующим бытие / небытие предмета (в работе упомянуты глаголы: *остаться – оставаться, оказаться – оказываться, делаться – сделаться, стать – становиться* [Ломов 1994: 60, 205-211].

З.Д. Попова выделяет структурные схемы предложения, которые выражают важнейшие синтаксические концепты, в числе которых концепт «бытие объекта», и отмечает фазы бытия – фазы начала, продолжения и окончания [Попова 2009: 34]. Следовательно, предложения с фазисными возвратными глаголами принадлежат к синтаксическому концепту «бытие объекта».

В.Ю. Копров строит свою типологию простых предложений, опираясь на частеречный тип предиката и количество актантов в ситуации. Ценность данной типологии в том, что автор выявил категориальную семантику каждой структурной схемы предложений, которая опирается на частеречную семантику предиката, как семантику грамматическую, а не лексическую. В.Ю. Копров специально не рассматривает предложения с фазисными возвратными глаголами, но, очевидно, они должны быть отнесены к двуактантным вербальным предложениям. К двуактантным вербальным предложениям исследователь относит инвариантную семантическую структуру (ИСС) «субъект – локализация – локализатор» (*Отец в саду; Концерт состоится завтра*), среди которых выделяет предложения с имплицитными и эксплицитными локализаторами (*Привидения*

существуют → *Привидений не существует; Свободных столиков не было* (Д. Гранин) [Копров 2000: 129-131], которые не противопоставляются как предложения разных ситуативно-структурных типов.

Данная ИСС противопоставляется другой: «локализатор – локализация – субъект» (*На отмелях валялись ракушки* (Д. Гранин); *Зимой стоят морозы* (В. Кетлинская), вариантом которых являются предложения с неопределенным локализатором (*Был обеденный перерыв* (Ю. Герман)). Очевидно, предложения с фазисными возвратными глаголами сближаются с данными двумя ИСС, первая из которых – предложения локализации, а вторая – предложения, в которых «сема локализации несколько затеняется семой существования (бытийности) [Там же: 132-134], т.е., применительно к рассматриваемым нами предложениям, это будут структуры типа: *Зимой начинаются / начнутся морозы*» / «*Начался / кончился обеденный перерыв* и т. п.

Учёт обязательных распространителей предложения (актантов) в формировании структурно-семантического типа простого предложения, его **категориальной** семантики, несомненно, служит целям детальной его классификации, однако не всегда просто определить, насколько обязательным является актант (второстепенный член предложения). Не случайно эта проблема обсуждалась в ряде работ, см., например [Апресян 1965: 52-53], где представлена шкала силы управления глаголов.

Обязательность, как известно, определяется или обязательной валентностью предиката, наличием сильной связи между предикатом и зависимой формой, или логически: обязательным присутствием в семантической структуре предложения, в ситуации того или иного компонента, например, локализатора. В.Ю. Копров рассматривает локализатор как один из актантов [Копров 2000: 52]. В соответствии с этим положением предложения с фазисными глаголами, включающими в свой состав обстоятельства места или времени, являются двуактантными. Но в предложениях с глаголами *начаться / начинаться, кончаться / кончиться*, которые широко и свободно функционируют и без второстепенных членов предложения, нередко не только локализаторы, но и члены предложения, обозначающие событие, явление или лицо, послужившее началом или концом чего-либо: *начаться / начинаться* + с + Род. п. или Тв. п. и *кончаться / кончиться* + Тв. п.:

Начались уроки. В августе и ученики и учителя еще не втянулись в дело, – ученики еле готовили заданное, учителя приходили поздно. Однажды, в свободное время перед уроком, Саша поссорился с Колею Егоровым, задорным шалуном. ***Началось*** пустяками. Егоров

рассказывал нескольким простодушным мальчуганам, что в пруду на Опалихе нечисто, живет шишига, и парни ее видели, – страшная. Саша вслушался, засмеялся и спросил: – Шишига? (Ф. Сологуб); Через несколько секунд я стоял, как в сказке, среди крепко усыпленных телевизором, мерно дышащих, с широко открытыми глазами людей и, поставив телефонный аппарат на плечо одного из них, набирал номер. Послышалось несколько гудков, затем ее голос. С этого момента в моей новой – короткой – жизни **началась новая глава. Она началась с недоразумений**, повод к которым подал я сам (В. Дудинцев).

Указание именно на эту сочетаемость глаголов *начаться* / *начинаться* и *кончаться* / *кончиться* дано в работе [Прокопович 1981]. С точки зрения традиционной классификации, это дополнения. Их значение можно признать аспектизирующим, или ограничительным (ср.: *Книга интересна тем, что...*).

Так как предложения с возвратными фазисными глаголами свободно употребляются без данных дополнений, то они могут быть признаны необязательными, но с точки зрения информативной они, безусловно, существенно влияют на целостную семантику предложений. То же самое относится и к обстоятельствам образа действия *начаться* / *начинаться*, *кончаться* / *кончиться* **как?** Например: *Путешествие наше началось прекрасно. Светило теплое солнышко. Мы катили по шоссе мимо низких выбеленных домиков, крытых дранью, через поля и перелески. Вдали клубились пепельно-лиловые облака, почти не отличимые от гор* (Б. Хазанов).

Таким образом, эти члены предложения также можно признать семантически обязательными. О факультативности можно говорить лишь в смысле **необязательности реализации (обязательной) связи в конкретном тексте** (выделено нами. – Г. Ф.). Так, абсолютное употребление глаголов в предложении *Мальчик сидит и читает* вовсе не означает отсутствия элементов «на чем сидит», «что читает» в самой ситуации, а следовательно, и в семантическом представлении этой ситуации: данные семантические «роли» у этих глаголов всегда обязательны, даже если и не заполнены в тексте [Гуревич 1992: 80].

Вопрос о периферийности (факультативности) позиции затрагивался в работе [Алисова 1970: 94-95]: «к обязательному признаку «семантической» периферийных позиций добавляется их способность быть замещенными развернутыми предложениями» («семантические» периферийные позиции автор определяет как непосредственно и однозначно связанные с семантической функцией (именем которой и называются эти позиции: «обстоятельство цели, причины, места, времени»).

Но синтаксемы *с + Род. п. или Тв. п.* в этих предложениях допускают развёртывание в предикативную единицу (т.е. допускают наличие сентенциальных актантов), не будучи, однако, «семантическими»:

*Как бы то ни было, полтора-два года, по-видимому, всё обстояло благополучно: Катя любила, верила в свое дело и была счастлива; но потом в письмах я стал замечать явные признаки упадка. **Началось с того, что** Катя пожаловалась мне на своих товарищей – это первый и самый зловещий симптом; если молодой ученый или литератор начинает свою деятельность с того, что горько жалуется на ученых или литераторов, то это значит, что он уже утомился и не годен для дела (А. Чехов). Ср.: *Началось с жалобы...* .*

Таким образом, беглый обзор точек зрения на классификацию простых предложений показывает, что предложения с возвратными фазисными глаголами так или иначе связывают с бытийными предложениями. Второстепенные члены предложения, которые могут входить в структуру данных предложений, как правило оказываются актуализованными, когда предложение с фазисными значениями не просто констатирует данную фазу бытия, а подчёркивает то, что послужило началом / концом, или результат данной фазы (позиция «как?»), или место / время существования данной фазы, или её причину. С точки зрения обязательности замещения позиций при данных предикатах, эти позиции не обязательны, но с точки зрения информативной они важны.

Как нам представляется, обязательный второстепенный член предложения лишь тогда участвует в формировании категориальной семантики, когда его наличие / отсутствие изменяет её. В данных предложениях при наличии любых распространителей сохраняется основное категориальное значение – фазисности (бытия). Остальное относится к актуализации элементов ситуации начала / конца / продолжения бытия.

На наш взгляд, предложения с фазисными глаголами целесообразно относить к бытийным предложениям, но как к отдельным семантическим разновидностям предложений этого класса, а не как к модификациям и пр., см. аналогичное мнение В.Ю. Копрова [Копров 2000: 26-27].

Предложения с перечисленными выше второстепенными членами предложения, на наш взгляд, – коммуникативно значимые разновидности фазисных предложений, предложения с **актуализированными** второстепенными членами.

Другая проблема классификации простых предложений – это учёт в классификации синонимичных типов предложений. Классификации

лингвистических объектов нередко начинаются с формы (ср.: [Ломов 1994: 21]). Но следующим этапом классификации может быть перераспределение границ типов на семантической основе, что характерно, в частности, для полевого подхода.

При перераспределении рассматриваемых типов предложений на основе семантики оказывается, что они соотносятся с предложениями, содержащими в качестве главных членов предложения существительные *начало*, *конец*, *продолжение*. Они нередко оказываются синонимичными:

*Теперь же, поступив на службу со всеми ее многочисленными выгодами, мне казалось, я совершенно откажусь от свободы, и тут будет **конец** моим лесным скитаниям* (М. Пришвин); *Тут Софья увидела, что ее власти скоро будет **конец*** (Н. Костомаров). Ср.: *Теперь же, поступив на службу со всеми ее многочисленными выгодами, мне казалось, я совершенно откажусь от свободы, и тут **кончатся** мои лесные **скитания**; Тут Софья увидела, что ее **власть** скоро **кончится***.

Исходная конструкция принадлежит к двуактантным вербальным предложениям локализации с ИСС «локализатор – локализация – субъект» с глаголом *быть* [Копров 2000: 132]. Но в таких предложениях информативно значимым является и член предложения, выраженный Дат. (Род.) п., так как он называет то явление, событие, которое кончилось. Преобразование в глагольное предложение это ясно показывает. Ср. употребление данных существительных в предложениях тождества (однуактантных в концепции В.Ю. Копрова):

*Рождество – **это конец** года. **Это** семейный обед, подарки детям, поздравительные карточки* (В. Песков, Б. Стрельников); *Она давно решила: Солт-Лейк-Сити **будет концом** ее ледового **пути*** (А. Глебова) *То, последнее лето, не отпускало его. Тогда оно **казалось** ему уверткой, прекрасным **началом**. И он никак не мог поверить, что на самом деле **оно было концом***. (П. Мейлахс).

Ср. конструкции, в которых позиция подлежащего замещена предложением или несколькими предложениями, фрагментом текста:

*Но свет внезапно вспыхнул. Мигающий, тусклый, вполнакала. Польшов ошеломленно следил за биением неоновых огоньков включенной аппаратуры. Он понял, что **это конец**. С таким напряжением в питающей сети радиogramму послать невозможно. По двери грохнул удар. – Сдавайтесь!!!* (Д. Биленкин); *Два часа отряды мятельников, столпившись на Арсенальной набережной, наблюдали из безопасного далека за ходом сражения; наконец малоповоротливое и слабобронированное времен Цусимы чудовище получило четыре попадания кряду, загорелось и врезалось в быки Дворцового моста. В*

сущности, это был конец мятежу, но еще долгих десять часов свистели пули и лилась кровь (А. Лазарчук, М. Успенский).

По форме это предложения номинативные с инвариантной семантической структурой «субъект и его опредмеченный признак», в соответствии с классификацией В.Ю. Копрова, или предложения квалификации (характеризации): то, о чём говорится в предтексте, они квалифицируют как начало / конец. И в этих предложениях позиция Род. / Дат. п. является семантически значимой: при отсутствии этих форм предложение констатирует конец текущей ситуации, нередко данное слово употребляется в таких предложениях в значении «смерть», «гибель». При наличии данных форм они указывают на то явление или событие, которое кончилось или началось, ср.: *В сущности, мятеж кончился.*

В глагольные предложения преобразуются и предложения с фазисными существительными в функции подлежащего:

Цель Соглашения – дальнейшее развитие взаимовыгодного сотрудничества одного из крупнейших предприятий в области жилищного и офисного строительства в регионе и ведущего банка Западного Урала. Начало сотрудничества между компанией и Банком было положено в 1995 году (из газет). Ср.: *Сотрудничество между компанией и Банком началось в 1995 году.*

С точки зрения представления синтаксической системы в конструктивно-синтаксических полях (см. [Фигуровская 1996]), рассмотренные типы предложений являются «выходящими» из поля предложений локализации, или характеризации и т.п. и одновременно «входящими» типами в поле фазисности. При таком подходе сохраняется основное, первичное уровневое членение синтаксических единиц, их классификация на основе самой абстрактной семантики, опирающейся на способ выражения сказуемого с его категориальной частеречной семантикой, а при дальнейшей интерпретации семантики предложения учитывается частная лексическая семантика сказуемого.

Семантические разновидности предложений на данном уровне рассмотрения в большей степени опираются на лексическое значение слов, но эта опора ограничена: к самостоятельным семантическим подтипам или разновидностям **предложений**, по нашему мнению, могут быть отнесены только такие, где предикат обладает абстрактным лексическим значением – таким, которое аналогично имеющемуся в языке грамматическому значению. Т.е., если, применительно к данным предложениям, можно говорить о фазисных предложениях с существительными *конец, начало*, так как фазисное значение в русском языке является грамматическим, но нельзя говорить, скажем, о

предложениях со значением «эмоциональным», или со значением «радости, горя» и т. п.

Синонимия данных типов предложений в рамках поля фазисности может быть предметом самостоятельного исследования. Эти примеры нам важны для того, чтобы показать возможности взаимного увязывания друг с другом уровневого и полевого подходов к систематизации синтаксических единиц.

Алисова Т.Б. Опыт семантико-грамматической классификации простых предложений // Вопросы языкознания. – 1970. – № 2. – С. 91-98.

Апресян Ю.Д. Опыт описания значений глаголов по их синтаксическим признакам (типам управления) // Вопросы языкознания. – 1965. – № 5. – С. 51-66.

Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). – М.: Русский язык, 1983. – 198 с.

Гуревич В.В. Существует ли факультативная валентность? // НДВШ. Филол. науки. – 1992. – № 1. – С. 77-81.

Копров В.Ю. Сопоставительная типология предложения. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2000. – 192 с.

Ломов А.М. Типология русского предложения. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. – 280 с.

Прокопович Н.Н., Дерибас Л.А., Прокопович Е.Н. Именное и глагольное управление в современном русском языке: учебное пособие. – Изд. 2-е, испр.: – М.: Русский язык, 1981. – 189 с.

Фигуровская Г.Д. Системные связи сложных предложений в современном русском языке (на материале модусно-пропозициональных предложений): монография. – М.: Прометей, 1996. – 204 с.

Е.А. Филатова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ: СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Традиционно выделяемые сложные предложения с изъяснительными отношениями в классификации В.А. Белошапковой отнесены к одному из двух типов сложноподчиненных предложений с присловной придаточной частью. Специфика таких предложений состоит в том, что их главным конститутивным элементом является «опорное слово», семантическая природа которого и определяет структуру придаточного предложения. «В предложениях нерасчлененного типа всегда, наряду со связующим средством и даже в большей степени, чем само связующее

средство, формальную и смысловую организацию сложноподчиненного предложения определяют другие элементы структуры: *соотносительные* или *опорные слова* в составе главной части, предполагающие определенное распространение их придаточной частью либо соотнесенность с нею, так что самый факт наличия и характер строения придаточной части диктуется составом главной части» [Современный русский язык 1997: 848].

Специфика работы с такими языковыми единицами в иностранной аудитории определяется прежде всего их семантико-синтаксическими особенностями, описанию которых и посвящена данная статья.

В силу ограниченности объема статьи в ней рассматриваются только такие предложения, которые используются для осуществления речевых актов утверждения (мы принимаем таксономию речевых актов, предложенную Е.В. Падучевой [Падучева 1985]). В позиции опорного слова в них оказывается предикат или предикативная единица главного предложения, например: *Нам сообщили / В деканате сказали / Нас известили / Нас предупредили / Позвонили из оргкомитета / Передали / Стало известно / Получено сообщение / Получена информация / Пришло сообщение, что пленарное заседание переносится на среду.*

Из приведенных примеров видно, что независимо от грамматического статуса и частеречной принадлежности у опорных слов, имеющих общее лексическое значение, наблюдается одинаковое синтаксическое «поведение»: они присоединяют придаточные предложения одной структуры. Причем при варьировании лексического состава главной части сложного предложения сохраняется общее семантическое значение выделенных опорных слов – ‘передача информации’ (не случайно большая часть опорных слов в приведенных примерах – это глаголы речи).

Итак, рассматриваемые сложноподчиненные предложения с изъяснительными придаточными служат для формирования значительной части корпуса речевых актов класса «утверждение». Причем в отношении именно этого класса речевых актов следует говорить о двух типах речевой деятельности: первичной и вторичной.

Под первичной речевой деятельностью понимаем осуществление речевым субъектом (говорящим или пишущим) собственной речевой деятельности: говорящий может что-то утверждать, описывать, выражать мнение, оценивать и т.д., например: *Полагаю, что спорить бесполезно; Уверен, что вы примете правильное решение; Я слышу, как по коридору стучат ее каблучки; Важно, что ты это понимаешь; Хорошо, что в этом году была снежная зима; Необходимо, чтобы аудиторию перед занятиями проветривали.*

Под вторичной речевой деятельностью понимаем описание говорящим или пишущим речевого поведения другого лица при одновременной передаче информативного, содержательного аспекта этого поведения, например: *Отмечается, что за последние пять лет товарооборот между нашими странами значительно увеличился; Преподаватель попросил, чтобы староста сходил за ведомостью; Нам позвонили, чтобы мы организовали встречу делегации в аэропорту.* В русской грамматической традиции продукцию вторичной речевой деятельности принято называть «косвенной речью».

Далее будет рассмотрен состав корпуса предложений, выражающих изъяснительные отношения, которые используются в речевых актах утверждения при осуществлении первичной речевой деятельности, поскольку вопросу использования таких предложений при осуществлении вторичной речевой деятельности была посвящена отдельная работа [Филатова 2008: 22-26].

Прежде всего внимание иностранных учащихся следует обратить на лексические группы предиката в главной части, а также на союзные средства, которые используются для присоединения придаточных предложений. Очевидно, что рассматриваемые предложения сопряжены с самым широким спектром лексико-семантических групп, к которым относятся предикаты – опорные слова. Назовем некоторые из них, наиболее частотные: предикаты речи, мысли, ментального состояния (или процесса), чувства, физического восприятия, эмоционального состояния, бытия, оценки, мнения, модальные предикаты и др. В качестве союзных средств в таких предложениях, как известно, используются 1) союз *что*; 2) союзные слова *что, кто, где, сколько, почему, как, насколько* и др.; 3) союз *чтобы*.

На основании различия в средствах связи выделяем три группы предложений, каждая из которых имеет свою специфику.

1. Средство связи – союз **что**: *Понимаю, что им сейчас особенно трудно; Я подумал, что вы на что-то обиделись; Очень рад, что вы согласились с нами сотрудничать; Случается, что ссорятся и закадычные друзья.* Специфика подобных предложений состоит в следующем. Несмотря на лексическое разнообразие предикатов и различие их грамматической формы все они присоединяют к себе придаточные предложения, которые, по замыслу речевого субъекта, приобретают характер асертивного высказывания. Иначе говоря, придаточные предложения в таких случаях описывают ситуации, которые имеют место или в достоверности которых говорящий не сомневается. Именно утвердительный характер придаточного предложения определяет выбор «асертивного» средства связи – союза *что*. При этом актантный состав структуры придаточного предложения

для говорящего оказывается несущественным и ситуация воспринимается им «в целом», без дифференциации. Такая, условно говоря, актантная недифференцированность придаточного предложения сопровождается нередко следующей особенностью актуального членения: главная часть предложения составляет рему, а придаточная – относится к теме: *Понимаю, / что им сейчас особенно трудно.*

2. Средство связи – **союзные слова**: *Я вспомнил, где я видел этого человека; Он забыл, куда положил ключи; Она никак не могла понять, зачем он это сделал; Важно, кто станет его преемником.* Для предложений данной группы значимым является именно актантный состав придаточных предложений, что проявляется в использовании таких средств связи, которые прямо указывают на тот или иной актант или сирконстант придаточного предложения. Причем средство связи, обозначающее актантную позицию, всегда попадает в фокус.

3. Средство связи – союз **чтобы**: *Лучше, чтобы они вообще об этом ничего не знали; Важно, чтобы им не мешали; Необходимо, чтобы перед занятиями аудиторию проветривали.* Своеобразие предложений данной группы состоит в том, что в позиции опорных слов находятся предикаты одной лексико-семантической группы – предикаты со значением желательности, вследствие чего во всех случаях используется только одно средство связи – союз *чтобы*. При этом ни морфологический статус предикатов (индикативные, компаративные, наречные и другие формы) в главной части сложного предложения, ни актантный состав придаточного не являются для данных предложений релевантными.

Обратим внимание также на существующую омонимию некоторых предикативных форм в позиции опорного слова, что проявляется в дифференциации союзных средств. Ср.: *Главное* ('желательность'), *чтобы он поступил в университет.* – *Главное* ('оценка'), *что он поступил в университет.* *Важно* ('желательность'), *чтобы они это понимали.* – *Важно* ('оценка'), *что они это понимают.*

Завершая обзор сложноподчиненных предложений с изъяснительными отношениями, необходимо сказать несколько слов о механизме порождения соотносительных с ними простых предложений, поскольку это сложный для иностранных учащихся вопрос – вопрос о возможностях синтаксической трансформации. На наш взгляд, трансформационные возможности сложных предложений определяются морфолого-синтаксическим статусом предиката – опорного слова.

В рассматриваемых нами предложениях обнаруживается два типа предиката, в зависимости от которых возможны два варианта трансформации: с экспликацией правого распространителя предиката

или с экспликацией левого распространителя предиката. Первый тип предиката представлен объектным глаголом, имеющим правые актанты, выявляемые на основе предсказывающей связи, или предикативным именем с правыми актантами, второй тип включает безобъектный глагол или предикативное имя с левым актантом. Приведем примеры трансформации сложных предложений с предикатом первого типа по трем выделенным группам. Предсказывающий характер связи предиката определяет в простом предложении «классическую» последовательность актантов: $(S_1) - P - O_{2/3/4/5/6}$: (1) *Они уже знают, что в понедельник экзамен → Они уже знают об этом – Они уже знают об экзамене; Он уверен, что прогноз оправдается → Он уверен в этом – Он уверен в правильности прогноза.* (2) *Она почувствовала, как задуло из приоткрытой двери → Она почувствовала это; Важно понять, с кем вести переговоры → Важно понять это.* (3) *Правительство заинтересовано в том, чтобы развивать ипотечное кредитование → Правительство заинтересовано в этом – Правительство заинтересовано в развитии ипотечного кредитования.*

Приведем примеры трансформаций сложных предложений с предикатом второго типа по трем группам. Актантная экспликация в простом предложении как результат трансформации исходного сложного с предикатом второго типа также сопровождается «классическим» порядком слов: $S_1 - P$:

(1) *Здорово, что им все-таки удалось съездить в горы → Это здорово; Неважно, что потом → Это неважно; Главное, что мы все вместе → Это главное.* (2) *Важно, кто станет его преемником → Это важно; Главное, где взять деньги → Это главное.* (3) *Важно, чтобы все были довольны → Это важно; Главное, чтобы костюмчик сидел → Это главное.*

Что касается жанрово-стилистических особенностей, проявляющихся в преимущественном использовании сложных или простых предложений, то относительно предложений, участвующих в реализации речевых актов «утверждение», ничего определенного сказать нельзя. На наш взгляд, выбор синтаксической единицы здесь связан не с жанровыми требованиями (как в случае с предложениями, которые используются при реализации речевых актов «обязательство» [Филатова 2009: 81-90]), а с механизмами построения самого текста, и в частности, с актуальным членением. См. примеры: *Так они помирились? / Я очень рад этому. Быть или не быть. / Вот в чем вопрос. Сохранить культуру малых народов. / В этом состоит наша задача.*

Итак, сделаем некоторые выводы и обобщения. При формально-синтаксическом единстве структуры сложных предложений,

использующихся при осуществлении речевых актов утверждения, каждая из трех групп, выделенных на основе связующего средства, обладает своей спецификой. Трансформационные возможности сложных предложений с изъяснительными придаточными обусловлены морфолого-синтаксическим характером предиката в позиции опорного слова и реализуются в двух вариантах.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. (Референциальные аспекты семантики местоимений). – М.: Наука, 1985.

Современный русский язык. Учебник для филол. спец. высших учебных заведений. Под ред. В.А. Белошапковой. – 3-е изд. – М.: Азбуковник, 1997.

Филатова Е.А. Особенности экспликации прагматической информации при трансформации прямой речи в косвенную // Язык, литература, культура. Актуальные проблемы изучения и преподавания. Вып. 4. – М.: МАКС Пресс, 2008. – С. 22-26.

Филатова Е.А. Изъяснительные конструкции в речевых актах обязательства и утверждения // Язык, литература, культура. Актуальные проблемы изучения и преподавания. Вып. 5. – М.: МАКС Пресс, 2009. – С. 81-90.

С.А. Хавронина

Российский университет дружбы народов, Москва

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ПОРЯДКА СЛОВ И ИНТОНАЦИИ В ПРОСТОМ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Владение иноязычной речью предполагает свободное оперирование языковыми единицами всех уровней. При порождении высказывания говорящему (пишущему) приходится не только отбирать слова, грамматически оформлять и связывать их между собой, но и в соответствии с замыслом располагать отобранные и оформленные языковые единицы в определенной линейной последовательности. Полнота и правильность порождаемых высказываний, их адекватность замыслу обеспечиваются как точностью словоупотребления и структурно-грамматического оформления, так и соответствующим расположением слов.

Особенно актуальной становится проблема порядка слов в связи с обучением иностранных учащихся письменной речи, в которой, в отличие от устно-разговорной, строго соблюдаются определенные нормы словорасположения.

Изучая предложение как соотносительную единицу языка и речи, исследователи отмечают в нем наличие целенаправленности, или

целевой установки. Сущность предложения, его назначение и функция состоят в сообщении чего-то о чем-то, и в соответствии с этим в каждом предложении имеется указание на **предмет речи** и на то, **что об этом предмете говорится**, а также устанавливается соотношение между ними. В предложении выделяется часть, называющая исходный пункт сообщения, – **тема**, и часть, содержащая собственно сообщение о теме, – **рема**. Членение на тему и рему получило название актуального членения предложения.

Именно актуальное членение, соотношение темы и ремы и их последовательность являются главным фактором, определяющим порядок слов в русском предложении. Нормой для русского языка – **препозиция темы и постпозиция ремы**. «Правильное логическое построение стилистически нейтральной литературной речи требует, чтобы тема как исходный пункт высказывания, часто известный слушателю или читателю, находилась **в начале** предложения, а рема, сообщающая нечто о теме и содержащая обычно новое, неизвестное читателю, – **в конце** предложения, после темы. Нарушение этого правила в русском литературном языке ведет к нарушению логической последовательности изложения (или к появлению экспрессивной окраски)» [Ковтунова 1976]. Эта последовательность обеспечивает движение речи от исходного к сообщаемому, а не наоборот. Такой порядок слов чешский лингвист В. Матезиус назвал объективным.

Современная лингвистика отводит актуальному членению совершенно определенное место в системе содержательных средств языка, предназначенных для построения осмысленных **высказываний** как единиц особого **коммуникативно-синтаксического** уровня в отличие от **предложения** – единицы **конструктивно-синтаксического** уровня языка.

Высказывание – такое минимальное речевое произведение, которое, совпадая по форме с грамматическим предложением, представляет собой единицу, включенную в контекст или в речевую ситуацию. В.А. Белошапкова рассматривала высказывание как коммуникативную единицу, обладающую **интонационной характеристикой** и **словопорядком** и связанную с **конситуацией речи** [Белошапкова 1977].

В отличие от предложения как потенциальной единицы, высказывание многими лингвистами признается единицей реального речепорождения и речевосприятия. Вместе с тем такие исследователи, как И.И. Ковтунова, И.П. Распопов, О.А. Крылова, неоднократно подчеркивали мысль о том, что высказывание является единицей языковой системы, а не только ее речевой реализацией.

Введение понятия «высказывание» помогает лучше осмыслить коммуникативный аспект анализа предложения. Для практики

преподавания русского языка нерусским, в частности, для описания порядка слов в учебных целях, разграничение таких единиц, как предложение и высказывание, представляется существенным, поскольку способствует осознанию самого факта вариативности словопорядка, возможности существования словопорядковых, а также интонационных вариантов в пределах одной конструктивно-синтаксической единицы – предложения, например, таких как:

*Первая линия метрополитена была открыта в Москве в 1935 году;
В Москве первая линия метрополитена была открыта в 1935 году; В
1935 году в Москве была открыта первая линия метрополитена.*

Данные предложения-высказывания, имея тождественный лексический состав и одинаковое морфолого-синтаксическое оформление, различаются целевыми установками, они отвечают на разные вопросы: *Где и когда была открыта первая линия метрополитена? Когда в Москве была открыта первая линия метрополитена? Что было открыто в Москве в 1935 году?*

Актуальное членение – явление универсальное, и языки располагают наборами различных средств его выражения. Таковыми являются интонация, порядок слов, лексические показатели, частицы, артикли, повтор и некоторые другие. В русском языке основным средством выражения актуального членения в книжно-письменных стилях речи служит порядок слов, в устно-разговорной речи – порядок слов и интонация [Ковтунова 1976; Крылова, Хавронина 1986; Распопов 1970] (сопоставление актуализирующего аспекта высказывания в русском и английском языках см., например, в работе [Копров 2010: 102-107]).

Компоненты актуального членения – тема и рема – имеют свои интонационные показатели. Они не одинаковы для книжно-письменной и устно-разговорной речи. Вначале рассмотрим соотношение порядка слов и интонации в книжно-письменной, экспрессивно не окрашенной речи.

Тема, называющая предмет сообщения и располагающаяся в начале предложения, отмечается некоторым **повышением тона**: *Первый период футбольного матча // закончился вничью.* (Знаком // отмечается граница между темой и ремой, знаком / – граница между синтагмами.)

Повышение тона служит сигналом незавершенности, незаконченности высказывания и таким образом способствует созданию напряженности, ожидания того, что будет сказано о предмете речи. «Основное в этой интонации – отсутствие фразового ударения на номинативе (на теме – С.Х.), что выражает как бы подтверждение того, что было уже ранее известно, и в то же время – незавершенность, незаконченность мысли, ожидание ее завершения» [Бельский 1959].

Если тема выражена несколькими развернутыми членами предложения, каждый из которых представляет отдельную синтагму, повышение тона наблюдается в конце каждой синтагмы, например: *Задуманный Толстым / исторический роман о декабристах // не был написан; Ещё несколько лет назад / имя этого писателя // было известно немногим.*

Одновременно с повышением тона граница между темой и ремой, как правило, отмечается паузой. Однако пауза как остановка, как перерыв в звучании может и отсутствовать. Впечатление паузы создается сменой тона.

В односинтагменных высказываниях интонационное выделение темы может и не наблюдаться, например: *Экзамены // сданы. Гости // разъехались. Фильм // имел огромный успех.*

Рема, являющаяся смысловым центром высказывания, имеет свои ритмико-интонационные характеристики. Она выделяется значительным понижением тона и фразовым ударением, приходящимся на последний ударный слог в предложении: *Наши гастроли в Крыму // закончились; Рукопись «Слово о полку Игореве» была обнаружена // в Ярославле.*

Заметим, что синтагматическое членение не всегда совпадает с актуальным членением, например: *Из Севастополя / семья Толстых / переехала // в Ялту.* Данное предложение, отвечая на вопрос «Куда семья переехала из Севастополя?», членится на тему *Из Севастополя семья Толстых переехала* и на рему *в Ялту*, и на три синтагмы: *Из Севастополя / семья Толстых / переехала в Ялту.* Это значит, что при выяснении актуального членения нельзя руководствоваться синтагматическим членением, а легко устанавливаемую границу между синтагмами нельзя принимать за границу между темой и ремой.

Описанная интонационная структура фразы – в системе Е.А. Брызгуновой **ИК-4 (тема) // ИК-1 (рема)**, в которой реализуется коммуникативная структура стилистически нейтрального высказывания, отражает естественный ход целенаправленного течения мысли [Брызгунова 1978]. Эта интонация имеет автоматизированный характер, так как соответствует ритму стилистически нейтральной литературной речи. Именно таким интонационным оформлением сопровождается и восприятие письменного текста, в котором интонация присутствует имплицитно. Интонационный центр фразы, концентрируясь на конечной части высказывания, автоматически выделяет рему как главную и существенную часть высказывания.

Такое интонационное оформление темы и ремы означает то, что говорящий и слушающий (пишущий и читающий) «имеют одинаковое представление о предметах», обозначаемых в теме, причем «движение

мысли того и другого отправляется от этих предметов» [Бельский 1959]. Оно обязывает пишущего интонировать фразу определенным образом, а читающего – адекватно воспроизводить интонацию из воспринимаемого текста. В случае если пишущий помещает слова, являющиеся в соответствии с его замыслом ремой, в неконечную, т.е. нерематическую позицию, читающий «с ходу» не воспринимает эти слова как рему, как логический центр высказывания. Подчиняясь автоматическому ритму интонационного оформления письменной речи, он выделяет, рематизирует последнее слово в предложении, например: **У одних писателей портрет дается более подробно, у других – речевая характеристика* (пример Б.С. Мучника [Мучник 1967]). (Знаком * отмечено неправильное предложение.) Первоначально читающий членит предложение-высказывание согласно автоматизированному ходу интонационного членения и выделяет рему *более подробно*. Последующий контекст обнаруживает смысловой сдвиг и заставляет читающего снова вернуться к началу предложения и «озвучить» его соответственно замыслу автора – сообщить, **что** дается более подробно, выделив рему *портрет* усиленным ударением. Затруднений при чтении не возникло бы, и предложение при первом же чтении было бы понято однозначно, если бы пишущий поместил слово *портрет* в конечную позицию: *У одних писателей более подробно дается // портрет, у других – // речевая характеристика*.

Описанное взаимодействие порядка слов и интонации свойственно книжно-письменной, экспрессивно не окрашенной речи, где повествование, описание, рассуждение, лишённые эмоциональной нагрузки или особой экспрессии, оформляются обычным, т.е. объективным порядком слов. Такое высказывание характеризуется стилистической и интонационной нейтральностью.

Однако в речи функционируют и такие высказывания, которым свойственно наличие эмоциональной оценки или повышенной экспрессии. Они передают не только фактическую информацию, но и различные эмоциональные оттенки – радости, восторга, удивления, досады, неудовольствия, согласия, несогласия, упрека и т.п.; в них «повышается значение начала предложения, где располагаются самые важные слова» [Матезиус 1967]. «Самые важные слова» – это рема, она может быть вынесена в начало или ближе к началу предложения и помещена перед темой, что придает реме особую значимость. Такой порядок слов вслед за В. Матезиусом принято называть субъективным.

Как уже указывалось, рема всегда выделяется интонационно. Перемещаясь ближе к началу предложения, она как бы «захватывает» с собой и интонационные средства ее выделения. При этом

автоматический ритм прозы, свойственный стилистически нейтральной речи, нарушается: акценты в предложении располагаются в противоположной последовательности, т.е. наиболее сильный акцент оказывается в начале или в середине предложения, а не в конце. Рема выделяется теперь не понижением тона, а **усиленным** или **эмфатическим, ударением** (в системе Е.А. Брызгуновой – это ИК-2), а тема произносится **пониженным тоном и почти без ударения**, как бы «скрадывается» в произношении. Сравним:

1. *Внутренний мир человека сложен и* *Сложен внутренний мир человека.*

2. *Жизнь на Луне невозможна и* *Невозмо́жна жизнь на Луне.*

3. *Молодое поколение отказывается от традиционной морали и* *Отка́зывается молодое поколение от традиционной морали.*

4. *К началу XX века зубры остались только в лесах Белоруссии и* *Только в лесах Белору́ссии остались зубры к началу XX века.*

Как видим, в экспрессивно окрашенных высказываниях соотношение порядка слов и интонации носит иной характер. Основным средством выражения актуального членения и выделения ремы в таких высказываниях служит не порядок слов, а **интонация**, точнее, **усиленное ударение**. Такое ударение однозначно квалифицирует рематическую часть высказывания, его смысловую и интонационный центр; на какое бы слово ни падало усиленное ударение и в каком бы месте фразы оно ни находилось, оно всегда выделяет рему. Именно этим объясняется подвижность словопорядка, т.е. возможность «свободного» перемещения слов в предложении в устно-разговорной речи. Так, на вопрос *Когда вы были в цирке?* наряду с нейтральным вариантом *Мы были в цирке // вчера*, можно дать ряд экспрессивно окрашенных ответов, а именно: ***Вчера*** *мы были в цирке.* *Мы **вчера** были в цирке.* *Мы были **вчера** в цирке.*

Следует сказать, что такое интонационное оформление высказывания само есть производное от порядка слов: эмфатическое ударение выделяет рему, оказавшуюся в необычной для нее, неконечной позиции.

В процессе работы над интонационными конструкциями русского языка, при обучении ИК-2, ИК-3, наблюдая перемещение так называемого предиката вопроса ***Вы были в театре?*** ***Вы **были** в театре?*** И интонационного центра ответа, т.е. ремы ***Мы были в театре.*** ***Мы **были** в театре,*** следует показать, что, во-первых, при перемещении логического ударения с одного слова на другое резко изменяется смысл предложения и, во-вторых, такое перемещение связано с особым выделением или подчеркиванием и уместно только в экспрессивно окрашенной речи.

Объективный (прямой, обычный) порядок слов и «нейтральная» интонация обслуживают все стили; для книжно-письменных стилей – научного и официально-делового, – их нормы имеют обязательную силу. Субъективный (*обратный, инверсивный*) порядок слов в единстве с эмфатической интонацией уместны в газетно-публицистических текстах, в устно-разговорном общении, в текстах художественной литературы.

Для практики обучения иностранцев русскому порядку слов четкое разграничение и противопоставление экспрессивно окрашенной и стилистически нейтральной речи чрезвычайно существенны. Только зная их особенности, преподаватель оказывается в состоянии объяснить закономерности словопорядкового и интонационного оформления речи.

В иностранной аудитории работу над словопорядком целесообразно начинать с объективного порядка слов, что согласуется с общими задачами обучения русскому языку: иностранные учащиеся должны овладеть прежде всего языковыми средствами, функционирующими в книжно-письменных стилях, обслуживающих те сферы общения, участие в которых им необходимо в первую очередь. На фоне экспрессивно не окрашенной речи и в сравнении с ней следует познакомить учащихся с инверсивным порядком слов и особенностями его интонационного оформления.

Белошапкова В.А. О принципах описания русской синтаксической системы в целях преподавания русского языка как неродного // Русский язык за рубежом. – 1981. – № 5.

Бельский А.В. Интонация как средство детерминирования и предиктирования в русском литературном языке // Исследования по синтаксису русского литературного языка. – М., 1956.

Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. – М., 1978.

Ковтунова И.И. Порядок слов и актуальное членение предложения. – М., 1976.

Копров В.Ю. Сопоставительный синтаксис русского и английского языков: Учебное пособие. – Воронеж, 2010.

Крылова О.А., Хавронина С.А. Порядок слов в русском языке. – М., 1986.

Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. – М., 1967.

Мучник Б.С. О предложениях с ошибочной смысловой связью // Русский язык в школе. – 1967. – № 3.

Распопов И.П. Строение простого предложения в русском языке. – М., 1970.

НАБЛЮДЕНИЯ НАД УПОТРЕБЛЕНИЕМ РУССКИХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Уже давно не вызывает сомнения положение о необходимости использования языковых параллелей при обучении иностранцев русскому языку. На всех этапах изучения РКИ иностранный студент обращается к сравнению того или иного языкового явления со способами его выражения в родном языке, выявляя черты сходства и различия.

Аспекты сопоставительной грамматики в той или иной мере рассматривались во многих работах по изучению и преподаванию РКИ.

Наиболее полное и последовательное решение эта проблема нашла в работах В.Ю. Копрова, автора концепции сопоставительного описания разноструктурных языков, в основу которого положена модель семантико-функционального синтаксиса [Копров 1999; 2000; Копров 2010а]. «Специфика семантико-функционального синтаксиса конкретного языка может быть выявлена только при его системном сопоставлении с другими языками. В процессе овладения иностранным языком учащийся (сознательно или неосознанно) обращается к системе родного языка, к тем языковым категориям, посредством которых в его сознании отражается объективная действительность. Обычно внимание преподавателя концентрируется на отрицательных моментах интерференции родного и изучаемого языков. Однако при системном учете в учебном процессе результатов сопоставительного анализа родного и изучаемого языков родной язык из конкурента иностранного языка становится опорой для его усвоения» [Копров 2010б: 256].

В основу модели семантико-функционального синтаксиса В.Ю. Копрова положен метод многоаспектного анализа. Среди выделяемых автором аспектов особое внимание обратим на номинативный [Копров 1999: 24–25]. Именно с номинативным аспектом у В.Ю. Копрова связано выявление структурно-семантических типов предложений с опорой на систему частей речи. Этот аспект важен для наших наблюдений над употреблением числительных иностранными учащимися.

Количественные слова – один из наиболее трудных для иностранцев фрагментов русской языковой системы. Однако тема «Числительное» представлена далеко не во всех учебниках и учебных пособиях по РКИ. Иногда одни разряды числительных рассматриваются как существительные, другие – как прилагательные. Отчасти такой подход является косвенным отражением

распространенного взгляда, в соответствии с которым количественные слова вообще не выделяются в определенную часть речи [Буланин 1976: 17; Юрченко 1995: 33].

В области исследования РКИ необходимость выделения числительного в особую часть речи обосновал В.Ю. Копров [Копров 1999: 51–52], а в прикладном аспекте этой части речи посвящен целый раздел его же работы [Копров 2006: 35–41].

Числительные трудны для иностранцев из-за грамматической неоднородности, различия морфологических категорий, множественности парадигм, неоднозначности синтаксического поведения. В функционировании числительных проявляется действие неоднородных, порой противоборствующих тенденций. Так, при склонении элементов количественно-именного словосочетания существительное в именительном и винительном падеже употребляется в единственном числе, а в других косвенных падежах – во множественном. Сложившиеся исторически, эти тенденции закрепились в современном языке.

По-разному складывается и система связей между элементами количественно-именного словосочетания. В именительном и винительном падеже числительное определяет форму существительного, которое всегда употребляется в родительном падеже (*На окраине деревни стоят два дома*). Однако в других косвенных падежах числительное утрачивает определяющую роль в употреблении падежной формы и полностью зависит от существительного (*Наша школа стоит между двумя домами; Идите по направлению к этим двум домам*).

Пестрота языковой картины русских числительных может породить у иностранца взгляд на них как на сумму неупорядоченных фактов. Чтобы избежать такого восприятия, полезно познакомить учащихся хотя бы с некоторыми этапами формирования числительных, истории их развития, которое обусловило современное их состояние.

В формировании такого класса слов, как числительные, отражается своеобразие национальной аксиологической картины мира. Факты истории языка свидетельствуют о том, что числительные в русском языке собирались постепенно, а слова, обозначающие числа, принадлежали к различным частям речи. Слова *один, два, три, четыре* сначала относились к прилагательным. Будучи прилагательными, они различались родом, числом и падежом в зависимости от имени, с которым они вступали в согласование: *два дома, но две коровы*. Слова же *пять, шесть, семь, восемь, девять* были существительными, которые склонялись как имена типа *кость*. Будучи существительными, они требовали употребления после себя имен в родительном падеже [Колесов 1982: 163]. Следовательно, современные *два студента и две*

студентки, различаясь родом, сохраняют в себе следы древнего согласования, а сочетания *пять студентов* и *пять студенток* представляют другой тип связи – управление.

Знание причин и механизма морфологических изменений числительных в значительной степени облегчает их восприятие иностранцами и помогает правильно употреблять их. В еще большей степени этому способствует осознание числительных как целостной системы. Теоретические исследования последних лет, посвященные функционированию числительных, выявляют строгую упорядоченность их семантической организации, парадигматических и синтагматических характеристик. Так, О.Ф. Жолобов [Жолобов 2001: 44], исследующий природу русских числительных, среди факторов, свидетельствующих об их системном характере, называет сложившийся ограниченный инвентарь лексических единиц, устойчивость лексического состава, а также неизвестный другим классам слов тип отношений – прочную связь количественного и порядкового разрядов.

Какие нарушения норм употребления числительных наиболее характерны для иностранных учащихся?

К распространенным ошибкам относится употребление иностранцами глагола в форме множественного числа при числительных, содержащих в своем составе слово *один* (*двадцать один, тридцать один, двести шестьдесят один ...* и т.п.): **Награду получили тридцать один спортсмен*; **В хоре поют двадцать одна девушка*; **С вас девяносто один рублей* (продавец из Средней Азии – покупателю). Языковая норма предусматривает в этом случае употребление единственного числа: *награду получил тридцать один спортсмен; в хоре поет двадцать одна девушка; с вас девяносто один рубль*. Причина речевых ошибок иностранцев здесь кроется в том, что семантический фактор (значение множественности) оказывается для говорящего более сильным, чем регламентирующий формальный фактор (наличие слова *один*).

Многие ошибки связаны с употреблением слов *два, три, четыре*. Это может быть использование единственного числа существительного вместо множественного в косвенных падежах: **Я пришел к двум часа*. Выбор формы единственного числа вместо множественного объясняется стремлением унифицировать парадигму по форме единственного числа существительного, употребляемого в ситуации, когда числительное имеет форму «главного», именительного падежа: *сейчас два часа*. Примеры противоположного характера: **Магазин находится между двумя домами* – объясняются стремлением выровнять по аналогии форму

числительного по форме существительного, употребленного в творительном падеже множественного числа. (Ср. также пример из концертного выступления армянского иллюзиониста Арутюна Акопяна: **Ты думаешь, у меня икатулка с двумя днами?*)

Введение в количественно-именную структуру определения, выраженного прилагательным (*два новых журнала*), провоцирует новые ошибки. Наиболее частая из них – употребление прилагательного в форме единственного числа (**На столе два нового журнала*). Причина ошибки – в желании привести в соответствие форму определяемого (существительного) и определяющего (прилагательного).

Для иностранных учащихся представляют трудности некоторые типы синтаксических преобразований предложений с количественно-именным сочетанием (*На столе две книги; На занятиях было четыре студента*) и расчлененным сочетанием, когда числительное находится в постпозиции по отношению к существительному и переносится в конец предложения [Попов 1976: 187; Копров 2000: 102]: *Книг на столе две; Студентов на занятиях было четыре*.

Преобразования данного типа, сопровождающиеся изменением числа существительного при словах *два, три, четыре* (ср. *две книги* [ед. ч.] – *книг* [мн. ч.] *две; четыре студента* [ед. ч.] – *студентов* [мн. ч.] *четыре*) вызывают у иностранцев трудности. Распространенная ошибка в этом случае – употребление в предложении с постпозицией числительного формы существительного в единственном числе вместо множественного: **Книги на столе было две; *Студента на занятии было четыре*.

В составе словосочетаний с числительными сложным для изучающих русский язык как неродной является употребление супплетивных форм существительных *год – лет, человек – люди, ребенок – дети*. При этом выбор конкретного слова из супплетивной пары часто зависит от значения числительного.

Так, иностранцы легко усваивают правило, в соответствии с которым после количественных числительных *два, три, четыре* существительное употребляется в род. п. ед. ч. (*два ребенка*). В то же время затруднения вызывает выбор существительного из супплетивной пары *ребенок – дети* после собирательных числительных *двое, трое, четверо*. Языковая норма требует употребления после них существительного в форме множественного числа (*двое детей*). Однако в речи иностранцев это правило часто нарушается: **двое ребенка; *в нашей семье четверо ребенка*.

В употреблении количественно-именных сочетаний встречаются и другие трудности.

Так, известное правило, согласно которому при склонении элементов количественно-именного сочетания с числительными *два, три, четыре* существительное в именительном падеже употребляется в единственном числе, а в других косвенных падежах – во множественном, проявляется только в супплетивных формах *ребенок – дети* (*два ребенка, двух детей, двум детям, двух детей, двумя детьми, о двух детях*). При склонении же сочетаний со словом *год* супплетивная форма *лет* проявляется только в родительном падеже, в остальных падежах выступают формы со словом *год*: *два года, двух лет, двум годам, два года, двумя годами, о двух годах*.

Еще больше, на взгляд иностранца, отклонений содержит парадигма количественно-именного сочетания со словами *человек – люди*.

«Нестандартность» этой парадигмы заключается в том, что в косвенных падежах вместо ожидаемой формы *люди* используется малоупотребительная форма множественного числа *человеки*. Употребление слова *человеки* в современном русском языке стилистически обусловлено. Его можно встретить в поговорках (*Все мы люди, все мы человеки*), в языке художественной литературы («*Эх вы, люди-человеки*» (М. Горький)), в детской речи («*А разве у человеков бывает два папы?*» – из концертного выступления Е. Степаненко). Однако в сочетании с числительными *два, три, четыре* в косвенных падежах слово *человеки* является нормативным и единственно возможным: *двух человек, двум человекам, о двух человеках* и т. д. Слово *человеки* (а не *люди*) выступает и в составе сочетаний с собирательными числительными.

Грамматическая особенность этих конструкций состоит в том, что как в сочетании с числительными *двое, трое, четверо*, так и с числительными от *пятеро* и далее, существительное *человеки* употребляется в форме родительного падежа множественного числа: *двое, трое, пятеро человек*. Учет этих особенностей позволяет избежать распространенных в речи иностранцев ошибок: **Я видел здесь двух людей из Италии; *На экскурсии было только пять людей, потому что шел дождь; *На нашем этаже живут двое человека из Египта и четверо людей из Кореи*.

Особую группу количественно-именных словосочетаний представляют словоформы с параметрическими существительными (*величина, размер, объем, площадь, длина, ширина, вес* и т. п.) и присоединяемыми к ней числительными.

В практике преподавателя РКИ обычно рассматриваются наиболее общие случаи употребления каждого элемента словосочетания. Если говорить о падежных формах параметрических имен, то здесь наиболее часто употребляются творительный падеж без предлога

(*башня высотой 30 метров*), предлог *с* + творительный падеж (*окружность с радиусом 25 см*), косвенный падеж параметрического имени с разными предлогами (*в глубину, на глубине, до глубины*). Что касается управляемого параметрическим существительным числительного, то оно обычно выступает в форме именительного падежа (*Башня высотой 30 метров*), винительного падежа с предлогом *в* (*Башня высотой в 30 м*), родительного с предлогами *до, от, около, свыше, более* (*башня высотой более тридцати метров*).

Вместе с тем многие вопросы, связанные с управлением именных компонентов в словосочетаниях с числительными, остаются за пределами преподавания РКИ.

В этой связи интересны наблюдения Р. Судзуки над синтаксическим поведением так называемых «комплексных» числительных в составе словосочетаний с параметрическими существительными [Судзуки 2007: 296]. Автор выделяет несколько разновидностей таких словосочетаний. Среди них отметим группу числительных со значением ‘показатели пропорций’ (*два к пяти*), ‘показатели площади и объема’ (*три на пять*), а также ‘показатели степени’ (*пять в тридцатой*). Р. Судзуки показывает, что числительные этого типа выступают в именительном падеже не только в общих случаях, но и после строевых компонентов, требующих родительного падежа: *В растворе крепостью один к трем; Удовольствие работать с картинками размером не более сто шестьдесят на сто шестьдесят; Частица с энергией свыше десять в двадцатой* [Судзуки 2007: 296].

Существуют трудности в употреблении и разграничении форм составных и сложных числительных.

При употреблении составных числительных в речи иностранцев наблюдается тенденция к смешению форм количественных и порядковых числительных. Ср.: *Я приехал в Москву в тысяча девятьсот девяносто девятом году. – *Я проехал расстояние в тысяча (вместо в тысячу) девятьсот километров*. В первом случае слово *тысяча* употреблено в составе порядкового числительного, и по правилам склонения числительных этого типа в них изменяется только последний элемент. Во втором примере перед нами количественное числительное, в котором по правилам склонения изменяются все входящие в его состав слова.

Нередки ошибки в написании сложных количественных числительных, последней частью которых является элемент *-десять, -ста, -сот* (**Моей бабушке нет еще семи десяти лет; *Шанка стоит пять сот рублей*), хотя в соответствии с правилами сложные числительные пишутся слитно. Причина ошибок такого рода кроется в том, что студенты воспринимают вторую часть сложного числительного как название счетной единицы типа *два десятка яиц*,

пять сотен метров, несколько тысяч человек, что подтверждается и просодикой: при устном произнесении числительного иностранец обе его части может выделять ударением – шéсть дeся́т, пя́ти́ со́т).

В противоположность сложным числительным составные числительные пишутся раздельно: *восемьсот семьдесят пять, триста двадцать один*. Данная форма также может вызывать затруднения. Иногда они возникают под влиянием родного языка учащегося. Вот, например, отрывок из наблюдений русского журналиста во Флоренции:

– Здравствуйте, ваше сиятельство, – говорю я, входя в офис своей домовладелицы.

– Вы хотите заплатить за телефон? – спрашивает похожая на кастеляншу графиня.

И я выписываю чек, длинный, как путь домой. Итальянские числительные пишутся в одно слово: двестидвадцатьпятьтысячшестьсотдевяносто (В. Панюшкин).

Трудны для усвоения и дробные числительные, особенно структуры с десятичными дробями.

Сложности в употреблении дробных чисел состоят в неумении употребить в правильной форме ту часть словосочетания, которая обозначает **целое**. Обычно учащиеся используют здесь структурный аналог, употребляемый в большинстве европейских языков. Например, конструкцию 5,6 млн. студент читает так: **«пять, запятая...»* вместо *«пять целых...»*. Кроме того, студенты часто не могут употребить в правильной форме тот элемент словосочетания, который обозначает **часть** целого. Типичная ошибка: согласование дробной части со следующей за ней единицей измерения по аналогии со структурами, обозначающими целые числа. Ср.: 5 *тыс. человек – пять тысяч человек*; но: 0,5 *тыс. чел. студент читает как *ноль целых, пять десятых тысяч человек (вместо: ноль целых, пять десятых тысячи человек)*; 97% – *девяносто семь процентов*, но 9,7% *учащийся произносит как *девять целых, семь десятых процентов (вместо: девять целых, семь десятых процента).*

В этих случаях важно показать учащимся внутреннюю структуру сочетаний с дробными числами. Такие конструкции обозначают **часть** целого, и это значение части присутствует в структуре, хотя само слово *часть* и опущено. Однако именно это слово *часть* влияет на форму элемента сочетания, обозначающего, какая именно это часть (*десятая, сотая, тысячная* и т. д.). Измеряемая же единица (расстояние: метры, сантиметры, километры; время: минуты, секунды; вес: тонны, килограммы и т.д.) всегда употребляется в форме Род. п. ед. ч., поскольку форма этих слов определяется значением «часть

целого». Например: *0,1 сек. – ноль целых, одна десятая (часть) секунды; 4,2 м – четыре целых, две десятых (части) метра.*

Особое место среди русских числительных занимают собирательные числительные. Правила их лексической сочетаемости иногда нарушаются и самими носителями языка. Так, девочка – героиня фильма «Доживем до понедельника» говорит о том, что она мечтает, чтобы у нее в будущем было четверо детей: *«двое мальчиков и *двое девочек».*

Специалисты по культуре речи чётко определяют лексические ряды существительных, сочетающихся с собирательными числительными [Розенталь 1968: 158–160; Копров 2006: 39–40].

Хотелось бы акцентировать внимание на одной стороне употребления иностранцами собирательных числительных, обусловленной сопоставительным анализом языков.

Известно, что в современном русском языке словесный ряд собирательных числительных ограничивается первым десятком (*двое, трое, четверо, ... десятеро*). Собирательные числительные в пределах второго десятка считаются ненормативными [Супрун 1990: 582], хотя в языке художественной литературы такое употребление возможно (*«А много ли вас? — Не много, не много, восемнадцатеро всего, восемнадцатеро»* (Н. Лесков)). В то же время система некоторых языков, например, сербского, допускает широкое нормативное употребление собирательных числительных не только первого десятка, но и второго, третьего, четвертого... – вплоть до девятого десятка. Отсюда факты языковой интерференции в речи сербских студентов: **В группе нас тридцатеро; *Русский язык изучают пятидесятеро.*

Наши наблюдения иллюстрируют наиболее типичные ошибки в употреблении числительных иностранцами. Полагаем, что знание механизма речевых нарушений на этом участке языка поможет преподавателю усовершенствовать работу по их искоренению, найти новые приемы, способствующие правильному употреблению русских числительных.

Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. – М.: Просвещение, 1976. – 208 с.

Жолобов О.Ф. К предистории русских числительных // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. 13-16 марта 2001 г. Труды и материалы. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 44–45.

Колесов В.В. История русского языка в рассказах. – М.: Просвещение, 1982. – 191 с.

Копров В.Ю. Аспекты сопоставительной типологии простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков). – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1999. – 160 с.

Копров В.Ю. Сопоставительная типология предложения. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2000. – 192 с.

Копров В.Ю. Вариантные формы в русском языке: Учебное пособие для занятий с иностранными учащимися продвинутого этапа обучения. – 2-е изд., испр. – М.: Русский язык. Курсы, 2006. – 136 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010а. – 328 с.

Копров В.Ю. Сопоставительные исследования в семантико-функциональном описании и преподавании грамматики РКИ // Русский язык как иностранный в современной образовательной и геополитической парадигме: IV Международная научно-практическая конф. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 18-19 ноября 2010 г. Тезисы докладов. – М., 2010б. – С. 255–257.

Попов А.С. Грамматическое и стилистическое своеобразие современных русских предложений с количественными подлежащими // Синтаксис и стилистика. – М., 1976. – С. 195–205.

Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. – М.: Высшая школа, 1968. – 416 с.

Судзуки Р. Словоформы параметрических существительных как корреляты предлогов // Русский язык. Исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филол. ф-т, 20-23 марта 2007 года. Труды и материалы. – М.: Изд-во МГУ, 2007. – С. 296.

Супрун А.Е. Числительное // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 582–583.

Чагина О.В. Речевые ошибки иностранцев при употреблении русских числительных // Русское слово в мировой культуре. Материалы X конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Методика преподавания русского языка: традиции и перспективы. В 4-х т. – Том III. – СПб., 2003. – С. 328–333.

Чагина О.В. Супплетивизм как лингвометодическая задача // II Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. МГУ, 18-21 марта 2004. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 526–527.

Юрченко В.С. Проблемы общей и русской грамматики. – Саратов: Изд-во Саратов пед. ин-та, 1995. – 50 с.

ГЛАГОЛЬНАЯ МНОЖЕСТВЕННОСТЬ В СФЕРЕ ИНТЕНСИВНО-РЕЗУЛЬТАТИВНЫХ СПОСОБОВ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение глагольной множественности в русском языке не имеет сколько-нибудь длительной традиции и к настоящему моменту не обладает ни устоявшейся классификацией, ни более или менее определённой терминологией. Так, термин «глагольная множественность» применяется и для обозначения действий, которые состоят из однородных фрагментов (ср.: *клевать, толкать, кашлять*) и для указания на действия повторяющегося характера (ср.: *хаживать, нашивать, есть*). Иногда этот термин прилагают вообще ко всем явлениям глагольной количественности [Бондарко 1996: 161-162].

В нашем исследовании этот термин употребляется в значении, которое предполагает указание на количественную семантику, передаваемую глаголами так называемых интенсивно-результативных способов действия. Среди глагольной лексики такого рода выделяются сативные (сатуративные) глаголы, образованные с помощью приставки *на-*: *натосковаться, насидеться, набахвалиться, напоститься, накричаться*; тотальные (иначе – эксцессивно-кратные) глаголы с приставкой *из-* (*изо-*, *ис-*): *изомлеть, изнервничаться, издёргаться, изболтаться*; эксгаустативные с приставкой *у-*: *уездиться, упрыгаться, уработаться, умучиться, умаяться, ужариться, упариться*; финально-следственные с приставкой *до-*: *дозвониться, достучаться, допрыгаться, добудиться, дозваться, догуляться*; интенсивно-длительные с приставкой *за-*: *заглядеться, залобоваться, заслушаться, засидеться, заговориться* и т.д.

Функциональное сходство интенсивно-результативных глаголов замечено уже давно. В частности, отмечается, что все они, работая по одной и той же модели, фиксируют, что соответствующее действие длилось так долго и повторялось так много раз, пока не дали о себе знать определённые результаты, причём эти результаты так или иначе связаны с накоплением не суммы предметов, а меры самого действия. По своей сути они являются «итоговыми глаголами: в них подводится результат некоторым длительным или многократным действиям, которые пришли в соответствие с определённой внутренней нормой или превысили её» [Маслов 2004: 65-72]. Различие между глаголами заключается лишь в том, как интерпретируются ими последствия длительного или многократного действия. Например, глаголы типа

нагуляться, надышаться, настрять, наплаваться фиксируют то, что действие достигло некоторой усреднённой нормы или превысило её. Глаголы типа *исстрадаться, измаяться, изголодаться, иззябнуть* обозначают, что соответствующее действие охватило полностью объект или субъект и привело к определённом изменению его первоначальных свойств.

Существенное различие обнаруживается между другими глаголами, фиксирующими интенсивно-результативную количественность. Так, глаголы типа *убегаться, умаяться, уработаться, умучиться* указывают на то, что действие, охватившее полностью субъект, достигло своего максимума. Напротив, глаголы типа *достучаться, дозвониться, достукаться, добудиться, дозваться* и т.д. акцентируют внимание на том, что длительные или многократно повторяемые действия имели своим следствием достижение желательного (или, напротив, нежелательного) результата. Интенсивно-результативные приставки, вступая в словообразовательный контакт с производящей основой, существенным образом трансформируют её семантическую структуру. Так, если глагол *бегать* обозначает «быстро двигаться (преимущественно в разных направлениях), усиленно и ускоренно ходить» [БАС 1948], то соответствующие производные *набегаться, убежаться, избегаться, забегаться, добежаться* имеют значение «вдоволь, много побегать» [БАС 1958], «утомиться от бега, от беготни» [БАС 1964], «устать, измучиться от беганья» [БАС 1956], «утомиться, устать, много бегая» [БАС 1955], «частым, настойчивым беганием повредить себе, другим или вообще вызвать какие-либо последствия» [БАС 1954]. Аналогичным образом осуществляется трансформация и других глаголов данного типа: сущностные семантические свойства префигированного глагола задаются приставкой, а его частные особенности определяются производящей основой, которая фиксирует, как именно осуществляется названное глаголом действие: (ср.: *наработаться, уработаться, заработать, доработаться* и *намаяться, умаяться, замаяться*). При этом следует подчеркнуть, что процесс взаимодействия специализированной приставки и базисной основы не носит в данном случае модификационный характер, когда к понятийной характеристике добавляется дополнительный элемент акциональной семантики, а является мутационным, когда предполагается существенное преобразование семантического ядра производящего глагола [Бондарко 2003: 91-93].

Разряды интенсивно-результативных глаголов, обнаруживая известное тождество в семантическом отношении (все они фиксируют сему «созидание множества»), вместе с тем существенным образом различаются с точки зрения своих видовых свойств и с точки зрения

базисных основ, от которых они образуются. Тем не менее, здесь отчётливо просматривается тенденция, в соответствии с которой рассматриваемые глаголы употребляются преимущественно в совершенном виде и реализуют обычные для него частновидовые значения.

Так, например, перспективные глаголы с приставкой *из-* (*изо-*, *ис-*) в своём подавляющем большинстве употребляются в совершенном виде. Явление видовой соотносительности наблюдается здесь очень редко: *износить* / *изнашивать*, *иззубрить* / *иззубривать*, *изгрызть* / *изгрызать*, *измотаться* / *изматываться*, *избить* / *избивать*.

Совершенный вид допускает реализацию всех основных частных видовых значений, кроме суммарного, т.е. конкретно-фактического, перфектного (результативного), наглядно-примерного и потенциального. Несовершенный вид в основном разрешает только одно частновидовое значение – кратное. Надо, впрочем, считаться с тем, что отмечаемая тенденция действует не всегда прямолинейно, в том смысле, что конкретные приставочные глаголы могут так или иначе отклоняться от общих закономерностей и употребляться по преимуществу либо только в совершенном виде, либо в обеих видовых формах.

Независимо от того, на что ориентируется интенсивно-результативное действие, представленное глаголами с приставкой *из-* (*изо-*, *ис-*), реализация соответствующей количественной семантики осуществляется двояким образом. В первом случае достижение количественного результата предполагает освоение кратным действием всех без исключения коммуникативно значимых параметров объекта или субъекта, одинаково представленных в виде единичной предметной данности: *изжалить лицо*, *истрепать книгу*, *изорвать одежду*; *душа истомилась* и т.д. В другом случае результат такого рода достигается на основе охвата или освоения кратным действием (по одному или нескольким параметрам) некоторого множества объектов или субъектов: *пассажиры измучились*, *занавески издырявились*; *искусать детей*, *изрешетить мишени* и т.д.

Сама возможность ориентации интенсивно-результативного действия как на объект, так и на субъект имеет своим следствием формальную неоднородность соответствующих глаголов. Эта неоднородность проявляется в том, что интенсивно-результативные глаголы, действия которых распространяются на субъект (или субъекты), могут быть и возвратными и невозвратными. Что же касается интенсивно-результативных глаголов, действия которых ориентированы на объект, они могут быть исключительно невозвратными.

Базисные основы, от которых образуются глаголы с интенсивно-результативной семантикой, в значительной степени не совпадают. В

одних случаях они носят строго индивидуальный характер, в том смысле, что допускают образование какого-либо одного разряда интенсивно-результативной лексики. Другие, напротив, оказываются универсальными: на их базе возникают производные глаголы самых разных интенсивно-результативных разрядов. Так, в частности, словообразовательные связи интенсивно-результативных глаголов с приставкой *из-* (*изо-*, *ис-*) распространяются как на неопредельную, так и на предельно-результативную глагольную лексику. При этом в качестве базисных выступают глагольные основы следующих структурно-семантических групп:

а) квалификативные глаголы, передающие значение преобразования наличной или приобретения какой-либо дополнительной качественной характеристики: *грязнить / изгрязнить всю обувь, пачкать / испачкать всё бельё, зубрить / иззубрить весь режущий инструмент* и т.д.;

б) деструктивные глаголы: *гнуть / изгнуть, колоть / исколоть все ступни, резать / изрезать все руки, рвать / изорвать всю одежду* и т.д.;

в) глаголы со значением сообщения предмету какой-либо отличительной характеристики: *мазать / измазать, марать / измарать* и т.д.;

г) глаголы насильственного физического воздействия: *хлестать / исхлестать всё лицо, стегать / истегать всю спину, бить / избить подростка* и т.д.;

д) глаголы речевого воздействия: *бранить / избранить, ругать / изругать* и т.д.;

е) глаголы со значением отделения объекта от чего-либо: *драть / изодрать, рвать / изорвать* и т.д.

В зависимости от субъектной или, наоборот, объектной ориентации действия появляются соотносительные глагольные формы: *измазать – измазаться, износить – износиться, издержать – издержаться* и т.п.

Значение множественности, обусловленное созиданием количественной семантики, представляет собой продуктивное явление, активно используемое в русской речи. Однако степень этой продуктивности неодинакова: одни из глаголов с интенсивно-результативной семантикой употребляются очень широко, другие, напротив, используются крайне редко и лишь в ограниченных стилистических условиях.

Большой Академический словарь русского языка. – М. 1948-1965.

Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Качественность, количественность. – СПб.: Наука, 1996. – 264 с.

Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – М.: УРСС, 2003. – 206 с.

Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 839 с.

М. Янкович

Западно-венгерский университет, Сомбатхей, Венгрия

ПЕРЕВОД КОНСТРУКЦИЙ С НЕСОГЛАСОВАННЫМ ОПРЕДЕЛЕНИЕМ

Перевод, его теория и практика, а также проблемы, затрудняющие деятельность переводчика, заинтересовали автора этой работы много лет тому назад. За это время были тщательно проанализированы такие вопросы, как: перевод с русского языка на венгерский притяжательных конструкций, состоящих из нескольких членов, субстантивных, безличных и страдательных конструкций, причастных и деепричастных оборотов (сопоставление синтаксиса русского и венгерского языков см., например, в работе [Копров 2010]).

Одной из самых интересных для переводчика с русского языка на венгерский проблем является перевод конструкций с постпозитивным несогласованным определением, поскольку вследствие различия в структуре двух языков в использовании данных конструкций наблюдаются существенные расхождения.

Особенности вариантного использования русских конструкций с согласованными и несогласованными определениями хорошо изучены и изложены в учебных пособиях по русскому языку как иностранному (см., например [Копров 2006: 31-34]), но для нас важно выяснить возможные стратегии их перевода на венгерский язык. В венгерском языке все определения, как правило, находятся в препозиции к определяемому члену конструкции. В качестве исключения в постпозиции могут находиться названия произведений искусства, а в некоторых случаях – определения, стоящие в конце предложения. Вследствие того что в венгерском языке конструкции с постпозитивным определением используются намного реже, чем в русском, переводчику с русского языка на венгерский нередко приходится задумываться о выборе способа перевода подобных конструкций; он может воспользоваться одной из следующих возможностей: преобразованием их в притяжательную конструкцию; сокращением, добавлением, переводом с помощью другого словосочетания; преобразованием в качественное прилагательное

(определение); предикативизацией; адекватным постпозитивным несогласованным определением [Клауди 1980: 38-40].

Этой теме мы уже посвятили целый ряд исследований, в которых были освещены такие вопросы:

Как часто применяет переводчик-профессионал (Мария Сабо) отдельные трансформации при переводе романа Юрия Трифонова «Старик»? [Янкович 1991]. Существует ли какая-нибудь закономерность в применении Марией Сабо данных трансформаций при переводе разных произведений одного и того же писателя (Ю. Трифонова)? [Янкович 1991]. Похожа ли манера разных переводчиков-профессионалов при переводе данных конструкций на венгерский язык на материале разных произведений одного и того же писателя (Ю. Трифонова)? [Jankovics 1992]. Какие итоги можно подвести, если сопоставить употребление трансформаций при переводе одного и того же оригинального произведения («Шинели» Н.В. Гоголя) разными переводчиками? [Янкович 1995].

К настоящему времени относительно данной переводческой проблемы не выяснено следующее: Когда и как часто употребляются подобные конструкции в переводящем языке при переводе с венгерского языка на русский? Зависит ли их применение от того, какой из двух языков (венгерский или русский) является исходным (ИЯ), а какой переводящим (ПЯ), т.е. от того, с какого языка и на какой делается перевод?

С этой целью нами был проведен анализ более 200 предложений из романа венгерского писателя Гезы Гардони «Звезды Эгера» и его перевода на русский язык, выполненного Агнессой Кун.

Интерес представляет прежде всего сам процесс работы, так как наблюдения проводились не как обычно (венгерский оригинал → русский перевод), а в обратном порядке, т.е. сначала изучались предложения, содержащие рассматриваемые конструкции в переводе на русский язык, а затем к ним подыскивались подходящие предложения в тексте оригинала. Иными словами, анализировалось то, что стояло в исходном тексте на месте конструкции с постпозитивным определением переводящего языка.

Весьма показательным оказалось то, что почти в половине отобранных примеров (в 60 предложениях) данная конструкция имела лишь в переводе, т.е. она была применена самим переводчиком: в оригинале о ней и речи не было. Это может объясняться тем, что переводчик, отлично зная о грамматических различиях двух языков, прибегал к этой возможности чаще, чем это было бы возможно в венгерском языке. Так, в 126 примерах из исходного текста в атрибутивной конструкции перед главным членом

качественное прилагательное встречается 17 раз, а качественное определение с разными суффиксами – 109 раз.

Между предложениями с качественными прилагательными наблюдаются весьма интересные различия. В одних из них перед главным членом стояло качественное прилагательное, семантика которого имела страноведческий компонент. Оно могло указывать, с одной стороны, на национальную принадлежность, а с другой стороны, на объект, о котором рассказывают сказки, с которым ведутся усобицы. Переводчица Агнесса Кун выбрала второй вариант: *...meg a hajmeresztő török meséket* (Gárdonyi 1987: 8) → *...и разные страшные сказки о турках* (Гардони 1989: 10); *A családomat még a német viaskodás előtt elküldtem Sopronba* (Gárdonyi 1987: 101) → *Семью свою я еще перед усобицей с немцами отправил в Шопрон* (Гардони 1989: 111).

В других качественное прилагательное, указывающее на цвет одежды героя, при переводе на русский язык было уточнено добавлением названия этой одежды: *A sok cifra úr meg körülötte...* (Gárdonyi 1987: 88) → *А люди в пестрых одеждах вокруг него...* (Гардони 1989: 96); *...egy fekete pap – bizonyosan az udvari káplán...* (Gárdonyi 1987: 141) → *...нон в черной сутане – видимо, священник дворцовой церкви...* (Гардони 1989: 152).

В некоторых предложениях на ИЯ встречается суффикс *-tlen*, образующий лишительное прилагательное, которое, например, в следующем отрывке говорит только о том, что у башни по какой-то причине нет крыши, но по какой именно – не ясно. В русском варианте вместо конструкции «колокольня без крыши» употребляется выражение «колокольня с сорванной крышей», разъясняющее и причину потери крыши: *...a kormos, tetőtlen torony...* (Gárdonyi 1987: 57) → *...почерневшая от копоти колокольня с сорванной крышей...* (Гардони 1989: 62).

Кроме перечисленных встречаются также и такие венгерские конструкции, в которых в роли качественных прилагательных стоят слова, указывающие на размер: *...ötujjnyi házagnak kell körös-körül taradnia* (Gárdonyi 1987: 108) → *...повсюду должен быть просвет в пять пальцев ...* (Гардони 1989: 118).

В подавляющем большинстве конструкций с несогласованным определением в ИЯ перед главным членом стоят качественные определения с разными суффиксами, чаще всего *-s* (67 раз): *...vadböőrök, gabonás zsákok* (Гардони 1989: 7) → *...звериные шкуры и мешки с зерном* (Гардони 1989: 12); *...egy strucc tollas fehér török süveg...* (Gárdonyi 1987: 7) → *...белый турецкий колпак со страусовым пером* (Гардони 1989: 9).

Гораздо реже (41 раз) к качественному определению в подлиннике прибавлены суффиксы *-ú*, *-ű*: *...a török csontos arcú, barna ember...*

(Gárdonyi 1987: 7) → *Смуглый человек с костлявым лицом...* (Гардони 1989: 9); *...hosszú süvegű janicsár igyekszik feléje...* (Gárdonyi 1987: 116) → *...навстречу ему идет янычар в высоком тюрбане* (Гардони 1989: 126); *Egy bikafejű, vállas és erős, vén pap...* (Gárdonyi 1987: 14) → *Пришел священник, плечистый седобородый старик с львиной головой* (Гардони 1989: 16).

Анализируя последний пример, можно поставить вопрос: по какой причине А. Кун прилагательное *bikafejű* перевела как *с львиной головой*, а не, к примеру, *с бычьей головой*, что по своему значению во всем случае намного ближе к понятию на исходном языке?

Всего один раз в венгерских конструкциях первых двух проанализированных глав романа встречается качественное определение с суффиксом *-i*: *A pécsi út jó messze van oda...* (Gárdonyi 1987: 5) → *Дорога на Печ проходила поодаль...* (Гардони 1989: 7).

В незначительной части отобранных примеров на ИЯ первоначально стояли притяжательные конструкции: *...látja, hogy a Mecsek útján fölfelé szekerező török nép tarkállik...* (Gárdonyi 1987: 9) → *...видел, как вверх по дороге через Мечек тянутся обозы* (Гардони 1989: 12); *...az ő kis feleségének elröppenése...* (Gárdonyi 1987: 128) → *...разлука с «маленькой женой»...* (Гардони 1989: 138). В первом примере в исходной конструкции существительное стоит без личного окончания (*Mecsek*), а во втором – с притяжательным суффиксом (личным окончанием) *-nek* (*feleségének*). Это объясняется тем, что в венгерском языке допускается и то, и другое. Порядок слов и в этом случае, как и при переводе качественным определением, изменяется соответственно требованиям грамматического строя двух языков (в венгерском обладаемое, т.е. главный член стоит за обладателем, т.е. дополнением).

В некоторых случаях при переводе конструкций добавлялись слова, а именно адъективные определения (причастия) совершенного или несовершенного видов. При их переводе наблюдается изменение порядка двух членов в словосочетании: *Térdig erő ingben lépett ki, mezítláb* (Gárdonyi 1987: 112) → *Он вышел босой и в рубахе до колен* (Гардони 1989: 122); *...fehér selyembe öltözött, természetes ember...* (Gárdonyi 1987: 141) → *...дорожный мужчина в белом шелковом одеянии* (Гардони 1989: 152).

Всего в одном из более чем 200 отобранных примеров в исходной конструкции в качестве постпозитивного дополнения встречается обстоятельство места. Оно было переведено следующим образом: *Azzal vádolják, hogy azt a robbanást a Mecseken ő követte el...* (Gárdonyi 1987: 97) → *Его обвиняют во взрыве на мечекской дороге* (Гардони 1989: 106).

Как было сказано выше относительно русских конструкций с постпозитивным несогласованным определением, для довольно большого количества случаев характерно отсутствие соответствующей конструкции в венгерском подлиннике. Возникает вопрос: что стояло на этом месте в венгерских предложениях?

В исходном тексте чаще всего (10 раз) первоначально стояло сложное слово, которое потом переводчиком (после изменения порядка главного члена и дополнения, а также вставки между ними какого-нибудь предлога), было переведено с помощью несогласованного определения: ...*ott ül egy barna parasztember* (Gárdonyi 1987: 74). → ...*сидел смуглый человек в крестьянской одежде* (Гардони 1989: 82); *Lent a sátor fala mellett meg vastag ülővánkosok hevernek* (Gárdonyi 1987: 154). → *Внизу, возле стенки шатра, разложены большие подушки для сидения* (Гардони 1989: 166). Конечно, в русском варианте члены конструкции, разделенные предлогом, пишутся уже не слитно.

Встречались при анализе и такие венгерские конструкции, в которых у существительного вообще никаких определений не было, они появились лишь в переводе, причем в постпозитивном положении: *Még a ház is mintha lejjebb csúszott volna a parton* (Gárdonyi 1987: 16) → ...и даже *дом на холме* со страху соскользнул куда-то ниже (Гардони 1989: 18).

В некоторых примерах ИЯ стояли конструкции с придаточным предложением: *Balra az ablak, amelynek ónkarikás, kerek üvegein besüt a nap* (Gárdonyi 1987: 111) → *Слева – окно с частым свинцовым переплетом* (Гардони 1989: 116).

В заключение можно констатировать следующее: при анализе полученных данных отчетливо выявляется, что на русский язык с помощью описанных конструкций преимущественно переводятся венгерские прилагательные или качественные определения, стоящие с одним из перечисленных выше суффиксов, а сложные слова, притяжательные конструкции, конструкции с добавленным словом и т. д. – гораздо реже. Это можно принять как факт, подтвержденный большим количеством примеров из исходного языка и языка перевода. Однако стоит отметить и то, что переводчик Агнесса Кун довольно часто использовала русские несогласованные определения и тех случаях, когда в венгерских параллельных предложениях определения при существительном отсутствовали, т.е. по собственной инициативе. По какой причине? Ответ на этот вопрос требует дальнейших наблюдений, сопоставлений и исследований.

Копров В.Ю. Вариантные формы в русском языке: Учебное пособие для иностранных учащихся продвинутого этапа обучения. – М.: Русский язык. Курсы, 2006. – 136 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.

Янкович М. Трансформации при переводе с русского языка на венгерский // IV. Nemzetközi Szlavisztikai Napok. – Szombathely, 1991. – Old. 411-421.

Янкович М. Сопоставительный анализ нескольких переводов одного и того же произведения // V. Nemzetközi Szlavisztikai Napok. – Szombathely 1995. – Old. 676-683.

Jankovics M. A határozói jelzős szerkezetek magyarra fordítása. Bölcsészdoktori disszertáció. – Pécs, 1992.

Klaudy K. Orosz-magyar fordítástechnika. – Budapest: Tankönyvkiadó, 1980.

Источники

Gárdonyi G. Egri csillagok. – Budapest-Uzsgorod: Móra Kiadó-Kárpáti Kiadó, 1987.

Гардони Г. Звезды Эгера / перев.: А. Кун. – М.: Художественная литература, 1989.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Авдеев Александр Александрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и технологии перевода Воронежского государственного технического университета

2. Алексеева Елена Альбертовна, доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой французской филологии Воронежского государственного университета.

3. Антонова Ирина Анатольевна, старший преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

4. Бабушкин Анатолий Павлович, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английского языка гуманитарных факультетов Воронежского государственного университета.

5. Багана Жером, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французского языка Белгородского государственного университета.

6. Бакалова Зинаида Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, культуры речи и методики их преподавания Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, Самара.

7. Буянова Людмила Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета, Краснодар.

8. Всеволодова Майя Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

9. Гайсина Рейда Миргалеевна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой современного русского языкознания Башкирского государственного университета.

10. Го Шуфень, кандидат филологических наук, доцент Института русского языка Пекинского университета иностранных языков, КНР.

11. Гордиевская Мария Львовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

12. Градинарова Алла Анатольевна, доктор филологии (кандидат филологических наук), доцент, доцент кафедры русского языка Софийского университета им. Св. Климента Охридского, Болгария.

13. Гришаева Людмила Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии Воронежского государственного университета.

14. Дворникова Екатерина Викторовна, преподаватель кафедры французской филологии Воронежского государственного университета.

15. Дедова Ольга Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой латинского и русского языков Воронежской государственной медицинской академии.

16. Донг Тхи Тхань Там, студентка филологического факультета Воронежского государственного университета.

17. Дурова Елена Николаевна, аспирант кафедры русского языка для иностранных учащихся основных факультетов Воронежского государственного университета.

18. Еркова Дарья Николаевна, аспирант кафедры испанского языка Белгородского государственного университета.

19. Закирьянов Кабир Закирьянович, доктор педагогических наук, профессор кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета.

20. Зубкова Людмила Ивановна, доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков Института менеджмента, маркетинга и финансов, Воронеж.

21. Иванова-Мицевич Ирина Валерьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории и грамматики английского языка Минского государственного лингвистического университета, Беларусь.

22. Ильина Татьяна Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Воронежского государственного университета.

23. Казарина Валентина Ивановна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой современного русского языка и методики его преподавания Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.

24. Козюра Татьяна Николаевна, кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся основных факультетов Воронежского государственного университета.

25. Колбешкина Вера Борисовна, преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся основных факультетов Воронежского государственного университета.

26. Колесникова Светлана Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета.

27. Корнева Валентина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романской филологии Воронежского государственного университета.

28. Красильникова Лидия Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка для иностранных учащихся филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

29. Кретов Алексей Александрович, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Воронежского государственного университета.

30. Куштан Светлана Борисовна, магистр, выпускница кафедры романских языков и кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета.

31. Лазарева Ольга Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета.

32. Лангнер Александр Николаевич, кандидат филологических наук, ассистент кафедры профессионально-речевой коммуникации Белгородского государственного университета

33. Лебедева Александра Леонидовна, кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся основных факультетов Воронежского государственного университета.

34. Левицкий Юрий Анатольевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания Пермского государственного педагогического университета.

35. Лелюх Елена Валентиновна, преподаватель Борисоглебского филиала Института менеджмента, маркетинга и финансов.

36. Лендваи Эндре, доктор филологических наук, профессор Печского университета, Венгрия.

37. Ли Цинь, доктор филологических наук, профессор, заведующий центром русского языка факультета русского языка Шанхайского университета иностранных языков, КНР.

38. Любоха-Круглик Иоланта, кандидат наук, заместитель директора Института восточнославянской филологии Силезского университета, Катовице, Польша.

39. Марков Владимир Тимофеевич, доктор педагогических наук, доцент, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова.

40. Махинова Ольга Андреевна, аспирант кафедры французской филологии Воронежского государственного университета.

41. Михайлов Алексей Викторович, аспирант кафедры современного русского языка и методики его преподавания Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.

42. Моисеева Софья Ахметовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французского языка Белгородского государственного университета.

43. Московкин Леонид Викторович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета.

44. Никитина Маргарита Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова.

45. Онишко Сергей Григорьевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Воронежского государственного университета.

46. Петров Андрей Васильевич, доктор филологических наук, доцент кафедры истории русского языка и диалектологии Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Архангельск.

47. Пляскова Елена Аркадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук и искусств Воронежского государственного университета.

48. Попова Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Липецкого государственного педагогического университета.

49. Попова Зинаида Даниловна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета.

50. Правда Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и методики преподавания русского языка Воронежского государственного педагогического университета.

51. Прохорова Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английского языка Белгородского государственного университета.

52. Рогова Кира Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета.

53. Романов Алексей Аркадьевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии, директор Тверского института прикладной лингвистики и массовых коммуникаций (ТИПЛиМК) при ТГСХА.

54. Романова Лариса Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры общего и классического языкознания Тверского государственного университета.

55. Рылов Юрий Алексеевич, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романской филологии Воронежского государственного университета.

56. Саввина Светлана Леонидовна, ст. преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся основных факультетов Воронежского государственного университета.

57. Сигал Кирилл Яковлевич, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Отделом экспериментальных исследований речи Института языкознания РАН.

58. Сидорова Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Воронежского государственного университета.

59. Синельников Юрий Григорьевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка Белгородского государственного университета.

60. Скребова Екатерина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Воронежского филиала Российского государственного торгово-экономического университета.

61. Сребрянская Наталья Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка Воронежского государственного педагогического университета.

62. Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета.

63. Сушкова Ирина Михайловна, кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся основных факультетов Воронежского государственного университета.

64. Сы Хунган, заведующий кафедрой русского языка Харбинского инженерного университета, КНР.

65. Теремова Римма Михайловна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры интенсивного обучения русскому языку как иностранному Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

66. Толстолюцкая Евгения Владимировна, аспирант кафедры французского языка Белгородского государственного университета.

67. Федосюк Михаил Юрьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

68. Федотова Надежда Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург.

69. Фигуровская Галина Дмитриевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.

70. Филатова Елена Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

71. Ян Хуа, доктор филологических наук, доцент, преподаватель факультета русского языка Аньхойского университета, КНР.

72. Чагина Ольга Всеволодовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

73. Чекулай Игорь Владимирович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка Белгородского государственного университета.

74. Хавронина Серафима Алексеевна, кандидат педагогических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Российского университета дружбы народов.

75. Шкунников Вадим Аркадьевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся основных факультетов Воронежского государственного университета.

76. Якович Мария, доктор философии, профессор, директор Института славянской филологии Западно-венгерского университета, Сомбатхей, Венгрия.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Слово о юбиляре.....	5
Автобиографические заметки.....	8
Хронологический список публикаций Виктора Юрьевича Копрова	13
Семантико-функциональная сопоставительная грамматика разноструктурных языков В.Ю. Копрова (А.Л. Лебедева)	32
Грамматика разноструктурных языков.....	39
Авдеев А.А. Статус аппроксимации и классификация типов ее выражения (на материале английского и русского языков).....	39
Алексеева Е.А. О предикативном потенциале прилагательного ...	42
Антонова И.А. Синтаксическая синонимия при выражении эмоционального состояния	51
Бабункин А.П. Функции приложения.....	55
Багана Ж. Грамматические особенности французского языка Африки	60
Бакалова З.Н. Синонимия союзов <i>А</i> и <i>НО</i> в семантической сфере противопоставления	65
Буянова Л.Ю. Терминологическая синонимия как механизм когнитивного развития языка науки	69
Всеволодова М.В. Язык: лингвистические универсалии и языковая специфика	74
Гайсина Р.М., Закирьянов К.З. Деепричастие и причастие в русском и башкирском языках в сопоставлении	82
Го Шуфень Типологическое сопоставление особенностей русского и китайского языков	90
Гордиевская М.Л. Версионные отношения и их воплощение в синтаксической структуре русского предложения	100
Градинарова А.А. Типологические различия между языками и проблемы учебного перевода (на русском и болгарском языковом материале)	108
Гришаева Л.И. Варианты или синонимы? (о мотивах выбора средства обозначения деятельности человека).....	118
Дворникова Е.В. Средства выражения аналога подлежащего в предложениях с второстепенным признаковым сказуемым в русском и французском языках	129

Дедова О.М. Локативно-посессивные предложения с возвратными глаголами в свете семантико-функционального подхода	135
Дурова Е.Н. Русские и испанские предложения процессуального состояния в свете релятивно-структурного подаспекта устройства предложения.....	138
Еркова Д.Н. Грамматические особенности испанских цветообозначений.....	143
Зубкова Л.И. Переводческая транскрипция в антропонимике (на материале переводов произведений В. Шукшина и В. Распутина на английский язык).....	146
Иванова-Мицевич И.В. Интегральная модель семантики английского предложения.....	151
Ильина Т.В. Особенности использования союзных слов в сложноподчиненных предложениях, выражающих изъяснительные отношения	159
Казарина В.И. Информативный компонент семантики предложения: формирование и вербализация	162
Козюра Т.Н. Синтаксическая семантика русских пассивно-возвратных залоговых конструкций	168
Колбешкина В.Б. Локативно-посессивные предложения с местоименно-инфинитивным оборотом с позиции поаспектного подхода к устройству предложения.....	173
Колесникова С.М. Функциональное и семантическое описание типов градуирования.....	178
Корнева В.В. Синтаксические средства пространственной квалификации предмета (на материале испанских предложных и беспредложных конструкций)	186
Красильникова Л.В. Производные со значением качества в функционально-коммуникативном аспекте.....	189
Кретов А.А. Сколько гласных фонем в русском языке?	197
Лазарева О.А., Куштан С.Б. Вариантные формы употребления местоимений <i>свой, себя</i> (на фоне итальянского языка).....	206
Лангнер А.Н. Словообразовательные особенности прозвищ во французском языке «Чёрной Африки»	212
Лебедева А.Л. Параллели между русскими и немецкими залоговыми конструкциями с глаголами касания	217
Левицкий Ю.А. Наши грамматики	222
Лелюх Е.В. Выражение непроцессуального состояния субъекта в русском и английском языках.....	228
Лендвай Э. Словообразование в зеркале вербального юмора	232

Ли Цинь, Ян Хуа Ономасиологический подход к изучению семантики предложений китайского, английского и русского языков.....	239
Любоха-Круглик И. О некоторых типах безличных перцептивных предложений в русском и польском языках.....	250
Марков В.Т. Типы учебных текстов по специальности и их представление в курсе русского языка как иностранного (на примере текстов гуманитарного профиля)	256
Махинова О.А. Сфера аспектуальности во французских двусоставных признаков предложениях	264
Михайлов А.В. Объект касания: семантика и способы выражения	269
Моисеева С.А., Никитина М.Ю. Об условиях реализации аспектуального значения предельности / неопределенности глагольного действия во французском языке	275
Московкин Л.В. Методика преподавания грамматики в России в XI – XVIII вв.	281
Онишко С.Г. Вставные единицы как средство внутритекстового перевода.....	286
Петров А.В. Системность безличных предложений	290
Пляскова Е.А., Донг Тхи Тхань Там Структурно-грамматические особенности вьетнамских фразеологизмов (на фоне русских фразеологических единиц)	299
Попова Е.А. Структурно-семантическая организация и функциональные особенности сложноподчиненных предложений с придаточным ирреального условия в русском языке.....	303
Попова З.Д. Синонимия и вариантность развивающихся предположно-падежных форм	312
Правда Е.А. Односоставные предложения в художественной речи (на материале поэзии А.В. Кольцова)	320
Прохорова О.Н., Чекулай И.В. Связанные структуры как феномен современного английского языка	327
Рогова К.А. Фактор времени как классификационный признак односоставных предложений	336
Романов А.А., Романова Л.А. Манифестационная разновидность композитных перформативных конструкций с дополнительным компонентом	343
Рылов Ю.А. Субъект действия и квалификации в подлежащих предложениях русского и итальянского языков.....	354

Саввина С.Л. Русские и английские предложения локализации в свете грамматической категории определённости / неопределённости (обобщённости) локализатора	362
Сигал К.Я. Непрототипические с синтаксической точки зрения сочинительные конструкции и их семантическая обусловленность.....	367
Сидорова Е.В. Редуцированные высказывания в сценических диалогах.....	372
Синельников Ю.Г., Толстолицкая Е.В. Функционирование эллипсиса в текстах малого формата современной французской прессы.....	375
Скребова Е.Г. Сопоставительный анализ русских и немецких сложноподчиненных локативных предложений	380
Сребрянская Н.А. Субъективность употребления грамматических форм времени, вида, таксиса и наклонения.....	386
Стернин И.А. Контрастивная и сопоставительная лингвистика .	391
Сушкова И.М. Предикативные средства выражения принадлежности в семантико-функциональном поле посессивности (на материале русского и английского языков)	395
Сы Хунган, Федотова Н.С. О преодолении трудностей в изучении и употреблении китайскими учащимися форм творительного падежа	402
Теремова Р.М. Целевые конструкции в современном русском языке: функционально-грамматический аспект	406
Федосюк М.Ю. Функциональный синтаксис русского языка в аспекте рецептивной и продуктивной грамматики.....	416
Фигуровская Г.Д. Предложения с фазисными значениями в системе простых предложений русского языка	425
Филатова Е.А. Сложноподчиненные предложения с изъяснительными отношениями: семантико-синтаксический аспект.....	432
Хавронина С.А. О взаимодействии порядка слов и интонации в простом повествовательном предложении	437
Чагина О.В. Наблюдения над употреблением русских числительных в иностранной аудитории.....	444
Шкутников В.А. Глагольная множественность в сфере интенсивно-результативных способов глагольного действия в русском языке.....	453
Янкович М. Перевод конструкций с несогласованным определением	457
Сведения об авторах	463

Научное издание

ГРАММАТИКА РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

**Сборник научных статей к юбилею
профессора Виктора Юрьевича Копрова**

АНО «НАУКА-ЮНИПРЕСС»
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б, 2.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Усл. п.л. 29,5. Тираж 150 экз.
Отпечатано в типографии О.Ю. Алейникова
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б, 12